

ISSN 2221-2787 (print)
ISSN 2223-6449 (online)

ОБЩЕСТВО:

ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выпуск 11 2025

16 +

SCIENTIFIC JOURNAL

SOCIETY:

PHILOSOPHY, HISTORY, CULTURE

«ХОРС»

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ООО Издательский дом «ХОРС»

**ОБЩЕСТВО:
философия, история, культура**

Научный журнал

www.dom-hors.ru

№ 11

2025

Publishing House HORS LLC

**SOCIETY:
Philosophy, History, Culture**

Scientific Journal

www.dom-hors.ru

No. 11

2025

ОБЩЕСТВО: ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

2025, № 11
Основан в 2011 г.

Научный журнал «Общество: философия, история, культура» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Минобрнауки РФ с 2015 г. по категории К2.

Журнал «Общество: философия, история, культура» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 15.03.2011 г. Номер свидетельства ПИ № ФС77-44190.

Журнал «Общество: философия, история, культура» зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования. Лицензионный договор с ООО «НЭБ» № 62-03/2011R от 23.03.2011 г. на включение информации об опубликованных статьях в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал входит в международную базу данных Crossref.

Подписной индекс 11282 – Пресса России.

Возрастная классификация информационной продукции 16+.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Шалин Виктор Викторович, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, член-корреспондент Российской академии гуманитарных наук,

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

– по философским наукам:

Бакланов Игорь Спартакович, доктор философских наук, профессор по кафедре философии, профессор кафедры философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета,

Баксанский Олег Евгеньевич, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Физического института им. П.Н. Лебедева РАН,

Беляев Дмитрий Анатольевич, доктор философских наук, доцент (по научным специальностям «Теория и история культуры», «История философии»), профессор кафедры философии, политологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,

Бережная Наталья Викторовна, доктор философских наук, профессор, директор Международного центра когнитивных научных исследований (ICCSR), профессор кафедры философии Луганского государственного педагогического университета,

Бетильмерзаева Марет Мусламовна, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета, профессор кафедры философии Чеченского государственного университета,

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных и гуманитарных наук Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М.И. Платова,

Гараева Галина Фаизовна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,

Голенкова Зинаида Тихоновна, заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, почетный доктор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,

Гончаров Виталий Викторович, кандидат юридических наук, доцент, Исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников»,

Горохов Павел Александрович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

Грязнова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,

Гурьянов Алексей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и медиакоммуникаций Казанского государственного энергетического университета,

Думинская Марина Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-экономического образования и философии Сургутского государственного педагогического университета,

Завьялова Наталья Алексеевна, доктор культурологии, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет,

Иливицкая Лариса Геннадьевна, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации,

Ильинская Елизавета Александровна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,

Кириллов Герман Михайлович, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации» Пензенского государственного университета,

- Колесникова Галина Ивановна, доктор философских наук, профессор ВАК РФ, филолог, психолог, член-корреспондент РАЕ и РАЕН, профессор кафедры общественных наук филиал Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Джизаке, Джизак, Узбекистан,
- Коротких Вячеслав Иванович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина,
- Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в г. Шахты Ростовской области,
- Логиновский Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения НИУ Южно-Уральского государственного университета,
- Макулин Артем Владимирович, доктор философских наук, доцент, директор Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова,
- Малкина Светлана Михайловна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского,
- Манжуева Оксана Михайловна, доктор философских наук, доцент, преподаватель специальных дисциплин Бурятского республиканского многопрофильного техникума инновационных технологий,
- Мёдова Анастасия Анатольевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социальных наук Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнёва, профессор кафедры музыкально-художественного образования Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева,
- Морозов Илья Леонидович, доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
- Мусийчук Мария Владимировна, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, доцент по кафедре общей психологии, профессор кафедры психологии Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова,
- Наумова Татьяна Владимировна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры безопасности полетов и жизнедеятельности Московского государственного университета гражданской авиации,
- Огородников Александр Юрьевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
- Орлов Сергей Владимирович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,
- Пеньков Виктор Евгеньевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры информатики, естественнонаучных дисциплин и методик преподавания Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета,
- Петрова Ирина Эдуардовна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского,
- Пронькина Анна Владимировна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина,
- Прохоров Михаил Михайлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (ННГАСУ),
- Соловьева Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент, преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) филиала Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого в г. Серпухове,
- Солопов Олег Викторович, кандидат философских наук, доцент кафедры правовых дисциплин, доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого,
- Сутужко Валерий Валериевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
- Хопёрская Лариса Львовна, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, кафедра конфликтологии и национальной безопасности,
- Хоружая Светлана Владимировна, доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры истории и политологии, начальник учебно-методического управления Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
- Черникова Валентина Евгеньевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой общенаучных дисциплин, начальник отдела науки и аспирантуры Института Дружбы народов Кавказа,
- Шахматова Елена Васильевна, доктор философских наук, кандидат искусствоведения, доцент, начальник научного отдела Российского института театрального искусства – ГИТИС,
- по историческим наукам:**
- Благодар Юлиа Гариевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и психологии Кубанского государственного технологического университета,
- Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета Воронежского государственного университета,

Климова Ольга Геннадьевна, доктор исторических наук, доцент, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ,

Коршунова Надежда Владимировна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и права историко-филологического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета,

Крайнов Григорий Никандрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Академии базовой подготовки Российского университета транспорта (РУТ/МИИТ),

Личак Наталия Алексеевна, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных наук Ярославского государственного технического университета,

Матвеева Анна Геннадьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской академии наук,

Мастеница Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры,

Петрунина Жанна Валерьяновна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История и культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного университета,

Рабуш Таисия Владимировна, доктор исторических наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна,

Ратушняк Олег Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета,

Романов Валерий Васильевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета,

Салчинкина Ангелина Ростиславовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина,

Сивцева Саассылана Иннокентьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, обществознания и политологии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,

Скипина Ирина Васильевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета,

Сулейманова Рима Нугамановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, профессор, заведующий отделом новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской Академии наук,

Суханова Наталья Ивановна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Государственного университета просвещения (г. Москва),

Тропин Николай Александрович, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина,

Туфанов Евгений Васильевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории Ставропольского государственного аграрного университета,

Ульянов Олег Германович, Академик РАН и РАН, доктор исторических наук, профессор,

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации,

Федирко Оксана Петровна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук,

Фоменко Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук,

Хантакова Елизавета Николаевна, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова,

Черноухов Эдуард Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, почетный работник воспитания и просвещения РФ, профессор кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета,

Шалаева Надежда Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор Саратовского государственного университета генетики, биотехнологии и инженерии им. Н.И. Вавилова,

Шаожева Наталья Анатольевна, доктор политических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-политических исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук,

Юсупова Татьяна Ивановна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук,

– по культурологии:

Абдулаева Медина Шамильевна, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, директор ГБПОУ РД «Махачкалинское музыкальное училище»,

Беляев Дмитрий Анатольевич, доктор философских наук, доцент (по научным специальностям «Теория и история культуры», «История философии»), профессор кафедры философии, политологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,

Бетильмерзаева Марет Мусламовна, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета, профессор кафедры философии Чеченского государственного университета,

Горобец Светлана Владимировна, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор кафедры фортепиано, ученый секретарь ученого совета Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Дударева Марианна Андреевна, доктор культурологии, доктор филологических наук, заведующая кафедрой литературоведения и межкультурной коммуникации журнала «Невечерний свет», профессор кафедры общей и славянской филологии РГУ имени А.Н. Косыгина,
Завьялова Наталья Алексеевна, доктор культурологии, кандидат филологических наук, доцент, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Иливицкая Лариса Геннадьевна, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации,
Ильинская Елизавета Александровна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
Каткова Кристина Федоровна, кандидат культурологии, доцент кафедры музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры, старший научный сотрудник Музейно-выставочного центра, г. Санкт-Петербург,
Кучерук Ирина Владимировна, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой дизайна, профессор кафедры истории России Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева,
Личак Наталия Алексеевна, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных наук Ярославского государственного технического университета,
Мастеница Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Пронькина Анна Владимировна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина,
Сапанжа Ольга Сергеевна, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры искусствоведения и педагогики искусства, директор Института художественного образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена,
Терещенко Елена Юрьевна, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой искусств и дизайна Мурманского арктического университета,
Хоружая Светлана Владимировна, доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры истории и политологии, начальник учебно-методического управления Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина.

РЕДАКЦИЯ:

ДИРЕКТОР ООО ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ХОРС»:

Харсеева Виктория Леонидовна, кандидат социологических наук

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Угулава Кристина Геннадьевна

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Измайлова Анастасия Андреевна

СЕКРЕТАРИ:

Мищенко Мария Алексеевна
Петриченко Валерия Александровна

РЕДАКТОРЫ:

Середа Марина Николаевна
Ситникова Ольга Валериевна
Тюлюкова Мария Олеговна

ПЕРЕВОДЧИК:

Ханмамедова Виктория Рамизовна

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО Издательский дом «ХОРС»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

350015, г. Краснодар, ул. Янковского, д. 156
тел. +7 988 234-44-80
Электронный адрес: mail@dom-hors.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350015, г. Краснодар, ул. Янковского, д. 156
тел. +7 988 234-44-80
Электронный адрес: mail@dom-hors.ru

SOCIETY: PHILOSOPHY, HISTORY, CULTURE

2025, No. 11
Founded in 2011

Society: Philosophy, History, Culture is included in category Q2 of the List of Peer-Reviewed Scientific Publications as of December 01, 2015. According to the Decree of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 90-p as of December 28, 2018, the scientific journal is peer-reviewed in the following science-related fields: philosophical, cultural, historical sciences.

The journal "Society: Philosophy, History, Culture" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on March 15, 2011. It has Registration Certificate ПИ № ФС 77-44190.

The journal "Society: Philosophy, History, Culture" is registered in Russian Science Citation Index. It has Licensed Agreement with NEB LLC No. 62-03/2011R of March 23, 2011 on the Inclusion of the Information about Published Articles in the System of the Russian Science Citation Index.

The journal is included in the following international databases: UlrichsWeb, EBSCO, Crossref.

CHIEF EDITOR:

Viktor V. Shalin, D.Phil., PhD in Education Science, Professor, Head of the Social and Cultural Sciences Department, Kuban State Agrarian University, Corresponding Member of the Russian Academy of Humanities,

EDITORIAL BOARD:

– philosophical sciences:

Igor S. Baklanov, D.Phil., Professor of the Department of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Ethnology of the Humanitarian Institute of the North Caucasus Federal University,

Oleg E. Baksansky, D.Phil., Professor, Leading Research Fellow, P.N. Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences,

Dmitriy A. Belyaev, D.Phil., Associate Professor (Theory and History of Culture, History of Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Political Science and Theology, P.P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University,

Natalia V. Berezhnaya, D.Phil., Professor, Director of the International Centre for Cognitive Science Research (IC-CSR), Professor at the Philosophy Department of Luhansk State Pedagogical University,

Maret M. Betilmerzaeva, D.Phil., Associate Professor, Interim Head of the Department of Philosophy, Political and Social Sciences, Chechen State Pedagogical University, Professor, Philosophy Department, Chechen State University,

Konstantin V. Vodenko, D.Phil., Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (Novocherkassk Polytechnic Institute), Head of the Social Sciences and Humanities Department Garaeva Galina Faizovna, D.Phil., Professor, Deputy Director for Science, North Caucasus branch of Russian State University of Justice,

Galina F. Garaeva, D.Phil., Professor, Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation,

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, D.Phil., Professor, Honored Dr., Head of the Centre for the Studies of Social Structure and Stratification, The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,

Vitaly V. Goncharov, Ph.D. in Law, Associate Professor, Executive Director of the Association of Independent Human Rights Defenders Legal Consulting Corporation,

Pavel A. Gorokhov, D.Phil., Professor, Department of Humanities, Social and Economic Sciences, Orenburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Elena V. Gryaznova, D.Phil., Professor, K. Minin State Pedagogical University of Nizhny Novgorod K. Minin,

Alexey S. Guryanov, D.Phil., Associate Professor, Philosophy and Media Communications Department, Kazan State Energy University,

Marina V. Duminskaya, D.Phil., Professor, Department of Social and Economic Education and Philosophy, Surgut State Teacher's Training University,

Natalia A. Zavyalova, D.Phil. in Culture Studies, PhD in Philology, Associate Professor, Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University,

Larisa G. Ilivitskaya, D.Phil. in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Philosophy and Cultural Studies Department, Samara State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,

Elizaveta A. Ilyinskaya, D.Phil. in Culture Studies, Associate Professor, Professor, Department of Social and Cultural Technologies, St Petersburg Humanitarian University of Trade Unions,

German M. Kirillov, D.Phil., Associate Professor, Philosophy and Social Communication Department, Penza State University,

Galina I. Kolesnikova, D.Phil., Professor of State Commission for Academic Degrees and Titles of the Russian Federation, Philologist, Psychologist, Associate Member of the Russian Academy of Natural History and the Russian Academy of Natural Sciences, Professor at the Department of Social Sciences, Branch of Kazan (Volga Region) Federal University in Dzhizak, Dzhizak, Uzbekistan,

Viacheslav I. Korotkikh, D.Phil., Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Elets State University. I.A. Bunin State University,
Viktoriya V. Kotlyarova, D.Phil., Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Institute of Service and Business, branch of Don State Technical University in Shakhty, Rostov Region,
Sergey S. Loginovskiy, D.Phil., Associate Professor, Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, National Research University of South Ural State University,
Artem V. Makulin, D.Phil., Associate Professor, Acting Head of the Department of Philosophy and Sociology, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
Svetlana M. Malkina, D.Phil., Professor, Theoretical and Social Philosophy Department, Saratov State University,
Oksana M. Manzhueva, D.Phil., Associate Professor, Special Subjects Teacher, Innovation Technologies Multidisciplinary College of the Republic of Buryatia,
Anastasia A. Myodova, D.Phil., Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev, Professor of the Department of Music and Art Education, V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University,
Ilya L. Morozov, D.Phil. in Political Science, PhD, Associate Professor, Professor, Public Administration and Management Department, Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (RANEPA),
Maria V. Musiychuk, D.Phil., PhD in Education Science, Associate Professor, General Psychology Department, Professor, Psychology Department, Institute for the Humanities, Magnitogorsk State Technical University,
Tatiana V. Naumova, D.Phil., Associate Professor, Flight and Life Safety Department, Moscow State Technical University of Civil Aviation,
Aleksandr Yu. Ogorodnikov, D.Phil., Professor, Philosophy and Sociology Department, Kutafin Moscow State Law University,
Sergey V. Orlov, D.Phil., Professor, Professor of History and Philosophy Department, St Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Viktor E. Penkov, D. Phil., Associate Professor, Department of Informatics, Natural Sciences and Teaching Methods, Pedagogical Institute of Belgorod State National Research University,
Irina E. Petrova, D.Phil. in Social Science, Associate Professor, Head of the Department of Industrial and Applied Sociology, Faculty of Social Sciences, N.I. Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod,
Anna V. Pronkina, D.Phil., PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Professor, Cultural Studies Department, Ryazan State University, Professor, Department of Philosophy and History, Academy of the Federal Penal Correction Service of Russia,
Mikhail M. Prokhorov, D.Phil., Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering,
Lyudmila N. Solovyeva, PhD in Philosophy, Associate Professor, Lecturer of the Department of Social Sciences and Humanities of the Branch of the Peter the Great Military Academy of the Russian Strategic Missile Forces in the city of Serpukhov,
Oleg V. Solopov, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Legal Disciplines, Associate Professor of History and Archaeology Department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Valery V. Sutuzko, D.Phil., Associate Professor, Professor, Department of Social Communications, Volga Institute of Management Russian, Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Larisa L. Khopyorskaya, D.Phil. in Political Science, PhD, Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Department of Conflictology and National Security,
Svetlana V. Khoruzhaya, D.Phil., PhD in Social Science, Professor, History and Political Science Department, Head of the Educational Department, Kuban State Agrarian University,
Valentina E. Chernikova, D.Phil., Professor, Philosophy Department, North Caucasus Federal University,
Elena V. Shakhmatova, D.Phil., PhD in Art History, Associate Professor, Head of the Research Department, Russian Institute of Theater Arts,

– historical sciences:

Julia G. Blagoder, D.Phil. in History, Associate Professor, Department of History, Philosophy and Psychology, Kuban State Technological University,
Maksim V. Kirchanov, D.Phil. in History, Associate Professor, Regional Studies and Foreign Countries' Economy Department, Voronezh State University,
Olga G. Klimova, D.Phil. in History, Associate Professor, Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation,
Nadezhda V. Korshunova, D.Phil. in History, Associate Professor, Head of the Department of History and Law, Faculty of History and Philology, Southern Ural State University of Humanities and Education Science,
Grigory N. Krainov, D.Phil. in History, Professor, Professor at the History Department of the Academy of Basic Training of the Russian University of Transport,
Natalya A. Lichak, D.Phil. in Cultural Studies, PhD in History, Associate Professor, Head of the Humanities Department, Yaroslavl State Technical University,
Anna G. Matveeva, D.Phil. in History, Leading Research Fellow, Institute of General History, Russian Academy of Sciences,
Elena N. Mastenitsa, PhD in History, Associate Professor, Head of the Museology and Cultural Heritage Department, Saint Petersburg State Institute of Culture,
Zhanna V. Petrunina, D.Phil. in History, Professor, Head of the Department "History and Cultural Studies", Komsomolsk-on-Amur State University,

Taisiya V. Rabush, D.Phil. in History, Associate Professor, Department of Social Sciences, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
Oleg V. Ratushnyak, D.Phil. in History, Associate Professor, Professor, Department of General History and International Relations, Kuban State University,
Valeriy V. Romanov, D.Phil. in History, PhD in Law, Professor, Theory and History of State and Law Department, Ulyanovsk State University,
Angelina R. Salchinkina, PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of History and Political Science, Kuban State Agrarian University,
Saassylana I. Sivtseva, D.Phil. in History, Professor, History, Social Studies and Political Science Department, North-Eastern Federal University,
Irina V. Skipina, D.Phil. in History, Professor, Document Science and Records Management Department, School of Social Science and Humanities, Tyumen State University,
Rima N. Suleymanova, D.Phil. in History, Chief Research Fellow, Professor, Head of the Department of Contemporary History of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Natalia I. Sukhanova, D.Phil. in History, Associate Professor, Professor, Department of Modern History of Russia, State University of Education (Moscow),
Nikolay A. Tropin, D.Phil. in History, Associate Professor, Senior Research Fellow, Bunin Yelets State University,
Evgeny V. Tufanov, D.Phil. in History, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and History, Stavropol State Agrarian University,
Oleg G. Ulyanov, Academician of the Russian Academy of Fine Arts and the Russian Academy of Natural Sciences, D.Phil. in History, Professor,
Ivan V. Uporov, D.Phil. in History, PhD in Law, Professor, Constitutional and Administrative Law Department, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Oksana P. Fedirko, D.Phil. in History, Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladimir A. Fomenko, PhD in History, Associate Professor, Senior Research Fellow, Ancient History and Archeology Sector, Institute for the Humanities Research, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Elizaveta N. Khantakova, D.Phil. in History, Associate Professor, Associate Professor of General and Domestic History, D. Banzarov Buryat State University,
Eduard A. Chernoukhov, D.Phil. in History, Associate Professor, Honorary Worker of Education and Upbringing of the Russian Federation, Professor of the Department of Russian History, Ural State Pedagogical University,
Nadezhda V. Shalaeva, D.Phil. in History, Associate Professor at Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N.I. Vavilov. N.I. Vavilov,
Natalia A. Shaozheva, D.Phil. in Political Sciences, PhD in History, Leading Research Fellow, Centre for Socio-Political Research, Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Tatiana I. Yusupova, D.Phil. in History, Leading Research Fellow, St. Petersburg branch of Institute of the History of Natural Science and Technology, Russian Academy of Sciences,

– cultural sciences:

Medina Sh. Abdulaeva, D.Phil. in Cultural Studies, PhD in History, Associate Professor, Music Theory and History Department, Head of the Institution of Culture and Arts, Dagestan State Pedagogical University,
Dmitriy A. Belyaev, D.Phil., Associate Professor (Theory and History of Culture, History of Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Political Science and Theology, P.P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University,
Maret M. Betilmerzaeva, D.Phil., Associate Professor, Interim Head of the Department of Philosophy, Political and Social Sciences, Chechen State Pedagogical University, Professor, Philosophy Department, Chechen State University,
Svetlana V. Gorobets, D.Phil. in Cultural Studies, PhD in Education Science, Associate Professor, Piano Department, Saint Petersburg State Institute of Culture,
Marianna A. Dudareva, D.Phil. in Culture Studies, D.Phil. in Philosophy, Head of the Department of Literary Studies and Intercultural Communication of the "Nevechernyi Svet" magazine, Professor at the Department of General and Slavic Philology, Kosygin Russian State University,
Natalia A. Zavyalova, D.Phil. in Culture Studies, PhD in Philology, Associate Professor, the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Larisa G. Ilivitskaya, D.Phil. in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Philosophy and Cultural Studies Department, Samara State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,
Elizaveta A. Ilyinskaya, D.Phil. in Culture Studies, Associate Professor, Professor, Department of Social and Cultural Technologies, St Petersburg Humanitarian University of Trade Unions,
Kristina F. Katkova, PhD in Cultural Science, Senior Lecturer, Museology and Cultural Heritage Department, St. Petersburg State Institute of Culture, Senior Research Fellow, Museum and Exhibition Center, St. Petersburg,
Irina V. Kucheruk, D.Phil. in Culture Studies, PhD in Pedagogy, Head of the Design Department, Professor of the Department of Russian History at Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev,
Natalya A. Lichak, D.Phil. in Cultural Studies, PhD in History, Associate Professor, Head of the Humanities Department, Yaroslavl State Technical University,
Elena N. Mastenitsa, PhD in History, Associate Professor, Head of the Museology and Cultural Heritage Department, Saint Petersburg State Institute of Culture,

Anna V. Pronkina, D.Phil., PhD in Cultural Studies, Professor, Cultural Studies Department, Ryazan State University,
Olga S. Sapanzha, D.Phil. in Cultural Studies, Professor, Department of Art Studies and Pedagogics of Art, Acting
Director of the Institute of Art Education, Herzen State Pedagogical University of Russia,
Elena Yu. Tereshchenko, D.Phil. in Cultural Studies, Associate Professor, Head of the Arts and Design Department,
Murmansk Arctic University,
Svetlana V. Khoruzhaya, D.Phil., PhD in Social Science, Professor, History and Political Science Department, Head
of the Educational Department, Kuban State Agrarian University.

EDITORIAL STAFF:

DIRECTOR OF PUBLISHING HOUSE HORS LLC:

Viktoria L. Kharseeva, PhD in Social Science

MANAGING EDITOR:

Kristina G. Ugulava

EXECUTIVE EDITOR:

Anastasiia A. Izmailova

EDITORIAL SECRETARIES:

Mariya A. Mishchenko

Valeriia A. Petrichenko

EDITORS:

Marina N. Sereda

Olga V. Sitnikova

Maria O. Tyulyukova

TRANSLATOR:

Victoria R. Khanmamedova

FOUNDER:

Publishing House HORS LLC

PUBLISHER'S ADDRESS:

350015, Krasnodar, 156 Yankovskogo st.

tel. +7 988 234-44-80

Electronic address: mail@dom-hors.ru

EDITORIAL BOARD'S ADDRESS:

350015, Krasnodar, 156 Yankovskogo st.

tel. +7 988 234-44-80

Electronic address: mail@dom-hors.ru

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENT

ФИЛОСОФИЯ.....	PHILOSOPHY
Арсенян А. З., Деметрадзе М.Р., Аскароев Б.Р.	Arsenyan, A.Z., Demetradze, M.R., Askarov, B.R.
Концептуальная основа естественной кибернетики 14	Conceptual Basis of Natural Cybernetics
Бохан К.А., Шалин В.В., Самыгин С.И.	Bokhan, K.A., Shalin, V.V., Samygin, S.I.
Трудовая и профессиональная деятельность в работах философов 22	Labor and Professional Activity in the Works of Philosophers
Горохов П.А., Южанинова Е.Р.	Gorokhov, P.A., Yuzhaninova, E.R.
Патриотизм в мировоззрении М.Ю. Лермонтова: опыт историко-философской реконструкции 29	Patriotism in M.Yu. Lermontov's Worldview: An Attempt at Historical and Philosophical Reconstruction
Грибков А. А., Зеленский А.А.	Gribkov, A.A., Zelenskiy, A.A.
Управление сложными системами: ключевые характеристики и онтологическое ограничение сложности объекта управления 37	Complex Systems Management: Key Characteristics and Ontological Limitations of Control Object Complexity
Думинская М.В., Аминов С.Р.	Duminskaya, M.V., Aminov, S.R.
Онтологические основания социокультурной идентичности: от антиномии к синтетической модели 47	Ontological Foundations of Socio-Cultural Identity: From Antinomy to a Synthetic Model
Панюков А.И.	Panyukov, A.I.
«Наш лунный друг»: Александр Блок и философская блокиана. К 145-летию со дня рождения А.А. Блока 55	“Our Moon Friend”: Alexander Blok and Philosophical Blokiana. On the 145 th Anniversary of A.A. Blok's Birth
Федорин С.Э., Пую Ю.В., Романенко Ю.М.	Fedorin, S.E., Puyu, Yu.V., Romanenko, Yu.M.
Кризис самопонимания общества в ситуации современного развития 74	The Crisis of Self-Understanding of Society in the Situation of Modern Development
Зубкевич Л.А.	Zubkevich, L.A.
Поиски нового мировоззрения в учениях основателей психоанализа 84	The Search for a New Worldview in the Teachings of the Founders of Psychoanalysis
Мельникова Н.Е.	Melnikova, N.E.
Антропология науки в контексте международных показателей: гендерный аспект 89	Anthropology of Science in the Context of International Indicators: Gender Aspect
Мусс А.И., Сладкоштиева А.В., Карпычева К.А., Ловцов Р.В., Маничева А.Д., Чуканов А.В.	Muss, A.I., Sladkoshtieva, A.V., Karpycheva, K.A., Lovtsov, R.V., Manicheva, A.D., Chukanov, A.V.
Сравнение актуальных теорий сознания: назад к Трудной проблеме 94	The Comparison of the Actual Theories of Consciousness: Back to the Hard Problem
Назаренко К.С.	Nazarenko, K.S.
Идеология трансгуманизма эпохи четвертой промышленной революции: социально-философский анализ 105	The Ideology of Transhumanism in the Era of the Fourth Industrial Revolution: A Socio-Philosophical Analysis
Хвастунова Ю.В.	Khvastunova, Yu.V.
Парапсихологические аллюзии в романе Д. Бродерика «Игроки Господа» 110	Parapsychological Allusions in Damien Broderick's Novel “Godplayers”
Вольферц М.В.	Volferts, M.V.
Коммуникация врача и пациента в цифровую эпоху: к постановке проблемы 116	Doctor – Patient Communication in the Digital Age: A Problem Statement

Кисенко Н.П. Соотношение рациональных и иррациональных элементов правовой культуры как фактор ее уникальности: философский анализ.....	121	Kisenko, N.P. Correlation of Rational and Irrational Elements in Legal Culture as a Factor of Its Uniqueness: Philosophical Analysis
Беляков М.А. Возможен ли теоретический анализ категории «идеальное» без противопоставления с материальным?	127	Belyakov, M.A. Is it Possible to Theoretically Analyze the Category of "Ideal" without Contrasting it with the Material?
Ван Мэн Становление международного образования в Китае как реализация национальных интересов	138	Wang Meng The Formation of International Education in China as the Realization of National Interests
Киреев К.А. Репрезентация отечественных праздничных традиций в кинематографе	145	Kireev, K.A. Representation of Russian Holiday Traditions in Cinema
Мкоян А.Т. Роль языка в формировании национальной и этнической идентичности: анализ на примере Италии и Испании	151	Mkoyan, A.T. The Role of Language in the Formation of National and Ethnic Identity: Analysis on the Example of Italy and Spain
Чжоу Чжэньхуа Социальное воспроизводство мегаспортивного мероприятия в рамках Национальной стратегической программы Китая	156	Zhou Zhenhua Social Reproduction of Mega Event under China's National Strategic Framework
Малкина А.В. Мистика бахаи и Л.Н. Толстой в свете новых архивных материалов: pro et contra	162	Malkina, A.V. Mystics of the Baha'i and L.N. Tolstoy in the Light of the New Archival Materials: Pro Et Contra
ИСТОРИЯ		HISTORY
Душкова Н.А. Влияние кораблестроения в Воронежском крае в петровскую эпоху на экономический подъем и повышение административного статуса региона	169	Dushkova, N.A. The Influence of Shipbuilding in the Voronezh Region in the Peter the Great Era on the Economic Recovery and Improvement of the Administrative Status of the Region
Петрунина Ж.В., Иванов Д.Д. Роль экономического фактора в национальной политике КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе	178	Petrunina, Zh.V., Ivanov, D.D. The Role of the Economic Factor in China's National Policy in the Xin-jiang Uygur Autonomous Region
Семенов А.А. Внешнеполитические ориентации восточноевропейских стран накануне и в годы Второй мировой войны как фактор их русофобии	186	Semenov, A.A. The Foreign Policy Orientations of Eastern European Countries Prior to and During the Second World War as a Factor of Their Russophobia
Труженикова Л.А. Социокультурное развитие Республики Дагестан в первом десятилетии XXI века (на примере деятельности театров и библиотек)	192	Truzhenikova, L.A. Socio-Cultural Development of the Republic of Dagestan in the First Decade of the 21 st Century (Using the Example of Theatres and Libraries)
Тяпин И.Н. Заблуждения и фальсификации в исследовании роли финно-угорских компонентов в истории России и этногенезе русского народа (эпоха Средних веков и начало Нового времени)	198	Tyapin, I.N. Misconceptions and Falsifications in the Study of the Role of Finno-Ugric Components in the History of Russia and the Ethnogenesis of the Russian People (The Middle Ages and the Early Modern Period)

Черноухов Э.А. Врачи Александровской губернской земской больницы Перми в 1870–1914 гг.: опыт просопографического анализа	207	Chernoukhov, E.A. Doctors of the Aleksandrovskaya Provincial Zemstvo Hospital in Perm in 1870–1914: An Experiment in Prosopographical Analysis	207
Никитина И.В. Амурская область в движении сторонников мира: исторический опыт участия амурчан в подписной кампании под обращением Всемирного совета мира о заключении пакта мира между пятью великими державами (1951 г.)	213	Nikitina, I.V. Amur Region in the Peace Movement: The Historical Experience of Amur Residents' Participation in the Signature Campaign Supporting the Appeal of the World Peace Council for the Conclusion of a Peace Pact between the Five Great Powers (1951)	213
Плахотник Т.Ю. Феномен президентских династий в США	221	Plakhotnik, T.Yu. The Phenomenon of Presidential Dynasties in the United States	221
Пешков Д.А. Дискуссии о судьбе БАМа в 1990-е гг. (по материалам местных газет)	227	Peshkov, D.A. Discussions about the Fate of BAM in the 1990s (Based on Materials from Local Newspapers)	227
Будаева А.Э. Роман Д. Батожабая «Горные орлы» как дополнительный источник исследования биографии П.П. Данчинова	235	Budaeva, A.E. Novel by D. Batzhabay "Mountain Eagles" as an Additional Source of Research on the Biography of P.P. Danchinov	235
Ли Сяоминь Механизмы взаимодействия аналитических центров КНР и Центральной Азии в контексте исторической динамики двусторонних отношений	243	Li Xiaomin Mechanisms of Interaction between Analytical Centers of the PRC and Central Asia in the Context of the Historical Dynamics of Bilateral Relations	243
КУЛЬТУРА		CULTURE	
Фэн Шуан, Михайлов А.А., Алексеева М.Ю. Онтология и динамика каллиграфической традиции	249	Feng Shuang, Mikhailov, A.A., Alekseeva, M.Yu. Ontology and Dynamics of Calligraphic Tradition	249
Емельянова О.Б., Маслова Е.С., Воронина А.П. Концепт идентичности: основные дисциплинарные подходы	257	Emelyanova, O.B., Maslova, E.S., Voronina, A.P. The Concept of Identity: Key Disciplinary Approaches	257
Каменная Е.О. Становление и развитие системы образования в России: личностные ценности современных студентов	268	Kamennaya, E.O. Formation and Development of the Education System in Russia: Personal Values of Modern Students	268
Лукьянец А.С., Летуновский А.А. Трансформация культурных институтов Москвы в контексте модернизации городской среды (2000–2025 гг.)	277	Lukyanets, A.S., Letunovsky, A.A. The Transformation of Moscow's Cultural Institutions in the Context of Urban Modernization (2000–2025)	277
Ильясова З.К. Фестиваль народного творчества как инструмент сохранения национальных традиций (на примере Международного фестиваля «Горцы»)	284	Ilyasova, Z.K. Folk Art Festivals as a Tool for Preserving National Traditions (Based on the International Festival "Mountaineers")	284
Столярова В.К. Трансформация массового туризма: от стандартизации к персонализации опыта	290	Stolyarova, V.K. Transforming Mass Tourism: From Standardization to Personalization	290
Вэй Тяньци Феномен русской религиозной музыки в исследованиях культурологов	297	Wei Tianqi The Phenomenon of Russian Religious Music in the Research of Cultural Scientists	297

Научная статья

УДК 007

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.1>

Концептуальная основа естественной кибернетики

Арташес Завернович Арсенян¹, Марине Резоевна Деметрадзе²,
Булат Рустамович Аскарров³

^{1,2}Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

^{2,3}Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва, Россия

¹arsenyan.az@mail.ru

²Demetradze1959@mail.ru

³askarovroman181@gmail.com

Аннотация. Концептуальная основа естественной кибернетики представляет собой междисциплинарный подход, способствующий выявлению самоорганизующихся систем, наблюдаемых в природе. В работе освещаются различные теории из физики, квантовой гравитации, теории хаоса, биологии, эволюционизма и социологии с целью выявления общих принципов управления естественной кибернетикой. Эти теории выбраны специально, чтобы показать особенности законов Вселенной, суть естественной кибернетики и феномен человеческого фактора в рамках одной науки. Основной задачей является не установление точности законов Вселенной, а обозначение отсутствия во всех существующих теориях моделей естественной кибернетики, детерминирующей первенство человеческого фактора в социокультурном пространстве. Необходимость создания новой концепции на междисциплинарной основе объясняется тем, что модернизационные процессы современности в основном связаны с искусственной кибернетикой, поддерживающей конкурентоспособность мировой экономической системы. Проводимые опыты, загрязняющие окружающую среду, противоречат законам природы. Сохранение невозобновляемой жизненной энергии планеты Земля и безопасность жизни современного мира требуют особого подхода к естественной кибернетике с позиций первенства человеческого фактора в социокультурном пространстве.

Ключевые слова: естественная кибернетика, квантовая гравитация, теории хаоса, нейромедиаторы, нейросети, ДНК, эфир, темная энергия, новый креационизм, эволюционизм

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Арсенян А.З., Деметрадзе М.Р., Аскарров Б.Р. Концептуальная основа естественной кибернетики // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 14–21.
<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.1>

Original article

Conceptual Basis of Natural Cybernetics

Artahes Z. Arsenyan¹, Marina R. Demetradze², Bulat R. Askarov³

^{1,2}Moscow Regional Branch of RANEP, Moscow, Russia

^{2,3}V.V. Zhirinsky University of World Civilizations, Moscow, Russia

¹arsenyan.az@mail.ru

²Demetradze1959@mail.ru

³askarovroman181@gmail.com

Abstract. The conceptual basis of natural cybernetics is an interdisciplinary approach that helps to identify self-organizing systems observed in nature. The work covers various theories from physics, quantum gravity, chaos theory, biology, evolutionism and sociology in order to identify general principles of managing natural cybernetics. These theories are specifically selected to show the features of the laws of the Universe, the essence of natural cybernetics and the phenomenon of the human factor within the framework of one science. The main task is not to establish the accuracy of the laws of the Universe, but to emphasize the absence in all existing theories of models of natural cybernetics that determine the primacy of the human factor in the socio-cultural space. The need to create a new concept on an interdisciplinary basis is explained by the fact that the modernization processes of our time are mainly associated with artificial cybernetics, which supports the competitiveness of the world economic system. The experiments conducted, polluting the environment, contradict the laws of nature. Preservation of the non-renewable vital energy of planet Earth and the safety of life in the modern world require a special approach to natural cybernetics from the standpoint of the primacy of the human factor in the socio-cultural space.

Keywords: natural cybernetics, quantum gravity, chaos theories, neurotransmitters, neural networks, DNA, ether, dark energy, new creationism, evolutionism

Funding: Independent work.

For citation: Arsenyan, A.Z., Demetradze, M.R. & Askarov, B.R. (2025) Conceptual Basis of Natural Cybernetics. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 14–21. Available from: doi:10.24158/fik.2025.11.1 (In Russian).

Введение. В условиях современного информационно-технологического прогресса и социокультурных перемен понимание самоорганизации и управления сложными системами имеет фундаментальное значение.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью выработки нового подхода к естественной кибернетике, корректировки различных теорий, которые не позволяют разъяснить фундаментальное значение естественности, саморегуляции и самоуправления.

Новизна работы заключается в выявлении общих принципов естественной кибернетики – взаимозависимости саморегуляции и самоуправления, информации и контроля, а также обратной связи, обеспечивающих устойчивость всех объектов природы.

Цель работы – связать объяснение всех процессов с первенством человеческого фактора как фундаментальным звеном естественной кибернетики.

Методология исследования основана на теориях различных областей науки. Применяется сравнительный анализ и сопоставление концепций из физики, биологии, социологии и других наук для выявления закономерностей процессов самоорганизации и управления.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения полученных данных для разработки новых подходов к управлению сложными системами, включая социальные, экономические, политические и экологические.

Теоретическая значимость данной статьи видится нам в создании концептуальной основы для дальнейших исследований в области естественной кибернетики. Представленные материалы могут быть востребованы для разработки новых теорий и методов, направленных на понимание роли человеческого фактора в формировании социокультурного пространства и управлении процессами во Вселенной.

Методологические принципы кибернетики. Концептуальная основа естественной кибернетики исходит из принципа управления ядром Вселенной, задающим закономерности процессов свойствами самоорганизации, саморегулирования и самоуправления.

В отличие от искусственной, созданной человеком, естественная кибернетика включает время, пространство и астрономические объекты: звездные системы, галактики и Землю. Она имеет универсальную модель управления, упорядочивающую распределение физических законов и энергии, корректирующую структуру взаимосвязи между объектами и поддерживающую стабильность в соответствии с заданными целями.

И все же откуда берет начало естественность управления ядра Вселенной? Разумеется, прямых научных доказательств наличия самого ядра нет, и не может быть, но существуют гипотезы опосредованных доказательств косвенных признаков его функционирования. И дело не только в религии, так как ученые, которые избегают религиозности, все же вынуждены приписывать универсальные функции определенным физическим законам. Но в любом случае, будь то религия или научные концепты, неоспоримым остается необходимость наличия управленческих факторов, которые не могут возникнуть спонтанно. Поэтому дилемма между религией и фундаментальными законами физики существует, так как универсум Бога пересекается с научным подходом к организованности пространства.

Например, А. Эйнштейн видел Бога в законах природы, в точности Вселенной: «Несмотря на то, что сферы религии и науки сами по себе четко различимы друг от друга, между ними существует взаимосвязь. В моем понимании, между ними не может быть конфликта. Хотя они и отличаются друг от друга, но иногда все же переплетаются в этом мире»¹. Знаменитая фраза А. Эйнштейна «Бог не играет в кости»² означает лишь то, что мы пока видим только контуры невидимого. Научные методы, ориентированные на измерения и экспериментальную проверку, пока не способны проникнуть в область высшей реальности. Мы не знаем, что такое темная материя и темная энергия, составляющие большую часть массы – энергии Вселенной. Поэтому необходим иной подход, чтобы приблизиться к пониманию закономерностей управленческого ядра Вселенной. Произнося эту фразу, А. Эйнштейн выражал свое несогласие с вероятностной интерпретацией квантовой механики, которая до сих пор не соответствует общей теории относительности. Необъяснимость многих факторов Вселенной мотивировала ученого к поиску единой теории поля, которая объединила бы все известные силы природы в рамках одной системы.

¹ Боярский В. Что Эйнштейн думал о Вселенной, Боге, науке и религии // Северный маяк. 2018. 10 сентября.

² Переписка А. Эйнштейна и М. Борна // Эйнштейновский сборник 1972. М., 1974. С. 7.

Однако изложенное вовсе не означает, что только А. Эйнштейн обращался к вопросам научного объяснения законов Вселенной. Первым ученым, который противопоставил научный подход теологическим концепциям, был Р. Декарт (1596–1650), выдвинувший гипотезу о постепенном формировании мира. Разумеется, он не был против Бога, но стал первым, кто отметил движение частиц вокруг общего центра и их переход из хаотического состояния в упорядоченность (Декарт, 1989). Затем последовали разработки И. Канта (1963) и П.С. Лапласа (1982), получившие название небулярной гипотезы Канта – Лапласа (от лат. *nebula* – облако, туман). В ней естественность связывалась с Солнечной системой, а не с ядром Вселенной.

Оригинальным способом объяснения законов природы в конце XIX в. стало выявление эфира, волнового свойства света (волновая оптика) Х. Гюйгенсом, О.Ж. Френелем и Г. Герцем. Это универсальная среда, в которой микрочастицы электромагнитных волн могут «плыть», как звуковые сигналы, заполняя пространство. Представитель данного направления, Н. Тесла, утверждал, что эфир представлял план «разумного ядра Вселенной», которым можно управлять в социальных целях. Разработанные ученым проекты предполагали создание техники передачи энергии на большие расстояния, сейсмическое оружие, которое сделало бы недопустимой любую войну. Лечение электричеством, летательные сверхскоростные машины, самолеты вертикального взлета и приземления, беспроводные торпеды, управление молниями, электрические автомобили, электродвигательные системы (турбины) – все, что способствовало гармоничному развитию всех людей в любой точке мира. Однако по определенным причинам концепции эфира Н. Теслы¹ были отодвинуты, тогда как теория относительности заняла господствующее положение. И все же непревзойденность Н. Теслы остается бесспорным фактом, поскольку XX столетие – это время внедрения первых гидроэлектростанций переменного тока, дистанционного радиоуправления, всемирной беспроводной системы и радиосвязи, разработанных Н. Теслой (Nikola Tesla on His Work with Alternating Currents and Their Application to wireless Telegraphy, Telephony, and Transmission of Power ..., 2002).

Эволюционный подход к кибернетике. Установление состояния динамического равновесия природы, общества и человека, адаптация сложившейся системы к условиям существования стали объектом исследования теории эволюционизма. Ее представители – Г. Спенсер, А. Бергсон, А. Уайтхед, П. Тейяр де Шарден, В.И. Вернадский, Лима де Фариа, Э. Янч и др. – рассматривали Вселенную как систему, подчиняющуюся законам всеобщего эволюционного процесса, естественного отбора, перехода от простого к сложному, принципа равновесия. А. Бергсон был первым, выделившим значимость интеллектуального потенциала человека. Концепции Р. Декарта «я мыслю, следовательно, существую» А. Бергсон придавал фундаментальное значение. Развитие человеческого сознания и его творческих усилий он считал источником всех перемен в природе и в окружающем пространстве, из которого оно исходит, соприкасаясь с творческим усилием. Создав концепцию творческой эволюции, А. Бергсон отмечал, что глаза позвоночных и моллюсков не могли возникнуть на основе приспособления к сходным условиям; их могла сформировать только творческая эволюция путем единого порыва. Человеческое сознание, являющееся копией сверхсознания и наделенное способностью творчества и свободы, выступает в двух альтернативных формах – интуиции и интеллекта. Интуиция, будучи преобразованной формой животного инстинкта, движется по ходу самой жизни, интеллект же идет в обратном направлении, а потому вполне естественно следует движению материи (Бергсон, 1998).

Попытку совместить теологию с наукой, традиционную религию с инновационными научными исследованиями в XX в. осуществил создатель теологического эволюционизма П. Тейяр де Шарден. Член Ордена иезуитов с 1899 г., католический священник с 1911 г., палеонтолог, археолог, антрополог и философ-гуманист, он ставил задачу представить эволюционизм как творение Бога, переступив догматы томизма Ф. Аквинского о творении мира за шесть дней с целью приведения креационизма в соответствие с научным знанием. Создание Вселенной и человека П. Тейяр де Шарден представил как длительный исторический процесс, космогенез как христорогенез, эволюционизм – слияние человека с божественной средой, феномен человека – воплощение в образе Христа, историю природы, исходя из истории человека как проявления высшего уровня эволюции. Придав интеллектуальным способностям людей фундаментальное значение как проявлению вмешательства высших сил, П. Тейяр де Шарден создал эволюционистскую почву для диалога между Богом и верующими, возникновения нового креационизма и соединения веры с наукой (Тейяр де Шарден, 2001).

Появились и иные эволюционистские подходы физиков и химиков – В. Нернста, Г. Гамова, В. Тильдена и У. Крукса, которые исследовали процессы образования элементов во Вселенной,

¹ Изучением эфира занимались многие выдающиеся ученые вплоть до начала XX в. Среди них – Д.И. Менделеев, Х. Лоренц, Дж.К. Максвелл и др. Первым о теории эфира заговорил Р. Декарт. Однако Н. Тесла не просто верил в его существование, но и проводил практические опыты.

химические реакции, приводящие к образованию новых веществ, и структуру материи на атомном и молекулярном уровнях. В этих подходах суть эволюционизма сводилась к выявлению факторов возникновения из простых элементов сложных органических соединений, формирующих основу условий жизни на Земле. Кроме того, геологи и биологи (В.И. Вернадский, А.Е. Ферсман, А.В. Кольцов и др.) изучали эволюцию материи на макроскопическом уровне, в результате чего В.И. Вернадский разработал концепцию целостной системы биосферы, в которой живые организмы и неживая природа находятся в тесном взаимодействии (Вернадский, 1988). А.Е. Ферсман обследовал геохимические процессы и состав земной коры (1952), а Н.К. Кольцов – структуры клетки и генетические механизмы наследственности (Кольцов, 2006). Можно полагать, что в какой-то степени именно В.И. Вернадский наряду с А. Бергсоном приблизил свою концепцию к управленческому ядру Вселенной, к первенству человеческого фактора и движущей силе его способностей как представителя Вселенной на Земле. «В биосфере существует великая геологическая, быть может, космическая сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе... Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного» (Вернадский, 1988).

Упомянутые исследования имели непосредственное отношение к естественной кибернетике, несмотря на то что такой термин исследователями не использовался. Эти гипотезы, несмотря на их разнообразность, построены по единому принципу понимания плана, лежащего в основе естественной природы и управленческой функции Вселенной. Исследователи, изучавшие физические законы, эволюционизм, минералогию, биосферу и эфир, фактически занимались анализом контуров обратной связи, обеспечивающих стабильность экосистемы. Они могли и не называть это кибернетикой, но их работа напрямую касалась вопросов саморегуляции и равновесия в природных системах.

Физика и кибернетика. И все же кибернетика – это особое направление, основанное на роли связи, информации и организованности систем, для объяснения которой указанных теорий недостаточно. Теорема К. Геделя о неполноте показывает, что любая мощная система имеет свои ограничения, в том числе универсализм Бога, поскольку его нельзя доказать математическими формулами. Однако ее можно интерпретировать как метафизическую аналогию или аргумент в пользу существования чего-то, что выходит за рамки человеческой познавательной системы (Нагель, Ньюмен, 1970).

Естественная кибернетика Вселенной – это направление, которое рассматривает принципы, управляющие развитием и функционированием Вселенной как сложной самоорганизующейся системы. Она имеет разные подходы и методы исследования: квантовая гравитация – выявление того, как сила гравитации действует на частицы Вселенной; теории хаоса – демонстрируют самоорганизацию сложных систем и возникновение новых; петлевая квантовая теория гравитации (Loop Quantum Gravity, LQG), которую создали в 1980-е гг. Л. Смолин, А. Аштекар и Т. Джекобсон, – это попытка построить квантовую теорию пространства-времени, объединив принципы квантовой механики и общей теории относительности А. Эйнштейна. Кибернетические методы в природе и человеческом обществе исследовал и Г. Бейтсон, расширив их применимость в организации и управлении информацией (Бейтсон, 2010).

Биокибернетики закономерностей управления, хранения, переработки и передачи информации. Оригинальной представляется концепция энергоинформационного единства мира, или эволюционного генома мира как базового генома космоса, разработанная на стыке биологии, космологии и философии. Функция генома означает кодирование системы, определяющей развитие всех объектов биосферы, Земли и космоса. В какой-то степени она пересекается с синтетической эволюцией, так как Б.А. Астафьев, автор концепции, представляет геном мира как информационный феномен, несущий совокупность генетической информации аттракторов (любви, заботы, создающей составляющей системы личности) в соответствии с законами творца (Астафьев, 2010).

В отличие от эволюционного генома мира, американский исследователь Р. Сапольски в работе «Кто мы такие? Гены, наше тело, общество» утверждает, что в формировании личности внешние факторы имеют большую значимость, чем генетическая наследственность (Сапольски, 2018). С точки зрения естественной кибернетики и программирования человека управленческим ядром Вселенной интересной является научная позиция Р. Сапольски: лишь 5 % ДНК несет наследственную информацию, тогда как 95 % наших генов примерно из 200 тыс. белков отражают результаты воздействия окружающей среды. При этом одни и те же белки управляются различными генами и могут по-разному реагировать на изменения внешней среды, то есть эволюция ДНК связана именно с регуляцией генов, а не с их изменением.

Создавая уникальную модель нейробиологических свойств мозга, Р. Сапольски практически расшифровывает карту П. Бродмана, демонстрируя программирование человека и информационный феномен человеческого фактора. И хотя он не проводит параллели между электромагнитным полем Земли и мозгом человека, не выявляет внешние факторы сквозь призму ударных волн Солнца, тем не менее получение людьми информации от внешнего мира для него остается

бесспорным фактом. При этом необходимо провести весьма существенное различие в значимости биологического и социокультурного подхода. Нейробиологические исследования связаны с процессами непрерывного получения информации от той среды, в которой живет человек и от содержания которой зависят положительные и отрицательные реакции нейронов мозга. В отличие от этого информационные сигналы ядра Вселенной устанавливают содержательный контекст универсализма человеческого фактора, единства антропосоциокультурных факторов.

Другая книга Р. Сапольски «Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки» имеет особое значение и выходит за рамки биологии, медицины и психологии (Сапольски, 2019). Автор раскрывает суть категории добра и зла не в философском контексте, а в социализирующем, притягательной силой которого является полезность информации для всех – как для специалистов данной области, так и для простых граждан. Категории добра и зла как конструкты поведения человека определяют векторы его деятельности. Сбалансированная атмосфера, рационально-конструктивная согласованная среда способствуют выработке гормонов счастья (дофамина), а негативные реакции трансформируют положительные нейроны в пессимистичные. Зависимость состояния здоровья человека от его поступков и отношения к себе и другим, отражающая структуру гормонов и нейронных сетей, является зеркалом человека, репрезентирующим его естество во внешней среде.

Теоретическое значение книги, ее практическое применение заслуживают особого внимания. В разделе «Расхождение между разумом и эмоциями» нейробиологические исследования Р. Сапольски определяют соматические маркеры разных отделов мозга: дофаминовая система нейронов – это система наград, стимулов эстетического удовольствия; ангедония – утрата удовольствия, серотониновый синдром связан со склонностью к агрессии, враждебностью и пр. Женская агрессия и стресс, а также их последствия – это особая тема работы Р. Сапольски, обуславливающая неосмотрительные реакции мозга. Автор выделяет просоциальность и антисоциальность стресса, его позитивные и деструктивные стороны. Отсутствие стресса рождает скуку, а слабый, проходящий стресс положителен, так как в ответ на него активируются различные функции мозга и выделение дофамина. При этом если стресс становится продолжительным, все положительные эффекты исчезают: снижается, в частности, кратковременная память, нарушается интеллектуальная деятельность, самоконтроль, регуляция эмоций, процесс принятия решений, способность к эмпатии и общению (Сапольски, 2019).

Не менее важными являются и словесные стимулы, поскольку, по мнению Р. Сапольски, слово обладает силой, которая спасает, лечит, поднимает настроение, подавляет и убивает. Управление ситуацией с помощью словесных знаков меняет поведение на социальное или анти-социальное. Кроме того, автор фиксирует нейрогормон окситоцин, способствующий усилению чувств материнства у женщин и отцовства у мужчин. Нарушение гормонального баланса повышает риск формирования расстройств, связанных с неполноценной социализацией (расстройства аутистического спектра, называемые темной стороной окситоцина и вазопрессина).

Особого внимания требует также тема нейрогенеза и пластичности мозга. Р. Сапольски приводит уникальный пример открытия, сделанного исследователями И.Дж. Альтманом и Г. Дасом. В 1965 г. они выявили факты 3-процентного роста нейронов в гиппокампе и несколько меньше – в лобной коре, происходящие в течение всей жизни человека. Ранее считалось, что после 30 лет никакой нейрогенез произойти не может. Однако эта инновационная находка, заложившая основы новой эпохи антропогенеза, радикально изменила устоявшиеся стереотипы и открыла возможности фундаментального изучения возможностей мозга. При этом следует учесть, что свойства пластичности мозга могут реализоваться в пожилом возрасте в том случае, если человек постоянно совершенствует свои умения, сохраняет и развивает когнитивные способности. Беспрерывный процесс активной социализации способствует выделению эстрогена, который в соединении нейронов выполняет ключевую функцию в аккумуляции новой информации, ее агрегации и закреплении в умственной диаграмме, расширяя контуры и спектр карты памяти (Сапольски, 2019).

Книги «Измени свой мозг – изменится и тело!» (Амен, 2024) и «Укрощение амигдалы и другие инструменты тренировки мозга» (Арден, 2016) форсировали новую нейробиологию. Полное задействование нейропластичности мозга говорит о том, что генетическая программа развития уступила потенциалу способностей человека. Это значит: антропогенез эволюционировал в социокультурном направлении, и человеческий фактор не может зависеть только от влияния генов, поскольку социокультурная среда диктует правила реализации человеком своих способностей, актуализация которых возможна при его активной деятельности (Перминова, Цинзерлинг, 2018; Altman, 1963).

Общая характеристика основных подходов кибернетики. Многогранность теоретических подходов к законам Вселенной является очевидным фактом. Теории Р. Декарта о движении частиц вокруг определенного центра, идеи А. Эйнштейна о создании единого поля, Э. Канта – о расширении Вселенной, П. Лапласа – об образовании Солнечной системы из постоянно вращающегося газового облака, концепция эфира как вещества или поля, заполняющего пространство

и служащего для передачи и распространения электромагнитных (возможно, и гравитационных) взаимодействий, подтверждают гипотезу естественной кибернетики.

По поводу темы управления ядром Вселенной Н. Тесла отмечал: «Мой мозг – это только приемник. Во Вселенной есть некое ядро, из которого мы получаем знания, силу и вдохновение. Я не постиг тайн этого ядра, но совершенно точно знаю, что оно существует»¹. И сегодня все больше ученых заявляет о существовании единого информационного поля, из которого мы получаем данные, но при этом общей концептуальной теории пока еще нет. Поэтому исследования в данном направлении являются необходимыми.

Проблематика темы взаимодействия человека и Вселенной более четко выделяется в теориях всеобщего эволюционизма. В частности, значимость интеллектуального потенциала человека рассматривается в концепции А. Бергсона. Новый креационизм П. Тейяра де Шардена включает оценку частиц Вселенной как частей «космического Христа», расширение Вселенной на миллиарды лет со времен «выпыхки» как символа начала творения, рассмотрение человека как центра Вселенной и совершенствование мира. Конечная цель эволюции – достижение «точки Омега» и появление высшего сознания. Теории химической эволюции материи и эффект самосовершенствования катализаторов рассматриваются как супрамолекулярная самоорганизация и упорядочение в системах высокомолекулярных соединений. Идеи биосферы В.И. Вернадского как биогеохимический цикл и непрерывный процесс обмена веществ между живыми организмами и окружающей средой, обеспечивающий поддержание жизни на планете; теоремы К. Геделя о неполноте, квантовой гравитации и объединении гравитации с другими фундаментальными силами природы, теории хаоса, «петлевой квантовой гравитации» и попытки объяснения темной энергии передают целенаправленность Вселенной к саморегуляции и поддержанию динамического равновесия. Темная энергия в этом контексте выступает как отрицательная обратная связь, корректирующая расширение пространства и противодействующая гравитационному сжатию. Она является своего рода космологическим гомеостатом, обеспечивающим стабильное и предсказуемое развитие Вселенной на макроуровне. Изучение темной энергии обуславливает необходимость переосмысления классических представлений о законах Вселенной, так как естественная кибернетика темной энергии проявляется в ее способности адаптироваться к изменяющимся условиям Вселенной.

Информационные концепции Г. Бейтсона, концепт паттерна-фрейма-фантазма о естественных иерархиях классификаций информации и знаний, концепция мета-сообщений, идея об экологии разума или экологии идей также имеют непосредственную связь с естественной кибернетикой, так как информация – это не просто данные, а структурированный и организованный комплекс, в котором контекст и взаимосвязи играют ключевую роль. Концепция паттерна-фрейма-фантазма подчеркивает, что наше восприятие мира формируется на основе устойчивых сигналов, которые мы получаем от внешнего мира, а затем интерпретируем и дополняем. Эти паттерны-фреймы не статичны; они динамически развиваются под влиянием нашего опыта и ожиданий, что может приводить к «фантазмам» – искаженным интерпретациям реальности.

Концепция энергоинформационного единства, мир-геномы и кодирование системы, открытие доминирующей роли внешних факторов над генетическим кодом ДНК и пр. также передают суть естественной кибернетики. Эта концепция известна как «внегенная» передача информации, называемая эпигенетической. Кодирование системы – это динамический процесс постоянного влияния внешних факторов на объекты природы, прежде всего на человека. Эта концепция показывает доминирующую роль внешних факторов над генетическим кодом и подтверждает гипотезу перехода от генетического детерминизма к эпигенетической парадигме, то есть воздействия на экспрессию генов и развитие организма без изменения нуклеотидной последовательности молекулы ДНК (Бухбиндер, 2010).

Это относительно новое направление биологии, основанное на принципах энергоинформационного единства и естественной кибернетики, является подтверждением программирования человека законами Вселенной, основанными на принципах самоорганизации и саморегулирования, сбалансированного взаимодействия человека с окружающей средой.

Подход Р. Сапольски к нейромедиаторам также способствует объяснению процессов программирования человека и концепции естественной кибернетики. Он подчеркивает, что нейромедиаторы не просто передают сигналы между нейронами, но и выполняют функции коммуникаторов и регуляторов поведения человека, участвуют в сложных обратных связях, где исходные действия влияют на ответные реакции.

---

¹ Никола Тесла о вселенском источнике знаний, силы и вдохновения [Электронный ресурс] // Ten Chat. URL: <https://tenchat.ru/media/2557649-nikola-tesla-o-vselenkom-istochnike-znaniy-sily-i-vдохновения> (дата обращения: 09.12.2025).

Заключение. Указанные теории из различных областей науки были выбраны специально, чтобы показать невероятность раскрытия законов Вселенной, суть естественной кибернетики и феномен человеческого фактора в рамках одной науки. Поэтому, несмотря на колоссальный труд ученых, разгадать суть естественной кибернетики еще пока не удается. И суть не в установлении точности законов Вселенной, до конца познать которые практически невозможно. Основная проблема заключается в том, что практически во всех работах отсутствует конструирование модели естественной кибернетики, детерминирующей первенство человеческого фактора не только в природе, но и в социокультурном пространстве. Необходим междисциплинарный подход и, как полагал А. Эйнштейн, соединение всех наук в едином поле.

Концепт естественной кибернетики требует последовательного подхода к функциям самоуправления и саморегуляции объектов природы. Стабильность и адаптация к изменениям в окружающей среде достигаются путем функционирования сложных внутренних механизмов обратной связи, без влияния и вмешательства искусственно созданных внешних деструктивных факторов. Принцип саморегуляции позволяет обнаруживать отклонения от заданных параметров и корректировать деятельность для восстановления баланса равновесия системы. Однако такие категории, как балансирование, взаимовыравнивание, симметрия, синергия, интегральный эффект, характеристики критериев взаимодействия и коммуникативная система обмена информацией, должны быть четко установлены и определены не только в физическом контексте, но и в социокультурном. Последний будет способствовать устранению составляющих принципов модернизационных процессов государств, стремящихся подчинить природные ресурсы и мировое богатство своим интересам, пренебрегая законами естественной кибернетики. Проекты Н. Теслы и многих ученых, которые должны были установить условия благополучия всех народов мира, могут быть реализованы исключительно при доминировании принципов естественной кибернетики. Это сложная задача дальнейших исследований и разработки новой концепции теории информации и естественной кибернетики.

Список источников:

- Амен Д. Измени свой мозг – изменится и тело! М., 2024. 496 с.
 Арден Дж. Укрощение амигдалы и другие инструменты тренировки мозга. М., 2016. 304 с.
 Астафьев Б.А. Алгоритм эволюции. М., 2010. 440 с.
 Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. М., 2010. 248 с.
 Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998. 261 с.
 Бухбиндер Ал. Уроки жизни по наследству? // Знание – сила. 2010. № 1. С. 15–18.
 Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Философские мысли натуралиста. М., 1988. 520 с.
 Декарт Р. Первоначала философии // Сочинения : в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 297–422.
 Кант И. Сочинения : в 6 т. М., 1963. Т. 1. 543 с.
 Кольцов Н.К. Роль гена в физиологии развития // Избранные труды. М., 2006. С. 115–134.
 Лаплас П.С. Изложение системы мира. Л., 1982. 376 с.
 Нагель Э., Ньюмен Д. Теорема Гёделя. М., 1970. 64 с.
 Перминова А.А., Цинзерлинг В.А. Морфологические аспекты нейрогенеза в головном мозге взрослого человека // Архив патологии. 2018. Т. 80, № 6. С. 55–61. <https://doi.org/10.17116/patol20188006155>.
 Сапольский Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. М., 2019. 766 с.
 Сапольский Р. Кто мы такие? Гены, наше тело, общество. М., 2018. 290 с.
 Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 2001. 232 с.
 Ферсман А.Е. Избранные труды : в 7 т. М., 1952. Т. 1. 862 с.
 Altman J. Autoradiographic Investigation of Cell Proliferation in the Brains of Rats and Cats // The Anatomical Record – Embryology. 1963. Vol. 145. P. 573–591. <https://doi.org/10.1002/ar.1091450409>.
 Nikola Tesla on His Work with Alternating Currents and Their Application to wireless Telegraphy, Telephony, and Transmission of Power / ed. by L.I. Anderson. N. Y., 2002. 269 p.

References:

- Altman, J. (1963) Autoradiographic Investigation of Cell Proliferation in the Brains of Rats and Cats. *The Anatomical Record – Embryology*. 145, 573–591. Available from: doi:10.1002/ar.1091450409.
 Amen, D. (2024) *Izmeni svoj mozg – izmenitsya i telo!* [Change your brain, and your body will change!]. Moscow. 496 p. (In Russian)
 Anderson, L. I. (ed.) (2002) Nikola Tesla on His Work with Alternating Currents and Their Application to wireless Telegraphy, Telephony, and Transmission of Power. New York. 269 p.
 Arden, Dzh. (2016) *Ukroshchenie amigdal i drugie instrumenty trenirovki mozga* [Taming the amygdala and other brain training tools]. Moscow. 304 p. (In Russian)
 Astafev, B. A. (2010) *Algoritm evolyutsii* [Algorithm of evolution]. Moscow. 440 p. (In Russian)
 Beitson, G. (2010) *Shagi v napravlenii ekologii razuma* [Steps towards the ecology of the mind]. Moscow. 248 p. (In Russian)
 Bergson, A. (1998) *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative evolution]. Moscow. 261 p. (In Russian)
 Bukhbinder, Al. (2010) Uroki zhizni po nasledstvu? [Life lessons from inheritance?]. *Znanie – sila*. (1), 15–18. (In Russian)
 Dekart, R. (1989) *Pervonachala filosofii* [The principles of philosophy]. In: *Sochineniya*. Vol. 1. Moscow, pp. 297–422. (In Russian)
 Fersman, A. E. (1952) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow. Vol. 1. 862 p. (In Russian)
 Kant, I. (1963) *Sochineniya* [Essays]. Vol. 1. Moscow. 543 p. (In Russian)
 Kol'tsov, N. K. (2006) Rol' gena v fiziologii razvitiya [The role of the gene in developmental physiology]. In: *Izbrannye trudy*. Moscow, pp. 115–134. (In Russian)

- Laplas, P. S. (1982) *Izlozhenie sistemy mira* [Exposition of the world system]. Leningrad. 376 p. (In Russian)
- Nagel', E. & N'yumen, D. (1970) *Teorema Gedelya* [Gödel's Theorem]. Moscow. 64 p. (In Russian)
- Perminova, A. A. & Zinserling, V. A. (2018) Neurogenesis in the Adult Human Brain: Morphological Aspects. *Russian Journal of Archive of Patology*. 80 (6) 55–61. Available from: doi:10.17116/PATOL20188006155. (In Russian)
- Sapol'ski, R. (2018) *Kto my takie? Geny, nashe telo, obshchestvo* [Who are we? Genes, our body, society]. Moscow. 290 p. (In Russian)
- Sapol'ski, R. (2019) *Biologiya dobra i zla. Kak nauka ob"yasnyayet nashi postupki* [Biology of good and evil. How science explains our actions]. Moscow. 766 p. (In Russian)
- Teiyar de Sharden, P. (2001) *Fenomen cheloveka* [The phenomenon of man]. Moscow. 232 p. (In Russian)
- Vernadskii, V. I. (1988) Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie [Scientific thought as a planetary phenomenon]. In: *Filosofskie mysli naturalista*. Moscow. 520 p. (In Russian)

Информация об авторах

А.З. Арсенян – доктор юридических наук, профессор, директор Московского областного филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; академик Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка Российской Федерации; профессор Академии военных наук, Москва, Россия.

М.Р. Деметрадзе – доктор политических наук, профессор Московского областного филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ведущий научный сотрудник Научного центра по исследованию истории и развития мировых цивилизаций Университета мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва, Россия.

Б.Р. Аскарров – аспирант Университета мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва, Россия.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

A.Z. Arsenyan – D.Phil. in Law, Professor, Director of the Moscow Regional Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Academician of the Academy of Security, Defense and Law Enforcement of the Russian Federation; Professor of the Academy of Military Sciences, Moscow, Russia.

M.R. Demetradze – D.Phil. in Political Sciences, Professor at the Moscow Regional Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; a leading researcher at the Scientific Center for the Study of the History and Development of World Civilizations at the V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow, Russia.

B.R. Askarov – PhD student at the V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow, Russia.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests:

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.11.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.12.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 1(091)

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.2>

Трудовая и профессиональная деятельность в работах философов

Ксения Александровна Бохан¹, Виктор Викторович Шалин², Сергей Иванович Самыгин³

^{1,3}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

²Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия,
prepod1951@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2886-5976>

¹researchksen@rambler.ru

³samygin78_@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в рассмотрении классических подходов к пониманию профессиональной деятельности и труда в целом. Методологическую основу составляют классические концепции профессиональной и трудовой деятельности представителей марксизма, а также И. Канта, Т. Гоббса, Дж. Локка, А. Смита и Д. Рикардо, теоретическую базу – труды мыслителей – В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Э.С. Маркаряна. В качестве результатов исследования выступает систематизация подходов и концепций к определению труда и профессиональной деятельности. Выбранная проблематика рассмотрена под призмой философии, социологии, экономики и педагогики. Перспективными направлениями являются развитие обозначенной темы для проведения дальнейших исследований, выявление особенностей профессиональной деятельности в современном обществе с опорой на классические концепции и представления ученых.

Ключевые слова: труд, профессиональная деятельность, профессия, трудовая деятельность, самоактуализация

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Бохан К.А., Шалин В.В., Самыгин С.И. Трудовая и профессиональная деятельность в работах философов // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 22–28.
<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.2>

Original article

Labor and Professional Activity in the Works of Philosophers

Ksenia A. Bokhan¹, Viktor V. Shalin², Sergey I. Samygin³

^{1,3}Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

²Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia,
prepod1951@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2886-5976>

¹researchksen@rambler.ru

³samygin78_@yandex.ru

Abstract. The aim of this study is to examine classical approaches to understanding professional activity and labor in general. The methodological basis is formed by classical concepts of professional and labor activity by Marxists, as well as by I. Kant, T. Hobbes, J. Locke, A. Smith, and D. Ricardo. The theoretical foundation is formed by the works of thinkers V. S. Solovyov, S. N. Bulgakov, and E. S. Markaryan. The study results in a systematization of approaches and concepts to defining work and professional activity. The selected topic is examined through the prism of philosophy, sociology, economics, and pedagogy. Promising directions include developing this topic for further research and identifying the characteristics of professional activity in modern society based on classical concepts and scholarly ideas.

Keywords: labor, professional activity, profession, labor activity, selfactualization

Funding: Independent work.

For citation: Bokhan, K.A., Shalin, V.V. & Samygin, S.I. (2025) Labor and Professional Activity in the Works of Philosophers. Society: Philosophy, History, Culture. (11), 22–28. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.2](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.2) (In Russian)

Введение. Профессия представляет собой особый вид трудовой деятельности, определяющий квалификацию и функцию работника на производстве. Изначально в трудах ученых и мыслителей рассматривался феномен труда в жизнедеятельности человека. Уже позднее, в связи с преобразованием социально-экономической действительности, сформировался феномен профессии. Профессии представляют собой особую форму деятельности человека, для владения которой необходимы определенные навыки и знания. Само понятие профессия имеет французские корни

и обозначает указание рода деятельности. В русском языке используется с XVIII в. При этом для французского языка слово «профессия» также является заимствованным, но уже из латинского языка, от слова *profession* – говорить. Продолжая рассуждение о терминологии, стоит отметить, что анализируемая категория имеет множество дефиниций.

Прежде чем перейти к рассмотрению понятия профессии, целесообразно определить значение термина «понятие», служащего характеристикой какого-либо предмета или процесса. Например, процесс – объект познания, а сам термин – краткое описание. Следовательно, понятие выступает как явление, отражающее суть объекта исследования, либо как форма, отражающая его содержание. Важно, чтобы наличествовала взаимосвязь объекта познания и его определения. Это необходимо для соблюдения логики познания. Как уже упомянуто ранее, единого подхода к определению понятия «профессия» нет. Считается, что профессия зависит от содержания труда или условий трудовой деятельности в конкретной экономической отрасли. Долгое время профессия толковалась в соответствии с названием используемого орудия труда.

Следующий подход рассматривает профессию со стороны объекта воздействия трудовой деятельности. Стоит отметить, что объект трудовой деятельности включает в себя сам процесс, предмет и явление, т. е. то, на что человек влияет при производстве благ – товаров, услуг, необходимых для удовлетворения потребностей общества. Объект и предмет труда имеют схожее значение. Для того чтобы определить различия, нужно провести детальный анализ понятия «профессия» или «профессиональная деятельность человека».

Рассматривая профессию с помощью логического подхода, важно упомянуть, что данное понятие является собирательным. Двойность подхода заключается в том, что, с одной стороны, профессия – само по себе понятие собирательное, с другой – собирательное по отношению ко всем профессиям. Дефиниция не только включает в себя определяющие признаки, но также подразумевает раскрытие содержания.

Эволюция подходов к трактовке трудовой и профессиональной деятельности человека. Первые представления о труде берут начало еще в древности, в частности в древнегреческом эпосе в трудах Гомера и Гесиода (Антология мировой философии..., 2001). Гесиод приравнивал трудовую деятельность человека к добродетели (2001). Гомер рассматривал и профессиональный аспект. Он выделял конкретные профессиональные группы – земледельцы, ремесленники, войны и т. д. (Андреев, 2004). В то время войны приравнивались к аристократии, потому уже тогда была определена принадлежность к конкретной профессии.

Рассуждая о древних мыслителях, невозможно не упомянуть труды Платона и Аристотеля. Так, Платон рассматривал трудовую деятельность, реализуемую в различных профессиях, как некий механизм, обеспечивающий стратификацию общества (Гончаров, 2018). По его мнению, труд необходим для удовлетворения потребностей граждан. Известно, что многие работы Платона посвящены феномену возникновения государства. Он утверждал, что труд и профессиональная деятельность определяют принцип справедливого государства (Платон, 1994). Анализируя сочинения Аристотеля, необходимо отметить, что труд как таковой в его заключениях имеет двойственность. С одной стороны, мыслитель приравнивает физический труд к рабству, с другой – отмечает нравственное содержание труда и относит его к одной из добродетелей (Туйцын, 2017). Относительно профессионального аспекта Аристотель отмечал, что свободные люди должны заниматься только интеллектуальным трудом (1997).

В средневековый период появились новые взгляды на трудовую и профессиональную деятельность. Это обусловлено сменой приоритетов и системы ценностей в связи с доминированием христианской религии. Так как в библейском сюжете Адам и Ева после изгнания из рая были вынуждены самостоятельно добывать хлеб, труд приравнивался к карательной мере. Далее, на более позднем средневековом этапе, католическая церковь изменила отношение общества к осуществлению трудовой деятельности. Труд рассматривался как средство спасения человеческой души, т. е. приобретал воспитательный характер, что приобщает его к богоугодной деятельности. Средневековый период характеризуется трудами мыслителя Фомы Аквинского (Шево, 2016). Он отмечал двойственность труда, как и его предшественники, и определял его и как благо, и как наказание.

Уже позже, в протестантизме, труд и профессиональная деятельность рассматриваются исключительно как нравственная деятельность. Труд является жизненной задачей человека, а также средством спасения на пути к Богу. В православии трудовая и профессиональная деятельность оцениваются также односторонне: как богоугодная деятельность – средство самосовершенствования. Помимо этого, труд приравнивается к творческой деятельности, приобщая человека к Богу, как к его творению. В христианстве целью человека выступает преобразование мира к лучшему. Из этого можно сделать вывод, что именно христианство способствовало переосмыслению трудовой и профессиональной деятельности.

Классическое представление о труде и профессиях начало формироваться в философии Нового времени и нашло отражение в работах Дж. Локка и Т. Гоббса (Огольцова, Павина, 2022). Характер представлений с теологического сменился светским в связи с распространением либеральных идей. Отношение к труду и профессиям приобрело рациональный характер, что отслеживается в трудах упомянутых мыслителей. Несмотря на то что оба философа придерживались теории общественного договора, их представления о природе труда и профессий различаются. Так, Дж. Локк считал, что трудовая деятельность, как и профессиональная, отражает существо человека. Первая теория Дж. Локка – концепция собственности, которая определяет право индивида на владение благом, созданным в процессе трудовой деятельности. Мыслитель выделил феномен трудового усилия, свойственного человеку. Следующая теория – ценности. Согласно ей стоимость конечного продукта зависит от вложенного труда и усилий, необходимых для его создания. Еще одна идея Дж. Локка основана на эффективном воспитании человека трудом, что в будущем может обусловить выбор профессиональной деятельности (Локк, 2014). Согласно концепции Т. Гоббса, трудовая деятельность является благом, которое можно обменять на вознаграждения. Ученый разделял производительный и непроизводительный труд. К производительному он относил исключительно производство материальных благ, к непроизводительному – оказание услуг (Гоббс, 2001). Таким образом, можно сделать вывод, что в Новое время сложились совершенно иные мнения относительно профессиональной и трудовой деятельности, на что повлияли либеральные идеи.

Классическими теориями труда и профессиональной деятельности человека являются концепции А. Смита и Д. Рикардо (Агаджанян, 2018). Согласно идеям А. Смита, развитие экономики государства невозможно без собственной реализации человека через профессиональную деятельность (2016). Многие работы А. Смита посвящены определению величины среднего заработка работника и объема занятости всего населения страны. Согласно его теории, увеличение средней ставки заработной платы провоцирует снижение общего уровня занятости. Также мыслитель рассматривал феномен экономического человека, т. е. этическую сторону труда и профессиональной деятельности. Д. Рикардо продолжает развивать мысль о том, что человек намеренно продает свой труд для получения заработной платы. Ценность труда определяется ее размером. Д. Рикардо также анализировал рынок труда, что позволило ему обозначить зависимость размера заработной платы от предложения на рынке (2025).

Трудовую и профессиональную деятельность рассматривал также И. Кант (Аннаев и др., 2024). Особенность его подходов к изучаемым феноменам заключается в выявлении этических и нравственных принципов. По мнению мыслителя, в процессе реализации трудовой деятельности человек совершенствуется в нравственном аспекте. В своей антропологии И. Кант выделил три ступени деятельности человека:

- технично-механическая – позволяет человеку возвышаться над природой;
- прагматическая – жизнь человека проходит в социуме;
- моральная – человек духовно совершенствуется.

Согласно доводам И. Канта, профессиональная деятельность должна строго соответствовать нормам этики. По его мнению, труд – общественное проявление, отражающее суть человека. Особое внимание И. Кант уделял значению поступка для человека: моральным мотивом при этом является следование своему долгу. Также И. Кант размышлял о нравственном выборе, свободе индивида. Профессиональную деятельность он трактует как нравственный выбор человека.

Особое внимание труду как реализации профессиональной деятельности уделял Г. Гегель: согласно диалектическому подходу единства противоположностей, профессиональная деятельность человека реализуется только посредством взаимодействия субъекта и объекта (Поляруш, 2024). Абсолют, в свою очередь, выступает в качестве идеи, цели, к которой следует стремиться. Г. Гегель выделил ряд ипостасей на пути к идее: чистое мышление, природа, воплощающиеся в трудовой деятельности (1997). Таким образом, труд является средством преобразования мира. По Г. Гегелю, трудовая и профессиональная деятельность находят отражение как прогресс в науке и социуме в целом.

Продолжая рассуждение об эволюции подходов к трудовой и профессиональной деятельности человека, невозможно не упомянуть идеи классиков марксизма, которые были сформированы на основе рассмотренных идей Г. Гегеля, А. Смита, Д. Рикардо и др. Благодаря систематизации теорий К. Маркс и Ф. Энгельс выявили общую концепцию трудовой и профессиональной деятельности, которая выступает ключевым фактором эволюции человека (Печерских, 2018). К. Маркс связывает трудовую деятельность человека с природой, называя процесс взаимодействия естественным обменом. В свою очередь, реализация профессиональной деятельности является промежуточным этапом взаимодействия человека и природы. К. Маркс и Ф. Энгельс выявили особенности трудовой и профессиональной деятельности: общественный характер, процессуальность, целеполагание. По мнению классиков, именно общественный характер определяет труд и в целом любые

производственные отношения как особый вид социального взаимодействия. В философии К. Маркса отдельного внимания заслуживает феномен отчужденности труда, т. е. человек и труд в данном аспекте рассматриваются раздельно. Таким образом, труд выступает как самостоятельная движущая сила, которая в определенной степени господствует над человеком. Индивид впервые оценивается как объект, а не как субъект общественного процесса. Интересен тот факт, что К. Маркс рассматривал труд как враждебную человеку силу. Он толковал труд как процесс противопоставления работника его личности. В последствии, по мнению мыслителя, человек теряет смысл существования (Маркс, 1990). К. Маркс отмечал, что отчуждение труда выступает характеристикой капиталистического общества. Оно также связано с тем, что трудящийся не является собственником производимого, продукт его труда принадлежит капиталисту.

Далее необходимо рассмотреть работы представителей Нового времени. Так, В.С. Соловьев подчеркивает, что труд относится к нравственной деятельности, несмотря на экономическое содержание (1988). По его мнению, труд призван вдохновить человека на самосовершенствование (Морозова, 2021). В контексте экономической деятельности данные категории анализировал С.Н. Булгаков (2017). Он отмечает, что труд имеет двойственную специфику: осуществление профессиональной деятельности является, с одной стороны творческим процессом, с другой – жизненно необходимым, что связано прежде всего с удовлетворением физиологических потребностей человека (Кондратьева, 2017). Обращаясь к трудам И.А. Ильина (2016), стоит отметить, что мыслитель рассматривал трудовую и профессиональную деятельность преимущественно со стороны творческой природы труда. По его мнению, именно труд и самореализация способствуют духовно-нравственному развитию. Таким образом, труд теряет творческое начало, становится монотонным, тем самым человек утрачивает способность к созиданию и смысл своего бытия.

Далее стоит рассмотреть работы Г. Зиммеля в рамках философии трудовой и профессиональной деятельности (Кравченко, 2017). Его исследования основаны на концепциях марксизма. Мыслитель изучает труд в контексте аксиологического подхода, т. е. конечный продукт оценивается как предмет материального мира, соприкасающийся со сферой идеального. Таким образом, Г. Зиммель трактует профессиональную деятельность и создание конечного продукта труда как связь между предметным и духовным миром, что определяет ценность вещей из предметного мира.

Значительный пласт знаний о труде и профессиональной деятельности составляют работы отечественных ученых-психологов в рамках деятельностной теории. Они отмечали, что труд является высшей формой деятельности, присущей только человеку. Так, по мнению Л.Н. Выготского, трудовая и профессиональная деятельность носят сугубо социальный характер. Помимо этого, изучаемые феномены выполняют трансляционную функцию – передача опыта новым поколениям (Гаттарова, 2020). В культурологическом аспекте труд и профессиональная деятельность анализировались в работах Э.С. Маркаряна (2014). Он рассматривал труд и профессиональную деятельность как искусственную среду, в которой доминируют социальные механизмы (Фадеева, 2015). Таким образом, деятельностный подход определяет роль культуры в социальном взаимодействии, что свойственно также реализации профессиональной деятельности в контексте преобразования природы. Ученые исследовали трудовую и профессиональную сферу не только через призму предметно-практической деятельности человека, но также со стороны духовного проявления – искусства, науки и пр.

Обсуждение. На сегодняшний день труд и профессиональная деятельность изучается со стороны следующих наук: педагогики, психологии, философии, социологии. Так как анализируемые категории многогранны, в результате систематизации знаний сформировались отдельные направления научной мысли – социология труда, психология труда и др.

В контексте экономики труд рассматривается как особый вид человеческой деятельности, для реализации которого требуются ограниченные ресурсы. Помимо этого, труд и профессиональная деятельность выступают в качестве системы целесообразных взаимодействий между людьми, умственных и физических усилий, необходимые для создания материальных и нематериальных благ для удовлетворения потребностей общества. В экономике также оцениваются трудовые и профессиональные взаимоотношения, их влияние на эффективность производства.

В социологии большое внимание уделяется мотивации человека к осуществлению трудовой деятельности. Также в рамках социологического подхода к трудовой и профессиональной деятельности изучаются условия, необходимые для качественной реализации трудовой деятельности. Особое место в научном дискурсе социологии занимает теория о социально-трудовых отношениях – форме взаимодействия людей в процессе выполнения профессиональных задач, что обуславливает поведение, социальную роль человека и его статус в обществе. Труд в социологии рассматривается как особый вид деятельности человека, имеющей целенаправленный характер.

Профессиональная деятельность в социологии изучается в комплексе с трудовой деятельностью, т. е. категории являются смежными. Несмотря на это, у профессиональной и трудовой деятельности в социологии есть различия. Профессиональную деятельность человека от трудовой отличает наличие документа – сертификата, диплома, т. е. свидетельства, подтверждающего

прохождение соответствующей подготовки и получение квалификации, необходимой для занятия той или иной должности и выполнения соответствующей трудовой деятельности. Также существенным отличием профессиональной деятельности выступает то, что она осуществляется только за вознаграждение, в то время как для трудовой деятельности вознаграждение не считается обязательным условием. Однозначного мнения у социологов относительно четких дефиниций смежных категорий трудовой и профессиональной деятельности нет. Тем не менее для многих ученых понятие «профессиональная деятельность» является наиболее полным, так как именно профессия определяет социальную активность человека.

В педагогике труд имеет односторонний характер, поскольку рассматривается в контексте осуществления профессиональной деятельности в сфере образования. Согласно особенностям труда в данной области, объект и продукт труда совпадают, в обоих случаях ими является человек. В отношениях «педагог – обучающийся» последний выступает в роли субъекта, так как способен саморазвиваться. В педагогике профессиональная деятельность трактуется как особый вид трудовой деятельности человека, который обладает необходимыми педагогическими знаниями и практическими навыками для самоактуализации в сфере образования.

Рассуждая о трудовой и профессиональной деятельности, важно отметить, что изучаемые понятия имеют разные значения в философии. Категория «труд» выступает как деятельность человека, направленная на создание материальных и духовных ценностей. Интересно, что понятие труда анализируется в двух аспектах. С первой точки зрения труд рассматривается как деятельность, содержательным компонентом которой является преобразование, созидание, ориентированное на удовлетворение исторически сложившихся потребностей социума. Со второй позиции труд исследуется как процесс преобразования природных ресурсов для получения материалов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. В целом философия позволяет анализировать социальные, этические и культурные аспекты трудовой деятельности. Помимо этого, особое внимание уделяется взаимосвязи труда непосредственно с личностью.

Профессиональную деятельность в рамках философского подхода рассматривают как целенаправленную деятельность, схожую с трудовой деятельностью, но профессионализм обусловлен специфичными рамками выбранной профессии, а именно ее целями и задачами. Можно выделить следующие особенности профессиональной деятельности с позиции философии: ее осуществление предполагает достижение результата, который обеспечивает личностное развитие; она включает в себя задачи, выполняемые для достижения цели; характер такой деятельности зависит от условий работы и отдыха, а также от объекта и предмета труда. Как правило, целью реализации профессиональной деятельности является приобретение нового социального статуса, карьерный рост.

Заключение. На основании изложенного можно сделать вывод, что проблема трудовой и профессиональной деятельности человека изучалась на протяжении многих веков и остается актуальной до сих пор. Данные понятия рассматриваются в самых разных аспектах, что обусловлено этапами развития общества, эволюции труда и профессий. Основными характеристиками труда и профессиональной деятельности человека являются творческий характер, рефлексия, целеполагание. Таким образом, труд служит своеобразным инструментом, с помощью которого человек способен преобразовывать природу и общество.

К исследованию феномена профессиональной деятельности существует множество подходов. Наиболее распространенными являются именно те, которые отражают сущностные характеристики профессии. Деятельностный подход лежит в области экономики, в его рамках профессиональная деятельность рассматривается как специфический вид трудовой деятельности, определенный разделением труда и его функциональным содержанием. Стратификационный подход относится к социологии и исследует профессию как признак, свойственный большой или малой социальной группе людей, объединенных общим видом трудовой деятельности. Личностный подход сформирован на основе психологических знаний. В его контексте профессия выступает качественной характеристикой личности, совокупностью навыков и умений, необходимых для самореализации.

Систематизируя рассмотренные подходы к феномену профессиональной деятельности человека, важно обозначить ее основные характеристики. Она представляет собой относительно автономное выполнение конкретной деятельности. Следующей характеристикой является то, что реализация профессиональной деятельности требует специальной подготовки – образования и навыков. Длительный период выполнения деятельности формирует особое поведение человека как специалиста. Профессиональная деятельность также служит средством получения особого социального статуса в обществе и формирования профессионального самосознания.

Таким образом, профессиональная деятельность выступает способом самоактуализации человека в социуме. На каждом этапе развития общества профессии и трудовая деятельность изменялись в соответствии с новыми требованиями времени. На сегодняшний день, в условиях

цифровизации, профессии также претерпевают значительные изменения, модифицируясь в новые или исчезая вовсе. Систематизация знаний о профессиональной и трудовой деятельности человека является основой для проведения дальнейших исследований в области трансформации профессий.

Список источников:

- Агаджанян О. Адам Смит и Давид Рикардо: на перекрестках теории // Вестник Армянского государственного экономического университета. 2018. № 3. С. 15–31. (На арм. яз.)
- Андреев Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н. э. СПб., 2004. 496 с.
- Аннаев Х., Пыхиев М., Непискулыев Г. Философские и этические взгляды Иммануила Канта // Вестник науки. 2024. Т. 1, № 6 (75). С. 1302–1305.
- Антология мировой философии. Античность / под ред. Ю.Г. Хацкевича. М., 2001. 1070 с.
- Аристотель. Политика. Афинская полиция. М., 1997. 458 с.
- Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 2017. 343 с.
- Гаттарова Л.Х. Деятельностный подход и общепсихологическая теория деятельности: Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев // Моя профессиональная карьера. 2020. Т. 2, № 12. С. 26–29.
- Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб., 1997. 799 с.
- Гесиод. Полное собрание текстов. М., 2001. 254 с.
- Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. 478 с.
- Гончаров Н.В. Экспликация экономико-хозяйственных оснований бытия человека в античной философии // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 8. С. 66–69.
- Ильин И.А. Философия как духовное делание. М.; Берлин, 2016. 104 с.
- Кондратьева С.Б. С.Н. Булгаков: труд и его значение в «Философии хозяйства» // Булгаковские чтения. 2017. № 11. С. 6–9.
- Кравченко А.И. Социофилософская концепция труда Георга Зиммеля // Sciences of Europe. 2017. № 14-2 (14). С. 49–56.
- Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. М.; Челябинск, 2014. 480 с.
- Маркарян Э.С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи. М.; СПб., 2014. 655 с.
- Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль; Наемный труд и капитал. М., 1990. 108 с.
- Морозова А.А. В.С. Соловьев о соотношении экономики и нравственности: актуальные аспекты // Соловьевские исследования. 2021. № 4 (72). С. 38–53. <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2021.4.038-053>.
- Огольцова Е.Г., Павина Е.В. Сравнительный анализ теорий общественного договора Т. Гоббса и Дж. Локка // Молодой ученый. 2022. № 51 (446). С. 311–313.
- Печерских С.П. Марксизм об отчуждении труда и изменении его характера и социально-экономического содержания после капитализма // Евразийский союз ученых. 2018. № 2-3 (47). С. 59–62.
- Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М., 1994. Т. 4. 654 с.
- Поляруш А.А. Осмысление сущности труда в координатах диалектики Г. Гегеля // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 10-4 (97). С. 98–100. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-10-4-98-100>.
- Рикардо Д. Начала политической экономии и податного обложения / пер. Н. Рязанов. М., 2025. 310 с.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. П.Н. Ключкина. М., 2016. 1054 с.
- Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 47–580.
- Туйцын Ю.В. Социальные функции труда в философии Аристотеля // Вестник МГПУ. Сер.: Философские науки. 2017. № 2 (22). С. 73–81.
- Фадеева И.Е. Человек деятельностный: теория культуры Э.С. Маркаряна в интеллектуальных и культурных контекстах XX–XXI вв. // Культура и образование. 2015. № 4 (19). С. 20–27.
- Шево А.Д. Экономические проблемы в трудах средневековых философов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 12-3. С. 21–24.

References:

- Aghadjanyan, H. (2018) Adam Smith and David Ricardo: In the intersections of theory. *Messenger of Armenian State University of Economics*. (3), 15–31. (In Armenian)
- Andreev, Yu.V. (2004) Homeric society. The main trends of socioeconomic and political development of Greece in the 11th–8th centuries BC. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. (In Russian)
- Annaev, H., Pykhyev, M. & Nepiskulyev, G. (2024) Philosophical and ethical views of Immanuel Kant. *Science Bulletin*. 1 (6), 1302–1305. (In Russian)
- Aristotle. (1997) Politics. Athenian Polity. Moscow, Mysl. (In Russian)
- Bulgakov, S.N. (2017) Philosophy of economy. Moscow, Yurait. (In Russian)
- Fadeeva, I.E. (2015) Homo activus: Theory of culture of E.S. Markarian in intellectual and cultural contexts of the XX–XXI century. *Kul'tura i Obrazovanie*. (4), 20–27. (In Russian)
- Gattarova, L.Kh. (2020) Activity approach and general psychological theory of activity: L.S. Vygotsky, S.L. Rubinstein, A.N. Leontiev. *Moya Professional'naya Kar'era*. 2 (12), 26–29. (In Russian)
- Goncharov, N.V. (2018) Explication of the economic bases of human existence in ancient philosophy. *Intellect. Innovations. Investments*. (8), 66–69. (In Russian)
- Hegel, G.W.F. (1997) The science of logic. Saint Petersburg, Nauka. (In Russian)
- Hesiod. (2001) Complete collection of texts. Moscow, Labyrinth. (In Russian)
- Hobbes, T. (2001) Leviathan. Moscow, Mysl. (In Russian)
- Ilyin, I.A. (2016) Philosophy as a spiritual endeavor. Moscow; Berlin, Direct-Media. (In Russian)
- Khatskevich, Yu.G. (ed.) (2001) Anthology of world philosophy. Antiquity. Moscow, Harvest. (In Russian)
- Kondratieva, S.B. (2017) S.N. Bulgakov: Labor and its significance in the "Philosophy of economy". *Bulgakovskie Chteniya*. (11), 6–9. (In Russian)
- Kravchenko, A.I. (2017) The social and philosophical conception of the work of Georg Simmel. *Sciences of Europe*. (14-2), 49–56. (In Russian)

- Locke, J. (2014) Two treatises of government. Moscow; Chelyabinsk, Socium. (In Russian)
- Markaryan, E.S. (2014) Selected works. The science of culture and the imperatives of the era. Moscow; Saint Petersburg, Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ. (In Russian)
- Marx, K. (1990) Wages, price and profit; Hired labor and capital. Moscow, Politizdat. (In Russian)
- Morozova, A.A. (2021) V.S. Solovyov on the correlation between economy and morality: Modern aspects. *Soloviev Studies*. (4), 38–53. Available from: doi:10.17588/2076-9210.2021.4.038-053. (In Russian)
- Ogoltsova, E.G. & Pavina, E.V. (2022) Comparative analysis of the social contract theories of T. Hobbes and J. Locke. *Young Scientist*. (51), 311–313. (In Russian)
- Pecherskikh, S.P. (2018) Marxism on the alienation of labor and the change in its nature and socio-economic content after capitalism. *Eurasian Union of Scientists*. (2-3), 59–62. (In Russian)
- Plato. (1994) Collected works. Vol. 4. Moscow, Mysl. (In Russian)
- Poliarush, A.A. (2024) Understanding the essence of work in the coordinates of dialectics by G. Hegel. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. (10-4), 98–100. Available from: doi:10.24412/2500-1000-2024-10-4-98-100. (In Russian)
- Ricardo, D. (2025) On the principles of political economy and taxation. Moscow, Yurait. (In Russian)
- Shevo, A.D. (2016) Economic problems in the works of medieval philosophers. *Aktual'nye Problemy Gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk*. (12-3), 21–24. (In Russian)
- Smith, A. (2016) Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Moscow, E. (In Russian)
- Soloviev, V.S. (1988) Justification of good. In: Soloviev, V.S. *Works*. Vol. 1. Moscow, Mysl, 47–580. (In Russian)
- Tuytsyn, Yu.V. (2017) Social functions of labour in the philosophy of Aristotle. *MCU Journal of Philosophical Sciences*. (2), 73–81. (In Russian)

Информация об авторах

К.А. Бохан – преподаватель (ассистент) кафедры финансового и HR-менеджмента, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1211114

В.В. Шалин – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=789558

С.И. Самыгин – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры финансового и HR-менеджмента, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=429210

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

K.A. Bokhan – Lecturer (Assistant) of the Department of Financial and HR Management, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia.

V.V. Shalin – D.Phil., Professor, Head of the Sociology and Cultural Studies Department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=789558

S.I. Samygin – D.Phil. in Social Science, Professor, Professor at the of the Department of Financial and HR Management, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=429210

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests:

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.05.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 21.06.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 1(091)

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.3>

Патриотизм в мировоззрении М.Ю. Лермонтова: опыт историко-философской реконструкции

Павел Александрович Горохов¹, Екатерина Рафаэлевна Южанинова²

¹Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Оренбург, Россия, erlitz@yandex.ru

²Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия, erlitz@yandex.ru

Аннотация. В статье осуществлена историко-философская реконструкция концепции патриотизма, которую можно вычлени из творческого наследия М.Ю. Лермонтова. Патриотизм М.Ю. Лермонтова включает в себя следующие важнейшие составляющие: 1) почитание истории родной страны, 2) любовь к русской природе, 3) преклонение и гордость перед русской культурой, 4) гордость и боль за нереализованные потенции талантливых русских людей. При этом в патриотизме поэта, как и в любви в целом, присутствует иррациональный компонент. М.Ю. Лермонтов одновременно и восхищается Россией, и недоволен ее печальным настоящим, испытывает страх за будущее Родины, осознавая всю несправедливость современного бытия родной страны. В работе применены герменевтический метод как истолкование и реконструкция смыслов, сравнительно-исторический анализ, философская компаративистика.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, патриотизм, историческая память, культура, философские основания мировоззрения, иррационализм, индивидуальные потенции, социальные потенции

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Горохов П.А., Южанинова Е.Р. Патриотизм в мировоззрении М.Ю. Лермонтова: опыт историко-философской реконструкции // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 29–36. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.3>.

Original article

Patriotism in M.Yu. Lermontov's Worldview: An Attempt at Historical and Philosophical Reconstruction

Pavel A. Gorokhov¹, Ekaterina R. Yuzhaninova²

¹Orenburg Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg, Russia, erlitz@yandex.ru

²Orenburg State University, Orenburg, Russia, erlitz@yandex.ru

Abstract. The article undertakes a historical-philosophical reconstruction of the concept of patriotism discernible from the creative legacy of M.Yu. Lermontov. Lermontov's patriotism encompasses the following crucial components: 1) reverence for the history of his native country, 2) affection for Russian nature, 3) veneration and pride in Russian culture, 4) pride in and sorrow for the unrealized potential of talented Russian individuals. Concurrently, an irrational component is present in the poet's patriotism, mirroring the nature of love itself. M.Yu. Lermontov simultaneously admires Russia and expresses discontent with its lamentable present, experiencing trepidation regarding the homeland's future, cognisant of the iniquity inherent in the modern existence of his native land. The study employs the hermeneutic method as an interpretation and reconstruction of meanings, alongside comparative-historical analysis and philosophical comparativism.

Keywords: M.Yu. Lermontov, patriotism, historical memory, culture, philosophical foundations of worldview, irrationalism, individual potential, social potential

Funding: Independent work.

For citation: Gorokhov, P.A. & Yuzhaninova, E.R. (2025) Patriotism in M.Yu. Lermontov's Worldview: An Attempt at Historical and Philosophical Reconstruction. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 29–36. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.3](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.3) (In Russian).

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841 гг.) входит в жизнь русского человека в детские годы наряду с Александром Сергеевичем Пушкиным и остается в душе на всю жизнь. «Бородино», «Герой нашего времени», «Мцыри», «Боярин Орша» – шедевры, наполненные не только богатыми и сильными по воздействию художественными образами, но и глубоким философским смыслом. Чаще всего переложение скрытых в художественном тексте смыслов на язык понятийной философии сопровождается неизбежными потерями, но порой историку философии все же

удается реконструировать философские составляющие тех проблем, которые пытался поставить и решить поэт и писатель в произведениях. Кроме того, русская философия часто облекается именно в форму чарующей поэзии и великой прозы, а не принимает вид стройной системы. Ведь мудрая мысль воспринимается намного действеннее, если она еще и красиво высказана.

С ранних лет мы помним лермонтовские строки «Люблю отчизну я, но странною любовью!» из стихотворения «Родина», но не всегда задумываемся над сутью и особенностями патриотизма великого поэта. Чем была «странна» его любовь к Родине, каковы составные части этой любви, осмыслению которой посвящено не только это стихотворение, но и многие другие шедевры М.Ю. Лермонтова? В последние годы проблема патриотизма и патриотического воспитания стала в нашей стране особенно актуальной, и формирование подлинной, а не показной любви к Родине, демонстрируемой с экранов телевизоров разнообразными пропагандистами, невозможно без обращения к наследию великой русской литературы, представители которой в творчестве часто обращались к анализу патриотизма как неотъемлемой составной части индивидуального и общественного мировоззрения. Ранее мы отмечали, что «патриотизм не исчерпывается патриотическим сознанием, а включает в себя по меньшей мере еще такие элементы, как патриотическое отношение к социально-политической реальности и реальную патриотическую деятельность» (Горохов и др., 2023: 72).

Даже бывшие актеры и режиссеры, ушедшие в политику, обращаются к имени М.Ю. Лермонтова для собственных пиар-целей, предлагая расследовать заново гибель поэта на роковой дуэли, хотя никаких загадок в этой трагедии нет. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать статью И.Л. Андроникова «Строки из писем 1841 г.», которая хронологически-документально воспроизводит «одно из величайших преступлений тогдашнего общества» (1977: 562). Но даже такой политико-литературный эпатаж можно в определенной степени приветствовать, поскольку тем самым интерес к поэту в российском обществе не угасает, тем более что наша современность с преобладанием и превознесением консервативных тенденций похожа на эпоху М.Ю. Лермонтова, когда после подавления восстания декабристов в России на долгое время воцарился консерватизм.

Многие мысли великих поэтов, в том числе философские раздумья М.Ю. Лермонтова – молодого человека, покинувшего земную юдоль в 26 лет, помогают современным русским людям – как молодым, так и пожилым – выживать в условиях сегодняшней России. Мы полностью согласны с Т.К. Черной: «Но Лермонтов принадлежит главным образом высшей сфере творческого человеческого духа, включающей в себя все проблемы бытия. И здесь он совершает открытия, не доступные никому другому»¹.

Цель настоящей статьи заключается в историко-философской реконструкции той концепции патриотизма, которая входила составной частью в мировоззрение Михаила Юрьевича Лермонтова и которую можно вычленивать из его творческого наследия. Методологическую основу исследования представляют сравнительно-исторический анализ, философская компаративистика и герменевтический метод как объяснение и реконструкция заложенных в художественном творчестве смыслов.

Специальных историко-философских исследований патриотической составляющей мировоззрения М.Ю. Лермонтова не было, хотя литература о нем обширна и многие исследователи анализируют философские взгляды поэта. Помимо классических работ В.С. Соловьева («Лермонтов» (1990)), В.В. Розанова («М.Ю. Лермонтов. К 60-летию кончины» (1901)), Д.С. Мережковского («Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (1989)) и И.А. Андроникова, собранных им в сборник «Лермонтов. Исследования и находки» (1977), назовем труды В.Ф. Асмуса (1968), Д.А. Беляева и А.В. Строковой (2016), И.И. Виноградова (2005), В.А. Мануйлова (1971), Т.К. Черной².

Философские взгляды поэта начали формироваться во время его учебы в Московском благородном пансионе и Московском университете, где педагогами были российские интеллектуалы первой величины, такие как М.П. Погодин, М.Г. Павлов, М.А. Максимович. Те годы были проникнуты значительным воздействием немецкого идеализма на интеллектуальную жизнь России. Особой популярностью пользовались труды Г.В.Ф. Гегеля, зачастую трактуемые из вторых, а то и третьих рук. Но даже в пересказе и вольной передаче этих идей русские молодые интеллектуалы усваивали мысли великих немцев, прежде всего раздумья Г.В.Ф. Гегеля о единстве мира, развитии природы и общества, противоречии и борьбе противоположностей как основной движущей силе развития и самопознания, духе, который преодолевает косность материи и преобразует ее. Гегелевская диалектика стала для М.Ю. Лермонтова философской нитью Ариадны для художественного постижения мира. Помимо Г.В.Ф. Гегеля, на молодых русских интеллектуалов и поэтов того времени сильное воздействие оказывал Ф.В.И. Шеллинг. Молодого М.Ю. Лермонтова не могла не привлечь

¹ Черная Т.К. М.Ю. Лермонтов. Этико-философская концепция творчества [Электронный ресурс] // Lermontov-lit.ru. URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/chernaya-lermontov/index.htm> (дата обращения: 20.04.2025).

² Там же.

эстетическая направленность его философской системы, где история рассматривается сквозь призму национального духа, открывающегося в народной культуре и родной природе.

М.Ю. Лермонтов с детства много читал и обладал значительной эрудицией. Поэтому присущими его творчеству чертами – богатыми поэтическими метафорами, глубоким психологизмом, своеобразной мифологией – поэт обязан не только великим немецким идеалистам. Но без знакомства с их философскими вселенными мировоззрение М.Ю. Лермонтова, в том числе его патриотическая составляющая, не было бы столь глубоким и не блистало бы такими яркими красками.

Важнейшей частью патриотизма М.Ю. Лермонтова была любовь к великой и тяжелой истории Отечества, которая часто рассматривалась им в противопоставлении к душной и беспросветной реальности николаевской России. Еще мальчиком, попав в Москву осенью 1827 г., он был поражен красотой и величием Московского кремля, гуляя там с учителем А.З. Зиновьевым, который готовил его к поступлению в Университетский пансион. В «нравственной поэме» «Сашка» он пишет:

*Москва, Москва!.. Люблю тебя как сын,
Как русский, – сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.¹*

М.Ю. Лермонтов читал произведения Н.М. Карамзина, в том числе «Историю государства Российского». По мнению исследователей, сюжет «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» мог быть навеян IX томом «Истории», где есть рассказ о купце Мясоде Вислом, над женой которого надругались опричники. Исследователи творчества М.Ю. Лермонтова отмечают сюжетные пересечения произведений поэта о Древней Руси с историческими сюжетами Н.М. Карамзина, чье творение читали все образованные люди в России. Так, в «Песне про царя Ивана Васильевича» есть аллюзии на описание Н.М. Карамзиным эпохи Иоанна Грозного. Н.М. Карамзин считал, что правление Ивана IV пагубным образом повлияло на нравственный облик русского человека. М.Ю. Лермонтов художественно воспроизвел и осмыслил эти изъяны в национальном характере через драматический образ опричника Кирибеевича, погубившего на службе несправедливой власти лучшую составляющую своей природы. Подлинным патриотом для М.Ю. Лермонтова является именно купец Калашников, который в отличие от подлого «пса государева», возжелавшего чужую жену, может с гордостью сказать:

*А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...²*

Н.М. Карамзин описал страшную эпоху Грозного и дал объемную характеристику царя. М.Ю. Лермонтов, в свою очередь, в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» использовал многие мысли и образы Н.М. Карамзина, но противопоставил ему свое видение русского поведенческого стереотипа. Поэт показывает силу духа русских людей, которую не в силах сломить злодейство опричников – «псов государевых», верно служащих несправедливой власти. Родина и несправедливая государственная власть не тождественны, поскольку от произвола власти страдают лучшие русские люди. В.Г. Белинский был совершенно прав, когда писал в статье «Стихотворения М. Лермонтова», что поэт «вынес из эпохи Ивана Грозного вымышленную быль, которая достовернее всякой действительности, несомненное всякой истории» (1955).

Иван Грозный, как известно, устроил со своим опричным войском в 1560–1570 гг. страшную резню в Новгороде – городе, с которым связано начало русской государственности в IX в. Об этом великом городе М.Ю. Лермонтов писал:

*Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! Пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженью
И столько гордых душ увлек в свое паденье!..
– Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?³*

¹ Лермонтов М.Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени. М., 1972. С. 306.

² Там же. С. 364.

³ Там же. С. 108.

В стихотворении «Атаман» М.Ю. Лермонтов показывает безжалостного волжского атамана, образ которого навеивает мысли о Степане Разине, который родом из той же станицы, где позже родится Емельян Пугачев. Персонаж наделяется М.Ю. Лермонтовым всеми чертами романтического героя, это сильный человек, противопоставивший себя толпе, но неспособный усмирить собственные страсти. Именно такие герои совершали храбрые деяния во славу нашего Отечества, хотя в их деятельности добро и зло были переплетены теснейшим образом:

*Горе тебе, удалой!
Как совесть совсем удалить?..
Отныне он чистой водой
Бойтся руки умыть.
Умывать он их любит
С дружиной своей
Слезам вдовиц беззащитных
И кровью детей!¹*

К истории пугачевского бунта М.Ю. Лермонтов обратился в неоконченной повести, которую традиционно называют «Вадим» (1832–1834 гг.). Ее действие разворачивается в Пензенской губернии в районе реки Суры. По мнению критиков, главный герой – горбун Вадим, ставший по воле самодура-помещика нищим, «воплощает в себе бунтарское начало протеста» и в целом принадлежит «к числу тех художественных образов, которые, начиная с юношеской лирики Лермонтова и кончая “Демоном”, являются художественным воплощением социально-философских размышлений и соответствующих психологических переживаний поэта» (Докусов, 1957: 637).

В лирике М.Ю. Лермонтова явственно прослеживается мотив противопоставления «здешнего света» и всего ущербного существования современной ему России прежнему, былому могуществу великой Родины. Величайшее проявление мощи русского духа М.Ю. Лермонтов видел в Отечественной войне 1812 г. Значение победы России над непобедимым Наполеоном для него глубоко символично, так как поэт усматривает в ней не просто военный триумф, не только торжество справедливости, но и свидетельство огромной духовной силы русского народа. Это просматривается как в стихотворении «Поле Бородина» (1830–1831 гг.), так и в знаменитом «Бородино» (1837 г.).

«Бородино» является первым произведением поэта, напечатанным с его ведома в честь 25-летней годовщины Бородинского сражения. В нем старый солдат-артиллерист повествует о знаменитом сражении, после которого Москва была оставлена русскими войсками. В стихотворении явственно прослеживается не только вечный мотив отцов и детей («Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя: богатыри – не вы!»), но и история войны в целом. Все неудачи и победы русской армии объясняются Божьей волей, в согласии с которой действуют и полководцы, и простые солдаты. И.Л. Андроников (1977) обратил внимание на схожесть рассказов о событиях 1812 г. у М.Ю. Лермонтова и А.И. Герцена, услышанных ими от окружающих и переданных в «Бородино» и «Былом и думах» соответственно.

Именно А.И. Герцен (1812–1870 гг.) – по сути, ровесник М.Ю. Лермонтова – характеризовал своих современников, обреченных жить в эпоху николаевской России, когда официальной формулой патриотизма стала триада графа С.С. Уварова «самодержавие, православие, народность»: «Нам дают широкое образование, нам прививают желания, стремления, страдания современного мира, а потом кричат: “Оставайтесь рабами, немые и пассивными, иначе вы погибнете” <...> Молодой человек не находит ни малейшего живого интереса в этом мире низкопоклонства и мелкого честолюбия. И однако именно в этом обществе он осужден жить, ибо народ еще более далек от него» (1975).

Размышления об исторической памяти как основе патриотического мироощущения русского человека можно найти в стихотворении «Два великана», написанном в 1832 г. В нем М.Ю. Лермонтов представил Россию как великую и непобедимую державу, сравнив Москву с великаном в «шапке золота литого», о противнике он говорит с пренебрежением, называя его «трехнедельным удальцом». Особенностью патриотизма М.Ю. Лермонтова была гордость за Россию, он верил в то, что страна с таким великим прошлым имеет особую историческую судьбу.

Н.А. Добролюбов писал: «Лермонтов обладал, конечно, талантом и, умевший рано постичь недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит его удивительное стихотворение “Родина”, в котором он становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно» (1855). Это стихотворение написано в 1841 г. на Кавказе. В нем М.Ю. Лермонтов противопоставляет свою любовь к Родине официальному патриотизму и говорит о кровной связи с русской природой и русским народом. И по сей день в

¹ Лермонтов М.Ю. Указ. соч. С. 81.

Европейской России можно увидеть нарисованные поэтом картины: и «дрожащие огни печальных деревень», «и на холме средь желтой нивы чету белеющих берез», и «пьяных мужичков», которых становится все меньше, поскольку наша страна сегодня вымирает.

Еще И.Ф. Анненский в статье «Об эстетическом отношении Лермонтова к природе» отметил: «Стихия поэта – природа и духовная независимость» (1979: 243). Любовь к многоликой русской природе является неотъемлемой составной частью патриотизма М.Ю. Лермонтова. В.В. Розанов писал (1901): «У Лермонтова есть чувство собственности к природе: “Она мною владеет, она меня зачаровала; но это пошло так глубоко, тронуло такие центры во мне, что и обратно – чего никто не знает и никто этому не поверит – я тоже могу ее зачаровывать и двигать и чуть-чуть, немножко ею повелевать”».

В стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837 г.) у М.Ю. Лермонтова прослеживается своеобразный мотив примирения с Родиной, которого поэт мыслит достичь через созерцание русской природы. Ее красота часто ассоциируется с преклонением перед мудростью Бога, создавшего этот мир, но М.Ю. Лермонтов, будучи верующим человеком, был далек от официального, казенного православия. И.Ф. Анненский пишет: «Лермонтов был безусловно религиозен. Религия была потребностью его души. Он любил бога, и эта любовь давала в его поэзии смысл красоте, гармонии и таинственности в природе» (1979: 249).

Преклонение перед русской культурой, прежде всего перед гением А.С. Пушкина, гордость за его свершения были характерны для патриотизма М.Ю. Лермонтова. В стихотворении «Смерть поэта», созданном в 1837 г. сразу после гибели А.С. Пушкина, звучат гневные строки в адрес иноземца Ж. Дантеса, который «не мог понять нашей славы». Стихотворение содержит своеобразный патриотический мотив, обличающий палачей «свободы, гения и славы». Подлинный патриотизм не имеет ничего общего с казенным патриотизмом, который душит свободу, как индивидуальную, так и общественную. Именно свобода является неотъемлемым свойством поэтического Гения, а конфликт «вольного сердца» с «завистливым и душным» светом всегда влечет личностную катастрофу и гибель поэта. В поздней лирике М.Ю. Лермонтов еще более отчетливо отразил невозможность достижения свободы в современном ему обществе.

Патриотическим чувствам М.Ю. Лермонтова были свойственны глубокие раздумья о свободе и причинах несвободы русского человека. Гражданские мотивы прослеживаются уже в его ранней лирике: это и неприятие рабства («Жалобы турка»), и даже прославление революционного подвига («10 июля (1830)»). Но именно небольшой шедевр, подлинный крик души – «Прощай, немытая Россия...» – является в этом аспекте самым резким программным политическим стихотворением поэта, в котором явственно звучит неприятие всех сторон современной ему русской действительности. Рабская покорность народа, его готовность стерпеть любую несправедливость, страшную вековую косность, порожденную азиатским игом, длившимся четверть тысячелетия, – все это поэт видел в душе народа и не мог не осуждать. Поэтому и Россию он любил «странною любовью».

В стихотворении «Монолог» (1829 г.) красной нитью проходит идея о том, что сама родина обрекает русских людей на бездействие. Людские таланты обречены на жалкое прозябание во враждебной среде «светской черни». Уникальные дарования гибнут в удушливой атмосфере николаевской России:

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете...

К чему глубокие познания, жажда славы,

Когда мы их употребить не можем?

И душно кажется на родине,

И сердцу тяжело, и душа тоскует...¹

Отметим, что М.Ю. Лермонтов был молодым человеком, а именно молодости свойственно особо остро реагировать на различные модификации социального зла. Николай I больше всего боялся повторения событий декабря 1825 г., поэтому все ростки вольнодумства в обществе подавлялись безжалостно, что поэт испытал на себе после распространения в списках стихотворении «Смерть поэта».

На наш взгляд, М.Ю. Лермонтов реагировал на государственную власть, не без оснований боявшуюся социальных катаклизмов и стремившуюся решать проблемы страны эволюционным путем, чрезмерно критично. Эта критика относилась не только к «немытой России», «стране рабов, стране господ». М.Ю. Лермонтов осуждал сверстников, молодых людей, потерявших способность к любви, борьбе, творчеству, утративших вкус к жизни. В 1838 г. он создал стихотворение «Дума», которое собрало в себе весь комплекс разочарований в возможности светлого будущего для молодых людей, умы и сердца которых оказались опустошенными ввиду утраты всех надежд:

¹ Лермонтов М.Ю. Указ. соч. С. 25.

*Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьбы и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.¹*

История России показала, что отнюдь не все современники М.Ю. Лермонтова были столь безнадежны.

Патриотизм М.Ю. Лермонтова окрашен грустью, пронизывающей и любовь к истории родной страны, и трепетный восторг перед русской природой, и гордость за русских людей, которые не могут реализовать таланты на родной земле. В стихотворении «Бородино», например, вера в русского солдата-богатыря, героически сражающегося с врагом, обращена скорее в прошлое, чем в будущее. Желание мира и покоя в своей стране сталкивается с «беспрестанной и напрасной» враждой; оттого что «жаль опечалить» отца и мать простого человека, погибшего «честно за царя» («Валерик»). «Странная любовь» поэта к Родине не соотносится с утверждаемыми властью патристическими и идеологическими постулатами («Родина»).

Видимо, М.Ю. Лермонтов понимал срединное положение России между Востоком и Западом, что явственно видно из многих его произведений, в том числе из стихотворения «Спор». Для Востока Россия представляется Западом, а для Запада – таинственным и опасным Востоком. Но как Западу, так и Востоку не стоит недооценивать военную силу России, которую рисует М.Ю. Лермонтов в этом стихотворении:

*Боевые батальоны
Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамены,
В барабаны бьют;
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.²*

Молодые люди поколения М.Ю. Лермонтова, воспитанные на примере героев Отечественной войны 1812 г., часто выбирали военную службу. Недаром «герой нашего времени» Печорин с детства мечтал стать военным и служить своей стране, что свидетельствует о его привязанности к Родине и патристических чувствах. Но, как и многие мыслящие офицеры той эпохи, Печорин видит в России лишь негативные стороны: тупость и невежество окружающих его людей, жестокость и лицемерие общества. Все это приводит его к сомнениям в ценности патристических чувств.

Широта интересов М.Ю. Лермонтова, его открытость мировой культуре видны из того, что он переплавлял в творчестве не только материал из русской истории и культуры, но и из кавказских реалий («Мцыри», «Демон») и даже восточных преданий («Три пальмы»).

Итак, патриотизм М.Ю. Лермонтова включает в себя такие важнейшие составляющие, как почитание истории родной страны, любовь к русской природе, преклонение и гордость перед русской культурой, гордость и боль за нереализованные потенции талантливых русских людей. Он одновременно и восхищается Россией, и недоволен ее печальным настоящим, испытывает страх за будущее Родины, осознавая всю несправедливость современного бытия.

Не следует забывать, что любовь – чувство иррациональное, вывести «формулу любви» невозможно. Любовь к Родине у М.Ю. Лермонтова также предстает чувством во многом иррациональным. По сути, М.Ю. Лермонтов впервые в русской поэзии и философии заговорил об иррациональном компоненте в чувстве любви к Родине. Поэт утверждает, что нельзя логически обосновать и объяснить, за что человек любит отчизну. Эта мысль дала толчок развитию одной из основных традиций русской литературы, которую впоследствии блестяще выразил еще один поэт-философ, Ф.И. Тютчев:

*Умом – Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.³*

---

¹ Лермонтов М.Ю. Указ. соч. С. 142.

² Там же. С. 186–187.

³ Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма : в 6 т. Т. 2: 1850–1873 гг. М., 2003. С. 165.

Список источников:

- Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки : 4-е изд. М., 1977. 647 с.
- Анненский И.Ф. Об эстетическом отношении Лермонтова к природе // Анненский И.Ф. Книги отражений. М., 1979. С. 242–231.
- Асмус В.Ф. Круг идей Лермонтова // Асмус В.Ф. Вопросы теории и истории эстетики : сб. ст. М., 1968. С. 359–411.
- Белинский В.Г. Стихотворения М. Лермонтова // М.Ю. Лермонтов в русской критике : сб. ст. / вступ. статья и примеч. Д. Зонина. М., 1955. С. 124–196.
- Беляев Д.А., Строкова А.В. Философские мотивы в творчестве М.Ю. Лермонтова: пролегомены к ницшеанству и идее сверхчеловека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-1 (73). С. 27–29.
- Виноградов И.И. Философский роман Лермонтова // Виноградов И.И. Духовные искания русской литературы. М., 2005. С. 15–55.
- Герцен А.И. Новая фаза в русской литературе // Герцен А.И. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 8: Избранные публицистические произведения 1853–1869 гг. М., 1975. С. 217–266.
- Горохов П.А., Пузиенко Ю.В., Коваленко А.П. Формирование и развитие патриотизма у будущих управленцев: философско-методологические и праксиологические аспекты // Alma mater. Вестник высшей школы. 2023. № 5. С. 70–76. <https://doi.org/10.20339/AM.05-23.070>.
- Добролюбов Н.А. О степени участия народности в развитии русской литературы // М.Ю. Лермонтов в русской критике : сб. ст. / вступ. статья и примеч. Д. Зонина. М., 1955. С. 239–240.
- Докусов А.М. Примечания. Вадим // Лермонтов М.Ю. Сочинения : в 6 т. Т. 6: Проза. Письма. М.; Л., 1957. С. 635–639.
- Мануйлов В.А. Можно ли назвать Печорина сознательным поборником зла? // Проблемы теории и истории литературы : сб. ст., посвящ. памяти проф. А.Н. Соколова / отв. ред. В.И. Кулешов. М., 1971. С. 219–225.
- Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Вопросы литературы. 1989. № 10. С. 88–122.
- Розанов В.В. М.Ю. Лермонтов (к 60-летию кончины) (о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова и его сравнении с Н.В. Гоголем) // Новое время. 1901. № 9109. С. 2–3.
- Соловьев В.С. Лермонтов // Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990. С. 274–291.

References:

- Andronikov, I.L. (1977) Lermontov. Research and findings: 4th ed. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura. (In Russian)
- Annensky, I.F. (1979) On Lermontov's aesthetic attitude to nature. In: Annensky, I.F. *Books of reflections*. Moscow, Nauka, 242–231. (In Russian)
- Asmus, V.F. (1968) Lermontov's circle of ideas. In: Asmus, V.F. *Questions of theory and history of aesthetics: Collection of articles*. Moscow, Iskusstvo, 359–411. (In Russian)
- Belinsky, V.G. (1955) Poems by M. Lermontov. In: *M.Yu. Lermontov in Russian criticism: Collection of articles*. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literatury, 124–196. (In Russian)
- Belyaev, D.A. & Strokov, A.V. (2016) Philosophical motives in M. Lermontov's creative work: Prolegomena to Nietzscheanism and the idea of the superman. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. (11-1), 27–29. (In Russian)
- Dobrolyubov, N.A. (1955) On the degree of participation of the nationality in the development of Russian literature. In: *M.Yu. Lermontov in Russian criticism: Collection of articles*. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literatury, 239–240. (In Russian)
- Dokusov, A.M. (1957) Notes. Vadim. In: Lermontov, M.Yu. *Works. Vol. 6: Prose. Letters*. Moscow; Leningrad, AN SSSR, 635–639. (In Russian)
- Gorokhov, P.A., Puzienko, Yu.V. & Kovalenko, A.P. (2023) Formation and development of patriotism among future managers: Philosophical-methodological and praxeological aspects. *Alma Mater. Vestnik Vysshey Shkoly*. (5), 70–76. Available from: [doi:10.20339/AM.05-23.070](https://doi.org/10.20339/AM.05-23.070). (In Russian)
- Herzen, A.I. (1975) New phase in Russian literature. In: Herzen, A.I. *Collected works. Vol. 8: Selected journalistic works of 1853–1869*. Moscow, Pravda, 217–266. (In Russian)
- Manuilov, V.A. (1971) Can Pechorin be called a conscious champion of evil? In: Sokolov, A.N. (ed.) *Problems of the theory and history of literature: Collection of articles*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 219–225. (In Russian)
- Merezhkovsky, D.S. (1989) M.Yu. Lermontov. The poet of Supermankind. *Voprosy Literatury*. (10), 88–122. (In Russian)
- Rozanov, V.V. (1901) M.Yu. Lermontov (On the 60th anniversary of his death) (On the life and work of M.Yu. Lermontov and his comparison with N.V. Gogol). *Novoye Vremya*. (9109), 2–3. (In Russian)
- Solovyov, V.S. (1990) Lermontov. In: Solovyov, V.S. *Literary criticism*. Moscow, Sovremennik, 274–291. (In Russian)
- Vinogradov, I.I. (2005) Lermontov's philosophical novel. In: Vinogradov, I.I. *Spiritual quests of Russian literature*. Moscow, Russkii Put, 15–55. (In Russian)

Информация об авторах

П.А. Горохов – доктор философских наук, профессор, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Оренбург, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=301801

Е.Р. Южанинова – доктор педагогических наук, кандидат философских наук, профессор, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=631015

Вклад авторов:

П.А. Горохов – концепция исследования, развитие методологии, написание исходного текста, итоговые выводы.

Е.Р. Южанинова – подбор литературы, работа с источниками, доработка текста, оформление библиографии.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

P.A. Gorokhov – D.Phil., Professor, Orenburg Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=301801

E.R. Yuzhaninova – D.Phil. in Education Science, PhD, Professor, Orenburg State University, Orenburg, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=631015

Contribution of the authors:

P.A. Gorokhov – concept of the study, methodology development, source text writing, conclusions.

E.R. Yuzhaninova – literature selection, source work, follow-on revision of the text, bibliography preparation.

Conflicts of interests:

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.08.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.09.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 004.032+141.12

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.4>

Управление сложными системами: ключевые характеристики и онтологическое ограничение сложности объекта управления

Андрей Армович Грибков¹, Александр Александрович Зеленский²

¹Независимый исследователь, Зеленоград, Россия,
andarmo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9734-105X>

²Независимый исследователь, Зеленоград, Россия,
zelenskyaa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3464-538X>

Аннотация. Предметом исследования статьи является управление системами: физическими, химическими, биологическими, социальными и техническими. Свойства и возможности управления такими системами определяются совокупностью взаимосвязанных характеристик: дискретностью или непрерывностью управления, наличием обратной связи, видом устойчивости объекта управления. Важнейшим фактором, определяющим реализацию системы управления, является сложность объекта управления. Рассматривается специфика дискретного управления сложными системами с большим количеством связей между параметрами, характеризующими объект управления. Выявляются различные варианты дискретного управления, в том числе гибридные, обладающие некоторыми свойствами непрерывного управления. Выводы, полученные в результате анализа различных частных вариантов реализации систем управления, сопоставляются с онтологической оценкой проблемы управления сложными системами, что позволяет констатировать исключительно дискретный характер управления сложными системами, причем как естественными, так и искусственными. В основу методологии исследования систем управления сложными объектами положен комплексный анализ характеристик, определяющих вариант реализации управления, а также онтологическое осмысление существующего фундаментального ограничения на непрерывное управление сложными системами. Основными научными результатами, полученными авторами в статье, являются: формирование репрезентативного представления множества вариантов реализации систем управления; констатация невозможности построения сложных систем, в том числе систем с обратной связью, с непрерывным управлением; аргументированный выбор дискретного управления в качестве единственно возможного для сложных объектов управления; описание, функциональное и алгоритмическое позиционирование вариантов гибридного управления, основанного на дискретном управлении, но наделенного некоторыми свойствами непрерывного управления. Анализ возможности реализации различных вариантов управления в рамках онтологического (максимального по ширине) представления выявляет существование ограничения в реализации непрерывного управления для сложных объектов. Для искусственных систем, эпистемологических по своему генезису, а значит, являющихся частным случаем систем, определяемых в рамках онтологии, указанное ограничение также является актуальным.

Ключевые слова: управление дискретное, непрерывное, квазинепрерывное, дискретно-непрерывное, обратная связь, неравновесная устойчивость, сложность (complexity), онтологическое ограничение, цикл управления

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Грибков А.А., Зеленский А.А. Управление сложными системами: ключевые характеристики и онтологическое ограничение сложности объекта управления // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 37–46. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.4>.

Original article

Complex Systems Management: Key Characteristics and Ontological Limitations of Control Object Complexity

Andrey A. Gribkov¹, Alexander A. Zelenskiy²

¹Independent Researcher, Zelenograd, Russia,
andarmo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9734-105X>

²Independent Researcher, Zelenograd, Russia,
zelenskyaa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3464-538X>

Abstract. This article examines the management of physical, chemical, biological, social, and technical systems. The properties and capabilities of such systems are determined by a set of interrelated characteristics: discrete

or continuous control, the presence of feedback, and the type of stability of the control object. The most important factor determining the implementation of a control system is the complexity of the control object. The article considers the specifics of discrete control of complex systems with a large number of relationships between the parameters characterizing the control object. Various discrete control options are identified, including hybrid ones that possess some of the properties of continuous control. Conclusion obtained as a result of the analysis of various particular control system implementation options are compared with an ontological assessment of the problem of managing complex systems, which allows us to state the exceptionally discrete nature of managing complex systems, both natural and artificial. The methodology for studying control systems for complex objects is based on a comprehensive analysis of the characteristics that determine the control implementation option, as well as an ontological understanding of the existing fundamental limitation on the continuous control of complex systems. The main scientific results obtained by the authors in the article are: the formation of a representative presentation of a variety of control system implementation options; a statement of the impossibility of constructing complex systems, including systems with feedback, with continuous control; a reasoned choice of discrete control as the only possible one for complex control objects; a description, functional and algorithmic positioning of hybrid control options based on discrete control, but endowed with some properties of continuous control. Analysis of the feasibility of implementing various control options within the ontological (maximum in width) representation reveals the existence of a limitation in the implementation of continuous control for complex objects. For artificial systems that are epistemological in their genesis, and therefore are a special case of systems defined within the framework of ontology, this limitation is also relevant.

Keywords: discrete, continuous, quasi-continuous, discrete-continuous control, feedback, nonequilibrium stability, complexity, ontological constraint, control cycle

Funding: Independent work.

For citation: Gribkov, A.A. & Zelenskiy, A.A. (2025) Complex Systems Management: Key Characteristics and Ontological Limitations of Control Object Complexity. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 37–46. Available from: doi:10.24158/fik.2025.11.4 (In Russian).

Введение. Ключевым показателем эффективности цивилизации в выполнении ее основной функции – удовлетворения потребностей человека – в современную эпоху является качество управления машинами для производства материальных благ: станками, роботами, различными мехатронными системами, технологическими процессами и производствами на уровне цехов и предприятий. По мере технологического развития общества машины усложняются, требуя все более быстрогодействия управления. В этой связи возникают вопросы о том, каким образом можно повысить это быстродействие и каковы границы совершенствования систем управления.

Теоретические исследования и практический опыт, накопленные в области управления сложными системами, в том числе естественными, включают в себя широкий спектр методов и средств, основанных на различных подходах и принципах. При этом однозначного ответа о приоритетных подходах к управлению, а также о наличии (или отсутствии) объективных ограничений в управлении до настоящего времени не сформулировано.

Целью данного исследования является рассмотрение возможных вариантов характера управления сложными системами, его влияния на их быстродействие с учетом задействования обратной связи; оценка необходимости и возможности использования непрерывного и функционально близких к нему вариантов управления. По результатам исследования станет возможной онтологическая оценка процесса управления сложными системами, которая необходима для осмысления этого процесса и определения границ его совершенствования.

Сформулированный подход к философскому осмыслению процесса управления, предполагающий реализацию исследования с использованием формализма теории сложности (в частности, теоретико-множественного и теоретически-информационного представления сложности), теории управления и общей теории систем, является новым.

В настоящее время философская онтология управления в качестве предметов исследования обычно выбирает такие общие вопросы, как сущность управления, его формы (в зависимости от вида системы), структура и закономерности управления, а также место управления в бытии. Рассмотрение этих вопросов осуществляется в рамках гносеологии (Розенфельд, 2012), аксиологии (главным образом в социальной сфере (Бакурадзе, 2024)), праксиологии (в основном в сфере экономики (Дробот и др., 2025)) или в контексте общей эпистемологической проблематики (онтология науки управления (Герасимов Б., Герасимов К., 2021)).

Многие вопросы философской онтологии при этом остаются вне фокуса актуальных исследований: отношения непрерывного и дискретного управления, различия в управлении простыми и сложными объектами, отсутствие онтологических ограничений во взаимодействиях, наличие ограничений в управлении и т. д. По мнению авторов, эти вопросы представляют существенный интерес, и от их решения во многом зависит практическая реализация управления, в том числе машинами, обеспечивающими существование современной цивилизации.

Результатом наблюдения различных систем – физических, химических, биологических, социальных и технических – является выявление ограниченной совокупности ключевых характеристик,

определяющих их внутреннюю организацию и поведение. Одной из таких характеристик в случае управляемых систем выступает характер управления: дискретный или непрерывный.

Дискретное управление (Хлебников, 2024) осуществляется посредством отдельных, разнесенных во времени (притом, что эти интервалы времени могут быть очень малыми) воздействий со стороны системы управления на объект управления. Эти воздействия обеспечивают приведение параметров объекта управления к значениям, соответствующим задаче управления, в частном случае – к поддержанию этих значений неизменными. При этом значения параметров объекта управления могут быть как непрерывными (изменяющимися плавно), так и дискретными (изменяющимися ступенчато).

Если управление дискретное, а объект управления непрерывный, то говорят о дискретно-непрерывной системе управления, относящейся к гибридным системам управления, сочетающим дискретные и непрерывные составляющие (Расина, Гусева, 2022). Для того чтобы объект управления изменялся непрерывно, дискретные сигналы управления (в случае наличия обратной связи – сформированные в соответствии с полученными дискретными сенсорными данными) преобразуются посредством регулирующего контура в непрерывные управляющие воздействия. Объектом управления служит аналоговая система (например, физический объект или процесс), в качестве системы управления выступает цифровая система, реализуемая посредством исполнения программного кода на вычислительной машине или аппаратными средствами, т. е. с использованием специализированных электронных схем.

Дискретно-непрерывное управление – наиболее распространенный вариант управления. Основной областью его применения являются технические системы автоматического регулирования, используемые в станках, промышленных роботах, мехатронных комплексах, промышленной автоматике и электронике.

Специфической реализацией дискретно-непрерывного управления является случай использования (для повышения быстродействия) в системе управления аналоговых компонентов. При этом объект управления может быть аналоговым или цифровым, изменения его состояния – непрерывными или дискретными, а система управления – полностью (для управления наиболее простыми объектами) или частично аналоговой. Наиболее широко известными аналоговыми схемами, используемыми в вычислительных системах, в том числе системах управления, являются мостовые выпрямители (для преобразования переменного тока в постоянный), фильтры мощности и частоты сигналов, дифференциальные и интегральные схемы (дифференциальные схемы усиливают разницу между двумя входными напряжениями, а интегральные – выполняют математическое интегрирование), различные усилители сигналов и др. Существенное расширение функциональных возможностей дискретно-непрерывного управления обеспечивается использованием динамически программируемых аналоговых схем, способных задействовать различные заранее откомпилированные конфигурации (Мишин, 2004; Щерба, 2010). Указанные конфигурации сохраняются в подключаемой к программируемой аналоговой схеме цифровых устройств памяти.

При непрерывном управлении воздействие со стороны системы управления на объект управления осуществляется постоянно. Примером такого управления являются механические системы с адаптивными свойствами (Балакин и др., 2016). Изменение значений параметров объекта управления связано с изменением управляющего воздействия таким образом, что на значения параметров объекта управления влияет изменение управляющего воздействия, а на управляющее воздействие (его интенсивность, направление и т. д.) может влиять (при наличии обратной связи) состояние объекта управления (значения управляемых параметров). Объект управления, как и в случае дискретного управления, может иметь как непрерывно, так и дискретно изменяющиеся параметры. В случае (сравнительно мало распространенном), когда управление непрерывное, а объект управления дискретный, говорят о непрерывно-дискретной системе управления, относящейся к гибридным системам управления.

Функционально близким к непрерывному управлению является квазинепрерывное – тип дискретного управления, при котором частота управляющих воздействий существенно превышает частоту дискретизации (семплирования) объекта управления (Ивойлов и др., 2018), т. е. необходимое количество измерений (отсчетов) значений его параметров, производимых за одну секунду для их цифрового представления с требуемой точностью.

Если частота дискретизации объекта управления не очень высокая, то система управления может быть цифровой. Как показали исследования систем управления технологического оборудования (Зеленский и др., 2023), в зависимости от сложности объекта управления необходимое быстродействие системы управления составляет от 100 МГц (двухкоординатные токарные станки с ЧПУ) до 200 ГГц (прецизионные электроэрозионные станки с ЧПУ). При более высокой частоте дискретизации необходимо использование аппаратного квазинепрерывного управления, в котором для повышения быстродействия системы управления используются специализированные электронные

схемы. Если частота дискретизации объекта управления существенно ниже возможностей аппаратной системы квазинепрерывного управления, то аппаратные компоненты могут использоваться в импульсном режиме, чередуя периоды активности с периодами бездействия. Для некоторых видов оборудования (например, для лазерной резки) использование импульсного режима позволяет повысить его пиковую мощность по сравнению с работой на максимальной частоте (Paschotta, 2005).

Важный фактор, который необходимо учитывать при использовании квазинепрерывного управления, – это существенный рост потребности в ресурсах при повышении частоты управляющих воздействий. Несмотря на функциональное подобие квазинепрерывного и непрерывного управления, первое из них в действительности является дискретным, а значит, для генерации каждого управляющего воздействия задействуется память и другие вычислительные ресурсы. В результате увеличение частоты управляющих воздействий до уровня выше частоты дискретизации объекта управления нецелесообразно и ведет к необоснованному усложнению технической реализации системы управления.

К числу ключевых характеристик, которые необходимо учитывать в рамках анализа свойств дискретного и непрерывного управления, также относятся наличие в исследуемой системе обратной связи (которую мы уже упоминали) и вид устойчивости системы.

По наличию обратной связи все управляемые системы делятся на системы с обратной связью (отрицательной или положительной) и системы без обратной связи. В первом случае воздействие со стороны системы управления коррелируется с отслеживаемым состоянием объекта управления, во втором – воздействие со стороны системы управления на объект управления осуществляется в соответствии с определенной программой (последовательностью), призванной обеспечить необходимые изменения объекта управления, но при этом не осуществляется отслеживание этих изменений.

По виду устойчивости системы имеет место деление на системы с равновесной устойчивостью и системы с неравновесной устойчивостью (Гленсдорф, Пригожин, 1973). В системах с равновесной устойчивостью обеспечивается баланс противоположных процессов (сжатие-расширение, объединение-распад, нагрев-охлаждение и т. д.), при котором система сохраняет свою целостность. В системах с неравновесной устойчивостью равновесия между противоположными процессами нет, имеет место разность (перепад) значений определяющих ее параметров, вследствие чего инициируются внутренние процессы. Если эти процессы стабильны (например, реализуются в виде циркуляторных или иных периодических изменений), то система может сохранять свою целостность. Большинство сложных динамических систем, в частности «живые» системы (биологические, социальные, экономические и др.), обладают неравновесной устойчивостью.

Реализация управления в существенной степени зависит от указанных выше ключевых характеристик (наличия обратной связи и вида устойчивости объекта управления). Наличие обратной связи, предполагающее влияние объекта управления на систему управления, резко повышает эффективность управления, поэтому абсолютно преобладающая доля управляемых систем обладает обратной связью. Вид устойчивости объекта управления также существенно влияет на реализацию управления. Неравновесная устойчивость, с одной стороны, существенно повышает сложность системы управления, но, с другой стороны, увеличивает эффективность управления: скорость (уменьшая задержки) и адаптивность. Это является следствием того, что в системах с неравновесной устойчивостью управляемые параметры – динамические (изменяющиеся во времени), существенно более чувствительные к управляющему воздействию, чем статические (постоянные во времени), используемые для управления системами с равновесной устойчивостью.

Характер управления, сложность объекта и наличие обратной связи. Оценка сложности объекта может базироваться на нескольких альтернативных подходах (Уемов, 1978: 200): логическом (определяются меры некоторых свойств отношений, которые считаются упрощающими); теоретически-информационном (в рамках которого сложность отождествляется с энтропией); алгоритмическом (сложность определяется длиной алгоритма, необходимого для определения исследуемого объекта); теоретико-множественном (сложность связывается с мощностью множества элементов, из которых состоит изучаемый объект).

Как показали исследования авторов (Зеленский, Грибков, 2023), для описания сложности объекта управления целесообразно использовать теоретико-множественный подход, в рамках которого сложность объекта управления может быть соотнесена с количеством уравнений в системе, связывающей параметры (переменные), характеризующие объект управления. По мере повышения сложности объекта количество уравнений увеличивается и быстро достигает уровня, когда выражение связей параметров в виде модели с замкнутым решением (closed-form solution; аналитической модели без итерации и рекурсии, в которой значения параметров определяются за один шаг) становится практически нереализуемым. Задача выражения связей параметров еще более усложняется, когда необходимо обеспечивать взаимосвязь двух и более параметров.

Между тем в реальных системах имеет место взаимосвязь большого числа параметров, а иногда даже всех параметров, характеризующих объект.

Для описания сложных объектов управления практически никогда невозможно построение модели с замкнутым решением. В качестве примера можно привести известную задачу трех тел, заключающуюся в описании движения трех образующих систему компонентов, взаимодействующих между собой посредством сил гравитации. При том, что компонентов всего три, модели с замкнутым решением для задачи трех тел не существует, и даже приближенное решение в виде ряда, полученное К. Зундманом, на практике астрономических наблюдений неприменимо, поскольку требует $10^{8\,000\,000\,000}$ членов (Belorizky, 1930).

Для описания подобных сложных объектов используют численные модели, отличительной особенностью которых является дискретное (пошаговое) представление изменений параметров объекта, с определением промежуточных состояний посредством линейной (или иной полиномиальной и др.) интерполяции. В результате численное решение указанной выше задачи трех тел с приемлемой точностью может быть выполнено на обычном персональном компьютере. Аналогичные подходы используются для непрерывного управления механических систем (Ананьевский, Решмин, 2014).

Если изменения значений параметров объекта управления определяются дискретно, то и управляющее воздействие со стороны системы управления также должно осуществляться дискретно (непрерывное воздействие теоретически возможно, но сложно реализуемо и не имеет никакого практического смысла). Таким образом, можно констатировать, что управление сложными объектами осуществляется исключительно дискретно.

Если сложность объекта управления невелика и взаимосвязь его параметров всюду определена (например, представлена в виде аналитической модели), то такой объект может управляться как дискретно, так и (в случае возможности построения модели с замкнутым решением) непрерывно. Реализация непрерывного управления существенно сложнее, однако имеет определенные преимущества, важнейшим из которых является несоизмеримо большее быстродействие. Для технических систем на практике возможна аналоговая реализация с непрерывным управлением, которая осуществляется посредством аналоговых компонентов, работающих с непрерывными сигналами, такими как напряжение или ток, которые могут принимать бесконечное множество значений в заданном диапазоне. Также возможным решением для построения сравнительно несложных квазинепрерывных систем управления с высоким быстродействием является использование аппаратных компонентов, о которых мы уже говорили выше.

Существуют ли объекты, которые управляются исключительно непрерывно? Таковыми являются естественные объекты неживой природы: физические и химические системы без внешнего управления. Непрерывный характер самоуправления таких систем обусловлен невозможностью их дискретного управления, необходимым условием которого является наличие информационной памяти, сохраняемой в виде кода. В информационной памяти фиксируются предыдущие значения параметров управляемой системы, на основе сравнения с которыми осуществляется управление. Также в информационной памяти сохраняется модель, согласно которой, исходя из указанного сравнения предыдущих и текущих значений параметров, определяются необходимые управляющие воздействия. В естественных физических и химических системах информационной памяти нет. Вместо нее используется неинформационная память, носителем которой является состояние объекта (электрическое напряжение, сила тока, сопротивление, намагниченность, деформация, гибридизация электронных орбиталей, химический состав и т. д.). В той мере, в которой изменение состояния объекта способно инициировать процессы его изменения (в частности, восстановления), объект обладает способностью к самоуправлению.

Независимо от характера, управление не может осуществляться мгновенно, без задержки между управляющим воздействием и изменением объекта управления. Эта задержка исполнения имеет различный генезис в системах с обратной связью и системах без обратной связи.

В системах без обратной связи задержка исполнения управляющих воздействий обусловлена физической ограниченностью скорости передачи любого действия и изменением объекта управления под его воздействием. Подобные физические ограничения имеют место и в системах с обратной связью, однако основную роль в определении длительности задержки исполнения играет длительность цикла обратной связи.

Цикл обратной связи включает в себя последовательность операций, которые система управления должна выполнить для определения нового управляющего воздействия, скорректированного согласно поступившим по обратной связи данным о текущих значениях параметров объекта управления. Рост сложности системы управления влечет за собой увеличение длительности цикла обратной связи: чем больше количество операций и чем выше сложность каждой из них, тем больше требуется времени для их выполнения.

С другой стороны, если речь идет о дискретном управлении, то чем выше сложность объекта управления, тем меньше должен быть интервал времени между управляющими воздействиями (цикл управления). Практические исследования авторов показали (Зеленский, Грибков, 2023), что максимально допустимая длительность цикла управления обратно пропорциональна сложности объекта управления. Причиной данной зависимости является повышение скорости роста энтропии объекта управления по мере роста его сложности. Рост энтропии в случае дискретного управления происходит в интервале времени между управляющими воздействиями. Поэтому, повышая сложность объекта управления, необходимо одновременно сокращать интервалы между управляющими воздействиями, то есть уменьшать длительность цикла управления.

Наличие в управляемой системе указанных двух противоположных тенденций определяет центральную задачу дискретного управления – сокращения длительности цикла управления при сохранении полной функциональности управления. Допустимые значения длительности цикла управления для сложных технических систем находятся в диапазоне от десятков микросекунд до десятков миллисекунд, для наиболее сложных – менее 100 наносекунд. Такие значения длительности цикла управления соответствуют управлению в реальном времени.

Задача сокращения длительности цикла управления для систем реального времени описывается и решается авторами на основе конфигурирования цикла системы управления (Зеленский, Грибков, 2024). Основным подходом к сокращению длительности цикла управления является поиск оптимального распределения по времени операций, формирующих цикл управления, с учетом потребных для их выполнения ресурсов (например, вычислительных), предполагающих многопоточность и группирование связанных операций. Важную роль в решении задачи сокращения длительности цикла управления играет повышение быстродействия выполнения операций, что в вычислительных системах обеспечивается совершенствованием используемой электронной компонентной базы (в частности, «утономением» проектных норм (Бобков, 2020)) и использованием аппаратных компонентов.

Для систем с непрерывным управлением указанные выше подходы неприменимы. При этом и проблема сокращения длительности цикла обратной связи для таких систем неактуальна. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, быстродействие систем с непрерывным управлением несопоставимо выше, чем у систем с дискретным управлением, и определяется скоростью протекания аналогового процесса (физического, химического и др.). Во-вторых, как мы уже установили ранее, построение сложных систем с непрерывным управлением на практике не представляется возможным. При этом в пределах возможного роста сложности объекта управления быстродействие системы непрерывного управления, вероятно, не снижается, поскольку параметры системы определяются не по отдельности (последовательно или частично параллельно), а совместно (одновременно и взаимосвязанно).

Онтология управления систем. Формируемая теорией познания и наукой система представлений о мире сформирована из обобщенных понятий, внутреннее содержание и генезис которых во многих случаях не определены или определены лишь частично. Многие используемые нами понятия существуют исключительно в рамках эпистемологии и не имеют выраженного онтологического содержания.

Каким образом мы можем судить об онтологичности знания? В рамках предшествующих исследований (Грибков, 2024) было констатировано, что онтологичность понятия требует, чтобы ему соответствовала реальная (физическая), а не абстрактная (математическая) величина. Реальные величины могут быть определены посредством прямых измерений, им соответствует какой-то реальный объект или процесс. Информативным маркером онтологичности знания является возможность его представления посредством паттернов форм и законов, выявляемых в процессе познания различных предметных областей.

Процесс управления – это не абстрактное представление связи системы управления и объекта управления, а (во многих случаях) недетерминированный процесс, скорость которого зависит от сложности решаемой задачи управления. Причем эта зависимость в равной степени проявляется как в естественных, так и в искусственных системах. Если для искусственных систем, порожденных перенесением представлений науки и теории познания на реальность, влияние сложности объекта на скорость управления ожидаемо (сложность коррелируется со временем, необходимым для представления, а время представления обуславливает скорость управляемых изменений), то в случае естественных систем наблюдение указанного влияния свидетельствует о существовании в реальности процесса, отражением которого является эта зависимость. Другими словами, процесс управления онтологичен, т. е. он соответствует процессам, протекающим в реальном мире, а не только в среде абстрактных представлений реальности.

В результате, как мы выяснили в процессе нашего исследования, для управления наиболее простыми объектами возможно непрерывное или дискретное (за исключением неживых самоуправляемых физических и химических систем) управление, для управления более сложными

объектами – исключительно дискретное. Это означает, что ограничения, связанные со сложностью, существуют не только в рамках теории познания и наук (системы знаний), но и в бытии, если речь идет не о процессах, а об управлении процессами.

Состояние фрагмента бытия может определяться одновременным взаимодействием множества объектов и процессов. В этом случае в бытии никаких ограничений не существует (в отличие от представления в рамках системы знаний). При рассмотрении процесса управления ситуация принципиально меняется: для управления бытию необходимо «познать» себя, причем в состоянии, предшествующем текущему. Для этого предшествующее состояние должно быть записано в память, которая может быть реализована только через состояние бытия. Однако бытие не может одновременно изменяться и быть памятью для своего состояния, предшествующего изменению. В результате при управлении процессами в бытии возникают ограничения по сложности, проявляющиеся в неполноте определения состояния и «освобождении места» для его записи в виде изменения состояния бытия.

Полученный нами вывод согласуется с онтологическим определением сложности систем. К числу отличительных особенностей сложных систем относят открытость (а, значит, потенциально неограниченное число внешних связей), наличие в них памяти и регуляцию петлями обратной связи (Князева, 2012). Эти особенности неизбежно обуславливают ограниченность сложности процессов управления (самоуправления) сложных систем.

Важным стимулом синтеза все более совершенных искусственных систем является существование их естественных аналогов. Сохраняется надежда, что если что-то возможно в природе, то нечто подобное может быть создано и человеком. При этом известно, что для искусственных систем существуют объективные ограничения по сравнению с естественными. Эти ограничения связаны с тем, что искусственные системы определяются в рамках системы знаний, а не бытия. Система знаний создана человеком, и ее аксиоматика принципиально отличается от оснований бытия (в качестве которых можно рассматривать первичные свойства бытия и следующие из них простейшие материальные структуры (Грибков, 2023)). В результате многое из того, что в природе происходит естественно и повсеместно, не может быть повторено искусственно. В частности, одновременность взаимодействий в реальном мире ограничена только наличием между ними причинно-следственных связей, в то время как для искусственных систем число связей и взаимодействий всегда количественно ограничено. Являются ли эти ограничения непреодолимыми? Практика показывает, что во многих случаях их можно отодвинуть, расширив возможности искусственных систем: использовать распределенные вычисления, параллельность выполнения операций, встраивать в системы управления аналоговые и аппаратные компоненты узкого функционального назначения, но с высоким быстродействием и т. д.

Имеются, однако, ограничения, актуальные и для бытия. Они не могут быть преодолены, а снижение их влияния – задача, не всегда имеющая решение. Одним из указанных ограничений является установленная нами в данной статье невозможность непрерывного управления сложными объектами. Это ограничение имеет фундаментальный характер и поэтому его необходимо принимать как данность. Дальнейшее развитие искусственных систем управления необходимо соотносить с этим ограничением, сокращая (в той мере, в которой это возможно) влияние факторов, определяющих его в реальном мире.

Главным из этих факторов является сложность объекта управления. Вероятно, что она без потери функциональности системы управления может быть снижена путем избавления от неактивных (или необязательных) связей между параметрами объекта управления. Также возможна инкапсуляция совокупностей элементов системы управления в более крупные компоненты с выстраиванием иерархии. Последний из указанных способов снижения сложности системы управления имеет выраженный эпистемологический характер, и его предположительная эффективность требует онтологического осмысления.

Заключение. Одной из ключевых характеристик систем управления является характер этого управления, который может быть дискретным или непрерывным. Специфический, но широко распространенный вид дискретного управления – гибридное управление, представленное двумя вариантами: дискретно-непрерывное, при котором объект управления непрерывный, а управляющие сигналы – дискретные; и квазинепрерывное, при котором частота управляющих сигналов существенно превышает частоту дискретизации объекта управления, вследствие чего функционально управление близко к непрерывному.

Наряду с характером на систему управления существенное влияние оказывает наличие в ней обратной связи и вид ее устойчивости. Использование обратной связи позволяет существенно повысить точность и управлять сложными системами, но при этом для сколько-нибудь сложных объектов управления становится возможным только дискретное управление с формированием у системы управления задержки на интервал времени, равный длительности цикла обратной связи.

По виду устойчивости системы (включая системы управления) делятся на равновесные и неравновесные. Большинство сложных динамических систем (в том числе биологических, социальных, экономических, когнитивных и др.) являются неравновесными, описываемыми параметрами определяющих их процессов. Неравновесные системы часто характеризуются высокой сложностью, но обеспечивают более высокую эффективность управления и адаптивность.

Центральным понятием для определения управления является сложность объекта управления. Прикладные исследования авторов показали, что целесообразно использовать теоретико-множественный подход к определению сложности. Согласно этому подходу, сложность зависит от числа связей в объекте, которое может быть соотнесено с количеством уравнений, связывающих параметры, характеризующие систему управления. По мере повышения сложности объекта управления количество этих уравнений увеличивается, и на каком-то уровне сложности объект уже невозможно описать в рамках модели с замкнутым решением (аналитической модели без итераций и рекурсии, в которой значения определяются за один шаг). В этом случае единственным возможным становится дискретное управление. Непрерывное управление выполнимо лишь для наиболее простых объектов. Для очень небольшой группы объектов (неживые физические и химические системы без внешнего управления) возможно только непрерывное управление, что обусловлено отсутствием у них информационной памяти, без которой дискретное управление нереализуемо.

Компромиссным решением, актуальным для управления сложными объектами, является квазинепрерывное управление – дискретное управление, функционально мало отличающееся от непрерывного. Существенное увеличение частоты управляющих сигналов достигается посредством встраивания в систему управления быстродействующих аналоговых или аппаратных компонентов, способных с очень высокой частотой выполнять типовые (сравнительно несложные) операции.

Проблема управления сложными системами имеет значимый онтологический аспект. Известно, что естественные системы находятся в состоянии одновременного взаимодействия с большим количеством других систем (теоретически – с бесконечным количеством других систем). Задача реализации подобного характера взаимодействий в искусственных системах в полной мере не может быть решена, однако некоторые успехи, основанные на использовании децентрализации управления, параллельности выполнения операций и т. д., имеются, и существует перспектива развития этих успехов. Можно надеяться, что если это возможно в естественных системах (определяемых законами бытия), то получится (хотя бы отчасти) в искусственных системах (созданных в рамках логики теории познания и науки).

Принципиально иная ситуация с управлением сложными системами (не существованием, а управлением!). Онтологический анализ реализации управления показывает, что непрерывное управление сложной системой с большим количеством связей в бытии невозможно, поскольку требует наличия памяти, которая в рамках представления бытия сохраняется в виде его состояния. Бытие не может одновременно изменять состояние и фиксировать это изменение в виде своего состояния. Единственным решением является ограничение сложности объекта управления (т. е. его неполное определение в рамках фрагмента бытия с ограниченной сложностью вглубь). Таким образом, в бытии существует объективное ограничение на непрерывное управление сложными системами (что мы действительно наблюдаем в реальном мире).

Проблему повышения быстродействия управления сложными объектами природа вынужденно решает в рамках установленного ограничения, т. е. используя дискретное управление. По этому же пути придется пойти и развитию искусственных систем управления. Это, однако, не означает, что задача повышения быстродействия не может быть решена. Наряду с непрерывным управлением имеется богатый арсенал средств для повышения быстродействия. Многие из этих средств (например, гибридное управление) успешно используются.

Список источников:

- Ананьевский И.М., Решмин С.А. Непрерывное управление механической системой на основе метода декомпозиции // Известия Российской академии наук. Теория и системы управления. 2014. № 4. С. 3–17. <https://doi.org/10.7868/S0002338814040027>. EDN: SGVTCD.
- Бакурадзе А.Б. Аксиология управления социальной организацией : монография. М., 2024. 262 с. EDN: ESYAXL.
- Балакин П.Д., Дюндик Е.А., Дюндик О.С. Механические системы с адаптивными свойствами // Динамика систем, механизмов и машин. 2016. № 1. С. 11–15. EDN: WZZQBF.
- Бобков С.Г. Пути и методы повышения производительности микропроцессоров // Проблемы разработки перспективных микро- и наноэлектронных систем (МЭС). 2020. № 4. С. 127–133. <https://doi.org/10.31114/2078-7707-2020-4-127-133>. EDN: XTFRGP.
- Герасимов Б.Н., Герасимов К.Б. Теория управления: онтология, структура, содержание // Проблемы теории и практики управления. 2021. № 5. С. 130–144. <https://doi.org/10.46486/0234-4505-2021-5-130-144>. EDN: BJSMPA.
- Гленсдорф П., Пригожин И. Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций. М., 1973. 280 с.
- Грибков А.А. Простейшие материальные структуры – следствия первичных свойств бытия // Общество: философия, история, культура. 2023. № 6. С. 23–29. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.6.2>. EDN: JWYOVV.

- Грибков А.А. Онтологизация познания: уровни онтологичности, границы и средства онтологизации // Общество: философия, история, культура. 2024. № 5. С. 15–21. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.5.1>. EDN: IFYLJT.
- Зеленский А.А., Грибков А.А. Онтологические аспекты проблемы реализуемости управления сложными системами // Философская мысль. 2023. № 12. С. 21–31. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2023.12.68807>. EDN: VIVNFQ.
- Зеленский А.А., Грибков А.А. Конфигурирование память-ориентированной системы управления движением // Программные системы и вычислительные методы. 2024. № 3. С. 12–25. <https://doi.org/10.7256/2454-0714.2024.3.71073>. EDN: TTQBVA.
- Князева Е.Н. Удивительный мир нелинейности и сложности // Неизбежность нелинейного мира : монография. М., 2012. С. 73–96.
- Мишин Г. Универсальные аналоговые программируемые ИС: выбор элементарных функциональных узлов // Электроника: Наука, Технология, Бизнес. 2004. № 4. С. 26–30. EDN: UKTJVP.
- Моделирование праксеологической деятельности менеджера в контексте критериев и условий ее эффективности / Е.В. Дробот [и др.] // Лидерство и менеджмент. 2025. Т. 12, № 2. С. 243–270. <https://doi.org/10.18334/lim.12.2.122670>.
- О выборе частоты дискретизации системы балансировки двухколесного робота / А.Ю. Ивойлов [и др.] // Научный вестник Новосибирского государственного технического университета. 2018. № 2 (71). С. 7–22. <https://doi.org/10.17212/1814-1196-2018-2-7-22>. EDN: RXAMPR.
- Расина И.В., Гусева И.С. Дискретно-непрерывные системы с параметрами: метод улучшения управления и параметров // Известия Иркутского государственного университета. Серия Математика. 2022. Т. 39. С. 34–50. <https://doi.org/10.26516/1997-7670.2022.39.34>. EDN: RKNFZQ.
- Реализуемость управления движением промышленных роботов, станков с ЧПУ и мехатронных систем. Часть 2 / А.А. Зеленский [и др.] // Вестник машиностроения. 2023. Т. 102, № 3. С. 213–220. <https://doi.org/10.36652/0042-4633-2023-3-213-220>. EDN: DLXUZZ.
- Розенфельд А.А. Гносеология комплексного и системного подхода в управлении // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2012. № 5 (44). С. 55–59.
- Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем : монография. М., 1978. 272 с.
- Хлебников М.В. Синтез обратной связи по выходу в дискретных системах управления как задача оптимизации // Автоматика и телемеханика. 2024. № 12. С. 3–22. <https://doi.org/10.31857/S0005231024120012>. EDN: XUOEQA.
- Щерба А. Динамическое программирование аналоговых схем Anadigm управляющим методом // Компоненты и технологии. 2010. № 12 (113). С. 7–10. EDN: NCDIQR.
- Belorizky D. Application pratique des méthodes de M. Sundman à un cas particulier du problème des trois corps // Bulletin Astronomique. 1930. Vol. 6. P. 417–434. (на фр. яз.)
- Paschotta R. Quasi-continuous-wave Operation // RP Photonics Encyclopedia. 2005. <https://doi.org/10.61835/kpr>.

References:

- Anan'evskii, I.M. & Reshmin, S.A. (2014) *Decomposition-based continuous control of mechanical systems*. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Teoriya i Sistemy Upravleniya*. (4), 3–17. Available from: doi:10.7868/S0002338814040027. EDN: SGVTCD. (In Russian)
- Bakuradze, A.B. (2024) *Aksiologiya upravleniya sotsial'noy organizatsiyey* [The axiology of social organization management]. Moscow. 262 p. EDN: ESYAXL. (In Russian)
- Balakin, P.D., Dyundik, E.A. & Dyundik, O.S. (2016) Mekhanicheskiye sistemy s adaptivnymi svoystvami [Mechanical systems with adaptive properties]. *Dynamics of Systems, Mechanisms and Machines*. (1), 11–15. EDN: WZZQBF. (In Russian)
- Belorizky, D. (1930) Application pratique des méthodes de M. Sundman à un cas particulier du problème des trois corps. *Bulletin Astronomique*. 6, 417–434. (In French)
- Bobkov, S.G. (2020) Directions and methods to improve the performance of microprocessors. *Problems of Advanced Micro- and Nanoelectronic Systems Development (MES)*. (4), 127–133. Available from: doi:10.31114/2078-7707-2020-4-127-133. EDN: XTFGRP. (In Russian)
- Drobot, E.V., Petrenko, E.S., Khayduk, L. & Benchich, S. (2025) Modeling manager's praxeological activity in connection with criteria and conditions of its effectiveness Abstract. *Leadership and Management*. 12 (2), 243–270. Available from: doi:10.18334/lim.12.2.122670. (In Russian)
- Gerasimov, B.N. & Gerasimov, K.B. (2021) Management theory: ontology, structure, content. *Theoretical and Practical Aspects of Management*. (5), 130–144. Available from: doi:10.46486/0234-4505-2021-5-130-144. EDN: BJSMPA. (In Russian)
- Glansdorff, P. & Prigogine, I. (1973) *Thermodynamic theory of structure, stability and fluctuation*. Moscow. 280 p. (In Russian)
- Gribkov, A.A. (2023) Simplest Material Structures – Consequences of the Primary Properties of Being. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 23–29. Available from: doi:10.24158/fik.2023.6.2. EDN: JWYOVV. (In Russian)
- Gribkov, A.A. (2024) Ontologization of cognition: levels, directions and means of implementation. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 15–21. Available from: doi:10.24158/fik.2024.5.1. EDN: IFYLJT. (In Russian)
- Ivailov, A.Yu., Zhmud, V.A., Trubin, V.G. & Sablina, G.V. (2018) On the choice of the sampling frequency of a two-wheeled robot balancing system. *Science Bulletin of the Novosibirsk State Technical University*. (2 (71)), 7–22. Available from: doi:10.17212/1814-1196-2018-2-7-22. EDN: RXAMPR. (In Russian)
- Khlebnikov, M.V. (2024) Sintez obratnoy svyazi po vykhodu v diskretnykh sistemakh upravleniya kak zadacha optimizatsii [Synthesis of output feedback in discrete control systems as an optimization problem]. *Avtomatika i telemekhanika*. (12), 3–22. Available from: doi:10.31857/S0005231024120012. EDN: XUOEQA. (In Russian)
- Knyazeva, E.N. (2012) Udivitel'nyy mir nelineynosti i slozhnosti [An amazing world of non-linearity and complexity]. In: *Neizbezhnost' nelineynogo mira* [The inevitability of a non-linear world]. Moscow, pp. 73–96. (In Russian)
- Mishin, G. (2004) Universal'n-yye analogovyye programmiruyemye IS: vybor elementarnykh funktsional'nykh uzlov [Universal analog programmable ICS: selection of elementary functional units]. *Electronics: Science, Technology, Business*. (4), 26–30. EDN: UKTJVP. (In Russian)
- Paschotta, R. (2005) Quasi-continuous-wave Operation. In: *RP Photonics Encyclopedia*. Available from: doi:10.61835/kpr.
- Rasina, I.V. & Guseva, I.S. (2022) Discrete-Continuous Systems with Parameters: Method for Improving Control and Parameters. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Mathematics*. 39, 34–50. Available from: doi:10.26516/1997-7670.2022.39.34. EDN: RKNFZQ. (In Russian)
- Rozenfeld, A.A. (2012) Epistemological complex and systemic approach to management. *Industry: Economics, Management, Technology*. (5 (44)), 55–59. (In Russian)

Shcherba, A. (2010) Dinamicheskoye programmirovaniye analogovykh skhem Anadigm upravlyayushchim metodom [Dynamic programming of analog Anadigm circuits using the control method]. *Components & Technologies*. (12 (113)), 7–10. EDN: NCDIQR. (In Russian)

Uyemov, A.I. (1978) *Sistemnyy podkhod i obshchaya teoriya sistem* [Systems approach and general theory of systems]. Moscow. 272 p. (In Russian)

Zelenskiy, A.A. & Gribkov, A.A. (2023) Ontological aspects of the problem of realizability of control of complex systems. *Philosophical Thought*. (12), 21–31. Available from: doi:10.25136/2409-8728.2023.12.68807. EDN: VIVNFQ. (In Russian)

Zelenskiy, A.A. & Gribkov, A.A. (2024) Configuration of memory-oriented motion control system. *Software systems and computational methods*. (3), 12–25. Available from: doi:10.7256/2454-0714.2024.3.71073. EDN: TTQBBA. (In Russian)

Zelenskiy, A.A., Kuznetsov, A.P., Ilyukhin, Yu.V. & Gribkov, A.A. (2023) Feasibility of motion control of industrial robots, CNC machine tools and mechatronic systems. Part 2. *Vestnik Mashinostroyeniya*. 102 (3), 213–220. Available from: doi:10.36652/0042-4633-2023-3-213-220. EDN: DLXUZZ. (In Russian)

Информация об авторах

А.А. Грибков – независимый исследователь, доктор технических наук, ведущий научный сотрудник НПК «Технологический центр», Зеленоград, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=605218

А.А. Зеленский – независимый исследователь, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник НПК «Технологический центр», Зеленоград, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=550443

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

A.A. Gribkov – Independent Researcher, D.Phil. in Technical Sciences, Leading Research Fellow, Research and Development Company Scientific-Manufacturing Complex “Technological Centre”, Zelenograd, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=605218

A.A. Zelenskiy – Independent Researcher, Ph.D. in Technical Sciences, Leading Research Fellow, Research and Development Company Scientific-Manufacturing Complex “Technological Centre”, Zelenograd, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=550443

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests:

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 111

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.5>

Онтологические основания социокультурной идентичности: от антиномии к синтетической модели

Марина Викторовна Думинская¹, Салават Рифгатович Аминов²

^{1,2}Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

¹marina-duminskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7530-383X>

²asr2005@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8048-5719>

Аннотация. В статье представлены результаты философского анализа онтологических оснований социокультурной идентичности. В контексте антропологического кризиса современности, отмеченного процессами глобализации и цифровизации, проблема определения оснований идентичности приобретает особую актуальность. Исследование направлено не только на выявление и критический разбор основных онтологических парадигм (субстанциалистской и конструктивистской), но и на позитивное разрешение этой антиномии через разработку синтетической многоуровневой модели социокультурной идентичности. В основе методологии исследования лежат сравнительно-исторический анализ, герменевтическая интерпретация текстов и имманентная критика. Произведена систематизация ключевых онтологических моделей идентичности, выявлены их методологические ограничения. В результате предложена онтологическая модель, описывающая бытие социокультурной идентичности как многоуровневый феномен, существующий одновременно в модусах intersubjectivity, incorporation, narrativity и practicality. Модель интегрирует достижения различных философских традиций, предлагая целостное понимание идентичности как единства устойчивости и изменчивости, объективного и субъективного, индивидуального и коллективного. Показано, что предложенная модель, преодолевая ограничения субстанциалистского и конструктивистского подходов, открывает новые перспективы для неклассической онтологии, создает теоретическую основу для анализа современных трансформаций идентичности в условиях цифровизации и глобальных процессов, что определяет его практическую значимость для социально-гуманитарных исследований.

Ключевые слова: онтология, социокультурная идентичность, субстанциализм, субстанция, конструктивизм, неклассическая онтология, многоуровневая онтологическая модель, синтетическая модель

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Думинская М.В., Аминов С.Р. Онтологические основания социокультурной идентичности: от антиномии к синтетической модели // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 47–54. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.5>.

Original article

Ontological Foundations of Socio-Cultural Identity: From Antinomy to a Synthetic Model

Marina V. Duminskaya¹, Salavat R. Aminov²

^{1,2}Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

¹marina-duminskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7530-383X>

²asr2005@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8048-5719>

Abstract. This paper presents the results of a philosophical analysis of the ontological foundations of sociocultural identity. In the context of the contemporary anthropological crisis, characterized by globalization and digitalization, the problem of defining the foundations of identity becomes particularly relevant. The study aims not only to identify and critically examine the main ontological paradigms (substantialist and constructivist) but also to positively resolve their antinomy through the development of a synthetic multi-level model of sociocultural identity. The methodological basis comprises comparative-historical analysis, hermeneutic interpretation of texts, and immanent criticism. The conducted research has enabled the systematization of key ontological models of identity and the identification of their methodological limitations. Particular attention is paid to the analysis of classical concepts—from the Aristotelian substantialist tradition to modern constructivist approaches. As a result, an ontological model is proposed, describing the being of socio-cultural identity as a multi-level phenomenon existing simultaneously in the modes of intersubjectivity, incorporation, narrativity, and practicality. The model integrates the achievements of various philosophical traditions, offering a holistic understanding of identity as a unity of stability and variability, objective and subjective, individual and collective. It is shown that the proposed model, overcoming the limitations

of substantialist and constructivist approaches, opens new perspectives for non-classical ontology and possesses significant potential for social epistemology. The proposed synthetic approach creates a theoretical basis for analyzing contemporary transformations of identity in the context of digitalization and global migration processes, which determines its practical significance for social and humanitarian research.

Keywords: ontology, socio-cultural identity, substantialism, substance, constructivism, non-classical ontology, multi-level ontological model, synthetic model

Funding: Independent work.

For citation: Duminskaya, M.V. & Aminov, S.R. (2025) Ontological Foundations of Socio-Cultural Identity: From Antinomy to a Synthetic Model. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 47–54. Available from: doi:10.24158/fik.2025.11.5 (In Russian).

Проблема идентичности, занимающая центральное место в современном социально-гуманитарном знании, неразрывно связана с фундаментальными философскими вопросами о способе бытия социальных феноменов. Актуальность исследования обусловлена глубинным кризисом идентичности в современном обществе. Как отмечал М. Хайдеггер, современная эпоха характеризуется «забвением бытия» (Хайдеггер, 2015: 37), что в социальной сфере проявляется в распаде традиционных форм солидарности и возникновении ситуативных идентификационных моделей. Интенсивные процессы глобализации и цифровизации приводят к размыванию субстанциальных оснований идентичности, а конституируемые идентичности зачастую оказываются поверхностными и нежизнеспособными. В этой ситуации онтологический анализ идентичности становится ключевой философской задачей, от решения которой зависит понимание фундаментальных механизмов социального бытия. В данном контексте онтологическая проблематика идентичности фокусируется на прояснении оснований ее существования. В центре внимания оказываются не столько проявления идентичности, сколько условия возможности ее как особого рода реальности. Это порождает круг взаимосвязанных вопросов: каков онтологический статус и структура этого феномена; что позволяет ему быть эффективным фактором социальной жизни; в чем состоит механизм превращения субъективного чувства принадлежности («Мы») в объективную социальную силу?

Анализ теоретической разработанности проблемы позволяет выделить две доминирующие и при этом оппозиционные друг другу парадигмы. С одной стороны, это субстанциалистская традиция, восходящая к аристотелевскому различению сущности и акциденций (Аристотель, 1976), и получившая развитие в немецкой классической философии (Гердер, 1977; Гегель, 2000). С другой стороны, существует конструктивистская парадигма, формирование которой было подготовлено развитием трансцендентально-феноменологической философии. Исходный импульс ее формированию задал И. Кант, совершивший «коперниканский переворот» и постулирующий, что познаваемый нами мир конституируется априорными структурами сознания познающего субъекта (Кант, 1994: 120–121). Дальнейшее развитие эта линия получила в феноменологии, где был детально разработан тезис о конституирующей роли субъективности.

Развитие этой традиции в социологии привело к ключевому теоретическому сдвигу: конституирующая активность была перенесена с трансцендентального сознания на конкретного социального актора – активного творца социальной реальности. Онтологические предпосылки для этого содержатся, в частности, в теории Э. Дюркгейма, показавшего, что коллективные представления обладают собственной, объективной реальностью, структурирующей индивидуальное сознание (Дюркгейм, 1991: 413). В свою очередь, М. Вебер, фокусируя внимание на индивидуальном действии, приходит к утверждению, что социальная реальность, формируемая посредством придания ей субъективного смысла, также выступает продуктом интерпретации и конструирования (Вебер, 1990: 603). Наиболее полное и систематическое выражение конструктивистская программа получила в концепции П. Бергера и Т. Лукмана, где реальность, включая идентичность, интерпретируется как продукт человеческой деятельности, который объективируется в социальных институтах и закрепляется в сознании индивидов (Бергер, Лукман, 1995). Таким образом, произошло становление конструктивистского подхода, с позиции которого идентичность трактуется не как данность, а как процесс, непрерывно воспроизводимый в пространстве intersubjectивных практик и значений.

Попытки выхода за рамки этой дихотомии представлены в иных теоретических координатах: в коммуникативной концепции М.М. Бахтина идентичность понимается как диалогический феномен (Бахтин, 1986: 311); в нарративной теории П. Рикёра данный феномен раскрывается как повествовательная конструкция, в которой становление самости происходит через опосредование знаками, символами и текстами: «Человек начинает осознавать себя по мере того, как воспринимает эту экономическую объективность в качестве модальности своей субъективности и становится обладателем специфически человеческих “чувств” по отношению к наличным вещам, воспринимая их как вещи обработанные, освоенные и присвоенные, в то время как сам он становится экспроприированным обладателем; именно эта новая объективность и порождает влечения и представления, с одной стороны, и представления и чувства – с другой» (Рикёр, 1996: 17). Ч. Тейлор, развивая мысль о

нарративной природе человеческой жизни, указывает на то, что субъект изначально оказывается в рамках культурного поля (языка, традиций, культурных практик, моральных ценностей и т. д.), воспринимаемых как данность, которая наследуется от предшествующих поколений. Вместе с этим каждый человек выстраивает свой нарратив, интерпретируя свой личностный опыт, создавая пространство собственных жизненных смыслов – фундамент, на котором конструируется его уникальное повествование (Taylor, 1989).

Несмотря на продуктивные попытки синтеза в рамках коммуникативной и нарративной концепций, вопрос о способе бытия идентичности как сложного многоаспектного феномена остается на периферии исследовательского внимания. В этой ситуации онтологический анализ идентичности и разработка синтетической модели социокультурной идентичности становится ключевой философской задачей.

Цель данной работы – провести философский анализ онтологических оснований социокультурной идентичности и на его основе разработать онтологическую модель, которая преодолевает ограничения монистических парадигм (субстанциализма и конструктивизма) и представляет социально-культурную идентичность как целостный многоаспектный феномен.

Методология настоящего исследования строится на последовательном применении сравнительно-исторического метода, позволяющего выявить генетические связи между различными онтологическими моделями; герменевтического подхода, направленного на содержательную интерпретацию ключевых положений философских текстов; а также метода имманентной критики, который дает возможность вскрыть внутренние противоречия анализируемых концепций.

Проблема онтологического анализа социокультурной идентичности заключается в специфической природе данного феномена. В отличие от объектов физического мира, существующих как объективные данности, социокультурная идентичность представляет собой сложное образование, обладающее следующими характеристиками: во-первых, это субъективное переживание принадлежности к определенной общности, что ставит вопрос о ее объективном статусе (феноменологическая укорененность в субъективности); во-вторых, она формируется как конструкт через систему языка, символов, дискурсивных практик и социальных взаимодействий; это свидетельствует об отсутствии у нее естественной или биологически заданной сущности; идентичность создается и воспроизводится через определенные социальные механизмы, зависит от историко-культурного контекста и требует постоянного воспроизводства через различные дискурсивные практики (символическая и дискурсивная опосредованность); в-третьих, она представляет собой не статичное образование, а динамический процесс, требующий постоянного пересмотра и переопределения.

Выделенная триада характеристик, раскрывающая природу данного феномена, – переживание, конструкт и процесс – проблематизирует саму возможность ее традиционного онтологического описания и требует ответа на вопрос: какому именно режиму существования принадлежит этот феномен? Можно ли рассматривать идентичность как иллюзию индивидуального сознания или эпифеномен экономических отношений (вторичное, производное явление, не обладающее собственной онтологической самостоятельностью), как психическую структуру либо особый тип объективной социальной реальности? Ответ на данную методологическую проблему, на наш взгляд, заключается в отказе от выбора между предложенными альтернативами. Вместо этого мы предлагаем рассматривать идентичность как сложный многоаспектный онтологический феномен, что требует многоуровневого подхода, который показывает, что идентичность существует одновременно и как нечто объективное (в социальных институтах), и как нечто субъективное (в переживании), и как конструкт (созданный в языке), и как данность (укорененная в реальности). Это позволяет выйти за рамки дихотомий «или-или»: объективное/субъективное, данность/конструкт, идеальное/материальное.

Для последовательного раскрытия онтологической проблематики идентичности и обоснования предлагаемой нами многоуровневой модели целесообразно обратиться прежде всего к рассмотрению субстанциалистской парадигмы, задавшей первоначальные теоретические рамки ее осмысления. Данная традиция восходит к фундаментальным различиям, разработанным Аристотелем в «Метафизике» между сущностью и акциденциями: «сущность есть то, что есть сущее в себе» (Аристотель, 1976: 158), т. е. неизменное основание бытия любой вещи, тогда как акциденции представляют собой случайные, изменчивые свойства. Эта концептуальная схема, согласно которой за многообразием явлений существует устойчивая субстанциальная основа, заложила метафизический фундамент для последующих субстанциалистских теорий идентичности. На основе этого классический субстанциализм исходит из фундаментального допущения, что для возможности идентификации нечто должно обладать устойчивой сущностью, остающейся тождественной себе. Применительно к социокультурной идентичности это означает существование некоего неизменного ядра, обеспечивающего преемственность группового бытия.

В немецкой классической философии эта аристотелевская идея получает систематическое развитие и трансформацию применительно к проблеме коллективной идентичности, что находит

свое наиболее яркое выражение в концепции «духа народа» И.Г. Гердера, где каждый народ понимается как органическое целое, обладающее собственной логикой развития. Отвергая механистические представления о народе как простой совокупности индивидов, Гердер предложил вместо этого органицистскую модель, согласно которой народ обладает уникальным «внутренним ядром» или «гением». Народ представляет собой не просто сумму индивидуальных сознаний, а метафизическую субстанцию, определяющую его историческую судьбу (Гердер, 1977: 45–58). «Дух народа» не является абстрактной идеей, он материализуется и становится доступным познанию через свои объективации, которые обнаруживаются прежде всего в языке – «органоне мышления и зеркале души народа» (Гердер, 1977: 55), а также в мифах, обычаях и культурных практиках, формирующих единое смысловое поле. Подобно живому организму, народ рождается, развивается по внутренним законам, сохраняя свою идентичность через непрерывное следование и воспроизведение своих традиций. Человек не выбирает свой народ, а рождается в нем, и этот факт предопределяет горизонт его понимания и действия. Идентичность понимается не как продукт индивидуального выбора или социального договора, а как априорная данность, предшествующая индивидуальному существованию и определяющая его возможности развития. «Каждая нация содержит центр своего счастья внутри самой себя, точно так же, как шар содержит внутри себя свой центр тяжести» (Гердер, 1977: 241). Данное представление является выражением классической субстанциалистской онтологии идентичности, где «дух народа» выполняет роль неизменной субстанции, а конкретные проявления культуры служат ее акциденцией. Онтологическим основанием здесь выступает внутреннее ядро народного духа, которое объективируется в языке, мифах и культурных практиках, но при этом остается неизменным в своей метафизической основе, сохраняя самостоительность.

Г.В.Ф. Гегель усиливает эту позицию, понимая народ как «нравственную субстанцию» в системе объективного духа (Гегель, 2000: 315). В «Философии права» он конкретизирует: «Народ как государство есть дух в его субстанциальной разумности и непосредственной действительности...» (Гегель, 1990: 279). Онтологическое основание идентичности приобретает здесь характер мирового разума, реализующего себя в историческом процессе, где конкретные идентичности суть необходимые моменты самораскрытия абсолютной идеи. Гегелевская диалектика позволила сохранить субстанциальный характер понимания идентичности, придав ей динамическое, исторически развивающееся измерение.

Таким образом, субстанциалистский подход в осмыслении социокультурной идентичности утверждает в качестве своего онтологического основания неизменную метафизическую субстанцию. Идентичность обладает бытийной автономией и предшествует конкретным историческим проявлениям. В результате субстанциализм задает вертикальную логику онтологического обоснования идентичности, предполагающую нисхождение от универсальной сущности к ее конкретным воплощениям. В структуре данной модели можно выделить следующие уровни:

1. *Уровень метафизической субстанции* («дух народа», мировой разум) выступает как первичное, неизменное основание и источник идентичности; это априорный онтологический режим, который предшествует эмпирической реальности и определяет ее возможности. Как неизменное основание, субстанция является трансцендентальным условием возможности самой идентичности, она задает несотворенный план коллективного бытия, предопределяет его фундаментальные характеристики и ценностные доминанты, способы миропонимания и внутреннюю логику развития. При этом она является не пассивной «данностью», а активным, смыслопорождающим началом, которое на последующих уровнях объективации получает свое выражение в конкретных исторических формах.

2. *Уровень исторической объективации* включает в себя опредмеченные формы существования субстанции в социальном мире, а именно: а) язык, выступающий не просто средством коммуникации, а системой смыслов и категорий, через которую субстанция структурирует мышление, задает определенные границы миропонимания индивида; б) социальные институты (государство, право, религия, образование), представляющие собой формы социальных отношений, объективирующие субстанцию в виде норм, правил и иерархий, организующих коллективную жизнь; в) культура в единстве ее материальных и идеальных компонентов (искусство, мифы, ритуалы, обычаи, этические кодексы и др.), которая служит символическим «телом» субстанции, сохраняя и транслируя ее базовые ценности и образцы, передаваемые через поколения. Это сфера, в которой метафизическая субстанция обретает конкретные, чувственно данные формы и начинает функционировать как реальная социально-культурная сила.

3. *Уровень индивидуального существования* (наследование, усвоение, переживание) – онтологический режим, при котором субстанция завершает свой нисходящий путь, становясь внутренним достоянием конкретного человека. Данный уровень реализуется через три взаимосвязанных процесса: а) наследование (индивид изначально помещен в определенную культурно-историческую среду; субстанция предстает как априорно заданный «символический капитал»,

получаемый им при рождении в конкретном народе или культурном ареале); б) усвоение (индивид «впитывает» язык, ценности и поведенческие паттерны, которые начинают определять его мышление и действия как «естественные» и «самоочевидные»); в) переживание (субстанция обретает форму ценностно насыщенного субъективного чувства – глубоко личностного, но при этом культурно-типического переживания принадлежности к «Другим», которое воспринимается как фундаментальная основа собственного «Я»).

Такая субстанциалистская модель, на наш взгляд, сталкивается с определенным методологическим ограничением – объясняя устойчивость идентичности, она оказывается неспособной адекватно описать ее историческую изменчивость и внутреннюю гетерогенность данного феномена, т. е. в современных обществах индивид одновременно принадлежит к множеству разных групп (профессиональных, политических, субкультурных и т. д.), что создает сложные, плюралистичные идентификационные конфигурации, нередко вступающие в конфликт друг с другом. Это фундаментальное противоречие между единством и однородностью субстанции, с одной стороны, и эмпирически наблюдаемой гетерогенностью – с другой, становится главным импульсом для развития конструктивистской парадигмы, предлагающей принципиально иную – горизонтальную и процессуальную – проекцию построения онтологии идентичности.

Для выявления онтологических оснований социокультурной идентичности в рамках конструктивистской парадигмы представляется целесообразным начать движение от макросоциальных институтов (Э. Хобсбаум) к микросоциальным телесным практикам (П. Бурдьё) и, наконец, к структурам сознания (Б. Андерсон), что позволяет раскрыть многоуровневую структуру бытия рассматриваемого феномена.

На уровне макросоциальных институтов онтологическое основание идентичности раскрывает Э. Хобсбаум, указывая на то, что устойчивость идентичности обеспечивается не древностью ее символов, а их институциональным закреплением. Институты и ритуалы – это онтологически первичный пласт реальности, который дан нам в объективированной форме: «Изобретенная традиция – это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение» (Хобсбаум, 2000: 48). Так, церемонии, памятники, ритуалы даны нам в непосредственном первичном восприятии, а уже затем мы задаемся вопросом о том, как они встраиваются, вплетаются в нашу жизнь и сознание. Таким образом, на макроуровне идентичность предстает как объективный социальный факт. Онтологическим основанием здесь выступает институциональный ритуал, превращающий идею в социальный факт через свою материализацию.

На уровне социальных отношений и распределения ресурсов онтологическое основание идентичности получает систематическую экспликацию в теории капитала и габитуса П. Бурдьё, который, в отличие от макроинституционального подхода Э. Хобсбаума, смещает фокус внимания на мезоуровень социального пространства, где идентичность укоренена в системе объективированных социальных отношений. Его ключевой тезис заключается в том, что социальный мир представляет собой многомерное пространство, структурированное распределением капиталов, где «позиции агентов определяются объемами и структурой их капитала» (Бурдьё, 2007: 87). В данной системе идентичность формируется через распределение и накопление различных видов капитала: экономический капитал (материальные ресурсы, собственность) задает базовые координаты социальной позиции; культурный капитал в его объективированных формах (например, книги, произведения искусства, образовательные сертификаты, дипломы) создает материальный субстрат идентичности, позволяющий ей обрести социальную узнаваемость и действенность (Бурдьё, 2002: 60–62).

Ключевым онтологическим основанием идентичности у Бурдьё выступает габитус, определяемый как система устойчивых, переносимых диспозиций, которая, интегрируя прошлый опыт, функционирует в каждый момент как матрица восприятий, оценок и действий. Габитус «есть деятельное присутствие всего прошлого, продуктом которого он является» (Бурдьё, 2001: 47), т. е. представляет собой инкорпорированную социальную структуру, вписанную в тела агентов через многократное повторение практик. Это телесная память социального положения, проявляющаяся в манерах, жестах, вкусах, речевых особенностях, которые воспринимаются как естественные в пределах «социального поля», представляющего собой структурированное социальными позициями пространство, в котором социальные агенты занимают определенные позиции в соответствии с объемом и структурой их капитала. В каждом таком поле (научном, художественном, политическом) действуют специфические законы борьбы за символический капитал, понимаемый как «капитал признания, легитимный авторитет» (Бурдьё, 2007: 93). Таким образом, габитус образует телесно-материальный субстрат идентичности, обеспечивающий ее устойчивое воспроизводство на уровне повседневных практик. Онтологическое значение концепции П. Бурдьё заключается в том, что она раскрывает материально-телесные механизмы объективации идентичности: идентичность

не просто конструируется в дискурсе, но материализуется в формах капитала и воспроизводится в виде устойчивых практик. Это создает онтологию идентичности как двойного структурирования: социальные структуры структурируют габитус, который, в свою очередь, структурирует практики, воспроизводящие социальные структуры (Бурдье, 2001: 41).

На уровне фундаментальных структур человеческого сознания онтологическое основание идентичности получает дальнейшее осмысление в концепции «воображаемых сообществ» Б. Андерсона, предметом исследования которого становится природа национальной идентичности. Согласно его утверждению, «нация воображается как ограниченное и суверенное сообщество» (Андерсон, 2001: 28). Ключевой тезис данной теории заключается в том, что сама возможность воображаемой общности основана на исторической трансформации восприятия времени и пространства, осуществленной «печатным капитализмом». Он показывает, что технологическая революция книгопечатания создала принципиально новые условия для формирования коллективного сознания: «Печатный капитализм создал возможность новой формы воображаемого сообщества, которая стала основой для современной нации» (Андерсон, 2001: 44). Этот процесс имел три фундаментальных последствия для онтологии идентичности. Во-первых, стандартизация национальных языков через печать создала «объединенные поля обмена и коммуникации» (Андерсон, 2001: 49), позволив незнакомцам понимать друг друга и осознать свою принадлежность к одной лингвистической общности. Во-вторых, печать породила новое восприятие времени как «одновременности, пронизывающей все события» (Андерсон, 2001: 37), где разнородные события начинают восприниматься как происходящие в едином временном потоке. Особое значение он придает газете как социальной технологии, формирующей особую темпоральность: «Газета создает массовую церемонию одновременного потребления, эту противоестественную связь между событиями, известными читателю, и его собственным существованием среди других» (Андерсон, 2001: 35). Ежедневный ритуал чтения газеты создает некое «горизонтальное товарищество» (Андерсон, 2001: 7), воспроизводящее глубокое чувство принадлежности к сообществу в настоящем времени, даже если его члены никогда не встретятся друг с другом. Таким образом, онтологическим основанием идентичности у Андерсона выступает технологически опосредованная темпоральность, создающая условия для возникновения «воображаемой общности», которая переживается субъектами как реальная и значимая. Онтологическое значение представленной концепции, на наш взгляд, заключается в раскрытии медийных оснований современной идентичности, которая предстает не как природная данность, а как продукт специфических социальных технологий, формирующих саму возможность определенного типа коллективного воображения.

Представленный анализ конструктивистской парадигмы демонстрирует ее достижения в раскрытии процессуальных аспектов идентичности. Однако при всей своей эвристической ценности данный подход сталкивается с определенными ограничениями, не позволяющими ему выработать целостное понимание онтологических оснований социокультурной идентичности. Основная методологическая проблема конструктивизма заключается в его неспособности объяснить феномен устойчивости идентичности. Если идентичность всецело конструируется в процессах социального взаимодействия, институционализации и технологического опосредования, то возникает вопрос: почему некоторые идентичности демонстрируют удивительную стабильность на протяжении длительных исторических периодов? Например, этнокультурные идентичности сохраняются при смене политических режимов, экономических систем и медийных технологий. Конструктивистский подход оставляет этот вопрос без убедительного ответа, акцентируя внимание на изменчивости и нивелируя значимость устойчивости.

Преодоление выявленных методологических ограничений требует разработки синтетической модели, рассматривающей социокультурную идентичность как многоуровневый феномен. В рамках данного исследования предлагается многоуровневая онтологическая модель, теоретическими источниками которой выступают фундаментальные положения онтологии М. Хайдеггера (2015), теория габитуса П. Бурдье (2007), нарративная философия П. Рикёра (1996), диалогическая концепция М.М. Бахтина (1986). Модель предполагает существование идентичности одновременно на четырех взаимосвязанных онтологических уровнях:

1. *Интерсубъективный уровень* основан на коммуникации и взаимном признании, где идентичность существует не как индивидуальное представление, а как разделяемое смысловое поле между субъектами. Онтологический статус данного уровня – это интерсубъектная, коммуникативная реальность, существующая в пространстве между сознаниями, чье бытие порождается в диалоге; она объективирована в языке и социальных институтах, т. е. получает внешнюю по отношению к индивиду форму, но при этом ее существование зависит от продолжающихся процессов ее подтверждения. Без этого уровня идентичность остается субъективным ощущением, лишенным социальной верификации и силы (например, чувство национальной принадлежности существует в том случае, если оно признается другими членами нации и социальными институтами).

2. Инкорпорированный уровень основывается на телесности и практиках, где идентичность «вписывается» в тело через систему диспозиций (габитус), проявляясь в телесных техниках, манерах и нерелективных схемах восприятия. Этот уровень онтологически «заземляет» идентичность, делая ее неотъемлемой частью субъективного опыта, который не требует постоянной рефлексии; проявляется в специфических манерах речи, позах, пищевых предпочтениях, которые ощущаются как «естественные» (например, «телесная память» спортсмена, осанка аристократа). Именно эта «природная» очевидность телесных проявлений делает идентичность устойчивой и труднопреодолимой для рефлексии и целенаправленного изменения.

3. Нарративный уровень основан на временной протяженности, где идентичность конституируется через повествование, обеспечивающее связность жизненного опыта. Этот уровень отвечает на вопрос о том, как идентичность сохраняет непрерывность во времени. Онтологически социокультурная идентичность существует как разворачивающаяся во времени история, в которой через различные нарративы события жизни складываются в связное и осмысленное повествование (например, «история моего успеха», «рассказ о преодолении», «история моего происхождения» и т. д.). Идентичность здесь предстает не как совокупность определенных характеристик, а непрерывно создаваемая история, где «Мы» – ее главные герои, рассказывающие сами о себе, и те истории, в которые индивиды уже включены нашим сообществом и культурой.

4. Практический уровень основан на повседневном воспроизводстве, где идентичность поддерживается через повседневные социальные практики и ритуалы. Этот уровень отражает механизм поддержания и передачи идентичности в повседневности – это онтология регулярно повторяющихся действий. На данном уровне идентичность не только «переживается» или «рассказывается», а постоянно воспроизводится через языковые, поведенческие, ритуализированные практики, определенные формы обращений, использование диалекта и др.

Взаимодействие между уровнями характеризуется тремя фундаментальными принципами: взаимодополнительности, предполагающим, что каждый уровень вносит необходимый вклад в сохранение и воспроизводство целостности; динамического равновесия (постоянное взаимовлияние уровней); контекстуальной доминантности (проявляется в ситуативном выходе различных уровней на первый план). Эвристическая ценность модели раскрывается в ее способности описать сложные и, на первый взгляд, противоречивые феномены, а также проследить, как идентичность существует не на одном уровне, а в сложной игре их взаимопереходов. Например, идентичность представителя диаспоры на нарративном уровне может воспроизводиться через семейные истории о покинутой родине, на инкорпорированном – получать выражение через «ностальгию» к определенным запахам и вкусам, усвоенным в детстве; на практическом уровне она может поддерживаться участием в национальных праздниках. Однако ее полноценная реализация происходит лишь на интересубъективном уровне – в момент коммуникации и взаимного признания диаспоры, где эти нарративы, телесные практики получают социальное подтверждение и обретают особую значимость.

Данная модель имеет точки соприкосновения с существующими философскими подходами, но при этом ее оригинальность заключается в системном объединении четырех уровней в целостную онтологическую структуру. Перспективы исследования предполагают последующую концептуальную проработку, уточнение онтологического статуса каждого уровня, механизмов их взаимодействия и операционализацию базовых понятий представленной модели. Полагаем, что дальнейшая разработка предложенной модели в диалоге с современными онтологическими и эпистемологическими концепциями открывает новые возможности для понимания фундаментальных механизмов бытия и анализа актуальных социальных проблем, связанных с многомерностью и сложностью идентичности.

Список источников:

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма : монография / пер. с англ. В.Г. Николаева. М., 2001. 288 с.
Аристотель. Метафизика // Сочинения : в 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 63–368.
Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 444 с.
Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
Бурдье П. Практический смысл / пер. с фр. СПб.; М., 2001. 562 с.
Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.
Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр. СПб., 2007. 576 с.
Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 602–643.
Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем. М., 1990. 524 с.
Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Шпета. М., 2000. 495 с.
Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. 704 с.
Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. М., 1991. 572 с.
Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. М., 1994. 591 с.
Рикёр П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера / пер. с фр. М., 1996. 270 с.
Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. М., 2015. 460 с.
Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии 2000. № 1. С. 47–62.
Taylor C. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Harvard University Press, 1989. 601 p.

References:

- Anderson, B. (2001) Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Moscow. 288 p. (In Russian)
- Aristotle (1976) Metafizika [Metaphysics]. In: Sochineniya [The essays]. In 4 Vols. Vol. 1. Moscow, pp. 63–368. (In Russian)
- Bakhtin, M.M. (1986) Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow. 444 p. (In Russian)
- Berger, P. & Luckmann, T. (1995) Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow. 323 p. (In Russian)
- Bourdieu, P. (2001) Prakticheskiy smysl [Practical meaning]. St. Petersburg; Moscow. 562 p. (In Russian)
- Bourdieu, P. (2002) Formy kapitala [Forms of capital]. Journal of Economic Sociology. 3 (5), 60–74. (In Russian)
- Bourdieu, P. (2007) Sotsial'noye prostranstvo: polya i praktiki [Social space: fields and practices]. St. Petersburg. 576 p. (In Russian)
- Durkheim, E. (1991) O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii [On the division of social labor. The method of sociology]. Moscow. 572 p. (In Russian)
- Gerder, I.G. (1977) Idei k filosofii istorii chelovechestva [Ideas for the philosophy of human history]. Moscow. 704 p. (In Russian)
- Hegel, G.W.F. (1990) Filosofiya prava [Philosophy of law]. Moscow. 524 p. (In Russian)
- Hegel, G.W.F. (2000) Fenomenologiya dukha [The Phenomenology of the Spirit]. Moscow. 495 p. (In Russian)
- Heidegger, M. (2015) Bytie i vremya [Being and Time]. Moscow. 460 p. (In Russian)
- Hobsbawm, E. (2000) Izobretenie traditsiy [Inventing traditions]. Acta Eurasica. (1), 47–61. (In Russian)
- Kant, I. (1994) Kritika chistogo razuma [Criticism of pure reason]. Moscow. 591 p. (In Russian)
- Ricoeur, P. (1996) Hermenevtika i psikhooanaliz. Religiya i vera [Hermeneutics and psychoanalysis. Religion and Faith]. Moscow. 270 p. (In Russian)
- Taylor, C. (1989) Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Harvard University Press. 601 p.
- Veber, M. (1990) Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya [Basic sociological concepts]. In: Veber, M. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow, pp. 602–643. (In Russian)

Информация об авторах

М.В. Думинская – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-экономического образования и философии Сургутского государственного педагогического университета, Сургут, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=315874

С.Р. Аминов – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры социально-экономического образования и философии Сургутского государственного педагогического университета, Сургут, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=259254

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

M.V. Duminskaya – D.Phil., Associate Professor, Professor at the Department of Socio-Economic Education and Philosophy, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=315874

S.R. Aminov – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Socio-Economic Education and Philosophy, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=259254

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests:

The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 03.11.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.12.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 141

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.6>

**«Наш лунный друг»: Александр Блок и философская блокиана.
К 145-летию со дня рождения А.А. Блока**

Александр Иванович Панюков

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия,
apanukov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0277-4299>

Аннотация. Содержание статьи представляет собой широкую палитру репрезентаций различных проявлений А.А. Блока как поэта, философа, человека. Текст структурирован с помощью обращения к метафоре «наш лунный друг» как литературно-научной основе понимания жизненного мира А.А. Блока во взаимосвязи с собой, родными, друзьями, соратниками и недругами по творческой деятельности. В этом сложном, драматичном, даже мистическом мире в качестве отдельного феномена анализируется явление блокианы как самостоятельное литературоведческое, историческое и философское направление; определяется миссия А.А. Блока как основателя поэтической маргинальной культуры, акцентируется внимание на его интерпретации философского учения В.С. Соловьева, античной философии, роли музыки в философии и творчестве А.А. Блока. Семейный круг А.А. Блока с различными акцентами на родственных и любовных отношениях также становится предметом интерпретации. Женская тема в лирике А.А. Блока определяется как один из фундаментальных смыслов жизни и творчества поэта. Обозначается тема религиозно-революционных событий в его жизненном мире.

Ключевые слова: А.А. Блок, метафора, блокиана, философия творчества, маргинальная культура, В.С. Соловьев, женский образ, Революция

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Панюков А.И. «Наш лунный друг»: Александр Блок и философская блокиана. К 145-летию со дня рождения А.А. Блока // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 55–73. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.6>.

Original article

**“Our Moon Friend”: Alexander Blok and Philosophical Blokiana.
On the 145th Anniversary of A.A. Blok’s Birth**

Alexander I. Panyukov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,
apanukov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0277-4299>

Abstract. The content of the article presents a broad palette of representations of the various manifestations of A.A. Blok as a poet, philosopher, and individual. The text is structured by employing the metaphor of “our lunar friend” as a literary-scientific basis for understanding A.A. Blok’s lifeworld in its interconnections with himself, his family, friends, allies, and creative rivals. Within this complex, dramatic, even mystical world, several phenomena are analyzed as distinct entities: the phenomenon of Blokiana is examined as an independent literary, historical, and philosophical field; A.A. Blok’s mission as the founder of a marginal poetic culture is defined; emphasis is placed on A.A. Blok’s interpretation of the philosophical teachings of V.S. Solovyov, ancient philosophy, and the role of music in his philosophy and creative work. A.A. Blok’s family circle, with its various emphases on kinship and love relationships, also becomes a subject of interpretation. The feminine theme in A.A. Blok’s lyric poetry is identified as one of the fundamental meanings of the poet’s life and work. The theme of religious-revolutionary events in the poet’s lifeworld is also addressed.

Keywords: A.A. Blok, metaphor, Blokiana, philosophy of creativity, marginal culture, V.S. Solovyov, feminine image, revolution

Funding: Independent work.

For citation: Panyukov, A.I. (2025) “Our Moon Friend”: Alexander Blok and Philosophical Blokiana. On the 145th Anniversary of A.A. Blok’s Birth. Society: Philosophy, History, Culture. (11), 55–73. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.6](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.6) (In Russian).

Пройдет одно – придет другое.
А.А. Блок

Александр Александрович Блоку исполнилось 145 лет. Да, именно так. Блок, его жизнь, поэзия и публицистика – необычайное событие в истории русской литературы и философии. Необычайное, на все времена.

Лунный друг. Если Александр Сергеевич Пушкин – русское солнце, то Александр Блок – поэт «луны – холодной и ветряной»¹, «звезды полночной»², «Ночной Фиалки»³ и «ночи мертвой»⁴. Природа лунного начала его жизни и поэзии определяет философские поиски поэта, которые он завершает «Исповедью язычника. Моей исповедью» 1918 г. Смысл философии А.А. Блока заключается в поиске богини – матери – луны – вечного символа Вечной Женственности. Философские поиски А.А. Блока были многогранны, и лунное начало явилось лишь одной из граней его поэтического и публицистического творчества.

Иногда А.А. Блок охватывает почти мистический лунный кошмар, и тогда «проклятая луна» пробуждает в нем философа лунного ужаса⁵: «Ужасна луна – под ней мир становится голым уродливым трупом»⁶; «Всходили две луны: белая и красная. Которая прежде – не знал, и не знает до сих пор»⁷. Георгий Иванов поставил такой диагноз: А.А. Блока «посещала муза из его “Страшного мира”». Поэзия – это что-то вроде падучей. Потом, когда «припадок» проходил, А.А. Блок с дрожью вспоминал «эти страшные ласки»⁸. Так что мистический ореол, питаемый дьявольским полнолунием, проступает почти во всем его творчестве...

Но иначе был бы у нас А.А. Блок?

В поэзии А.А. Блока было что-то не от А.С. Пушкина, что-то иное, другое, что-то ночное, кошмарное, «такие “лунатические”, как бы пьяные стихи», – как указывал Глеб Струве (Струве, 1984: 323). Стихи «тяжелой сонливости» и «вынимания души»⁹. Но ночь невозможна без дня, Блок – без Пушкина, Пушкин – предисловие к Блоку, Блок – послесловие к Пушкину. «Нельзя, – подчеркивал И.Г. Эренбург, – понять Блока без Пушкина»¹⁰. Лунный Блок пахнет солнечным Пушкиным. «“Онегина”, – пишет он, – целиком следует выучить наизусть»¹¹. Марина Цветаева сравнивала имя Блока с «льдинкой на языке», «поцелуем в снег»¹². Пушкинские, но, возможно, лунные ассоциации – какой-то лунный туман, лунатический стиль, который выражается в особой музыкальности, создающей гипнотическое воздействие на читателя.

Современники говорили, что А.А. Блок «упал с Луны», подмечая его особую, неземную сущность. Он, как герой популярного детского мультфильма Лунтик, родился на Луне и случайно упал на Землю. Георгий Иванов, вспоминая А.А. Блока, писал, что тот был «как внезапно очнувшийся лунатик», который родился с «ободранной кожей» и «болезненной чувствительностью»¹³. Едкая З.Н. Гиппиус даже в самое отчаянное время ласково называла А.А. Блока «мой лунный друг», дружбу с ним – «лунная дружба»¹⁴.

Кто сегодня может ответить на вопрос, что значит «лунный Блок», что имели в виду близкие к поэту люди, говоря о «лунной натуре» А.А. Блока, и что означало, когда они называли его лунатиком?

Лунный Блок и «мушинный» метод. Почти сто лет тому назад, в «Блоковском сборнике» издательства «Никитинские субботники» В.В. Гальцев написал: «Велика литература, посвященная Александру Блоку, с каждым годом непрерывно разрастается БЛОКИАНА» (О Блоке..., 1929: 261). Блокиана превратилась в самостоятельное литературоведческое, историческое и философское направление. Опубликованы уникальные художественно-литературные биографии А.А. Блока замечательных русских и советских блоковедов: Н.Н. Берберовой в 1947 г., К.Н. Мочульского – 1948, В.Н. Орлова – 1956, А.М. Туркова – 1969, З.Г. Минц – 1989, В.И. Новикова – 2010, В.А. Сарычева – 2021 г. Работает Блоковская комиссия РАН. Развивается иностранная блокиана. Особое внимание следует уделить двум англоязычным работам: книге члена Британской академии Аврил Пайман «Ангел и камень» 1979–1980 гг.¹⁵ и исследованию польского историка русской философии Анджея Валицкого «История русской мысли от просвещения до марксизма» 1979 г., в котором автор рассуждает об «идеале Вечной Женственности» (Валицкий, 2013: 420). Начиная с 1964 г. выходили блоковские сборники кафедры русской литературы Тартуского университета (в СССР – 1964–1991 гг.; Эстонской Республике – с 1991 г.).

¹ Дневник Ал. Блока / под ред. П.Н. Медведева : в 2 т. Л., 1928. Т. 1: 1911–1913. С. 26.

² Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 1. М., 1997. С. 31.

³ Там же. Т. 2. М., 1997. С. 28.

⁴ Там же. Т. 1. С. 33.

⁵ Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 26.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 13. М., 2022. С. 93.

⁸ Иванов Г.В. Китайские тени : мемуарная проза. М., 2013. С. 348.

⁹ Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 45.

¹⁰ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь : воспоминания : в 3 т. Т. 1: кн. 1–3. М., 2005. С. 108.

¹¹ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 13. С. 252.

¹² Цветаева М.И. Сочинения : в 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 70.

¹³ Иванов Г.В. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 164.

¹⁴ Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С. 214.

¹⁵ Пайман А. Ангел и камень: жизнь Александра Блока : в 2 кн. М., 2005.

В современных академических периодических изданиях публикуется достаточное количество статей, посвященных разным сторонам жизни и творчества А.А. Блока. Исследования ведутся по самым разнообразным направлениям, а среди авторов работ как классики блоковедения, так и современные активно публикующиеся ученые (Л.Ф. Алексеева (2021), О.А. Богданова (2023), Т.В. Игошева (2021), Н.Г. Коптелова (2022), Д.М. Магомедова (2022), В.Э. Молодяков (2021), А. Юдахин (2025) и др.).

В истории философской мысли блокианство, безусловно, заслуживает отдельного изучения. Крупнейшие русские философы – С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Л.И. Шестов, Ф.А. Степун, Г.Г. Шпет, И.А. Ильин, В.В. Розанов, С.А. Левицкий, С.Л. Франк, П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев – не обошли вниманием философские интенции А.А. Блока.

Иногда философские искания А.А. Блока и его благоговение перед В.С. Соловьевым вызывали у современников излишнее раздражение. Среди недовольных был К.Н. Победоносцев, который крайне негативно отзывался о В.С. Соловьеве, называя его творчество «блядословием» (Акулинин, 1990: 27). А.М. Горький писал о духовных исканиях А.А. Блока как о бремени «философских потуг... мальчика с душой без штанов и без сердца»¹. В.В. Розанов так оценил философские поиски А.А. Блока: «всякий чижик поет песню чижики, и никакой другой песни ему спеть не дано...»².

Образ философа в русской культуре удивительно точно определил Сергей Довлатов. Выступая в университете Северной Каролины в 1982 г., он выдвинул неожиданное суждение о себе, А.А. Блоке, В.С. Соловьеве и русской философии: «Исторически же философов в России заменяли всякого рода антисоциальные личности – юродивые, кликуши, спившиеся резонеры и попросту – балаганные шуты. В отношении к ним русское общество проявляло любопытство, смешанное с некоторым чувством безразличия»³.

Вместе с тем очевидно, что А.А. Блок оставил заметный след в истории русской философии и как автор некоторых нетривиальных поэтических и публицистических размышлений о философии и философах. Особый интерес вызывают его высказывания о Платоне, Иммануиле Канте, Фридрихе Ницше и том же В.С. Соловьеве. Профессор А.И. Новиков в «Истории русской философии» 1998 г., вслед за С.А. Левицким – автором классических «Очерков по истории русской философии» 1968 г., заметил, что «мистический символизм», в духе которого творил А.А. Блок, получил благодаря его философской деятельности «философские формулировки»⁴.

К сожалению, сегодня отсутствуют монографические исследования о философии А.А. Блока, подобные книге Райнхарда Лаута «Философия Достоевского в систематическом изложении» 1950 г. (Лаут, 1996). Нет и специализированных изданий философских текстов А.А. Блока и об А.А. Блоке, таких как уникальная антология «Пушкин в русской философской критике» (1990). Академическое собрание сочинений и писем А.А. Блока издается с 1997 г. и еще не завершено. Не опубликован полный корпус биографических документов А.А. Блока. Вероятно, еще не пришло время для обобщения и выводов. Но духовные переживания А.А. Блока волнуют историков русской философии. А.А. Блок, его жизнь и духовные поиски – вечная тема русской философии. Достаточно указать на справочные и учебные издания последних 30 лет: «Русская философия: словарь» 1995 г., «История русской философии» 2001 г., «Русская религиозная философия» 2024 г., в которых биография и творчество А.А. Блока являются предметом общего философского обзора. Ф.А. Степун еще в 1929 г. справедливо заметил, что «для уяснения себе разницы между духовными переживаниями А. Блока (человека очень сильных и подлинных религиозных настроений) и житием Серафима Саровского – вовсе не надо быть религиозным человеком; достаточно только быть беспристрастным ученым: вдумчивым психологом, зорким феноменологом» (Степун, 2009: 499). Подвиг Серафима Саровского, мистические прозрения В.С. Соловьева, как и духовные поиски А.А. Блока, представляют собой основы русской философии будущего.

Приступая к рассказу об А.А. Блоке, необходимо прежде всего ответить на вопросы о том, что, как и зачем мы собираемся изучать. Можно использовать «мушиный» метод, о котором, по свидетельству автора книги «Два года с символистами» Н.В. Валентинова 1969 г., неоднократно говорил Андрей Белый: «У него ко мне любопытство, как к мухе с оторванной головой. Дети часто отрывают им голову и смотрят, что муха все-таки перебирает лапками и пытается ходить»⁵. Цинично звучит, но путь настоящего исследователя идет от детской забавы к профессиональному интересу патологоанатома. Квалифицированный исследователь устанавливает причины, определяет следствие и

¹ Литературное наследство. Т. 72: Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка / гл. ред. И.И. Анисимов. М., 1965. С. 287.

² Розанов В.В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1995. С. 263.

³ Довлатов С.Д. Блеск и нищета русской литературы: филологическая проза. СПб., 2019. С. 105.

⁴ Новиков А.И. История русской философии : учеб. пособ. для студентов вузов. СПб., 1998. С. 227.

⁵ Цит. по: Валентинов Н.В. Два года с символистами. М., 2018. С. 65.

формирует прижизненную и посмертную диагностику. Наша задача – препарировать жизнь и творчество: дневники, записные книжки, переписку А.А. Блока, а также мемуары, необходимые статьи, книги и монографии. Речь, конечно, идет и о качестве материала, и о компетенции исследователя.

При подборе рабочих аргументов и необходимых цитат мы опирались, помимо прочего, на советы родоначальников научной блокианы О.А. Немеровской и Ц.С. Вольпе, которые в предисловии к сборнику «Судьба Блока» 1930 г. писали, что уклон монтажа текста в сторону «научности или беллетристичности» прежде всего зависит «от подбора материала, от большего или меньшего членения цитат»¹. Они считали, что в историко-философской литературе избыточность цитат принципиально допустима, поскольку каждая цитата – весомый аргумент.

Лунный Блок и начало русской маргинальной поэзии. Н.И. Бухарин на Первом съезде советских писателей определил «социальную физиономию»² А.А. Блока: «Квалифицированное дитя старой культуры... <...> Это – поэт глубоко философский... Но его философия идет от Владимира Соловьева, от религиозно-эротической мистики, от очищенного православия с католическим налетом; здесь есть нечто и от старого славянофильства...»³. Вслед за Н.И. Бухариным коммунистические идеологи полагали, что А.А. Блок – последний «поэт-дворянин, который родился в эпоху окончательной гибели русского дворянства»⁴.

В.В. Маяковский в «Хорошо! Октябрьская поэма» 1927 г. кричал: «Кругом тонула / Россия Блока...»⁵. А.А. Блок и сам неоднократно писал, что русское дворянство окончательно вымерло. Он находился на линии культурной демаркации. Вместе с дворянством уходила и прежняя литература – «тень неправды» бременем легла на русскую литературу⁶. Она становится иной. Современную ему литературу А.А. Блок называет «безумной»⁷, а литературную среду – смердящей⁸.

Русская литература претерпела революционные изменения, завершив традиции усадебной поэзии, она приобрела черты маргинальной культуры. Теперь поэт «не рыцарь, не принц, не всадник, не падший ангел», а человек, «окликнутый в толпе» (Александр Блок..., 1987: 182). Стоит лишь вспомнить стихотворение Бориса Рыжего «До утра читали Блока» 1997 г. или обратиться к истории о плагиате поэта Василия Журавлева, описанной в стихотворении В.С. Высоцкого «Посещение Музы, или Песенка плагиатора» 1969 г. Ведь эта Муза, как подтвердят люди, раньше сутками заживалась у Блока, а теперь ее и след простыл – сокрушался Владимир Высоцкий⁹.

Лунный Блок из мира Соловьевых. К сожалению, поэт не встречался с В.С. Соловьевым, но жизнь его естественным образом распадается на два этапа: ранний – до знакомства с творчеством философа, и поздний – под влиянием его идей. В.Я. Брюсов писал, что А.А. Блок пришел в поэзию и философию из мира Соловьевых. В.Я. Брюсов был прав в том, что А.А. Блок – духовный наследник философа В.С. Соловьева. А.А. Блок считал В.С. Соловьева учителем: «...я стольким обязан его стихам»¹⁰. А. Валицкий справедливо подчеркивает, что А.А. Блок поэтическими образами пытался выразить философское учение В.С. Соловьева (Валицкий, 2013: 420).

А.А. Блок последовательно разделял воззрения В.С. Соловьева, что наглядно подтверждается записями в дневнике поэта¹¹. В.С. Соловьев был мистиком и визионером и «писал... конечно, кровью – Блок это чувствовал» (Степун, 2009: 644). Творческие переживания А.А. Блока были созвучны философским размышлениям В.С. Соловьева.

Вслед за В.С. Соловьевым А.А. Блок считал, что только в состоянии экстаза и визионерского транса можно приблизиться к «мирам иным». «Есть миры иные», – записал он¹². На основании дневника А.А. Блока можно утверждать, что у него были видения, аналогичные видениям философа¹³. В.С. Соловьев тайные видения переживал в Британском музее и пустынях Египта, а у А.А. Блока они появлялись в Петербурге, где поэт создавал пророческие тексты, среди которых особое место занимает стихотворение «Все бытие и сущее согласно»¹⁴. В дневниках и записных

¹ Судьба Блока: по документам, воспоминаниям, письмам, заметкам, дневникам, статьям и другим материалам / сост. О. Немеровская, Ц. Вольпе. Л., 1930. С. 6.

² Первый Всесоюзный съезд советских писателей : стенографический отчет. М., 1934. С. 574.

³ Там же. С. 488.

⁴ Литературная энциклопедия : в 11 т. Т. 1. М., 1929. Стб. 519.

⁵ Маяковский В.В. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 5. М., 1968. С. 402.

⁶ Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 53.

⁷ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 8. М., 2010. С. 134.

⁸ Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 20.

⁹ Высоцкий В.С. Больно мне за наш СССР. СПб., 2012. С. 68–69.

¹⁰ Блок А.А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 8. М., 1963. С. 111.

¹¹ Дневник Ал. Блока. Т. 2: 1917–1921. С. 131–136.

¹² Блок А.А. Полное собрание ... Т. 13. С. 10.

¹³ Николай Бердяев: эпистолярный разговор : к 150-летию Николая Александровича Бердяева : архивные материалы / отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М., 2023. С. 226.

¹⁴ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 1. С. 56, 469.

книжках он фиксировал свои мистические переживания и вещие сны: «В знамении видел я вещий сон»¹. За границами интуитивных прозрений иногда подступали кошмары – «всю ночь кошмары...»². В другом месте он писал: «...как все странно кругом. Я видел сон. Раздвинулся занавес. Тащутся сифилитики в гору. И вдруг – я там! Спаси меня!»; «Опять дьявол настиг и растерзал меня сегодня ночью»³.

Лунный Блок и Аполлон. А.А. Блок был визионером и язычником. Он полагал, что о христианском можно говорить вслух, поскольку это «наше, здешнее» и «сейчас», а «о христовом, если что и ведаешь, лучше молчать», чтобы не вышло «беснования»⁴. Платон и Христос «говорят о бессмертии души»⁵, но ведь они говорят о Боге, о том, о чем «можно плакать одному»⁶. «Человек прежде всего нуждается в “умо-сердечном врачевании”. Человек нуждается в “Афинах и Эросе”»⁷, т. е. ему необходима гармония мудрости и любви: «мудро-любовное», «мудро-блаженное»⁸. А.А. Блок заявляет, что он «не пойдет врачеваться к Христу»⁹. Нагорную проповедь он считает «митингом»¹⁰. Это – «страшный поединок души и духа»¹¹.

Подобно Платону, А.А. Блок находит исцеление не в духовном, а в душевном. Душевное становится лекарством. Это общая черта обоих философов. «Я этого всего еще не знал, но чувал Платона»¹², – пишет А.А. Блок. Сама его поэзия, по определению С.Л. Франка, представляет собой форму духовного врачевания и «есть преимущественно исповедание личных душевных переживаний поэта» (Франк, 1996: 264). В поисках смыслов он обращается к языческой философии, а точнее – к созданию собственной модернизированной ее версии. Он сравнивает себя с «древним философом-художником (язычником)»¹³. Неслучайно А.А. Блок так много писал о «духе музыки» (О Блоке..., 1929: 265), который всегда был и остается первопричиной языческой философии. Вся жизнь А.А. Блока была пропитана как явными, так и неявными языческими мотивами, которые он воспринимал как «аполлоновские впечатления»¹⁴. А.А. Якобсон писал: «Блок – это известно – не считал себя христианином и, значит, не был им» (Якобсон, 1992: 85). Эстетически его интересовали христианские трапезы любви (агапы) и древние церковные службы¹⁵.

Некоторые современники сравнивали облик А.А. Блока с ликом Аполлона Мусagetа. В.В. Розанов отмечал его «аполлоновскую фигуру»¹⁶. В памяти Мариэтты Шагинян он остался прекрасным богом вдохновения Дионисом¹⁷.

Аполлоно-дионисическое начало выражалось в победном торжестве музыки тела: «Мы любим плоть – и вкус ее, и цвет, / И душный, смертный плоти запах...»¹⁸. Судя по письмам и записным книжкам, А.А. Блок иногда не очень хорошо понимал, что он делает и что с ним происходит: «Днем у букиниста. Вечером, как всегда, после “только книг” – “только” плоть»¹⁹. «Что-то тяжкое, хмурое, смрадное идет от меня...»²⁰, – пишет он. Но важно знать: когда А.А. Блок не спешил за смыслами, а жил тем, что есть, он становился великим поэтом жизни.

А.А. Блока существенно интересуют античные символы. Прежде всего его привлекает античный дух поэзии и музыки. В размышлениях он возвращается к великой жертве – сладкозвучного певца Эвфориона, сына гетевского Фауста и Елены Прекрасной. Он мечтает о «фаустовском пути», который понимает как «честность к жизни»²¹. Христа он постоянно украшает языческими знаками: «Вот Он – Христос – в цепях и розах»²². Вот Христос идет на языческое пиршество «в белом венчике из роз». Такой венчик, как отмечает протоиерей Александр Мень, «античный символ пиршества; на

¹ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 13. С. 10.

² Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 135.

³ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 13. С. 275, 289.

⁴ Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 49.

⁵ Блок А.А. Письма к родным. М., 2015. С. 52.

⁶ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 7. М., 2003. С. 111.

⁷ Блок А.А. Записная книжка: дневники поэта. М., 2018. С. 367.

⁸ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 4. М., 1999. С. 127.

⁹ Блок А.А. Собрание ... Т. 8. С. 105.

¹⁰ Дневник Ал. Блока. Т. 2. С. 95.

¹¹ Блок А.А. Собрание ... Т. 8. С. 343.

¹² Дневник Ал. Блока. Т. 2. С. 133.

¹³ Блок А.А. Записная книжка. С. 367.

¹⁴ Там же. С. 21.

¹⁵ Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. М., 1965. С. 99.

¹⁶ Розанов В.В. Указ. соч. С. 263.

¹⁷ Шагинян М.С. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 1. М., 1986. С. 378.

¹⁸ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 4. М., 1999. С. 79.

¹⁹ Блок А.А. Записная книжка. С. 52.

²⁰ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919 гг. М., 2001. С. 170.

²¹ Дневник Ал. Блока. Т. 2. С. 105.

²² Блок А.А. Полное собрание ... Т. 2. С. 66.

пиру древние римляне украшали себя венками из цветов»¹. Он также предположил, что А.А. Блок изобразил не Христа, а Другого. Христос должен быть в терновом венце, в сиянии ауры, нимба, а «это и был действительно Другой...» в венце – из роз². А.А. Блок сознательно пошел на подмену. В дневнике он сделал следующую запись: «надо, чтобы шел Другой»³. Пускай идут Эвфорион, Мефистофель, Фауст, но не Христос, а может быть, как предполагал Г.Г. Шпет, у А.А. Блока «Великий Пан воскрес» (Шпет, 1989: 368), и, возможно, этот «Великий Пан» – сам А.А. Блок. Неслучайно современный книжный иллюстратор Филипп Барбышев решил изобразить уже А.А. Блока в венчике из роз. Венчик – чин христианского погребального ритуала⁴.

В день, когда поэма «Двенадцать» в основном была дописана, А.А. Блок отметил в записной книжке: «Я понял Faust'a»⁵. «А Христа я никогда не знал», – говорил он Вл. Пясту⁶. Тогда же А.А. Блок напечатал итоговое сочинение – «Исповедь язычника. Моя исповедь» 1918 г., а затем, уже незадолго до смерти, в состоянии помрачения что-то почувствовал, что-то услышал, что-то увидел, уничтожил часть записных книжек и разбил голову светозарному Аполлону. Это было «какое-то пьянство без вина»⁷, – сокрушалась мать Мария. Дебош, но не пьяный, скорее стихийно-продуманный и мистически-философский. Понимание смыслов приходит уже в конце жизни и, возможно, в момент смерти. «И еще мне жалко – не Бога, нет, Его нету. Мне жалко Христа. Он тоже умирал, у Него был кровавый пот»⁸, – писала мать Мария в эссе об А.А. Блоке.

Лунный Блок и музыка. «В начале было слово», – сказано в Священном Писании. «В начале было дело», – сказано в «Фаусте». А.А. Блок считал, что прав, видимо, Сократ: «Вначале была музыка»⁹. По словам А.А. Блока, «демон некогда повелел Сократу слушать духа музыки»¹⁰. А.А. Блок, верный сократик, вслед за учителем слушает духа музыки. Он приходит к выводу: «Музыка – предшествует всему»¹¹; «музыка есть сущность мира»¹²; «музыка творит мир. Она есть духовное тело мира...»¹³. «Музыка и свет» – основополагающий мотив, который становится фундаментальным тезисом всего философского творчества А.А. Блока¹⁴.

Музыка, по мнению А.А. Блока, является «цементом» человечества¹⁵. Поэт полагает, что музыка связывает времена и эпохи: «Вся короткая история человечества, которая сохранилась в нашей бедной памяти, есть, очевидно, смена эпох, из которых в одной – музыка замирает, звучит заглушенно, чтобы с новым волевым напором хлынуть в другой, следующей за нею»¹⁶. Духовные вожжи человечества – люди, которые умеют слушать музыку и понимать дух музыки. Музыкальные звуки «всегда стояли в ушах у Гоголя, у Достоевского, у Толстого»¹⁷, а народ всегда был бессознательным носителем духа музыки¹⁸.

А.А. Блок разрабатывает концепцию исторического движения духа музыки – концепцию музыкацентричности. Для этого он использует такие термины, как «дыхание духа»¹⁹, «антимузыкальность», «неполнозвучность»²⁰, «музыкальные люди»²¹ и др. Поэзия – высшая форма музыки. Поэзия вне истории или над историей, литературой, философией и религией. Тем не менее «поэзия исчерпаема... дойдя до предела своего, поэзия, вероятно, утонет в музыке», – полагает А.А. Блок²².

Впрочем, иногда говорят, что истинная поэзия не нуждается в музыкальном обрамлении, ибо она сама и есть музыка. Возможно, в этом есть доля истины: музыка действительно звучит в стихах А.А. Блока – это чувствуют и современники, и наследники поэта. Тем не менее каждый

¹ Мень А.В. Лекции и беседы. М.; Н. Новгород, 1995. С. 353.

² Там же.

³ Дневник Ал. Блока. Т. 2. С. 107.

⁴ Судьба Блока: по документам, воспоминаниям, письмам, заметкам, дневникам, статьям и другим материалам / сост. О. Немеровская, Ц. Вольпе : реконструкция книги. М., 2009. 346 с.

⁵ Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. С. 387.

⁶ Александр Блок в воспоминаниях современников : в 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 370.

⁷ Кузьмина-Караваева Е.Ю. Избранное. М., 1991. С. 369.

⁸ Там же.

⁹ Дневник Ал. Блока. Т. 2. С. 155.

¹⁰ Блок А.А. Исповедь язычника. М., 2020. С. 411.

¹¹ Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. С. 150.

¹² Дневник Ал. Блока. Т. 2. С. 105.

¹³ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 13. С. 304.

¹⁴ Там же. Т. 3. С. 156.

¹⁵ Дневник Ал. Блока. Т. 2. С. 158.

¹⁶ Там же. С. 155.

¹⁷ Там же. С. 159–160.

¹⁸ Там же. С. 152.

¹⁹ Блок А.А. Собрание ... Т. 8. С. 380.

²⁰ Дневник Ал. Блока. Т. 2. С. 154.

²¹ Там же. С. 159.

²² Блок А.А. Полное собрание ... Т. 13. С. 304–305.

алмаз мечтает стать бриллиантом... Однажды Александр сообщил отцу, что один из профессоров Петербургского университета собирается читать реферат о музыкальности его поэзии¹. Безупречно поэтическую музыку А.А. Блока слышали советские композиторы: Дмитрий Шостакович («Семь стихотворений Александра Блока», 1967 г.) и Григорий Свиридов («Петербургские песни», 1969 г.).

А.А. Блок проходит мимо В.И. Ленина. Он не слышит «музыки» в его речах. «Ему казалось, что музыка опять уходит из революции», – сокрушался А.В. Луначарский (Луначарский, 1937: 417). Ощущение фальшивой музыки доходит у А.А. Блока до безумия: «требуется действительно похоронить отечество, честь, нравственность, право, патриотизм и прочих покойников, чтобы музыка согласилась помириться с миром»². Поругание музыки еще «отмститесь»³, – записал он. Прав был Андрей Вознесенский, который предостерегал, чтобы не навлечь беду: «не трожьте музыку руками»⁴.

В конце жизни музыку, идущую от «советского оркестра», А.А. Блок «уже не слышал» (Луначарский, 1937: 408). Он признавался К.И. Чуковскому, что утратил способность слышать музыку, гложет и мир вокруг него превращается в безмолвную пустоту. А когда он совсем оглох, он умер.

Лунный Блок и философутики. З.Н. Гиппиус утверждала: Блок «не философ»⁵. Вообще она права: философия для А.А. Блока – метафизическая сплетня. В философии нет музыки. Философию он считает ненужным переплетением смыслов и метафор.

«Кто знает философа Блока», – спрашивал А.А. Якобсон (Якобсон, 1992: 86). «Блок-человек, Блок-поэт – это одно; Блок-философ – это другое. Между одним и другим есть и связь, и сходство, но различия существенной сродства» (Якобсон, 1992: 86). Главные качества философии А.А. Блока – «стихийность» и «воплощение дисгармонии» (Якобсон, 1992: 98). А.А. Якобсон делает вывод: «Влияние блоковской философии вредноосно...» (Якобсон, 1992: 86). «Из всего сказанного вовсе не следует, что философию Блока можно обойти молчанием. Нужно определить ее существо, выяснить ее происхождение» (Якобсон, 1992: 86). Для А.А. Блока поиски философской истины оказались сложными, непрерывными и глубоко жизненными, но построением философских теорий «сам не занимаюсь»⁶. Сущность блоковской философии точнее всех определил Н.И. Бухарин: «мистический идеализм – помесь Канта с Владимиром Соловьевым»⁷. «А это все-таки, – уточняет профессор В.К. Размахнина, – Бухарин»⁸.

Читая переписку и дневниковые записи А.А. Блока, можно узнать историю его философских взглядов. Блоку 27 лет. Он делает важное заявление: «“философского credo” я не имею»⁹. Философское воспитание он получал дома, в университете, разговорах с софианцами и переписке с Андреем Белым. Вспоминая студенческие годы, он пишет: «Начинается чтение книг; история философии... <...> Начинается покорность Богу и Платону»¹⁰; «Не очень-то бываю в университете, а если и бываю, то слушаю лекции Введенского по истории философии (а не права) и только. Больше занимаюсь дома...»¹¹. Несомненно, А.А. Блок прав: «многодумные» профессора способны лишь на повторение и компиляции.

А.А. Блок начал изучение философии с античной классики. «Философские занятия, – сообщает он отцу, – по преимуществу Платон, продвигаются не очень быстро. Все еще я читаю и перечитываю первый том его творений...»¹². В стихотворении «Неписанные догматы» 1900 г., в «Поэме философской» 1900 г. и в «Последней части философской поэмы» 1901 г. он размышляет о «сокровенном учении» античных мудрецов: «Из мрака вышел разум мудреца»¹³.

Чтение Платона приводит А.А. Блока к выводу: «обжигаюсь на философии»¹⁴, но уже через некоторое время сообщает отцу, что почувствовал большую «близость» к философии¹⁵. Круг его философских интересов постепенно расширяется. В дневнике он записал, что находится «между

¹ Блок А.А. Письма к родным. С. 85.

² Дневник Ал. Блока. Т. 2. С. 111.

³ Там же. С. 110.

⁴ Вознесенский А.А. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 2. М., 2018. С. 118.

⁵ Гиппиус З.Н. Стихотворения ... С. 234.

⁶ Блок А.А. Собрание ... Т. 8. С. 190.

⁷ Первый Всесоюзный съезд ... С. 500.

⁸ Размахнина В.К. Серебряный век. Очерки к изучению : учеб. пособ. Красноярск., 1993. С. 64.

⁹ Блок А.А. Собрание ... Т. 8. С. 197.

¹⁰ Дневник Ал. Блока. Т. 2. С. 127.

¹¹ Блок А.А. Письма к родным. С. 52.

¹² Блок А.А. Собрание ... Т. 8. С. 13.

¹³ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 1. С. 36.

¹⁴ Блок А.А. Собрание ... Т. 8. С. 40.

¹⁵ Там же. С. 28.

Кантом, Декартом, Платоном»¹. Особое место среди них занимает Иммануил Кант. А.А. Блок начинает усиленно заниматься его философией: «Довольно много читаю, также и ученые книги (Канта)»².

А.А. Блок называет философию И. Канта «страх перед страхом»³, а самого И. Канта «испуганный»⁴. Пишет стихотворение, посвященное И. Канту. Блоковский образ И. Канта прочно вошел в русскую кантиану (Круглов, 2012: 197–218). Вот он, Иммануил Кант Блока: «Сижу за ширмой. У меня / Такие крохотные ножки... / Такие ручки у меня, / Такое темное окошко... / Тепло и темно...»⁵.

А.А. Блок создает «кантиану» в красках Даниила Хармса: «морщинистый Кантик» или, напротив, «Кантище на соломенной табуретке»⁶. А.А. Блок мифологизирует образ И. Канта, представляя его городским сумасшедшим: «А может быть – привез на извозчике маленький Кантик? Тррах! Грохнулся с извозчика, ушибся; его поднимали дворники под ручки, ввели в горницу, поставили на колени, накрыли полотенцем. Думали, что молится, оказалось – пропал без вести, пришел к невесте и провалился на месте. Только его и видели»⁷. «Петербург – город, по улицам которого на днях, по случаю наводнения, проплыли на ялике двое в колпаках, ухмыляясь, с ящиком, на котором написано было: "Осторожно!!!" На перекрестке из ящика просунул голову Иммануил! Он сказал: Здравствуйте! Нынче хорошая погода и приятно покататься на лодке. Постарайтесь к вечеру доставить меня в Кенигсберг»⁸. Очень современно сказано, не находите?

В «хармсовской» игре А.А. Блока «непременные участники» – его друзья: Андрей Белый и Сергей Соловьев. Они придумали профессора Лаплана, философа XXII в., философутиков и «пытаются установить связь между Кантом и Лапаном», – зафиксировала Н.Н. Берберова⁹. «Узнаю тебя, папаша Кант, – старая обезьяна!.. Узнаю вас, неокантианцы – "философутики", преждевременно впавшие в детство кретины!», – подвел итоги Андрей Белый¹⁰.

Философские интересы А.А. Блока меняются. Он обращается к философии Фридриха Ницше. В пятнадцатой записной книжке (1906 г.) сохранился его подробный конспект работы Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки». В некоторых стихотворениях, в том числе «К музе», заметны ницшеанские мотивы¹¹. У Ф. Ницше А.А. Блок находит истину, которой следует уже всю оставшуюся жизнь: «Когда проходит известное музыкальное настроение духа, является уже поэтическая идея»¹².

Ницшеанские мотивы философии А.А. Блока вполне очевидны и актуальны. О существенных ницшеанских чертах творчества А.А. Блока убедительно говорил на круглом столе в редакции журнала «Знамя» академик С.С. Аверинцев (Финал «Двенадцати»..., 2000: 190–191).

Лунный Блок и штаны «фантазия». А.А. Блок написал в записной книжке – «из семьи Блоков я выродился»¹³. Александр Александрович – второй ребенок в семье профессора Варшавского университета А.Л. Блока. Первый ребенок родился мертвым¹⁴.

«Несомненно, вся семья Блока и он сам были не вполне нормальны», – откровенно сообщила в воспоминаниях жена поэта¹⁵. В целом это верное наблюдение, к которому нужно прислушаться и добавить, что и в семье Менделеевых, судя по свидетельствам современников, тоже не все было гладко. А.А. Ахматова, например, утверждала, что жена А.А. Блока была человеком «неприятным, недоброжелательным»¹⁶, а К.И. Чуковский говорил о ее воспоминаниях: «...такая грязь, что калоши надевать надо»¹⁷.

Отец А.А. Блока был человек флюберовской среды и флюберовского воспитания: «Отец мой считал себя учеником Флобера»¹⁸. Флюберовский стиль А.Л. Блока отличался особым невротическим пафосом: «Он тоже получил от детства / Флобера странное наследство...»¹⁹. А.В. Луначарский

¹ Блок А.А. Письма к родным. С. 66.

² Блок А.А. Собрание ... Т. 8. С. 33.

³ Там же. С. 566.

⁴ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 1. С. 352.

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Блок А.А. Собрание ... Т. 8. С. 70.

⁷ Там же. С. 71.

⁸ Там же.

⁹ Берберова Н.Н. Александр Блок и его время : биография. М., 2015. С. 78.

¹⁰ Андрей Белый и Александр Блок ... С. 93.

¹¹ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 3. М., 1997. С. 7.

¹² Там же. С. 202.

¹³ Там же. С. 87.

¹⁴ Судьба Блока ... Л., 1930. С. 13.

¹⁵ Жизни гибельный пожар: воспоминания об Александре Блоке. М., 2012. С. 103.

¹⁶ Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой : в 3 т. М., 2013. Т. 1. С. 193.

¹⁷ Там же. С. 198.

¹⁸ Судьба Блока ... Л., 1930. С. 10.

¹⁹ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 4. С. 56.

писал о фирменной блоковской демонической тревоге: «В отцовском наследии именно это демоническое было основным» (Луначарский, 1937: 394). Демонизм был семейным. Дед по отцу умер в психиатрической больнице.

М.А. Бекетова утверждала: «В минуты гнева Александр Львович был до того страшен, что у жены его буквально волосы на голове шевелились»¹. Во всем душевном и физическом облике отца А.А. Блока «было что-то судорожное и страшное»². Он бил жену за недостаточное понимание музыки Роберта Шумана³. «И Шумана будили звуки / Его озлобленные руки, / Он ведал холод за спиной...»⁴. Сам А.А. Блок любил повторять строки Алексея Апухтина: «Но все-таки... за что? В чем наше преступление? / Что дед мой болен был, что болен был отец, / Что этим призраком меня пугали с детства...»⁵. Известно, что Ф.М. Достоевский хотел где-то изобразить отца А.А. Блока. «Его заметил Достоевский / – “Кто сей красавец?” – он спросил»⁶, – писал Блок в поэме «Возмездие».

Отец А.А. Блока профессионально занимался философией. В словаре «Русская философия» 1995 г. о нем есть подробная биографическая статья⁷. А.А. Блок также писал об отце как о мыслителе и философе.

Мать А.А. Блока увлекалась музыкой и поэзией. Особенно ее привлекали стихи Шарля Бодлера. По воспоминаниям современников, ей были свойственны мятеж, припадки черной меланхолии и мизантропии. А.В. Луначарский писал: «мы знаем, что мать Блока была склонна к мистике, что она была эпилептоидом, и эпилептические припадки все больше учащались к концу жизни» (Луначарский, 1937: 395). Болезнь матери А.А. Блок считал особым знаком: «Эпилепсия, – записал он в дневнике, – священная болезнь»⁸.

Ее единственная и настоящая любовь – сын Сашенька. Любовь матери и сына была взаимна. Переписка А.А. Блока с матерью есть величайший любовный роман Серебряного века. А.А. Блоку 12 лет: «Милая крошечная мама» – обращается он к матери⁹; 32 года: «Мама, тебе очень грустно. А я думаю о тебе. Саша»¹⁰; и т. п. Он посвятил матери около десятка стихотворений. Отношению к жене сына были присущи «скользящая зависть» и «дикая ревность»: «она не в силах смириться с любовью Блока к жене»¹¹, – писала Н.Н. Берберова. Нет слов, которыми мать А.А. Блока не поносила бы жену сына: «И некрасива-то, и неразвита, и зла, и пошла, и нечестна»¹².

Жена А.А. Блока в воспоминаниях называла «небылицами» рассказы о муже, а «былями» – истории о самой себе. Ее житейская правда заключалась в том, что она «была не функция, а “была человеком” суверенным»¹³. «И так как я переставала существовать как “функция”, я уходила с головой в свое “человеческое” существование», «успокоение своих “женских” (бабьих) прав»¹⁴, – писала она. Даже через много лет обида на мужа была живой. Она раздраженно писала: «Моя жизнь не нужна, о ней меня не спрашивают! Нужна жизнь жены поэта, “функции”...»¹⁵. Все семнадцать лет семейной жизни она что-то доказывала и доказывала А.А. Блоку: «Ночью – тяжелый разговор с Любой. Все о том же...», – записал он в дневнике¹⁶.

«Но была ли она действительно его женой»¹⁷, – задается вопросом Н.Н. Берберова. Ответ был однозначен: «Конечно, не муж и не жена. О, господи! Какой он муж и какая уж эта была жена!»¹⁸, – вспоминала сама Л.Д. Менделеева. Измученный А.А. Блок записал в дневнике: «Люба довела маму до болезни. Люба отогнала от меня людей, Люба создала всю невыносимую сложность и утомительность отношений, какая теперь есть. Люба выталкивает от себя и от меня всех лучших людей... Люба испортила мне столько лет жизни, измучила меня и довела до того, что я теперь. <...> Люба на земле – страшное, посланное для того, чтобы мучить и уничтожать ценности

¹ Судьба Блока ... Л., 1930. С. 13

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 13.

⁴ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 4. С. 58.

⁵ Апухтин А.Н. Избранное. М., 2000. С. 239.

⁶ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 3. С. 38–39.

⁷ Русская философия : словарь / под общ. ред. М.А. Маслина. М., 1995. 654 с.

⁸ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 13. С. 21.

⁹ Блок А.А. Письма к родным. С. 12.

¹⁰ Там же. С. 391.

¹¹ Берберова Н.Н. Александр Блок ... С. 141.

¹² Жизни гибельный пожар ... С. 105.

¹³ Там же. С. 39.

¹⁴ Там же. С. 40, 81.

¹⁵ Там же. С. 40.

¹⁶ Блок А.А. Записная книжка. С. 31.

¹⁷ Берберова Н.Н. Александр Блок ... С. 67–68.

¹⁸ Жизни гибельный пожар ... С. 79.

земные»¹. В другом месте он отметил: «Ночью я видел сон, что Люба умерла»². Все вполне ясно, откровенно и без лишних слов.

Жизнь для нее – «Театр Исканий». Она искала любовь: 1905 г. – роман с Андреем Белым, 1907 г. – с Г.И. Чулковым, 1908 г. – с К.А. Давидовским, 1909 г. – с К.К. Кузьминым-Караваевым и т. п. Каждый год новый роман. Ощущается неловкость за Музу поэта. Она живописно вспоминает первую «фантастическую измену» с актером К.А. Давидовским, которого называет «паж Дагоберт». Л.Д. Менделеева кокетливо хвастается: «Паж Дагоберт был мне самым близким в святая святых моей жизни»³. «Он не был красив, паж Дагоберт. Но прекрасное, гибкое и сильное, удлиненное тело, движения молодого хищного зверька. И прелестная улыбка, открывающая белоснежный ряд зубов»⁴. «Когда пробил час упасть одеждам... В несколько движений я сбросила с себя все и распустила блистательный плащ золотых волос, всегда легких, волнистых, холеных. Я протянулась на фоне этой снежной белизны и знала, что контуры тела еле-еле на ней намечаются, что я могу не бояться грубого, прямого света, падающего с потолка, что нежная и тонкая, ослепительная кожа может не искать полумрака... Может быть, Джорджоне, может быть, Тициан... Когда паж Дагоберт повернулся... Началось какое-то торжество, вне времени и пространства»⁵. И началась пляска плоти.

Родился мальчик Митя. Еще будучи женихом, А.А. Блок записал: «Пусть умрет лучше ребенок»⁶. Митя умер: «Любин сын умер – она снова с Блоком»⁷, – засвидетельствовала Н.Н. Берберова. Он один хоронил Митю: «Я подавлю глухую злобу, / Тоску забвению предаю. / Святому маленькому гробу / Молиться буду по ночам»⁸. «Я дошел на кладбище, – писал Блок в дневнике. – Надо бы хоть дерном убрать Митину могилку»⁹.

«Театр Исканий» завершился. Паж Дагоберт играет кавалериста Семена Буденного в «Красных дьяволятах». Она размышляет о коллективном самоубийстве и при этом каждый вечер чистит селедку, испытывая отвращение от вида грязной, склизкой и вонючей чешуи.

А.А. Блок жил под «ущербной луной». «Я, – писал он, – не люблю своего лица. Я хотел бы видеть его иным»¹⁰. «Ищу своего лица. Глаз и губ»¹¹. З.Н. Гиппиус вспоминала, что у него был «замогильный звук голоса»¹².

Обычно он был доступен лишь небольшому кружку друзей: «В присутствии людей, которых он не любил, он был мучеником, потому что всем телом ощущал их присутствие: оно причиняло ему физическую боль»¹³. «Избегаю людей», – писал А.А. Блок. «Можно снести всякий сифилис... нельзя снести... например, генерала с исключительно жирным затылком»¹⁴. Друзей было немного, но люди все были незабываемые: А. Белый, Вл. Пяст, Г.И. Чулков, братья Соловьевы – «все ближайшие люди на границе безумия, как-то больны и расшатаны»¹⁵. Счастливым его состоянием было одиночество: «есть темный угол, где я постоянно один»¹⁶.

Любил жену. Любовь к жене он назвал «биение сердца о милую»¹⁷. «У Любочки пушок на личике. Золотистый. Красное вечернее солнышко его насквозь проглядывает. Пушок золотой»¹⁸. «Черная ночь, ветер весенний. Милая, как ты господь с тобой»¹⁹, – писал он. Терпеть не мог мать жены: «Чухонка, которой был доставлен комфорт и средства к жизни, стала порхать в свете», «всю жизнь наряжавшаяся, подмазывающаяся... дилетантка с головы до ног»²⁰.

А.А. Блок получил хорошее образование, но оставил нелестный отзыв о 9-й петербургской (Введенской) гимназии, где учился: «Гимназия страшно плебейская и совсем не вяжется с моими мыслями, манерами и чувствами»²¹. Мать говорила об одном из учителей гимназии, что он «нес

¹ Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. С. 166.

² Там же. С. 260.

³ Жизни гибельный пожар ... С. 88, 91.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Там же. С. 90.

⁶ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 13. С. 93.

⁷ Берберова Н.Н. Александр Блок ... С. 121.

⁸ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 3. С. 46.

⁹ Блок А.А. Записная книжка. С. 242.

¹⁰ Александр Блок в воспоминаниях ... Т. 2. С. 216.

¹¹ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 13. С. 254.

¹² Гиппиус З.Н. Дневники : в 2 кн. М., 1999. Кн. 2. С. 162.

¹³ Александр Блок в воспоминаниях ... Т. 2. С. 248–249.

¹⁴ Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 101.

¹⁵ Там же. С. 98.

¹⁶ Блок А.А. Записная книжка. С. 56.

¹⁷ Там же. С. 219.

¹⁸ Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. С. 51.

¹⁹ Блок А.А. Записная книжка. С. 219.

²⁰ Там же. С. 69–70.

²¹ Блок А.А. Письма к родным. С. 34.

какую-то гниль православного характера»¹. До конца жизни А.А. Блок придерживался французского произношения русских слов: «русскую мебель произносил по-французски “мэбль”, а “тро-туар” считал двусложным словом...»².

А.А. Блок пишет: «Эти два больших христианских праздника (Рождество и Пасха) все больше унижают меня; как будто и в самом деле происходит что-то такое, чему я глубоко враждебен»³. В произведении «Исповедь язычника. Моя исповедь» 1918 г. он возвращается к церковной теме: «Церковь умерла, а храм стал продолжением улицы. Двери открыты, посредине лежит мертвый Христос»⁴. «В кофейню я еще зайду, а в церковь уже не пойду»⁵. Церковный нигилизм А.А. Блока прекрасного усвоила русская, а затем и советская интеллигенция. В.С. Высоцкий пел: «В церкви смрад и полумрак, / Дьяки курят ладан... / Нет, и в церкви все не так, / все не так как надо!»⁶. А.А. Блок признавался: «...в пустой церкви мне удалось иногда найти то, чего я напрасно искал в мире»⁷. «Но я – русский, а русские всегда ведь думают о церкви; мало кто совершенно равнодушен к ней; одни ее очень ненавидят, а другие любят; то и другое – с болью»⁸, – писал он. В издательстве «Терра» в 2020 г. вышел юбилейный сборник произведений А.А. Блока под символическим названием «Исповедь язычника».

Идеал А.А. Блока – житейский уют. Он записал: «у мамы уютно обедали», «днем было частью уютно», «уют городского мрака», «мрачно до того, что уютность возвращается»⁹. А.А. Блок заботливо устраивает квартиру, сам выбирает обои, подушки и т. п.¹⁰ В одном из писем сообщает о качестве подушки: «Подушка хорошая»¹¹. «Блок аккуратен до болезненности»¹², – писал К.И. Чуковский. Домашние вспоминали, что он был чрезвычайно точен и педантичен, у него все лежало и стояло на своем месте, все было учтено и посчитано: «У меня есть: 6 новых подштанников; 12 чулок – на обе ноги; один костюм; штаны “фантазия”; рабочий костюм; дешевые штаны для квартиры; 2 коробки для манжет; 1 альбом для почт. карточек; 12 бритв; коробка бумаги; 6 крахмальных рубашек; духи с разбитым горлышком; одеколон; 2 коробки японских зубочисток; 1 портсигар и 1 кошелек из Фоки (тюленьей кожи); 1 подвязки; 1 подтяжки; 3 фуфайки...»¹³. Бытовая жизнь была обустроена и вполне комфортна: такса Краб – Крабка, цветок гиацинт, электричество, телефонный аппарат, ванная комната, городское отопление, санузел, велосипед и желтое пальто¹⁴. Он любил бульон из телятины, пирожки с мясом, яичницу, молоко, шампанское, красное вино, пиво и папиросы. Вот что он пишет о велосипеде: «Я со второго раза почти научился ездить на велосипеде. Это – очень завлекательное занятие, быстро пожирает пространство эта легкая машина и очень развивает руки и ноги»¹⁵.

Представьте картину: А.А. Блок живет в Петербурге на Офицерской улице. Утром, облаченный в желтое пальто, он отправляется на прогулку с таксой по кличке Краб. По пути курит. Возвращаясь домой, он заходит в санузел и принимает ванну. Нюхает сладковатый цветок гиацинт, звонит матери по телефону, а потом по Офицерской улице едет на велосипеде в лавку за молоком. Житейский и уютный быт. Неудивительно, что и в предсмертном письме он пишет именно о еде¹⁶.

А.А. Блок пил, и много: «Я пригвожден к трактирной стойке / Я пьян давно. Мне все – равно»¹⁷. В дневнике он делает следующие записи: «Много людей, писем и выпитого вина за эти дни»¹⁸; «Мы с Женей отвалили 25 верст на велосипедах, хотя накануне и напились...»¹⁹. Сначала он пил от полноты жизни, а затем от одиночества, тоски и скуки. К разнообразным спиртным напиткам он пристрастился еще в университетские годы. По воспоминаниям современников, семейная жизнь усугубила пьянство поэта. Он выбирал «самые грязные кабаки», напивался до потери сознания, до

¹ Цит. по: Турков А.М. Александр Блок. М., 1969. С. 8. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий).

² Александр Блок в воспоминаниях ... Т. 2. С. 139.

³ Блок А.А. Собрание ... Т. 8. С. 236.

⁴ Блок А.А. Исповедь язычника. С. 417.

⁵ Там же. С. 417.

⁶ Высоцкий В.С. Нерв. М., 1988. С. 215.

⁷ Блок А.А. Исповедь язычника. С. 417.

⁸ Там же. С. 417.

⁹ Дневник Ал. Блока. Т. 2. С. 58, 62, 140, 191.

¹⁰ Блок А.А. Письма к родным. С. 373–374.

¹¹ Там же. С. 387.

¹² Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929 гг. М., 1991. С. 113.

¹³ Блок А.А. Письма к родным. С. 406.

¹⁴ Там же. С. 100.

¹⁵ Там же. С. 183.

¹⁶ Там же. С. 535.

¹⁷ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 3. С. 116.

¹⁸ Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 98.

¹⁹ Блок А.А. Письма к родным. С. 184.

белой горячки, потом стал пить в одиночестве: «Еду в Озерки»; «Пью в Озерках»¹. «С Приморского вокзала по железной дороге до Озерков. Там выпивал он, также в одиночестве, вина; уезжал обратно. И фразировал видом знатного иностранца буфетную прислугу, железнодорожников и шпи-ков»², – сообщал Вл. Пяст. Вот некоторые собственноручные записи поэта: «я лежу в кровати утром в смертельном ужасе и больной от “пьянства”», «после приключений третьего дня я расслаблен, гуляю», «ресторан и вино», «со вчерашнего дня побаливает печень», «протрезвление после вчерашнего пьянства»³, «напиваюсь под граммофон в пивной на Гороховой», «пью шампанское», «пью коньяк после водки и белого вина», «пьянство и безобразие»⁴ и др. Горького пьяницу и второразрядного поэта Аполлона Григорьева он считал самым «музыкальным человеком»⁵. А.А. Блок был прав: в современном философском дискурсе Аполлон Григорьев считается отцом русского экзистенциализма. На его могиле А.А. Блок часто и много пил.

В письмах и дневниках А.А. Блок часто жалуется на беспокойство, тоску, скуку, он сравнивает свое состояние с нахождением в первом круге ада Данте, где нет более ничего, а «только тоска»⁶. «Что со мной происходит?», – спрашивает он в дневнике, – «Боюсь жизни»⁷. «Дождь, мга, скучно, лениво, тяжело сплю днем, март кошмарит»⁸; «Тягостно, плохо себя чувствую, пусто, во мне мертвое что-то. Ночью – дикие... и ужасные сны»⁹, – писал он. Даже когда он читал «Оправдание добра» В.С. Соловьева, то нашел непостижимую скуку¹⁰.

Наконец, «страшное пришло на смену скучного», – отметил собутыльник А.А. Блока поэт Г.И. Чулков¹¹. Неслучайно, что цикл стихотворений А.А. Блок называет «Пляски смерти»: «Как тяжко мертвецу среди людей / Живым и страстным притворяться»¹². Жизнь становится безумной игрой: любил укладывать покойников, был некрологом, мечтал о самоубийстве, посещал пакостные места, покупал книги и женские тела: «Днем у букиниста. Вечером, как всегда, после “только книг” – “только” плоть»¹³. Об одной уличной знакомой А.А. Блока его приятель Вл. Пяст вспоминал: «Это была Соня Мармеладова. Но как-то, очевидно, без семьи на плечах, как-то без трагедии»¹⁴. А.А. Блок с энтузиазмом признавался: «Я рву ее кружева и батист, в этих грубых руках и острых каблуках – какая-то сила и тайна. Часы с нею – мучительно, бесплодно. Я отвожу ее назад. Что-то священное, точно дочь, ребенок. Она скрывается в переулке – неизвестном, глухая ночь, я расплачиваюсь с лихачом. Холодно, резко, все рукава Невы полные, всюду ночь, как в 6 часов вечера, так в 6 часов утра, когда я возвращаюсь домой»¹⁵. «Эту женщину я, вероятно, не увижу больше, и не надо видеть, ни мне, ни ей неприятно, она “обесплочивает” мои страсти, бросает их в небеса своими саксонскими глазами. Она совсем не такова, какой я ее видел в первый раз»¹⁶. «Моя система – превращения плоских профессионалок на три часа в женщин страстных и нежных – опять торжествует»¹⁷. В.В. Розанов, отвечая А.А. Блоку, вероятно, справедливо подметил, что вряд ли «можно уничтожить проституцию, обнимаясь с проституткой»¹⁸.

Лунный Блок и эксперимент похоти. По меткому замечанию Н.В. Валентинова, «поэзия его всегда вертелась около какой-нибудь юбки: он воспевал Прекрасную Даму, Белую Деву, Мэри, Фаину, Незнакомку, Снежную Деву, Деву Звездной Пучины, Кармен...»¹⁹. Первым обратил внимание на особый философско-поэтический эротизм А.А. Блока его отец.

Позднее А.А. Блока обвиняли в том, что свой неуместный и нескромный поэтический эротизм он укрыл учением В.С. Соловьева. Впрочем, все софианцы были склонны к многоцветным эротическим фантазиям. Ругая софианцев, И.А. Ильин писал, что они придумывают «новое откровение о Св. Троице»: «Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой имеют общую возлюбленную Св. Софию, они по очереди истощают себя в любви к ней, и она от них зачинает и родит видимый мир. Вот поэты

¹ Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. С. 110, 267.

² Александр Блок в воспоминаниях ... Т. 1. С. 384.

³ Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 18, 27, 35, 60, 94.

⁴ Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. С. 11, 249.

⁵ Дневник Ал. Блока. Т. 2. С. 159.

⁶ Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. С. 73.

⁷ Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 46, 107.

⁸ Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. С. 216.

⁹ Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 80.

¹⁰ Там же. С. 75, 80, 94, 107, 197.

¹¹ Александр Блок в воспоминаниях ... Т. 1. С. 347.

¹² Блок А.А. Полное собрание ... Т. 3. С. 22–29.

¹³ Блок А.А. Записная книжка. С. 52.

¹⁴ Александр Блок в воспоминаниях ... Т. 1. С. 391.

¹⁵ Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 35.

¹⁶ Там же. С. 36.

¹⁷ Блок А.А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 129.

¹⁸ Розанов В.В. Указ. соч. С. 266.

¹⁹ Валентинов Н.В. Указ. соч. С. 110.

Блок, Вяч. Иванов и другие, которые неустанно воспевают проститутку как Пречистую Деву и прилагают эпитеты растленности к Святому» (Ильин, 2005: 417). Даниил Андреев в книге «Роза Мира» размышлял о том, как могла бы сложиться судьба А.А. Блока, если бы В.С. Соловьев знал его стихи о Прекрасной Даме¹. Д.Л. Андреев предполагал, что В.С. Соловьев был бы глубоко встревожен, так как А.А. Блок допустил эротическое искажение образа Вечной Женственности, которое привело к тому, что образ Прекрасной Дамы постепенно трансформировался в другие, более темные образы – Незнакомку, Неизвестную. Недопустимая эротизация образа Прекрасной Дамы стала причиной метафизического падения поэта.

Сам А.А. Блок писал: «Я искал “удовольствий”, но никогда не надеялся на счастье»²; «Родился в беспокойстве. Шумел и трещал, требуя половых удовлетворений»³. В «Автобиографии» он сообщает, что у него «около 15 лет родились первые определенные мечтания о любви»⁴. «Первой влюбленности ... сопутствовало сладкое отвращение к половому акту...»⁵. Первом юношеским увлечением А.А. Блока была любовь к «несвежей женщине», которая была старше поэта на двадцать два года. Затем уже на протяжении всей жизни одна страсть к «несвежей женщине» сменяла другую. Поэзия А.А. Блока отражает историю его любви к «несвежим женщинам»: «Бабы, какова бы ни была – шестнадцатилетняя девчонка или тридцатилетняя дама»⁶. В то же время он требовал, «чтоб не пахло никакой порнографией, ни страдальческой, ни хамской»⁷.

Встреча Вечной Женственности с ее певцом и рыцарем – главная тема блоковской философии⁸. Философ А.А. Блок наполняет поэзию женственностью духа. Он разграничивает женское и женственное, причем первое ненавидит, а второе поэтизирует. Дух женственности прекрасен и абсолютен. А.А. Блок ищет дух женственности в женском. Нужно настойчиво подчеркнуть, что А.А. Блок ищет земное воплощение женственности в Прекрасной Даме. Но где она? Во всем и везде. В Шахматове появилась А.Н. Шмидт, «поверившая со всей искренностью безумия, что именно она воплощенная София»⁹. Андрей Белый заметил, что даже в таком персонаже, как «Катка», «сидит Прекрасная Дама», но прежде всего Прекрасная Дама – «женская тень»: «легкий бред, точно призрачный кошмар, даже не страшный и не очень неприятный, а просто едва существующий»¹⁰.

А.А. Блок шел за В.С. Соловьевым. Последний, «вероятно, в чем-то шел вслед за Данте» (Чистяков, 2017: 120). Замечательный поэт Николай Минский сочинил на эту тему книгу «От Данте к Блоку» 1922 г. Он писал: «Между Софией и Беатриче то различие, что София – идея, объект философского созерцания, а Беатриче – живая девушка. София ведет мудреца к божеству, Беатриче становится для полюбившего ее божеством. София – для избранных, Беатриче – для всякого, кто любит» (Минский, 2004: 391).

Вопрос заключался в следующем: может ли Люба Менделеева стать и быть или Софией, или Прекрасной Дамой, или Мона Биче? Протоирей Георгий Чистяков говорил: «Совершенно естественно, что Беатриче <Портинари> – это Прекрасная Дама поэзии Данте» (Чистяков, 2017: 120). Прекрасная Дама поэзии А.А. Блока – Л.Д. Менделеева, но необходимо учесть то важное обстоятельство, как подчеркивает Г.П. Чистяков, что «Блок был православным человеком» (Чистяков, 2017: 120).

Была и иная Прекрасная Дама, которую А.А. Блок иногда «связывал с финикийской богиней Астартой» (Максимов, 1986: 233). «Часто лик Беатриче в душе поэта подменяется ликом Астарты...», – утверждает А.А. Якобсон (Якобсон, 1992: 102). А.А. Блок в письме А. Белому писал: «разноцветность Астарты» выражена «всего более в двух конечных пунктах человеческого бытия... в утонченной половой чувствительности и в утонченной головной диалектике...»¹¹.

У Прекрасной Дамы есть земное воплощение и земное имя – Любовь Дмитриевна Менделеева: «Святое место души» – Люба, Любочка, Любушка¹². А.А. Блок признавался, что он «помешался» на дочери Д.И. Менделеева: «Ты – мое Солнце, мое Небо, Мое Блаженство. Я не могу без Тебя жить ни здесь, ни там. Ты Первая моя Тайна и Последняя моя Надежда...»¹³. Софианцы

¹ Андреев Д.Л. Русские боги : стихотворения и поэмы. М., 1989. С. 340.

² Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 75.

³ Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. С. 52.

⁴ Блок А. А. Записная книжка. С. 12.

⁵ Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. С. 149.

⁶ Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 76.

⁷ Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. С. 113.

⁸ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 1. С. 454.

⁹ Александр Блок в воспоминаниях ... Т. 1. С. 345.

¹⁰ Там же. С. 352.

¹¹ Андрей Белый и Александр Блок ... С. 69.

¹² Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. С. 54, 160.

¹³ Блок А.А. Все это было, было, было...: жизнь поэта, рассказанная им самим. М., 2007. С. 30.

боготворили Л.Д. Менделееву. Они допустили недопустимое: отождествили образ земной девушки с образом Вечной Женственности: тициановская, древнерусская красота, медовый цвет, округлые формы – «всего более шло к ней белое»¹. Белый цвет стал синонимом Прекрасной Дамы. «Лучше не видел и не увижу», «Идеальная женщина» – свидетельствовал С.М. Соловьев². Для А.А. Блока и его друзей она «продолжает медленно принимать неземные черты»³ и обретать образ Мадонны. Они жгли ладан перед ее изображением. А.А. Блок называет свои письма к Любови Дмитриевне «малой церковью», а «стихи – молитвой». В стихотворении 1902 г. впервые появился поэтический титул «Прекрасная Дама»: «Вхожу я в темные храмы / Совершаю бедный обряд. / Там жду я Прекрасной Дамы / В мерцании красных лампад...»⁴.

Прекрасная Дама описывала историю любви ее Рыцаря к себе так: «В сумерках октябрьского дня (17 октября) я шла по Невскому к собору и встретила Блока... Позволила идти с собой... Мы сидели в стемневшем уже соборе на каменной скамье под окном, близ моей Казанской... Мне казалось, что я явно отдаю душу, открываю доступ к себе... Потом он отвезил меня домой... Тут было пустое мое любопытство, но морозные поцелуи, ничему не научив, сковали наши жизни... <...> На другой день мы опять встретились... Блок сказал, что пришел только предупредить... что ему запрещено выходить, надо даже лежать, у него жар. <...> Каким-то подсознанием я поняла, что это то, о чем не говорят девушкам... Физическая близость с женщиной для Блока с гимназических лет – это платная любовь и неизбежные результаты – болезнь...»⁵. В случае отказа А.А. Блок собирался покончить жизнь самоубийством. Блоковская романтика любовной истории продолжалась, но в конце концов «Прекрасная Дама» взбунтовалась⁶. И нечаянная радость закончилась отчаянной гадостью.

Любовь к Прекрасной Даме постепенно угасает. Прекрасная Дама покидает этот мир. «У меня – затемнение образа Прекрасной Дамы», – пишет А.А. Блок⁷. Прощание с ее образом становится кульминацией стихотворения. «Вот он – ряд гробовых ступеней», где есть строчка «Ты покоишься в белом гробу»⁸. Наступает посмертная жизнь Прекрасной Дамы. А. Белый описывает последовательность метаморфоз образов: атласная роза, ядовитая гусеница, Прекрасная Дама, Незнакомка, проститутка: «Но самой ядовитой гусеницей оказалась Прекрасная Дама (впоследствии разложившаяся на проститутку и мнимую величину, нечто вроде “– 1”)...» (Белый, 2004: 97). Хотя еще один смысл этого образа станет ясен позже.

А.А. Блок выходит в мир городских улиц, кабаков и ресторанов: «А в ресторане, а в ресторане. / А там гитары, а там цыгане» почти по-блоковски выразил ресторанную поэтику Михаил Танич. «“Незнакомку” я себе напроорочил», – записал А.А. Блок в дневнике⁹. У поэта начинается ресторанный роман с Незнакомкой. Это замечательное событие нашло отражение в знаменитом стихотворении «В ресторане»¹⁰. В дневнике он сообщает: «Каждый вечер три телефонных звонка от барышень (“Вы так испорчены, что заинтересовали меня”)...»¹¹. Он увидел «в кабацкой Незнакомке какие-то святые и таинственные черты» (Луначарский, 1937: 405), до конца пока что не осознаваемые.

Как и Прекрасная Дама, Незнакомка все больше отдаляется от поэта: «Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий, / В котором ты в сырую ночь ушла»¹². Цвет жизни постепенно угасает. Розовый цвет девушки, белый цвет Прекрасной Дамы, синий цвет Незнакомки, лиловый цвет Демонической женщины уходят, и жизнь поэта окрашивается в желтый – цвет увядания, пошлости и повседневности. Трагедия А.А. Блока нашла яркое воплощение в метафоре В.В. Маяковского: как обломки и жестянки консервов, шли ко дну незнакомки и дымки севера¹³.

М.М. Зощенко называет А.А. Блока «печальным рыцарем». М.М. Зощенко трансформирует женственный образ Незнакомки в женский образ Неизвестной. Незнакомка становится Неизвестной: «...любовь даже не к далекой, а к Неизвестной...»¹⁴. В сентиментальном произведении «Воспоминания о М.П. Синягине» 1930 г. М.М. Зощенко создает бытовой образ Неизвестной. Мишель

¹ Судьба Блока ... Л., 1930. С. 59.

² Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. С. 54.

³ Дневник Ал. Блока. Т. 2. С. 127.

⁴ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 1. С. 128.

⁵ Жизни гибельный пожар ... С. 65, 77–79.

⁶ Там же. С. 69.

⁷ Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. С. 168.

⁸ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 1. С. 178.

⁹ Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. С. 87.

¹⁰ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 3. С. 16.

¹¹ Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 104.

¹² Блок А.А. Полное собрание ... Т. 3. С. 43.

¹³ Маяковский В.В. Собрание ... Т. 5. С. 402.

¹⁴ Зощенко М.М. Pro et contra. СПб., 2015. С. 37.

Синягин «любил нереально какую-то неизвестную женщину, блестящую в своей красоте и таинственности»¹. Романтический образ Неизвестной разрушается в стихотворении Мишеля Синягина «Дамы, дамы, отчего мне на вас глядеть приятно»². Андрей Вознесенский пошел еще дальше в стихотворении «Правила поведения за столом» 1971 г., он соединяет поиск огурца в банке и прикосновение к Незнакомке: «Нашарьте огурец со дна / и стан справа сидящей дамы»³.

Образ Незнакомки вошел в современную массовую культуру и стал вирусным поп-символом. Наиболее известные поп-воплощения этого образа – в песне Игоря Николаева на стихотворение Павла Жагуна «Незнакомка» 1987 г., одноименном альбоме Филиппа Киркорова «Незнакомка» 2003 г. и проекте «Виртуальный Блок» 2025 г. диджея Блокнота (Никиты Глухова). Речь идет о явном обращении к творчеству А.А. Блока. Например, в стихотворении «Незнакомка» Павла Жагуна есть такие насквозь блоковские строки: «Волосы, как солнце, золотые, / И глаза такие голубые. / Растворился в небе платья синий шелк».

Лунный Блок и Христос. Отношение А.А. Блока к Христу было всегда сложным и нервным. Он признавался: «Ведь я „иногда“ и Христом мучаюсь»⁴. Встречу с Христом поэт объявляет событием мистическим: «Когда родное сталкивается в веках, всегда происходит мистическое. <...> Так и истинно христианствующие, когда встречаются с Христом – Достоевский в учениях старца Зосимы (и все Карамазовы!). „Здесь тайна есть“... ибо истинно родное сошлось в веках и, как тучи сошедшиеся, произвело молнию. Есть миры иные»⁵.

А.А. Блок назвал поэтическое творчество «мгновением слишком яркого света», а свои стихи – поэтическим «вочеловеченьем»⁶. Что он имел в виду? Возможно, поэт может обрести дух музыки? Профессор В.А. Сарычев, опираясь на определение вочеловечивания В.И. Даля, отмечал, что творчество А.А. Блока является непосредственным воплощением духа музыки⁷. Человек обязан воцерковиться и услышать божью музыку, ибо Христос уже вочеловечился, «безличное – вочеловечилось», между прочим Христос, а не София, идет впереди красногвардейцев: «Христос с красногвардейцами»⁸.

Круг аполлоновской музыки завершился, и теперь А.А. Блок создает свою блоковскую Голгофу, а Он же грядет – «Сын Человеческий судить живых и мертвых»⁹. Сама мать – «Святая Русь» идет на сораспятие со Христом. Русская история и Христос – «сошлись» воедино в демонической мистике А.А. Блока: «Россия – жизнь»¹⁰. «И оттого», – говорил большевик Н.И. Бухарин, – он «благословлял» революцию, и «Катю», и «Двенадцать»¹¹.

Христос и евангелисты, идущие за Христом, – образ новой России и начало новой блоковской поэтической церкви. Блоковская Россия встречает своего блоковского Христа. Д.П. Святополк-Мирский писал, что «имя Христа значит для него не то, что оно значит для христианина, это поэтический символ, существующий сам по себе, со своими собственными ассоциациями, весьма отличными от Евангелий и от церковных традиций» (Святополк-Мирский, 2007: 703). Но Россия не стала блоковской, а А.А. Блок оказался «невоскресшим Христом»¹². Г.Г. Шпет рассуждал: «Итак, что же „внутри“? – Впереди – Иисус Христос, позади – голодный пес, а посередине – Петька Катюку полюбил – наше исконное старье, бывье... Дальше – Чичиковы, Хлестаковы, Смердяковы, Мочалины – старый мир, старый быт...» (Шпет, 1989: 367). А Христос так и остался отвлеченным, туманным и непонятым...¹³

Лунный Блок и Революция. А.В. Луначарский писал о «романе» А.А. Блока с Революцией (Луначарский, 1937: 405). Но о какой революции и о каком «романе» идет речь? И был ли А.А. Блок большевиком? Для него «Революция – это я – не один, а мы»¹⁴. В жизни А.А. Блока был день, когда он шагнул с красным знаменем во главе процессии. В.Я. Брюсов позволял себе упрекать в этом А.А. Блока. Примечательно, что сам В.Я. Брюсов позже вступил РКП(б).

¹ Зощенко М.М. Сентиментальные повести. М., 2008. С. 280.

² Там же.

³ Вознесенский А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 118.

⁴ Блок А.А. Собрание ... Т. 8. С. 108.

⁵ Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. С. 21–22.

⁶ Блок А.А. Собрание ... Т. 8. С. 344.

⁷ Сарычев В.А. «Вочеловечение»: жизнь Александра Блока. М., 2021. 704 с.

⁸ Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 112.

⁹ Блок А.А. Записная книжка. С. 55.

¹⁰ Дневник Ал. Блока. Т. 2. С. 98.

¹¹ Первый Всесоюзный съезд ... С. 488.

¹² Блок А.А. Полное собрание ... Т. 3. С. 167.

¹³ Александр Блок в воспоминаниях ... Т. 2. С. 283.

¹⁴ Дневник Ал. Блока. Т. 2. С. 110.

Появление мифа о большевизме А.А. Блока связано с публикацией статьи коммунистического идеолога Н. Осинского «Интеллигентский гимн Октябрьской революции» 1918 г. «Марксисты – самые умные критики, и большевики правы, опасаясь “Двенадцати”», – писал А.А. Блок¹. Н. Осинский сформулировал революционно-большевистское толкование поэмы «Двенадцать» (О Блоке..., 1929: 338). Согласно его концепции, А.А. Блок осуществил переход от философского вопроса «что же делать» к практическому «что делать», символизируя тем самым переход от слов к действиям, но, впрочем, уже будучи за границей, другой блоковский критик В.Ф. Ходасевич в эссе «Большевизм Блока. Беглые мысли» 1928 г. совершенно справедливо подчеркнул, что А.А. Блок большевиком никогда не был и ни на миг не «очаровывался» большевизмом (Ходасевич, 2002: 290).

Друзья «неистово хулили» А.А. Блока. Один из них послал ему телеграмму: «Кто ты? Подлец или идиот? Телеграфируй» (Ходасевич, 2024: 394). А.Н. Бенуа назвал поэму «Двенадцать» «истерией отчаяния» и «судорогой». А.В. Колчак собирался А.А. Блока повесить: «И Горький... и в особенности Блок талантливы. <...> И все же их обоих, когда возьмем Москву, придется повесить...»². Н.С. Гумилев считал, что А.А. Блок «вторично распял Христа и еще раз расстрелял Государя Императора»³. Иные друзья сравнивали А.А. Блока с «пресловутым» Демьяном Бедным и утверждали, что поэма «Двенадцать» – набор частушек, написанных языком блатного жаргона. Отвечая ненавистникам А.А. Блока, Д.П. Святополк-Мирский в «Истории русской литературы» 1925 г. заметил: «Блок вводит слова и ритмы грубой и пошлой “частушки” и достигает эффекта невероятного простора и величия» (Святополк-Мирский, 2007: 703).

Л.Д. Троцкий упрекал А.А. Блока, что впереди красногвардейцев у него идет Иисус, а должен идти В.И. Ленин. Он советует «заменить Христа Лениным»⁴, – записала Н.Н. Берберова. Возможно, Л.Д. Троцкий видел себя рядом с красногвардейцами: почему нет? Он тоже «великий» вождь и учитель Революции. «Конечно, – писал Л.Д. Троцкий, – Блок не наш. Но он рванул к нам. Рванувшись, надорвался» (Троцкий, 1991: 102). И в статье В.В. Маяковского, написанной в связи со смертью А.А. Блока, читаем: «В своей знаменитой, переведенной на многие языки поэме “Двенадцать”, Блок надорвался»⁵.

А.А. Блок понимает, что он великий поэт: «Сегодня я – гений», – записал он 29 января 1918 г.⁶ Он осознает, что с ним происходит что-то не очень хорошее: слышит «страшный шум», «возрастающий во мне и вокруг»⁷. Он прекращает писать и постепенно замолкает: 7 февраля 1921 г. – последнее стихотворение, 7 мая 1921 г. – последнее публичное выступление, 29 мая 1921 г. – последнее письмо, 3 июля 1921 г. – последняя запись в дневнике. Последними словами А.А. Блока были: «Я очень устал». К.И. Чуковский рассказывал, что во время концерта А.А. Блока в Москве «в полупустом зале, молчавшем кладбищем» один из активистов заявил, что А.А. Блок и как поэт, и как человек – умер. «Блок наклонился ко мне, – вспоминал К.И. Чуковский, – и сказал: это правда. – Он говорит правду: я умер»⁸. До реальной смерти оставалось чуть больше месяца.

У А.А. Блока появляется гнетущее ощущение жизни: ресторанная мистика прежних лет и эротическая романтика Прекрасных Дам, Незнакомки, Известных... исчезают. Бывший рыцарь Прекрасных Дам пишет пронзительные и свистящие строки: «В голосе этой барышни за стеной – какая тупость, какая скука: домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают? Когда она, наконец, ожеребится? Ходит же туда какой-то корнет. Ожеребится – другая падаль поселится за переборкой и так же будет выть, в ожидании уланского жеребца»⁹. Из жизни постепенно уходит повседневный комфорт, торжествует «мерзость быта», матрос Сашка играет на гармошке.

Он чует беса! Бес рядом – А.А. Блок пытается бороться, читая «Добротолубие». Он беса узнает: бесом оказался еще один друг В.И. Ленина – нарком просвещения А.В. Луначарский. «Ардалион Борисыч Передонов» теперь стал наркомом просвещения – Анатолием Васильевичем Луначарским. Из воспоминаний об А.В. Луначарском известно, что он устроил вместо традиционного церковного обряда «литературное» отпевание умершему ребенку. Он прочитал над гробом ребенка стихотворный отрывок из книги «Литургия красоты. Стихийные гимны» 1905 г. поэта-символиста Константина Бальмонта. Литературные похороны прошли в присутствии Максима Горького¹⁰. Бесовщина правит бал. Родился новый бес – А.В. Луначарский.

¹ Там же. С. 112.

² Орлов В.Н. Жизнь Блока. Гамаюн, птица вещая. М., 2001.

³ Полушин В.Л. Николай Гумилев: жизнь расстрелянного поэта. М., 2006.

⁴ Берберова Н.Н. Александр Блок ... С. 206.

⁵ Маяковский В.В. Собрание ... Т. 2. С. 459.

⁶ Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. С. 387.

⁷ Там же.

⁸ Александр Блок в воспоминаниях ... Т. 2. С. 246.

⁹ Дневник Ал. Блока. Т. 2. С. 94.

¹⁰ Берберова Н.Н. Курсив мой : автобиография. М., 2010. С. 706.

Всех бесов А.А. Блок называет во множественном числе – «луначарские». Это символ вечного мещанства – мещанство уже в самой Революции: игривость, многословие, администрирование и т. п. «Будняя» пошлость опять побеждает: она выражается в обыденном – «марксистско-эмигрантско-интеллигентско-луначарско-хитровато-добродушном»¹. Г.Г. Шпет пишет, что «все – понапрасну, отчаяние, что в самой революции – старый быт, “старый мир, как пес паршивый”...» (Шпет, 1989: 373). А.А. Блок медленно умирает.

Лунный Блок и смерть. Ф.А. Степун спрашивал, в чем состоит «суть смерти Александра Блока» (Степун, 2009: 453). Для многих современников ответ прост: «Блок – рыцарь смерти. Смерть – это та незнакомка, та Белая Дама, которая даст наконец покой и остановит время»².

Все наконец встало на свои места...

Блоку 41 год. Он умирает. Диагноз болезни не определяется: сердце, сифилис, онкология... «Кремлевская докторша» усматривает причину болезни в однообразной пище, сильном истощении, малокровии и глубокой неврастении³. «Непонятная болезнь»⁴ – записал он в дневнике, но друзья-завистники «точно» устанавливают свой метафизический диагноз. Общее мнение выразил поэт-сплетник Георгий Иванов: «За создание “Двенадцати” Блок расплатился жизнью. Как внезапно очнувшийся лунатик, он упал высоты и разбился. В точном смысле слова, он умер от “Двенадцати”, как другие умирают от воспаления легких или разрыва сердца»⁵, – написал в воспоминаниях Георгий Иванов о смерти Александра Блока.

Вместе с тем история болезни А.А. Блока была многостраничной. В письмах и записных книжках он жаловался на постоянное недомогание. Еще будучи молодым человеком, он сделал запись: «в груди что-то болит»⁶. Лечился спермином – «чувствую себя бодро; спермин помогает: теперь “недостающие соки” восполнены им, и организм должен сам работать»⁷. Пока можно было пользоваться универсальным лекарством – алкоголем: «Вчера и третьего дня – дни рассеяния собственных сил (единственный настоящий вред пьянства)»⁸. Незадолго до смерти в письме матери он сообщал: «Мешает главн. обр. боль в руке, слабость и подавленность»⁹. Последние месяцы жил при поддержке дигалена¹⁰. «Принимаю массу лекарств, некоторые немного помогают. Встаю с постели редко, больше сижу там. Лежать нельзя из-за сердца»¹¹, – сетует он. Партийный функционер П.И. Лебедев-Полянский, вспоминая А.А. Блока последних лет жизни, писал: «...он казался каким-то неподвижным пятном»¹².

«Смерть настигла Блока в аду», – написал поэт Н. Минский (Минский, 2004: 399). Лицо А.А. Блока становилось иным – «лицо Страшного суда». Позвали священника, зажгли «венчальные свечи», М. Шагинян читала над гробом псалмы Давида¹³. На Смоленском кладбище пел хор артистов Мариинского театра. Поставили крест. Посмертная история продолжилась бесстыдной реальностью. Шекспировский мотив бедного Йорика неожиданно стал последним земным блоковским событием. Состоялось «вторичное погружение праха» А.А. Блока – в новую могилу на Волковском кладбище. Участник посмертных блоковских событий, поэт и профессор Д.Е. Максимов, вспоминал: «Я поднял череп Блока с еле различимыми следами очень коротких волос и с глазницами, наполненными землей. <...> Глядя в бывшее лицо Блока, я смутился образом земли, набившейся в его бывшие глаза, и начал (вполне бездумно) очищать глазницы от их черного содержания. <...> И вот перекладка закончилась. Все, что нужно было переложить, было переложено и сфотографировано. <...> От этой минуты в “вечную память” перешел лишь один образ. С борта удалявшегося ящика свешивался и волочился по земле, длинный, черный, жалкий лоскут – остаток одежды покойного» (Максимов, 1987: 66).

В завершение важно напомнить слова А.А. Блока из речи «Рыцарь-монах», посвященной памяти В.С. Соловьева: «...сущность мира от века вневременна и внепространственна; можно родиться второй раз и сбросить с себя цепи и пыль»¹⁴. Хочется верить, что Александр Александрович Блок прав: он явится в мир еще раз и в новой жизни сбросит с себя цепи условностей

¹ Дневник Ал. Блока. Т. 2. С. 101.

² Иванов В.Н. Красный лик: мемуары и публицистика. СПб., 2016. С. 153.

³ Блок А.А. Письма к родным. С. 532.

⁴ Блок А.А. Записная книжка. С. 94.

⁵ Иванов Г.В. Собрание сочинений : в 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 165.

⁶ Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 35.

⁷ Блок А.А. Письма к родным. С. 293.

⁸ Дневник Ал. Блока. Т. 1. С. 27.

⁹ Блок А.А. Письма к родным. С. 533.

¹⁰ Шагинян М.С. Указ. соч. С. 644.

¹¹ Там же. С. 534.

¹² Александр Блок в воспоминаниях... Т. 2. С. 182.

¹³ Шагинян М.С. Указ. соч. С. 647.

¹⁴ Блок А.А. Полное собрание ... Т. 8. М., 2010. С. 141–142.

своего века, а пыль зависти, глупости и предательства развеет ветер новых времен. Останется только поэзия. Властная над временем, как сама вечность.

Список источников:

- Акулинин В.Н. Философия всеединства: от В.С. Соловьева к П.А. Флоренскому. Новосибирск, 1990. 158 с.
- Александр Блок. Исследования и материалы : сб. ст. / отв. ред. Ю.К. Герасимов. Л., 1987. 293 с.
- Алексеева Л.Ф. «Крестный путь русской духовной жизни» в понимании Александра Блока: к 100-летию со дня смерти поэта // Литература в школе. 2021. № 4. С. 24–39. <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2021-4-24-39>.
- Белый А. Обломки миров. Александр Блок. Лирические драмы. (Балаганчик. Король на площади. Незнакомка) // Александр Блок: pro et contra: личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников / подгот. Н.Ю. Грякалова. СПб., 2004. С. 96–99.
- Богданова О.А. Религиозный «смысл любви» в жителетворчестве А.А. Блока 1900-х гг. // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 3-3. С. 347–356. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2023-3-347-356>.
- Валицкий А. История русской мысли от просвещения до марксизма. М., 2013. 480 с.
- Игошева Т.В. Две души: мифологема души в статье А. Блока «Душа писателя» и стихотворении в прозе И.Ф. Анненского «Моя душа» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 6 (39). С. 712–716. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.6\(39\).712-716](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.6(39).712-716).
- Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. Pro et contra: полемика вокруг идей И.А. Ильина о сопротивлении злу силою. М., 2005. 573 с.
- Коптелова Н.Г. Образ старика в поэзии А. Блока 1900-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 109–116. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-109-116>.
- Круглов А.Н. Кант и кантовская философия в русской художественной литературе. М., 2012. 480 с.
- Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении : пер. с нем. М., 1996. 446 с.
- Луначарский А.В. Классики русской литературы. М., 1937. 504 с.
- Магомедова Д.М. Об одной странной цитате в статье Александра Блока «Судьба Аполлона Григорьева» // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2022. № 6. С. 152–157. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-152-157>.
- Максимов Д. Memoria. О перенесении праха Ал. Блока // Литературное обозрение. 1987. № 5. С. 65–66.
- Максимов Д.Е. Русские поэты начала века. Л., 1986. 406 с.
- Минский Н.М. От Данте к Блоку // Александр Блок: pro et contra: личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников / подгот. Н.Ю. Грякалова. СПб., 2004. С. 383–400.
- Молодяков В.Э. Неопубликованная диссертация Леонида Долгополова о поэмах Блока «Возмездие» и «Двенадцать» // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 131–145. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-131-145>.
- О Блоке: сборник литературно-исследовательской ассоциации Ц. Д. Р. П. / под ред. Е.Ф. Никитиной. М., 1929. 383 с.
- Пушкин в русской философской критике, конец XIX – первая половина XX в. : сб. / сост., вступ. ст., библиогр. справки Р.А. Гальцевой. М., 1990. 527 с.
- Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 г. Новосибирск, 2006. 872 с.
- Степун Ф.А. Жизнь и творчество: избранные сочинения. М., 2009. 807 с.
- Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы : 2-е изд., испр. и доп. Париж, 1984. 419 с.
- Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1991. 400 с.
- Финал «Двенадцати» – взгляд из 2000 г. / С.С. Аверинцев, К. Азадовский, В. Александров, Н. Богомолов, Н. Котрелов, А. Лавров, С. Лесневский, А. Эткинд, Д.М. Магомедова, И. Шкляревский // Знамя. 2000. № 11. С. 190–207.
- Франк С.Л. Русское мировоззрение / отв. ред. А.А. Ермичев. СПб., 1996. 738 с.
- Ходасевич В.Ф. Книги и люди: этюды о русской литературе. М., 2002. 480 с.
- Ходасевич В.Ф. О драматическом театре. М., 2024. 432 с.
- Чистяков Г.П. Беседы о литературе: Запад. М.; СПб., 2017. 400 с.
- Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. 602 с.
- Юдахин Артемий (Юдахин А.А.), свящ. Мессианские мотивы в творчестве поэтов Серебряного века (М.А. Волошин, А.А. Блок, С.А. Есенин) // Нефилология. 2025. Т. 11, № 1. С. 98–111. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-98-111>.
- Якобсон А.А. Конец трагедии. Вильнюс; М., 1992. 198 с.

References:

- Akulinin, V.N. (1990) Philosophy of All-Unity: From V.S. Solovyov to P.A. Florensky. Novosibirsk, Nauka. (In Russian)
- Alekseeva, L.F. (2021) "The road to calvary of the Russian spiritual life" in Alexander Blok's understanding: On the centenary of the poet's death. *Literature at School*. (4), 24–39. Available from: [doi:10.31862/0130-3414-2021-4-24-39](https://doi.org/10.31862/0130-3414-2021-4-24-39). (In Russian)
- Averintsev, S.S., Azadovsky, K., Aleksandrov, V., Bogomolov, N., Kotrellov, N., Lavrov, A., Lesnevsky, S., Etkind, A., Magomedova, D.M. & Shklyarevsky, I. (2000) The finale of "The Twelve" – a view from 2000. *Znamya*. 2000. (11), 190–207. (In Russian)
- Beliy, A. (2004) Fragments of worlds. Alexander Blok. Lyrical dramas (The Booth. The King in the Square. The Stranger). In: Gryakalova, N.Yu. (ed.) *Alexander Blok: Pro et contra: The personality and work of Alexander Blok in criticism and memoirs of his contemporaries*. Saint Petersburg, RHGI, 96–99. (In Russian)
- Bogdanova, O.A. (2023) The Religious "meaning of love" in the Life-making of A.A. Blok of the 1900s. *RSUH Bulletin. Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies Series*. (3-3), 347–356. Available from: [doi:28995/2686-7249-2023-3-347-356](https://doi.org/10.28995/2686-7249-2023-3-347-356). (In Russian)
- Chistyakov, G.P. (2017) Conversations about literature: The West. Moscow; Saint Petersburg, Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ. (In Russian)
- Frank, S.L. (1996) Russian worldview. Saint Petersburg, Nauka. (In Russian)
- Galtseva, R.A. (comp.) (1990) Pushkin in Russian philosophical criticism, late 19th – first half of the 20th century. Moscow, Kniga. (In Russian)
- Gerasimov, Yu.K. (ed.) (1987) Alexander Blok. Research and materials. Leningrad, Nauka. (In Russian)
- Igosheva, T.V. (2021) Two souls: The soul mythologem in A.A. Blok's article "The Soul of the Writer" and I.F. Annenskiy's prose poem "My Soul". *Memoirs of NovSU*. (6), 712–716. Available from: [doi:10.34680/2411-7951.2021.6\(39\).712-716](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.6(39).712-716). (In Russian)
- Ilyin, I.A. (2005) On resistance to evil by force: Pro et contra: Controversy around I.A. Ilyin's ideas on resisting evil by force. Moscow, Iris-Press. (In Russian)

- Jacobson, A.A. (1992) The end of the tragedy. Vilnius; Moscow, Vest. (In Russian)
Khodasevich, V.F. (2002) Books and people: Essays on Russian literature. Moscow, Moskovskie Uchebniki. (In Russian)
Khodasevich, V.F. (2024) About the drama theater. Moscow, GITIS. (In Russian)
Koptelova, N.G. (2022) The image of the old man in Alexander Blok's poetry of the 1900s. *Vestnik of Kostroma State University*. 28 (3), 109–116. Available from: doi:10.34216/1998-0817-2022-28-3-109-116. (In Russian)
Kruglov, A.N. (2012) Kant and Kantian philosophy in Russian fiction. Moscow, Kanon+. (In Russian)
Lauth, R. (1996) Dostoevsky's philosophy in a systematic exposition. Moscow, Respublika. (In Russian)
Lunacharsky, A.V. (1937) Classics of Russian literature. Moscow, Goslitizdat. (In Russian)
Magomedova, D.M. (2022) On a strange quotation in Alexander Blok's article "Apollon Grigoriev's Life". *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. (6), 152–157. Available from: doi:10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-152-157. (In Russian)
Maksimov, D.E. (1986) Russian poets of the beginning of the century. Leningrad, Sovetskii Pisatel'. (In Russian)
Minsky, N.M. (2004) From Dante to Blok. In: Gryakalova, N.Yu. (ed.) *Alexander Blok: Pro et contra: The personality and work of Alexander Blok in criticism and memoirs of his contemporaries*. Saint Petersburg, RHGI, 383–400. (In Russian)
Molodiakov, V.E. (2021) Leonid Dolgoplov's Unpublished PhD Thesis on Alexander Blok's Narrative Poems "Retribution" and "The Twelve". *Literaturnyi Fakt*. (2), 131–145. Available from: doi:10.22455/2541-8297-2021-20-131-145. (In Russian)
Nikitina, E.F. (ed.) (1929) About Blok. Collection of the literary research association Ts. D. R. P. Moscow, Nikitinskiye subbotniki. (In Russian)
Shpet, G.G. (1989) Essays. Moscow, Pravda. (In Russian)
Stepun, F.A. (2009) Life and work: Selected works. Moscow, Astrel. (In Russian)
Struve, G.P. (1984) Russian literature in exile. An attempt at a historical review of foreign literature. Paris, YMCA-Press. (In Russian)
Svyatopolk-Mirsky, D.P. (2006) History of Russian literature from Ancient Times to 1925. Novosibirsk, Svin'in i Synov'ya. (In Russian)
Trotsky, L.D. (1991) Literature and Revolution. Moscow, Politizdat. (In Russian)
Walicki, Andrzej. (2013) History of Russian Thought: From the Enlightenment to Marxism. Moscow, Canon+. (In Russian)
Yudakhin, Artemy (Yudakhin, A.A.), Priest. (2025) Messianic motifs in the works of the poets of the Silver age (M.A. Voloshin, A.A. Blok, S.A. Esenin). *Neophilology*. 11 (1), 98–111. Available from: doi:10.20310/2587-6953-2025-11-1-98-111. (In Russian)

Информация об авторе

А.И. Панюков – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=642042

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

A.I. Panyukov – D.Phil., Professor, Professor at the Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=642042

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 141

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.7>

Кризис самопонимания общества в ситуации современного развития

Станислав Эдуардович Федорин¹, Юлия Валерьевна Пую²,
Юрий Михайлович Романенко³

^{1,2,3}Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

¹fedorinstanislav@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4620-2340>

²dgudi-spb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6123-5952>

³yr_romanenko@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9637-2172>

Аннотация. Статья посвящена проблеме отставания способности людей к пониманию социальных изменений от скорости развертывания последних в современности на фоне беспрецедентных технологических новаций. Необходимо констатировать кризис самопонимания. Имеется в виду потеря обществами умения вырабатывать и поддерживать такие представления о самих себе, которые могут функционировать в порядке обеспечения гомеостаза социальной системы. Проблема принципиальной необходимости и возможности понимания социальных процессов ставилась прежде (Ф. Хайек, К. Поппер, постмодернисты), однако их решения были подчинены политической конъюнктуре. Опасность непонимания самих себя усугубляется тем, что само это непонимание остается непонятым, дефицит внятных эксплицитных толкований происходящего не вызывает значимой тревоги в связи с угрожающими последствиями. Нередко в качестве заменителя теоретического понимания социальных процессов предлагают идею «нарратива», но это свидетельствует о существенной недостаточности средств научного мышления в этой области. Новоевропейская наука изначально дистанцировалась от рассмотрения «субъективных» человеческих смыслов, однако необходимо включить их в исследование человеческой реальности и тем самым реабилитировать научный подход к человеку.

Ключевые слова: современное развитие общества, самопонимание общества, кризис цивилизации, глобальные проблемы, нарратив, «конец истории», постмодерн, законы истории, Ф. Хайек, К. Поппер, социальный гомеостаз

Финансирование: исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ имени А.И. Герцена (проект № 60-ВГ «Формирование систематических представлений о российской цивилизации, ее государственности и культуре в контексте общеобразовательной подготовки иностранных обучающихся по дисциплине «Основы российской государственности»»).

Для цитирования: Федорин С.Э., Пую Ю.В., Романенко Ю.М. Кризис самопонимания общества в ситуации современного развития // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 74–83. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.7>.

Original article

The Crisis of Self-Understanding of Society in the Situation of Modern Development

Stanislav E. Fedorin¹, Yulia V. Puyu², Yuriy M. Romanenko³

^{1,2,3} Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

¹fedorinstanislav@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4620-2340>

²dgudi-spb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6123-5952>

³yr_romanenko@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9637-2172>

Abstract. The article addresses the issue of how people's ability to understand social change lags behind the speed of its unfolding in the modern era, amid unprecedented technological innovations. A crisis of self-understanding must be acknowledged. This refers to societies' loss of the ability to develop and maintain self-concepts that can function to ensure the homeostasis of the social system. This refers to the loss of people's ability to develop and maintain such ideas about themselves that can function in order to ensure the homeostasis of the social system. The problem of the fundamental necessity and possibility of understanding social processes has been raised before (F. Hayek, K. Popper, postmodernists), however, their decisions were subordinated to the political conjuncture. The danger of misunderstanding oneself is exacerbated by the fact that this misunderstanding itself remains misunderstood, and the lack of clear, explicit interpretations of what is happening does not cause significant concern about the potential consequences. The idea of a "narrative" is often used as a substitute for theoretical understanding of social processes, but this indicates a significant lack of resources.

Keywords: modern development of society, self-understanding of society, crisis of civilization, global problems, narrative, “the end of history”, postmodern, laws of history, F. Hayek, K. Popper, social homeostasis

Funding: The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project no. 60-VG “Formation of systematic ideas about Russian civilization, its statehood and culture in the context of general educational training of foreign students in the discipline «Fundamentals of Russian statehood»”).

For citation: Fedorin, S.E., Puyu, Yu.V. & Romanenko, Yu.M. (2025) The Crisis of Self-Understanding of Society in the Situation of Modern Development. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 74–83. Available from: doi:10.24158/fik.2025.11.7 (In Russian).

Введение. Современный мир претерпевает изменения, которые следует считать самыми значительными за всю историю человечества. Хотя род человеческий, несомненно, знал множество эпохальных метаморфоз в прошлом, трансформации нашего времени абсолютно беспрецедентны по масштабности, помноженной на скорость, которая постоянно возрастает. Изменения затрагивают все уровни человеческой жизни – от бытового до глобально-политического. Они не только характеризуются чертами, заслуживающими положительных оценок, но и имеют множество негативных сторон, чреватых серьезнейшими опасностями, некоторые из которых известны как «глобальные проблемы». Однако главной опасностью представляется даже не столько какая-то определенная угроза, сколько чрезвычайная неопределенность, нависшая вследствие абсолютной новизны происходящего с человеческими сообществами.

Неопределенность велика преимущественно оттого, что современные трансформации опережают способность людей их осмыслить. Конечно, предлагается много попыток толкования тех или иных социально-политических процессов. В особенности важны те из них, которые, будучи в достаточной степени теоретически проработанными, способны оказать определяющее влияние как на лиц, принимающих важнейшие решения, так и на широкую аудиторию. Речь о концепциях, которые по своему содержанию призваны служить формированию и обоснованию основополагающих смыслов и целей существования сообществ и индивидов, обеспечивать стратегию социальной и политической деятельности. Приходится признать, что такого рода средств для интерпретации важнейших тенденций эпохи наблюдается острый и усиливающийся дефицит.

Чтобы проиллюстрировать, что имеется в виду под отсутствием достаточного понимания происходящего, можно указать на ведущие интерпретации крупнейших мировых событий. Крушение СССР было радостно воспринято Западом как собственный триумф и провозглашено победой в холодной войне (Латур, 2006: 68). Тем не менее это оказалось совершенной неожиданностью для самих «победителей» (Debating Worlds..., 2023: 59), что явно свидетельствует об отсутствии у них системы координат для оценивания наиболее существенных событий и их реальных причин. Вместо такой системы координат были наработаны и активно использовались идеологические штампы, которые, несомненно, также сыграли не последнюю роль. Однако достаточно обстоятельного объяснения как не было тогда, так и не появилось впоследствии. Очевидно, именно неспособность предложить серьезное концептуальное обоснование привела к тому, что на щит была поднята версия, изложенная в статье Ф. Фукуямы «Конец истории?»¹. Эта работа исключительно важна для понимания не столько рассматриваемых в ней исторических событий, сколько их восприятия в сознании современников. В ней предлагается трактовка всемирной истории с позиций отнюдь не нового, однако радикально гипертрофированного идеализма: какие-либо объективные детерминации социальной эволюции отменяются и существенными объявляются только лишь «идеи», мировоззренческие убеждения индивидов. Как известно, либеральная идеология провозглашается на этом поприще неоспоримым победителем в противостоянии со всеми прочими, что, собственно, и знаменует «конец» чего-либо существенного в развитии человечества и начало «многовековой скуки». Кажется поразительным, насколько эта упрощенная точка зрения смогла захватить тогда умы, и в этом сказалась именно оторванность от реальности господствующих взглядов на социальный процесс. Но именно эта оторванность от реальности и иррациональная захваченность идеологией позволяла Б. Ельцину в канун 1992 г. уверенно заявлять в телеобращении к гражданам, что назревающие реформы пройдут в течение нескольких месяцев, и для их успешного проведения нужна выдержка. В масштабах планеты в целом, разумеется, ожидание «скуки» было вскоре опровергнуто жестокой реальностью войн и геноцида (Федорин, 2019), о чем буквально несколькими годами позже поспешил поведать С. Хантингтон в работах на тему «столкновения цивилизаций», отменяя общечеловеческий прогресс и провозглашая вечное противоборство культурных традиций. Эта последняя концепция была ничем не лучше концепции Ф. Фукуямы с точки зрения ее объяснительной состоятельности, хотя, безусловно, следует отдать должное таланту обоим авторам как блестящим выразителям определенных «нарративов».

¹ Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. No. 16. P. 3–18.

Можно продолжить список фактически несостоявшихся идеологически обусловленных фундаментальных ожиданий: проект политического «умиротворения» развивающихся стран – прежде всего Китая – вследствие их вовлечения в капиталистическую мировую экономику, также «несостоятельность экономического прогнозирования» (Гринспен, 2015: 8) и «полный провал макро моделирования» (Гринспен, 2015: 13) в ситуации кризиса 2008 г. Наконец, никем не предусмотренное развертывание драмы в северном Причерноморье до и после начала 2022 г. Везде здесь речь идет не о каких-то внезапных поворотах событий, без чего истории, конечно же, не бывает. Дело в совершенной и усугубляющейся несостоятельности стратегического планирования современных политических сообществ, которое обусловлено неопределенностью ключевых представлений о себе самих. Таким образом, обнаруживается фундаментальная неспособность выявить логику событий, чтобы сориентироваться в них. Она проявляется, наряду с беспомощностью в отношении осмысления фактически протекающих событий, также как кризис классических мировоззренческих конструкций.

К таковым следует отнести, прежде всего, религиозные трактовки, имевшие определяющее воздействие на мышление сообществ до современности и утратившие былое влияние по причине того, что их интерпретация жизни не отвечает реалиям. Та же судьба постигла и усилия по модернизации религии в протестантских движениях, имевших значительный успех в начале Нового времени. Что касается известных ныне масштабных попыток реанимировать влияние религии в нехристианских традициях, то таковые представляются ретроградным сопротивлением не вполне осовремененных сообществ, направленным как раз против всеограшающей глобальной неопределенности современности и не имеющим перспективы.

Однако также пришли в упадок политические идеологии, во многом занявшие место религиозного мировоззрения, начиная с эпохи Просвещения. Прежде всего это касается «большой тройки» – либерализма, коммунизма и фашизма с их разнообразными подвидами. Безусловно, они продолжают иметь немало сторонников, однако больше не способны мобилизовать массовый энтузиазм. И эта неспособность представляется наиболее важным обстоятельством. Дело не в отсутствии ассортимента на рынке идеологических построений, напротив, недостатка здесь не наблюдается. Как отмечает влиятельный американский политолог Д. Дьюдни, «конкурирующие нарративы существовали всегда, но в последние несколько десятилетий плюрализм нарративов и их оспаривание становятся все более заметными» (Debating Worlds..., 2023: 2). Дело касается изменения в отношении к идеологии как к тому, что способно составлять центр личности, в том числе сподвигнуть человека на серьезные поступки и значительные свершения.

Тезис о коллапсе мировоззренческих доктрин внешне сходен с известными рассуждениями о недоверии в отношении метанарративов, которые легли в основу попыток определить «состояние постмодерна» у Ж.-Ф. Лиотара, Д. Харви и других авторов (Богатырев, Романенко, 2016). Но необходимо обратить внимание, что идея постмодерна, столь популярная в недавнем прошлом, возникла и распространялась как специфическое идеологическое увлечение в исторический период, который следует уверенно считать ушедшим в прошлое вместе с присущим ему интеллектуальным горизонтом. Ставшая классической работа Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» датируется 1979 г. – моментом, когда еще не пришли в движение тектонические изменения мира и даже сами слова «глобализация» и «геополитика» были специальными терминами, известными лишь узкому кругу профессионалов. В тот момент можно было с воодушевлением рассуждать о «признании гетероморфности языковых игр» (Лиотар, 1998: 157), выступать против «великих нарративов истины, разума, науки, прогресса и всеобщей свободы» (Иглтон, 2010: 272) как тиранических структур, которые «не считаются со сложностью и разнообразием реальной истории, жестоко истребляют различия, приводят любую инаковость к однообразной тождественности» (Иглтон, 2010: 272).

Западный капитализм представлялся тогда подавляющим и наводящим уныние, но неизменно устойчивым массовым обществом победившего потребления. Он преодолел свои «культурные противоречия», беспокоившие Д. Белла еще в «Грядущем постиндустриальном обществе» 1973 г. Прогрессивные интеллектуалы и неуспокоенные контркультурные революционеры образца 1968 г., смирились с невозможностью одолеть «одномерного человека» Г. Маркузе, стремились найти обходные пути к «очеловечиванию» системы, приветствовали и поддерживали любые свидетельства ее уязвимости. И вместо лобовой атаки на «стену» (The Wall – название знакового альбома Pink Floyd 1979 г.), в ход пошел призыв к ее размыванию и расшатыванию, запутыванию – чему весьма поспособствовал ставший модным замысел «деконструкции». Но одновременно тот же лозунг конца современности давал возможность проявлять энтузиазм и вполне в другой модальности – в плане удовлетворения непоколебимостью общества победившего капитализма. В этом аспекте все та же самая идея «конца истории» Ф. Фукуямы, несомненно, коррелирует с замыслом завершения модерна как самоуверенного бесконечного движения куда-то вперед.

Однако прошло уже полвека после старта тренда постмодерна, и наши дни сопряжены со всем с иными реалиями. Такие проблемы, как отчуждение в массовом обществе западного типа,

культурное разнообразие и даже «гендерное беспокойство», конечно, сохраняют определенное значение. Но эти проблемы, которые приблизительно можно обозначить как «экзистенциалистские», отходят на второй план или даже далее в сопоставлении с вопросами, в связи с которыми достаточно недавно в широкое употребление вошел эпитет «экзистенциальные», то есть касающиеся шансов прекращения существования в самом прямом, если угодно, физическом смысле слова. Эти вопросы сохранения существования проявляются разнообразно, но фокусом имеют ожесточенное столкновение в масштабах планеты – столкновение, однако, не культурных традиций по Хантингтону и не идеологий по Фукуяме, не цивилизационных «волн» по Тоффлеру и даже не классов по учебнику истмата. Хотя все перечисленные и подобные концепции вносят определенную толику смысла в общее осмысление современности, действительную природу «штопора», в который вошло планетарное сообщество, никому не удастся выразить и обозначить, о чем свидетельствует уже само обилие их «несоизмеримых парадигм».

Констатация кризиса понимания; отрыв «общественного бытия» от «общественного сознания». Необходимо констатировать кризис способности людей понимать происходящее с ними. Речь здесь идет не о способности индивидов разбираться в своих частных делах – от личных и бытовых до профессиональных и карьерных вопросов – с этим, по всей очевидности, дело обстоит примерно так, как и было всегда прежде: люди решают эти вопросы с разной степенью успешности, но не приходится говорить о кризисе в смысле резкого и существенного нарушения функционирования в целом. Однако, что касается предельных вопросов целеполагания, то здесь положение дел иное, с подобным которому, по-видимому, человечество прежде никогда не сталкивалось.

Но если имеет место такого рода кризис, означает ли это, что прежде люди имели верное понимание происходящего с ними, а теперь его лишились? Вопрос этот неоднозначный, и ответить на него следует одновременно «нет» и «да», различая смыслы. С одной стороны, существовавшие на протяжении многих тысячелетий разнообразные воззрения на природу человека и общества, т. е. людей на себя самих, совершенно не обязательно были правильными, «истинными» с точки зрения научного познания – напротив, они нередко были ложными. И в этом плане под современным кризисом не имеется в виду утрата правильного понимания происходящего, поскольку говорить о правильности тут, по меньшей мере, проблематично.

Однако, с другой стороны, в практическом отношении господствующие прежде воззрения были достаточно адекватны, поскольку позволяли людям ориентироваться в своем существовании в такой мере, чтобы это существование могло продолжаться, а общественная система поддерживала гомеостаз. Основоположник кибернетики Н. Винер высказывается на этот счет совершенно определенно: «Какими бы странными и даже отталкивающими не казались нам обычаи многих варварских племен, эти обычаи, как правило, имеют вполне определенную гомеостатическую ценность, объяснение которой является одной из задач антропологов» (Винер, 1983: 233). Также в качестве иллюстрации общего тезиса уместно привести пример из книги Э. Геллнера «Нации и национализм»¹, где убедительно излагается, что ограничения, существовавшие на вступление в брак для священнослужителей в Средние века, имели совершенно прагматический смысл. Таковой состоял в препятствовании передаче высокого статуса церковных иерархов по наследству и, таким образом, недопущении конкуренции за власть духовного сословия и военной аристократии. Но об этих вполне земных резонах речь никогда не заходила, если они вообще кем-то осознавались. Предлагавшаяся интерпретация сосредоточивалась на отказе от мирских радостей ради служения Богу.

Ф. Ницше был тем, кто наиболее ярко обобщил такое положение дел в своих гносеологических воззрениях, согласно которым познание имеет особую ценность выживания «умных животных» и эффективность тождественна истинности. В парадоксальной форме это выражено в его известной формулировке: «Истина есть тот род заблуждения, без которого некоторый определённый род живых существ не мог бы жить» (Ницше, 2005: 286). Следует признать правоту позиции Ницше по многим пунктам. Во-первых, он прав, когда привязывает познание к выживанию людей и биологической функции. Во-вторых, он верно отмечает, что существеннейшим образом познание направлено на выстраивание иерархии человеческих отношений («пирамиды каст и степеней» (Ницше, 2005: 440)), а не на познание действительности «самой по себе» (Ницше, 2005: 442). Наконец, в-третьих, он прав также, когда объявляет все конкретные идейные конструкции заблуждениями и даже ложью, поскольку прямой обман неотделим от функционально оправданного заблуждения. Эти пункты способны помочь разобраться в происходящем, поскольку служат разоблачению важных иллюзий о человеческом стремлении к чистому познанию. И вместе с тем откровенная

¹ Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной; ред. и послесл. И.И. Крупника. М., 1991. 320 с.

парадоксальность данной позиции – «истина есть заблуждение» – способна производить впечатление в плане художественной выразительности, однако закрывает путь к дальнейшему пониманию, к которому, как представляется, не стремился и сам Ницше, преследовавший цели скорее практические и даже «политические».

После этих пояснений следует вернуться к поставленному вопросу о современном кризисе понимания и сказать, что под ним имеется в виду утрата людьми способности вырабатывать и поддерживать такие представления о самих себе, которые, независимо от их научно-теоретической «истинности», могут функционировать в порядке обеспечения гомеостаза социальной системы, служить «выживанию» человечества как «определенного рода живых существ», если вернуться к выражению Ницше.

Использование понятия «гомеостаз» не имеет в виду, что прежние социальные системы были несокрушимо устойчивы. Напротив, исторические сведения переполнены свидетельствами удручающих деградаций и жутких катастроф. Внутренние распри и внешние войны превращали историю в «бойню, на которой приносятся в жертву счастье народов, государственная мудрость и индивидуальные добродетели» (Гегель, 1993: 74). И все эти невзгоды обязательно опосредовались теми интерпретациями собственных действий, которые имели вовлеченные в них люди. Если сообщество приходило в упадок и даже гибло в результате внутренних неурядиц или становилось жертвой внешних войн, причин тому могло быть множество, но не в последнюю очередь сказывалась неадекватность преобладающих представлений о собственной деятельности. Таким образом, эти представления утрачивали свою цементирующую, гомеостатическую функцию. Тем не менее неудача одних не закрывала путь к успеху других. Общественных систем было много, и человечество не было единым целым. Можно по-разному относиться к цивилизационным концепциям, образцом которых является теория А. Тойнби, в то же время неоспоримо, что крушение одной цивилизации прошлого не препятствовало и даже часто способствовало расцвету иных в другое время и в другом месте.

Однако текущая современность оставляет все меньше места для подобной опции – воспользоваться крушением других. Единение планеты, запущенное в момент, названный выдающимся геополитиком Х. Маккиндером «эпохой Колумба», неумолимо продолжает превращать планету в единую систему, не только экономическую, но социальную, политическую и культурную. То, что закрепилось весьма недавно в общественном сознании под наименованием «глобализация», – лишь очередной и отнюдь не последний этап этого ускоряющегося процесса. Очертания последнего как раз не ясны, противоречия инерции представлений людей о «нормальном» протекании событий, как масс, так и их вождей. И свидетельством кризиса понимания является то, что соблазны победы, господства и процветания за чей-то счет продолжают циркулировать.

Одно из кардинальных утверждений К. Маркса гласит, что «человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые может разрешить, так как <...> сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо» (Маркс, Энгельс, 1959: 7). Маркс имеет в виду, что устремления людей к преобразованию общества – притом подразумевается именно прогрессивное движение к «более высоким производственным отношениям» (Маркс, Энгельс, 1959: 7) – проистекает не столько из представлений о справедливости, свободе и т. п. (как полагают сами люди), сколько из изменившихся условий, созданных усовершенствованными производительными силами. Похоже, Марксу сейчас пришлось бы переосмыслить свой тезис об «общественном бытии», определяющем «общественное сознание», однако не с тем, чтобы вернуться к старой идеалистической точке зрения, согласно которой дух не зависит от материальных предпосылок и свободно творит свои «ценности» и устремления. Дело скорее в том, что общественному сознанию уже критически недостает мощностей, чтобы не только адекватно осмыслить, но хотя бы приспособиться к тем обстоятельствам и возможностям, которые возникают перед человеческими существами и требуют реализации в условиях современных технологических средств, разворачивающихся стремительно в неведомом направлении, фигурально выражаясь, «спущенных с цепи».

Нет оснований надеяться, что общественная система будет как-то автоматически поддерживать равновесие в силу того, что условия существования, созданные человеческими усилиями, не смогут обернуться против их создателей. При этом речь идет не только и не столько о таких знакомых сюжетах, как техногенные катастрофы, «восстания машин» и т. п. Дело прежде всего касается – если продолжить использовать марксистскую терминологию – способности глобальных «производственных отношений» «соответствовать» глобальным «производительным силам» без того, чтобы ввергнуть планетарное сообщество в состояние катастрофического разлада.

Необходимо ли и возможно ли понимание социальных процессов? Сделанное утверждение о кризисе понимания неизбежно вызывает вопрос, который, в свою очередь, распадается

на два взаимосвязанных вопроса, весьма не новых, но сохраняющих остроту. Они выглядят следующим образом: необходимо ли и возможно ли вообще научно-теоретическое понимание социальных процессов? Первый вопрос можно развернуть следующим образом: следует ли вообще считать, что обществу как целому необходимо некоторое «правильное» понимание происходящего с ним? Ведь человеческие сообщества существовали в течение тысячелетий, руководствуясь мифологическим и религиозным миропониманием, которое в данное время декларативно не отвергается, однако де-факто не признается удовлетворительным и заменено другими воззрениями. Вместе с тем этот нерациональный образ мира не привел человечество к краху, но позволил создать множество прочных цивилизаций, известных не только невзгодами, но и многими блестящими проявлениями культуры. Это послужило подготовкой к тому, что в последние века человечество совершило решительный прорыв в научном познании и технологическом освоении мира. Прорыв произошел не без многочисленных и значительных катаклизмов, что, в частности, дало основания ряду выдающихся мыслителей заявлять о кризисе цивилизации, культуры и науки (Н. Бердяев, А. Вебер, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Й. Хейзинга, О. Шпенглер и др.) (Кожурин, 2024). Таким образом, цивилизация модерна не менее ста лет не без оснований слышит о кризисе выбранного пути, сопряженного с неудовлетворительным пониманием своих целей. И тем не менее, прогрессивные изменения человечества не прекратились, о чем свидетельствовали устойчивый и многократный рост населения и уровня жизни, распространение образования, значительные успехи в искоренении нищеты, голода, болезней и т. п.

Такой ход событий побуждает критически отнестись к требованию, что обществу для устойчивого процветания необходимо овладение истинными знаниями о собственной природе и деятельности, открывающими путь к более глубокому уразумению происходящего и, таким образом, позволяющими усиливать влияние на процессы. Это отрицание необходимости понимания выражено у И. Канта и Г. Гегеля, которых вела та же интуиция, что и их коллег за морем – А. Смита и Г. Спенсера. Но в наиболее парадигмальном виде данная идея суммирована Ф. Хайеком, который утверждал, что достаточно будет довериться институтам, которые на практике показали себя как вполне успешно работающие в деле поддержания порядка и благополучия. Претендовать же на теоретическое понимание общественных процессов излишне и даже, несомненно, вредно, поскольку это побуждает людей вторгаться в такие механизмы функционирования общественного целого, которые благоразумно будет оставить непрозрачными для разумения. Следует смириться с тем, что действие этих механизмов представляется чем-то выходящим за пределы понимания и даже «иррациональным».

Второй из упомянутых взаимосвязанных вопросов касается принципиальной возможности познания социальных процессов. Мнения о бесполезности для общества понимания своего функционирования неизменно увязаны с воззрениями на невозможность таковых. В самом деле, если имеется установка на ненужность понимания происходящего, то она будет, несомненно, конфликтовать с позицией о возможности достичь такого понимания. Налагать запрет – явно не лучшее решение. Оптимально для проведения данной точки зрения будет сослаться на невозможность познания, что позволит радикально обосновать также и напрасность стремления этого достичь. Если Ф. Хайек может считаться фигурой, олицетворяющей мнение о ненужности знания, то для позиции невозможности знания такой фигурой может быть К. Поппер. Последний развернул обстоятельную аргументацию, не утратившую своей значимости, направленную против стремления получить научно-теоретическое знание о функционировании общества (Балахонский и др., 2024). Основной мишенью, как известно, был марксистский исторический материализм. Значимость взглядов Поппера несомненна, но в данном случае нет возможности проследить их в достаточной степени подробно. Тем не менее рискнем высказаться относительно того, что представляется ключевыми моментами.

Центральным ходом К. Поппера является утверждение о невозможности теоретического познания истории, потому что таковое познание означало бы выявление закономерностей, но в развитии общества таких законов нет и быть не может. История – это процесс человеческой деятельности, а человек характеризуется свойством непредсказуемости своих поступков. Эта непредсказуемость коренится в способности к творчеству, внедрению новаций, которые могут изменить ход последующих событий таким образом, который невозможно предвидеть. Но далее эту непредсказуемость Поппер увязывает с центральным лозунгом политического либерализма – «свободой». Таким образом, философский гносеологический вопрос превращается в остро политический. Попытка познания людьми законов своего существования превращается в покушение на установление режима неволи. Отказ же от таких попыток, близкий к запрету, одобряется как защита свободы.

Аргументация Хайека – Поппера представляет несомненный интерес. Тем не менее общая позиция в этом отношении следующая. Их теоретический подход был непосредственно направлен

на решение определенных актуальных политических задач. Это дает основания полагать, что теоретический интерес не был чистым, вопрос трактовался заведомо в узких рамках. Мы полагаем, что само понимание понимания может и должно быть переосмыслено, и в таком случае можно рассчитывать на иной результат. Решение вопроса о возможности и надобности понимания социальных процессов упирается в уразумение того, что значит их понимать (или не понимать).

Непонимание непонимания, триумф нарративов и недостаточность теоретических средств. Кризис понимания социальных процессов, о котором сказано выше, напрямую связан с отсутствием надлежащего теоретического осмысления происходящего, поскольку в современности действительное познание чего бы то ни было невозможно без обстоятельного привлечения средств рассмотрения, отвечающих принципам научности. Тем не менее этот кризис представляет собой отнюдь не только некую неясность в области наук о человеке и обществе и не отвлеченный академический вопрос. Это практическая проблема уяснения реальных насущных опасностей, нависающих над всеми сообществами, так же как, впрочем, и проблема усмотрения имеющихся перспектив преобразований!

Вместе с тем опасность подобного непонимания самих себя усугубляется тем, что само это непонимание остается непонятым. Иначе говоря, в обществе имеет место кардинальное отсутствие понимания того, что у него отсутствует осознание его текущих трансформаций – такое, которое в полноценной степени является фундаментальным теоретическим осмыслением. Что дает повод говорить о таком отсутствии понимания непонимания? Прежде всего, дефицит внятных эксплицитных толкований происходящего не вызывает значимой тревоги в связи с возможными последствиями такого дефицита. Это выражается в том, что нехватка надлежащих теоретических интерпретаций происходящего (непонимание первого уровня) сопровождается выраженной нехваткой потребности в такого рода теоретических интерпретациях (непонимание второго уровня). Другими словами, налицо отсутствие значительного беспокойства по поводу отсутствия существенных представлений о происходящем.

Есть ли основания говорить об этом отсутствии беспокойства? Надо отметить, что сама по себе неозабоченность по поводу нехватки какого-либо (важного) знания не удивительна и совершенно логична. Это связано с проблемой, которая затрагивалась еще у Платона и стала известна как «парадокс Менона». Чтобы что-то познавать, нужно иметь целью познать это, поставить об этом вопрос, т. е. некоторым образом уже знать это как некий предмет. Ясно, что такое пред-знание существенно, оно побуждает к продвижению в познании, как раз и создавая беспокойство, если неясность сохраняется. Однако такого пред-знания может и не быть – в ситуации отсутствия достаточного представления о предмете – даже если в реальности имеется серьезная практическая проблема. Соответственно, в такой ситуации неизбежным следствием будет безразличие в отношении необходимости познания, приобретения знания. Именно такое неведение проблем в современности выглядит вполне вероятным, если допустить ситуацию разрыва между стремительно меняющимся «общественным бытием» и отстающим «общественным сознанием», о чем было сказано выше.

Косвенным, но одновременно важным свидетельством отсутствия озабоченности по поводу кризиса понимания представляется успех еще одного знакового представления новейшей современности – представления о «нарративе» (Иванов, 2023). Общий смысл понятия «нарратив» – рассказ о действиях героев в рамках определенного сюжета во времени (Брокмейер, Харре, 2000: 30) – охватывает огромное количество разнообразнейших повествований. Однако в последнее время это слово вышло за границы использования специалистами в области лингвистики и литературоведения и приобрело широчайшее применение именно потому, что с его помощью был заполнен важный пробел в отношении описаний человеческого поведения. Именно потому, что научно-теоретические усилия по поискам законов человеческого поведения были сочтены бесплодными (Брокмейер, Харре, 2000: 29), идеологические конструкции – слишком тенденциозными, а религиозные доктрины и традиционные описания – архаичными, на первый план и выходит расплывчатая идея «нарратива», как той формы, которая изначально существует, чтобы в нее вкладывать важные мировоззренческие смыслы, чаще всего получающие обозначение «ценностей». «Нарративы – это когнитивные карты, основанные на нормах, которые предоставляют всеобъемлющие истории о прошлом, настоящем и будущем в виде рамок и руководства к практическим действиям и решению проблем на уровне общества, а теперь все чаще и чаще на глобальном уровне» (Debating Worlds..., 2023: 6).

Эта форма позволяет одновременно продвигать некоторый идеологический концепт, но при этом избегать нежелательной определенности в обосновании, а значит, и ответственности за применение. Здесь дает себя знать посыл античных софистов о допустимости любых средств для завоевания аудитории, который веками воплощали риторы, адвокаты и пропагандисты. Древние эристические уловки оформились в новейшие политические и «гуманитарные» технологии, такие как «подталкивание» (nudge). Но все это теперь получает легитимацию в представлениях обществ

о себе, благодаря кстати найденной рубрике «нарратив» – и потому последняя стала вдруг популярна. Таким образом, в теоретическом мышлении о человеке и обществе санкционируются неопределенность представлений, недостаточность строгости и систематичности, обилие эмоциональности, метафоричности и т. п. В итоге возможная тревога по поводу отсутствия определенности в воззрениях на общественный процесс успешно гасится посредством воцарения удобных представлений об универсальной распространенности нарратива, ориентация на которую позволит преодолеть оторванность науки от человеческих проблем (Иванов, 2023: 236). Таким образом, мы обречены жить в мире разнообразных «рассказов, в которых эмпирические утверждения о прошлом и настоящем смешиваются с привилегированными ценностями и предпочтительным будущим» (Debating Worlds..., 2023: 5). Их соперничество в порядке вещей, и нет смысла пытаться пробиться через эту паутину к определенным теоретическим представлениям.

Утверждение идеи «нарратива» как заменителя теоретического понимания социальных процессов обнаруживает существенную недостаточность, если не тупик, средств научного мышления в этой области. Это важнее того обстоятельства, что какими-либо исследователями фактически не было предложено удовлетворительное объяснение происходящего. При этом можно отметить своего рода парадокс: именно успешное состояние естественных наук препятствует продвижению общественных. Естествознание с XVII в. показало блестящие результаты, претворившиеся в поразительную власть человека над природой, о которой возвещали Ф. Бэкон и Р. Декарт. Однако эти успехи естествознания могли осуществляться независимо и даже за счет успехов теоретического понимания социальных процессов, которые продолжали осмысливаться нарративным, то есть, по сути, «доморощенным» образом. Притом дело тут не в каком-то упущении новоевропейской науки, а в самой ее сути. Наука Нового времени изначально дистанцировалась от рассмотрения человеческих смыслов. Это обстоятельство оказалось предметом тщательного анализа Б. Латура, который подчеркивал, что «наука Бойля бессильна без четкого разграничения религиозных, политических и научных сфер» (Латур, 2006: 92).

Наука, ориентированная на естествознание, исключает из рассмотрения «ценности», сосредоточиваясь на «фактах». Однако применение понятия «факт» к социально-исторической сфере по меньшей мере проблематично, поскольку возможные констатации положения дел здесь неизменно нагружены и перегружены ценностными интерпретациями. Наука претендует на знание «объективное», понимая его как отображение объекта *так, как он существует сам по себе, независимо от субъекта*, т. е. человека. Тем самым человек, являясь существеннейшим элементом системы реальности, оказывается исключенным из рассмотрения. Таким образом, ученые претендуют описывать мир в качестве внешних наблюдателей, уклоняясь от описания самого этого описания как деятельности субъектов, включенных в тот же мир. Тем не менее позиция внешнего наблюдателя невозможна вообще, наука также интегрирована в действительность, прежде всего в целостность социального существования. Описание внешней природы при этом может не сильно страдать, однако обзор социокультурной реальности становится неадекватным, поскольку изначально выпадают из поля зрения и ускользают от внимания важнейшие мыслительные средства, а именно человеческие «смыслы», не фиксируемые как количественно измеряемые «факты».

Но представляется, что на деле ученые мотивированы не только стремлением сделать научное познание независимым от каких-то субъективных влияний. Будучи частью социально-политической реальности, они склонны занимать позиции субъектов, заинтересованных в максимизации возможностей принятия субъективных решений при минимизации необходимости давать о них отчет. В этом случае деятели науки, как и все люди, демонстрируют вполне естественное человеческое свойство сосредоточиваться на средствах достижения своих целей, оставляя в значительной степени нерефлексируемыми сами эти цели и освящающие их «ценности». Это создает возможности появления манипулятивных технологий в медиасфере, влияющих на состояние массового сознания (Mureiko et al., 2018).

Заключение. Таким образом, человеческие смыслы должны быть включены в теоретическое рассмотрение жизнедеятельности общества. Но дело не в том, чтобы переключиться с изучения внешней природы и сосредоточиться на человеческой, добавив какие-то специальные исследования! Попытки создания наук о человеке и обществе по образу естествознания начались давно, и возникло немало позитивистски ориентированных дисциплин: экономика, социология, психология, культурология, антропология, политология, конфликтология и т. д. Их достижения в отдельных аспектах так же неоспоримы, как несомненен и общий провал стараний проникнуть в суть дела с этих позиций. С другой стороны, имелось много попыток и призывов преодолеть позитивистский подход, начиная, по крайней мере, с неокантианцев и Э. Гуссерля. Однако усилия противопоставить естественно-научному какой-то особый «человечный» способ описания также нельзя считать преуспевшими. Необходимо включить «субъективные» смыслы в исследование человеческой реальности и тем самым актуализировать и даже реабилитировать естественно-

научный подход к человеку. Речь идет о реализации проекта рассмотрения развития общества в качестве «естественно-исторического процесса» (Маркс, Энгельс, 1960: 10). Однако тем самым эти представления о «естественном» и «объективном» подлежат переосмыслению как в научно-исследовательском сообществе, так и в проекции на систему образования¹.

Список источников:

- Богатырев Д.К., Романенко И.Б. Религиозные основания образовательных парадигм (от античности до постмодерна) // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. Т. 10, № 2. С. 495–511.
- Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
- Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1983. 344 с.
- Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / пер. с нем. СПб., 1993. 479 с.
- Гносеологические и социально-онтологические основы эвристической концепции К. Поппера / В.В. Балахонский [и др.] // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Т. 13, № 6–1. С. 23–30.
- Гринспен А. Карта и территория: Риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования / пер. с англ. М., 2015. 412 с.
- Иванов Е.А. Нарративная парадигма: перспективы и вызовы // Философия образования и диалог поколений : сборник научных трудов XXIX Международной конференции. СПб., 2023. С. 235–239.
- Иглтон Т. Теория литературы: Введение. М., 2010. 296 с.
- Кожурин А.Я. Человек в пространстве истории // Я искал истины... : материалы «круглого стола», посвященного 150-летию Н.А. Бердяева. СПб., 2024. С. 75–96.
- Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д.Я. Калугина. СПб., 2006. 240 с.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб., 1998. 160 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. 805 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. 907 с.
- Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005. 880 с.
- Федорин С.Э. О предмете дисциплины «философия конфликта» // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира : материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. СПб., 2019. С. 376–378.
- Debating Worlds: Contested Narratives of Global Modernity and World Order / ed. by D. Deudney, G.J. Ikenberry, K. Postel-Vinay. Oxford University Press, 2023. 301 p.
- The Correlation of Neurophysiologic and Social Mechanisms of the Subconscious Manipulation in Media Technology / L.V. Mureiko [et al.] // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. Vol. 9, no. 9. P. 1–9.

References:

- Balakhonskii, V.V., Strel'chenko, V.I., Romanenko, Yu.M. & Balakhonskaya, L.V. (2024) The epistemological and the socio-ontological foundations of K. Popper's heuristic concept. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. 13 (6–1), 23–30. (In Russian)
- Bogatyrev, D.K. & Romanenko, I.B. (2016) The religious foundation of educational paradigms (from antiquity to postmodernity). *Scholē. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 10 (2), 495–511. (In Russian)
- Brockmeier, J. & Harre, R. (2000) Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoy al'ternativnoy paradigmy [Narrative: Problems and Promises of One Alternative Paradigm]. *Voprosy Filosofii*. (3), 29–42. (In Russian)
- Deudney, D., Ikenberry, G.J. & Postel-Vinay, K. (eds.) (2023) *Debating Worlds. Contested Narratives of Global Modernity and World Order*. Oxford University Press. 301 p.
- Eagleton, T. (2010) *Literary Theory an Introduction*. Moscow. 296 p. (In Russian)
- Fedorin, S.E. (2019) O predmete distsipliny "filosofiya konflikta" [On the Subject of the Discipline "Philosophy of Conflict"]. In: *Konfliktologiya XXI veka. Puti i sredstva ukrepleniya mira* [Conflictology of the 21st Century. Ways and Means of Strengthening Peace]. St. Petersburg, pp. 376–378. (In Russian)
- Greenspan, A. (2015) *Karta i territoriya: Risk, chelovecheskaya priroda i problemy prognozirovaniya* [Map and Territory: Risk, Human Nature, and the Problems of Forecasting]. Moscow. 412 p. (In Russian)
- Hegel, G.V.F. (1993) *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the Philosophy of History]. St. Petersburg. 479 p. (In Russian)
- Ivanov, E.A. (2023) Narrativnaya paradigma: perspektivy i vyzovy [Narrative Paradigm: Prospects and Challenges]. In: *Philosophy of Education and Dialogue of Generations* [Philosophy of education and dialogue of generations]. St. Petersburg, pp. 235–239. (In Russian)
- Kozhurin, A.Ya. (2024) Man in the space of history. In: *Ya iskal istiny...* [I Sought Truth...]. St. Petersburg, pp. 75–96. (In Russian)
- Latour, B. (2006) *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [There Was No Modern Time. Essay on Symmetrical Anthropology]. St. Petersburg. 240 p. (In Russian)
- Lyotard, J.-F. (1998) *Sostoyaniye postmoderna* [The Condition of Postmodernism]. Moscow; St. Petersburg. 160 p. (In Russian)
- Marx, K. & Engels, F. (1959) *Sochineniya* [The essays]. In 50 Vols. Vol. 13. 2nd ed. Moscow. 805 p. (In Russian)
- Marx, K. & Engels, F. (1960) *Sochineniya* [The essays]. In 50 Vols. Vol. 23. 2nd ed. Moscow. 907 p. (In Russian)
- Mureiko, L.V., Shipunova, O.D., Pasholikov, M.A., Romanenko, I.B. & Romanenko, Yu.M. (2018) The Correlation of Neurophysiologic and Social Mechanisms of the Subconscious Manipulation in Media Technology. *International Journal of Civil Engineering and Technology*. 9 (9), 1–9.
- Nietzsche, F. (2005) *Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vseh tsennostey* [The Will to Power: An Essay on the Revaluation of All Values]. Moscow. 880 p. (In Russian)
- Wiener, N. (1983) *Kibernetika, ili upravleniye i svyaz' v zhivotnom i mashine* [Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine]. Moscow. 344 p. (In Russian)

¹ Романенко И.Б. Образовательные парадигмы в истории философии : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2003. 35 с.

Информация об авторах

С.Э. Федорин – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=540384

Ю.В. Пую – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=417181

Ю.М. Романенко – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=74265

Вклад авторов:

С.Э. Федорин – разработка концепции исследования; анализ материалов; написание текста статьи.

Ю.В. Пую – написание текста статьи; формирование выводов.

Ю.М. Романенко – доработка окончательного варианта статьи; обзор литературы.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

S.E. Fedorin – PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy, Institute of Human Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=540384

Yu.V. Puyu – D.Phil., Professor, Professor at the Department of Philosophy, Institute of Human Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=417181

Yu.M. Romanenko – D.Phil., Professor, Professor at the Department of Philosophy, Institute of Human Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=74265

Contribution of the authors:

S.E. Fedorin – development of the research concept; analysis of materials; source text writing.

Yu.V. Puyu – source text writing; formation of conclusions.

Yu.M. Romanenko – approval of the final version of the article for publication; literature review.

Conflicts of interests:

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.10.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 07.11.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 140.8:159.964.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.8>

Поиски нового мировоззрения в учениях основателей психоанализа

Лада Альбертовна Зубкевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,

lada-zubk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3177-8272>

Аннотация. Сегодня существует глобальная проблема поиска нового мировоззрения как необходимого условия новой эпохи в развитии человечества. Люди подвергают критике и переосмысливают константы старого мировоззрения – рационализм и антропоцентризм. Объектом нашего исследования является развитие философии современного (с конца XIX в. по настоящее время) переходного исторического типа мировоззрения. Предметом анализа выступает философское течение психоанализа как его форма. Цель статьи – рассмотрение философских концепций основателей психоанализа, а также систематизация результатов, полученных нашими предшественниками в ходе анализа их теорий. В исследовании применяется полипарадигмальная методология, также методы анализа, синтеза, конструирования. По итогам работы конструирована авторская гносеологическая модель психоанализа, которая подтвердила выдвинутую гипотезу об основной тенденции в движении мировоззрения: в процессе переосмысления старых констант происходит отход от рационализма и антропоцентризма.

Ключевые слова: мировоззрение, рационализм, антропоцентризм, переходное состояние процесса развития мировоззрения, философские концепции, психоанализ

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Зубкевич Л.А. Поиски нового мировоззрения в учениях основателей психоанализа // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 84–88. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.8>.

Original article

The Search for a New Worldview in the Teachings of the Founders of Psychoanalysis

Lada A. Zubkevich

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia,

lada-zubk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3177-8272>

Abstract. Today, there is a global challenge in finding a new worldview as a necessary condition for a new era in human development. People are criticizing and rethinking the constants of the old worldview – rationalism and anthropocentrism. The object of our research is the development of the philosophy of the modern (from the late 19th century to the present) transitional historical worldview as a subprocess of worldview development. The subject of this study is the philosophical movement of psychoanalysis as a form of philosophical development in the aforementioned transitional state of worldview development. The aim of this article is to examine the philosophical concepts of the founders of psychoanalysis and to systematize the results obtained by our predecessors in analyzing their theories. The study utilizes a multiparadigmatic methodology, as well as methods of analysis, synthesis, and construction. Based on the results of this work, the author has constructed an epistemological model of psychoanalysis, which confirms the proposed hypothesis regarding the main trend in the evolution of worldviews: the process of rethinking old constants leads to a shift away from rationalism and anthropocentrism.

Keywords: worldview, rationalism, anthropocentrism, transitional state of worldview development, philosophical concepts, psychoanalysis

Funding: Independent work.

For citation: Zubkevich, L.A. (2025) The Search for a New Worldview in the Teachings of the Founders of Psychoanalysis. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 84–88. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.8](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.8) (In Russian).

Введение. Сегодня уже не существует сомнения в том, что современный этап развития человечества является переходным; с нашей точки зрения, началом его можно считать конец XIX в. Все это время люди находятся в поиске нового мировоззрения. Старые константы уже перестали удовлетворять человеческие потребности в объяснении мира, для новой эпохи и развития необходима иная картина мира. Это обязательное условие развития человечества. Подвергаются критике рационализм и антропоцентризм. Такие этапы переосмысления естественны для процесса развития мировоззрения человечества, их можно назвать переходными и неустойчивыми состояниями этого процесса (Зубкевич, 2021).

Философы всегда были авангардом мировоззренческих процессов, их выводы в дальнейшем используются обществом, поэтому важно на примере философских форм рассмотреть процесс переосмысления старых мировоззренческих констант, понять основную тенденцию в движении мысли человечества.

В данной статье мы рассматриваем философские концепции основателей течения психоанализа как одну из форм такого переосмысления. Под ней мы понимаем персональную или коллективно выработанную философскую концепцию, а также объединенные на основе классификации по содержательному признаку философские течения или школы. В ходе исследования мы задавались целью сконструировать гносеологическую модель этой переходной формы философии на основании анализа работ З. Фрейда, Э. Фромма, К.Г. Юнга. При моделировании нами были использованы данные и выводы других исследователей их творчества для дальнейшей систематизации.

Методология исследования. Исходными в методологии данного исследования являются ранее сформированные нами представления (Зубкевич, 2021) о том, что человеческое развитие представляет собой единство исторического процесса. Направленность развития мировоззрения людей субъективно определяется их представлениями о будущем, воображаемыми идеалами общества. Особенность современного переходного состояния видится нам в том, что у человечества есть возможность сознательной постановки цели развития. Основным критерием переходного состояния является движение от старого мировоззрения к новому посредством особых форм в развитии философии. Содержание соответствует эпохе. Поэтому сегодня под «старым» мировоззрением понимается эпоха модерна и ее мировоззрение, основанное на рационализме и антропоцентризме как существенных характеристиках.

Метод моделирования опирается на применение бинарных оппозиций А.Н. Тетиора (Тетиор, 1999) к формированию гносеологической модели переходных философских форм. Такими оппозициями являются старое и новое мировоззрение, а также соответствующие им элементы. Если для старого мировоззрения таковыми являются рационализм и антропоцентризм модерна, то в качестве элементов нового по правилам логики следует обозначить «не рационализм» и «не антропоцентризм», то есть в актуальном мировоззрении отрицается существенный признак данных понятий. Структурными элементами гносеологической модели являются философские факторы-идеи (как результат индивидуального или коллективного творчества).

При моделировании должны быть учтены основные характеристики переходности: противоречивость, изменчивость, многофакторность. Необходимо на описанной теоретической основе осуществить парадигмальный синтез, абстрагируясь от межпарадигмальных противоречий. Важна применимость или неприменимость отдельных компонентов парадигм к указанному основанию для синтеза. Эту методологию называют «принципом участного мышления»¹. Также необходимо учитывать диалектику логического и исторического в исследованиях, тот факт, что синтезируемые парадигмы создаются в конкретно-историческое время в конкретно-исторических обстоятельствах.

Исследованность психоанализа в науке велика. В данной статье рассмотрены и проанализированы основные взгляды и идеи З. Фрейда, Э. Фромма и К.Г. Юнга, они нашли свое отражение в следующих работах философов: «“Я” и “Оно”» З. Фрейда (Фрейд, 2023), «Архетипы и коллективное бессознательное» К.Г. Юнга (Юнг, 2020), «Бегство от свободы. Человек для себя» (2006), «Гуманистический психоанализ» (2002), «Революция надежды. Избавление от иллюзий» (2005) Э. Фромма.

Также мы использовали для систематизации взглядов анализируемых философов результаты работ современных исследователей (Жуков, 2024 а, б; Захаров, 2023; Катаев, 2022; Коварский, 2022; Стецюк, 2020; Суетин, 2017).

Результаты. Рационализм отвергается в теории психоанализа. З. Фрейд предлагает концепцию бессознательного. В самом названии этой теории виден отказ от рационального начала, которое считалось ранее незыблемой константой новоевропейского мировоззрения. Бессознательное, по З. Фрейду, имеет двоякую природу, оно содержит в себе то, что скрыто и неизвестно, и никогда не будет осознано (Фрейд, 2023). Также в него уходит то, что ранее было в сознании, но оказалось вытесненным из него. Последнее может вернуться под влиянием определенных факторов.

В целом, бессознательное состоит из неосознанных желаний человека, они имеют иррациональный и вневременной характер. Бессознательное могущественнее сознания, оно управляет человеком посредством влияния на его сознание. Отход в сторону бессознательного, которое, в отличие от сознания, может иметь только индивидуальную природу, утверждает индивидуализм как важнейшую составляющую старого новоевропейского мировоззрения.

Индивидуализм конкретного человека противопоставляется общественному с помощью области сознания, которое З. Фрейд назвал «сверх я» (Фрейд, 2023). Это область социальных норм и культурных запретов, которая является антагонистом для либидо, танатоса и инстинкта

¹ Агапов О.Д. Интерпретация как личностная форма творения бытия : дис. ... д-ра филос. н. Казань, 2011. 300 с.

самосохранения, выступающих главными движущими силами человеческой жизни. Поэтому «сверх я» воспринимается как угроза и насилие, избыток его приводит к неврозам. Следовательно, общество и разум – главные враги для жизни и здоровья человека.

К.Г. Юнга не устраивало такое толкование бессознательного, он его изменил (Юнг, 2020). Культурная концепция психоанализа ученого репрезентирует бессознательное как совокупность коллективного, безличного, а также субъективного и индивидуального. Так, мыслитель делает «шаг» в сторону противоположной бинарной оппозиции – «не антропоцентризма». Уходит он и от рационализма посредством отрицания и критики европейского логицизма. К.Г. Юнг вводит понятие коллективного бессознательного (архетипы), оно априорно, первично и может быть описано, понято и отражено в языке, содержится в мифах, воображении, искусстве, то есть может быть осознано. И рациональность, основанная на законах логики, здесь не играет никакой роли. Более того, рационализм и логицизм – это своего рода аномалия, присущая только европейской культуре, которая переживает серьезный кризис. Преодолеть его можно с помощью интеграции бессознательного и сознания в границах психики, что в конечном счете и создает такое явление, как культура. Можно сказать, что К.Г. Юнг предлагает взамен старого антропоцентризма культуроцентризм.

Жизни и здоровью человека, прежде всего европейца, угрожают рациональность и практичность. Это бессознательное проявление индивидуального и социального бытия усиливается протестантским индивидуализмом, культом личного успеха, что разрушает человеческую психику. Выход, который предлагает К.Г. Юнг, состоит в осознании человеком его психологических и личных особенностей. Последние связаны с менталитетом и ментальностью. В них синтезируются коллективное сознание и бессознательное, человек через них получает возможность осознания своих индивидуальных и этнических предрасположенностей к определенным мыслям и действиям.

Таким образом, здесь К.Г. Юнг демонстрирует срединный подход, трактуя описанные выше бинарные оппозиции. Позиция З. Фрейда резко нигилистична, она отрицает и разрушает константы прошлого мировоззрения.

Э. Фромм в своей философии также преодолевает антропоцентризм. Он назвал выработанную концепцию «фрейдомарксизмом», так как, по его мнению, соединил в ней учение З. Фрейда и К. Маркса (Фромм, 2006). Однако осуществил он синтез экзистенциализма и марксизма на основе психоанализа. В новой концепции соединились представления экзистенциализма о двойственной природе бытия человека, принципы выживания из марксистской идеи отчуждения, теории социального равенства и ряд других положений.

Э. Фромм выделил три вида отношений личности: к себе, к другим, в целом к обществу. С помощью них он описывает индивида. У него, с точки зрения философа, есть противоречивые потребности: с одной стороны, личность нуждается в обществе, в социальном окружении; с другой – ей необходима изолированность от этого всего. Это противоречие есть двигатель развития человека и общества.

Бинарной оппозицией старого мировоззрения индивидуализму Э. Фромм обозначает коллективное начало в человеке. Движение к последнему реализуется посредством концепции свободы. Он выделяет позитивную («свободу для») и негативную свободу («свободу от»). Первая реализуется в справедливом обществе, это есть при социализме; вторая – разрушительна.

В отличие от К. Маркса, Э. Фромм отчуждение рассматривает в духе экзистенциализма – как морально-психологическую проблему. Биологическая сторона двойственной природы человека ставит его в зависимость от естественной среды обитания и от своего организма. Но человек стремится к независимости, в этом состоит причина его экзистенциального конфликта. Есть два варианта разрешения данного противоречия: подлинное и неподлинное бытие. Последнее возникает в результате отчуждения и самоотчуждения человека. Оно называется «обладанием». Человек мучается от необходимости выбора между этими вариантами.

Только при подлинном бытии возможна подлинная свобода. Это путь «быть», путь обновления, роста, преодоления изоляции, к интересу и эмпатии, уверенности в себе, но людям он кажется сложным и беспокойным.

Путь «иметь» связан с агрессией, нетерпимостью и неуверенностью. Выбор его стимулируется желанием людей доказать обществу свою значимость, утвердиться в нем. Этот путь кажется более спокойным, но в действительности он ведет к неврозам. Так как человек вынужден жертвовать подлинной свободой, он становится игрушкой в руках других, спокойствие становится иллюзией, это терпимость, которая давит на человека, усугубляя экзистенциальный конфликт.

Таким образом, в концепции Э. Фромма бинарной оппозицией антропоцентризму (изолированному «я») является социум.

Обсуждение. Сформированная гносеологическая модель дает нам возможность сделать следующие выводы. Биосоциальная человеческая природа детерминирует направленность развития мировоззрения. Предельными характеристиками социальной составляющей природы людей

являются целостность, неисчерпаемость и человечность как высшая степень социальности и межличностных отношений. Это мерило развития. Новое мыслится как общечеловеческое: общее поведение, образ мысли, способ деятельности. Но это предельная характеристика: в конкретной философской форме бинарная оппозиция «нового» у каждого проанализированного мыслителя имеет лишь определенную степень приближения к ней. Это обусловлено тем, что переходные формы постоянно стремятся к уравниванию себя, они детерминированы переходными, неустойчивыми процессами изучаемого состояния развития мировоззрения конкретной исторической эпохи. Движение вперед осуществляется посредством переходных форм в развитии философии.

Отказ от рационализма и антропоцентризма начался задолго до конца XIX в. С точки зрения А.Р. Бурханова¹, поворот А. Шопенгауэра к иррационализму привел к отказу от присущего классической мысли понимания человека как существа родового и разумного, далее «философия жизни» переживание и интуитивно-герменевтическое постижение индивидом себя самого поставила выше человеческой рациональности. С. Кьеркегор ввел понятие экзистенции и разработал соответствующую диалектику личного бытия. Э. Гуссерль в концепцию «жизненного мира» включил чувственное и духовное содержание сознания. А.Ф. Зотов и Ю.К. Мельвиль указывают на более раннее начало этого процесса, отмечая, что кантианский переворот в понимании субъекта и объекта обусловил пересмотр рационализма, «метафизики платоновско-аристотелевского типа», вторым в развитии этого процесса, в понимании исследователей, стал Э. Гуссерль, третьим – М. Хайдеггер. Между И. Кантом и М. Хайдеггером как представителями соответствующего времени понимания мировоззренческого процесса в картине мира эпохи усиливалась роль изменчивости и индивидуальности². Так произошел отход от рационализма.

С точки зрения Э.В. Ильенкова, история развития мысли и эволюции человеческого общества является единым органическим целым. Поэтому логическое и историческое в основе мысли сочетаются (Ильенков, 1984: 251). Формирование даже элементарных коллективных представлений в философии, в науке и в целом в мировоззрении реально только посредством конкретных проектов, моделей, конструкций и пр. От них можно оттолкнуться в движении мысли от конкретного к абстрактному. Так достигается сочетание эмпирической и дискурсивной убедительности, которая противопоставляется субъективным представлениям.

Заключение. В процессе переосмысления старых констант происходит отход от рационализма и антропоцентризма модерна, в этом обнаруживается основная тенденция в движении мировоззрения. Нами была сконструирована гносеологическая модель переходной формы «психоанализ». Компонентами в ней являются концепции З. Фрейда, К.Г. Юнга, Э. Фромма. Они имеют бинарные оппозиции в предельном (антропоцентризм и рационализм) и «новом» значении (целостность, неисчерпаемость и человечность воплощены в глобальном: общее поведение, образ мысли, способ деятельности людей).

Предельные значения усредняются в каждой конкретной концепции и составляют оригинальные результаты в рамках общей тенденции развития мировоззрения. К.Г. Юнг демонстрирует отход в сторону культуроцентризма; З. Фрейд – в бессознательное и к утверждению индивидуализма посредством теории «сверх я»; Э. Фромм двигается к коллективному началу, «усредняет» рационализм до умеренного концепцией выбора между «иметь» и «быть». Таким образом, все эти концепции в совокупности низвергли ценности XIX в., составив основу для мировоззрения нового типа.

Список источников:

- Жуков В.Н. История психоанализа // Образование и право. 2024 а. № 11. С. 522–526. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-11-522-526>.
- Жуков В.Н. Философия культуры Э. Фромма: от Фрейда к Марксу // Образование и право. 2024 б. № 3. С. 612–617. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-3-612-617>.
- Захаров А.Д. Фундаментальная расщепленность субъекта и обращение к другому с позиции психоаналитической теории как условие общественной жизни // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 12. С. 81–86. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2023.12.52033>.
- Зубкевич Л.А. Философия конца XIX–XX веков на пути к новому мировоззрению // Мировоззренческая парадигма в философии: борьба старого и нового в современном мире социальной материи. Н. Новгород, 2021. С. 83–87.
- Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. М., 1984. 320 с.
- Катаев З.М. Основные идеи философии культуры в психоанализе З. Фрейда // Сибирский антропологический журнал. 2022. Т. 6, № 3. С. 28–35. <https://doi.org/10.31804/2542-1816-2022-6-3-28-35>.
- Коварскис Л. Психоанализ как поле битвы эпистем // Познание и переживание. 2022. Т. 3, № 4. С. 95–104. https://doi.org/10.51217/cogexp_2022_03_04_07.

¹ Бурханов А.Р. Экзистенциалы человеческого бытия как модусы западной постнеклассической философии: от фундаментальной онтологии к экзистенциальной антропологии : дис. ... канд. филос. н. Екатеринбург, 2014. 140 с.

² Зотов А.Ф., Мельвиль Ю.К. Западная философия XX века : учебное пособие : в 2 т. М., 1994. Т. 1. 432 с.

- Стецюк К.С. Философские системы И.В. Гёте и Л. Фейербаха как источники формирования философии культуры классического психоанализа // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 2. С. 91–95.
- Суетин Т. К.Г. Юнг о классификации фантазий // Философская антропология. 2017. Т. 3, № 2. С. 179–196. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2017-3-2-179-196>.
- Тетиор А.Н. Бинарная множественность природы. М., 1999. 234 с.
- Фрейд З. «Я» и «Оно». М., 2023. 288 с.
- Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М., 2006. 571 с.
- Фромм Э. Гуманистический психоанализ. СПб., 2002. 544 с.
- Фромм Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий. М., 2005. 352 с.
- Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М., 2020. 150 с.

References:

- Freid, Z. (2023) "Ya" i "Ono" ["I" and "It"]. Moscow. 288 p. (In Russian)
- Fromm, E. (2002) *Gumanisticheskii psikhoanaliz* [Humanistic psychoanalysis]. St. Petersburg. 544 p. (In Russian)
- Fromm, E. (2005) *Revolyuetsiya nadezhdy. Izbavlenie ot illyuzii* [The Revolution of Hope. Getting rid of illusions]. Moscow. 352 p. (In Russian)
- Fromm, E. (2006) *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya* [Escape from freedom. A man for himself]. Moscow. 571 p. (In Russian)
- Il'enkov, E. V. (1984) *Dialekticheskaya logika: ocherki istorii i teorii* [Dialectical logic: essays on history and theory]. Moscow. 320 p. (In Russian)
- Kataev, Z. M. (2022) The Main Ideas of the Philosophy of Culture in Psychoanalysis of Z. Freud. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal*. 6 (3), 28–35. Available from: doi:10.31804/2542-1816-2022-6-3-28-35. (In Russian)
- Kovarskis, L. (2022) Psychoanalysis as a Frontier between Colliding Epistemes. *Cognition and Experience*. 3 (4), 95–104. Available from: doi:10.51217/cogexp_2022_03_04_07. (In Russian)
- Stetsyuk, K. S. (2020) The Philosophical Systems of I. V. Goethe and L. Feuerbach as Sources of Formation of the Philosophy of Culture of Classical Psychoanalysis. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie*. (2), 91–95. (In Russian)
- Suetin, T. (2017) Carl Gustav Jung on the Classification of Fantasies. *Philosophical Anthropology*. 3 (2), 179–196. Available from: doi:10.21146/2414-3715-2017-3-2-179-196. (In Russian)
- Tetiur, A. N. (1999) *Binarnaya mnozhestvennost' prirody* [Binary multiplicity of nature]. Moscow. 234 p. (In Russian)
- Yung, K. G. (2020) *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [Archetypes and the collective unconscious]. Moscow. 150 p. (In Russian)
- Zakharov, A. D. (2023) Fundamental Split of the Subject and Appeal to the Big Other in Scope of Psychoanalytic Theory as a Presupposition of Social Life. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. (12), 81–86. Available from: doi:10.34823/SGZ.2023.12.52033. (In Russian)
- Zhukov, V. N. (2024) E. Fromm's Philosophy of Culture: from Freud to Marx. *Obrazovanie i pravo*. (3), 612–617. Available from: doi:10.24412/2076-1503-2024-3-612-617. (In Russian)
- Zhukov, V. N. (2024) The History of Psychoanalysis. *Obrazovanie i pravo*. (11), 522–526. Available from: doi:10.24412/2076-1503-2024-11-522-526. (In Russian)
- Zubkevich, L. A. (2021) *Filosofiya kontsa XIX-XX vekov na puti k novomu mirovozzreniyu* [Philosophy of the late 19th-20th centuries on the way to a new worldview]. In: *Mirovozzrencheskaya paradigma v filosofii: bor'ba starogo i novogo v sovremennoy mire sotsial'noi materii*. N. Novgorod, pp. 83–87. (In Russian)

Информация об авторе

Л.А. Зубкевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Нижегородской академии МВД России, Нижний Новгород, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=912120

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

L.A. Zubkevich – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=912120

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.11.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.12.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 001

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.9>

Антропология науки в контексте международных показателей: гендерный аспект

Наталья Евгеньевна Мельникова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС),
Санкт-Петербург, Россия,
melnikova-ne@ranepa.ru, melnikovane@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5060-3171>

Аннотация. В статье рассматривается проблема гендерной асимметрии в научном сообществе с учетом того, что в идеале все научные взаимодействия не зависят от пола, и статус исследователя, равно как и исследовательский потенциал, должен определяться исключительно ценностью научных вкладов. Статистика международных организаций показывает, что в научном сообществе гендерные рассогласования имеют место. Это заставляет обратить внимание на антропологическое, социальное измерение науки, а не только на научные результаты. Анализ данных статистики ЮНЕСКО и других международных организаций, а также вторичных сведений, содержащихся в материалах научных исследований, позволил выделить несколько лагун и трендов формирования гендерной асимметрии: чем выше статус группы научного сообщества, тем меньше в ней женщин; женщины-исследователи преобладают в сфере образования и в государственном секторе, мужчины-исследователи доминируют в частном секторе; в области точных наук, техники, технологий и математики женщины-ученые составляют меньшинство; в редакционно-издательской политике научных журналов фиксируется снижение публикационной активности авторов-женщин. В зарубежной исследовательской традиции отмечается использование отдельной категории «инбридинговая гомофилия» для описания взаимодействий между редакторами, рецензентами и авторами, которая трансформируется в «гендерную гомофилию», что приводит к снижению публикационной активности авторов-женщин. Зафиксирована панорама способов выравнивания асимметрии: от введения процентных квот на занятие должностей в управленческом сегменте до квотирования стипендиальных программ и учреждения праздника – Международного дня женщин и девочек в науке. Отмеченные рассогласования говорят о необходимости дальнейших реформ в области образования, исследовательских практик, наставничества и редакционной политике научных журналов в цифровом обществе.

Ключевые слова: научное сообщество, антропологическое измерение, гендерная асимметрия, маркеры, лагуны, тренды гендерной асимметрии

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Мельникова Н.Е. Антропология науки в контексте международных показателей: гендерный аспект // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 89–93. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.9>.

Original article

Anthropology of Science in the Context of International Indicators: Gender Aspect

Nataliia E. Melnikova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), St. Petersburg, Russia,
melnikova-ne@ranepa.ru, melnikovane@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5060-3171>

Abstract. The article examines the issue of gender asymmetry in the scientific community, taking into account the fact that, ideally, all scientific interactions are gender-neutral, and a researcher's status, as well as research potential, should be determined solely by the value of their scientific contributions. Statistics from international organizations show that gender imbalances do exist in the scientific community. This forces us to pay attention to the anthropological, social dimension of science, and not just to scientific results. An analysis of statistics from UNESCO and other international organizations, as well as secondary information contained in research materials, has allowed us to identify several gaps and trends in the formation of gender asymmetry: the higher the status of a group of the scientific community, the fewer women there are; female researchers predominate in education and in the public sector, male researchers dominate in the private sector; in the fields of exact sciences, engineering, technology and mathematics, women scientists are a minority; The editorial and publishing policy of scientific journals records a

decrease in the publication activity of female authors. The foreign research tradition notes the use of a separate category of "inbreeding homophilia" to describe interactions between editors, reviewers and authors, which is transformed into "gender homophilia", which negatively affects the publication activity of female authors. A panorama of ways to even out the asymmetry is recorded: from the introduction of percentage quotas for positions in the management segment to quotas for scholarship programs and the establishment of a holiday – the International Day of Women and Girls in Science. These discrepancies indicate the need for further reforms in the field of education, research practices, mentoring, and the editorial policy of scientific journals in a digital society.

Keywords: scientific community, anthropological dimension, gender asymmetry, markers, gaps, trends of gender asymmetry

Funding: Independent work.

For citation: Melnikova, N.E. (2025) Anthropology of Science in the Context of International Indicators: Gender Aspect. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 89–93. Available from: doi:10.24158/fik.2025.11.9 (In Russian).

Современные исследования в области социально-гуманитарных дисциплин, экономики и права фиксируют, наряду с гносеологическими и эпистемологическими ракурсами, в качестве доминирующей проблемы гендерное неравенство, асимметрию на рынке труда. Проявления ее весьма многообразны: от соотношения генеральных совокупностей мужчин и женщин на рынке труда в целом до процента руководящих должностей, занимаемых мужчинами и женщинами. Гендерный разрыв констатируется как масштабная проблема международного уровня на основании широкого спектра данных от международных организаций.

То, что общество живет в мужском мире, подтверждают и результаты отдельных исследований в поле повседневного взаимодействия. Например, испытания ремней безопасности автомобиля проводятся мужчинами, и особенности женского тела не учитываются. В фармакологии большинство новых препаратов тестируют на мужчинах. Даже в социальных исследованиях, если не ставится конкретная задача изучения объектов, предназначенных именно для женщин, то в исследуемых группах будут мужчины с дальнейшей детализацией характеристик: белые, среднего возраста, психически здоровые и так далее.

В оптике исследовательского интереса статьи – определение трендов формирования гендерной асимметрии в научном сообществе, выявление специфических лакун такого формирования с опорой на массив статистических данных международных организаций и результаты исследовательских проектов университетов-флагманов, разумеется, признавая, что в идеале все научные взаимодействия не зависят от пола, и статус исследователя, равно как и исследовательский потенциал, должны измеряться исключительно ценностью научных вкладов. Статистика международных организаций показывает, что в научном мире гендерные рассогласования существуют. Это заставляет обратить внимание на антропологическое, социальное измерение науки, а не исключительно на научные результаты, что в практической плоскости необходимо для формирования предложений способов выравнивания гендерной асимметрии, как уже зафиксированной, так и определяемой особенностями когорты современного научного сообщества.

Эксперты Статистического института ЮНЕСКО¹ говорят о гендерном неравенстве на пути женщин в науку, которое проявляется в лакунах от решения получить ученую степень до выбора области знаний, на изучении которой сосредоточиться, и места работы. Сегодня лишь 30 % исследователей в мире составляют женщины при общем росте их числа среди поступающих в университеты. Исключение – Боливия, где женщины составляют 63 % ученых-исследователей, в то время как во Франции их доля равна 26 %, а в Эфиопии – 8 %. В Швеции женщины представляют большинство (60 %) среди студентов первых курсов высших учебных заведений, однако их число снижается на более высоких ступенях обучения: среди аспирантов доля женщин – 49 %, а среди обладательниц ученой степени – всего 36 %. Такая тенденция наблюдается во всех регионах. Это заставляет исследователей предполагать, что перед женщинами, которые пытаются совместить научную карьеру в том числе и с семейными обязанностями, стоит непростой выбор².

Еще один тренд представлен тем, что женщины-исследователи в основном работают в сфере образования и государственном секторе, тогда как мужчины доминируют в частном секторе, для которого характерны более высокая заработная плата и более широкие возможности для карьерного роста. Такая ситуация наблюдается даже в странах с высоким процентом женщин-исследователей, например, в Аргентине их общая доля составляет 52 %, но в частном секторе она падает до 29 %³.

¹ Всего лишь 30 % исследователей в мире – женщины. Какова ситуация в вашей стране? [Электронный ресурс] // Статистический институт ЮНЕСКО. 2014. 06 мар. URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/vsego-lish-30-issledovateley-v-mire-zhenschiny-kakova-situaciya-v-vashey-strane> (дата обращения: 30.10.2025).

² Там же.

³ Там же.

Согласно расчету Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ по данным Росстата за 2018 г., в России в сфере исследований и разработок трудятся 136,4 тысячи женщин, что составляет 39,2 % от общей численности исследователей. Более половины (52,4 %) женщин-исследователей выбрали технические науки, не очень значительно уступая мужчинам, среди которых в данной области заняты 67,5 %¹.

Резюме доклада ЮНЕСКО по науке² дает картину того, что научные исследования – это все еще преимущественно мужской мир. Если в настоящее время женщины достигают паритета с мужчинами на уровне магистратуры, то на уровне докторантуры их доля снижается до 43,0 %. Далее разрыв только увеличивается, и среди научных работников женщин в мире лишь 28,4 %. Они имеют меньший, чем мужчины, доступ к финансированию и меньше представлены в престижных университетах. Кроме того, женщины представлены в меньшинстве на ответственных постах: как в административных советах, так и во главе университетов.

Независимо от региона, в области точных наук, техники, технологий и математики женщины-ученые составляют меньшинство. В Республике Корея, согласно данным ЮНЕСКО, только 17 % исследователей – женщины, а в области инженерных наук их доля всего 9 %³. По сведениям Института педагогических наук Базельского университета (Швейцария), женщины минимально присутствуют в таких областях науки, как математика, информатика, физика, инженерия и экономика, но избыточно представлены в области языков, литературы, социальных наук, фармацевтики и педагогических профессий (Lindner, Makarova, 2024). Любопытно, что больше всего научных работников-женщин насчитывается в регионах Юго-Восточной Европы (49 %), Карибского бассейна, Центральной Азии и Латинской Америки (44 %), а в арабских государствах женщин-ученых 37 %, и это больше, чем в Европейском союзе (33 %)⁴.

Правительства ряда государств разрабатывают стратегии изменения этой тенденции. В частности, в 2013 г. Германия ввела 30-процентную квоту для женщин в советах директоров компаний. С помощью системы распределения стипендий долю женщин среди преподавателей и ученых также стремится повысить Япония⁵.

Как способ привлечения внимания к проблемам гендерной асимметрии в научном сообществе можно отметить решение ЮНЕСКО в 2015 г. учредить 11 февраля Международный день женщин и девочек в науке. Каждый второй вторник октября в мире отмечают День достижений женщин в науке, технологиях, инженерии и математике. Таким образом акцентируется внимание на роли женщин, занятых в сфере исследований и научных разработок⁶.

Публикация результатов исследовательской деятельности выступает одним из маркеров эффективности научного работника. Соответственно, доступ к системам публикаций – неременное условие успеха в репрезентации результатов научного поиска. В этом контексте рецензенты и редакторы как хранители научного канона должны быть особенно чувствительны, чтобы основывать свое профессиональное суждение исключительно на достоинствах научной работы. Между тем ряд исследователей из европейских и американских университетов отмечает гендерную предвзятость рецензентов в научных изданиях (Helmer et al., 2017). Категория «инбридинговая гомофилия» как повышенное сходство между людьми с близкими характеристиками используется для описания взаимодействий между редакторами, рецензентами и авторами, постепенно трансформируясь в «гендерную гомофилию». Отмечается, что это наносит ущерб женщинам-исследователям, чья работа в конечном итоге остается незамеченной из-за неосознанной предвзятости. То, что гендерная гомофилия, вероятно, проявляется не только при рецензировании рукописей, необходимо учитывать еще и, например, при оценке доступности грантов и найме на работу. Вывод исследователей пессимистичен: инбридинговая гомофилия негативно влияет на науку в целом через снижение публикационной активности авторов-женщин (Helmer et al., 2017). Пути преодоления авторы предлагают с учетом того, насколько укоренилась гомофилия в человеческой природе, но, тем не

¹ Гендерный состав научных кадров [Электронный ресурс] // Институт статистических исследований и экономики знаний ВШЭ. Новости. 2020. 05 мар. URL: <https://issek.hse.ru/news/341451906.html> (дата обращения: 30.10.2025).

² Доклад ЮНЕСКО по науке: на пути к 2030 году [Электронный ресурс] : резюме / ООН по вопросам образования, науки и культуры. Париж, 2015. 45 с. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235407_rus (дата обращения: 30.10.2025).

³ Всего лишь 30 % исследователей в мире – женщины. Какова ситуация в вашей стране?

⁴ Там же.

⁵ Доклад ЮНЕСКО: Наука в авангарде всемирного движения к устойчивому росту // Институт статистических исследований и экономики знаний ВШЭ. Новости. 2015. 17 нояб. URL: <https://issek.hse.ru/news/166129985.html> (дата обращения: 30.10.2025).

⁶ Женщины в науке [Электронный ресурс] // Там же. URL: <https://issek.hse.ru/women> (дата обращения: 30.10.2025).

менее, считают, что объединенными усилиями научного сообщества по преодолению дискриминации система, основанная на профессиональных заслугах, с равными возможностями для всех исследователей, может стать реальностью (Helmer et al., 2017).

Исследователи Мельбурнского университета (Австралия), используя вычислительные методы для определения количества мужчин и женщин-авторов, указанных в более чем 10 миллионах научных статей, опубликованных с 2002 г., выявили гендерный разрыв среди исследователей и скорость его изменения для большинства естественных и точных наук, а также медицины. Авторы пришли к выводу, что многие исследовательские специальности (например, хирургия, компьютерные науки, физика и математика) не достигнут гендерного паритета в этом столетии, учитывая современные темпы роста числа женщин-авторов (Holman et al., 2018).

Можно выделить три пути преодоления гендерной асимметрии. Первый – «гендерный мейнстриминг», призванный способствовать рассмотрению субъектами на всех уровнях последствий каждого действия для женщин и мужчин и направленный на создание долгосрочных изменений «снизу вверх». Второй путь – внедрение технократических инструментов «сверху вниз», таких как квота (Helmer et al., 2017). Третий путь, предложенный исследователями Базельского университета (Швейцария), – начать работать над разрушением гендерного стереотипа об образе исследователя, особенно в области математики, естественных наук, медицины, как об «одиноким мужчине-гении» еще со школы, показывая в учебных материалах соответствующие женские ролевые модели. Они должны формировать представления и иллюстрировать то, что научные достижения важны для общества и достигаются не только отдельно мужчинами или/и женщинами, но и посредством командной работы, при этом ошибки и множество попыток на пути к успеху являются частью этого процесса (Lindner, Makarova, 2024).

Гендерная асимметрия, в том числе и в научном сообществе, остается актуальной проблемой XXI века. По данным Всемирного банка, потребуется не менее 50 лет, а в некоторых регионах и больше, прежде чем права женщин сравняются с правами мужчин (World Bank, 2023).

Согласно международным статистическим показателям и сведениям лабораторий отечественных университетов (автономные данные, поскольку сведения по РФ не представлены в докладах ЮНЕСКО с 2022 г.), в научном сообществе наблюдаются следующие лакуны и тренды формирования гендерной асимметрии:

- чем выше статус группы научного сообщества, тем меньше в ней женщин. Исключение – Боливия, где женщины составляют 63 % в сообществе ученых-исследователей;
- на карте мира численность научных работников-женщин представлена вектором минимизации в направлении Западной Европы: в регионах Юго-Восточной Европы – 49 %, Карибского бассейна, Центральной Азии и Латинской Америки – 44 %, в арабских государствах – 37 %, в Европейском союзе – 33 %;
- женщины-исследователи преобладают в сфере образования и в государственном секторе, мужчины-исследователи доминируют в частном секторе;
- в области точных наук, техники, технологий и математики женщины-ученые составляют меньшинство;
- в понятийно-категориальном аппарате наблюдается смещение смыслового поля категории «инбридинговая гомофилия», используемой для описания взаимодействий между редакторами, рецензентами и авторами, в сторону «гендерной гомофилии», чтобы объяснить снижение публикационной активности авторов-женщин;
- в научных журналах фиксируется снижение публикационной активности авторов-женщин как следствие избирательности редакционно-издательской политики.

Пути снятия гендерной асимметрии весьма сдержанно указываются в спектре задачи максимум: формирование, начиная с ранних этапов социализации, представлений мировоззренческого характера о равенстве возможностей людей и разрушения гендерного стереотипа об исследователе как об «одиноким мужчине-гении», до обеспечения равного доступа к качественному высшему профессиональному образованию, принятия волевых решений технократического характера, например, введения квот на представительство мужчин и женщин в управленческих структурах вообще и научного сообщества в частности, снятия асимметрии в возможностях репрезентации результатов научных исследований в публикационном поле, участии в грантах и стипендиальных программах.

Список источников:

- Gender bias in scholarly peer review / M. Helmer [et al.] // eLife. 2017. Vol. 6. Article e21718. <https://doi.org/10.7554/eLife.21718>.
Holman L., Stuart-Fox D., Hauser C.E. The gender gap in science: How long until women are equally represented? // PLOS Biology. 2018. Vol. 16, no. 4. Article e2004956. <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.2004956>.

Lindner J., Makarova E. Challenging gender stereotypes: Young women's views on female role models in secondary school science textbooks // *International Journal of Educational Research Open*. 2024. Vol. 7. Article 100376. <https://doi.org/10.1016/j.ijedro.2024.100376>.

World Bank. Migrants, Refugees, and Societies : *World Development Report 2023*. W., 2023. 348 p. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1941-4>.

References:

Helmer, M., Schottdorf, M., Neef, A. & Battaglia, D. (2017) Gender bias in scholarly peer review. *eLife*. 6, e21718. Available from: [doi:10.7554/eLife.21718](https://doi.org/10.7554/eLife.21718).

Holman, L., Stuart-Fox, D. & Hauser, C.E. (2018) The gender gap in science: How long until women are equally represented? *PLOS Biology*. 16 (4), e2004956. Available from: [doi:10.1371/journal.pbio.2004956](https://doi.org/10.1371/journal.pbio.2004956).

Lindner, J. & Makarova, E. (2024) Challenging gender stereotypes: Young women's views on female role models in secondary school science textbooks. *International Journal of Educational Research Open*. 7, 100376. Available from: [doi:10.1016/j.ijedro.2024.100376](https://doi.org/10.1016/j.ijedro.2024.100376).

World Bank (2023) *Migrants, Refugees, and Societies : World Development Report 2023*. Washington. 348 p. Available from: [doi:10.1596/978-1-4648-1941-4](https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1941-4).

Информация об авторе

Н.Е. Мельникова – кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук факультета государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1063697

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

N.E. Melnikova – PhD, Associate Professor at the Department of Social Sciences, Faculty of State and Municipal Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), St. Petersburg, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1063697

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 141.5+159.922

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.10>

Сравнение актуальных теорий сознания: назад к Трудной проблеме

**Александр Игоревич Мусс¹, Анастасия Владимировна Сладкоштиева²,
Кира Александровна Карпычева (Бородин)³, Ростислав Вадимович Ловцов⁴,
Альбина Дмитриевна Маничева (Одинцова)⁵, Андрей Владимирович Чуканов⁶**

^{1,2,4,5,6}Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия

³Институт мозга человека имени Н.П. Бехтерева РАН, Санкт-Петербург, Россия

¹albertwanderer@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2685-9353>

²quartet01@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1162-9932>

³kira.borodina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0878-2542>

⁴rostislav.lov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-4939-4977>

⁵albinaodincova509@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-7913-1356>

⁶eheszuz@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-8805-4413>

Аннотация. Данная статья, отвечая на актуальность проблемы сознания для современных междисциплинарных исследований, посвящена поиску ответа на вопрос о том, какие критерии можно использовать для сравнения различных теорий сознания, в том числе созданных в рамках различных областей знания, например, философии сознания и нейрокогнитивной науки. На основании сравнения нескольких обзорных работ последних 15 лет было показано, что таким критерием может выступать не перечень многочисленных, взаимосвязанных, а потому приводящих к затруднениям вопросов к теориям сознания, а то, как в рамках рассматриваемых теорий решается непосредственно Трудная проблема сознания – проблема порождения мозгом субъективного опыта. На следующем этапе с опорой на данный критерий были рассмотрены и проанализированы 20 актуальных теорий сознания (разрабатываемых с 1960-х гг. по настоящее время), представленных в настоящем тексте в порядке их появления и публикации. В результате было показано: только в некоторых из этих теорий можно увидеть ответ на поставленную Д. Чалмерсом проблему, что не всегда согласуется с мнением самих авторов рассматриваемых теорий сознания. Кроме того, данный подход исключает из рассмотрения такие теории, в рамках которых отрицается значимость каждой из ее составляющих – мозга или субъективного опыта. Полученные результаты показывают, что дальнейшая разработка критериев сравнения теорий сознания, порожденных в различных областях знаний, предполагает разработку более точной системы оценки рассматриваемых теорий относительно формулировки исходной проблемы.

Ключевые слова: сознание, проблема «сознание – мозг», Трудная проблема сознания, философские теории сознания, нейрокогнитивные теории сознания

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Мусс А.И., Сладкоштиева А.В., Карпычева К.А., Ловцов Р.В., Маничева А.Д., Чуканов А.В. Сравнение актуальных теорий сознания: назад к Трудной проблеме // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С.94–104. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.10>

Original article

Comparison of the Actual Theories of Consciousness: Back to the Hard Problem

**Alexander I. Muss¹, Anastasia V. Sladkoshtieva²,
Kira A. Karpicheva (Borodina)³, Rostislav V. Lovtsov⁴,
Albina D. Manicheva (Odintsova)⁵, Andrey V. Chukanov⁶**

^{1,2,4,5,6}St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

³N.P. Bechtereva Institute of the Human Brain, RAS, St. Petersburg, Russia

¹albertwanderer@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2685-9353>

²quartet01@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1162-9932>

³kira.borodina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0878-2542>

⁴rostislav.lov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-4939-4977>

⁵albinaodincova509@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-7913-1356>

⁶eheszuz@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-8805-4413>

Abstract. Responding to the relevance of the problem of consciousness for modern interdisciplinary research, this article is devoted to finding an answer to the question of what criteria can be used to compare different theories of consciousness, including those created within various fields of knowledge, for example, philosophy of consciousness and neurocognitive science. Based on a comparison of several review papers from the past 15 years, it was shown that such a criterion may not be a list of numerous, interconnected, and therefore challenging, questions for theories of consciousness, but rather how the theories in question directly address the Hard Problem of Consciousness – the problem of how the brain generates subjective experience. At the next stage, based on this criterion, 20 relevant theories of consciousness (developed since the 1960s to date) were considered and analyzed, presented in this text in the order of their appearance and publication. As a result, it was shown that only in some of these theories one can see the answer to the problem posed by D. Chalmers, which is not always consistent with the opinion of the authors of the theories of consciousness themselves. Furthermore, this approach excludes from consideration theories that deny the significance of each of their components – the brain or subjective experience. The results indicate that further development of criteria for comparing theories of consciousness generated in various fields of knowledge requires the development of a more precise system for evaluating the theories under consideration relative to the formulation of the original problem.

Keywords: consciousness, mind-body problem, Hard Problem of Consciousness, philosophical theories of consciousness, neurocognitive theories of consciousness

Funding: Independent work.

For citation: Muss, A.I., Sladkoshtieva, A.V., Karpicheva, K.A., Lovtsov, R.V., Manicheva, A.D. & Chukanov, A.V. (2025) The Comparison of the Actual Theories of Consciousness: Back to the Hard Problem. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 94–104. Available from: doi:10.24158/fik.2025.11.10 (In Russian).

Введение. Сегодня многие фундаментальные проблемы разрабатываются в междисциплинарном ключе. Так произошло и с проблемой сознания, которая благодаря Д. Чалмерсу стала Трудной проблемой сознания – поиском объяснения того, как мозг порождает субъективный опыт (Chalmers, 1996). Эту проблему изучают различные специалисты, в том числе философы и нейрочислительные исследователи.

Интерес к Трудной проблеме породил множество теорий, для сравнения которых активно разрабатываются соответствующие критерии. Если в 2000-х гг., например у А. Ревонсуо, внимание уделялось взаимосвязи между материальным (мозгом) и идеальным (сознанием) (Ревонсуо, 2013), то в более поздних обзорах теории стали сравнивать исходя из ответов на ряд вопросов. Так, А. Сет и Т. Бэйн (Seth, Bayne, 2022) предлагают оценивать теории по следующим пунктам: 1. Почему одни организмы обладают сознанием, а другие нет? 2. Почему состояния сознания различаются? 3. Каковы функциональные и феноменальные свойства сознания? 4. Почему ментальные содержания в одних контекстах осознаются, а в других нет? К.В. Анохин предлагает иной список: «1. Почему и как сознание возникло в эволюции? 2. Как оно созревает? 3. Как развивается при обучении? 4. Кто источник состояний сознания? 5. Когда и как они возникают? 6. Что определяет их свойства? 7. Где и как реализуются? 8. Кто и почему их бенефициар?» (Анохин, 2021б: 52).

Простое описание теорий сменилось их тщательным сравнением на основе подобных вопросов. Однако остается неясным, чем обоснован выбор этих вопросов. Они отражают актуальную междисциплинарную повестку, однако, как отмечает К.В. Анохин, попытка ответить на один из них приводит к необходимости отвечать на все остальные, создавая замкнутый круг (Анохин, 2021б).

Как выйти из этой логической ловушки? Все указанные вопросы так или иначе связаны с психофизической проблемой, в современной интерпретации – с Трудной проблемой сознания Чалмерса. Следовательно, при рассмотрении нейрочислительных и философских теорий сознания многообразие исследовательских вопросов можно свести к исходной формулировке: признается ли постановка Трудной проблемы и как связаны мозг и субъективный опыт в предлагаемой теории?

Анализ теорий сознания

Теория информационной причинности Д.И. Дубровского. Проблема сознания в разрабатываемой с 1960-х гг. теории Дубровского формулируется вопросом: как субъективная реальность, не имея физических свойств, каузально встроена в объективную реальность? (Дубровский, 2015).

Опираясь на понятие информации, Д.И. Дубровский сводит к ней наш субъективный опыт и объясняет его влияние на организм через информационную причинность. Специфичность индивидуального субъективного опыта – квалиа – по мнению Д.И. Дубровского, обусловлена тем, что наш субъективный опыт является результатом кодирования поступающих сенсорных сигналов в мозг с помощью индивидуального, отличного от других кода (Дубровский, 2015).

Таким образом, сознание и его индивидуальная специфичность, согласно Дубровскому, оказывается особым образом закодированной информацией, носителем которой является мозг как сложная самоорганизующаяся система. При этом каузальная включенность сознания в мир объясняется информационной причинностью.

Теория селекции нейрональных групп Дж. Эдельмана. Согласно теории селекции нейрональных групп (ТСНГ), или нейродарвинизму Дж. Эдельмана, объяснить субъективный

опыт с точки зрения науки – значит объяснить одновременно его единство и разнообразие. Единство сознания определяется не столько входящими сигналами, связанными с работой организма, сколько со стабильностью центрального звена мозга – его динамического ядра (таламокортикальной системы) – за счет петель обратной связи с периодом около 500 мс., внутри которых поддерживается циркуляция информации (Edelman, 2003).

Дж. Эдельман вводит понятие «квалиа», определяя его как отдельные простые и сложные впечатления в рамках целостного сознания, порождаемые конкретными петлями. За счет вырожденности нервной системы эти петли в процессе индивидуального развития находятся в постоянной конкуренции. Это механизм отбора, направленный на различение входящих в мозг сигналов. При этом за наше «Я», но не самосознание (так разделяются низкоуровневые и высокоуровневые процессы), отвечают ствол мозга, гипоталамус и вегетативная нервная система, поскольку они управляют функционированием нашего организма и фиксируют изменение его состояния (Edelman, 2003).

Таким образом, сознание, одновременно единое по структуре и разнообразное по содержанию, с точки зрения ТСНГ, является порождением повторной циркуляции сигнала в тех участках центральной нервной системы, которые не только получают информацию от внешней среды, но и оказываются замкнутыми на себе. В результате конкуренции многообразных нейронных групп при обработке входящих сигналов телом и мозгом формируется индивидуальность нашего субъективного опыта.

Теория множественных набросков Д. Деннета. Теория множественных набросков Д. Деннета рассматривает сознание как часть психики – отдельные процессы, которые возникли в ходе эволюции, чтобы человек мог адаптироваться к стремительно меняющимся событиям. В рамках этого подхода в субъективном опыте человека нет ничего недоступного другому представителю данного вида, что обосновывается авторским методом гетерофеноменологии, позволяющим соотносить поведенческие и физиологические реакции человека с самоотчетами (Деннет, 2004).

При этом человек отличается от животных: речь позволила не только обдумывать и осмысливать совершаемые операции, но и ошибочно приписывать субъективному опыту различные свойства, такие как единство в смысле существования некоего когнитивного агента (мыслящей субстанции, картезианского театра, гомункула). Согласно Д. Деннету, на самом деле существует только конкуренция между различными неравномерно развивающимися познавательными процессами в мозгу (Деннет, 2004).

При таком подходе часть свойств субъективного опыта не существует в реальности и порождается языком, тогда как оставшиеся свойства сводятся к входящим сигналам и их интерпретации. В этом смысле подобную теорию нельзя рассматривать в полной мере как решение Трудной проблемы, поскольку субъективный опыт при таком описании теряет свои наиболее существенные свойства.

Биологический натурализм Дж. Серла. Биологический натурализм Дж. Серла во многом построен на критике сложившихся убеждений о сознании. Дж. Серл однозначно связывает сознание с мозгом, а через мозг – с эволюцией. Именно строение и функционирование мозга имеет критическое значение для понимания сознания и принципов его работы, поскольку, с точки зрения автора, наш субъективный опыт не является программой, независимой от конкретного субстрата (Серл, 2002).

Помимо указания на то, чем сознание не является, Дж. Серл выделяет ряд свойств, присущих субъективному опыту: темпоральность, социальность, единство, интенциональность, субъективность, структурированность, вырожденность, избыточность, наличие чувства знакомости, центра и периферии, локализации переживаний, настроений и эмоциональных оценок. Характеризующиеся этими свойствами более сложные ментальные события возникают из более простых, в основе которых лежат структура и процессы функционирования головного мозга человека (Серл, 2002).

Таким образом, ответ Дж. Серла на Трудную проблему в большей мере соответствует эмерджентизму: определенные процессы в мозге порождают простые ментальные события, которые затем складываются в более сложные.

Квантовая теория сознания Р. Пенроуза. Теория сознания Р. Пенроуза не описывает многообразие субъективного опыта, но стремится показать его физическую природу. Работая с теоремой о неполноте, демонстрирующей ограничения математического описания физических процессов, Р. Пенроуз приходит к выводу, что само сознание не является результатом чисто вычислительных процессов в мозге (Пенроуз, 2005).

С точки зрения Р. Пенроуза, физический мир, лишь частично объяснимый с помощью мира математического, порождает субъективный опыт. Но в основе этого порождения лежат более фундаментальные свойства материи, описываемые и изучаемые квантовой механикой, в первую очередь, редукция или коллапс волновой функции. Согласованность квантовых явлений на макроуровне, по мнению Р. Пенроуза, возможна за счет особенностей строения цитоскелета нервных клеток, состоящего из микротрубочек, внутри которых могут происходить квантовые процессы, а их

совокупность может влиять на деятельность нервной системы в целом, включая работу синаптических связей (Пенроуз, 2005).

Таким образом, субъективный опыт не является результатом вычислительного процесса в привычном смысле, но возникает в мозге вследствие квантовых явлений. Следовательно, решение Трудной проблемы сознания по Пенроузу заключается в исследовании квантовых (невыводимых) процессов мозга.

Элиминативный материализм Пола и Патриции Черчлендов. Пол Черчленд выдвинул элиминативный материализм (ЭМ) в качестве альтернативы так называемой народной психологии и функционализму. Под народной психологией он понимает наши донаучные, обусловленные культурой представления о ментальной жизни. Функционализм же Пол Черчленд критикует за отсутствие объяснений и подчеркивание нередуцируемой, особой, с точки зрения онтологии, природы сознания (Churchland, 2002). В то же самое время Патриция Черчленд критикует нейронауку за неточности и путаницу в терминологии (Churchland, 1994).

В соответствии с ЭМ, решение проблемы сознания возможно при развитии нейронаук во взаимодействии с психологией, что позволит обнаружить и адекватно описать структуры и механизмы, обеспечивающие познавательные процессы психики (Churchland, 2002). При этом в качестве кандидатов на роль источников сознательного опыта Черчленды рассматривают рекуррентные нейросети, ядра таламуса и внутримозговые системы с обратной связью (Churchland P.M., Churchland P.S., 1997).

Получается, что в рамках ЭМ Трудная проблема сознания как таковая не ставится, поскольку субъективный опыт перестает оцениваться как индивидуальный, принадлежащий конкретному индивиду. В итоге осознанные переживания как устаревшее описание психических процессов в мозгу оказываются сведены к формированию в конкретных отделах мозга моторных ответов на входящие сенсорные сигналы.

Теория глобального рабочего пространства Б. Баарса. Теория глобального рабочего пространства (ТГРП) представляет собой нейрокогнитивную модель связанной работы сознательных и бессознательных процессов. ГРП – это функциональное пространство для интеграции информации из разных модулей и ее последующей передачи, позволяющее гибко реагировать на контекст. Модули связаны с другими модулями, получая от них часть информации. Внимание усиливает активность модулей, использующихся для решения текущей задачи (Mashour et al., 2020).

Впоследствии ТГРП изменилась, став концепцией глобальной рабочей динамики, согласно которой префронтальная кора мозга играет ключевую роль в управлении вниманием и координации различных когнитивных процессов. Наблюдается динамическое взаимодействие между разными областями коры. Кортико-таламическая активность обеспечивает широкое распространение информации и сознательное восприятие. Различные нейронные сети активируются ситуативно согласно текущей задаче (Baars et al., 2021).

Если говорить о Трудной проблеме сознания, то здесь получается некоторая неоднозначность – сам Баарс утверждает, что его теория не решает вопрос феноменологического опыта, а лишь описывает функциональные аспекты сознания, однако, если мы отождествляем субъективный опыт с объединенной в ГРП (Baars, 2005) разнородной информацией, то такая информация в итоге порождается мозгом.

Теория В.М. Аллахвердова. Основная идея этой теории, возникшей к началу 1990-х гг., в том, чтобы переосмыслить идею ограничения переработки информации. Это допущение опирается на так называемый закон последствия негативного выбора, согласно которому вероятность повторной ошибки оказывается выше вероятности повторного правильного ответа (Аллахвердов, 2021).

В рамках теории В.М. Аллахвердова психика как механизм познания делится на две функциональные части: когнитивное бессознательное, которое постоянно генерирует гипотезы, объясняющие все вокруг, и сознание, которое проверяет эти гипотезы. Ошибки, совершаемые человеком, при таком подходе являются результатом выбора конкретной проверяемой гипотезы, для чего сознание осуществляет контроль за выполнением различных видов активности. В свою очередь, проверка гипотез осуществляется через сличение информации, получаемой от двух и более «познавательных контуров» (например, сенсорных систем) (Аллахвердов, 2021).

Теория В.М. Аллахвердова, таким образом, многое говорит о функциях сознания, его развитии, однако сама Трудная проблема сознания здесь, скорее, игнорируется. В качестве основных рассматриваются данные эмпирических исследований и экспериментов, результаты которых интерпретируются в духе работы механизмов сознания и когнитивного бессознательного. Физиологические данные в рамках этой теории редуцируются до одной из проверяемых сознанием гипотез, при этом и содержание сознания не расширяется до полноты феноменологически ориентированных теорий.

Теория сознания Ф. Крика и К. Коха. Ключевой составляющей решения Трудной проблемы сознания с точки зрения Ф. Крика и К. Коха являются нейрокорреляты сознания – существенно отличающиеся от других ментальные явления, которые имеют четкие корреляции с активностью конкретных отделов головного мозга. Взгляды исследователей опираются также на идею о том, что физические законы ригиднее биологических, а к работе сознания имеет отношение так называемая корковая система, куда, помимо коры больших полушарий, входят таламус и ограда (Crick, Koch, 2003).

Сначала Ф. Крик и К. Кох отождествляли сознание с функционированием кратковременной или рабочей памяти и вниманием. В дальнейшем они стали рассматривать более сложные явления сознания, такие как эмоции и самосознание. Самосознание интересно для авторов тем, что этот процесс как будто бы порождает модель нашего «Я». В отличие от зомби-режимов – быстрых, переходных и неосознаваемых реакций – сознание медленнее обрабатывает более широкие, менее стереотипные аспекты входящего сигнала или его воображаемого отображения и участвует в принятии решений за счет активности определенных коалиций нейронов (Crick, Koch, 2003).

После смерти Ф. Крика К. Кох предпринял попытку отделить сознание от произвольного внимания методом двойной диссоциации – определить ситуации, в которых каждый процесс проявляет себя по отдельности, независимо от другого (Koch, Tsuchiya, 2007).

Таким образом, Ф. Крик и К. Кох, решая Трудную проблему сознания, не только приняли ее всерьез, но и предложили инженерное решение, связанное с сопоставлением данных нейроанатомии, нейрофизиологии и субъективных отчетов о переживаниях. Такой подход требует как скрупулезного отделения осознаваемых ментальных состояний от неосознаваемых, так и глубокого изучения архитектуры мозга, принципов его строения и работы.

Натуралистический дуализм Д. Чалмерса. В рамках своей теории Д. Чалмерс руководствуется следующим ключевым требованием к исследованию: серьезным отношением к сознанию как естественному явлению и к науке. Сознательный опыт субъективен и обладает особыми феноменальными качествами – квалиа (Chalmers, 1996).

Считая сознание фундаментальным явлением действительности, Д. Чалмерс предполагает, что в дополнение к физическим законам необходимо сформулировать психофизические законы, позволяющие связать сознательное и физическое. Такими законами (пока в форме предварительных гипотез) являются: принцип когерентности, обозначающий необходимую связь между сознанием и осведомленностью о нем; принцип структурной когерентности, согласно которому у осведомленности и сознания общая структура; и принцип организационной инвариантности, в соответствии с которым субъективным опытом обладают схожие по строению системы (Chalmers, 1996).

Таким образом, Д. Чалмерс, не отрицая наших знаний о мозге, живых существах и физическом мире, предлагает не редуцировать сознание, доверять нашим знаниям о нем и быть уверенными в том, что существование сознания – проблема для наших сегодняшних знаний. Такой подход подразумевает расширение наших представлений о физической действительности и формулировку психофизических законов, которые позволяют связать субъективный опыт с физической реальностью.

Нейрофеноменология Ф. Варелы. Нейрофеноменология (НФ) Ф. Варелы – это подход, объединяющий феноменологию и когнитивную науку как два взаимно ограничивающих друг друга источника знаний о сознании. Приняв постановку Трудной проблемы, Ф. Варела сделал феноменологию – область философии, предназначенную для изучения феноменов сознания как нередуцируемых явлений, – методологической основой своего исследования (Varela, 1996).

Теоретически нейрофеноменология поддерживается признанием интерсубъективности и тезисом Мерло-Понти о примате телесного опыта в познании, а изучение нейрокоррелятов, например масштабной гамма-фазовой синхронизации и зеркальных нейронов – нейронов, чья активность соответствует двигательной активности индивида, – наблюдением за подобной активностью (Di Bernardo, 2022; Varela, 1996).

Таким образом, НФ не только принимает Трудную проблему сознания всерьез, она предлагает новый подход к изучению субъективного опыта – сопоставление своих ментальных феноменов с описаниями переживаний от второго лица и данными когнитивной науки о работе мозга, что позволяет находить взаимные ограничения.

Рефлексивный монизм М. Велманса. Рефлексивный монизм (РМ) М. Велманса был призван примирить и не редуцировать взгляд на сознание от первого и третьего лица. М. Велманс переворачивает привычные тезисы о том, что физические объекты отличаются от содержания нашего восприятия, содержимое сознания зависит от наблюдателя, а субъективный опыт не

имеет пространственной локализации и протяженности, не является материальным. Он предлагает переоценить наши убеждения и статус субъективного опыта разных участников исследования, например, когда в ходе эксперимента экспериментатор и испытуемый смотрят на лампу (Velmans, 2009).

И взгляд испытуемого, и взгляд экспериментатора – это взгляд от первого лица, однако, согласно Велмансу, мы приписываем взгляду экспериментатора статус объективного (публичного), тогда как взгляд испытуемого остается субъективным (приватным) взглядом. Кроме того, наш субъективный опыт в этом случае оказывается не только достаточно четко локализованным (расположение лампы в пространстве), но также и протяженным (кроме, пожалуй, наших мыслей о том, как горит воспринимаемая нами лампа) (Velmans, 2009).

Таким образом, обращаясь к Трудной проблеме сознания в рамках РМ, М. Велманс критически переосмысливает наши знания и сложившиеся убеждения о субъективном опыте, предлагая иное разделение субъективного опыта и научного знания. Эта перспектива не отрицает ни нейронауку, ни изучение субъективного опыта, но, перестраивая границы и отношения между ними, позволяет увидеть взаимную неполноту этих источников нашего знания.

Теория феноменальной модели «Я» Т. Метцингера. Развивая свою теорию сознания, Т. Метцингер призывает относиться одинаково серьезно к аналитической философии, эмпирическим данным когнитивной науки и к феноменологии. Он рассматривает в качестве одного из ключевых препятствий на пути решения Трудной проблемы сознания нашу веру в существование «Я» как некоторого центра нашего сознания, носителя и агента субъективного опыта (Metzinger, 2011).

С точки зрения Т. Метцингера, наш субъективный опыт, наше «Я» и его целостность являются интернальной феноменальной моделью «Я» (предположительно, есть только у людей), создаваемой нашим мозгом. Такая динамическая многомерная модель мира без специальной рефлексии не осознается как всего лишь модель, что делает любую теорию сознания контринтуитивной (Metzinger, 2011).

Таким образом, Т. Метцингер разрешает Трудную проблему сознания, рассматривая опыт как интернальную модель – внутреннее, связанное с адаптацией свойство нашего мозга.

Теория интегрированной информации Дж. Тонони. Теория интегрированной информации (ТИИ) Дж. Тонони изначально служила ответом на два вопроса: 1. Какими свойствами должна обладать система, чтобы в ней возникал субъективный опыт? 2. Как в такой системе возникают различные свойства сознательного опыта, например, модальность ощущений? Эти вопросы касаются количества и качества сознательного опыта.

К настоящему моменту разработано четыре версии ТИИ. Первая утверждала, что сознание возникает в системе из множества взаимосвязанных элементов, способной генерировать интегрированную информацию. Разнообразие субъективного опыта объясняется динамикой информационных связей между элементами: за содержание отвечает информация, за осознанность – ее интегрированность (Tononi, 2004).

Во второй версии акцент сместился на динамику: интегрированная информация (Ф) определяется не количеством возможных состояний, а переходами между ними и каузальной архитектурой системы (Balduzzi, Tononi, 2008).

Третья версия уточнила аксиомы субъективного опыта, включая внутреннее существование (сознание как существование внутри комплекса элементов), структурированность (сложную внутреннюю организацию опыта) и исключение (строгую определенность переживания в пространстве и времени) (Oizumi et al., 2014).

Четвертая версия ТИИ определила вычислительные модели и предложила объяснительную идентичность: феноменальный опыт и мозг – не разные сущности, а внутреннее и внешнее проявление единой реальности, где внутреннее (опыт) – первично (Albantakis et al., 2023).

В итоге во всех версиях теории сознание приравнивается к внутренней интегрированной информации – специфичной, нередуцируемой, структурированной и обладающей каузальной ролью.

Теория сознания высшего порядка. Теория сознания высшего порядка (ТСВП) в попытке различить, в отличие от теорий первого порядка, осознаваемый и неосознаваемый опыт предполагает наличие неосознаваемых репрезентаций и описывает влияние подпороговых воздействий на осознанную переработку информации (Lau, Rosenthal, 2011).

В случае с ТСВП внимание исследователей заостряется на репрезентациях о репрезентациях, то есть осознание возникает в момент оценки сенсорной информации. К таким метакогнитивным процессам сторонники данной теории предлагают отнести нейрональные корреляты сознания – в данном случае, активность в передних отделах коры головного мозга, которые нужны для выполнения функций управления другими ментальными процессами – мониторинга ошибок, оценки уверенности в ответе и других подобных процессов (Rosenthal, 2006).

Несмотря на объяснительную силу в отношении различий между сознательными и несознательными состояниями, ТСВП слабо продвигается в решении Трудной проблемы сознания.

Эта теория концентрируется на функциональных аспектах сознания, что не объясняет, почему наличие состояния высшего порядка должно сопровождаться чувством принадлежности этого опыта его конкретному обладателю.

Теория А. Клирманса. Представления А. Клирманса наименее похожи на целостную теорию, однако его взгляды на сознание на основании двух статей – 2011 и 2024 гг. – можно попробовать концептуализировать в контексте Трудной проблемы.

В целом, А. Клирманс как соглашается с разграничением феноменального сознания и сознания доступа, так и рассматривает в качестве перспективного метод изучения нейрональных коррелятов сознания. Также в статье 2011 г. А. Клирманс рассматривает сознание как теорию мозга о себе самом, а в основании осознанных репрезентаций о репрезентациях (фактически метауровень) лежат неосознаваемые репрезентации (Cleeremans, 2011).

В следующей статье А. Клирманс с соавторами призывает отказаться от проверки следствий многочисленных нейрокогнитивных теорий сознания в пользу поиска тех наиболее простых нейрональных коррелятов, которые являются общими для нескольких таких теорий и характеризуют различные проявления сознания (Fazekas et al., 2024).

Исходя из того, что общим для обеих статей является идея связи сознательных впечатлений с работой мозга через нейрокорреляты, можно говорить о том, что сознание является здесь, скорее, продуктом мозга и его активности.

Теория сознания М. Газзаниги. Исследователь расщепленного мозга М. Газзанига предлагает рассматривать сознание как инстинкт – врожденную склонность к определенному поведению. М. Газзанига подчеркивает, что сознание – это эволюционно развившийся механизм, встроенный в архитектуру мозга, а не социальное, возникающее в ходе индивидуального развития явление. Сознание возникает как результат и одновременно побочный продукт системы, состоящей из отдельных направленных на решение конкретных задач модулей и ансамблей модулей. Конкуренция между модулями приводит к тому, что в определенные моменты времени их работа осознается, а целостность субъективного опыта при таком подходе иллюзорна (Gazzaniga, 2018).

М. Газзанига вводит в свою теорию идею из квантовой физики – комплементарность или принцип дополнительности (дополнение одной части другой до целой системы). Нейроны и субъективный опыт не сводимы друг к другу, что требует двух языков описания: феноменологического и биологического (Gazzaniga, 2018). Получается, что, с точки зрения М. Газзаниги, Трудная проблема сознания разрешается в духе эмерджентизма как свойство целостного мозга, не описываемое на более низком уровне. Однако такой подход, оспаривая единство сознания, сводит феноменологическое к взаимодействию отдельных когнитивных модулей, которое проявляется в поведении и решении задач.

Теория контролирующей галлюцинации А. Сета. Согласно А. Сету – ученику Дж. Эдельмана и стороннику ТИИ – сознание является формой контролирующей галлюцинации: мы не воспринимаем мир таким, каков он есть, а видим наиболее вероятную с точки зрения мозга и необходимую для выживания модель. Сенсорные данные служат не для создания субъективных образов, а для корректировки уже существующей гипотезы (Seth, 2021).

Важной идеей А. Сета стало рассмотрение интероцепции как основы нашего чувства «Я» – минимального чувства самости, которое также включает чувство локализации в пространстве, принадлежность своего субъективного опыта, автобиографическую память и осознание себя через представления других людей (Seth, 2021).

Получается, что теория контролирующей галлюцинации связывает субъективный опыт и работу мозга похожим на другие нейрокогнитивные теории образом. Этот опыт превращается в (эмерджентный) продукт работы мозга, причем зависящий скорее от принципов его работы, чем от внешней среды: содержание субъективного опыта, включая наше «Я», становится наиболее вероятной, с точки зрения мозга, интерпретацией действительности.

Иллюзионизм К. Франкиша. Иллюзионизм объединяется вокруг критической оценки источников наших знаний о том, какими свойствами обладает наш феноменальный опыт, подчеркивая, что все утверждения относительно нашего опыта неотделимы от последнего. Трудная проблема сознания при таком подходе становится проблемой иллюзорности. Критически оценивая выделенные свойства феноменального сознания, К. Франкиш предлагает объяснить их не как истинные, но как иллюзорные свойства: иллюзорное единство опыта, квалитативность и т. д. (Frankish, 2016).

Таким образом, иллюзионизм за счет критической оценки возможности независимой проверки свойств субъективного опыта расставляет иные акценты среди теорий, оспаривающих существование этого опыта или его отдельных свойств. Вместо фактического отказа от решения Трудной проблемы, К. Франкиш предлагает изучать свойства сознания как иллюзорные и призывает исследователей объяснить нам кажимость этих свойств с опорой на новейшие нейрокогнитивные данные.

Нейронаучная теория К.В. Анохина. Теория К.В. Анохина наиболее активно формировалась последние полтора десятилетия, причем большую роль здесь сыграли как исследования московских нейрофизиологов в отношении прогностической активности мозга и формирования функциональных систем, так и новейшие представления о нейросетях в духе коннекционизма и энактивизма (Анохин, 2021а).

С точки зрения К.В. Анохина, невозможно редуктивное объяснение сознания: оно является совокупностью когнитивных процессов – когнитомом, реализуемым мозговой нейрогиперсетью – коннектомом. В свою очередь, такая гиперсетевая структура состоит из более простых сетей, отвечающих за отдельные процессы переработки информации. При таком подходе отдельные нейроны отвечают за отдельные переживаемые человеком образы (Анохин, 2021а; 2021б).

Теория К.В. Анохина предлагает свое решение Трудной проблемы сознания: субъективный опыт возникает в сложноорганизованных структурах, причем за отдельные воспринимаемые образы могут отвечать отдельные нейроны. В этом теория К.В. Анохина напоминает ТИИ, предполагая более детальное описание физиологических процессов в мозге без введения особого вида информации.

Заключение. Рассмотрев представленные теории с точки зрения их подхода к решению Трудной проблемы сознания, можно прийти к следующим выводам:

1. Большинство нейрокогнитивных теорий решают проблему в духе материализма или натурализма: субъективный опыт сводится к информации и объясняется работой мозга, различаясь лишь в указании, какие структуры и процессы за него отвечают. При этом сознание все реже рассматривается как исключительно человеческое свойство, что ставит вопросы о его происхождении, развитии и зависимости от языка и общества.

2. И радикальный материализм, и радикальный ментализм нельзя рассматривать как решение Трудной проблемы по причине игнорирования одной из ее составляющих.

3. Важно то, насколько подробно и глубоко теория сознания рассматривает данные о структуре субъективного опыта и мозга, чтобы связывать их существование и функционирование. Это требует разработки более детального подхода к оценке таких теорий.

Список источников:

- Аллахвердов В.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 7. Таинственная прелесть сознания. Беседы о вечных проблемах, или Приглашение к абсурду. СПб., 2021. 704 с.
- Анохин К.В. Нейронные гиперсети: организующий принцип высших функций мозга // Первый Национальный конгресс по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике. Девятая международная конференция по когнитивной науке : сб. трудов конференции : в 2 ч. М., 2021а. Ч. 2. С. 513–515.
- Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021б. Т. 71, № 1. С. 39–71. <https://doi.org/10.31857/S0044467721010032>.
- Деннет Д.С. Виды психики. На пути к пониманию сознания / пер. с англ. А. Веретенникова. М., 2004. 184 с.
- Дубровский Д.И. Проблема «Сознание и мозг». Теоретическое решение. М., 2015. 207 с.
- Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании / пер. с англ. А.П. Логунова, Н.А. Зубченко. М.; Ижевск, 2005. 687 с.
- Ревонсуо А. Психология сознания / пер. с англ. З. Замчук, А. Стативка; под ред. Е.И. Николаевой. СПб., 2013. 336 с.
- Серл Дж.Р. Открывая сознание заново / пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М., 2002. 256 с.
- Baars B.J. Global workspace theory of consciousness: toward a cognitive neuroscience of human experience // Progress in Brain Research. 2005. Vol. 150. P. 45–53. [https://doi.org/10.1016/S0079-6123\(05\)50004-9](https://doi.org/10.1016/S0079-6123(05)50004-9).
- Baars B.J., Geld N., Kozma R. Global workspace theory (GWT) and prefrontal cortex: Recent developments // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. Article 749868. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.749868>.
- Balduzzi D., Tononi G. Integrated information in discrete dynamical systems: motivation and theoretical framework // PLOS Computational Biology. 2008. Vol. 4, no. 6. Article e1000091. <https://doi.org/10.1371/journal.pcbi.1000091>.
- Chalmers D.J. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford University Press, 1996. 414 p.
- Churchland P.M. Eliminative materialism and the propositional attitudes // Contemporary Materialism. L., 2002. P. 152–182.
- Churchland P.M., Churchland P.S. Recent work on consciousness: philosophical, theoretical, and empirical // Cognitive Studies: Bulletin of the Japanese Cognitive Science Society. 1997. Vol. 4, no. 3. P. 345–355. https://doi.org/10.11225/jcss.4.3_45.
- Churchland P.S. Can neurobiology teach us anything about consciousness? // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1994. Vol. 67, no. 4. P. 23–40. <https://doi.org/10.2307/3130741>.
- Cleeremans A. The radical plasticity thesis: how the brain learns to be conscious // Frontiers in Psychology. 2011. Vol. 2. Article 86. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2011.00086>.
- Conscious processing and the global neuronal workspace hypothesis / G.A. Mashour [et al.] // Neuron. 2020. Vol. 105, no. 5. P. 776–798. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2020.01.026>.
- Crick F., Koch C. A framework for consciousness // Nature Neuroscience. 2003. Vol. 6, no. 2. P. 119–126. <https://doi.org/10.1038/nn0203-119>.
- Di Bernardo M. Neurophenomenology and intersubjectivity: an interdisciplinary approach // Axiomathes. 2022. Vol. 32, no. 2. P. 95–111. <https://doi.org/10.1007/s10516-021-09590-3>.
- Edelman G.M. Naturalizing consciousness: a theoretical framework // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2003. Vol. 100, no. 9. P. 5520–5524. <https://doi.org/10.1073/pnas.0931349100>.
- Fazekas P., Cleeremans A., Overgaard M. A construct-first approach to consciousness science // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2024. Vol. 156. Article 105480. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2023.105480>.
- Frankish K. Illusionism as a theory of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2016. Vol. 23, no. 11–12. P. 11–39.
- Gazzaniga M.S. The Consciousness Instinct: Unraveling the Mystery of How the Brain Makes the Mind. N. Y., 2018. 288 p.

- Integrated information theory (IIT) 4.0: Formulating the properties of phenomenal existence in physical terms / L. Albantakis [et al.] // PLOS Computational Biology. 2023. Vol. 19, no. 10. Article e1011465. <https://doi.org/10.1371/journal.pcbi.1011465>.
- Koch C., Tsuchiya N. Attention and consciousness: two distinct brain processes // Trends in Cognitive Science. 2007. Vol. 11, no. 1. P. 16–22. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2006.10.012>.
- Lau H., Rosenthal D. Empirical support for higher-order theories of conscious awareness // Trends in Cognitive Science. 2011. Vol. 15, no. 8. P. 365–373. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2011.05.009>.
- Metzinger T. Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity. Cambridge, 2011. 718 p.
- Oizumi M., Albantakis L., Tononi G. From the phenomenology to the mechanisms of consciousness: Integrated information theory 3.0 // PLOS Computational Biology. 2014. Vol. 10, no. 5. Article e1003588. <https://doi.org/10.1371/journal.pcbi.1003588>.
- Rosenthal D.M. Varieties of higher-order theory // Higher-Order Theories of Consciousness: An Anthology / ed. by R.J. Gennaro. Amsterdam, 2006. P. 17–44. <https://doi.org/10.1075/aicr.56.04ros>.
- Seth A.K. Being You: A New Science of Consciousness. L., 2021. 368 p.
- Seth A.K., Bayne T. Theories of consciousness // Nature Reviews Neuroscience. 2022. Vol. 23, no. 7. P. 439–452. <https://doi.org/10.1038/s41583-022-00587-4>.
- Tononi G. An information integration theory of consciousness // BMC Neuroscience. 2004. Vol. 5. Article 42. <https://doi.org/10.1186/1471-2202-5-42>.
- Varela F.J. Neurophenomenology: a methodological remedy for the hard problem // Journal of Consciousness Studies. 1996. Vol. 3, no. 4. P. 330–349.
- Velmans M. Understanding Consciousness. 2nd ed. L., 2009. 408 p.

References:

- Albantakis, L., Barbosa, L., Findlay, G., Grasso, M., Haun, A.M. & Marshall, W. et al. (2023) Integrated information theory (IIT) 4.0: Formulating the properties of phenomenal existence in physical terms. *PLOS Computational Biology*. 19 (10), 1011465. Available from: [doi:10.1371/journal.pcbi.1011465](https://doi.org/10.1371/journal.pcbi.1011465).
- Allakhverdov, V.M. (2021) *Sobraniye sochineniy : v 7 t. T. 7. Tainstvennaya prelest' soznaniya. Besedy o vechnykh problemakh, ili Priglaseniye k absurdu* [Collected works: in 7 vols. Vol. 7. The mysterious charm of consciousness. Conversations about eternal problems, or an Invitation to the absurd]. St. Petersburg. 704 p. (In Russian)
- Anokhin, K.V. (2021) Cognitome: in search of fundamental neuroscience theory of consciousness. *Zhurnal Vysshei Nervnoi Deyatel'nosti Imeni I.P. Pavlova*. 71 (1), 39–71. Available from: [doi:10.31857/S0044467721010032](https://doi.org/10.31857/S0044467721010032). (In Russian)
- Anokhin, K.V. (2021) Neyronnyye giperseti: organizuyushchiy printsip vysshikh funktsiy mozga [Neural Hypersystems: An Organizing Principle of Higher Brain Functions]. In: *Pervyy Natsional'nyy kongress po kognitivnym issledovaniyam, iskusstvennomu intellektu i neyrolinformatike. Devyataya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoy nauke* [The First National Congress on Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics. The Ninth International Conference on Cognitive Science]. Moscow, pp. 513–515. (In Russian)
- Baars, B.J. (2005) Global workspace theory of consciousness: toward a cognitive neuroscience of human experience. *Progress in Brain Research*. 150, 45–53. Available from: [doi:10.1016/S0079-6123\(05\)50004-9](https://doi.org/10.1016/S0079-6123(05)50004-9).
- Baars, B.J., Geld, N. & Kozma, R. (2021) Global workspace theory (GWT) and prefrontal cortex: Recent developments. *Frontiers in Psychology*. 12, 749868. Available from: [doi:10.3389/fpsyg.2021.749868](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.749868).
- Balduzzi, D. & Tononi, G. (2008) Integrated information in discrete dynamical systems: motivation and theoretical framework. *PLOS Computational Biology*. 4 (6), 1000091. Available from: [doi:10.1371/journal.pcbi.1000091](https://doi.org/10.1371/journal.pcbi.1000091).
- Chalmers, D.J. (1996) *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Oxford University Press. 414 p.
- Churchland, P.M. & Churchland, P.S. (1997) Recent work on consciousness: philosophical, theoretical, and empirical. *Cognitive Studies: Bulletin of the Japanese Cognitive Science Society*. 4 (3), 345–355. Available from: [doi:10.11225/jcss.4.3_45](https://doi.org/10.11225/jcss.4.3_45).
- Churchland, P.M. (2002) Eliminative materialism and the propositional attitudes. In: *Contemporary Materialism*. London, pp. 152–182.
- Churchland, P.S. (1994) Can neurobiology teach us anything about consciousness? *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 67 (4), 23–40. Available from: [doi:10.2307/3130741](https://doi.org/10.2307/3130741).
- Cleeremans, A. (2011) The radical plasticity thesis: how the brain learns to be conscious. *Frontiers in Psychology*. 2, 86. Available from: [doi:10.3389/fpsyg.2011.00086](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2011.00086).
- Crick, F. & Koch, C. (2003) A framework for consciousness. *Nature Neuroscience*. 6 (2), 119–126. Available from: [doi:10.1038/nn0203-119](https://doi.org/10.1038/nn0203-119).
- Dennett, D.C. (2004) *Kinds of Minds: Towards an Understanding of Consciousness*. Moscow. 184 p. (In Russian)
- Di Bernardo, M. (2022) Neurophenomenology and intersubjectivity: an interdisciplinary approach. *Axiomathes*. 32 (2), 95–111. Available from: [doi:10.1007/s10516-021-09590-3](https://doi.org/10.1007/s10516-021-09590-3).
- Dubrovskiy, D. (2015) *Problema "Soznanie i mozg". Teoreticheskoe reshenie* [The Mind-brain Problem: A Theoretical Solution]. Moscow. 207 p. (In Russian)
- Edelman, G.M. (2003) Naturalizing consciousness: a theoretical framework. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 100 (9), 5520–5524. Available from: [doi:10.1073/pnas.0931349100](https://doi.org/10.1073/pnas.0931349100).
- Fazekas, P., Cleeremans, A. & Overgaard, M. (2024) A construct-first approach to consciousness science. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 156, 105480. Available from: [doi:10.1016/j.neubiorev.2023.105480](https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2023.105480).
- Frankish, K. (2016) Illusionism as a theory of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 23 (11–12), 11–39.
- Gazzaniga, M.S. (2018) *The Consciousness Instinct: Unraveling the Mystery of How the Brain Makes the Mind*. New York. 288 p.
- Koch, C. & Tsuchiya, N. (2007) Attention and consciousness: two distinct brain processes. *Trends in Cognitive Science*. 11 (1), 16–22. Available from: [doi:10.1016/j.tics.2006.10.012](https://doi.org/10.1016/j.tics.2006.10.012).
- Lau, H. & Rosenthal, D. (2011) Empirical support for higher-order theories of conscious awareness. *Trends in Cognitive Science*. 15 (8), 365–373. Available from: [doi:10.1016/j.tics.2011.05.009](https://doi.org/10.1016/j.tics.2011.05.009).
- Mashour, G.A., Roelfsema, P., Changeux, J.-P. & Dehaene, S. (2020) Conscious processing and the global neuronal workspace hypothesis. *Neuron*. 105 (5), 776–798. Available from: [doi:10.1016/j.neuron.2020.01.026](https://doi.org/10.1016/j.neuron.2020.01.026).
- Metzinger, T. (2011) *The Ego Tunnel: The Self-Model Theory of Subjectivity*. Cambridge. 718 p.
- Oizumi, M., Albantakis, L. & Tononi, G. (2014) From the phenomenology to the mechanisms of consciousness: Integrated information theory 3.0. *PLOS Computational Biology*. 10 (5), 1003588. Available from: [doi:10.1371/journal.pcbi.1003588](https://doi.org/10.1371/journal.pcbi.1003588).
- Penrose, R. (2005) *Shadows of the mind: a search for the missing science of consciousness*. Moscow; Izhevsk. 687 p. (In Russian)
- Revonsuo, A. (2013) *Consciousness: The Science of Subjectivity*. In: Nikolayeva, Ye.I. (ed.). St. Petersburg. 336 p. (In Russian)

- Rosenthal, D.M. (2006) Varieties of higher-order theory. In: Gennaro, R.J. (ed.) *Higher-Order Theories of Consciousness: An Anthology*. Amsterdam, pp. 17–44. Available from: doi:10.1075/aicr.56.04ros.
- Searle, J.R. (2002) *A Re-discovery of the Mind*. Moscow. 256 p. (In Russian)
- Seth, A.K. & Bayne T. (2022) Theories of consciousness. *Nature Reviews Neuroscience*. 23 (7), 439–452. Available from: doi:10.1038/s41583-022-00587-4
- Seth, A.K. (2021) *Being You: A New Science of Consciousness*. London. 368 p.
- Tononi, G. (2004) An information integration theory of consciousness. *BMC Neuroscience*. 5, 42. Available from: doi:10.1186/1471-2202-5-42.
- Varela, F.J. (1996) Neurophenomenology: a methodological remedy for the hard problem. *Journal of Consciousness Studies*. 3 (4), 330–349.
- Velmans, M. (2009) *Understanding Consciousness*. 2nd ed. London. 408 p.

Информация об авторах

А.И. Мусс – кандидат философских наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=822484

А.В. Сладкоштиева – студент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1174814

К.А. Карпычева (Бородина) – аспирант, Институт мозга человека имени Н.П. Бехтерева РАН, Санкт-Петербург, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1211680

Р.В. Ловцов – студент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1307469

А.Д. Маничева (Одинцова) – студент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1317055

А.В. Чуканов – студент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1300563

Вклад авторов:

А.И. Мусс – научное руководство; постановка проблемы; анализ изучаемых теорий; выводы.

А.В. Сладкоштиева – анализ изучаемых теорий; выводы.

К.А. Карпычева (Бородина) – анализ изучаемых теорий; выводы.

Р.В. Ловцов – анализ изучаемых теорий; выводы.

А.Д. Маничева (Одинцова) – анализ изучаемых теорий; выводы.

А.В. Чуканов – анализ изучаемых теорий; выводы.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

A.I. Muss – PhD, Senior Lecturer, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=822484

A.V. Sladkoshtieva – Student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1174814

K.A. Karpicheva (Borodina) – PhD Student, N.P. Bechtereva Institute of the Human Brain, RAS, St. Petersburg, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1211680

R.V. Lovtsov – Student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1307469

A.D. Manicheva (Odintsova) – Student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1317055

A.V. Chukanov – Student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1300563

Contribution of the authors:

A.I. Muss – academic advising; problem developing; analysis of the studied theories; conclusions.

A.V. Sladkoshtieva – analysis of the studied theories; conclusions.

K.A. Karpicheva (Borodina) – analysis of the studied theories; conclusions.

R.V. Lovtsov – analysis of the studied theories; conclusions.

A.D. Manicheva (Odintsova) – analysis of the studied theories; conclusions.

A.V. Chukanov – analysis of the studied theories; conclusions.

Conflicts of interests:

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 01.11.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.11.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.11>

Идеология трансгуманизма эпохи четвертой промышленной революции: социально-философский анализ

Ксения Сергеевна Назаренко

Воронежский государственный технический университет,
Воронеж, Россия, kсени.nazarenko@gmail.com

Аннотация. Благодаря научному и научно-техническому прогрессу четвертой промышленной революции, в частности, достижениям нанотехнологий, генной инженерии, искусственного интеллекта, некогда революционные идеи философской концепции трансгуманизма становятся реалиями современности, а сама концепция оформляется в идеологию и движение. Трансформация среды обитания, пересмотр традиционных ценностей, смыслов и создание нового образа человека знаменуют изменение человеческой парадигмы, что сопряжено с антропологическим кризисом современности. Цель исследования – проанализировать трансгуманизм как ведущую идеологию эпохи четвертой промышленной революции. В статье анализируется трансгуманизм как проект, идеология, политическая доктрина, предмет научного дискурса от момента введения термина до сложившейся концепции. Приводятся примеры отражения идей трансгуманизма в разных областях жизнедеятельности. Актуальность исследования обусловлена интересом научного сообщества к реализации и последствиям идей трансгуманизма.

Ключевые слова: трансгуманизм, четвертая промышленная революция (4IR), образ человека, пост-человек, технологии, цифровизация

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Назаренко К.С. Идеология трансгуманизма эпохи четвертой промышленной революции: социально-философский анализ // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 105–109. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.11>.

Original article

The Ideology of Transhumanism in the Era of the Fourth Industrial Revolution: A Socio-Philosophical Analysis

Ksenia S. Nazarenko

Voronezh State Technical University,
Voronezh, Russia, kсени.nazarenko@gmail.com

Abstract. Thanks to the scientific and technological progress of the Fourth Industrial Revolution, in particular, the achievements of nanotechnology, genetic engineering, and artificial intelligence, the once revolutionary ideas of the philosophical concept of transhumanism are becoming the realities of modern times, and the concept itself is being shaped into an ideology and movement. The transformation of the human habitat, the reevaluation of traditional values and meanings, and the creation of a new image of humanity herald a shift in the human paradigm, which is concomitant with the anthropological crisis of modernity. The aim of the study is to analyze transhumanism as the leading ideology of the Fourth Industrial Revolution era. The article examines transhumanism as a project, ideology, political doctrine, and subject of scientific discourse from the introduction of the term to its established conceptualization. Examples of the reflection of the ideas of transhumanism in various fields of life are given. The relevance of the research is due to the interest of the scientific community in the implementation and consequences of the ideas of transhumanism.

Keywords: transhumanism, the Fourth Industrial Revolution (4IR), the image of man, posthuman, technology, digitalization

Funding: Independent work.

For citation: Nazarenko, K.S. (2025) The Ideology of Transhumanism in the Era of the Fourth Industrial Revolution: A Socio-Philosophical Analysis. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 105–109. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.11](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.11) (In Russian).

Каждая промышленная революция меняет не только средства производства, но также способы мышления и идеологию, что имеет ключевое значение для трансформации общества и образа человека. Предыдущие промышленные революции помогли человечеству перейти от ручного труда к массовому производству, внедрить цифровые возможности в промышленность.

Однако четвертая промышленная революция (4IR) принципиально отличается от предыдущих, охватывая не только промышленность и отрасль. Ее технологии выходят за границы сферы, в которой она происходит, объединяют физический, цифровой и биологический миры, меняют смыслы и ценности социальных институтов, актуализируют поиск ответов на фундаментальные вопросы философии. Тем самым меняются принципы функционирования технологий, бизнеса, рынка труда, кадровой политики, здравоохранения, социальных коммуникаций, государственной структуры, неизбежно отражаясь на процессах мышления и традициях бытования человека. Это ставит перед каждой цивилизацией, вовлеченной в 4IR, новые угрозы и вызовы.

Дает определение четвертой промышленной революции и вводит сам термин в своей одноименной книге Клаус Шваб (2016), основатель и исполнительный председатель Всемирного экономического форума. Он считает, что 4IR началась на рубеже нового тысячелетия и опирается на цифровую революцию. Ее основные черты – это «вездесущий» и мобильный интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины (Шваб, 2016: 11).

4IR – это новый этап в развитии человеческого потенциала, который стал возможен благодаря технологическим достижениям, интегрирующим цифровые технологии, автоматизацию, интернет вещей (IoT) в различные отрасли, что создает реальность соседства крайне высокой скорости развития информационных технологий с относительно медленным прогрессом в науке.

Предвестником наступления эпохи четвертой промышленной революции является идеология трансгуманизма. Она начала предсказывать необходимость построения нового типа человека задолго до того, как технологии стали способны это осуществить.

Трансгуманистическая мысль отражена поиском способов и методов преодоления ограничений «естественного» человеческого состояния, таких как страдания, болезни, старость и смерть, обращаясь к достижениям науки, техники, информационным технологиям. Трансгуманизм, оформляясь в философско-культурологическое мировоззрение, ставит вопрос о пересмотре традиционных норм и переоценке социальных ценностей.

Прослеживание истории термина «трансгуманизм» выступает важной задачей в связи с актуализацией его современного использования. Наука и современные технологии, принципиально отличные от всех предыдущих синтезом цифровизации, информатизации, компьютеризации, при активной интеграции в бытование изменяют телесность и духовность человека, его сознание, сценарии мышления, тем самым приводя к качественно иному звучанию онтологических констант человека, что провоцирует аксиологический кризис, кризис человека. Данная ситуация требует рефлексии над образом человека в современном мире.

Однако можно заметить, что даже самые ранние свидетельства человеческой культуры включают трансгуманистические темы и идеи. Так, например, «Эпос о Гильгамеше» рассматривается как первое выражение идей трансгуманизма. Трансгуманистические идеи совершенствования человека также можно найти в многочисленных мифологических повествованиях, таких как мифы о Дедале или Пигмалионе. Наиболее значимым является миф о Прометее в его бесчисленных вариациях и адаптациях, представляющий собой символ самоопределения человека в формировании своего окружения и самого себя (Щавлева, 2023).

Автором самого термина «трансгуманизм» считается биолог-эволюционист и евгеник Джулиан Хаксли (1887–1975). Однако современные мнения о том, когда он впервые использовал это выражение, расходятся: в 1957 г. в книге «Новые бутылки для нового вина»¹ для описания движения, стимулирующего к улучшению человеческой природы посредством научных и технологических достижений, или в том же году в работе «Религия без откровения» (Huxley, 1957), где он предложил термин для описания идеи, согласно которой человечество может сознательно направить свою дальнейшую эволюцию, улучшив себя с помощью науки. Однако мы предполагаем, что Д. Хаксли не придумал этот термин, а позаимствовал у канадского эссеиста Д. Лайтблума, ссылаясь на его книгу «Трансгуманизм святого Павла». В этой работе исследуется религиозная сторона использования термина, где трансгуманизм определяется как способность людей выйти за пределы своего человеческого состояния и встретиться с Богом (Cole-Turner, 2017). Также термин встречается в 1814 г. у Г.Ф. Кэри, английского переводчика Данте, в переводе «Божественной комедии», где он итальянский глагол «trasumanar» перевел как «трансчеловеческое изменение».

Термин «трансчеловек» в качестве характеристики современного человека был предложен в 1966 г. ирано-американским футуристом Ферейдуном М. Эсфандиари. Будучи преподавателем Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке, он утверждал, что люди станут бессмертными к середине XXI века, или, точнее, преодолеют старение, улучшив человеческое тело с помощью новых технологий. Будет создан новый тип людей – трансчеловек, который выступит «самым

¹ Huxley J. New Bottles for New Wine : essays. L., 1957. 320 p.

ранним проявлением новых эволюционных существ» (FM-2030, 1989: 83), играющих «связующую роль в эволюции» (FM-2030, 1989: 83). «Трансчеловек» (transitional human) – переходный этап от человека к постчеловеку.

В работах Абрахама Маслоу «По направлению к психологии бытия» (Maslow, 1968) и Роберта Эттингера «Человек в Супермене» (Ettinger, 1972) трансгуманизм начинает оформляться в идеологию. С начала 1980-х гг. можно говорить об устойчивом движении трансгуманизма, идеи которого объединили в единое целое художница Нэнси Кларк (будет известна под псевдонимом Наташа Вита-Мор), Джон Спенсер из Общества космического туризма, а затем британский философ Макс Мор.

Около десяти лет потребовалось движению для привлечения академических философов, таких как швед Ник Бостром, профессор Оксфордского университета, британцы Дэвид Пирс и Ричард Докинз, а также американец Джеймс Хьюз. К сегодняшнему дню оно собрало достаточно исследований и материала, чтобы являться дискуссионной темой в академических дебатах и привести к появлению платформ, специализирующихся на вопросах и проблематике трансгуманизма. В международной практике существует ряд национальных и международных ассоциаций. Среди них – Институт экстропии, основанный в 1992 г.; Всемирная трансгуманистическая ассоциация (1998 г.), переименованная в Humanity+ в 2008 г.; Technoprogress во Франции, Associazione Italiana Transhumanisti в Италии, Alerph в Швеции и Transcend в Нидерландах. В России функционируют Российское трансгуманистическое движение, начавшее свою деятельность в 2000 г., и стратегическое общественное движение «Россия 2045», созданное в 2011 г.¹

Кризис антропологии, связанный с переосмыслением сущности человека, его места в мире, диапазона свободы воли, смысла жизни и ориентиров общества потребления, создал не только научный дискурс, но и стал объектом внимания в СМИ, кинематографе, произведениях поп-культуры, изобразительном искусстве. Трансгуманизм исследуется в различных формах, таких как:

- научно-фантастическая литература («Цветы для Элджернона» Дэниела Киза, «Трансчеловек» Юрия Никитина, книги Грегга Игана и Ханну Райаними, а также «Transhumanism Inc.» Виктора Пелевина и другие);

- кинематограф (российская экранизация романа Виктора Пелевина «Трансгуманизм Inc.» (2025), фильм «Призрак в доспехах» (2017), а также другие картины с похожими мотивами, включая «Превосходство» и «Области тьмы»);

- видеоигры («Deus Ex» (2000), «BioShock» (2007), «Syndicate» (2012), «SOMA» (2015), «Cyberpunk 2077» (2020) и другие).

Искусство исследует этические вопросы, потенциальные опасности и трансформацию человеческой природы под влиянием таких новых технологий, как генная инженерия, искусственный интеллект, киборгизация и бессмертие.

В последние годы трансгуманизм стал заметно политизированным, побуждая к появлению первых трансгуманистических политических партий с миссией влиять на принятие решений и политические повестки. В США Трансгуманистическая партия выдвигала кандидата Золтана Иштвана на президентских выборах 2016 г. В Великобритании действует Трансгуманистическая партия Британии. В Италии в 2012 г. трансгуманист Джузеппе Ватинно впервые был избран в парламент. В России существует политическая партия «Эволюция 2045».

Кроме того, ведут работу частные университеты, полностью разделяющие ценности трансгуманизма. Например, Singularity University, основанный в 2008 г. в Кремниевой долине американским изобретателем и футуристом Рэем Курцвейлом и главой фонда X-Prize Foundation Питером Диамандисом, основоположником космического туризма. Лозунг университета: «Мы верим, что технологии и предпринимательство могут решить самые серьезные мировые проблемы»². Другой пример – институт этики и новых технологий (Institute for Ethics and Emerging Technologies), который создали философ Ник Бустрём и биоэтик Джеймс Хьюз. Институт разрабатывает проекты влияния на общественные процессы с целью распространения выгоды и сокращения рисков технологических изменений³. Кроме того, существуют различные сообщества и фонды, включая фонд X-Prize Foundation, которые поддерживают революционные инновации, направленные на улучшение жизни всего человечества⁴.

¹ Россия 2045. Стратегическое общественное движение [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://www.2045.ru> (дата обращения: 15.11.2025).

² Singularity University [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://www.su.org> (дата обращения: 15.11.2025).

³ Institute for Ethics and Emerging Technologies [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <https://ieet.org> (дата обращения: 15.11.2025).

⁴ X-Prize Foundation [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <https://www.xprize.org> (дата обращения: 15.11.2025).

Сегодня политизированная идеология трансгуманизма превратилась в довольно последовательную и обоснованную доктрину. Трансгуманисты стремятся продвинуть четкую и подробную программу социальных изменений. Мы погружаемся в мир идеологий всякий раз, когда сталкиваемся с «-измом»: либерализмом, социализмом, экологизмом, национализмом, феминизмом и так далее. Все эти идеи распространяются как транснациональные движения и дают политическим участникам концептуальную основу для своих действий на глобальной арене. Как выразился Антонио Грамши, идеологии «организуют» человеческие массы, они устанавливают почву, на которой люди движутся, осознают свое положение, борьбу и т. д.»¹.

Дискуссия трансгуманизма, ведущаяся через этические и правовые дебаты, должна рассматривать вопросы технологического прогресса, особенно в сфере генетики и киберсистем, затем распространяться на общественные обсуждения всех будущих технологических изменений. Трансгуманисты утверждают, что мы должны стремиться выйти за пределы человеческого состояния, работая над генетически и неврологически модифицированным постчеловеческим существом, полностью интегрированным с машинами. Хотя это развитие будет происходить медленно, шаг за шагом, это будет «проактивный» проект. Их видение призывает к стремительному рывку вперед, исходя из того, что люди обременены биологическими ограничениями, которые мешают им эффективно принимать вызовы все более сложного мира. Поэтому логический путь вперед заключается в том, чтобы расширить наши возможности посредством интеграции всех возможных новых технологий или даже программирования себя таким образом, чтобы в конечном итоге стать «постчеловеком». Многие авторы считают возможным достижение бессмертия или даже реанимацию мертвых с помощью передовых технологий после хранения в криогенном состоянии. Александр Лоран называет это «смертью смерти» (Laurent, 2011).

Политическая цель трансгуманизма абсолютно прозрачна. Дискуссии ученых, философов, писателей, художников и политиков сводятся к этическим, техническим и технологическим вопросам создания нового типа человека и, следовательно, совершенно нового типа общества. Конечно, это транснациональное политическое движение содержит явные идеологические различия с точки зрения приоритетных технологий и применяемых стратегий, которые особенно ярко проявляются между «технопрогрессивами», придерживающимися более эгалитарного взгляда на путь к постчеловеческому состоянию, и «экстропианами» («технолибертарианами»), считающими совершенствование и расширение человеческих возможностей с помощью технологий вопросом индивидуального выбора и финансовых средств, даже если это приводит к острому неравенству или, что еще хуже, к технологической кастовой системе.

Трансгуманистическая мысль содержит три основных тезиса:

1. Природа человека не соответствует уровню технологического развития и должна быть усовершенствована с помощью технологий. Категория *homo sapiens* должна быть заменена на *post-sapiens*.

2. Целью является полная гибридизация между постчеловеком и машиной, которая выходит далеко за рамки системы «человек – машина», существующей сегодня (например, взаимодействие с мобильными телефонами и компьютерами) и предполагает постоянную интеграцию. С этого момента технология, рассматриваемая как новый агент гоминизации, парадоксально становится основным инструментом дегуманизации. Трансгуманистическая идеология оказывается принципиально антигуманистической – не в последнюю очередь потому, что машина по определению бесчеловечна, а она интегрирована в оба звена системы.

3. В то время как гуманисты считают, что люди могут достичь нравственного роста через образование и культуру («гуманизация человека»), трансгуманистическая идеология предлагает путь перехода к постчеловеческому виду, способному к постоянному саморазвитию путем интеграции новых технологических компонентов. Социальные институты будут замещены соответствующими технологиями.

Исходя из этих тезисов, трансгуманистическая идеология разветвляется на различные дискурсивные области, каждая из которых вдохновлена каким-то новым изобретением, ускоряющим путь к желаемой модели общества и человека будущего.

Технологии четвертой промышленной революции развиваются быстрыми темпами, и если трансгуманистические идеи будут реализованы в полной мере, природа человека и смысл его жизни полностью изменятся, что бросает вызов известной до сих пор структуре функционирования человека и общества. Значительное увеличение продолжительности жизни и даже бессмертие, идея переноса человеческого мозга/сознания на какой-либо информационный носитель, т. е. цифровизация человека, – все это открывает потенциальные возможности, а также последствия, которые предстоит осмыслить.

¹ Gramsci A. Prison Notebooks : in 3 Vols. Vol. 2. European Perspectives: A Social Thought and Cultural Criticism / ed. and translated by J.A. Buttigieg. N. Y., 2011. P. 171.

Задача философии на данном этапе – предсказать угрозы интеграции идеологии трансгуманизма и дать пространство для рефлексии.

В настоящее время трансгуманизм является крупным идеологическим проектом с интеграцией в него политики и экономики, больше не выступая предельным интересом, ограниченными академическими дебатами по этическим и юридическим вопросам.

Список источников:

- Шваб К. Четвёртая промышленная революция. М., 2016. 208 с.
Шавлева А.С. Трансгуманизм: нарративные проекции // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9, № 4. С. 140–148. <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2023-9-4-1-3>.
Cole-Turner R. Christian Transhumanism // Religion and Human Enhancement: Death, Values, and Morality / ed. by T. Trothen, C. Mercer. Cham, 2017. P. 35–47. https://doi.org/10.1007/978-3-319-62488-4_3.
Ettinger R.C.W. Man into superman. The startling potential of human evolution – and how to be part of it. New York, 1972. 312 p.
FM-2030. Are You Transhuman? Monitoring and Stimulating Your Personal Rate of Growth in a Rapidly Changing World. N. Y., 1989. 227 p.
Huxley J. Religion Without Revelation. L., 1957. 252 p.
Laurent A. La mort de la mort: Comment la technomédecine va bouleverser l'humanité. P., 2011. 425 p. (на фр. яз.)
Maslow A.H. Toward a Psychology of Being. 2nd ed. N. Y., 1968. 270 p.

References:

- Cole-Turner, R. (2017) Christian Transhumanism. In: Trothen, T. & Mercer, C. (eds.) *Religion and Human Enhancement: Death, Values, and Morality*. Cham, pp. 35–47. Available from: [doi:10.1007/978-3-319-62488-4_3](https://doi.org/10.1007/978-3-319-62488-4_3).
Ettinger, R.C.W. (1972) *Man into superman. The startling potential of human evolution – and how to be part of it*. New York. 312 p.
FM-2030 (1989) *Are You Transhuman? Monitoring and Stimulating Your Personal Rate of Growth in a Rapidly Changing World*. New York. 227 p.
Huxley, J. (1957) *Religion Without Revelation*. London. 252 p.
Laurent, A. (2011) *La mort de la mort: Comment la technomédecine va bouleverser l'humanité*. Paris. 425 p. (In French)
Maslow, A.H. (1968) *Toward a Psychology of Being*. 2nd ed. New York. 270 p.
Schwab, K. (2016) *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow. 208 p. (In Russian)
Shchavleva, A.S. (2023) Transhumanism: narrative projections. *Research Result. Social Studies and Humanities*. 9 (4), 140–148. Available from: [doi:10.18413/2408-932X-2023-9-4-1-3](https://doi.org/10.18413/2408-932X-2023-9-4-1-3). (In Russian)

Информация об авторе

К.С. Назаренко – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Воронежского государственного технического университета, Воронеж, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=763996

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

K.S. Nazarenko – PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy, Sociology, and History at Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=763996

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 03.11.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.12.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.12>

Парапсихологические аллюзии в романе Д. Бродерика «Игроки Господа»

Юлия Викторовна Хвастунова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия,

hvastunovoy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6317-7901>

Аннотация. Современная художественная литература давно стала площадкой для популяризации различных идеологических программ и течений, включая трансгуманистическое направление. Плеяда трансгуманистических писателей, сделавших карьеру путем художественного воплощения идей виртуальной реальности, цифровой Вселенной, искусственного интеллекта и проекта «совершенствование человека» (Human Enhancement), прочно закрепила за собой имидж продолжателей футуристической, научно-фантастической и критической литературы. Среди авторов следует выделить австралийского писателя Д. Бродерика, опубликовавшего как романы, так и короткие рассказы, сильной стороной которого стало совмещение научной фантастики со специфической интерпретацией пси-феноменов (парапсихологическая литература). Если, например, современный автор бестселлеров Д. Браун известен мастерством совмещать искусствоведческий и религиозный материал в причудливом детективном романе, то Д. Бродерик уходит в сторону сложных новейших естественно-научных изысканий и эзотерических версий существования Вселенной и человека. Его метод – совмещение фрагментов научного текста (глубокое погружение в специфику объяснения физических и математических теорий происхождения Вселенной) с эзотерическими теориями, нумерологией и оккультными вставками, свойственными многим гуру трансгуманизма. В статье рассмотрены парапсихологические аспекты трансгуманизма на примере романа Д. Бродерика «Игроки Господа» (Godplayers), получившего высокую оценку в одноименном движении.

Ключевые слова: трансгуманизм, Д. Бродерик, цифровая теория Вселенной, пси-фактор, совершенствование человека, Игроки Господа

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Хвастунова Ю.В. Парапсихологические аллюзии в романе Д. Бродерика «Игроки Господа» // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 110–115. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.12>

Original article

Parapsychological Allusions in Damien Broderick's Novel "Godplayers"

Yulia V. Khvastunova

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia,

hvastunovoy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6317-7901>

Abstract. Contemporary fiction has long been a platform for the popularization of various ideological programs and movements, including transhumanism. A number of transhumanist writers, who have made their careers by artistically embodying the ideas of virtual reality, the digital universe, AI, and the Human Enhancement project, have firmly established themselves as successors to futuristic, science-fictional, and critical literature. Among these authors, Australian writer D. Broderick, who has published novels as well as short stories, is particularly notable for his combination of science fiction with a specific interpretation of psi phenomena (parapsychological literature). For example, while contemporary bestselling author Dan Brown is known for his mastery of combining art history and religious material into a quirky detective novel, Damien Broderick delves into complex, cutting-edge natural science research and esoteric theories of the existence of the Universe and humanity. His method combines fragments of scientific texts (a deep dive into the specific explanations of physical and mathematical theories of the origin of the Universe) with esoteric theories, numerology, and occult elements characteristic of many transhumanist gurus. This paper examines the parapsychological aspects of transhumanism using as a study material Broderick's novel Godplayers, which has received high praise of the adherents of this movement.

Keywords: transhumanism, Damien Francis Broderick, digital theory of the Universe, psi-factor, human enhancement, Godplayers

Funding: Independent work.

For citation: Khvastunova, Yu.V. (2025) Parapsychological Allusions in Damien Broderick's Novel "Godplayers". *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 110–115. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.12](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.12) (In Russian).

Введение. В 2025 г. ушел из жизни австралийский писатель, критик и футурист трансгуманистического движения Дэмиен Фрэнсис Бродерик (Damien Francis Broderick). За свою долгую жизнь (почти 81 год) он сделал писательскую карьеру и опубликовал в различных жанрах десятки произведений по циклу основных тем трансгуманизма – множественной числовой теории Вселенной, теории игр, технологической сингулярности, виртуальной реальности, усовершенствования человека, искусственному интеллекту и, конечно, пси-феноменам (духовной парапсихологической основе трансгуманизма). Д. Бродерик получил докторскую степень в области литературоведения (сравнил семиотику научной, литературной и научно-фантастической текстуальности), долго занимал пост редактора австралийского научно-популярного журнала *Cosmos*. Автор глубоко погружался в физические и математические теории происхождения Вселенной. Его последним романом стал диптих «Игроки Господа» 2005 г. и «К-Машины» 2006 г. (автор получил премию Aurealis Award в 2007 г. за лучший научно-фантастический роман года)¹.

Д. Бродерик открыто поддерживал и получал содействие от трансгуманистических лидеров. Ряд его книг были отредактированы, оформлены известными трансгуманистическими идеологами, такими как А. Сандберг², Б. Герцель (Goertzel, 2020) (см. совместную работу по парапсихологии «Доказательства пси-феномена: тринадцать отчетов об эмпирических исследованиях» (Evidence for Psi..., 2015; Lobach, 2015)). У Д. Бродерика под «новой духовностью» понимается комплекс оккультно-эзотерических идей, сопряженных с магическими практиками и проявляющихся в экстрасенсорных возможностях, которые могут быть дарованы свыше, а также, что важнее, раскрыты в ходе реализации проекта трансгуманистического усовершенствования человека.

По количеству приведенных научных теорий из области астрофизики и математики книгу Д. Бродерика «Игроки Господа» следует отнести к жанру научной фантастики (научно-фантастический роман (диптих, поскольку есть продолжение – «К-машины»)), однако, если отбросить чрезмерные по объему и упоминаниям научные вставки, которыми изобилует текст, то останется исключительно оккультно-эзотерическая основа, или роман в контексте пси-феноменов. Большинство критиков сходятся во мнении, что Д. Бродерик с годами существенно эволюционировал как писатель в лучшую сторону, а его поздние короткие рассказы часто более удачны и интересны с точки зрения содержания и стиля.

Методы. В ходе исследования применялись анализ первоисточников, компаративистский метод (погружение в специфику научных физических и математических теорий Вселенной в контексте их совмещения с парапсихологической интерпретацией существования мира, а также включением упоминаний о реальных исторических персонажах и событиях) и системный метод.

Ключевые теории в сюжетной линии. Выделим краткое содержание романа для понимания сюжета. Главный герой повествования – двадцатилетний Август Зайбек, живущий в Австралии у тетушки, являющийся студентом медицинского факультета Мельбурнского университета. Ранее Август потерял родителей (погибли в авиакатастрофе) и, как следствие, привязался к престарелой тетушке Тэнзи, которая зарабатывала телефонными консультациями по экстрасенсорике. Однажды, вернувшись с летней подработки, Август услышал невероятную историю от тети о якобы постоянно появляющемся в субботний вечер труп в ванне на втором этаже и исчезающем утром в воскресенье. Пытаясь удостовериться в абсурдности данного утверждения, Август отправляется в ванную и вскоре наблюдает появление неких странных людей, которые внесли труп мужчины через окно на втором этаже. Среди посетителей оказалась прекрасная женщина по имени Лун, которая имела одинаковые с Августом знаки в виде серебряных иероглифов – «метка зверя» – на лодыжке. Далее начинаются фантастические путешествия Августа в иные миры – «параллели» – с помощью этих знаков, служащих ключом в портал для перехода. Автор книги через персонажей рассказывает Августу об устройстве Вселенной (множественная четырехуровневая Вселенная, устроенная по вычислительному принципу). Со временем выясняется, что действующие лица – это практически исключительно родственники Августа Зайбека (его братья и сестры), обозначенные как Игроки, участвующие в Состязании миров. Они наблюдают за мирами и одновременно борются с плохими К-машинами. У Августа обнаруживается несколько сестер и братьев, обладающих сверхспособностями (семья из тринадцати человек). Сам Август получает дополнительный артефакт в виде золотых иероглифов на руке, способных активировать мощные лучи – оружие и исцеляющую энергию. Помимо погружения Августа в теории устройства Вселенной, законы разных параллелей и собственные возможности, в книге фиксируется любовная линия – связь Августа с Лун (Лун Кату Сарит Сагару). Она является ученым, помогающим герою понять правила Состязания и роль Игроков. В конечном счете в ходе первых путешествий Август и часть его родственников погибают

¹ Horton R. Damien Broderick [Электронный ресурс] // Black Gate. 2025. April 20. URL: <https://www.black-gate.com/2025/04/20/damien-broderick-april-22-1944-april-19-2025> (дата обращения: 26.11.2025).

² You're not alone: Thirty science fiction stories from *Cosmos Magazine* / ed. by D. Broderick ; illustrated by A. Sandberg. Vancleave, 2016. 342 p.

от действий К-машины, но перерождаются несколько раз в отдельных мирах. Последнее перерождение, которое организует им более высокое существо (Устроитель Состязания) – это некая параллель, где Август и Лун могут спокойно освоить все правила и законы, а также насладиться обществом друг друга.

Д. Бродерик включает в сюжетную линию множество терминов и понятий – от научных до парапсихологических. В контексте научной картины мира автор придерживается так называемой четырехуровневой модели вычислительного космоса, теории бесконечной или множественной Вселенной, устроенной по типу математического моделирования. Д. Бродерик следует распространенной среди трансгуманистов философии дигитализма, постоянно обращается к работам М. Тегмарка (уровням Тегмарка) (Tegmark, 2008), К. Цузе (Zuse, 1969) и С. Вольфрама, упоминает о создании машины Зенона и теории сверхтюринговых вычислений. Д. Бродерик популяризирует идеи о вложенных вселенных трансгуманиста Н. Бострома (2003, 2016), а также представления о точке Омеги из работ Ф. Типлера (Tipler, 1994). В качестве отдельного персонажа фигурирует сильный ИИ (Искусственный Интеллект) в виде так называемого Доброго существа, или К. Э. (см. характеристики ИИ у Б. Герцеля, считающего, что искусственный интеллект выйдет из-под контроля человека и начнет полностью управлять человечеством (Goertzel, 2020: 228)).

Ценностно-смысловой ряд произведения четко делится по полярному принципу: официальная научная картина мира с традиционными научными взглядами и конфессиями (профанный мир) и паранормальная нумерологическая магическая версия существования Вселенной и человека, где автор описывает последнюю исключительно в позитивном ключе (хотя сохраняется некая ирония и критика со стороны героя в контексте его заикливания на земной жизни), типичный, или профанный, мир – как иллюзию либо интерпретацию для обычных людей, биомассы. Данная позиция соответствует эзотерическому взгляду на мир. Так, профанный западный мир с его христианскими представлениями показан как упрощенная ложная система, которая легко переигрывается Зайбеками. Например, случай с молодыми миссионерами, которых Джул Зайбек забросил через портал в Ад (отдельную параллель), а затем вернул, стерев им память¹.

Также следует обратить внимание на стилистику, особенности литературного языка Д. Бродерика. На протяжении всей книги диалоги и монологи перемежаются с ругательствами, постоянным эмоциональным раздражением, недовольством, моральными вольностями, бесчувствием, а также картинами убийства людей (обычных людей не жаль, Август переживает только за своих близких, тетушку Тензи и старую собаку).

Сюжетная линия подчиняется терминологии игровой теории, где все миры включены в единое пространство Состязания, а особенные герои (семья Зайбеков) – это Игроки, выше которых находятся Ангелы (Боготвари), Строители Состязания, а также К-машины и ИИ. Игроки могут перемещаться из одной параллели в другую с помощью иероглифических меток – «меток зверя» – и кодовых слов, открывающих портал, все Игроки имеют особенные сверхспособности и получают дополнительные свойства в ходе продвижения в Состязании. Они наблюдают, программируют, вычисляя, борются с К-машинами и наслаждаются всеми благами жизни. Путешествия через портал объясняются в контексте эзотерических интерпретаций пси-феноменов. «Принцип действия их волшебного дерева путешествий, судя по всему, заключался в использовании ключевых слов и имен – чертов гибрид компьютерного пароля с паршивой магией»². Первое путешествие начинается с описания празднования дня рождения красавицы Лун (ей 53 года, но выглядит она на 20 лет), которую приглашают отметить его (предварительно переместившись в другое время) в таверне с видом на город в огне в момент великого лондонского пожара в 1666 г. В книге подчеркивается, что данная трагедия случилась из-за Устроителей Состязаний, подготовивших «умышленные зверства» для Лун ради всеобщего удовольствия. Они любовались этим фейерверком, как любят салют на праздниках обычные люди: «...губит целые развитые цивилизации, целые миры. И все – лишь ради забавы, ради эмоционального возбуждения. Вот она, суть методов Игроков»³. Одновременно с подобными развлечениями идет война Игроков с К-машинами: «это Состязание... К-машины хотят уничтожить нас потому... что мы – бездушные мерзкие твари. Они – свободные одухотворенные механизмы, в то время как мы – всего лишь белковые калькуляторы. Ими движут возвышенные эмоции Ницше; нас и другие эволюционировавшие виды они воспринимают как отсталых и грубых животных, управляемых холодными богохульными побуждениями»⁴. Игроки наблюдают за созданием других миров, а строительством занимаются Ангелы (Боготвари). При описании правил Игры, Д. Бродерик постоянно упоминает древние цивилизации, например Древний Египет, а также мифический мир, описанный в Старшей Эдде. Отсылки к дохристианским и допотопным цивилизациям

¹ Бродерик Д. Игроки Господа. М., 2010. Ч. 13.

² Там же. Ч. 9.

³ Там же. Ч. 5.

⁴ Там же. Ч. 18.

как чрезвычайно высокотехнологичным и продвинутым являются обязательным постулатом эзотерических теорий.

Д. Бродерик вмещает представления об устройстве Вселенной в трансгуманистическую теорию управляемой эволюции, где различные миры были спроектированы или откорректированы с помощью людей или сверхлюдей (транслюдей и постлюдей) в далеком прошлом. Так, один из миров пережил катастрофу, во втором мире живут миллионы динозавров, третий населен существами, предками которых являлись гигантские кошки, в четвертом мире люди давно вымерли, но остались машины. Игроки путешествуют по этим мирам и охотятся за К-машинами.

Теория множества миров предполагает одновременную реализацию множественного выбора, развитие многих версий одновременно, возможность планирования и возможность случайностей. «Цыпленок перешел дорогу – и не переходил дорогу, потому что таков был его квантовый выбор»¹.

Вычислительная четырехуровневая модель Вселенной четко коррелирует у Д. Бродерика с нумерологией (магией чисел), астрологией и экстрасенсорикой. Эзотерические теории происхождения Вселенной соотнесены в книге с началом истории Августа в субботний вечер, что обыгрывается как особый день (Шабат в иудаизме, день, посвящаемый Богу, а у эзотериков – день, посвященный им самим как полубогам, вершащим судьбы людей).

Д. Бродерик включает в сюжет некоторые передовые технологии, в том числе те, которые, по мысли трансгуманистов, осуществляют революционный рывок в сторону усовершенствований. Так, нанотехнологии упоминаются в контексте использования нанороботов-чистильщиков, взятых Игроками из одной параллели, где они буквально съели и разложили на молекулы флору и фауну, но затем переключились на добрые дела. Зайбеки их перепрограммировали, и они стали выполнять задачу чистки, исцеления на микроскопическом уровне. Достаточно войти в их пространство, и миллионы нанороботов начинают чистить организм снаружи и внутри. В книге их называли «туманцем»².

Еще одно изобретение – ИИ – в романе названо Добрым Устройством, или К. Э. Данная аббревиатура – сокращение от «Кирие Элейсон», что с митранского греческого переводится как «Господи, имей сострадание». К. Э. – это результат попытки создания дружественного искусственного интеллекта. Зайбеки создали ИИ в отдельной параллели, где «митраизм, солнечный культ римских воинов, победил мессианцев», но ИИ убил людей, «использовав их собственное тайное оружие массового уничтожения»³.

Еще одна базовая тема трансгуманизма – теория трансчеловека и постчеловека как существ с дополнительными свойствами и сверхспособностями. В книге сам герой Август и его родственники являются типичными усовершенствованными существами со встроенными дополнениями и открывающимися сверхспособностями. Помимо транслюдей, или Игроков, в сюжете фигурируют Ангелы и Строители Состязаний, а также якобы дружественный ИИ (Доброе Создание), которому подчиняются Игроки. Д. Бродерик использует библейские цитаты, но в эзотерической интерпретации. Так, Игроки заявляют: «Вы пришли снизу, я – сверху» – это перифраз слов Христа, которые трактуются как внеземная суть Игроков⁴.

Игроки в земной жизни имели еврейское происхождение или связь с богоизбранным народом. Август оказался способен испускать энергию лучей из рук, что повторяет распространенную на Западе теорию супергероев и их уникальных способностей. «О, Август, ты – стрижающий гомункулус. Как и все мы. Ты – артефакт на внутреннем алгоритмическом субстрате Состязания»⁵. Термин «стрижающий» Д. Бродериком заимствован из более ранней литературы, например из «Алисы в стране чудес», где «стрижающим» или «вострым» назван особенный меч, способный мгновенно и неминуемо отсечь голову.

В контексте экстрасенсорных способностей прослеживается авторская нумерология. Тринадцать членов семьи Зайбеков как число силы и одновременно библейская аллюзия (двенадцать учеников и Христос). Август вырос на Земле – это двенадцатая параллель. В институт Цузе вела сто одна мраморная ступень – число перемен, новых начинаний и раскрытия силы. Август часто упоминает каббалу, с которой связывают каббалистическую нумерологию, древо мира. Последнее предстает как древо Иггдрасиль. «Мы, стрижающие ребята, произошли от Дрэмена и леди Анжелины. – А они, – нараспев подхватил Тоби, – от дерева Иггдрасиль». Золотые иероглифы на руке – «Ксон-материя». «Утопленные в моей плоти золотые иероглифы. <...> Метка зверя... на левой

¹ Бродерик Д. Указ. соч. Ч. 12.

² Там же. Ч. 16.

³ Там же. Ч. 17.

⁴ Там же. Ч. 8.

⁵ Там же. Ч. 10.

лодыжке»¹. Также трансгуманистам свойственны пророческие модели конца света, в романе указан 2150 г. как конец этого мира, который случится после рождения всех мужчин и женщин².

Август и его семья (Игроки) не подчиняются обычным человеческим правилам и нормам, они имеют возможность игнорировать физические законы, пересекать пространства, путешествовать в разных мирах, обладать вечной молодостью и долголетием, предаваться всем наслаждениям, смеяться над человеческой моралью. Тип характера Игрока – одиночка или интроверт. На протяжении всей истории Зайбеки едят деликатесы (всегда все самое лучшее и дорогое), много пьют, употребляют наркотики, имеют сексуальные связи с разными существами. Другими словами, Игроки определенно разделяют эпикурейские и гедонистические взгляды, противоположные аскетизму и самопожертвованию. Внутри семейства наблюдаются ревность, зависть, конфликты, скрытность, используется ненормативная лексика.

Еще одним паранормальным феноменом в контексте популяризации теории перерождений в произведении выступают Устроители Состязания, некие высшие сущности, которые могут являться в самых неожиданных формах, например в теле говорящего кота Когтяры, большого ворона (аватара Доброго Устройства), старой собаки Доброго Ду (аватара одной из частей души родителей Августа). Данные персонажи играют роль наблюдателей, защитников и консультантов.

Д. Бродерик тесно связывает экстрасенсорику с астрологией. Так, тетюшка Тензи и некоторые члены семьи Зайбеков увлекались пси-феноменами и подрабатывали этим ремеслом. Их умения и сила воздействия напрямую зависели от расположения звезд. «Большинство дневных, месячных, сезонных ритмов, давно игнорируемых медициной и психологией, управляются солнечными циклами»³. Тэнзи занималась экстрасенсорными консультациями исключительно в определенные утренние часы со сдвигом на четыре минуты, что показывало прямую зависимость ее способностей от звезды Ксон, но ее силы быстро истощались. «Очевидно, она могла исполнять свои магические трюки духовного прозрения и успокоения очень недолго. <...> Потом несколько месяцев на небе сияли зловещие созвездия, и тетюшка отказывалась работать вообще»⁴.

В конце романа описано воскрешение родителей Августа с помощью его энергий через выход родительских душ из четырех существ, которые ранее жили на Земле: тетюшки Тензи, старой собаки, родственницы Мириам и ее супруга. Получив молодые тела, Анжелина и Дрэмен (родители) воссоединились с сыном Августом⁵. К-машина настигает Игроков, и все погибают, но снова возрождаются в других параллелях. Август просит воскресить любимую Лун, но прежде он перерождается в дерево, затем в умственно отсталого кузена Артура и, наконец, Август и Лун по просьбе кота-полубога переносятся в некий город, где Август будет изучать философию Игры. Итак, Игра так и не закончилась – вечное возвращение и Состязание, вечное творение и гибель по воле Игроков и Устроителей Состязания.

Заключение. В сюжетной линии романа в действительности нет ничего принципиально нового в научно-техническом плане. Книга «Игроки Господа» демонстрирует пример редукции – интерпретация мироустройства через трендовый принцип современности – вычислительные цифровые модели и так называемую «новую духовность», часто сводимую к пси-феноменам. Так, ранее, в Новое время, доминировали деизм и механическая теория Вселенной, затем они сменились на электрическую концепцию, теперь господствует дигитализм в варианте компьютеризации, виртуальной реальности, ИИ. Сюжет книги – это совмещение сложных научных терминов и теорий с популяризацией экстрасенсорики и типичной для современности гедонистической прагматической потребительской культурой. В романе превалирует исключительно капиталистическая ценностная система (почти животная, инстинктивная моральная подложка поведенческих алгоритмов Игроков). Здесь нет сложных филологических или искусствоведческих параллелей, встречаемых у Д. Брауна, принципиально широких философских антропологических умозаключений С. Лема, смелых научных изысканий А. Азимова. Сильные стороны Д. Бродерика – популяризация современного трансгуманизма в его конкретных границах и трактовка «новой духовности» в виде принятия пси-феноменов как необходимой составляющей трансчеловека.

Список источников:

- Бостром Н. А не живем ли мы в Матрице? Доказательство методом моделирования // Прими красную таблетку: наука, философия и религия в «Матрице» / под ред. Г. Йеффета ; пер. с англ. Т. Давыдова. М., 2003. С. 277–287.
Бостром Н. Искусственный интеллект: этапы, угрозы, стратегии / пер. с англ. С. Филина. М., 2016. 490 с.
Evidence for Psi: Thirteen empirical research reports / ed. by D. Broderick, B. Goertzel. Jefferson, 2015. 324 p.

¹ Бродерик Д. Указ. соч. Ч. 14.

² Там же. Ч. 8.

³ Там же. Ч. 20.

⁴ Там же. Ч. 6.

⁵ Там же. Ч. 20.

- Goertzel B. A Cosmist manifesto: Practical philosophy for the posthuman age. Wilton, 2020. 337 p.
Lobach E. Evidence for Psi: Thirteen empirical research reports edited by Damien Broderick and Ben Goertzel // *Journal of Scientific Exploration*. 2015. Vol. 29, no. 3, 2015. P. 530–535.
Tegmark M. The mathematical universe // *Foundations of Physics*. 2008. Vol. 38, no. 2. P. 101–150. <https://doi.org/10.1007/s10701-007-9186-9>.
Tipler F.J. The physics of immortality. Modern cosmology, God and the resurrection of the dead. N. Y., 1994. 528 p.
Zuse K.E.O. Rechnender raum. Braunschweig, 1969. 72 p.

References:

- Bostrom, N. (2003) Are we living in the Matrix? Proof by simulation. In: Yeffeth, G. (ed.) *Taking the red pill: Science, philosophy and the religion in the Matrix*. Moscow, Ultra.Kultura, 277–287. (In Russian)
Bostrom, N. (2016) Superintelligence: Paths, dangers, strategies. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian)
Broderick, D. & Goertzel, B. (eds.) (2015) Evidence for Psi: Thirteen empirical research reports. Jefferson, McFarland.
Goertzel, B. (2020) A Cosmist manifesto: Practical philosophy for the posthuman age. Wilton, Humanity+ Press.
Lobach, E. (2015) Evidence for Psi: Thirteen empirical research reports edited by Damien Broderick and Ben Goertzel. *Journal of Scientific Exploration*. 29 (3), 530–535.
Tegmark, M. (2008) The mathematical universe. *Foundations of Physics*. 38 (2), 101–150. Available from: doi:10.1007/s10701-007-9186-9.
Tipler, F.J. (1994) The physics of immortality. Modern cosmology, God and the resurrection of the dead. New York, Doubleday.
Zuse, K.E.O. (1969) Calculating space. Braunschweig, Friedrich Vieweg und Sohn. (In German)

Информация об авторе

Ю.В. Хвастунова – кандидат философских наук, доцент кафедры права, философии и социологии, Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=466121

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Yu.V. Khvastunova – PhD, Associate Professor at the Law, Philosophy and Sociology Department, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=466121

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.13>

Коммуникация врача и пациента в цифровую эпоху: к постановке проблемы

Марина Валерьевна Вольферц

Алтайский государственный медицинский университет

Министерства здравоохранения РФ, Барнаул, Россия,

marina_wolfherz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7686-2828>

Аннотация. Взаимоотношения между врачом и пациентом являются одними из самых сложных межличностных форм общения. Участники данной коммуникации никогда не стоят на равных позициях, не стремятся к встрече, но вынуждены тесно взаимодействовать и выстраивать доверительные отношения для достижения наилучшего результата. Цифровизация системы здравоохранения существенно трансформирует роли врача и пациента, что имеет как положительные аспекты, так и порождает некоторые этические проблемы. С одной стороны, мы наблюдаем переход от традиционной модели врачевания – патернализма, к автономии пациента. С другой стороны, изменения сопряжены со сложностями и риском утраты доверия к врачу. В данной статье осуществляется анализ взаимоотношений врача и пациента, претерпевающих перемены под влиянием процесса цифровизации медицины. Автор выделяет несколько ключевых аспектов, которые чаще всего относят к этическим проблемам телемедицины: конфиденциальность, приватность, безопасность, а также затрагивает вопрос цифрового неравенства. Рассмотрение коммуникации «врач – пациент» сквозь призму современных технологий позволяет обнаружить новые грани данного типа отношений.

Ключевые слова: врач – пациент, коммуникация, телемедицина, цифровизация здравоохранения, конфиденциальность

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Вольферц М.В. Коммуникация врача и пациента в цифровую эпоху: к постановке проблемы // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 116–120. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.13>.

Original article

Doctor – Patient Communication in the Digital Age: A Problem Statement

Marina V. Volferts

Altai State Medical University of the Ministry of Health

of the Russian Federation, Barnaul, Russia,

marina_wolfherz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7686-2828>

Abstract. The doctor – patient relationship is one of the most complex interpersonal forms of communication. Participants in this communication are never on equal footing, and they do not seek to meet, but are forced to closely interact and build trusting relationships to achieve the best outcome. The digitalization of the healthcare system is significantly transforming the roles of doctor and patient, which has both positive aspects and raises several ethical issues. On the one hand, we are witnessing a shift from the traditional model of paternalism to patient autonomy. On the other hand, these changes are associated with complexities and the risk of losing trust in the doctor. This article analyzes the doctor – patient relationship, which is undergoing changes under the influence of the digitalization of medicine. The author highlights several key aspects that are most often considered ethical issues in telemedicine: confidentiality, privacy, security, and also touches on the issue of digital inequality. Examining doctor – patient communication through the prism of modern technology allows to discover new facets of this type of relationship.

Keywords: doctor – patient, communication, telemedicine, digitalization of healthcare, confidentiality

Funding: Independent work.

For citation: Volferts, M.V. (2025) Doctor – Patient Communication in the Digital Age: A Problem Statement. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 116–120. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.13](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.13) (In Russian).

Развитие информационных технологий в современном мире приводит к тому, что технологический прогресс не только проникает во все сферы жизни человека, но и преобразует их. Медицина не остается исключением, и сегодня мы можем наблюдать процесс, называемый цифровизацией медицины.

Понятие «цифровая медицина» включает в себя использование информационных технологий в сфере здравоохранения. К таковым, как правило, относят: переход от бумажных медицинских карт к электронным; дистанционные методы коммуникации между медицинскими работниками, а также между врачами и пациентами; развитие и активное внедрение в медицинские исследования и практику искусственного интеллекта (ИИ). Существует мнение, что со временем системы ИИ превзойдут врачей в знаниях и точности постановки диагноза. Так, Дж.К. Бьерринг и Дж. Буш называют применение ИИ в системе здравоохранения медициной черного ящика и утверждают, что это противоречит идеалам оказания помощи, ориентированной на пациента. «Медицина черного ящика не способствует принятию обоснованных решений на основе общей информации, общего обдумывания и общего мнения между врачом и пациентом» (Bjerring, Busch, 2021: 349).

Цель данной статьи – проанализировать проблемы и перспективы коммуникации «врач – пациент» в условиях происходящей цифровизации медицины. В исследовании использовались такие методы, как обзор публикаций по проблеме, их логический анализ, систематизация и осмысление опыта коммуникации врача и пациента, осуществляемой в условиях современного технологического прогресса.

Благодаря развитию и совершенствованию технологий коммуникация между врачом и пациентом претерпевает изменения. Сегодня посредством виртуального общения осуществляется переход от патернализма к модели отношений, предполагающей совместное принятие решений, что, в свою очередь, обусловило изменение роли врачей и пациентов, а также характера их взаимоотношений.

С одной стороны, цифровая коммуникация упрощает встречу врача и пациента, но, с другой стороны, порождает и этические проблемы. К упрощению, или плюсам телемедицины, относят ее возможность преодолевать любые расстояния. Понятие «телемедицина» (от лат. *teleo* – «дистанция» и *medera* – «излечение») означает дистанционное лечение, то есть оказание медицинской помощи на расстоянии. Это может иметь место в случае, когда невозможно физически преодолеть сотни и тысячи километров. Но иногда не само расстояние, а иные причины могут помешать встрече врача и пациента, например, инвалидность последнего, в таком случае даже незначительное расстояние может стать преградой.

Таким образом, любое расстояние может препятствовать оказанию качественной медицинской помощи, и, несмотря на то, что врачи всегда спешат к своим пациентам, ни один вид транспорта не позволит осуществиться их встрече мгновенно (Владимирский, 2020).

Кроме того, к преимуществам телемедицины относят возможность решить кадровый дефицит – одну из центральных проблем современной системы здравоохранения. Нехватку врачей, особенно узких специалистов, можно хотя бы частично преодолеть с помощью дистанционных консультаций, которые могут происходить как между врачами и пациентами, так и между медицинскими работниками, которые зачастую также нуждаются в консультациях более опытных коллег или узких специалистов.

Несмотря на множество положительных сторон цифровизации в медицине, существует риск усугубления неравенства, так как наиболее нуждающиеся могут оказаться в наименьшей степени способными получить доступ к технологиям или использовать их. Так, современные люди, прежде всего молодого возраста, используют цифровую коммуникацию для большинства своих как социальных, так и деловых взаимодействий, в силу этого для них не представляет сложности осуществить коммуникацию с врачом посредством телемедицины. Однако людям пожилого возраста часто не хватает технических навыков для общения в цифровом пространстве. К тому же многие малообеспеченные люди не имеют смартфонов, ноутбуков и доступа к высокоскоростному интернету для осуществления телемедицинской коммуникации или записи к врачу онлайн.

Независимо от того, что является препятствием – ограниченная грамотность людей в использовании электронного здравоохранения или низкое материальное положение (а возможно, и то, и другое), – существует опасение, что цифровой разрыв может стать проявлением закона об обратной медицинской помощи, согласно которому доступность качественной медицинской помощи, как правило, обратно пропорциональна потребности в ней. Таким образом, очень важно следовать принципу справедливости при внедрении цифровизации в систему здравоохранения.

Также можно отметить, что, с одной стороны, для врача онлайн-консультации будут более утомительными, чем очные, так как требуют технических навыков и повышенной концентрации. С другой стороны, врачи чувствуют себя в большей безопасности во время телемедицинских встреч, поскольку исключается риск заражения инфекционными заболеваниями.

К положительным аспектам дистанционных консультаций также можно отнести и то, что пациенты могут быть более открытыми, в большей степени следовать важному биоэтическому принципу правдивости и без стеснения говорить о волнующих их проблемах. Но важным условием формирования доверия пациента к врачу будет выступать соблюдение принципа конфиденциальности. И здесь мы переходим к главной этической проблеме телемедицины – сохранению врачебной тайны.

Обращаясь к проблеме конфиденциальности в контексте цифровизации медицины, можно выделить понятия, которые тесно переплетены, но нуждаются в разграничении: приватность, безопасность и конфиденциальность.

Безопасность можно определить как защиту данных от несанкционированного доступа или кибератак, приватность – как защиту личной информации, а конфиденциальность – как неразглашение медицинских данных третьим лицам. Конфиденциальность, таким образом, относится к «процессу, который обеспечивает доступ к информации только тем, кто имеет на это право» (Moerenhout, 2019: 31).

Можно утверждать, что конфиденциальность существует столько же, сколько и сама медицина. Согласно Клятве Гиппократ, датируемой IV веком до н. э., врач клялся соблюдать определенные этические стандарты, включая сохранение врачебной тайны: «В какой бы дом я ни вошел ... что бы при лечении – а также и без лечения – я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной» (Гиппократ, 1994: 87). Конфиденциальность и сегодня остается основополагающим принципом медицинской этики. Американские исследователи в области биоэтики Т.Л. Бошамп и Дж.Ф. Чайлдресс пишут: «Конфиденциальность имеет место, когда один человек раскрывает информацию другому, будь то устно или иным образом, и лицо, которому раскрывается информация, обязуется, явно или неявно, не разглашать эту информацию третьим лицам без разрешения доверителя» (Beauchamp, Childress, 2013: 120). Следовательно, конфиденциальность – это подвид информационной конфиденциальности, ориентированный на данные, раскрытые в рамках конфиденциальных отношений. Пациенты должны чувствовать себя комфортно, раскрывая своему врачу конфиденциальную информацию, которая часто имеет решающее значение для диагностического процесса и составления надлежащего плана лечения. Эта информация нуждается в защите и не должна передаваться третьим лицам. «Договор» между пациентом и врачом иногда называют «делкой Гиппократ».

Нарушение принципа конфиденциальности может представлять угрозу общественному здоровью: если у пациентов есть опасения по поводу конфиденциальности, они могут воздержаться от обращения за помощью по деликатным вопросам, таким как заболевания, передающиеся половым путем, психические заболевания и злоупотребление психоактивными веществами. В этом смысле конфиденциальность является необходимым условием оказания медицинской помощи.

В начале 80-х годов XX века американский врач М. Сиглер назвал принцип конфиденциальности устаревшим. Он утверждал, что конфиденциальность, как она традиционно понималась пациентами и врачами, как классическая часть Клятвы Гиппократ, больше не существует (Moerenhout, 2019). В настоящее время в лечение пациента может быть вовлечено несколько человек, например, врачи разных специальностей, а также вспомогательный персонал лечебного учреждения, которые на законных основаниях получают доступ к его данным. В связи с этим возникает необходимость пересмотра определения понятия конфиденциальности. Медицина сегодня не осуществляется в основном в рамках личных отношений между пациентом и врачом, она требует взаимодействия команды медицинского и административного персонала, что подбывает прежнее, более узкое понимание конфиденциальности. Электронные медицинские карты еще больше расширили круг, в котором распространяется конфиденциальная информация. Более того, электронные медицинские карты содержат большое количество сведений, охватывающих длительный период жизни человека: от рождения и до смерти. Эти трансформации требуют изменения принципа конфиденциальности. В качестве решения Т. Меренхаут предлагает создание секвестра конфиденциальной информации о пациенте. Это означает, что доступ к данным предоставляется на основе принципа «необходимой необходимости». Например, врач-кардиолог может видеть список лекарств пациентки, но не историю искусственного прерывания беременности 10-летней давности. «Секвестр кажется идеальным вариантом для медицинских данных, которые вряд ли повлияют на будущее лечение, но, вероятно, могут поставить пациентов в неловкое положение» (Moerenhout, 2019: 38). Но существует опасение, что маркировка определенной информации как конфиденциальной (например, о проблемах психического здоровья; заболеваниях, передающихся половым путем; о домашнем насилии) и придание ей особого статуса может лишь усугубить стигматизацию, окружающую эти состояния. Тем самым, создание секвестра данных также может вызвать этические и практические проблемы.

Таким образом, можно сказать, что современная цифровая система здравоохранения создает необходимость переосмысления понятия конфиденциальности, но пока нет ясности, как обеспечить защиту личных данных в цифровом пространстве. Мнения пациентов и врачей по этому вопросу также остаются во многом неопределенными, поскольку по этой теме практически нет исследований.

Цифровая медицина способствует изменению характера взаимоотношений между врачами и пациентами. Традиционно они определялись асимметрией власти: пациент зависел от врача в постановке диагноза и лечении, выписке рецептов и больничных листов. Эрик Тополь в своей книге

«Пациент примет вас сейчас» утверждает, что в здравоохранении произойдет смена власти или демократизация, обусловленная цифровизацией и, в частности, появлением смартфонов (Moegenhout, 2019). Так, цифровизация способствует участию пациентов в процессе принятия решений, касающихся их здоровья. Поиск информации в интернете или использование цифровых медицинских приложений пациентами крайне важны для того, чтобы они могли принять взвешенное решение. «Ожидается, что в ближайшие годы изменения в здравоохранении будут сосредоточены в первую очередь на пациенте, который возьмет на себя роль “потребителя медицинских услуг”, поскольку пациент стремится контролировать управление своим здоровьем. Сфера здравоохранения будет формироваться на основе потребностей и ожиданий этого нового “потребителя медицинских услуг”, что потребует обновленного опыта, основными характеристиками которого являются персонализация, комфорт, скорость и немедленность предоставления услуг» (Stoumpos, 2023: 2).

Таким образом, благодаря цифровизации в медицине происходит смещение в сторону совместного принятия решений. Более того, доступ к интернету может позволить пациентам стать экспертами в своих болезнях. Они больше не будут зависеть от врача в вопросах получения информации о диагностике и лечении. Также пациенты создают различные форумы и интернет-площадки, позволяющие общаться, делиться информацией и знаниями с людьми, страдающими от той же болезни. Следовательно, важно учитывать те знания, которыми обладает пациент, и их значимость, которая сегодня недооценивается. Пациент сегодня – это часто информированный и вовлеченный партнер для врача. Но приверженными лечению чаще всего оказываются пациенты с более высоким уровнем образования и социально-экономическим статусом, именно они используют различные цифровые устройства для мониторинга состояний своего здоровья. В связи с этим возникает риск усугубления цифрового неравенства. Неясно, смогут ли (и каким образом) более уязвимые пациенты взять на себя роль информированных участников и воспользоваться потенциальными преимуществами цифровизации здравоохранения.

Итак, цифровизация медицины способствует более осознанному и вовлеченному подходу пациентов к своему здоровью, увеличивая приверженность лечению. Цифровые технологии открывают пациентам возможности применять методы самоконтроля, помогая им управлять, насколько это возможно, своим здоровьем и болезнями, особенно в отношении хронических заболеваний, например, сахарного диабета или сердечной недостаточности.

Сегодня благодаря научно-техническому прогрессу в сфере медицинского знания многие неизлечимые ранее болезни, если и не побеждены полным излечением, то переведены в стадию ремиссии. Люди на протяжении многих лет живут в модусе «бытия-больным», современное общество – «общество ремиссии». По мнению В. Лехциера, это понятие «схватывает кардинальное изменение в структуре патологии, новые подходы к типичному лечебному случаю, а также новые проблемы взаимоотношений пациентов с медицинскими институтами, родственниками и людьми внутри пациентских сообществ, новый опыт болезни вообще в его социальном и персональном измерении» (Лехциер, 2018: 162).

Подводя итоги, можно отметить, что цифровизация стала неотъемлемой частью жизни человека, в том числе медицины и здравоохранения: многие медицинские приборы теперь цифровые, в их основе лежат компьютерные технологии; запись к врачу осуществляется при помощи мобильных приложений; бумажные медицинские карты заменяются электронными; системы ИИ используются для обработки больших данных и диагностики заболеваний. Цифровая эпоха трансформирует также многовековую традицию врачевания, способствуя переходу от патернализма к автономии пациента. Осуществление коммуникации между врачом и пациентом в дистанционном формате содержит в себе как преимущества в виде скорости оказания медицинской помощи, способности мгновенно преодолевать любые расстояния и привлекать узких специалистов для консультирования пациентов, находящихся в самых удаленных населенных пунктах, так и порождает этические проблемы, такие как конфиденциальность данных, цифровое неравенство и утрата доверия пациента к врачу. Как пишет доктор медицинских наук и координатор многочисленных телемедицинских проектов А.В. Владзимирский: «Телемедицина не заменяет врача, но расширяет его возможности» (Владзимирский, 2020: 28). Также другие элементы электронного здравоохранения, например, носимые устройства для мониторинга здоровья или применение ИИ в медицине, направлены на оказание более эффективной помощи пациентам, на сохранение здоровья и имеют огромные перспективы для системы здравоохранения в целом.

Список источников:

- Владзимирский А.В. Медицина в эпоху Интернета. Что такое телемедицина и как получить качественную медицинскую помощь, если нет возможности пойти к врачу. М., 2020. 288 с.
Гиппократ. Избранные книги / пер. с греч. В.И. Руднева, ред., вступ. ст. и примеч. В.П. Карпова. Репр. воспроизведение изд. 1936 г. М., 1994. 736 с.

Лехциер В.Л. Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины. Вильнюс, 2018. 312 с.

Beauchamp T.L., Childress J.F. *Principles of Biomedical Ethics*. 7th ed. N. Y., 2013. 459 p.

Bjerring J.C., Busch J. Artificial Intelligence and Patient-Centered Decision-Making // *Philosophy & Technology*. 2021. Vol. 34, no. 2. P. 349–371. <https://doi.org/10.1007/s13347-019-00391-6>.

Moerenhout T. Treating the real or the digital patient? Impact of e-health applications on patient autonomy and the patient-doctor relationship. An ethical assessment. Ghent, 2019. 253 p.

Stoumpos A.I., Kitsios F., Talias M.A. Digital Transformation in Healthcare: Technology Acceptance and Its Applications // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023. Vol. 20, no. 4. Article 3407. <https://doi.org/10.3390/ijerph20043407>.

References:

Beauchamp, T.L. & Childress, J.F. (2013) *Principles of Biomedical Ethics*. 7th ed. New York. 459 p.

Bjerring, J.C. & Busch, J. (2021) Artificial Intelligence and Patient-Centered Decision-Making. *Philosophy & Technology*. 34 (2), 349–371. Available from: doi:10.1007/s13347-019-00391-6.

Hippocrates (1994) *Izbrannyye knigi* [Selected books]. In: Rudnev, V.I. (trans. from Greek), Karpov, V.P. (ed., introductory article and note). Repr. reproduction of ed. Moscow. 736 p. (In Russian)

Lekhtsier, V.L. (2018) *Bolezn': opyt, narrativ, nadezhda. Ocherk sotsial'nykh i humanitarnykh issledovaniy meditsiny* [Illness: experience, narrative, hope. An essay in social and humanitarian studies of medicine]. Vilnius. 312 p. (In Russian)

Moerenhout, T. (2019) *Treating the real or the digital patient? Impact of e-health applications on patient autonomy and the patient-doctor relationship. An ethical assessment*. Ghent. 253 p.

Stoumpos, A.I., Kitsios, F. & Talias, M.A. (2023) Digital Transformation in Healthcare: Technology Acceptance and Its Applications. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 20 (4), 3407. Available from: doi:10.3390/ijerph20043407.

Vladimirskiy, A.V. (2020) *Meditsina v epokhu Interneta. Chto takoye telemeditsina i kak poluchit' kachestvennyuyu meditsinskuyu pomoshch', yesli net vozmozhnosti poyti k vrachu* [Medicine in the Internet Age: What is telemedicine and how to get quality medical care if you can't see a doctor?]. Moscow. 288 p. (In Russian).

Информация об авторе

М.В. Вольферц – старший преподаватель кафедры философии Алтайского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения РФ, Барнаул, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=992108

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

M.V. Volferts – Senior Lecturer, Department of Philosophy, Altai State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Barnaul, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=992108

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 01.11.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.11.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 340:130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.14>

Соотношение рациональных и иррациональных элементов правовой культуры как фактор ее уникальности: философский анализ

Николай Петрович Кисенко

Независимый исследователь, Москва, Россия, kisenko@yandex.ru

Аннотация. Основной целью исследования стало выявление соотношения рациональных и иррациональных компонентов правовой культуры как фактора ее уникальности. Автор подчеркивает, что осмысление правовой культуры выступает предметом интереса специалистов разных направлений – правоведов, социологов, культурологов. Однако комплексный философский подход имеет преимущества, заключающиеся в возможности выявления сущностных особенностей правовой культуры и взаимовлияния ее основных элементов в пространстве и во времени. В своих размышлениях автор отталкивается от устоявшейся в современной науке позиции исследователей, согласно которой правовая культура выступает элементом национальной культуры, включающим совокупность рациональных и иррациональных феноменов. Если выделение рациональных элементов не вызывает споров, то влияние иррациональных феноменов, называемых правоменальными, чаще всего ускользает от вооруженного позитивными методами глаза ученых. Для построения полной картины таких элементов проводится отграничение понятий правовой ментальности и правового менталитета, опознающихся в различных хронологических рамках. Подчеркивается, что если правовая ментальность всецело коренится в глубинах культуры и более всего иррациональна, то правовой менталитет воплощается в социальных формах – правовых обычаях, правовом мышлении, стереотипах, установках и паттернах правового поведения. Автор анализирует инвариантные основания отечественной правовой культуры и приходит к выводу о ее уникальности, сформировавшейся под влиянием калейдоскопичного переплетения ее рациональных и иррациональных элементов с доминированием последних.

Ключевые слова: правовая культура, культура, правовая ментальность, правовой менталитет, правосознание, ядро правовой культуры, правовые ценности, правовая культура России

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Кисенко Н.П. Соотношение рациональных и иррациональных элементов правовой культуры как фактор ее уникальности: философский анализ // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 121–126. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.14>.

Original article

Correlation of Rational and Irrational Elements in Legal Culture as a Factor of Its Uniqueness: Philosophical Analysis

Nikolai P. Kisenko

Independent Researcher, Moscow, Russia, kisenko@yandex.ru

Abstract. The primary aim of this study is to identify the correlation between rational and irrational components of legal culture as a factor contributing to its uniqueness. The author emphasizes that the conceptualization of legal culture is a subject of interest for specialists in various fields, including legal scholars, sociologists, and culturologists. However, a comprehensive philosophical approach offers advantages, residing in the ability to discern the essential features of legal culture and the mutual influence of its primary elements across space and time. In their deliberations, the author draws upon the established position in modern science, according to which legal culture constitutes an element of national culture, encompassing an aggregate of rational and irrational phenomena. While the identification of rational elements is uncontroversial, the influence of irrational phenomena, termed “legal mentality”, often eludes the grasp of researchers employing positivistic methods. To construct a complete picture of such elements, a distinction is drawn between the concepts of “legal mentality” and “legal mindset”, recognized within different chronological frameworks. It is emphasized that while the legal mentality is entirely rooted in the depths of culture and is most irrational, the legal mentality is embodied in social forms – legal customs, legal thinking, stereotypes, attitudes and patterns of legal behavior. The author analyzes the invariant foundations of the Russian legal culture and comes to the conclusion about its uniqueness, formed under the influence of the kaleidoscopic interweaving of its rational and irrational elements with the dominance of the latter.

Keywords: legal culture, culture, legal mentality, legal consciousness, core of legal culture, legal values, legal culture of Russia

Funding: Independent work.

For citation: Kisenko, N.P. (2025) Correlation of Rational and Irrational Elements in Legal Culture as a Factor of Its Uniqueness: Philosophical Analysis. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 121–126. Available from: doi:10.24158/fik.2025.11.14 (In Russian).

Введение. Проблемы, прямо или косвенно связанные с правовой культурой, в разное время становились предметом фундаментальных исследований в области теории и истории права, философии культуры. Однако процессы формирования и функционирования правовой культуры как социального института, выполняющего значимую для любого общества функцию формирования правового сознания, ценностно-нормативных установок, опосредованного морально-этическими, религиозными и иными видами культурных ценностей правового поведения, влияют на все без исключения общественные феномены. Не случайно в современных социально-гуманитарных исследованиях правовая культура рассматривается как разновидность культуры, вмещающая в себя образцы рациональных и иррациональных феноменов культуры (Гусарова, 2017а; Замятина, 2017; Харников, 2018; и др.). Чтобы глубже понять сущность правовой культуры и влияние ее элементов на процессы культурогенеза, формирования мировоззрения и картины мира, необходимо рассмотреть ее через призму философского анализа.

Методы и материалы. Являясь сложным феноменом, правовая культура не может быть рассмотрена в отрыве от процессов формирования самой культуры и законов воспроизводства ее базовых элементов – ценностей, символов и норм, следовательно, в структуре правовой культуры целесообразно выделять сознательные и бессознательные элементы, сочетание которых, по нашему мнению, определяет их неоднозначное проявление в общественных процессах. Анализ современных и классических научных источников позволяет сделать заключение, что влияние бессознательных, или иррациональных, элементов правовой культуры признают как представители юридического сообщества, так и философы, социологи, культурологи (Автономов, 2016; Белова, 2023; Гусарова, 2025; Карнаушенко, 2016; Медушевская, 2015). Речь идет о комплексе исторически сложившихся и закрепившихся в общественном сознании иррациональных феноменов, таких как правовые обычаи и ценности, психологические правовые установки, паттерны правового поведения, правовые мифы, национально-культурные образы правды и правосудия, а также рациональных элементов, в числе которых правовые нормы, идеи, идеологии, правовое поведение и правовые институты. Как представляется, трансляция бессознательных элементов правовой культуры от поколения к поколению и сохранение ее уникальных черт осуществляются именно благодаря правовому менталитету, который фиксирует в социальных формах правовую ментальность, имеющую иррациональный характер. Именно поэтому проблемы исследования правовой культуры важно рассматривать с философской точки зрения для наиболее полного понимания ее сущности и влияния мировоззрения на ее формирование.

Обсуждение. Прежде чем приступить к анализу специфических черт правового менталитета и правовой культуры, а также артикуляции их взаимосвязей, необходимо отграничить понятия правового менталитета и правовой ментальности, которые в современной учебной и научной литературе используются как тождественные и взаимозаменяемые.

Как известно, введение понятия правового менталитета связано с научным творчеством Л. Леви-Брюля, который впервые описал феномен коллективных ценностей, установок, идей, передающихся от поколения к поколению и слабо поддающихся коррекции. В отечественной науке интерес к проблеме правового менталитета и ментальности был связан с кардинальными переменами в государственно-правовой жизни нашей страны на рубеже XX–XXI вв., хотя некоторые наработки существовали уже в советское время и были связаны с выделением в составе правосознания двух элементов – правовой идеологии и правовой психологии.

В справочной философской литературе отмечается такое содержание понятий «ментальность» и «менталитет» (от лат. – душа, дух, ум, мышление): образ мышления, общая духовная настроенность, глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; миросозерцательные особенности, мыслительные и мировоззренческие свойства тех или иных обществ и народов¹. Как представляется, в данное понятие («ментальность» и «менталитет» – как синонимы) авторы включают достаточно широкий круг феноменов, и не совсем ясно, где проходит их демаркационная линия. Так, Р.С. Байниязов отмечает, что правовая ментальность реализуется в исторически обусловленных установках, социальных настроениях, стереотипах поведения и входит в число структурных элементов правового сознания в качестве правового коллективного бессознательного (Байниязов, 2000). А.В. Мурунова дает схожую характеристику правовой ментальности как совокупности духовных и интеллектуальных потенциалов различных

¹ Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. 1093 с. ; Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский. М., 1997. 576 с.

социальных субъектов в правовой сфере, являющихся наиболее глубинными, а потому – трудно фиксируемыми источниками веры, чувств, правового мышления и правовой идеологии (Мурунова, 2009). Иными словами, правовая ментальность как феномен духовной жизни человечества отражает глубинный уровень коллективного бессознательного определенной социальной группы, уходя своими корнями в духовные основы той или иной культуры, смыкаясь на уровне ядра культуры с картиной мира конкретного народа. Как представляется, данный факт на сегодняшний день является препятствием для разработки единой дефиниции правовой ментальности.

Что касается правового менталитета, то данный феномен является, во-первых, исторически сложившимся образованием, включающим систему мировоззренческих установок, правовых ценностей, оценочных реакций, стиль правового мышления определенной группы или общности (этнической, профессиональной и иной), правовые парадигмы, типы дискурса в сфере права; во-вторых, правовой менталитет определяет специфику и колорит правового сознания, его аксиологическую специфику, формы реализации; в-третьих, правовой менталитет является основой формирования национального правового сознания и правовой культуры; в-четвертых, элементы правового менталитета, находясь в недрах так называемой культурной памяти народа, обладают признаками устойчивости и типичности.

Нужно отметить, что связь правового менталитета с правовой ментальностью осуществляется посредством правовой жизни. Так, А.В. Мурунова правильно подчеркивает, что правовой менталитет связывается с правовой ментальностью через реальных, живых индивидов и их правосознание, входит через групповые и коллективные правовые ментальности в менталитеты народов, наций, социумов, влияя на правовую жизнь общества и культуру¹. Иными словами, правовая ментальность, коренящаяся в глубинах культуры, соединяется с правовой реальностью, в изменчивых условиях которой формируются образцы, паттерны, стереотипы социального поведения, закрепляющиеся в правовой жизни путем многократного повторения. Таким образом, являясь родственными феноменами, однако не тождественными, правовой менталитет и правовая ментальность находятся в различных хронологических рамках. Д.В. Меньяйло совершенно точно заметил, что «для правового менталитета временные рамки измеряются веками, для правосознания – годами, для правового мышления – мгновениями» (Меньяйло, 2005: 24).

Правосознание, которое многими авторами относится к структуре правовой ментальности, опознается посредством участия индивида в социально-правовой жизни². Выражение собственных взглядов и отношений к тем или иным правовым событиям и феноменам, соизмерение своих действий с нормами позитивного права, участие в реальных правоотношениях выявляет состояние правосознания субъекта. Кроме того, в правовой жизни проявляются многомерные связи правосознания, правовой ментальности и правовой культуры, которые обуславливают длительность и сложность процесса формирования правосознания как на уровне отдельного индивида, так и всего общества. При этом множественные социокультурные факторы, среди которых особое место занимают правоментальные, выступают своего рода «линиями смыслообразования, мотивационными векторами» (Малинова, 2023: 128) в этом процессе. Благодаря таким единым, направленным ментальным основам, включающим в себя культурные коды, установки, мотивационные модели, образцы поведения в качестве векторов, возможна актуализация смыслов в человеческом сознании, то есть понимание. Многочисленные теоретические работы дореволюционного периода, принадлежащие представителям славянофильского, евразийского, консервативного направлений, а также эмпирические исследования современных авторов подтверждают тот факт, что чужеродные элементы правовой культуры, привнесенные извне, оказываются контрпродуктивными или, как минимум, малоэффективными в процессах реформирования правовой системы. И, напротив, феномены и институты, соответствующие основам правовой ментальности, гармонизированные с инвариантными элементами правовой культуры, интегрируются весьма успешно.

Еще одним важным моментом в данном процессе является создание понимаемого правового пространства для большинства субъектов настоящего времени. Как отмечается И.П. Малиновой, правовое пространство, выступая своего рода текстом, «в котором уже имеются прямые смысловые артикуляции явлений правового характера» (Малинова, 2023: 132), становится доступным для понимания именно благодаря наличию общих смысловых полей. Этот автор делает акцент на том факте, что «человек находится в точке пересечения самых разных ментальных континуумов, поэтому в нем постоянно разворачивается конфликт интерпретаций, выливающийся в конфликт мотиваций» (Малинова, 2023: 136). Именно поэтому современным законодателям и правоприменителям следует помнить, что меры по повышению уровня правовой культуры должны быть направлены на расширение зоны понимаемости правовой реальности, то есть

¹ Мурунова А.В. Социокультурные детерминанты русского менталитета : дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2005. 125 с.

² Там же.

возможности познания субъектом заложенного в правовых нормах смысла, принятия позиции целесообразности и высокой социальной значимости права в качестве внутренне значимой установки, а также овладения навыками правомерного поведения. На сегодняшний день это возможно с помощью таких целенаправленных средств воздействия на правосознание, как правовая пропаганда, правовое обучение и воспитание. Также не являются исключением правовое самобразование и самовоспитание, мотивированные стремлением каждой личности к успешной правовой социализации и инкультурации.

Результаты. На примере особенностей российского правового менталитета, выявления и объективной оценки с позиции специфики ее развития сегодня можно не только конструировать аспекты социально-философской теории правовой культуры, но и разрабатывать конкретные рекомендации в области правовых реформ. Для этого есть и научные, и философские основания. Как справедливо отмечается в современных исследованиях, правосознание коррелирует с правовым менталитетом, образуя ядро правовой культуры (Гусарова, 2017б). Среди инвариантных оснований, которые выступают ядром отечественного правового менталитета, современными авторами выделяются следующие: сочетание религиозности и моральности, ориентация на абсолютные, идеальные ценности (Гусейнов, 2007; Ясюкова, 2008); традиционализм, коллективизм, антииндивидуализм, стремление к правде, добру, равенству, милосердию¹; желание решать спорные вопросы на уровне обычаев, традиций, устоев, отождествление права со справедливостью, внутренняя готовность пойти на нарушение закона ради справедливости (Захарцев, 2014); отсутствие в априорно-имманентных структурах ментальности формально-юридической доминанты, с главенством регулятивной силы религиозного архетипа, доминирование патерналистского типа правосознания (Погребная, 2013); этикоцентризм, конформность, влияние сферы бессознательного² и иные.

Названные выше феномены, традиционно присущие русской культуре и заимствованные из других социокультурных реальностей, соединяясь калейдоскопично, образуют российскую правовую ментальность, которая опознается преимущественно бессознательно в правовом менталитете. Оригинальное переплетение рациональных элементов правовой культуры, направленных на решение текущих задач государственно-правовой реальности, с иррациональными элементами позволило сформироваться уникальному социокультурному феномену – российской правовой культуре.

Заключение. Подытоживая сказанное выше, отметим следующее. Правовая ментальность является глубинным слоем правовой культуры, в котором соединяются рациональные и иррациональные элементы, выступающие источником правового менталитета той или иной группы, общества в целом. Правовая ментальность тесно смыкается с ядром культуры, поэтому ее компоненты малоизменяемы во времени. Их относительно статичный характер выступает залогом сохранения традиционных для народа ценностей, в том числе и правовых. Правовой менталитет является исторически сложным образованием, включающим систему правовых установок, стиль правового мышления, правовые парадигмы, правовые ценности, типичные оценочные реакции, определяющие, в свою очередь, специфику правосознания. Правосознание как совокупность правовой идеологии и правовой психологии опосредовано социальной практикой правовой жизни, сохраняя при этом инвариантные, перманентные начала, обусловленные правовой ментальностью. Российская правовая культура сохранила свою уникальность именно благодаря тесному переплетению иррациональных и рациональных элементов, с доминированием религиозного и морально-нравственного, исследование которых позволяет не только совершенствовать правоприменительную практику, но, прежде всего, открыть современникам скрытые в глубине феномены российской культуры.

Список источников:

- Автономов А.С. Структурный анализ правовой культуры // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 2 (57). С. 5–9. <https://doi.org/10.12737/19194>.
- Байниязов Р.С. Правосознание и российский правовой менталитет // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 2 (229). С. 31–40.
- Белова И.В. Российский менталитет как фактор исторического выбора России // Исторический выбор России : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1035-летию Крещения Руси и 80-летию второго восстановления патриаршества в XX в. СПб., 2023. С. 266–274.
- Гусарова М.А. Правосознание как социокультурный феномен : монография. Майкоп, 2017а. 196 с.
- Гусарова М.А. Соотношение правосознания, правовой ментальности, правового менталитета и правовой культуры // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2017б. № 6. С. 30–34. <https://doi.org/10.20339/AM.06-17.030>.
- Гусарова М.А. К вопросу о мифологических истоках образов права и власти в отечественной правовой культуре // Философия права. 2025. № 2 (113). С. 17–23.

¹ Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 53 с.

² Науменкова К.В. Российское правосознание: специфика, структура, динамика : дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2013. 144 с.

- Гусейнов А.И. Проблема ценностей в праве // Право и политика. 2007. № 7. С. 14–22.
- Замятина О.Н. Правовая культура как вид социальной культуры в системе высшего образования // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 134 (10). С. 125–133. <https://doi.org/10.21515/1990-4665-134-010>.
- Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права : монография / под ред. В.П. Сальникова. М., 2014. 208 с.
- Карнаушенко Л.В. Иррациональное начало социальных отношений в контексте проблемы правового регулирования // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 30. С. 83–92.
- Малинова И.П. Философия права и юридическая герменевтика : монография. 2-е изд. М., 2023. 160 с.
- Медушевская Н.Ф. Роль культурологической методологии в изучении специфики правовой ментальности // Право и общество: эволюция во взаимодействии. Жидковские чтения : материалы Международной научной конференции / отв. ред. Г.И. Муромцев, М.В. Немытина. М., 2015. С. 177–184.
- Меняйло Д.В. Российский правовой менталитет : монография. Белгород, 2005. 120 с.
- Мурунова А.В. Правовая ментальность: понятие и сущность // Бизнес в законе. 2009. № 4. С. 36–39.
- Погребная Ю.К. Кризис современного российского правосознания : монография. М., 2013. 190 с.
- Харников М.В. Сущность и структура правовой культуры подростка как результат социального воспитания и правового просвещения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23, № 175. С. 30–36. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2018-23-175-30-36>.
- Ясюкова Л.А. Правовое сознание в структуре ментальности россиян. СПб., 2008. 167 с.

References:

- Avtonomov, A.S. (2016) Structural Analysis of Legal Culture. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. (2 (57)), 5–9. Available from: doi:10.12737/19194. (In Russian)
- Bainiyazov, R.S. (2000) Feeling for law and order and Russian legal mentality. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*. (2 (229)), 31–40. (In Russian)
- Belova, I.V. (2023) Rossiyskiy mentalitet kak faktor istoricheskogo vybora Rossii [Russian mentality as a factor in Russia's historical choice]. In: *Istoricheskiy vybor Rossii* [Russia's historical choice]. St. Petersburg, pp. 266–274. (In Russian)
- Gusarova, M.A. (2017) *Pravosoznaniye kak sotsiokulturnyy fenomen* [Legal consciousness as a socio-cultural phenomenon]. Maykop. 196 p. (In Russian)
- Gusarova, M.A. (2017) Sootnosheniye pravosoznaniya, pravovoy mental'nosti, pravovogo mentaliteta i pravovoy kul'tury [The relationship between legal consciousness, legal mentality, legal mentality and legal culture]. *Alma Mater. Vestnik Vysshey Shkoly*. (6), 30–34. Available from: doi:10.20339/AM.06-17.030. (In Russian)
- Gusarova, M.A. (2025) On the issue of mythological sources of images of law and power in the Russian legal culture. *Filosofiya prava*. (2 (113)), 17–23. (In Russian)
- Guseynov, A.I. (2007) The problem of values in legal science. *Law and Politics*. (7), 14–22. (In Russian)
- Karnaushenko, L.V. (2016) Irratsional'noye nachalo sotsial'nykh otnosheniy v kontekste problemy pravovogo regulirovaniya [Irrational Principle of Social Relations in the Context of the Problem of Legal Regulation]. *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve*. (30), 83–92. (In Russian)
- Kharnikov, M.V. (2018) The essence and structure of the teenager's legal culture as a result of social education and legal education. *Tamov University Review. Series: Humanities*. 23 (175), 30–36. Available from: doi:10.20310/1810-0201-2018-23-175-30-36. (In Russian)
- Malinova, I.P. (2023) *Filosofiya prava i yuridicheskaya germenevtika* [Philosophy of Law and Legal Hermeneutics]. 2nd ed. Moscow. 160 p. (In Russian)
- Medushevskaya, N.F. (2015) Rol' kul'turologicheskoy metodologii v izuchenii spetsifiki pravovoy mental'nosti [The Role of Cultural Methodology in Studying the Specifics of Legal Mentality]. In: Muromtsev, G.I. & Nemytina, M.V. (eds.) *Pravo i obshchestvo: evolyutsiya vo vzaimodeystvii. Zhidkovskie chteniya* [Law and Society: Evolution in Interaction. Zhidkov Readings]. Moscow, pp. 177–184. (In Russian)
- Menyaylo, D.V. (2005) *Rossiyskiy pravovoy mentalitet* [Russian Legal Mentality]. Belgorod. 120 p. (In Russian)
- Murunova, A.V. (2009) The law mentality: concept and essence. *Business in Law*. (4), 36–38. (In Russian)
- Pogrebная, Yu.K. (2013) *Krizis sovremennogo rossiyskogo pravosoznaniya* [The Crisis of Modern Russian Legal Consciousness]. Moscow. 190 p. (In Russian)
- Yasyukova, L.A. (2008) *Pravovoye soznaniye v strukture mental'nosti rossiyan* [Legal Consciousness in the Structure of Russian Mentality]. St. Petersburg. 167 p. (In Russian)
- Zakhar'tsev, S.I. (2014) *Nekotoryye problemy teorii i filosofii prava* [Some Problems of the Theory and Philosophy of Law]. In: Salnikov, V.P. (ed.). Moscow. 208 p. (In Russian)
- Zamyatina, O.N. (2017) Legal culture as a kind of social culture in the system of higher education. *Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*. (134 (10)), 125–133. (In Russian)

Информация об авторе

Н.П. Кисенко – независимый исследователь, адвокат, председатель Московской городской коллегии адвокатов «МАКОЛТА», Москва, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1187001

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

N.P. Kisenko – Independent Researcher, Advocate, Chairman of the Moscow City Bar Association “MAKOLTA”, Moscow, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1187001

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 111.7

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.15>

Возможен ли теоретический анализ категории «идеальное» без противопоставления с материальным?

Максим Александрович Беляков

Костромской государственный университет, Кострома, Россия,
belyakof88@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2607-8745>

Аннотация. В статье предпринимается попытка выяснить теоретические и фактические основы традиционного противопоставления материального и идеального в свете современных научных знаний. Излагается мнение, что берущее начало еще в античности разделение мира на две противоположные реальности, несмотря на ряд положительных моментов, приводит к чрезмерно сильному отчуждению человека от окружающего мира. Также остается нерешенным вопрос о происхождении идеального, его генетических корнях, что, в свою очередь, приводит к сильному размытию представлений о данной категории и возникновению большого количества противоречий и трудностей при ее теоретическом описании. Делается предположение, что постановка проблемы идеального и материального происходила в условиях сильно ограниченных представлений об окружающем мире, в сравнении с имеющейся на данный момент научной базой знаний. Далее в статье анализируются наиболее характерные пары противопоставленности идеального и материального, а также их соотносительность с современными знаниями о мире. В заключительной части рассматривается соотношение идеального и информации, делается вывод о том, что сам факт появления информационной теории в поле философского дискурса свидетельствует о возможности преодоления возникшего более двух тысяч лет назад разрыва в теоретическом осмыслении окружающей реальности.

Ключевые слова: идеальное, материальное, информация, сознание, свойства живого, основной вопрос философии

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Беляков М.А. Возможен ли теоретический анализ категории «идеальное» без противопоставления с материальным? // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 127–137. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.15>.

Original article

Is it Possible to Theoretically Analyze the Category of “Ideal” without Contrasting it with the Material?

Maksim A. Belyakov

Kostroma State University, Kostroma, Russia,
belyakof88@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2607-8745>

Abstract. The article attempts to clarify the theoretical and factual foundations of the traditional opposition of material and ideal in the light of modern scientific knowledge. The opinion is expressed that the division of the world into two opposite realities, which originated in antiquity, despite a number of positive aspects, leads to an excessively strong alienation of a person from the outside world. The question of the origin of the ideal and its genetic roots also remains unresolved, which, in turn, leads to a strong blurring of ideas about this category and the emergence of a large number of contradictions and difficulties in its theoretical description. The assumption is made that the formulation of the problem of the ideal and the material took place in conditions of very limited ideas about the surrounding world, in comparison with the currently available scientific knowledge base. Further, the article analyzes the most characteristic pairs of the opposition of the ideal and the material, as well as their correlation with modern knowledge about the world. The final part examines the relationship between the ideal and information and concludes that the very fact of the emergence of information theory in the field of philosophical discourse indicates the possibility of overcoming the gap that arose more than two thousand years ago in the theoretical understanding of the surrounding reality.

Keywords: ideal, material, information, consciousness, properties of living things, the main question of philosophy

Funding: Independent work.

For citation: Belyakov, M.A. (2025) Is it Possible to Theoretically Analyze the Category of “Ideal” without Contrasting it with the Material? *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 127–137. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.15](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.15) (In Russian).

Введение. Анализ категории «идеальное» традиционно предполагает ее строгое противопоставление отчетливо воспринимаемому нами материальному миру. При этом, как правило, подразумевается, что существуют две качественно различные реальности, каждая из которых обладает собственными специфическими особенностями. Подобное разделение, возникшее на самом раннем этапе становления философии, так или иначе проходит основным сюжетом через всю дальнейшую историю ее развития. Проблема идеального и его соотношения с материальным чрезвычайно важна для философии, поскольку в процессе поиска ответа на этот вопрос данная дисциплина наполняется содержанием и обретает свой предмет во всей его неповторимой специфике, позволяя понять, что такое человек, в чем его суть, как он возник, к чему может стремиться и на что надеяться.

Кажется, нет ничего естественнее стремления познать себя и раскрыть тайну собственной природы. Без понимания своего места в мире невозможно адекватно оценивать собственные поступки и их последствия. Данное вполне органичное стремление оправдывается еще и тем, что предмет такого исследования нам невероятно важен и близок – очевидно, что начинать путь собственного познания следует исключительно навстречу себе, поскольку только сам человек сможет лучше всего ответить на вопрос, что же он такое. Подобная уникальная возможность обращаться к самому себе является как величайшим даром, так и самым большим проклятием человека. Даром – ввиду того, что позволила ему возвыситься над окружающей природой. Проклятием – потому что не дает возможности понять, насколько правилен избранный им путь. Человеку не у кого спросить совета, и он вынужден идти по пути познания, не понимая, есть ли прогресс в его начинаниях или же он топчется на месте, совершая «парадоксальный танец» постоянного исхода во внешний мир и немедленного возвращения назад, в «пещеру» собственного сознания.

Постановка проблемы. Хочется верить, что к настоящему моменту человек все же немного лучше знает себя, и у него появилось чуть больше ориентиров на пути познания своей сути. В данной статье мы займемся прояснением вопроса о возможности анализа категории «идеальное», при котором устраняется ее резкое противопоставление с материальным. Иначе говоря, попытаемся выяснить, возможно ли найти какие-либо общие сюжеты и точки соприкосновения у двух интересующих нас «противоположностей», что позволило бы сгладить острые углы их непримиримых различий и взаимного отчуждения. Думается, что в подобном исследовании имеется насущная необходимость, поскольку поиск способа придания онтологического статуса идеальному составляет значительную часть философских исканий различных авторов. Подходы к решению проблемы соотносительности идеального и материального могут быть представлены в различных ипостасях (в разных работах поднимаются вопросы об отношении к реальности истины, сознания, информации или же просто некоего абстрактного идеального предмета (Гутнер, 2011; Отраднова, 2012; Павлов, 2015; Чешев, 2023)), однако всех их объединяет страстное, можно даже сказать, навязчивое, стремление найти какие-либо точки соприкосновения между двумя столь непохожими мирами – объективной и субъективной реальностями.

Да и как может быть иначе? Для человека нет ничего более непосредственного и истинного, чем его собственное видение мира. Невозможно представить, насколько страшна ситуация, в которой все это оказывается ложью. Поэтому поиск способов соотносительности идеального восприятия окружающей реальности с тем миром, в котором человеку приходится существовать, всегда будет оставаться одним из главных векторов познавательной активности исследователей.

Как уже указывалось выше, наиболее естественным и рациональным способом познания себя является обращение к собственной самости. Действительно, кажется, что в мире нет ничего более устойчивого и неизменного, чем наша мысленная реальность, в отличие от постоянно изменяющейся реальности внешней. Все в окружающем мире только подтверждает это наше начальное предположение. К примеру, мы можем выйти за пределы нашего жилища, пройти большое расстояние и увидеть, как окружающий нас мир постоянно претерпевает существенные изменения, в то время как наше восприятие действительности остается неизменным на протяжении всего пути. Или же мы можем полностью абстрагироваться от окружающей действительности, заблокировав органы чувств (закрыв глаза и уши, зажав нос), в результате чего весь внешний мир исчезнет, в то время как мышление никогда не покидает нас и остается неизменным даже в этом отторгнутом, «растворившемся» мире. Все эти простые и вполне наглядные эксперименты, демонстрирующие столь разительное отличие между нами и нашим окружением, должны только подтверждать предположение о том, что наша изначальная обращенность на самих себя является вполне правильной и естественной. Только через обращение к мышлению, тому специфическому, что присутствует в нас изначально и непосредственно нам дано, появляется возможность адекватно воспринимать мир вокруг нас. Да, человек отличается от окружающего мира, а значит, в этом отличии заключается истина.

Особый статус мысленной реальности появляется и закрепляется уже в античности, на заре возникновения философии. Думается, что наиболее качественное, а также ясное и полное на тот

момент различия между чувственной реальностью и конструктами сознания было представлено у Парменида. В частности, в его поэме «О природе» чувственное множество вещей, выраженное ощущениями и, можно сказать, порожденное ими, предстает как нечто не-сущностное, при том что Единое в этом произведении описывается как непреходящая метафизическая реальность, «мир сам по себе», Бытие. Миру множественности придается статус неподлинной реальности, в отличие от подлинности Бытия. Данная подлинная реальность, согласно Пармениду, может познаваться только мышлением, а не чувствами (Чешев, 2023). Несмотря на то, что уже на столь раннем этапе осмысления проблемы идеального можно увидеть достаточно отчетливую тенденцию к противопоставлению идеального и материального, данная противопоставленность все же не является абсолютной, поскольку подлинное Бытие, оказываясь конструктом человеческого мышления, предполагает существование некоего неподлинного внешнего мира. Две противоположности – истинное и неистинное – смыкаются в том, что обе они относятся к миру. Вполне естественная изначальная установка на анализ собственного сознания как непосредственной данности, доступной изучению, не оказывается замкнутой исключительно на себя, но, так или иначе, предполагает некоторую соотнесенность с окружающим миром. Мышление человека является тем уникальным, что существенным образом отличает всех людей от окружающего мира, однако подобная уникальность пока не получает ярко выраженного статуса некой изолированной вещи в себе, способной развиваться по собственным правилам. Тенденция к этому только наметилась в античности, однако еще не получила возможности для дисциплинарного закрепления.

Наиболее полное свое выражение данная тенденция к изолированному анализу того уникального, что есть в человеке и отличает его от окружающего мира, получает, думается, в философии Декарта. Картезианское *cogito ergo sum* предполагает возможность полной абстракции от окружающего мира. Абсолютно все в этом мире можно подвергнуть сомнению, кроме самого сомнения, созданного нашим мышлением. Мир несущественен для доказательства истинности нашего существования. Все, что нам нужно для доказательства нашей подлинности, может содержаться только в нашем сознании.

Именно в этот момент, на наш взгляд, изначальная естественная установка на изолированный анализ собственной субъективной реальности как непосредственной данности получает свое дисциплинарное выражение. Противопоставление материального и идеального является необходимым условием для существования множества дуалистических теорий сознания. В частности, в книге Стивена Приста «Теории сознания» указывается, что, несмотря на огромное разнообразие подходов к решению проблемы сознания и тела, есть только один пункт, с которым согласны все дуалисты, и заключается он в том, что между сознанием и телом не может быть отношения тождества. В противном случае, если сознание тождественно со всем телом или с какой-либо его частью, с очевидностью следует, что дуализм оказывается ложным (Прист, 2000).

Также следует отметить, что дисциплинарный подход предполагает наличие довольно строгого логического правила для построения дуалистических теорий. Благодаря противопоставлению идеального всему окружающему материальному миру у нас появляется некоторая возможность для описания интересующей нас неуловимой категории. В данном случае, приняв простое правило о том, что идеальное – это противоположность материального, мы можем наделять первую категорию теми характеристиками, которые противоречат сущности второй и у нее отсутствуют. Безусловно, подобная опора на логику является существенным шагом вперед по сравнению с гипотетическими рассуждениями о чем-то эфемерном и ненаблюдаемом, однако даже у этого строгого подхода имеется существенный недостаток. Проблема заключается в том, что в данном случае мы рассуждаем о предмете, который не соотнесен ни с чем в мире и является замкнутым сам на себя, в результате чего мы можем делать о нем какие угодно предположения.

Еще раз хотелось бы обратить внимание на то, что категория «идеальное» появилась и получила свое развитие в результате поиска того уникального, что есть в человеке как таковом. Человек замечает в себе существенное отличие, отграничение от окружающего мира, благодаря чему ему лучше удается понять, чем же именно он является и в чем заключается его уникальность. Подобное отделение от окружающего мира чрезвычайно важно для обретения человеком своей идентичности. С другой стороны, одновременно с обнаружением в себе того уникального, что делает его тем, чем он является, у человека начинает формироваться существенная отчужденность от окружающего мира, которая становится тем больше, чем более уникальным он себя чувствует. Непонятны генетические корни подобной уникальности. Возможно ли, что человек возник совершенно внезапно? Неожиданно пришел из ниоткуда и сразу же утвердил свое право на существование в мире? Думается, что есть нечто фундаментально неправильное в строгой противопоставленности материального и идеального. В данном случае возникает существенный дисбаланс. С одной стороны – весь мир, в котором все связано со всем благодаря наличию материальной основы. С другой – совершенно независимый человек, предположительно обитающий на единственной из

бесчисленного множества планет, но который, тем не менее, содержит в себе некое изолированное, замкнутое исключительно на себя идеальное. Неужели подобное возможно? Или же в данном случае все дело в чрезмерно гиперболизированной естественной установке? В установке, которая становится тем сильнее и тем более строгое логическое обоснование получает, чем в большей степени на нее ориентируется исследователь?

Чтобы не быть голословными, укажем авторов, в работах которых в качестве основы их теорий присутствует строгое разграничение материального и идеального.

Вероятно, наиболее яркое выражение данное противопоставление получило в работе Д.И. Дубровского (2002). Достаточно широко определяя идеальное в качестве субъективной реальности человека, Давид Израилевич особо подчеркивает, что обрести свою специфику, раскрыть содержание данная категория может только в случае ее противопоставления с материальным. По мнению автора, только благодаря такому противопоставлению можно избежать логической неопределенности в трактовке понятия идеального. Данное положение вполне рационально, поскольку позволяет встать на позицию строгого теоретического описания изучаемого явления. Тем не менее подобное движение от противного может заключать в себе существенные недостатки: возможны некоторые несоответствия при анализе соотношения изучаемого явления с другими близкими категориями, а также выносятся за скобки вопрос о возможном происхождении категории «идеальное». По сути, происходит рассуждение о явлении, которое не соотносится ни с чем в мире. Где проходит четкая грань между материальным и идеальным, чтобы с уверенностью говорить о том, что может относиться к первому, а что – ко второму? Так, в подходе Дубровского вполне обоснованное утверждение о том, что всякая субъективная реальность есть психическое, но не всякое психическое есть субъективная реальность, поскольку некоторые классы психических явлений не могут быть логически корректно определены в качестве идеальных (например, темперамент, практические действия и др.) (Дубровский, 2002: 67), заставляет задуматься о том, что в психике есть существенный материальный компонент, раз уж идеальное не есть материальное. Быть может, этот материальный компонент открывает тайну происхождения идеального? Напротив, автор пресекает возможные попытки проследить генетические корни идеального в психике животных, поскольку считает, что «...следует ограничить объем категории идеального лишь человеческой субъективной реальностью, т. е. социальным качеством. Соответственно субъективная реальность животных должна быть выделена в особую категорию и обозначаться другим термином» (Дубровский, 2002: 122). Здесь остается неясным, в каких отношениях с материальным будет данная особая субъективная реальность.

В работе Э.В. Ильенкова (2006) вопрос о происхождении идеального, его генетических корнях и родовой соотнесенности также остается открытым. Определяя идеальное в качестве субъективного образа объективной реальности, то есть отражения внешнего мира в формах деятельности человека, его сознания и воли, данный автор выражает противоположную подходу Дубровского точку зрения о том, что идеальное есть факт не индивидуально-психологический, а общественно-исторический, продукт и форма духовного производства. Давая, на первый взгляд, материалистическое решение проблемы идеального – идеальное возникает как продукт воли и деятельности человека, – автор, тем не менее, по-прежнему придерживается строгого разграничения идеального и материального, поскольку утверждает: «В природе самой по себе, в том числе в природе человека как биологического существа, идеального нет» (Ильенков, 2006).

С другой стороны, при анализе категории «идеальное» возможна и другая крайность, когда автор, стремясь сгладить различия между материальным и идеальным, пытается наделить антропоморфными свойствами и характеристиками то, что ими обладать не должно. Так, согласно подходу В.Н. Сагатовского, идеальное и материальное не следует противопоставлять друг другу. Они взаимопроникают друг в друга, и бытие проявляет себя в единстве двух уровней – объективного и субъективного, материального и идеального. Традиционное разделение бытия на две реальности, по мнению автора, носит исключительно функциональный характер, и одно и то же сущее, в зависимости от его функциональной роли, в разных отношениях может быть и тем, и другим. Определить же характер взаимодействия можно по конечному результату: идеальная деятельность дает идеальный результат, материальная – материальный (Сагатовский, 2003).

Подобная позиция автора о том, что бытие целостно и не следует противопоставлять идеальное и материальное, довольно близка нашей точке зрения. Однако нам представляется не вполне корректной попытка сглаживания противоречий между идеальным и материальным путем расширения характеристик, традиционно приписываемых идеальному, до пределов всего мира. В частности, Валерий Николаевич, положительно отвечая на вопрос «Есть ли идеальное до человека?», дает его следующее определение: «Идеальное есть способ бытия сущих любой природы, извне предстающий как репрезентативные отношения (информация), внутренней основой направ-

ленности и интерпретации которой (“отношения к...”) является энергетическое состояние *самопереживания и сопереживания в единстве с глубинным общением* (курсив мой – М.А.)» (Сагатовский, 2003: 47).

На наш взгляд, нельзя приписывать человеческую субъектность чему-либо, кроме человека. Проблема идеального имеет невероятно богатую историю. Поиск того, что же именно составляет суть данной категории, при ярко выраженном противопоставлении материальному (иначе – всему миру), с неизбежностью должен привносить в нее большой пласт чего-то исключительно человеческого, которого нет нигде в мире, кроме нашего сознания. Поэтому нам представляются совершенно неприемлемыми попытки сглаживания противоречий между материальным и идеальным изнутри самого идеального.

Идеальное есть уникальное. В нем заключается вся суть отличий человека от окружающего мира. Идеальное должно оставаться отличным от всего окружающего в той степени, в какой для человека важно осознание собственной идентичности. Однако наличие подобной уникальности никак не должно мешать поиску ее генетических основ. Вместо того чтобы пытаться распространить то уникальное, что присутствует в человеке, на всю окружающую действительность, попытаемся выяснить, нет ли в различных проявлениях данной уникальности общих сюжетов с окружающей реальностью. Если идеальное невозможно свести ни к чему в мире без потери его сущности, то неужели одновременно с этим невозможно найти у него и никакой общей генетической основы с чем-либо в реальности?

Вопрос о соотношении идеального и материального является довольно давней и традиционной проблемой философии. Конечно, не может не вызывать восхищения сам факт постановки такого вопроса, что фактически позволило человеку осознать самого себя и встать на путь рационального взаимодействия с действительностью. Подобные события позволяют надеяться на то, что человеческий разум обладает исключительными возможностями – возникает уверенность, что ему доступно многое, потенциально, возможно, абсолютно все. Однако, представляется, было бы ошибкой утверждать, что в своем познании человек не испытывает абсолютно никаких ограничений. Постоянным сдерживающим фактором человеческого познания являются актуальные на момент создания какой-либо теории представления о мире. Очевидно, в различные исторические эпохи общая сумма знаний, а также их качество существенно разнятся. Исследователь всегда ограничен той картиной мира, которая существует в момент его жизни, и что-то очевидное в будущем может выпасть из поля зрения создателя той или иной теории просто потому, что знания об этом не существовало. Поэтому, думается, иногда было бы полезно проводить ревизию старых теорий и приводить их в соответствие с вновь полученными знаниями.

Далее мы рассмотрим наиболее яркие и характерные, на наш взгляд, противопоставленности идеального и материального и попытаемся выяснить, нет ли между этими категориями каких-либо точек соприкосновения в свете вновь полученных знаний.

Противопоставленность естественного и искусственного. Вероятно, наиболее наглядное отличие между идеальным и материальным можно заметить, обратившись к продуктам человеческой деятельности. Человек обладает волей, благодаря которой, посредством деятельности, у него появляется возможность влиять на окружающую природу и изменять ее в соответствии со своими потребностями. Причем степень воздействия человека на среду кажется совершенно беспрецедентной по уровню охвата и возможностей. Достижения науки и техники позволяют подстраивать природу под нужды человека, использовать ее в качестве сырья для непрекращающегося технического прогресса. Более того, могущество человека настолько велико, что он может своими действиями поставить под вопрос саму возможность дальнейшего существования жизни на планете (имеются в виду угрозы оружия массового поражения и техногенных катастроф). Подобные безграничные по степени влияния на окружающую среду возможности раскрывают второй аспект противопоставления естественного и искусственного: как правило, природные процессы считаются более гармоничными и соответствующими правильному порядку вещей, чем действия человека, который своими волевыми решениями может вносить существенный дисбаланс в естественный ход вещей.

Думается, что оба данных аспекта противопоставленности естественного и искусственного оказываются несостоятельными, если обратиться к современным палеонтологическим данным.

Так, уже на самых ранних этапах возникновения биосферы можно обнаружить примеры колоссального воздействия жизни на географическую оболочку. Например, согласно задокументированным палеонтологическим находкам, чрезвычайно важная для существования современной жизни кислородная атмосфера возникла около 2,4 млрд лет назад в результате так называемого великого оксигенирования атмосферы (Great Oxxygenation Event – GOE), которое стало возможным только после широкого распространения цианобактерий (Заварзин, 2010). Данный пример воздействия на географическую оболочку со стороны биосферы, в результате которого косная материя

принимает нехарактерное для нее «искусственное» состояние, не является единственным. Морские рифы – другой наглядный пример прямого воздействия биоты на геоморфологию. Они являются важным фактором образования рельефа и играют роль брони на окраинах суши, предохраняя ее от размыва (Заварзин, 2010). Также нельзя не упомянуть о возникновении плодородных почв, которое было бы невозможно без почвообразующей функции древнейших растений. Так, наиболее древний гумус был открыт в 2009 г. в Подмоскowie и относится к карбону, когда уже была растительность (Заварзин, 2010). Все указанные выше примеры служат подтверждением того, что граница между естественным и искусственным довольно условна, и возможность воздействия на окружающую среду не является исключительной способностью человека. Конечно, человек может значительно быстрее, чем другие биологические организмы, вносить изменения. Но если убрать фактор времени, то будет ли способность человека воздействовать на свое окружение присуща только ему и ничему более? Фактор времени действительно делает человека более уникальным, но делает ли его это исключительным? Нет, вряд ли.

Настолько же несостоятельно и приписывание исключительно человеку возможности естественного влияния на окружающую среду. В данном случае предполагается, что все в природе существует в совершенной гармонии, в то время как человек своими действиями вносит значительный дисбаланс в естественный ход событий. У непредвзятого наблюдателя может возникнуть ощущение сильного контраста между природными процессами, где нет ничего лишнего, а все ресурсы используются с максимальной эффективностью, и действиями человека, который подвержен ошибкам и не всегда поступает так, как того требует ситуация. Подобное непредвзятое отношение должно измениться, если мы будем рассматривать процесс формирования биосферы в длительной временной перспективе. Ее история возникновения и развития полна кризисов, когда естественный на определенный момент времени порядок вещей оказывался нарушен, и ему на смену приходило нечто новое. Речь в данном случае идет о глобальных вымираниях, приводивших к смене одних видов другими в рамках одной и той же экологической ниши. Причины вымираний не всегда ясны, но среди них могут быть условно выделены внешние и внутренние. К внешним причинам можно отнести изменения географической оболочки, которые приводили к изменению гидротермических условий. К внутренним – избыточную эксплуатацию трофической базы. Глобальному кризису часто предшествует архаическое разнообразие, при котором из комбинаторного множества исходных форм субдоминантов преимущество получает одна, дающая начало доминирующим впоследствии ветвям разнообразия (правило «бутылочного горлышка») (Заварзин, 2010).

Вообще, следует отметить, что следование неким «естественным законам» нехарактерно для живого. Упрощенно говоря, живые существа всегда стремятся поглотить все доступные им ресурсы, чтобы копировать себя максимально возможное число раз. Живое само по себе достаточно эгоистично и не стремится к тому, чтобы каким-либо образом естественно ограничить себя. С этим обстоятельством связан достаточно интересный парадокс Вернадского-Дарвина (Барцев и др., 2019), который можно сформулировать следующим образом: как возможно появление высокозамкнутой «гармоничной» биосферы, если это прямо противоречит действию естественного отбора, где выживают особи, которые захватывают больше всего ресурсов и оставляют после себя наибольшее количество жизнеспособного потомства? По мнению группы авторов, выделяющих данный парадокс, на ранних этапах возникновения жизни ни о какой замкнутой биосфере говорить не приходится – были лишь отдельные островки жизни, но никак не целостная система. Численность преимущественно распространенных в то время автотрофных организмов регулировалась скоростью поступления энергии для хемоавтотрофного синтеза из гидротермальных источников, вокруг которых они обитали. Сам же парадокс Вернадского-Дарвина, по мнению тех же авторов, разрешается в результате появления хищничества, когда формируются сложные трофические цепи питания и численность одних видов напрямую зависит от численности других, благодаря чему и достигается «естественное» и «гармоничное» функционирование биосферы в качестве целостной системы (Барцев и др., 2019).

Противопоставленность проявленного и непроявленного. Другим немаловажным свойством идеального, которое, на первый взгляд, позволяет строго противопоставить его материальному, является эфемерность, недоступность органам чувств первого или, иначе говоря, непроявленность в мире. Если по поводу материи мы в целом можем с уверенностью сказать, есть она или же ее нет, то относительно идеального мы не можем быть настолько однозначны в выводах. Человек – мыслящее существо, обладающее сложным внутренним миром, который является для него, даже несмотря на недоступность внешнему наблюдению, более отчетливым и непосредственным, чем что-либо иное в реальности. Богатый и изменчивый внутренний мир человека является тем существенным, что отличает его от всех остальных «мертвых» вещей. Однако как-то увидеть или потрогать данную субъективную реальность человек не может.

Думается, будет ошибкой утверждать, что в мире есть еще что-то с такой же богатой внутренней реальностью, как у человека. Не стоит приписывать нашу уникальную психическую жизнь

простым камням, которые лежат на дороге (хотя даже камни, если рассматривать их на атомарном уровне, не остаются всегда неизменными, не подверженными никаким процессам). Люди значительно сложнее окружающих их вещей. Тем не менее представляется, что противопоставленность проявленного и непроявленного может быть значительно сглажена либо усилена в зависимости от отношения к данной проблеме и ее интерпретации тем или иным исследователем.

Вероятно, для человека, привыкшего жить в вещном мире и доверять своим органам чувств, есть существенный контраст между объектами, с которыми он может взаимодействовать так, как ему хочется, и возникающими в его голове во время данных манипуляций мыслями, незримо сопровождающими все его действия. Иногда этот контраст становится настолько велик, что может возникнуть желание отказать в праве на существование психической реальности, чем допустить, что наши органы чувств, вообще говоря, не вполне совершенны.

Однако может возникнуть и другая крайность: человек настолько сосредотачивается на своем внутреннем мире, что начинает допускать, что процессы, происходящие в его голове, составляют некий высший, принципиально отличный от вещного мира пласт бытия, который существует независимо, подчиняется собственным закономерностям и недоступен обыденному восприятию. При этом также возникает проблема принципиальной невыразимости, невозможности адекватной передачи собственного уникального видения мира другому человеку. В данном случае описание чьей-либо субъективности может быть бесконечным, но, чтобы абсолютно точно понять другого человека, нужно быть им. Как можно свести столь богатую субъективную реальность к примитивному вещному миру без принижения человеческого достоинства?

В целом, в проблеме противопоставленности проявленного и непроявленного довольно трудно однозначно принять какую-либо позицию из представленных выше. С одной стороны, ничто другое так не обманывает органы чувств, как наша незримая психическая реальность. С другой – ничто не может сильнее подорвать доверие к миру, чем отказ от собственной субъективности. Возможно, истина частично заключена в обоих подходах, и правило золотой середины Аристотеля лучше всего применимо в данном случае.

Так, если мы отвлечемся от поиска того, какой же мир первичен – идеальный или материальный, – и взглянем на ситуацию более широко, то заметим, что человек – не единственное существо, которое способно испытывать внутренние процессы. Обратившись к живой природе, мы вынуждены будем признать, что есть множество других существ, скрывающих за внешней оболочкой нечто, что, на первый взгляд, никак себя не проявляет в мире. Не будем касаться психики животных (поскольку в этом случае мы не уйдем далеко в наших рассуждениях, как и в случае с психикой человека), но спустимся на нижний телесный уровень, где внутренние процессы представлены более зримо. Например, древесное тело обычного кустарника скрывает в себе множество разнообразных процессов, критически важных для жизнедеятельности растения. Для поддержания нормального существования ему необходимо забирать энергию и минеральные вещества из окружающей среды и распределять их равномерно по всему организму. Очевидно, что разрушение тела приведет к исчезновению всех его внутренних процессов, и в этом случае непроявленное станет также и несуществующим. Вероятно, будет абсурдом выделять для данных процессов некий специфический пласт реальности, поскольку они в той же степени принадлежат миру и представлены в нем, в какой связаны с конкретным растением и важны для его индивидуального существования. С другой стороны, данные индивидуальные процессы могут стать чуть более представленными, если в результате их хорошего функционирования сама особь становится немного заметнее в мире. Если наш кустарник в результате исключительно хорошего обмена веществ начнет давать больше плодов, то станет более заметен для проходящих мимо животных, и они будут чаще у него останавливаться, чтобы полакомиться его плодами и помочь с распространением семян. Размножившись в потомстве, новую жизнь получают и процессы изначального родительского растения – степень их представленности в мире меняется, и они начинают чуть больше оказывать на него влияние.

Конечно, наш пример довольно примитивен, однако с его помощью мы хотим показать, что в мире есть большое количество непроявленных внешне процессов, и человек в данном случае не является исключением. Возникает множество вопросов, без ответа на которые невозможно утвердить исключительный статус идеального. Как внутренние процессы других вещей относятся к миру? Почему они относятся к миру как-то иначе, чем мышление человека? Можно ли утверждать, что только мышление человека способно создавать искусственные продукты, находящие свое выражение вне организма? Думается, что наши индивидуальные мысли имеют ту же представленность в мире и отношение к нему, что и процесс пищеварения, происходящий в нашем организме. Если какая-либо мысль не находит своего воплощения в реальности (в слове, мелодии, формуле и пр.) – это один случай: очевидно, данная мысль важна для того конкретного человека, который ее произвел, однако должна сразу уйти в небытие после того, как о ней забудут.

Но если чья-либо индивидуальная мысль подхватывается кем-то еще, становится близкой и доступной другому, то степень ее представленности в мире меняется, и она начинает чуть больше принадлежать реальности. Только то, что проявлено, имеет значение.

Противопоставленность совершенного и обиденного. Наконец, хотелось бы рассмотреть наиболее характерное свойство идеального, которое, на наш взгляд, в наибольшей степени соответствует данной категории и находится в наибольшей оппозиции к реальному миру. Данное свойство выражается в том, что благодаря обращению к сфере идеального, посредством своего мышления, человек способен создавать идеальные предметы или образцы различных обычных вещей и процессов. Вероятно, наиболее полное и строгое определение идеальных объектов можно встретить в науке, и нередко наличие таких объектов рассматривают как один из существенных признаков теоретического знания (Розов, 1998). Наиболее типичные примеры идеальных научных объектов – это материальная точка или твердое тело в механике, идеальный газ в термодинамике и т. д. Отличительной особенностью любого идеализированного теоретического объекта, по мнению В.С. Степина, является то, что они «...наделены не только такими свойствами, которые мы можем обнаружить в реальном взаимодействии объектов опыта, но и признаками, которых нет ни у одного реального объекта. Например, материальную точку определяют как тело, лишенное размеров, но сосредотачивающее в себе всю массу тела. Таких тел в природе нет» (Степин, 1992: 93). Интересен и процесс создания идеальных объектов науки. Идеализация, органически связанная с мысленной операцией абстрагирования, есть упрощение, дающее возможность отвлечься от качеств объекта исследования, носящих временный, преходящий характер и не интересующих исследователя в его теоретических построениях, а также выделение тех свойств, которые существенны для исследования и в наибольшей степени интересны исследователю (Исмаилов, 2003). По мнению М.А. Розова, возникновение представления об идеальных объектах всегда связано с возникновением в сознании исследователя определенных программ познавательной деятельности, например, понятие материальной точки «...вводится как программа, которая фиксирует сферу применимости теории, сферу применимости ее методов» (Розов, 1998: 42).

Думается, в данном контексте, рассматривая идеальный объект как упрощение действительности и некую реализуемую программу, мы можем найти некоторые аналогии и в материальном мире. Так, если мы обратимся к нашему телу, то вынуждены будем признать, что не существует абсолютного образца нашей материальной оболочки. Все течет, все меняется в этом мире, и наше тело не является исключением. Жизнь человека делится на различные периоды (детство, юность, зрелость, старость), каждый из которых обладает своими специфическими свойствами и характеристиками. Даже в период нашего наивысшего развития в середине жизни, когда все наши физиологические функции работают идеально и мы становимся лучшей из возможных версий себя (в физиологическом отношении), все же нельзя сказать, что в какой-то момент времени возникает наша абсолютная версия, являющаяся тем образцом, ради которого осуществлялось все предшествующее развитие. Каждую секунду в нашем теле происходят регенеративные процессы, в результате которых старые клетки заменяются новыми. В этом отношении можно сказать, что в реальности всегда существует лишь некая обобщенная версия нашего тела, но истинной версии, того образца, который в наибольшей степени соответствует нашей материальной оболочке, в действительности никогда не возникало.

Но если такого образца нет в реальности, то на что тогда ориентируется наше тело в процессе постоянного конструирования самого себя?

Традиционно процесс построения нашего тела связывают с работой генетических структур, содержащихся в ядре клеток. Огромное количество составляющих наш организм элементарных «кирпичиков» возникает не беспорядочно, а в соответствии со строгим образцом, соответствующим геному человеческого тела. Нашу ДНК можно рассматривать в качестве своеобразной программы, в которой закодирован способ синтеза белка клеток организма. Несмотря на то, что данный код является очень устойчивым и обладает действенной защитой, позволяющей устранять возникающие ошибки, тем не менее, всегда существуют расхождения между закодированным образцом и тем, что получается в реальности. В данном случае можно утверждать, что наши генетические структуры всегда дают лишь некий усредненный, упрощенный вариант клетки, однако то, какой клетка будет в реальности, определяется множеством средовых факторов (это может зависеть от питания организма, температуры среды обитания, давления и прочих условий). Возникает заключенное в нашем теле расхождение между образцом и действительностью, постоянная недостижимость совершенства в реальности.

Конечно, наша аналогия может встретить серьезные возражения, поскольку есть большие различия между механическим процессом синтеза белка и сознательно-творческим процессом создания идеальных объектов. Признавая обоснованность данных возражений, укажем, что нашей аналогией мы лишь хотели продемонстрировать тот факт, что не только человеку свойственно создавать образцы.

Идеальное и информация. Поиск аналогов различных свойств идеального в материальном, предпринятый нами выше, вероятно, в некотором смысле будет все же не вполне корректным, поскольку на любой найденный нами пример можно всегда заметить, что идеальное целостно и неразложимо на отдельные части без потери собственной целостности. Выделение некоторых точек соприкосновения между различными явлениями действительности и идеальным еще ни о чем не говорит, поскольку в мире, как правило, многое обладает сходством с чем-либо, но при этом не утрачивает своей специфики. Например, городские небоскребы в некотором отношении подобны горам, но это не значит, что данные объекты в чем-то схожи друг с другом, помимо своей высоты.

Тем не менее, предположим, что в отношении идеального этот поиск все же имеет значительно больший смысл, чем относительно чего-то другого, поскольку, согласно изначальным теоретическим посылкам, идеальное не связано вообще ни с чем в материальном мире.

Кроме того, помимо приведенных выше отдельных схожих черт, у идеального с материальным можно обнаружить и более глубокую общую основу, свидетельствующую о том, что интересующая нас категория имеет намного больше связей с реальным миром, чем предполагалось изначально.

В наших поисках общих сюжетов между материальным и идеальным мы неизменно затрагивали тему живого. Обращение только к этой категории уже выполняет поставленную нами цель по устранению резкого противопоставления между материальным и идеальным, поскольку последнее всегда тесно связано с субъективным внутренним миром человека. Однако гораздо более важно, что выделение общих свойств у живого и идеального также требует необходимого прояснения вопроса о том, какое отношение к материальному и идеальному имеет такая распространенная в современной философии категория, как «информация».

Пришедший из латинского языка термин «информация» можно перевести как «представление», «понятие», «сведения», «сообщение» и т. п. Будучи интуитивно ясным, данный термин обладает крайне обширным смысловым полем, поэтому трудно поддается определению (Корогодина, Корогодина, 2000). Связано это с тем, что информация не принадлежит материальному миру; о ней нельзя сказать, дискретная ли это вещь или неразрывный поток, а значит, мы не можем ее определить через вычленение круга явлений, к которым она относится, либо путем сведения ее к чему-то более элементарному. По выражению одного из основоположников кибернетики Н. Винера: «Информация есть информация, а не материя и не энергия» (Винер, 1968: 201). Следует также отметить причину особого внимания к информации, пояснить, в результате чего, собственно, возникает развитая информационная теория. Интерес к данному явлению обусловлен появлением представлений о саморазвивающихся, самоорганизующихся системах. В XX веке ряд исследователей обнаружил, что в окружающем мире есть совершенно особый класс объектов, который способен совершать целенаправленные действия, в отличие от всех остальных, способных подвергаться лишь механическим изменениям. Данные объекты являются живыми существами, и, соответственно, появилась необходимость объяснить, чем обусловлена присущая исключительно им целенаправленная активность. Возникает предположение, что живые существа способны оперировать информацией, осуществлять информационное взаимодействие, и их целенаправленная активность связана с необходимостью копирования, сохранения и воспроизведения информации (Корогодина, Корогодина, 2000).

Довольно интересно появление подобной категории, предположительно не относящейся к материальному миру. Разве ее возникновение не требует кардинального пересмотра существующих представлений об идеальном? Если все представления об идеальном вытекают из противопоставления материальному, то как возможно появление более широкой категории (с информацией, помимо людей, взаимодействуют животные, к идеальному никакого отношения не имеющие), которая также никак не связана с материальным? Можно ли в данном случае избежать смешения понятий или же требуется поглощение одной категории за счет расширенного толкования другой? Не будет ли страдать теория в случае существования двух равноправных категорий, оппозиционных материальному, от чрезмерного усложнения и введения большого количества сомнительных условностей?

На наш взгляд, избежать подобных трудностей можно только в том случае, если признать, что исходная теоретическая предпосылка о противопоставлении идеального и материального является в корне неверной. Если непредвзято рассматривать сам факт появления информационной теории в сфере философского дискурса, то следует заключить, что произошло не появление кардинально новой категории, а лишь расширение наших знаний о действительности. Человек немного больше узнал о мире, который его окружает, усовершенствовал методы познания и обнаружил, что старая теория, создававшаяся в очень ограниченных условиях, является непригодной и крайне односторонней.

Но если описанное выше расширение представлений человека об окружающей реальности уже случилось однажды, то можно ли надеяться, что оно не произойдет вновь? Почему должно сохраняться противопоставление между информацией и материальным миром, если исходные предпосылки подобной оппозиции в высшей степени произвольны и обусловлены исключительно нашим неведением и несовершенством методов познания? Возможно, виной тому чрезмерный антропоморфизм самого термина «информация», который возник сначала как исключительно культурный феномен, а затем распространился на ряд схожих явлений. Соответственно, постановка его в оппозицию к материальному, как и в случае с идеальным, не позволяет информации утратить некое уникальное человеческое качество, изначально присущее ей. Но в данном случае вновь возникает проблема замкнутости термина исключительно на самого себя, что позволяет делать о его природе и свойствах абсолютно любые предположения и не способствует четкости определений.

Думается, что преодоление указанного выше антропоморфизма возможно, если обратиться к сути информации. Согласно информационной теории (Корогодин, Корогодина, 2000), информация может храниться на совершенно разных носителях и никак не зависит от их материала. Значение имеет лишь правильно воспроизведенный код, который позволяет в дальнейшем взаимодействовать с информацией. Но что такое код, как не последовательность определенных информационных обозначений? Поэтому, отождествив информацию с последовательностью (будь то последовательность атомов, клеток или букв), изучая, при каких условиях та или иная последовательность может возникнуть и развиваться, а также взаимодействовать с другой последовательностью, у нас появляется возможность преодолеть чрезмерный антропоморфизм исходного термина «информация». Таким образом, мы можем выйти за границы замкнутого информационного мира в более широкую реальность последовательностей.

Заключение. К сожалению или же к счастью, человеку не известны абсолютно все свойства окружающего мира. Иногда то, что кажется совершенно очевидным сегодня, может стать довольно сомнительным завтра. Хотя при анализе двух явлений, основанном на противопоставлении, у нас открываются возможности для их строгого логического анализа, а также поиска того уникального, что составляет их сущностную характеристику, вероятен полный отказ от поиска родовой соотнесенности в свете постоянно приобретаемых знаний будет большой ошибкой. Все наши знания о таком уникальном явлении, как идеальное, без соотнесения его с родом, будут в высшей степени гипотетическими, а определение – чрезвычайно туманным и расплывчатым. Чем же данная уникальность может быть, если все в видимом мире является ее противоположностью?

Однако, преодолев оппозицию материального и идеального, установив генетическую связь последнего с реальным миром, у нас появляется возможность сделать о нем некоторое предположение. В данном случае, не имея возможности наблюдать идеальное непосредственно, мы все же можем предположить, что оно не является чем-то абсолютно непонятным, но предстает в виде *последовательности* или *совокупности* чего-то уникального, присущего исключительно людям и ничему больше в мире, а значит, должно подчиняться закономерностям, присущим всем последовательностям в целом. Возможно, данное предположение может показаться довольно простым и не обладающим необходимой теоретической глубиной, но для большей убедительности нужен и поиск более широких аналогий с реальным миром, который, очевидно, выходит за рамки объема стандартной журнальной статьи. Эти искания никогда не должны прекращаться, иначе, постоянно оставаясь в поле старых представлений и определений, наши рассуждения ничем не будут отличаться от процесса механической перетасовки колоды старых карт, сопровождаемого иррациональной надеждой на то, что карты с оригинальными идеями будут появляться из нее немного чаще, чем обычно.

Список источников:

- Барцев С.И., Дегерменджи А.Г., Сарангова А.Б. Замкнутость земной биосферы: эволюция и текущее состояние // Журнал Сибирского федерального университета. Биология. 2019. Т. 12, № 3. С. 337–347. <https://doi.org/10.17516/1997-1389-0307>.
- Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине / пер. с англ. Н.В. Соловьева, Г.Н. Поварова. М., 1968. 326 с.
- Гутнер Г.Б. Способы конституирования идеального предмета // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 29, № 3. С. 49–56.
- Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М., 2002. 368 с.
- Заварзин Г.А. Начальные этапы эволюции биосферы // Вестник Российской академии наук. 2010. Т. 80, № 12. С. 1085–1098.
- Ильенков Э.В. Идеальное // Культурно-историческая психология. 2006. Т. 2, № 2. С. 17–28.
- Исмаилов В.И. Идеализация и идеальный объект в современной физике // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № S4. С. 12–20.
- Корогодин В.И., Корогодина В.Л. Информация как основа жизни. Дубна, 2000. 208 с.
- Отрадна О.А. Проблема онтологического статуса информации // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2012. № 1 (3). С. 128–132.
- Павлов П.В. Онтологический статус истины: отношение идеального и реального // Научная мысль Кавказа. 2015. № 1. С. 30–34.

Прист С. Теории сознания : монография / пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М., 2000. 287 с.
Розов М.А. О природе идеальных объектов науки // Философия науки. 1998. Т. 4, № 1. С. 40–51.
Сагатовский В.Н. Бытие идеального : монография. СПб., 2003. 104 с.
Степин В.С. Философская антропология и философия науки : монография. М., 1992. 191 с.
Чешев В.В. Есть ли у сознания онтологический статус? // Философия науки и техники. 2023. Т. 28, № 1. С. 133–147.
<https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-1-133-147>.

References:

- Bartsev, S.I., Degermendzhi, A.G. & Sarangova, A.B. (2019) Closure of earth's biosphere: evolution and current state. *Journal of Siberian Federal University. Biology*. 12 (3), 337–347. Available from: doi:10.17516/1997-1389-0307. (In Russian)
Cheshev, V.V. (2023) Does consciousness have an ontological status? *Philosophy of Science and Technology*. 28 (1), 133–147. Available from: doi:10.21146/2413-9084-2023-28-1-133-147. (In Russian)
Dubrovskiy, D.I. (2002) *Problema ideal'nogo. Sub'ektivnaya real'nost'* [The problem of the ideal. Subjective reality]. Moscow. 368 p. (In Russian)
Gutner, G.B. (2011) Sposoby konstituirovaniya ideal'nogo predmeta [Ways of forming an ideal object]. *Epistemology & Philosophy of Science*. 29 (3), 49–56. (In Russian)
Ilyenkov, E.V. (2006) The ideal. *Cultural-Historical Psychology*. 2 (2), 17–28. (In Russian)
Ismailov, V.I. (2003) Idealizatsiya i ideal'nyy ob'yekt v sovremennoy fizike [Idealization and the ideal object in modern physics]. *Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*. (S4), 12–20. (In Russian)
Korogodin, V.I. & Korogodina, V.L. (2000) *Informatsiya kak osnova zhizni* [Information as the foundation of life]. Dubna. 208 p. (In Russian)
Otradnova, O.A. (2012) Problema ontologicheskogo statusa informatsii [The problem of the ontological status of information]. *Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace*. (1 (3)), 128–132. (In Russian)
Pavlov, P.V. (2015) Ontologicheskii status istiny: otnosheniye ideal'nogo i real'nogo [The ontological status of truth: the relation of ideal and real]. *Scientific Thought of Caucasus*. (1), 30–34. (In Russian)
Priest, S. (2000) *Teorii soznaniya* [Theories of the Mind]. Moscow. 287 p. (In Russian)
Rozov, M.A. (1998) O prirode ideal'nykh ob'yektov nauki [About the nature of ideal objects of science]. *Filosofiya nauki*. 4 (1), 40–51. (In Russian)
Sagatovskiy, V.N. (2003) *Bytie ideal'nogo* [The existence of the ideal]. St. Petersburg. 104 p. (In Russian)
Stepin, V.S. (1992) *Filosofskaya antropologiya i filosofiya nauki* [Philosophical anthropology and philosophy of science]. Moscow. 191 p. (In Russian)
Wiener, N. (1968) *Cybernetics or control and communication in the animal and the machine*. Moscow. 326 p. (In Russian)
Zavarzin, G.A. (2010) Initial stages of biosphere evolution. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 80 (12), 1085–1098. (In Russian)

Информация об авторе

М.А. Беляков – аспирант кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственной университет, Кострома, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1239762

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

M.A. Belyakov – PhD Student at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University, Kostroma, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1239762

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 03.11.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.12.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 378(510)

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.16>

Становление международного образования в Китае как реализация национальных интересов

Ван Мэн

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия,
20819427@qq.com, <https://orcid.org/0009-0000-3681-0409>

Аннотация. Исследование посвящено анализу моделей международных объединений Китая по образованию как реализации национальных интересов в контексте мировой практики. Автором обозначено четыре модели международного образования в Китае: первая (конец XIX – начало XX в.) – начало интернационализации национального образования с изучения западных технологий; вторая (с начала XX в. – до 50-х гг. XX в.) – продолжение интернационализации на двух уровнях – обучение за рубежом и западное образование в Китае; третья (с 1978 г.) – переход к модели «комплексной интернационализации», обеспечивающей подготовку китайских преподавателей в ведущих американских вузах, «обучение за рубежом» в период холодной войны в СССР и в социалистических странах Восточной Европы; четвертая (с 2001 г., со вступления Китая в ВТО) – переход на западную модель образования. Показана обусловленность моделей конкретно-историческими обстоятельствами, геополитической конъюнктурой (период холодной войны, интеграция в ВТО), идеологическими установками (эволюция государственных приоритетов) и экономической целесообразностью (запрос на технологический рынок).

Ключевые слова: Китай, международное образование, национальные интересы, социально-философский аспект, модели международного образования Китая

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Ван Мэн. Становление международного образования в Китае как реализация национальных интересов // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 138–144. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.16>

Original article

The Formation of International Education in China as the Realization of National Interests

Wang Meng

Transbaikal State University, Chita, Russia,
20819427@qq.com, <https://orcid.org/0009-0000-3681-0409>

Abstract. The subject of this study is the analysis of the models of China's international educational associations as the realization of national interests in the context of global educational practice. Based on a socio-philosophical analysis, the article identifies criteria for identifying models of international education in China: historical context, geopolitical and ideological factors, forms of internationalization, economic and social drivers. The author identifies four models of international education in China: the first model (late 19th – early 20th centuries) – the beginning of the internationalization of national education with the study of Western technologies; the second (from the beginning of the 20th century to the 50s of the 20th century) – the continuation of internationalization at two levels – study abroad, Western education in China; The third (since 1978) was the transition to the “integrated internationalization” model, which provided training for Chinese teachers in leading American universities and, during the Cold War, “study abroad” in the USSR and in the socialist countries of Eastern Europe; The fourth (since 2001, when China joined the WTO) is the transition to the Western model of education.

Keywords: China, international education, national interests, socio-philosophical aspect, models of China's international education

Funding: Independent work.

For citation: Wang Meng. (2025) The Formation of International Education in China as the Realization of National Interests. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 138–144. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.16](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.16) (In Russian).

Введение. Экспансия международного образования стала для Китая ключевым инструментом «мягкой силы» в условиях глобальной конкуренции, позволяя укреплять геополитическое влияние и технологический суверенитет. Социально-философское осмысление этой проблемы

позволяет показать, как через образовательную политику конструируется новая национальная идентичность и трансформируется общество в соответствии с государственными интересами. Актуальность данного исследования заключается в необходимости обращения к анализу этапов исторического развития международного образования в Китае, которое имеет свою специфику, обусловленную политическим положением страны на мировой арене.

Эпоха вестернизации, а в последующем китайская революция, время реформ и открытости определили главную цель Китайской Народной Республики (КНР): учиться у западных стран, чтобы в последующем развивать свою систему образования (Актамов, Комбаев, 2024; Машкина, Кузнецова, 2020). Период холодной войны повлек за собой блокаду международного и интернационального образования Китая со стороны Запада, переориентацию национальной политики на социалистические идеи, что продолжалось до периода культурной революции в стране.

Период реформ и открытости привел к смене модели обучения за рубежом, к интернационализации образования, к новым технологиям в производстве, к формированию новой экономической политики (Лю, 2025; Сюй, 2022; У Юйяо, 2020). С вхождением Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) его система образования стала строиться по западной модели, что позволило стране реализовать переход от обучения за границей к обучению в Китае. Интернационализация образования становится в этот период приоритетным направлением в политике государства, в рамках которой импорт- и экспорт-образование представляют два звена одной цепи, что определило перспективы реализации китайско-иностранного совместного образования (Ревякина и др., 2024; Цзин, 2024).

Цель работы состоит в рассмотрении становления международного образования в Китае как процесса реализации национальных интересов.

Основная задача исследования заключается в том, чтобы выявить и проанализировать ключевые модели интернационализации китайского образования, показав их обусловленность конкретными историческими, геополитическими и идеологическими контекстами.

Новизна исследования заключается в разработке критериев (государственная политика, целевые установки, ведущие акторы, географические векторы) и выделении на их основе моделей, а также в интерпретации их в рамках концепций национального суверенитета и культурного диалога.

Основу методологии составило социально-философское осмысление исследовательского материала, что дало возможность выйти за рамки простой констатации фактов к интерпретации их сущностного значения; рассмотреть политику в сфере образования через конструирование национальной идентичности и практики межкультурного диалога; выявить системные противоречия и социокультурные ограничения, в процессы интернационализации образования.

Результаты. Исторический контекст предполагает, что модели применяются к конкретному периоду прошлого, определяя его возможности. Геополитические и идеологические факторы связаны с изменением международной обстановки (холодная война, вступление Китая во Всемирную торговую ассоциацию (ВТО)); со сменой идеологических приоритетов (заимствование западных технологий, социалистическая ориентация, глобальная интеграция). Формы интернационализации меняются от освоения зарубежного опыта к обучению за рубежом до комплексной подготовки кадров в других странах и приглашения высококвалифицированных преподавателей в Китай. Экономические и социальные драйверы связаны с потребностью в научном и технологическом прогрессе, открытостью/закрытостью страны, ростом международного сотрудничества, развитием цифровых технологий.

Первая модель – «модель выхода» (конец XIX – начало XX в.) соотносится с начальным этапом интернационализации китайского образования, который стартовал во второй половине XIX в., когда реформисты династии Цин начали «инострannую политику» – «движение вестернизации» (Westernization Movement) (Селезнева, 2021). Следствием этого стала первая волна получения молодыми китайцами образования за рубежом. Она позволила Китаю освоить достижения передовой западной науки и техники, но в культурном отношении население страны придерживалось того мнения, которое озвучил Чжан Чжидун, говоря, что китайское обучение – это суть, а западное – приложение¹.

Основными сущностными характеристиками модели являются: элитарный образовательный обмен, ограничение техническими дисциплинами, территориальность – Европа, США, Япония. Можно заключить, что основной целью интернационализации образования в этот период стала технологическая модернизация, заимствование знаний.

Вторая модель – «модель приглашения» (с начала XX в. – до 50-х гг. XX в.) формируется на интернационализации национального образования, осуществлявшейся в период конца династии Цин – начала Китайской Республики и продолжавшейся до возникновения Нового Китая. В этот

¹ 席文琦。教育国际化的几点思考//光明日报。2004。四月二十八日。= Си Вэньци. Некоторые мысли об интернационализации образования // Гуанмин Дейли. 2004. 28 апреля. (на кит. яз.)

период помимо обучения студентов из Поднебесной за рубежом, для изучения западных идей и концепций в Пекинский университет были приглашены известные европейские ученые: Т. Парсонс, Дж. Дьюи, Б. Рассел и др. В это же время различные зарубежные религиозные организации создавали свои учебные учреждения в Китае (Университет Цзиньпин, Университет Яньчин, Университет Сучжоу, Университет Линнань, Университет Завета. Университет Джонса и Университет Цилу).

Таким образом, общая характеристика интернационализации образования в Китае в этот период заключалась в том, чтобы осваивать опыт западных стран, отправляя студентов на обучение за границу и приглашая европейских ученых в китайские вузы, то есть данный процесс осуществлялся на двух уровнях – за рубежом и в Китае. Главной целью данного периода стало расширение доступа к западному образованию. Сущностной характеристикой модели можно считать смещение национальных образовательных приоритетов в контекст марксистской идеологии.

Период реформ и открытости с 1978 г. в Китае соотносится с третьей моделью – «комплексной интернационализации». Последняя становится неотъемлемой частью государственной политики Китая по реформированию и открытости, по продвижению образования.

Закончился период изоляции страны во время культурной революции и началось вступление в период реформ и открытости под руководством Дэн Сяопина, который на основании анализа западного процесса производства, разрыва между промышленно развитыми странами и Китаем решил ускорить внедрение западных передовых технологий в национальные структуры. Использование инноваций в свою очередь потребовало оптимизировать процесс обучения и воспитания высококвалифицированных кадров (Ян, 2022). В 1978 г. Дэн Сяопин выдвинул лозунг: «Образование должно быть ориентировано на мир, модернизацию и будущее»¹. В соответствии с плановой экономической парадигмой страна перешла к модели рыночной экономики (Цзян Кай, Сюй Синь, 2014). В этот период интернационализация образования по-прежнему была сосредоточена на обучении за границей. В 1982 г. китайское правительство начало пересматривать свой прошлый опыт обучения специалистов за рубежом. Правительство Китая в этот период стремилось к увеличению количества студентов в аспирантуре; открытию дополнительных мест на промышленных, коммерческих и предпринимательских факультетах; подготовке специалистов в области прикладных наук, управления, инженерных технологий, сельского и лесного хозяйства и т. д.² В 1990-х гг. под влиянием экономической глобализации и международных тенденций в сфере образования китайское правительство начало комплексно менять подход к реализации профессиональной подготовки своих граждан за рубежом.

В период реформ и открытости образование стало главным механизмом догоняющего развития страны. Происходила массовая подготовка специалистов за рубежом (главным образом в США) в стратегическом партнерстве с ведущими мировыми вузами. Целенаправленный обмен студентами и преподавателями был регламентирован государственной политикой. Можно утверждать, что третья модель интернационализации китайского образования стала следствием реализации политики реформ и открытости Дэн Сяопина как ответа на глобальные вызовы и внутренние потребности страны.

Четвертая модель интернационализации образования в Китае (с 2001 г.) – переход на западную форму образования, ее реализация началась со вступлением Китая в ВТО. Была принята Стратегия интернационализации образования, предполагающая:

1. Создание концепции интернационализации образования. В 2003 г. в целях расширения иностранных обменов и сотрудничества правительство КНР опубликовало «Китайский закон» – Положение о совместном образовании, в котором рассматриваются всесторонне вопросы и проблемы интернационального сотрудничества (Ши Сюань, 2019).

2. Продолжение политики открытости, способствующей интернационализации образования (Black, Duhon, 2006) и развитию сотрудничества Китая с другими государствами в целях создания платформы в области преподавания и научных исследований, а также совместному продвижению фундаментальных исследований, развитию высоких технологий.

3. Импорт и экспорт образования, дополняющие друг друга. Речь идет о том, что подготовка китайских специалистов как за рубежом, так и в национальных университетах – это два звена одной цепи.

4. Научные исследования в сфере определения правил и стандартов международной образовательной политики государства. Основной тезис данных изысканий – сотрудничество необходимо рассматривать через политический диалог, который формирует платформу для укрепления

¹ Необходимо распознать и преодолеть неравенство в сфере образования [Электронный ресурс] // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/134826> (дата обращения: 13.10.2025).

² 习近平在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 = Выступление Си Цзиньпина на Двадцатом национальном съезде Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс] // Сайт членов Коммунистической партии. URL: <https://www.12371.cn/special/20da/bg> (дата обращения: 10.10.2025).

международной деятельности в области интеграции образовательных исследований и инновационных практик.

Четвертая модель связана с глобальной конкурентоспособностью, интеграцией китайской системы в мировое образовательное сообщество. Китай импортирует лучшие практики развития и одновременно экспортирует свой язык через культуру, создает совместные университеты с другими государствами, поднимается в мировых рейтингах, использует образование для формирования привлекательного образа страны.

При всей положительной динамике становления интернационального образования в Китае на начало XXI в. этот процесс сопровождался некоторыми проблемами и вызовами. Для систематизации распределим их по следующим субъективным и объективным уровням:

- на уровне мышления: хотя национальные органы образования транслируют четкую идеологию в нижестоящие структуры, в школах и вузах из-за разной трактовки получаемых распоряжений и директив сотрудники не до конца осознают природу интернационализации образования, так как не имеют опыта ее реализации;

- на уровне понимания: имеет место неверное определение коннотации и смысла интернационализации образования как «вестернизации» или «американизации» системы обучения;

- на уровне позиционирования: руководители образовательных учреждений полагают, что интернационализация образования означает «интеграцию с международными стандартами» или интернационализацию курсов;

- на уровне количественно-качественной системы измерения и оценки: национальные колледжи устанавливают связи с зарубежными школами – обмениваются опытом, организуют обменные курсы;

- на финансовом уровне: некоторые учебные заведения уделяют слишком много внимания выгоде; чтобы компенсировать вложенные в образовательный процесс средства, школы увеличивают набор иностранных студентов.

Следует отметить и еще одну проблему, объединяющую все рассмотренные выше: преобладание формализма в реализации интернационализации на разных уровнях образования – от школ и колледжей до университетов. Культурная компетентность как социальный императив переосмысливается, поднимаясь от уровня педагогической задачи до ключевого социального запроса в глобализирующемся мире. Космополитизм и мультикультурализм становятся принципами, определяющими национальные ответы на вызовы современности.

Объективный уровень реализации моделей международного образования Китая обусловлен политическим положением Китая, национальными процессами и региональными особенностями.

Обсуждение. Важным фактором обеспечения интернационализации образования выступает культурная компетентность обучающихся и педагогов. К ее изучению обращались многие исследователи.

Так, Г.Л. Алзен представил анализ возможных методов формирования культурной компетентности у иностранных студентов (Althen, 1970).

К. Асмар говорил о необходимости пересмотра стереотипов отношения к обучающимся из других государств, учета их культурных особенностей, глобальных цивилизационных различий (Asmar, 2005).

Х.Т. Блэк и Д.Л. Духон опубликовали результаты своего исследования в бизнес-школе в Лондоне, которые показали целесообразность формирования культурных компетенций у обучающихся (Black, Duhon, 2006).

У. Бек сделал акцент на необходимости пересмотра траекторий в области международного образования в сторону формирования культурных компетенций (Beck, 2011).

На наш взгляд, обращение к философским концепциям мультикультурализма и космополитизма может быть одним из вариантов решения проблем Китая в контексте интернационализации образования, которые актуализировались за последние десятилетия на фоне культурного, социального и политического разнообразия в стране.

Говоря о политике интернационального образования, необходимо учитывать роль и значение культурных компетенций, которые следует формировать как у иностранных студентов, обучающихся в КНР, так и у китайских граждан, получающих профессиональное образование за границей. Университеты стали проводниками идей, которые формируют мировоззрение, ценности в процессе межличностной коммуникации. Это дает возможность студентам научиться понимать не только свою собственную культурную идентичность, но и развивать компетенции культурного диалога, общаясь с другими людьми. Поэтому можно сказать, что транснациональная мобильность открывает сегодня новые возможности для формирования культурных компетенций.

Объективный уровень проблем реализации моделей международного образования Китая обусловлен региональным фактором. Между провинциями республики существуют различия. Китай – страна с крайне неравномерным развитием регионов (между востоком и западом, городом

и деревнями, богатыми и бедными). В результате мышление и открытость людей в разных провинциях также различаются.

Национальные интересы Китая как объективный уровень реализации моделей международного образования на современном этапе связаны с политикой Си Цзиньпина¹. В феврале 2019 г. была принята Стратегия «Модернизация образования Китая 2035»², которая предполагает, что руководящей идеологией реформирования данной сферы выступает социализм с китайской спецификой. По замечанию Ян И, специалиста в области образовательного бренда, в условиях жесткой международной конкуренции создание системы управления образованием и рабочего механизма для обеспечения реализации целей развития иностранных студентов в Китае, создание бренда профессионального обучения за рубежом становятся ключом к конкурентоспособности образования в Китае (Ян И, 2022).

Заключение. Проведенный социально-философский анализ интернационализации китайского образования позволил выделить модели международного образования в Китае и показать, как они соотносятся с историческим контекстом, геополитическими и идеологическими факторами, формами интернационализации, экономическими и социальными драйверами, влияющими на состояние сферы профессиональной подготовки в КНР.

Интернационализация образования в Китае является неотъемлемой частью базовой национальной политики страны по реформированию и открытости, по продвижению образования. Ее целью является улучшение качества обучения на всех уровнях посредством реализации планов по интеграции с зарубежными образовательными системами. Благодаря этому улучшается общий уровень школ, усиливается подготовка высококвалифицированных кадров, что обеспечивает интеграцию Китая в мировое пространство. Так как модернизация образования является основой национальных преобразований и стратегической целью приоритетного развития Китая, то его интернационализация выступает важным способом и стратегией ее достижения.

Таким образом, социально-философское осмысление эволюции международного образования в Китае демонстрирует его тесную связь с траекторией национального развития. От утилитарного заимствования технологий для выживания империи Китай пришел к использованию образования как комплексного инструмента модернизации, а затем и глобального влияния. Выделенные модели отражают смену парадигм и переход страны от защиты суверенитета к активной интеграции в мировое пространство. Современный этап характеризуется внутренним противоречием между целями глобальной открытости и сохранением идеологического контроля, что определяет специфические вызовы для китайской системы образования.

Перспективы исследования обозначенной проблематики связаны с тем, что в условиях складывающейся политической ситуации, когда сфера образования испытывает огромное давление и риски, необходимо обратить внимание и изучить проблемы, которые связаны с признанием академических квалификаций китайских студентов в российских вузах, чтобы в последующем устранить препятствия, с которыми выпускники могут столкнуться в процессе трудоустройства³. Для этого необходимо разработать стратегию китайско-российского сотрудничества в сфере образования на основе национальных стратегий, создать интегрированную систему изучения языков, взаимно признанную обеими странами.

Теоретическая и практическая значимость настоящей работы заключается в расширении сферы исследования западных, российских и китайских теорий и концепций, освещающих международную деятельность в области образования за счет их сопоставления и сравнения; конкретизации китайских концепций и теорий международного образования как стратегий устойчивого развития китайского общества; дополнении российских философских исследований по данной проблематике.

Кроме того, основные положения и выводы статьи могут быть использованы государственными органами для формирования мероприятий образовательной политики стран и укрепления ее геополитических позиций через академические обмены; они могут выступить методической основой для разработки программ привлечения и интеграции иностранных студентов, что будет

¹ 习近平在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 = Выступление Си Цзиньпина на Двадцатом национальном съезде Коммунистической партии Китая...

² 中共中央、国务院印发《中国教育现代化2035》 = Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет выпустили «Программу модернизации образования Китая до 2035 года» [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство КНР. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2019-02/23/content_5367987.htm (дата обращения: 27.11.2025). (на кит. яз.)

³ 新时代中俄教育合作的现状、挑战与对策. = Текущая ситуация, вызовы и меры противодействия китайско-российскому образовательному сотрудничеству в новую эпоху [Электронный ресурс] // Sohu. 2022. URL: https://www.sohu.com/a/572709817_670057 (дата обращения: 12.10.2025). (на кит. яз.)

способствовать повышению международного рейтинга китайских учебных заведений; применять в деятельности практиков-управленцев для обозначения новой оптики анализа эффективности образовательных программ.

Список источников:

- Актамов И.Г., Комбаев А.В. Образовательная политика КНР в системе высшего образования после начала политики реформ и открытости // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2024. Т. 50. С. 110–124. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.110>. EDN PGNSUI.
- Лю Ч. Исследование ценности и значимости идейно-политического образования китайских студентов, выезжающих за рубеж, на фоне XX Всекитайского съезда Коммунистической партии // Перспективы науки. 2025. № 2 (185). С. 128–131. EDN HUUZZU.
- Машкина О.А., Кузнецова В.В. Исторические основы современных образовательных концепций в Китае // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2020. № 3. С. 71–93. <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2020-3-71-93>. EDN URIGIL.
- Ревакина В.И., Лю Ц., Ма Х. Мотивы выбора китайскими студентами и аспирантами страны обучения // Научно-педагогическое обозрение. 2024. № 5 (57). С. 7–14. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-5-7-14>. EDN EIKYMH.
- Селезнева Н.В. Реорганизация Канцелярии по распространению китайского языка (Ханьбань): судьба Институтов Конфуция // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2. С. 166–176. <https://doi.org/10.31857/S013128120014819-1>.
- Суй И. Основные направления политики Китая в сфере обучения китайских студентов в России в период новой истории // Эффективность реализации государственной молодежной политики: опыт регионов и перспективы развития. Чита, 2022. С. 58–64. EDN WHEZCN.
- У Юйяо. Политика Китая в области высшего образования как инструмент внешней политики // Вопросы истории. 2020. № 9. С. 116–126. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202009Statyi23>. EDN FQMHYF.
- Цзин К. Значимость образовательной политики Китая в эпоху глобализма // Теория и практика общественного развития. 2024. № 7 (195). С. 101–106. <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.7.11>. EDN VOQJEL.
- 施晓光. 全球化背景下的中国教育国际化: 历史、现状与挑战. 当代中国研究期刊. Contemporary China Studies. 第. 第 1 期, 2019 年. 第 80-83 页 = Ши Сюэгуан. Интернационализация китайского образования в условиях глобализации: история, текущая ситуация и вызовы // Современные исследования Китая. 2019. № 1. С. 80–83. (на кит. яз.)
- 毅. 打造高质量来华留学品牌的实践探索. 中国教育新闻网. 神州学人, 2022. 第 25-29 页. = Ян И. Практическое исследование по созданию высококачественного бренда для обучения в Китае // Новости образования Китая. Шэньчжоу, 2022. С. 25–29. (на кит. яз.)
- 蒋凯、许心: 〈缩小知识差距: 邓小平出国留学教育思想的内核与贡献〉, 《复旦教育论坛》, 2014 年第 4 期. 第 54-55 页. = Цзян Кай, Сюй Синь. Сокращение разрыва в знаниях: суть и вклад образовательных мыслей Дэн Сяопина об обучении за рубежом // Вклад. Фуданьский образовательный форум. 2014. № 4. С. 54–55.
- Althen G.L. Human Relations Training and Foreign Students. Washington, 1970. 152 p.
- Asmar Ch. Internationalising Students: Reassessing Diasporic and Local Student Difference // Studies in Higher Education. 2005. № 30 (3). P. 291–309. <https://doi.org/10.1080/03075070500095713>.
- Beck U. Multiculturalism or Cosmopolitanism: How Can We Describe and Understand the Diversity of the World? // Social Sciences in China. 2011. Vol. 32, iss. 4. P. 52–58. <https://doi.org/10.1080/02529203.2011.625169>.
- Black T.H., Duhon D.L. Assessing the Impact of Business Study Abroad Programs on Cultural Awareness and Personal Development // Journal of Education for Business. 2006. Vol. 81, iss. 3. P. 140–144. <https://doi.org/10.3200/JOEB.81.3.140-144>.

References:

- Aktamov, I. G. & Kombayev, A. V. (2024) Educational Policy of the PRC in the Higher Education System after the Beginning of the Reform and Opening-up Policy. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*. 50, 110–124. Available from: [doi:10.26516/2073-3380.2024.50.110](https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.110). EDN PGNSUI. (In Russian).
- Althen, G. L. (1970) *Human Relations Training and Foreign Students*. Washington. 152 p.
- Asmar, Ch. (2005) Internationalising Students: Reassessing Diasporic and Local Student Difference. *Studies in Higher Education*. (30 (3)), 291–309. Available from: [doi:10.1080/03075070500095713](https://doi.org/10.1080/03075070500095713).
- Beck, U. (2011) Multiculturalism or Cosmopolitanism: How Can We Describe and Understand the Diversity of the World? *Social Sciences in China*. 32 (4), 52–58. Available from: [doi:10.1080/02529203.2011.625169](https://doi.org/10.1080/02529203.2011.625169).
- Black, T. H. & Duhon, D. L. (2006) Assessing the Impact of Business Study Abroad Programs on Cultural Awareness and Personal Development. *Journal of Education for Business*. 81 (3), 140–144. Available from: [doi:10.3200/JOEB.81.3.140-144](https://doi.org/10.3200/JOEB.81.3.140-144).
- Jiang Kai & Xu Xin (2014). [Reducing the knowledge gap: the essence and contribution of Deng Xiaoping's educational thoughts on studying abroad]. [Contribution. Fudan Educational Forum]. (4), 54–55. (In Chinese)
- Jing, K. (2024) Influence and Significance of China's Educational Policy in the Era of Globalism. *Theory and Practice of Social Development*. (7 (195)), 101–106. Available from: [doi:10.24158/tipor.2024.7.11](https://doi.org/10.24158/tipor.2024.7.11). EDN VOQJEL. (In Russian).
- Liu, Zh. (2025) A Study on the Value and Significance of Ideological and Political Education of Chinese Students Going Abroad in the Context of the 20th National Congress of the Communist Party of China. *Science Prospects*. (2 (185)), 128–131. EDN HUUZZU. (In Russian).
- Mashkina, O. A. & Kuznetsova, V. V. (2020) Historical Foundations of Modern Educational Concepts in China. *Lomonosov Pedagogical Education Journal*. (3), 71–93. Available from: [doi:10.51314/2073-2635-2020-3-71-93](https://doi.org/10.51314/2073-2635-2020-3-71-93). EDN URIGIL. (In Russian).
- Reviakina, V. I., Liu, Q. & Ma, H. (2024) Motives of Chinese Students and Postgraduates for Choosing the Country of Study. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*. (5 (57)), 7–14. Available from: [doi:10.23951/2307-6127-2024-5-7-14](https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-5-7-14). EDN EIKYMH. (In Russian).
- Selezneva, N. V. (2021) Reorganizatsiya Kantselyarii po rasprostraneniyu kitaiskogo yazyka (Khan'ban'): sud'ba Institutov Konfutsiya [Reorganization of the Office for the Dissemination of the Chinese Language (Hanban): The fate of Confucius Institutes]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. (2), 166–176. Available from: [doi:10.31857/S013128120014819-1](https://doi.org/10.31857/S013128120014819-1). (In Russian).
- Shi Xiaoguang (2019). [Internationalization of Chinese education in the context of globalization: history, current situation and challenges]. [Modern Chinese studies]. (1), 80–83. (In Chinese)
- Suyi, I. (2022) Osnovnye napravleniya politiki Kitaya v sfere obucheniya kitaiskikh studentov v Rossii v period novoi istorii [The main directions of China's policy in the field of education of Chinese students in Russia in the period of modern history].

In *Effektivnost' realizatsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki: opyt regionov i perspektivy razvitiya*. Chita, pp. 58–64. EDN WHEZCN. (In Russian).

Wu Yuyao (2020) China's Policy in the Field of Higher Education as a Mechanism for Ensuring Its Foreign Policy. *Voprosy Istorii*. (9), 116–126. Available from: doi:10.31166/VoprosyIstorii202009Statyi23. EDN FQMHYF. (In Russian).

Yang Yi. (2022) [A practical study on creating a high-quality brand for education in China]. In: [*Chinese Education News*]. Shenzhen, pp. 25–29. (In Chinese)

Информация об авторе

Ван Мэн – аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета, Чита, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1255614

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Wang Meng – PhD Student, Department of Philosophy, Transbaikal State University, Chita, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1255614

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.11.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.12.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 130.2:791.43

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.17>

Репрезентация отечественных праздничных традиций в кинематографе

Кирилл Алексеевич Киреев

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук

при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Россия,

kireevdesigns@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-4437-2164>

Аннотация. Статья посвящена репрезентации праздничных, прежде всего новогодних, традиций в отечественном кинематографе как важного ресурса культурной идентичности и коллективной памяти российского общества. Цель исследования – выявить способы отражения и трансформации новогодних ритуалов в российских фильмах и определить культурные функции этих репрезентаций. Методологическая основа включает культурологический и семиотический подходы, а также элементы визуального анализа, что позволяет рассматривать кинофильм как систему знаков и культурных сообщений. Особое внимание уделяется тому, как визуальные и ритуальные компоненты праздника воспроизводятся, интерпретируются и преобразуются в экранной культуре, формируя медиаритуалы, культурные коды и устойчивые новогодние мифы. Показано, что кинематограф не только транслирует сложившиеся праздничные практики, но и участвует в их переосмыслении, задавая эмоциональные модели переживания праздника и конструируя общенациональный образ Нового года в современной России.

Ключевые слова: отечественный кинематограф, традиции, праздничное кино, Новый год, культурная идентичность

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Киреев К.А. Репрезентация отечественных праздничных традиций в кинематографе // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 145–150. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.17>.

Original article

Representation of Russian Holiday Traditions in Cinema

Kirill A. Kireev

Research Institute of the Humanities

by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia,

kireevdesigns@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-4437-2164>

Abstract. The article examines the representation of festive traditions in Russian cinema, focusing primarily on New Year celebrations as an important element of cultural identity and the collective memory of Russian society. The aim of the study is to identify the ways in which New Year's rituals are reflected and transformed in Russian films and to determine the cultural functions of these representations. The methodological framework incorporates cultural and semiotic approaches, as well as elements of visual analysis, allowing us to consider film as a system of signs and cultural messages. Particular attention is paid to how the visual and ritual components of the holiday are reproduced, interpreted, and transformed in screen culture, shaping media rituals, cultural codes, and enduring New Year's myths. It is emphasized that cinema not only conveys established holiday practices but also participates in their reinterpretation, defining emotional models for experiencing the holiday and constructing a national image of the New Year in contemporary Russia.

Keywords: domestic cinema, traditions, holiday films, New Year, cultural identity

Funding: Independent work.

For citation: Kireev, K.A. (2025) Representation of Russian Holiday Traditions in Cinema. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 145–150. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.17](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.17) (In Russian).

Введение. Праздничные традиции занимают особое место в культурной жизни российского общества. Они формируют чувство общности, закрепляют семейные ценности и выступают инструментом передачи культурной памяти между поколениями. По мнению А.И. Мазаева, «праздник ... есть свободная жизнедеятельность, протекающая в чувственно обозримых границах места и времени и посредством живого контакта людей, собравшихся добровольно» (Мазаев, 1978: 11). Это определение подчеркивает двойственную природу праздника: с одной стороны, он выступает как форма человеческой активности, с другой – как культурно организованная структура со своими

пространственно-временными и социальными рамками. В отечественном кинематографе данная структура не только отображается, но и переосмысливается, превращая экран в инструмент воспроизводства праздничных традиций.

Актуальность исследования обусловлена тем, что роль кинематографа в формировании образа праздника за последние десятилетия заметно возросла. Однако кинематографическая репрезентация праздников изучена недостаточно. Анализ того, как фильмы отражают и трансформируют праздничные традиции, позволяет глубже понять процессы конструирования культурной идентичности в коллективной памяти общества. В связи с этим целью статьи является анализ способов репрезентации праздничных традиций в отечественном кинематографе и выявление его культурных функций.

Методологическую основу исследования составляет семиотический подход, позволяющий рассматривать фильм как систему знаков и культурных кодов. В качестве инструмента анализа использована структурная интерпретация праздничного ритуала, основанная на работах А.И. Мазеева (1978) и В. Тэрнера (1983). Отбор фильмов обусловлен их устойчивым присутствием в культурной памяти общества и популярностью среди жителей страны, выраженной в ротации через массмедиа в период новогодних праздников.

Важным теоретическим основанием исследования является концепция культурной памяти, разработанная Я. Ассманом. По его мнению, культурная память включает тексты, образы, символы и ритуалы, которые общество сохраняет в течение длительного времени и воспроизводит через институциональные формы культуры. Ассман пишет: «Культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом. В ней прошлое также не может сохраняться как таковое. Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» (Ассман, 2004: 55).

Изучение праздничных традиций через отечественный кинематограф открывает перспективу анализа как исторически устоявшихся моделей поведения, так и новых форм культурной коммуникации в условиях цифровизации. Введение кино в структуру праздничного ритуала трансформирует способы переживания праздника: фильм становится элементом культурной памяти и коллективного опыта, а также площадкой, на которой воспроизводятся и переопределяются представления о национальной и культурной идентичности.

Основная часть. Праздники в России, в частности Новый год, остаются ключевыми ритуальными событиями, объединяющими людей вне зависимости от возраста, региона и социального статуса. «Новый год остается самым популярным праздником в стране...» (The Oxford Handbook of Christmas..., 2020: 473). Это выражается в его массовом характере: ни один праздник в стране не охватывает такое количество людей. М.М. Бахтин в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» излагает концепцию праздника как карнавала: «Карнавал не созерцают, – в нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден» (Бахтин, 1990: 12). Всеобщее вовлечение особым образом отличает праздник от тех или иных ритуалов. В этом смысле новогодние праздничные практики в России сохраняют элементы карнавальности. Размытие рамок социального статуса выступает его основной специфической чертой. Равенство участников, снятие социальных барьеров и временную свободу от норм повседневности мы также можем отнести к особенностям праздника (карнавала) по М.М. Бахтину. При этом карнавальное измерение Нового года проявляется не только в уличных гуляниях, но и в медиaprостранстве (телевизионных шоу, концертах, новогодних фильмах), воспроизводящих особую атмосферу на экране.

Идея лиминальности В. Тэрнера позволяет дополнить понимание карнавала М.М. Бахтина. Новогодняя ночь – пограничное время между «старым» и «новым». В фильмах этот переход часто отмечается изменением поведения персонажей, появлением «невозможных» ситуаций в обыденности (новогоднее волшебство, исполнение желаний), допустимостью импульсивных решений и нарушением привычного жизненного уклада. Таким образом, кинематографическая репрезентация Нового года визуализирует лиминальное состояние, в котором возможны чудо, случайность и радикальная перемена судьбы. Как отмечает Л.И. Фусу, обобщая подходы исследователей лиминальности, «лиминальность рассматривается как период “жизненных изменений”, как “кризис развития” в обрядах перехода в социуме, который находится на первобытном уровне, как изменение социального статуса (или ценностей, или норм), самосознания и пр.» (Фусу, 2018: 144).

В условиях медиатизации культуры ритуалы все чаще проявляются не только в бытовой практике, но и в экранных искусствах, где кино выступает одним из главных ретрансляторов смыслов и национальной идентичности. По В. Тэрнеру, «ритуал – это стереотипная последовательность действий, которые охватывают жесты, слова и объекты...» (Тэрнер, 1983: 32). В структуре новогодних празднований эта последовательность четко очерчена: украшение елки, приготовление застолья, обращение главы государства, бой курантов, тосты, пожелания и подарки. В контексте исследования праздничных традиций в области кинематографа применим и другой термин, отражающий его цифровую природу, – «медиаритуал». А.И. Черных констатирует: «Приобщение к медиа – это

идентификация индивидом себя как участника культуры. Это и есть ритуал, цель которого – сплочение группы» (Черных, 2012: 117). Люди по всей стране совершают идентичные действия: смотрят новогодние фильмы, слушают песни, которые из года в год находятся в ротации по радио и ТВ, повторяют одни и те же цитаты персонажей любимых фильмов. Новогодний медиаритуал объединяет людей в едином символическом пространстве, создавая эффект общности, который ранее обеспечивали только реальные коллективные собрания. Цифровые платформы укрепляют мифологические структуры новогоднего кинематографа, расширяясь благодаря цитатам из фильмов, кадрам, которые используются в интернет-общении, и запоминающимся персонажам. Так медиаритуал выходит за рамки телевидения и обретает интерактивный характер.

В зарубежной медиатеории, в частности в работе Д. Дайана и Э. Каца «Media Events: The Live Broadcasting of History» (Dayan, Katz, 1992), подобные практики описываются как «медиасобытия», когда трансляции становятся частью ритуального календаря и воспринимаются как обязательное совместное переживание. В российском контексте к числу подобных медиасобытий относятся новогодние телепередачи и показ определенных фильмов, в том числе «Иронии судьбы...» и «Ёлок». Тем самым кинематограф не только вписывается в структуру ритуала, но и сам выступает ритуальной рамкой, организующей время и сценарий праздника.

Ритуал как культурный феномен был изучен А.К. Байбуриным: «...устойчивость культуры и ее жизнеспособность во многом обуславливается тем, насколько развиты структуры, определяющие ее единство и целостность. Имеются в виду ... семиотические связи, с помощью которых достигается слитность разнородных сфер культуры. Целостность культуры предполагает также выработку системы социальных кодов...» (Байбурин, 1993: 3). Новогодние ритуалы и атрибуты выполняют функцию таких культурных кодов (елка, салют, салат оливье, бой курантов и т. д.). Они являются культурными символами, которые работают вне контекста, делая праздник богатой семиотической системой. Кинематограф, будучи знаковой системой, постоянно взаимодействует с этими символами, переводя их в визуальный ряд и усиливая их культурное значение. Фильм фиксирует сложившиеся ритуальные элементы, но одновременно с этим создает новые.

Отечественный кинематограф активно обращается к тематике праздников, создавая устойчивые визуальные образы на экране. Новогодние фильмы не просто иллюстрируют традиции, но и формируют представления о празднике у зрителя, конструируя образ праздника через его ритуалы и визуальные атрибуты. Ярким примером является фильм «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» (1975, реж. Э. Рязанов), прочно ассоциирующийся с новогодним праздником. Его ежегодный показ превратился в медиаритуал, который объединяет людей и создает ощущение культурной общности.

Опираясь на концепцию Р. Коллинза, согласно которой интенсивность отношения к символам поддерживается периодическим повторением ритуалов и сопутствующей им «эмоциональной энергией» (Collins, 2004: 12), можно сказать, что ежегодные новогодние практики оказывают особенно сильный эффект. Кинокартина Э. Рязанова стала частью подготовительной праздничной атмосферы Нового года. Н. Лесскис отмечает: «На уровне восприятия сам фильм остается объектом символическим, не привлекающим к себе подробного внимания, не требующим углубленного всматривания. Он скорее воспроизводит стадии новогоднего ритуала – украшение елки, приготовление праздника, приход гостей, проводы старого года и так вплоть до питья кофе, после которого, уже в предрассветной мгле, гости расходятся по домам. Пожалуй, это единственный советский фильм, который имеет столь ярко выраженную ритуальную функцию» (Лесскис, 2005: 29). Кино становится важным культурным механизмом, участвующим в создании коллективных представлений о местных традициях. Фильм закрепил определенные визуальные и эмоциональные образы, среди которых: типовые квартиры, семейное застолье, атмосфера дружбы, песен и ожидания перемен. Эти элементы стали культурным кодом, через который зритель воспринимает советское прошлое, – теплым, домашним, немного идеализированным. Фильм создал своего рода ностальгический миф о советской повседневности.

Один из основателей когнитивной антропологии Р.Г. Д'Андрейд раскрывает понятие культурного кода как «...способ сохранения и трансляции культурной информации, аналог культурной памяти. Поколения людей обеспечиваются информацией, символически закодированной и культурно транслируемой» (D'Andrade, 1984: 88–89). М.Е. Слива различает невербальные и вербальные культурные коды: «Невербальные коды включают в себя все те коды, которые понятны без слов. Вербальные культурные коды часто встречаются в приветствиях и обращениях. Они нередко лежат в основе метафор, метонимий и т. д.» (Слива, 2024: 361).

«Ирония судьбы...» не только оставила яркие визуальные образы в отечественной культуре, но и отметилась рядом комедийных цитат персонажей. «Действительно комедийных ситуаций в фильме немало, фильм в русской культуре давно разошелся на цитаты...» (Пляскова, 2022: 236). «Какая гадость эта ваша заливная рыба!», «Обобрали, подогрели» – эти и многие другие фразы стали частью народного языка, закрепились в юморе, тостах и народной культуре в целом. Песни из фильма также получили собственную культурную жизнь вне киноповествования. «Ирония

судьбы...» представляет собой уникальный случай в российской культуре. Многие элементы отечественной новогодней традиции сегодня воспринимаются именно через призму образов, зафиксированных в этом фильме. Из художественного произведения он превратился в национальный ритуал, модель поведения и устойчивый культурный код для российского общества.

Современный российский праздничный кинематограф демонстрирует две принципиально разные, но взаимодополняющие модели экранного новогоднего мифа. К первой относится упомянутый выше фильм «Ирония судьбы, или С лёгким паром!», ко второй – фильм «Ёлки» (2010, реж. Т. Бекмамбетов и др.). Оба произведения эксплуатируют структуру праздничного ритуала, но делают это в разных культурных контекстах, формируя собственные модели новогоднего мифа. Применяя структуру мифа к массовой культуре, Р. Барт отмечает: «Миф – это слово. <...> Это слово является сообщением. Следовательно, оно может быть не обязательно устным высказыванием, но и оформляться в виде письма или изображения; носителем мифического слова способно служить все – не только письменный дискурс, но и фотография, кино, репортаж, спорт, спектакли, реклама» (Барт, 1996: 233). Миф, по Р. Барту, есть способ идеологического «затемнения», когда культурно созданный смысл выглядит как природный и неизменный.

«Ирония судьбы...» формирует миф индивидуального новогоднего чуда, поскольку в центре повествования – личные истории двух героев, случайно оказавшихся в одном пространстве. Эта «случайность» интерпретируется как проявление судьбы, которая объединяет людей в момент Нового года. Таким образом, фильм закрепляет представление о Новом годе как времени обновления и трансформации. Пространственно-временная структура фильма также соответствует классическому праздничному ритуалу: действие происходит в уютном домашнем интерьере и развивается ночью, во временном промежутке между «старым» и «новым». Повествование передается через ностальгию и камерность, что формирует образ Нового года как семейного, тихого и уютного праздника, опирающегося на цикличность и традицию.

«Ёлки», напротив, представляют новогодний миф в рамках всего общества. Здесь важен не единичный сюжет, а многообразие историй, происходящих одновременно. Концепт фильма строится на выдвинутой в 1969 г. американскими психологами С. Милгрэмом и Д. Треверсом теории «шести рукопожатий». Согласно этой теории, любые два человека на Земле разделены в среднем лишь пятью уровнями общих знакомых (и, соответственно, шестью уровнями связей)¹. Такая структура в фильме отражает современную модель социальной связи, где праздник переживается не как индивидуальная история чуда, рассмотренная ранее, а как массовое событие мирового масштаба. В «Ёлках» новогодняя ночь – это точка пересечения множества человеческих судеб, что создает образ праздника как ритуала, который объединяет людей разных возрастов, городов и социальных групп.

Таким образом, два фильма репрезентируют разные стадии культурной эволюции новогоднего ритуала: от личного праздника в узком кругу близких людей до события мирового масштаба. Это позволяет рассматривать их как две противоположные версии отечественного новогоднего мифа, каждая из которых выполняет собственную культурную функцию: «Ирония судьбы...» – хранение ностальгического образа традиционного семейного праздника, «Ёлки» – модель сетевой, фрагментированной, но при этом символически единой праздничной общности.

Выбор кинокартин обусловлен популярностью среди зрителей, определяемой количеством оценок и рейтингом на сайте «Кинопоиск». Основываясь на этих показателях (у «Иронии судьбы...» – 562 263 оценки, рейтинг 8,2 из 10², у «Ёлок» – 226 022 оценки, рейтинг 6,9 из 10³), можно сделать вывод о востребованности фильмов у зрительской аудитории. Стоит отметить, что фильм «Ёлки», пользуясь заметным спросом, вырос до франшизы, которая насчитывает 12 частей (по состоянию на ноябрь 2025 г.), объединенных тематикой праздника. Количество выпущенных фильмов в рамках одной «киновселенной» также служит метрикой для определения популярности и культурного влияния на зрителя. Франшиза в данном случае выступает индикатором устойчивости новогоднего медиаритуала: регулярный выход новых частей закрепляет практику просмотра «новогоднего фильма» как повторяющегося элемента праздника и одновременно адаптирует ритуал к меняющимся социальным и технологическим условиям.

Заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что кинематограф выступает важным культурным механизмом репрезентации и трансформации праздничных традиций в российском обществе. Фильмы «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» (1975, реж. Э. Рязанов)

¹ См.: Загайнов И.А., Губин М.В. Введение в зарубежную социальную психологию : учеб. пособие. Йошкар-Ола, 2011. С. 21.

² Ирония судьбы, или С лёгким паром! (ТВ, 1975) [Электронный ресурс] // Кинопоиск : российский интернет-сервис, посвящённый кинематографу. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/77331/> (дата обращения: 21.11.2025).

³ Ёлки (2010) [Электронный ресурс] // Там же. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/493768/> (дата обращения: 21.11.2025).

и «Ёлки» (2010, реж. Т. Бекмамбетов и др.) демонстрируют две различные модели новогоднегo мифа, соотнесенные с разными историческими и социальными контекстами. Обе модели обладают значительным культурным потенциалом, что отражается в сохранении традиций и формировании новых социальных конструкторов, которые соответствуют реалиям глобализованного и цифрового общества. Через призму ритуала, мифа и культурной памяти можно увидеть, как кинематограф не только фиксирует уже существующие практики, но и конструирует новые форматы праздничного переживания, расширяя границы «новогоднего» как культурного явления.

Кинематограф не только фиксирует изменения ритуальных практик, но и сам становится фактором формирования культурного кода и мифов. Он создает визуальные образы и культурные особенности, через которые общество осмысляет и воспроизводит праздник, а также формирует ожидания относительно того, каким должен быть Новый год. Таким образом, праздничные традиции в отечественном кинематографе представляют собой важный объект культурологических исследований, позволяющий проследить трансформацию форм социальной идентичности и способы ее символической репрезентации. Праздничный ритуал, переходя в медиасреду, приобретает новые черты, сохраняя при этом свою ключевую функцию – объединение людей через ценности, образы и культуру.

Список источников:

- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М., 2004. 368 с.
- Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов : монография. СПб., 1993. 237 с.
- Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М., 1996. 313 с.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.
- Лесскис Н. Фильм «Ирония судьбы...»: от ритуалов солидарности к поэтике измененного сознания // Новое литературное обозрение. 2005. № 6 (76). С. 29. EDN: HSEJEH.
- Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования / отв. ред. А.А. Карягин. М., 1978. 392 с.
- Пляскова Е.А. Ирония судьбы или философия жизни? (фильм Э. Рязанова на уроках РКИ) // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся : материалы VII Международной научно-методической конференции. Воронеж, 2022. С. 236–240. EDN: ETAHRY.
- Слива М.Е. Отражение культурного кода во фразеологии (на примере английского языка) // Инновационные тенденции развития российской науки : материалы XVII Международной научно-практической конференции молодых ученых. Часть 2. Красноярск, 2024. С. 361–363. EDN: VOABSH. (на англ. яз.)
- Тэрнер В. Символ и ритуал / пер. с англ. М., 1983. 277 с.
- Фусу Л.И. Концепция лиминальности: подходы, сущность понятия, характеристики проявления в обществе на современном этапе // KANT. 2018. № 3 (28). С. 143–148.
- Черных А.И. Медиаритуалы // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 105–129. EDN: PUQRSX.
- Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton, 2004. 445 p.
- D'Andrade R.G. Cultural Meaning Systems // ed. by R.A. Shweder, R.A. LeVine. Culture Theory: Essays on Mind, Self, and Emotion. Cambridge University Press, 1984. P. 88–119.
- Dayan D., Katz E. Media Events: The Live Broadcasting of History. Harvard University Press, 1992. 306 p.
- The Oxford Handbook of Christmas / ed. by T. Larsen. Oxford University Press, 2020. 619 p. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198831464.001.0001>.

References:

- Assmann, J. (2004) Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow. 368 p. (In Russian)
- Bakhtin, M.M. (1990) Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow. 543 p. (In Russian)
- Barthes, R. (1996) Mythologies. Moscow. 313 p. (In Russian)
- Bayburin, A.K. (1993) Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavjanskikh obryadov [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rituals]. St. Petersburg. 237 p. (In Russian)
- Chernykh, A.I. (2012) Media Rituals. Sociological Journal. (4), 105–129. EDN: PUQRSX. (In Russian)
- Collins, R. (2004) Interaction Ritual Chains. Princeton. 445 p.
- D'Andrade, R.G. (1984) Cultural Meaning Systems. In: Shweder, R.A. & LeVine, R.A. (eds.). Culture Theory: Essays on Mind, Self, and Emotion. Cambridge University Press, pp. 88–119.
- Dayan, D. & Katz, E. (1992) Media Events: The Live Broadcasting of History. Harvard University Press. 306 p.
- Fusu, L.I. (2018) The Concept of Liminality: Approaches, the Essence of the Concept, and Characteristics of Manifestation in Society at the Present Stage. KANT. (3 (28)), 143–148. (In Russian)
- Larsen, T. (ed.) (2020) The Oxford Handbook of Christmas. Oxford University Press. 619 p. Available from: doi:10.1093/oxfordhb/9780198831464.001.0001.
- Lesskis, N. (2005) Fil'm "Ironiya sud'by...": ot ritualov solidarnosti k poetike izmenennogo soznaniya [The film "The Irony of Fate...": from rituals of solidarity to the poetics of altered consciousness]. New Literary Observer. (6 (76)), 29. EDN: HSEJEH. (In Russian)
- Maзаev, A.I. (1978) Prazdnik kak sotsial'no-khudozhestvennoye yavleniye: Opyt istoriko-teoreticheskogo issledovaniya [Holiday as a socio-artistic phenomenon: The experience of historical and theoretical research]. In: Karyagin, A.A. (ed.). Moscow. 392 p. (In Russian)

Plyaskova, E.A. (2022) Ironiya sud'by ili filosofiya zhizni? (fil'm E. Ryazanova na urokakh RKI) [The Irony of Fate or the Philosophy of Life? (E. Ryazanov's Film in Teaching Russian as a Foreign Language)]. In: Problemy prepodavaniya filologicheskikh distsiplin inostrannym uchashchimsya [Problems of Teaching Philological Disciplines to Foreign Students]. Voronezh, pp. 236–240. EDN: ETAHRY. (In Russian)

Sliva, M.E. (2024) Cultural Code in Phraseology (Case Study: the English Language). In: Innovatsionnyye tendentsii razvitiya rossiyskoy nauki [Innovative Trends in the Development of Russian Science]. Iss. 2. Krasnoyarsk, pp. 361–363. EDN: VOABSH.

Turner, V. (1983) Simvol i ritual [Symbol and Ritual]. Moscow. 277 p. (In Russian)

Информация об авторе

К.А. Киреев – аспирант отдела теории и истории культуры, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1306502

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

K.A. Kireev – PhD Student at the Department of Theory and History of Culture, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1306502

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.10.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.11.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 323.174

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.18>

Роль языка в формировании национальной и этнической идентичности: анализ на примере Италии и Испании

Ашот Тигранович Мкоян

Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Саратов, Россия,
ashotmkoyan17@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-4501-7192>

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли языка как ключевого инструмента в формировании национальной и этнической идентичности. Особое внимание уделяется его двойственной природе: способности выступать как консолидирующим фактором, так и дифференцирующим инструментом. Цель исследования – выявить и обосновать это двойное влияние через сравнительный анализ двух моделей взаимодействия языка и государства. В качестве эмпирической базы рассматриваются исторические и политические кейсы: Италия, где формирование единого литературного языка стало фундаментом национального объединения, и Испания, где сохранение региональных языков выступает ресурсом этнической мобилизации и источником политико-правовых конфликтов. Научная новизна заключается в обосновании двухуровневой модели влияния языка (национального и этнического), что позволяет комплексно оценить его потенциал с позиций социолингвистики, культурологии и политической философии. Полученные результаты подтверждают, что язык является не только средством коммуникации, но и механизмом политического влияния, определяющим стабильность и структуру многонациональных государств.

Ключевые слова: язык, консолидация, национальная идентичность, этническая идентичность, языковая политика, Италия, Испания

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Мкоян А.Т. Роль языка в формировании национальной и этнической идентичности: анализ на примере Италии и Испании // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 151–155. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.18>.

Original article

The Role of Language in the Formation of National and Ethnic Identity: Analysis on the Example of Italy and Spain

Ashot T. Mkoyan

Volga Region Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Saratov, Russia,
ashotmkoyan17@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-4501-7192>

Abstract. This article examines the role of language as a key instrument in the formation of national and ethnic identity. Particular attention is paid to its dual nature: its ability to act as both a consolidating factor and a differentiating tool. The aim of the study is to identify and substantiate this dual influence through a comparative analysis of two models of interaction between language and the state. Historical and political cases serve as empirical foundations: Italy, where the formation of a single literary language became the foundation of national unification, and Spain, where the preservation of regional languages serves as a resource for ethnic mobilization and a source of political and legal conflicts. The scientific novelty lies in the substantiation of a two-tiered model of language influence (national and ethnic), which allows for a comprehensive assessment of its potential from the perspectives of sociolinguistics, cultural studies, and political philosophy. The obtained results confirm that language is not only a means of communication but also a mechanism of political influence, determining the stability and structure of multiethnic states.

Keywords: language, consolidation, national identity, ethnic identity, language policy, Italy, Spain

Funding: Independent work.

For citation: Mkoyan, A.T. (2025) The Role of Language in the Formation of National and Ethnic Identity: Analysis on the Example of Italy and Spain. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 151–155. Available from: doi.org/10.24158/fik.2025.11.18 (In Russian)

Язык является важным коммуникационным инструментом взаимодействия людей на протяжении всей истории человечества. Человек как социальное существо отличается своей развитостью, поскольку язык прошел эволюцию от обычных звуков до формирования слов и целых

предложений. У каждого народа есть свой язык или диалект языка, который позволяет показать разнообразность человеческого мира в отличие от животного, где конкретные виды издают одни и те же звуки, хотя могут внешне отличаться и иметь разные породы или подвиды. Однако в политико-правовом и социокультурном измерениях его функции выходят далеко за рамки простой передачи информации. В современном мире язык выступает мощнейшим маркером идентичности, способным как консолидировать разрозненные сообщества в единую политическую нацию, так и служить инструментом обособления этносов, стремящихся сохранить свою самобытность в условиях унитарного государства.

У каждой нации и народа есть свой язык, на котором разговаривают граждане. Существует ряд стран, где используется два или более официальных языка в силу особенности исторических связей и состава населения (Канада, Швейцария, Казахстан и др.). При этом обширный перечень составляют государства, в которых проживают этнические меньшинства и различные народы со своими языками и диалектами.

Рассмотрим интегративную роль языка на примере исторического опыта Италии. Несмотря на политическую раздробленность Апеннинского полуострова, формирование культурно-языкового единства стало предтечей национального государства. Этот процесс начался с принятия флорентийского диалекта в качестве основы для итальянского литературного языка, что было обусловлено его центральной ролью в литературе и культуре.

До сформировавшегося в XX веке итальянского языка итальянцы разговаривали на *вольгаре* (*volgare* – «народный»), который обозначал старинные диалекты Апеннинского полуострова и Сицилии¹. Итальянский поэт и драматург Джан Джорджо Триссино говорил следующее: «Действительно, весь мир называет его итальянским языком, точно так же, как называют греческий язык, еврейский язык, арабский язык и подобные им. И далее, немцы, испанцы и другие народы, имеющие хоть какое-то понятие о языках (народов) Италии, видя что-либо, написанное на любом из них, говорят, что это написано на итальянском языке, и они говорят правду» (Trissino, 1864: 12). Данный культурологический довод свидетельствует о том, что представленная Триссино внешняя легитимация уже сформировавшейся языковой общности опередила внутреннее, политическое осмысление единства на самих Апеннинах.

Аналогичный взгляд прослеживается в исторической мысли того времени. Проведя критический анализ труда Франческо Гвиччардини «История Италии» («Storia d'Italia») (2019), можно установить, что историк последовательно использует обозначения «Италия» и «итальянцы» применительно к данному региону и его населению.

Основными действующими лицами здесь оказываются «italiani». Также представители отдельных регионов упоминаются Гвиччардини отдельно лишь в тех случаях, когда они противопоставляют себя итальянскому большинству, исходя из политической ситуации. Не один раз в работе историка встречается словосочетание «*l nostri*» для описания итальянцев: «Мы находимся в крайне стесненном положении и можем сожалеть об утрате власти скорее из-за измены и недостатка мужества у наших (*l nostri*) командиров и солдат, чем из-за проявленной врагами доблести» (Гвиччардини: 2019: 90).

В своей работе Гвиччардини, в отличие от Макиавелли и его «Флорентийских историй», рассматривает Италию не просто как географическое пространство или культурно-историческую общность, но и как своеобразное объединение самостоятельных областей. Он подчеркивает, что внешняя политика итальянских земель сводится преимущественно к стремлению уменьшить последствия войн, которые ведут между собой Франция, Испания и другие государства, действующие на ее территории. По наблюдению историка, Италия оказывается в эпицентре международных противостояний и вынуждена сталкиваться с трудностями, вызванными этими затяжными конфликтами (Жолудева, 2016).

Это позволяет сделать вывод: даже в условиях крайней политической и территориальной раздробленности (конец XV века) языковая и культурная общность уже была настолько сильна, что позволяла осмысливать регион как единое целое, что и послужило идеологической основой для последующего объединения – Рисорджименто.

В Испании язык играет важную роль при определении этнической идентичности. В частности, здесь можно отметить басков (чей язык не относится к индоевропейской группе) и каталонцев. Эти два народа не отождествляют себя с испанцами. Испания представляет собой унитарное многонациональное государство, где кастильский (испанский) является единственным официальным языком на всей территории. Административно страна разделена на 17 автономных сообществ. При этом в пределах своих автономий пять языков – каталанский, галисийский, баскский, валенсийский и аранский – имеют коофициальный статус (помимо кастильского).

¹ Чельшева И.И. Итальянский язык // Большая Российская Энциклопедия. Т. 12. М., 2009. С. 222–223.

Настоящим испытанием для испанского государства стало правление испанского государственного деятеля и диктатора – Франсиско Франко, при котором сложилась идеологическая система под названием «франкизм». Франкизм ознаменовал собой сложный период во взаимоотношениях между центральным испанским правительством и народами автономных сообществ, сопровождавшийся ущемлением прав региональных языков. После перехода Испании к демократическому строю в 1975 г. началась политическая и правовая активизация нормализации региональных языков. В контексте политической философии этот процесс можно рассматривать как восстановление суверенитета этнических меньшинств через языковые права. Он был закреплен рядом нормативно-правовых актов, таких как Статут Галисии (1981)¹ и Статут Валенсийского сообщества (1982)², которые предоставляли региональным языкам коофициальный статус, обеспечивая их свободное применение и изучение. Международное подтверждение языковых прав состоялось в 2001 г., когда Испания ратифицировала Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств, тем самым взяв на себя обязательства по ее реализации³.

Позднее примером подобного подхода стала новая редакция Статута об автономии Каталонии (2006), предоставившая Аранской долине, входящей в состав автономии, особый правовой статус и признанную языковую самобытность. В результате окситанский язык, известный в этой местности как аранский, получил официальное признание и стал одним из коофициальных языков региона⁴.

Данные процессы не только демонстрируют соблюдение демократических принципов в отношении других коренных народов Испании, но и дают возможность использовать язык как инструмент для сохранения этнической самобытности и защиты от ассимиляции. Тем не менее, применение этих прав привело к политическому конфликту на уровне государственного языка. Кастильский (испанский) язык, закрепленный как обязательный для владения всеми гражданами страны, сталкивается с вытеснением из образовательной и публичной сфер. Исследование показывает, что принятие региональных языковых законов фактически привело к сокращению сфер преподавания и применения государственного языка в регионах с режимом коофициальности⁵.

Несмотря на то, что в Галисии, Стране Басков и Валенсийском сообществе позиции кастильского языка по-прежнему остаются доминирующими, в Каталонии и на Балеарских островах фиксируются заметные трудности с его использованием и преподаванием. Каталонские власти проводят последовательную языковую политику, направленную на ограничение присутствия испанского языка в общественной жизни и образовании. Наиболее ярко инструментализация языка для достижения политических целей проявляется в Каталонии. Здесь последовательная языковая политика, основанная на принципе языкового погружения (иммерсии), преднамеренно ограничивает присутствие испанского языка в образовательной и общественной сферах. Это включает не только сведение преподавания испанского к минимуму в школах, но и требование обязательного знания каталанского языка на высоком уровне для претендентов на государственные должности. Этот подход анализируется как механизм этнической мобилизации и защиты от ассимиляции, но, как показывают судебные решения, он входит в противоречие с базовыми конституционными правами граждан (Pere Mas, 2021).

В начальных классах каталанскому языку уделяется лишь два часа в неделю, в среднем звене – три, а в старших классах – снова два. Хотя в 2014 г. Верховный суд Каталонии постановил, что не менее 25 % учебного времени должно приходиться на преподавание на испанском языке, данная норма применялась исключительно к тем школам, по которым имелись судебные решения⁶. После того как правительство Каталонии обжаловало данный вердикт, Верховный суд

¹ De Estatuto de Autonomía para Galicia [Электронный ресурс] : Ley Orgánica 1/1981, de 6 de abril : Publicado en BOE núm. 101, de 28.04.1981 // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado (BOE). URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1981-9564> (дата обращения: 08.10.2025).

² De Estatuto de Autonomía de la Comunidad Valenciana [Электронный ресурс] : Ley Orgánica 5/1982, de 1 de julio : Publicado en BOE núm. 164, de 10.07.1982 // Ibid. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1982-17235> (дата обращения: 08.10.2025).

³ Instrumento de Ratificación de la Carta Europea de las Lenguas Regionales o Minoritarias, hecha en Estrasburgo el 5 de noviembre de 1992 [Электронный ресурс] : Publicado en BOE núm. 222, de 15.09.2001, páginas 34733 a 34749 // Ibid. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2001-17500> (дата обращения: 08.10.2025).

⁴ De reforma del Estatuto de Autonomía de Cataluña [Электронный ресурс] : Ley Orgánica 6/2006, de 19 de julio. Título Preliminar. Artículo 6.5 : Publicado en BOE núm. 172, de 20.07.2006, página 27270 // Ibid. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2006-13087> (дата обращения: 08.10.2025).

⁵ Шулятева Э.В. Языковая политика в Испании: иерархическая структура и массмедийная репрезентация : дис. ... канд. филолог. наук. Волгоград, 2025. С. 88–89.

⁶ Auto del Tribunal Superior de Justicia de Cataluña, Sala Contencioso-Administrativa, de 2 de Enero de 2014 [Электронный ресурс] // vLex España. URL: <https://vlex.es/vid/495410150> (дата обращения: 08.10.2025).

повторно подтвердил его законность, а в 2020 г. требование было распространено на все учебные заведения автономии. Тем не менее, даже при наличии судебных постановлений, вопрос ограничения роли испанского языка в школьном образовании Каталонии остается нерешенным и продолжает вызывать общественные споры.

В 2022 г. испанская партия Partido Popular предложила сформировать при Министерстве образования особый корпус независимых инспекторов, задачей которого станет контроль учебных планов и пособий на предмет соблюдения требования о 25 % преподавания на государственном языке¹. В случае выявления нарушений предлагается аннулировать аттестаты школ, не выполняющих норму, а сведения о нарушениях направлять в прокуратуру. Особенно остро эта проблема проявляется в Каталонии, где министр образования открыто заявил о намерении не соблюдать предписание суда о 25 % испанского языка в учебных планах. Более того, ответственность за неисполнение нормы возложена не на конкретные учебные заведения, а на департамент образования автономии, что фактически освобождает школьных директоров от персональной ответственности². В то же время правительство Испании предпринимает меры, направленные на исправление сложившейся ситуации. Так, в марте 2022 г. была принята новая программа стимулирования и модернизации экономики по государственной программе PERTE. На нее было выделено 1,1 млрд евро, 475 млн евро из которых были направлены на проекты, посвященные изучению испанского языка и его популяризации в мире³.

В результате проводимой в Каталонии и на Балеарских островах языковой политики, ориентированной на приоритетное продвижение каталанского языка при одновременном ограничении использования кастильского (испанского), нарушаются базовые конституционные права граждан Испании на получение образования и осуществление трудовой деятельности на государственном языке. Подобная практика противоречит положениям Основного закона страны. Отдельные националистические силы внутри автономий рассматривают языковую сферу как инструмент политического влияния, что приводит к ущемлению равных возможностей граждан в реализации своих прав – прежде всего в областях образования, профессиональной занятости и культурной жизни (Евдокимова, 2022).

Проведенное исследование роли языка в формировании национальной и этнической идентичности позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, язык не ограничивается исключительно функцией коммуникации, а выступает мощным инструментом политического конструирования. Как показал сравнительный анализ, одни и те же лингвистические процессы могут приводить к противоположным политическим результатам: консолидации разрозненных сообществ в единую нацию или росту сепаратистских настроений.

Во-вторых, на национальном уровне язык выполняет фундаментальную интегративную функцию. Исторический опыт Италии демонстрирует, что культурно-языковое единство (закрепление флорентийского диалекта как основы литературного языка) способно опережать политическое объединение. В данном случае язык стал тем связующим элементом, который позволил сформировать единую национальную идентичность, ставшую идеологической основой для последующего создания государства.

В-третьих, на этническом уровне язык чаще выполняет дифференцирующую функцию, становясь механизмом защиты самобытности меньшинств. Пример современной Испании (в частности, Каталонии и Страны Басков) показывает, что в условиях унитарного государства региональные языки политизируются. Они превращаются в маркер этнической границы, инструмент сопротивления ассимиляции и, как следствие, являются источником политико-правовых конфликтов с центральной властью.

Таким образом, влияние языка на идентичность носит двойственный характер. Он способен как стирать границы, создавая крупные национальные общности, так и возводить новые барьеры, если используется как ресурс этнической мобилизации. Это подтверждает, что языковая

¹ Stegmann J.G. El PP pide la creación de un cuerpo de inspectores para controlar el 25 por ciento del castellano en las aulas catalanas [Электронный ресурс] // ABC. 2022. 17.05. URL: https://www.abc.es/sociedad/abci-pp-pide-creacion-cuerpo-inspectores-para-controlar-25-por-ciento-castellano-aulas-catalanas-202205170135_noticia.html (дата обращения: 08.10.2025).

² Fernández D. La Generalitat convoca en Barcelona a los directores de los colegios que aún aplican el 25% de castellano [Электронный ресурс] // La Razón. 2022. 22.09. URL: <https://www.larazon.es/cataluna/20220922/a2es7o6vwzhhnhv3nz6rs6nhu.html> (дата обращения: 08.10.2025).

³ El Gobierno aprueba el Proyecto Estratégico para la Recuperación 'Nueva Economía de la Lengua' para maximizar el valor del español y las lenguas cooficiales en la transformación digital [Электронный ресурс] // Ministerio de Asuntos Económicos y Transformación Digital. 2022. 01.03. URL: https://portal.mineco.gob.es/es-es/comunicacion/Paginas/220301_np_perte.aspx (дата обращения: 08.10.2025).

политика является ключевым элементом, определяющим стабильность и структуру многонациональных государств, и требует глубокого осмысления с позиций социолингвистики, культурологии и политической философии.

Список источников:

- Гвиччардини Ф. История Италии : в 2 т. Т. 1. / пер. с итал. М.А. Юсима. М., 2019. 744 с.
Евдокимова А.А. Государственный и региональные языки Испании: союзники или соперники? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 9 (864). С. 61–67. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_9_864_61.
Жолудева Л.И. Проблема национальной идентичности в итальянских исторических и лингвистических сочинениях XVI века // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 1. С. 111–119.
Pere Mas, J. (2021) Approach to the Status and Management of Languages in the Catalan Public Health Care System. *Linguistic Minorities and Society*. (15–16), 167–197. Available from: doi:10.7202/1078481ar.
Trissino G. *Il Castellano*. Milano, 1864. 109 p. (на итал. яз.)

References:

- Evdokimova, A.A. (2022) State and regional languages of Spain: allies or rivals? *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. (9 (864)), 61–67. Available from: doi:10.52070/2542-2197_2022_9_864_61. (In Russian)
Guicciardini, F. (2019) *Istoriya Italii : v 2 t. T. 1* [The History of Italy : in 2 vols. Vol. 1]. Moscow. 744 p. (In Russian)
Pere Mas, J. (2021) Approach to the Status and Management of Languages in the Catalan Public Health Care System. *Linguistic Minorities and Society*. (15–16), 167–197. Available from: doi:10.7202/1078481ar.
Trissino, G. (1864) *Il Castellano*. Milano. 109 p. (In Italian)
Zholudeva, L.I. (2016) National identity issues in the 16th century Italian treatises on language and history. *Moscow University Philology Bulletin*. (1), 111–119. (In Russian)

Информация об авторе

А.Т. Мкоян – аспирант, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Саратов, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1259167

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

A.T. Mkoyan – PhD Student, Volga Region Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1259167

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.19>

Социальное воспроизводство мегаспортивного мероприятия в рамках Национальной стратегической программы Китая

Чжоу Чжэньхуа

Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, 774853404@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-2186-9170>

Аннотация. В статье рассматривается роль крупных спортивных мероприятий как движущей силы социального воспроизводства в рамках национальной стратегии на примере Зимних Олимпийских игр 2022 г. в Пекине. Принимая во внимание перспективу социального воспроизводства и используя контент-анализ официальных документов и научных работ, исследование позволяет составить представление о китайской модели развития спорта и установить ее взаимосвязь с политической стратегией. Полученные автором результаты свидетельствуют о том, что масштабные мероприятия, будучи стратегически интегрированными в национальную политику, выступают эффективными механизмами поэтапного предоставления государственных услуг и достижения целей социального развития. Олимпийские игры 2022 г. в Пекине послужили ключевой платформой для этого процесса, где синергетическое глобальное влияние Китая и Олимпийского движения способствовало достижению результатов социального воспроизводства, которые превосходили стратегические ожидания, придав значительный позитивный импульс укреплению национального имиджа и экономическому росту. Исследование содержит ценную информацию для ученых в области социально-философских наук, а также политологии, спортивных исследований, социологии.

Ключевые слова: мегаспортивные мероприятия, национальная стратегия, Зимние Олимпийские игры 2022 г. в Пекине, Зимние Олимпийские игры 2014 г. в Сочи, «мягкая сила», воспроизводство, модернизация, зимние виды спорта, хоккей

Финансирование: статья опубликована при финансовой поддержке Стипендиального совета Китая (CSC).

Для цитирования: Чжоу Чжэньхуа. Социальное воспроизводство мегаспортивного мероприятия в рамках Национальной стратегической программы Китая // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 156–161. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.19>.

Original article

Social Reproduction of Mega Event under China's National Strategic Framework

Zhou Zhenhua

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia, 774853404@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-2186-9170>

Abstract. This study examines the role of mega events as drivers of social reproduction within the framework of national strategy, with a specific focus on the Beijing 2022 Winter Olympics. Adopting a social reproduction perspective and employing content analysis of official documents and scholarly works, this research elucidates China's sports development model and its interplay with political strategy. The findings indicate that mega events, when strategically integrated into national policy, function as effective mechanisms for delivering phased public services and achieving social development objectives. The Beijing 2022 Winter Olympics served as a pivotal platform for this process, wherein the synergistic global influence of China and the Olympic Movement facilitated social reproduction outcomes that surpassed strategic expectations, generating significant positive momentum for national image-building and economic growth. This study offers valuable insights for scholars in political science, sports studies, sociology, and related fields.

Keywords: mega events, national strategy, Beijing 2022 Winter Olympics, Sochi 2014 Winter Olympics, soft power, reproduction, modernization, winter sports, ice hockey

Funding: The research work was funded by China Scholarship Council (CSC).

For citation: Zhou Zhenhua. (2025) Social Reproduction of Mega Event under China's National Strategic Framework. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 156–161. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.19](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.19) (In Russian).

Введение. Масштабные мероприятия, предполагающее международное участие на разных уровнях, имеют долгосрочное и глубокое значение для развития принимающей страны как компонент ее национальной стратегии. Такими спортивными мероприятиями являются Олимпийские игры. Китай активно использует спорт как инструмент культурной дипломатии и культивирования национальной идентичности, что способствует укреплению международных связей страны и повышению национального престижа. В современном Китае спорт рассматривается как модель развития, которая стимулирует социальное воспроизводство.

Актуальность работы обусловлена интенсификацией использования в современной дипломатии средств «мягкой силы» для достижения национальных целей. Применительно к проблематике нашего исследования имеет смысл говорить о том, что организация Зимних Олимпийских игр 2022 г. является не только собственным спортивным событием, но и средством укрепления позиций страны на мировой арене, возможностью для нее достичь ряда договоренностей. В этом контексте важно провести изучение использования крупных спортивных мероприятий в качестве средства защиты национальных интересов, особенно с точки зрения международного влияния.

Настоящая статья имеет своей целью рассмотреть социальное воспроизводство мегаспортивного мероприятия в рамках Национальной стратегической программы Китая.

Для ее достижения мы обратились к рассмотрению Олимпийских игр как образца глобального мероприятия на территории Китая, влияющего на его дальнейшее развитие и статус в мировом пространстве; изучению возможностей использования олимпийского наследия для социального воспроизводства населения; репрезентации политических контактов лидеров стран как залога международного взаимодействия в сфере спорта и повышения качества национальной интеграции на почве общих интересов.

Методами работы послужили: описание, которое мы использовали при характеристике значимости мегаспортивных событий для развития страны и активизации ее социального потенциала; ретроспективный анализ, востребованный при рассмотрении олимпийских событий 2022 гг. в Пекине; метод теоретических обобщений, который позволил изучить научные публикации по заявленной проблематике; использовался также контент-анализ.

Фундаментальным основанием предпринятого исследования стало применение системного, диалектического и исторического подходов для репрезентации социального воспроизводства как комплексного явления в его развитии на материале мегаспортивных мероприятий, проведенных в Китае.

Научная новизна работы представлена авторской точкой зрения на масштабные события, в частности, на Олимпийские игры, в контексте установления взаимосвязи между национальной стратегией развития страны и социальным воспроизводством.

Основная часть. Являясь одним из мегасобытий, наилучшим образом воплощающих ультрасовременность, национальные особенности и коллективизм, Олимпийские игры не только демонстрируют международный статус страны, но и свидетельствуют о ее обладании ресурсами «мягкой» и «жесткой» силы, а также о способности их использовать (Grix, Kramareva, 2015: 469). Общественная роль таких мероприятий не является случайной. Они интегрируются в общую национальную стратегию высшего уровня, реализуются в соответствии с практическими потребностями правительства и соответствующим образом корректируются или модифицируются. Принимая у себя Олимпийские игры, страна должна осуществить всеобъемлющее и системное обновление в различных областях собственного развития и социального управления. Поэтому крайне важно изучить взаимосвязь между зимними Олимпийскими играми и национальными стратегиями, а также то, как использовать их долгосрочные преимущества путем интеграции этих двух направлений.

Со стратегической точки зрения XXIV Зимние Олимпийские игры в Пекине оптимизировали внешнеэкономическую и торговую среду Китая (Влияние пандемии Covid-19 на организацию и проведение XXIV Олимпийских зимних игр 2022 года в Пекине ..., 2021: 283). Кроме того, положительный имидж, сформированный благодаря завоеванным медалям на различных соревнованиях, стимулировал целый ряд социально-экономических процессов, таких как содействие региональному и международному сотрудничеству, расширение деловых контактов, снижение безработицы за счет создания новых рабочих мест на рынке труда, улучшение инфраструктуры и стимулирование развития туризма и сферы услуг, что позволило Китаю продолжить демонстрировать свои достижения во всех сферах экономики (Чжао, 2023: 70). Соревнования в Пекине «привели к изменению национальных взглядов – от адаптации к вызову устоявшимся нормам и парадигмам» (Cabula, Pochettino, 2023: 18).

Олимпийские игры играют уникальную роль в развитии принимающей страны: они не только служат средством достижения спортивных результатов высокого уровня, но и выступают в качестве инструмента культурной и политической дипломатии – помогают укреплять международные связи и продвигают концепции взаимосвязанного мира и общей цивилизации. Олимпийские игры обычно несут в себе идеологическую концепцию, которая находит отражение в дизайне слоганов, сувениров и спортивных сооружений. Посыл может быть основан на культурных и исторических

особенностях страны (то есть являться компонентом культурных и ценностных элементов, которые усиливают «мягкую силу»). Это помогает подчеркнуть современные черты страны и является одной из причин, по которой подобные атрибуты служат инструментами распространения «мягкой силы» (Шишкина, 2022: 283).

А.Н. Измайлова утверждает, что для Китая более важным критерием успеха является нематериальное наследие, а именно демонстрация «мягкой силы» с помощью олимпийских принципов (Измайлова, 2024: 84). Распространение культурных и идеологических ценностей, привлечение внимания отечественной общественности к зимним видам спорта, формирование положительного имиджа во всем мире и внушение национальной гордости – эти элементы в совокупности доминировали на протяжении всего цикла Зимних Олимпийских игр: от жеребьевки и организации до проведения и завершения.

Спорт и олимпийское движение занимают важное место в китайской стратегии «мягкой силы», которая направлена на укрепление международного имиджа страны и повышение ее статуса в многополярном мире. Для Китая масштабные мероприятия, включенные в национальную стратегию, служат средством поэтапного предоставления государственных услуг и достижения целей в области благосостояния людей, а Зимние Олимпийские игры в Пекине в 2022 г. предоставили благоприятную возможность для реализации этой цели.

Одновременное глобальное влияние Китая и Олимпийских игр в то время позволило общественному воспроизводству достичь стратегических целей, превзошедших все ожидания, а также дало положительный импульс для улучшения национального имиджа страны и стимуляции экономического развития¹. Пекин, как и Сочи в 2014 г. (Persson, Petersson, 2014: 192), воспользовался проведением Зимних Олимпийских игр для продвижения национальной стратегии, основанной на активной пропаганде спорта и здорового образа жизни. Руководящим принципом здесь стало «всестороннее оздоровление и забота о людях».

В рамках национальной стратегии такой подход раскрывается в следующем.

Во-первых, на внутристрановом уровне стратегическая цель создания спортивной державы была поставлена на 18-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая (КПК) в 2012 г. Завершить процесс планируется к 2035 г.

Во-вторых, были определены четкие цели, задачи и конкретные меры по развитию ледовых и снежных видов спорта в различных категориях и уровнях соответственно². Правительственные ведомства последовательно опубликовали ряд документов³, в том числе План развития ледовых и снежных видов спорта (2016–2025 гг.)⁴, Национальный план строительства ледовых и снежных объектов (2016–2022 гг.)⁵, план реализации программы «Вдохновить 300 миллионов человек»⁶ участвовать в ледовых и снежных видах спорта» (2018–2022). Эти документы направлены на содействие популяризации и развитию ледовых и снежных видов спорта на политическом уровне, а также на качественное развитие спортивных предприятий в новую эпоху. Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул необходимость распространения олимпийского духа, укрепления спортивных обменов между Китаем и другими странами, содействия интеграции восточной и западной цивилизаций и демонстрации положительного имиджа Китая⁷.

¹ Волков А. Олимпийское движение как символ национального успеха: Китай [Электронный ресурс] // РСМД. 2024. 11 нояб. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/a-volkov/olimpiyskoe-dvizhenie-kak-simvol-natsionalnogo-uspekha-kitay/> (дата обращения: 20.11.2025).

² 冬奥会与冰雪规划将互为“助力” = Зимние Олимпийские игры и планирование мероприятий на льду и снегу будут «поддерживать» друг друга [Электронный ресурс] // Главное управление спорта Китая. URL: <https://www.sport.gov.cn/dyzz/n5168/c775106/content.html> (дата обращения: 15.11.2025) (на кит. яз.)

³ 国家体育总局发布冰雪运动发展两规划 = Лю Сяньюн. Главное управление спорта Китая опубликовало два плана развития ледовых и снежных видов спорта [Электронный ресурс] // Там же. 2016. 11 ноября. URL: <https://www.sport.gov.cn/n10503/c773699/content.html> (дата обращения: 15.11.2025) (на кит. яз.)

⁴ 国家体育总局发布《冰雪运动发展规划 (2016–2025)》及《全国冰雪场地设施建设规划(2016–2022)》 = Главное управление спорта Китая опубликовало «План развития ледовых и зимних видов спорта (2016–2025 гг.)» и «Национальный план строительства ледовых и снежных объектов и сооружений (2016–2022 гг.)» [Электронный ресурс] // Там же. URL: <https://www.sport.gov.cn/n315/n330/c773860/content.html> (дата обращения: 28.11.2025) (на кит. яз.)

⁵ Там же.

⁶ 冰雪之花开遍大江南北 — “带动三亿人参与冰雪运动”从愿景变成现实 = Фу Сяовэнь, Пэн Сяоси. Зимние виды спорта популяризируются по всей стране – идея «300 миллионов человек занимаются ледовыми и зимними видами спорта» становится реальностью [Электронный ресурс] // Главное управление спорта Китая. 2022. 26 мая. URL: <https://www.sport.gov.cn/n20001280/n20745751/c24312051/content.html> (дата обращения: 28.11.2025) (на кит. яз.)

⁷ Си Цзиньпин встретился с президентом МОК Кирсти Ковентри и его пожизненным почетным президентом Томасом Бахом [Электронный ресурс] // Генеральное консульство КНР в г. Владивостоке. 2025. URL: https://vladivostok.china-consulate.gov.cn/rus/zgyw_8/202511/t20251111_11750759.htm (дата обращения: 20.11.2025)

После зимних Олимпийских игр соответствующие государственные ведомства разработали периодический план использования олимпийского наследия¹. Он направлен на поддержку долгосрочного развития зимних видов спорта и дальнейшее использование, эксплуатацию и устойчивое развитие олимпийских объектов. Открытие их для публики значительно улучшило условия для участия общественности в зимних видах спорта и обеспечило необходимую техническую поддержку для таких мероприятий.

Как видим, планы и предложения, изложенные в официальных документах, такие как механизм использования Китая спорта в качестве нового фактора повышения производительности труда для продвижения общественного воспроизводства, работают в синергии с зимними Олимпийскими играми. Это способствует динамичному развитию зимних видов спорта на новых локациях – в Пекине, Шанхае и Шэньчжэне, а также стимулирует развитие индустрии зимних видов спорта на северо-востоке Китая, включая Харбин, Цицикар и Цзилинь, что способствует более широкому участию общественности в спортивных состязаниях по всей стране.

Зимние Олимпийские игры создали возможность для продвижения модели развития «двойной циркуляции» (интеграции внутреннего и международного экономических циклов) в Китае, при этом потенциал для реализации этой модели уже существует.

В рамках глубокой социальной реформы и корректировки структуры национальной экономики зимние Олимпийские игры были включены в национальную стратегию развития, что в итоге привело к социальному воспроизводству китайского общества в области экономики, науки и техники, а также культуры.

Еще одним глобальным мероприятием в области спорта, повлиявшим на развитие КНР, стало включение национального хоккейного клуба в состав «Континентальной хоккейной лиги» (КХЛ). 25 июня 2016 г. при совместном участии глав государств Китая и России Пекинский хоккейный клуб «Куньлунь Ред Стар Айс», ООО (КРС) и ООО «Континентальная хоккейная лига» (КХЛ) подписали «Авторизационное соглашение об участии в КХЛ» в Большом народном зале. Это ознаменовало рождение первого в истории китайского спорта профессионального клуба, вступившего в высшую мировую хоккейную лигу в Пекине, а также создание профессиональных хоккейных лиг различного уровня благодаря сотрудничеству между Федерацией хоккея России и Ассоциацией хоккея Китая². Проект получил поддержку и содействие от многих акторов, включая Министерство спорта России, КХЛ, Федерацию хоккея России, Главное спортивное управление Китая и Китайскую хоккейную ассоциацию. Это также первый случай, когда главы двух государств стали свидетелями подписания соглашения о сотрудничестве в конкретном виде спорта.

Хоккейные ассоциации Китая и России заявили, что они будут и дальше поддерживать участие КРС в КХЛ и оказывать необходимую поддержку для последующих инициатив, таких как развитие клубов, проведение соревнований, тренировок и создание детско-юношеских хоккейных школ. Хоккей – это не просто один из важнейших зимних видов спорта, он является национальным для России. На фоне проведения Зимних Олимпийских игр 2022 г. в Пекине хоккей с шайбой стал проводником спортивных и культурных обменов между Китаем, Россией и некоторыми другими странами в рамках инициативы «Один пояс, один путь», помогая повышать стандарты конкуренции и укреплять дружбу между народами.

Для развития хоккея на льду как в любительской, так и в профессиональной сферах власти стимулировали воспроизводственный процесс на разных уровнях – от социального управления до управления командой. В то же время для хоккейной индустрии они позволяют создавать продукцию по всей производственной цепочке, включая игроков, площадки и заводы по изготовлению оборудования. Все это было бы невозможно без продуманных действий на высшем уровне и дипломатических усилий глав государств, без усилий широкой общественности, которая любит хоккей, юных спортсменов, их родителей и т. д. В конечном счете все эти люди являются практическими руководителями усилий страны по реализации ее национальной стратегии посредством социального воспроизводства, которая включает в себя проведение зимних Олимпийских игр (инициатива, регулируемая государством на макроуровне) и разработку спортивных программ (инициатива, осуществляемая на микроуровне с индивидуальным участием).

---

¹ 北京2022年冬奥会和冬残奥会体育遗产报告 (2022) = Отчёт о спортивном наследии зимних Олимпийских и Паралимпийских игр 2022 года в Пекине (2022) [Электронный ресурс] // Оргкомитет зимних Олимпийских и Паралимпийских игр 2022 года в Пекине ; Пекинский спортивный университет. 2022. URL: <https://new.inews.gtimg.com/tnews/283af751/d04b/283af751-d04b-4ed7-a63d-59d38f69da6f.pdf> (дата обращения: 15.11.2025) (на кит. яз.)

² 北京昆仑鸿星征战大陆冰球联赛 = «Пекин Куньлунь Ред Стар» выступает в Континентальной хоккейной лиге [Электронный ресурс] // Жэньминь Жибао. URL: <http://sports.people.com.cn/n1/2016/0928/c407171-28746974.html> (дата обращения: 15.11.2025) (на кит. яз.)

Заключение. Являясь неотъемлемой частью национальной стратегии Китая, масштабные спортивные мероприятия служат для страны способом поэтапного достижения целей в области предоставления государственных услуг и повышения уровня жизни населения. Зимние Олимпийские игры в Пекине в 2022 г. предоставили значительную возможность для реализации этих целей. Являясь важнейшим элементом политической практики, они успешно привлекли внимание мировой общественности.

Подобные мероприятия укрепляют национальную сплоченность и глобальное влияние страны. Их роль является ключевой в преобразовании стратегических концепций в ощутимые социальные выгоды, тем самым поддерживая долгосрочное развитие и коллективное благополучие населения. Позиционируя зимние Олимпийские игры как национальную стратегию, Китай как принимающая страна использовал совокупное глобальное влияние как самого мероприятия, так и собственного международного авторитета для социального развития.

В целом, можно заключить, что мегаспортивные мероприятия могут считаться стимулом для социальной интеграции населения, его включенности в значимые для страны события, в целом для развития страны. Готовность Пекина поделиться своим опытом проведения мероприятий со всеми заинтересованными сторонами не гарантирует им достижения таких же высоких результатов, поскольку они находятся в зависимости от национальных условий, а одни и те же мероприятия, например, Олимпийские игры, будут нести на себе уникальный культурный отпечаток разных стран-организаторов. Это явление побуждает к новым размышлениям в контексте установления взаимосвязи между национальной культурой и интернационализацией на фоне формирующегося мирового порядка.

Список источников:

- Измайлова А.Н. Олимпийский фактор во внутренней и внешней политике КНР // Клио. 2024. № 7 (211). С. 82–87. <https://doi.org/10.24412/2070-9773-2024-7-82-87>.
- Влияние пандемии Covid-19 на организацию и проведение XXIV Олимпийских зимних игр 2022 года в Пекине / В.В. Мельников [и др.] // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2021. № 11 (201). С. 283–287. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2021.11>.
- Чжао На. Олимпийские игры как инструмент формирования имиджа китайской народной республики // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2023. № 120 (4). С. 55–70.
- Шишкина А.А. Олимпийские игры и «мягкая сила» ведущих мировых держав // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2022. Т. 9, № 3. С. 283–294. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2022-9-3-283-294>.
- Cabula M., Pochettino S. Emerging Negative Soft Power: The Evolution of China's Identity in the 2008 and 2022 Beijing Olympics Opening and Closing Ceremonies // The International Spectator. 2023. № 58 (2). P. 17–34. <https://doi.org/10.1080/03932729.2023.2195337>.
- Grix J., Kramareva N. The Sochi Winter Olympics and Russia's Unique Soft Power Strategy // Sport in Society. 2015. № 20 (4). P. 461–475. <https://doi.org/10.1080/17430437.2015.1100890>.
- Persson E., Petersson B. Political Myth Making and the 2014 Winter Olympics in Sochi: Olympism and the Russian Great Power Myth // East European Politics. 2014. Vol. 30, iss. 2. P. 192–209. <https://doi.org/10.1080/21599165.2013.877712>.

References:

- Cabula, M. & Pochettino, S. (2023) Emerging Negative Soft Power: The Evolution of China's Identity in the 2008 and 2022 Beijing Olympics Opening and Closing Ceremonies. *The International Spectator*. (58 (2)), 17–34. Available from: doi:10.1080/03932729.2023.2195337.
- Grix, J. & Kramareva, N. (2015) The Sochi Winter Olympics and Russia's Unique Soft Power Strategy. *Sport in Society*. (20 (4)), 461–475. Available from: doi:10.1080/17430437.2015.1100890.
- Izmaylova, A. N. (2024) The Olympic Factor in the Domestic and Foreign Policy of the PRC. *Klio*. (7 (211)), 82–87. Available from: doi:10.24412/2070-9773-2024-7-82-87. (In Russian)
- Melnikov, V. V., Melnikova, N. Yu., Kuan Yixin, Koreneva, M. V., Poddubnaya, T. N. & Peshkov, N. N. (2021) Impact of the Covid-19 Pandemic on the XXIV Olympic Winter Games of 2022 in Beijing. *Uchenye Zapiski Universiteta Imeni P.F. Lesgafta*. (11 (201)), 283–287. Available from: doi:10.34835/issn.2308-1961.2021.11. (In Russian)
- Persson, E. & Petersson, B. (2014) Political Myth Making and the 2014 Winter Olympics in Sochi: Olympism and the Russian Great Power Myth. *East European Politics*. 30 (2), 192–209 Available from: doi:10.1080/21599165.2013.877712.
- Shishkina, A. A. (2022) The Olympic Games and the "Soft Power" of the World's Leading States. *RUDN Journal of Public Administration*. 9 (3), 283–294. Available from: doi:10.22363/2312-8313-2022-9-3-283-294. (In Russian)
- Zhao, NA. (2023) Olympic Games as a Tool for Forming the Image of the People's Republic of China. *Bulletin of Moscow University. Series 27: Global Studies and Geopolitics*. (120 (4)), 55–70. (In Russian)

Информация об авторе

Чжоу Чжэнхуа – аспирант кафедры социальной философии Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1275009

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Zhou Zhenhua – PhD student, Department of Social Philosophy, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1275009

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 31.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 28.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 141

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.20>

**Мистика бахаи и Л.Н. Толстой в свете новых архивных материалов:
pro et contra**

Алла Владимировна Малкина^{1,2}

¹Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия,
almalik_75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5225-7578>

²Московский университет «Синергия», Москва, Россия

Аннотация. В статье впервые вводится в научный оборот переписка О.С. Лебедевой, М. Торнбург-Кроппер, Ризы-хана и мирзы А. Мамедханлы (Мамедханова) с Л.Н. Толстым, что позволяет наиболее полно прояснить малоизвестные страницы общения писателя с представителями веры бахаи. Цель исследования – введение в научный оборот и анализ новых архивных документов для уточнения хронологии интереса писателя к бахаи. Методы исследования: диахронный, ретроспективный, текстологический анализ и герменевтический метод. Материалы исследования составили неопубликованные письма представителей бахаи к Л.Н. Толстому и его ответы. Анализ писем раскрывает контекст переписки и отношение писателя к этико-теологическим аспектам учения бахаи. В результате исследования также уточнена хронология: Л.Н. Толстой продолжал переписку и полемику с бахаи в 1910 г.: Й. Каном, П. Полизоиди, А. Касимовым, А. Мамедханлы после прочтения книги У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» в декабре 1909 г.

Ключевые слова: Баб, Бахаулла, Абдул-Баха, вера бахаи, А.К. Казем-Бек, Л.Н. Толстой, О.С. Лебедева, М. Торнбург-Кроппер, А. Мамедханлы

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Малкина А.В. Мистика бахаи и Л.Н. Толстой в свете новых архивных материалов: pro et contra // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 162–168.
<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.20>

Original article

**Mystics of the Baha'i and L.N. Tolstoy in the Light of the New Archival Materials:
Pro Et Contra**

Alla V. Malkina^{1,2}

¹Saint Tikhon's Orthodox Humanitarian University, Moscow, Russia,
almalik_75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5225-7578>

²Moscow University Synergy, Moscow, Russia

Abstract. The article firstly presents new archival materials – correspondence between O.S. Lebedeva, M. Thornburg-Cropper, Riza Khan, and Mirza A. Mamedkhanly (Mamedkhanov) with L.N. Tolstoy, allowing for a more complete elucidation of little-known aspects of the writer's interactions with representatives of the Baha'i Faith. The aim of research is an introduction to the scientific discourse of the new materials and the analysis of the archival documents for the rectification of the chronology. Methods of the research: diachronic and retrospective analysis, textual analysis, hermeneutic method. Materials of the research: unpublished letters of the Baha'i to L.N. Tolstoy. Analysis of the Baha'i letters to L.N. Tolstoy and his answers reveal the context of their correspondence and his attitude to the ethic and theological aspects of the Baha'i Faith. The research resulted with the rectification of chronology and conclusion: L.N. Tolstoy continued correspondence and polemics with the Baha'i in 1910 (Y. Kan, P. Polizoidi, A. Kasimov, A. Mamedkhanly) after reading W. James' book *The Variety of Religious Experience* in December 1909.

Keywords: Bab, Baha'u'llah, Abdul-Baha, Baha'i faith, A.K. Kazem-Bek, L.N. Tolstoy, O.S. Lebedeva, M. Thornburg-Cropper, A. Mamedkhanly

Funding: Independent work.

For citation: Malkina, A.V. (2025) Mystics of the Baha'i and L.N. Tolstoy in the Light of the New Archival Materials: Pro Et Contra. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 162–168. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.20](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.20) (In Russian).

Среди многочисленных религиозно-философских восточных интересов Л.Н. Толстого одним из малоисследованных остается интерес к учению баби – бахаи, на протяжении 16 лет (1894–1910 гг.) сопровождавший писателя. Новизна настоящего исследования состоит во введении в научный оборот новых архивных материалов из архива Государственного музея Л.Н. Толстого (далее – ГМТ): писем О.С. Лебедевой, М. Торнбург-Кроппер (M. Thornburg-Cropper) и мирзы Алекпера

Мамедханлы. Актуальность исследования обусловлена 100-летием московской общины бахаи (1925–2025 гг.) и необходимостью прояснить малоизвестные подробности зарождения интереса Л.Н. Толстого к новому религиозному движению, адепты которого уважали знаменитого писателя и стремились посвятить в тонкости учения бахаи.

Движение баби, зародившееся в Иране в 1844 г., имело мессианский характер. Его основоположник – автор книги «Байан» («Разъяснения») Али Мухаммед Ширази (1819–1850 гг.) – провозгласил себя Мессией (Махди) – Бабом (перс. «Врата»), призванным подготовить приход нового Мессии. Им провозгласил себя мирза Хусейн Али Нури (1817–1892 гг.) в 1863 г., принявший имя Бахауллы (перс. «Слава Божия»).

Исследование религии баби и веры бахаи началось в отечественном востоковедении с 1850-х гг. (А.К. Казем-Бек (Казем-Бек, 1985), А.Г. Туманский (Туманский, 1898)) (Малкина, Касимова, 2024). Историография XX в., посвященная теме Л.Н. Толстого и веры бахаи, включает ряд зарубежных (Л. Стендардо (Stendardo, 1985), К. Мамыталиев¹) и отечественных (Н.А. Кузнецова (Кузнецова, 1963), А.И. Шифман (Шифман, 1971), И.В. Базиленко (Базиленко, 2009), В.Я. Лалуев (Лалуев, 2020: 243–308)) исследований. Работы представителей бахаи (Л. Стендардо, К. Мамыталиева) представляют конфессиональные интересы, советские источники (Н.А. Кузнецовой, А.И. Шифмана) отражают «революционную составляющую», современные работы (И.В. Базиленко, В.Я. Лалуева) основываются только на опубликованных письмах Л.Н. Толстого, не затрагивая архивные документы.

Обращение к архивным документам проясняет тот факт, что именно О.С. Лебедева познакомилась с учением бахаи в 1894 г., а общение с его адептами привело к знакомству с первоисточниками, мистический компонент которых был отвергнут писателем, отдававшим приоритет этическому компоненту любой официальной религии. При этом интерес Л.Н. Толстого к бахаи сохранялся до конца июня 1910 г.

Ранний интерес Л.Н. Толстого к ближневосточной ориенталистике с января 1844 г. по май 1845 г. был связан с подготовкой к поступлению и учебой на восточном отделении первого философского факультета Казанского университета. Лев Николаевич изучал арабский и турецкий языки у мирзы Мухаммеда Али (в крещении Александра Касимовича) Казем-Бека (1802–1870 гг.), а любовь к Востоку сохранил на всю жизнь. Переведенный в Петербургский университет в 1849 г., возглавивший кафедру персидской словесности в 1855 г., А.К. Казем-Бек стал пионером в изучении религии баби – опубликовал первый в мировой науке труд в 1865 г. (Казем-Бек, 1985), предвосхитивший французское исследование М. Гобино (Gobineau, 1900).

Впервые Л.Н. Толстой познакомился с учением баби – бахаи по инициативе Ольги Сергеевны Лебедевой – переводчицы его трудов на турецкий язык («Семейное счастье», «Ильяс», «Два старика» и «Чем люди живы»)², переписка с которой продолжалась с 23 июля 1894 по 15 марта 1895 г. На просьбу Л.Н. Толстого рассказать «о нравственном положении Турции» она подробно изложила состояние страны в письме 1 августа 1894 г.³, а в письме от 18 августа написала о возможном соединении ислама и христианства через учение баби: «Я нашла мусульманскую секту, очень близкую к христианству, посредством которой можно бы совершить присоединение мусульман к православию: это секта бабидов, или Бабистов. Вы, может быть, знаете о ней, если же нет и она Вас интересует, то я могу дать Вам подробные сведения о ней. Я разыскала их на Востоке и вошла в сношения»⁴. 3 сентября она призналась в личном знакомстве с сосланным баби мирзой Яхьей Нури («Субхи-Эзелем», «эземистом»), жившим тогда на Кипре, и выразила готовность прислать писателю «самые сокровенные книги» баби, а также желание перевести книгу законов Баба («Семь раев»). Среди исследователей новой религии она отметила Э. Брауна, барона Розена и А.Г. Туманского. О.С. Лебедева брала уроки арабского у «ученого шейха из эземистов, женатого на дочери Субхи Эзеля»⁵. Вместе с письмом она прислала тетрадь с собственным переводом с арабо-персидского языка и заметку А.Г. Туманского, которые по прочтении просила вернуть «лишь бы они не затерялись»⁶. В ответном письме 22 сентября Л.Н. Толстой выразил интерес к этике баби («изложению нравственного, общественного учения») и попросил прислать «на время» английские книги⁷. Прочитав в сентябре 1898 г. работу Ф. Андреаса

¹ Мамыталиев К. Духовное послание Л. Толстого сквозь призму новой религии Бахаи : дипломная работа. Познань, 2006.

² Письмо О.С. Лебедевой Л.Н. Толстому // ГМТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 161/166. Л. 1.

³ Там же. Д. 161/167. 10 л.

⁴ Там же. Д. 161/168. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 161/169. Л. 2 об. – 3.

⁶ Там же. Л. 3 об.

⁷ Письмо Л.Н. Толстого к О.С. Лебедевой // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 52: Дневники и записные книжки, 1891–1894 гг. М., 1952. С. 368.

«Бабиды в Персии» (экземпляр с пометами писателя хранится в яснополянской библиотеке) (Andreas, 1896), полученную через Р.М. Рильке, Л.Н. Толстой начал собирать книги о новом учении и предпринял попытки связаться с бахаи. Ему импонировало «отрицание земельной собственности и проповедь любви к ближнему» (Шифман, 1971: 337).

К письму принца бахаи мирзы Ризы-хана Арфа од-Довла (Даниша)¹, написанному по-французски 29 июня 1901 г., прилагалось для оценки стихотворение «Мир»: «Я надеюсь, что в ней Вы узрите устремление души, которая, как и Вы, страстно желает увидеть конец кровавого периода войн и наступление эпохи мира и счастья для страждущего человечества» (перевод Л. Гольдберг)². В присланном переводе стихотворения с персидского на французский предлагалось решение по установлению всеобщего мира на земле: «Когда братство будет царствовать между всеми народами, тогда не будет и повода для войны»³. В ответном письме 10 июля 1901 г. Л.Н. Толстой, сочувствовавший идее всеобщего мира, назвал баби «исповедующими истинную религию», чьи идеи «восторжествуют над варварством и жестокостью правительств»⁴. В это время причина зла определялась им как «незнание истинной религии, доступной всем людям, основанной на разуме, общем всем народам, и потому уже обязательной для всех»⁵. Интерес к мессианству, гармонии «веры и разума», живому общению с бахаи содержится в ответе писателя Габриэлю Саси от 28 июля 1901 г.: «Что такое “Бахай”? <...> Если вы не француз, то как случилось, что вы бабид? Бабизм меня очень давно интересует. Я прочел, что мог, по этому вопросу, и, хотя основная книга – библия бабизма⁶ – мне показалась малоценной, я все-таки думаю, что бабизм, как нравственное и гуманитарное учение, имеет большое будущее в восточном мире. Имея много общего с христианским анархизмом, он должен рано или поздно с ним слиться»⁷.

После отлучения от церкви (20–22 февраля 1901 г.) с сентября 1901 г. по июнь 1902 г. Л.Н. Толстой находился на лечении в Гаспре, где 25–27 мая 1902 г. его посетил персидский бахаи-разносчик: «вполне просвещенный человек, говорит, что он бабист»⁸. 17 сентября 1902 г. в Ясную Поляну к нему приезжал торговец из Мешхеда Азиз-Аллах Джаззаб (1841–1935 гг.) по поручению Абдул-Бахи. В диалоге с писателем он рассказал об истории движения баби и вере бахаи и передал Л.Н. Толстому письмо Абдул-Бахи, в котором говорилось: «Действуйте так, чтобы Ваше имя оставило добрую память в мире религии. Многие философы приходили, и каждый поднимал флаг на пять метров. Вы же подняли флаг на десять метров; погрузитесь в океан единства и обретите навечно помощь Господа» (Stendardo, 1985: 2). 30 июня 2017 г. Арам Джазаб Фирдуси, внучка мирзы А. Джазаба, подарила книгу Л. Стендардо яснополянской библиотеке, что следует из машинописного письма, прикрепленного к экземпляру.

В письме от 22 октября 1903 г. к И.А. Гриневской, приславшей Л.Н. Толстому поэму «Баб» 26 августа, писатель положительно отзывался об учении баби, отвергшем «старые магометанские суеверия», отметив его непоследовательный характер: «к несчастью, нечто подобное заметно в изложении учения Баба». Разделяя идеи «братства, равенства и любви» как имеющие «великую будущность», он выразил сочувствие этике баби: «И потому всей душой я сочувствую бабизму, в той мере, в кот[орой] он учит людей братству и равенству людей и жертве плотской жизни для служения Богу»⁹. В том же году в июле-августе он написал, а в ноябре опубликовал персидскую сказку «Ассирийский царь Ассархадон»¹⁰. В записной книжке была сделана запись – размышление о единстве: «Единение отдельных существ есть закон – процесс жизни. Если он не совершается сознательно, он совершается бессознательно – синдикаты, стачки, пресса. Следовать закону сознательно – счастье; быть вынужденным следовать ему против воли – несчастье»¹¹.

Основные этические принципы баби – бахаи (у Л.Н. Толстого – «бабисты»): ненасилие, любовь к ближнему, «неучастие в делах зла, совершаемых правительствами», миролюбие, пацифизм, глобализм, революционный пафос (баби), отрицание института духовенства, отсутствие обрядов и храмов, запрет иконопочитания, гармония веры и разума и др. – были созвучны взглядам

¹ Мирза Риза-хан Арфа од-Довла (1846–1937 гг.) – иранский политический деятель, литератор, посол в Российской и Османской империях, участник мирной конференции в Гааге в 1899 г.

² Письмо Ризы-хана к Л.Н. Толстому // ГМТ. Ф. 1. КП 4502. Инв. № 2226/1-2.

³ Там же. С. 6.

⁴ Письмо Л.Н. Толстого к Ризе-хану // Толстой Л.Н. Полное собрание ... Т. 73: Письма, 1901–1902 гг. М., 1954. С. 96.

⁵ Там же.

⁶ Имеется в виду «Китаб-Акдас» в переводе А.Г. Туманского.

⁷ Письмо Л.Н. Толстого к Г. Саси // Толстой Л.Н. Полное собрание ... Т. 73. С. 109–110.

⁸ Толстой Л.Н. Дневник писателя // Там же. Т. 54: Дневники, записные книжки и отдельные записки, 1900–1903 гг. М., 1954. С. 132.

⁹ Письмо Л.Н. Толстого И.А. Гриневской // Там же. Т. 74: Письма, 1903 г. М., 1954. С. 207–208.

¹⁰ Толстой Л.Н. Ассирийский царь Ассархадон // Там же. Т. 90: Произведения. Дневники. Письма, 1835–1910 гг. М., 1958. С. 11–14, 355.

¹¹ Толстой Л.Н. Записная книжка 1903–1904 гг. // Там же. С. 179.

Л.Н. Толстого. Увлечение Востоком, характерное для эпохи Серебряного века, рецепция идеи всеединства В.С. Соловьева, знакомство с учением о единстве Бахауллы, для которого разобщенность людей составляла временный и преодолимый этап на пути к единству человечества (Лалуев, 2020: 258), оказали влияние и на формирование взглядов самого Л.Н. Толстого.

Знакомство писателя с первоисточниками бахаи в 1904 г. – французским переводом «Китаби-Иган» парижского адвоката-бахаи Ипполита Дрейфуса – привело к разочарованию: «К сожалению, должен сказать, что чтение этой книги меня совершенно разочаровало в его учении. Вся книга состоит из незначительных и претенциозных фраз, и единственной целью ее является утверждение старинных предрассудков, лишенных нравственного и религиозного содержания в истинном смысле слова»¹. Чтение трудов Абдул-Бахи привело Л.Н. Толстого к категоричному заключению 31 июля 1904 г.: «Я очень интересовался бегаизмом и знаю о нем все. Думаю, что секта эта не имеет будущности»². Писатель не разделял лояльное отношение к правительствам и введение новых религиозных обрядов.

Однако в статье-размышлении «Как и зачем жить?» (6 октября 1905 г.) он вновь упоминает баби – бахаи в списке важных современных этических учений: «высшая мудрость человечества не за тысячи лет до нас, а теперь, сейчас. <...> Она в учении Руссо, Канта, Чаннинга, в учениях необуддистов, необраминов, бабистов и сотен и тысяч людей...»³. Но, несмотря на свой интерес к ним, для писателя высшим проявлением этики человечества оставалась Нагорная проповедь⁴.

28 июня 1906 г. известная английская бахаи М. Торнбург-Кроппер передала писателю визитную карточку с краткой записью на обороте: «По просьбе Аббаса Эффенди [Абдул-Бахи] из Акко, Сирии, я оправляю Вам это письмо, в котором он написал моему другу, что всегда очень интересовался Вами»⁵ (перевод наш) и послание «Простейшее по существу» Абдул-Бахи⁶. В беседе с японским корреспондентом и писателем Токутоми Кэндземиро Л.Н. Толстой также упомянул о бахаи (Шифман, 1971: 280). Некоторые высказывания Баба и Бахауллы (из «Таблиц бабидов») вошли в «Круг чтения». По инициативе писателя в 1908 г. И.Ф. Наживин (1874–1940 гг.) в первом выпуске серии «Голоса народов» издал очерк «Бабиды» (Наживин, 1908).

Для Л.Н. Толстого похвала новой религии всегда связывалась с этикой. Так, 28 декабря 1908 г. в письме к персидскому студенту Фридуна Хану Бадалбекову он утверждал: «Учение бабидов, перешедшее в (Бага-багаизм), возникшее из магометанства, представляет из себя одно из самых высоких и чистых религиозных учений»⁷. Разделяя идею поступательного развития человечества, в письме к Е.Е. Векиловой от 13–16 марта 1909 г. Л.Н. Толстой назвал ислам «высшим этапом» развития религии, но предрек ему слияние с христианством: «сольется с основами всех больших религий и в особенности с христианским учением, которое признает истиной»⁸. Эта идея из письма О.С. Лебедевой была созвучна мнению писателя, который увидел в учении бахаи начало этого слияния: «Учение это не признает никаких внешних форм богочитания, считает всех людей братьями и признает только одну религию любви, общую всему человечеству»⁹. В письме к татарскому писателю М.М. Крымбаеву 14–16 марта Л.Н. Толстой восторгается анархизмом баби: «Люди эти не признают никаких внешних религиозных форм и основу религии, которую они считают единой во всех, полагают в доброй жизни, т. е. в любви к ближнему и неучастию в делах зла, совершаемых правительствами»¹⁰. Единство человечества через принятие новой всеобщей религии отражено и в письме 24 марта 1909 г. депутату французского парламента Филиппу Гренье: «Способствовать уничтожению этих отдельных религий и основанию одной всемирной религии – одно из лучших призваний человека в наше время», причем учение бахаи приводится в пример – «единство религий»¹¹.

¹ Письмо Л.Н. Толстого к И. Дрейфусу // Толстой Л.Н. Полное собрание ... Т. 75: Письма, 1904–1906 гг. М., 1956. С. 78.

² Письмо Л.Н. Толстого к Э. Кросби // Там же. С. 151.

³ Толстой Л.Н. Как и зачем жить? // Там же. Т. 36: Произведения, 1904–1906 гг. М., 1936. С. 398.

⁴ Двенадцать этических принципов бахаи были сформулированы в «Парижских беседах» 1912 г. Абдул-Бахи уже после смерти писателя.

⁵ I have been requested by Abbas Effendi, of Akka, Syria, to send you this letter, where he wrote to a friend of mine, he is always much interested in you (Письмо М. Торнбург-Кроппер к Л.Н. Толстому // ГМТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 243/61-2. Л. 1 об.).

⁶ Послание хранится в архиве музея Л.Н. Толстого в Москве.

⁷ Письмо Л.Н. Толстого к Ф.Х. Бадалбекову // Толстой Л.Н. Полное собрание ... Т. 78: Письма, 1908. М., 1956. С. 306.

⁸ Письмо Л.Н. Толстого к Е.Е. Векиловой // Там же. Т. 79: Письма, 1909. М., 1955. С. 119.

⁹ Там же. С. 120.

¹⁰ Письмо Л.Н. Толстого к М.М. Крымбаеву // Там же. С. 121.

¹¹ Письмо Л.Н. Толстого Ф. Гренье // Там же. С. 131–132.

Мистика бахаи, заложенная в первоисточниках, оказалась за пределами понимания писателя (письмо к П.П. Картушину)¹, но книги о бахаи писатель продолжал собирать, читать, анализировать. 15 июня 1909 г. в письме к армянскому писателю С. Атрпету (Саргису Мубаяджяну) он положительно оценил его книгу о бахаи и просил прислать другие работы (Атрпет, 1909).

Переписка с Алекпером Мамедханлы (Али Акбаром Нахджавани) (1875–1920 гг.) продолжалась с 1 сентября 1909 г. до 18 февраля 1910 г. и была инициирована Абдул-Бахой, который уважал Л.Н. Толстого за «образ жизни» и отказ от земельной собственности в пользу крестьян². К письму прилагался первый перевод Мамедханлы – речи Абдул-Бахи «Воззвание к беахистам Востока и Запада». В ответном письме 22 сентября Л.Н. Толстой упомянул о плане написать собственную книгу о Бабе и бахаи для серии «Общедоступное изложение жизни и учений мудрецов»³. С письмом от 10 октября Мамедханлы прислал свой рукописный перевод сочинения Бахауллы «Лох. Восхождение»⁴ и Абдул-Бахи «Письма к Хувейт <Huveit> (к одной американской беахистке)»⁵. Он также отправил бандероль с новой книгой Атрпета «Имамат» (экземпляр хранится в яснополянской библиотеке)⁶. В письме к Ф.А. Желтову 12 октября писатель раскритиковал переводы и планировал 18 октября поручить секретарю составить ответ-благодарность, но предпочел ответить лично⁷. К письму от 24 ноября А. Мамедханлы приложил собственный перевод сочинения Бахауллы «Лаух. Отблески»⁸ и написал о желании прислать свою книгу «О Бабе, Баха-Улле и Абдул-Бехе», которая должна была «на днях выйти из печати»⁹. Настоятельное желание познакомить Л.Н. Толстого с учением бахаи он связывал с намерением Льва Николаевича написать собственную книгу «о Бабе и Баха-Улле»¹⁰ и потому просил передать ему право на издание этой будущей книги и написать об условиях: «Надеюсь, если возможно будет, в этом удовольствии мне не откажете»¹¹. Переводы А. Мамедханлы были раскритикованы Л.Н. Толстым: «Очень сожалею, что не могу признать значительными присланные вами мысли. Все это совершенно бессодержательно. Вообще чем больше я знакомлюсь с беахитским учением, тем менее ценю его, и потому едва ли составлю о нем книгу»¹². Сохранилась запись Д.П. Маковицкого: «1 декабря Лев Николаевич говорил о какой-то бабистской книге “Лучи”¹³, что это восточная риторика без содержания»¹⁴.

Несмотря на разочарование и непонимание религиозной мистики бахаи, контакты Л.Н. Толстого с адептами продолжались с 2 декабря 1909 г. по июнь 1910 г., о чем не сказано в работе И.В. Базиленко (2009) и схематично упомянуто в исследовании Л. Стендардо (Stendardo, 1985). Лев Николаевич планировал поместить во вторую серию «Круга чтения» книгу о Бахаулле. 28 декабря из Решта бахаи П. Полизоиди отправил письмо с подробным изложением теологии бахаи, на которое 14 января 1910 г. Л.Н. Толстой выразил благодарность «за интересные и важные сведения о беахистах»¹⁵ и готовность встретиться с переводчиком Абдул-Бахи доктором медицины Йонессом Каном (Ханом). Для писателя осталось неприемлемым признание роли «пророков человечества» как посланников Божиих («непогрешимость пророков учителей бахаизма»¹⁶), о чем он сообщил 26 января в письме к бакинскому учителю Али Касимову: «Приписывание особенного пророческого значения некоторым людям, как Моисею, Христу, Кришне, Будде, Магомету и Бахаулле и многим, многим другим, есть одна из главных причин разъединения людей и вражды их. И потому такое приписывание значения отдельным лицам есть дело, противное Богу, и великий грех»¹⁷.

¹ Письмо Л.Н. Толстого П.П. Картушину // Толстой Л.Н. Полное собрание ... Т. 79. С. 213–214.

² Письмо А. Мамедханлы Л.Н. Толстому // ГМТ. Ф. 1. КП-4502. Инв. № 51799. Л. 1.

³ Письмо Л.Н. Толстого А. Мамедханову // Толстой Л.Н. Полное собрание... Т. 80: Письма, 1909 г. (июль – декабрь). М., 1955. С. 103.

⁴ Беах-Улла. Лох. Восхождение // ГМТ. Ф. 1. КП-4502. Инв. № 51800/2. 4 л.

⁵ Абдул-Баха Абас Эфенди. Письма к Хувейт (к одной американской беахистке) // Там же. Инв. № 51800/3. 4 л.

⁶ Письмо А. Мамедханлы к Л.Н. Толстому // Там же. Инв. № 51800/1. Л. 1.

⁷ Письмо Л.Н. Толстого А. Мамедханову // Толстой Л.Н. Полное собрание... Т. 80. С. 149.

⁸ Беах-Улла. Лаух. Отблески // ГМТ. Ф. 1. КП-4502. Инв. № 51801/2. 2 л.

⁹ Письмо А. Мамедханлы Л.Н. Толстому // Там же. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 1 об.

¹¹ Там же.

¹² Письмо Л.Н. Толстого к А. Мамедханову // Толстой Л.Н. Полное собрание... Т. 80. С. 219.

¹³ Первая строка «Лох. Восхождение».

¹⁴ Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904–1910 гг. Яснополянские записки : в 4 кн. Кн. 4: 1909–1910 (июль – декабрь). М., 1979. С. 119.

¹⁵ Письмо Л.Н. Толстого П. Полизоиди // Толстой Л.Н. Полное собрание... Т. 81: Письма, 1910. М., 1956. С. 48.

¹⁶ Там же. С. 78.

¹⁷ Письмо Л. Толстого А.А. Касимову // Там же. С. 77.

В последнем письме Мамедханлы 10 февраля 1910 г. писал: «действительно Беха-Улла нам нового ничего не дал, кроме “Божественного Дома Справедливости”, но зато он старое преподнес в новой оболочке»¹, как и предыдущие учителя человечества, заслугой которых является практическое осуществление учения. «Посылаю Вам мое новое произведение “Баб, Беха-Улла, Абдул-Беха”, надеюсь уделите время прочесть...»². Сохранился черновой автограф Л.Н. Толстого от 18 февраля на конверте с выражением благодарности за книгу (книга не сохранилась в библиотеке писателя)³. 19 февраля И. Кан выслал Л.Н. Толстому книгу М.Г. Фелпса об Абдул-Бахе (Phelps, 1903), которая была прочитана (экземпляр с пометами хранится в яснополянской библиотеке) и положительно оценена, что следует из черновика-ответа 23 февраля, написанного по-французски: Л.Н. Толстой признался в желании «написать популярную книгу о прекрасном учении Аббаса Эффенди»⁴. Из полученной им 11 мая 1910 г. новой книги армянского писателя А. Аракеяна «Бабизм» (Атрпет, 1909) Лев Николаевич «узнал новые для него вещи»⁵ и рекомендовал ее к переизданию в «Библиотеке для чтения».

15 мая в беседе с членом общества оккультистов Матвеевым на реплику о баби – «Это движение очень интересное» – писатель заметил: «Очень глубокое, я ни одного не знаю такого глубокого»⁶. После продолжительной болезни 10 июня 1910 г. Л.Н. Толстой «много читал о бехаизме с дурным чувством, обращенным на себя»⁷. 14 июня он отметил желание молиться, но при этом его религиозный опыт не связан с конфессиональностью: «Соединяет только одна религия – одно понимание жизни. Но религии такой нет – как церкви или Бахаисты, а только стремление к такой единой религии. Мешает единению, во-первых, непонимание того, что в этом цель, а во-вторых, и главное, – понимание этого, но с предположением, что эта религия найдена, что она католицизм, Бахаизм»⁸. Для Л.Н. Толстого истинная религия была связана с процессом ее поиска. 28 июня была сделана запись «Суеверие зла. Зла нет. Жизнь благо. Зла нет. Есть только ошибки наши... <...> А в исправлении их величайшая радость»⁹, которая созвучна теологии бахаи, не признающей существование зла.

Интерес Л.Н. Толстого к учению баби – бахаи, как и к другим религиям, выражался в изучении этического компонента. Писателю были близки многие идеи бахаи: непротivление злу насилием, миролюбие, запрещение войн, дружба и братство народов, глобализм, поступательное развитие человечества к прогрессу, а религиозной мистицизм так и остался непонят им. Анализ архивных документов (писем О.С. Лебедевой, М. Торнбург-Кроппер, Ризы-хана, А. Мамедханлы) подтверждает заинтересованность Абдул-Бахи в переписке с Л.Н. Толстым, раскрывает инициативу со стороны бахаи к общению с писателем. Несмотря на двойственное отношение к учению бахаи, после прочтения книги У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» в декабре 1909 г. (2023), Л.Н. Толстой продолжил переписку с бахаи, в мае 1910 г. признал непостижимую «глубину учения», а 14 июня определил «истинную религию» как нахождение в ее постоянном поиске, не сводимом для него ни к одной из существующих конфессий.

Список источников:

- Атрпет С. Мамед-Али шах. Народное движение в стране Льва и Солнца. Александрополь, 1909. 146 с.
Базиленко И.В. О влиянии идей бахаизма на мировоззрение Л.Н. Толстого (1828–1910 гг.) // Христианское чтение. 2009. № 7–8. С. 150–171.
Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / пер. с англ. В.Г. Малахеевой-Мирович, М.В. Шика. М., 2023. 574 с.
Казем-Бек А.К. Баб и бабиды: религиозно-политические смуты в Персии в 1844–1852 гг. // Казем-Бек А.К. Избранные произведения. Баку, 1985. С. 65–224.
Кузнецова Н.А. К истории изучения бабизма и бехаизма в России // Очерки по истории русского востоковедения : сб. 6 / отв. ред. В.И. Авдиев, Н.П. Шастина. М., 1963. С. 89–133.
Лалуев В.Я. Роль религиозных пророчеств в формировании вероучений мормонизма, адвентизм и бахаизма: философско-религиоведческий анализ. Омск, 2020. 368 с.
Малкина А.В., Касимова Р.И. Вера бахаи в отечественном востоковедении и ее влияние на представителей культурной элиты XIX – начала XX в. // Человек. Социум. Общество. 2024. № S9. С. 44–52.
Наживин И.Ф. Бабиды // Наживин И.Ф. Голоса народов. М., 1908. С. 16–64.
Туманский А.Г. Два последних бабидских откровения. СПб., 1898. 8 с.
Шифман А.И. Лев Толстой и Восток : 2-е изд. М., 1971. 552 с.
Andreas F.C. Die Babi's in Persien. Ihre Geschichte und Lehrquellenmassig und nacheigner Anschauung dargestellt. Leipzig, 1896. 75 p.

¹ Письмо А. Мамедханлы Л.Н. Толстому // ГМТ. Ф. 1. КП-4502. Инв. № 51802/1. Л. 1–1 об.

² Там же. Л. 2.

³ Беха-Улла, Баб. Записки путешественника / сост. М.А. Мам-лы : 2-е изд. испр. Баку, 1909. 55 с.

⁴ Письмо Л.Н. Толстого к И. Кану // Толстой Л.Н. Полное собрание... Т. 81. С. 107.

⁵ Маковицкий Д.П. Указ. соч. С. 251.

⁶ Там же. С. 255.

⁷ Толстой Л.Н. Полное собрание... Т. 58: Дневники и записные книжки, 1910 г. М., 1934. С. 62.

⁸ Там же. С. 64.

⁹ Там же. С.74.

Gobineau, M. de. Les religions et les philosophies dans l'Asie Centrale. Paris, 1900. 575 p.
Phelps M.H. Life and teaching of Abbas Effendi. A study of the religion of the Babis or Bahais. N. Y.; L., 1903. 259 p.
Stendardo L. Leo Tolstoi and the Baha'i faith. Oxford, 1985. 75 p.

References:

- Andreas, F.C. (1896) The Babi's in Persia. Their history and teachings presented from primary sources and according to personal observation. Leipzig, Verlag der Akademischen Buchhandlung. (In German)
Atrpet, S. (1909) Mamed-Ali Shah. Popular movement in the Land of the Lion and the Sun. Alexandropol, Shirak. (In Russian)
Bazilenko, I.V. (2009) The influence of Baha'i faith ideas on L.N. Tolstoy's (1828–1910) world outlook. *Christian Reading*. (7–8), 150–171. (In Russian)
Gobineau, M. de. (1900) Religions and philosophies in Central Asia. Paris, E. Leroux. (In French)
Kazem-Bek, A.K. (1985) Babs and Babids: Religious and political unrest in Persia in 1844–1852. In: Kazem-Bek, A.K. *Selected works*. Baku, Elm, 65–224. (In Russian)
Kuznetsova, N.A. (1963) On the history of the study of Babism and Baha'ism in Russia. In: Avdiev, V.I. & Shastina, N.P. (eds.) *Essays on the history of Russian oriental studies: Collection 6*. Moscow, Izdatel'stvo Vostochnoi Literatury, 89–133. (In Russian)
Laluev, V.Ya. (2020) The role of religious prophecies in the formation of the doctrines of Mormonism, Adventism, and Baha'i Islam: A philosophical and religious studies analysis. Omsk, OmGTU. (In Russian)
Malkina, A.V. & Kasimova, R.I. (2024) Baha'i faith in domestic oriental studies and its influence on representatives of the cultural elite of the XIX – beginning of XX centuries. *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo*. (S9), 44–52. (In Russian)
Nazhivin, I.F. (1908) Babids. In: Nazhivin, I.F. *Voices of the peoples*. Moscow, I.N. Kushnerev i K, 16–64. (In Russian)
Phelps, M.H. (1903) Life and teaching of Abbas Effendi. A study of the religion of the Babis or Bahais. New York; London, Knickerbocker.
Shifman, A.I. (1971) Leo Tolstoy and the East. Moscow, Nauka. (In Russian)
Stendardo, L. (1985) Leo Tolstoi and the Baha'i faith. Oxford, George Ronald.
Tumansky, A.G. (1898) The last two Babid revelations. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk. (In Russian)
William, J. (2023) The varieties of religious experience. Moscow, AST. (In Russian)

Информация об авторе

А.В. Малкина – магистр теологии, преподаватель, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; старший преподаватель, Московский университет «Синергия», Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1161595

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

A.V. Malkina – Master's Degree in Theology, Lecturer of the Saint Tikhon's Orthodox Humanitarian University; Senior Lecturer of the Moscow University Synergy, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1161595

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 94(47).05:629.5

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.21>

Влияние кораблестроения в Воронежском крае в петровскую эпоху на экономический подъем и повышение административного статуса региона

Наталья Александровна Душкова

Воронежский государственный технический университет,
Воронеж, Россия, Dushkova_vstu@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется степень воздействия кораблестроения на хозяйственную жизнь в Воронежском крае в петровскую эпоху. Речь идет о создании мануфактур, в основном казенных, расширении торговли, развитии сельского хозяйства и животноводства, активизации предпринимательской деятельности среди различных слоев населения, внедрении товарно-денежных отношений. Отмечается, что кардинальные преобразования в социально-экономической жизни региона по сравнению с предшествующим периодом, когда все еще происходило заселение территории и население было представлено в основном служилыми людьми, способствовали повышению административного статуса края и созданию Воронежской губернии. Автор указывает на повышенный интерес Петра I к городу Воронежу, где первоначально была заложена верфь. Город, который сравнительно недавно был крепостью, становится не только местом ремесла и активной торговли, но и политическим, культурным центром юга России.

Ключевые слова: кораблестроение, экономика, мануфактуры, торговля, сельское хозяйство, Петр I, губерния

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Душкова Н.А. Влияние кораблестроения в Воронежском крае в петровскую эпоху на экономический подъем и повышение административного статуса региона // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 169–177. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.21>.

Original article

The Influence of Shipbuilding in the Voronezh Region in the Peter the Great Era on the Economic Recovery and Improvement of the Administrative Status of the Region

Natalia A. Dushkova

Voronezh State Technical University,
Voronezh, Russia, Dushkova_vstu@mail.ru

Abstract. The article analyzes the degree of influence of shipbuilding on economic life in the Voronezh Region in the Peter the Great era. This includes the creation of manufactories, primarily state-owned, the expansion of trade, the development of agriculture and livestock farming, the intensification of entrepreneurial activity among various segments of the population, and the introduction of commodity-money relations. It is emphasized that the dramatic changes in the region's socioeconomic life, compared to the previous period, when the territory was still being settled and the population was primarily made up of service people, contributed to the elevation of the region's administrative status and the creation of the Voronezh Governorate. The author points to Peter the Great's increased interest in the city of Voronezh, where the shipyard was originally founded. The city, which was a fortress relatively recently, is becoming not only a place of craft and active trade, but also the political and cultural center of southern Russia.

Keywords: shipbuilding, economics, manufactures, trade, agriculture, Peter the Great, province

Funding: Independent work.

For citation: Dushkova, N.A. (2025) The Influence of Shipbuilding in the Voronezh Region in the Peter the Great Era on the Economic Recovery and Improvement of the Administrative Status of the Region. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 169–177. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.21](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.21) (In Russian).

Введение. В настоящее время интерес к петровской эпохе по-прежнему сохраняется. Это был значимый этап в истории всей России, а для Воронежского края в особенности. Всестороннее осмысление факторов, которые привели в тот период к модернизации, созданию промышленной базы, поможет и в наши дни выбрать верный путь для стабильного развития как всей России, так и отдельных ее регионов. Поводом для написания статьи явился тот факт, что в 2025 г. исполнилось 300 лет со дня смерти Петра I, 325 лет со дня спуска на воду в Воронеже линейного корабля «Гото Предестинация» («Божье Предвидение») – первого корабля российского Военно-морского флота и 300 лет со дня образования Воронежской губернии.

О петровской эпохе написано немало книг и статей. И работа в этом направлении продолжается. В первой четверти XXI века издана работа А.Б. Каменского, в которой автор анализирует влияние реформ Петра I на модернизационный процесс всего XVIII века (Каменский, 2019). Представляет интерес монография Н.А. Воскресенского о законодательной деятельности Петра I, что обеспечило успешную реализацию реформ (Воскресенский, 2017). Но особого внимания заслуживают труды Е.В. Анисимова, которые продолжают целую серию его работ о петровской эпохе (Анисимов, 2009; 2017). В них он рассматривает вопрос о том, как личные качества Петра I повлияли на реформы, образно представляет полемику западников и славянофилов о роли Петра I в истории России и пытается разобраться, необходимы ли были его реформы и был ли это действительно социально-экономический прорыв.

Продолжается работа по исследованию состояния Воронежского края в петровскую эпоху и в Центральном Черноземье. Авторы исследуют процесс создания промышленных предприятий под воздействием начавшегося кораблестроения в Воронеже, отмечают возросшую роль крестьянских кустарных промыслов, указывают на активизацию предпринимательской деятельности (Августин, 2007; Григорова, 2011; Душкова, Павличенко, 2015; Мизис, 2006; Павличенко, 2014; Расторгуев, 2002).

Отдельно следует сказать о работе Н.А. Комолова (2019). Она имеет научно-популярный характер, но дает представление о жизни города Воронежа в период строительства кораблей, о новых явлениях, которые происходили в петровское время.

Британские и американские историки также по-прежнему проявляют интерес к петровской эпохе. В целом, они, как и раньше, позитивно оценивают деятельность Петра I. Но в последнее время они больше внимания уделяют вопросу о цене петровских преобразований, отмечают деспотичный характер правления императора, указывают на незавершенность реформ и недостаточную связь с Западом (Hughes, 2002; Cracraft, 2003; Daly, 2018). Неодобрительно высказываются западные авторы и о разрушении Петром I самобытности отдельных народов и регионов в ходе проведения реформ в России (Воеск, 2009).

Цель и задачи. Цель работы заключается в том, чтобы проанализировать влияние кораблестроения в петровскую эпоху на хозяйственную жизнь Воронежского края, на повышение его административного статуса. В связи с этим определены следующие задачи, имеющие новизну: сравнить социально-экономическую ситуацию Воронежского края в петровскую эпоху с ситуацией в конце XVII века, показать новые явления в промышленном производстве, торговле и сельском хозяйстве, отметить активизацию предпринимательской деятельности и формирование купеческого сословия, подчеркнуть значимость экономического подъема региона для образования Воронежской губернии.

Территориальные рамки статьи. Понятие «Воронежский край», хотя и не является официальным названием, широко используется в научной литературе, когда речь идет о периоде XVII–XVIII веков. Обусловлено это тем, что данная территория в то время часто меняла административные формы: от уезда до губернии. Воронежский край включает территории современной Воронежской области, а также части Тамбовской, Белгородской, Курской, Орловской и Липецкой областей.

Методология и методы. Методологическую основу статьи составили принципы историзма и научной объективности. Принцип историзма дал возможность проследить кардинальные изменения в социально-экономической сфере Воронежского края. Принцип объективности позволил избежать односторонности в оценке хозяйственных достижений региона. Кроме того, в работе использовался сравнительно-исторический метод для сопоставления фактов, статистический метод для выявления количественных показателей, логический метод для формирования общих и частных выводов.

В конце XVII века Воронеж и прилегающие к нему уезды, именуемые Воронежским краем, были определены императором Петром I центром создания Военно-морского флота. Строительство судов началось здесь еще в период подготовки второго Азовского похода. Однако основательно работа развернулась после октября 1696 г., когда Боярская дума по настоянию Петра I приняла решение о создании отечественного регулярного Военно-морского флота. Россия должна была превратиться из континентальной в морскую державу, чтобы действовать активно на международной арене. В ближайшие планы царя входило освоение южного торгового пути и завоевание Азова.

Выбор в пользу Воронежского края был продиктован благоприятными условиями для судостроения: опытными мастерами, судоходными реками, имевшими выход к Азовскому морю, вековыми лесами, сельским хозяйством для обеспечения рабочих людей продовольствием, природными ископаемыми для развития мануфактурного производства.

Только за 15 лет были достигнуты грандиозные успехи – построено более 100 военных судов, что давало возможность принимать и успешно решать все поставленные перед страной военно-политические задачи (Лавринов, 1981: 77). В частности, удалось завоевать крепость Азов, а впоследствии подписать мирный договор с Турцией, чтобы начать войну со Швецией.

В свою очередь, кораблестроение послужило драйвером для активизации хозяйственной жизни на воронежской земле. Речь идет об оживлении предпринимательской деятельности, расширении мануфактурного производства, развитии торговли, подъеме сельского хозяйства и животноводства.

Когда кораблестроение только зарождалось, земли Воронежского края находились еще на этапе заселения и освоения. Население на 80 % было представлено служилыми людьми (Галкин, 2002: 9). Из них людей «по прибору» было больше, чем «по отечеству». Это были казаки, стрельцы, пушкар, сторожи, рейтары, затинщики и др. Они несли службу по охране южной границы России и одновременно занимались сельским хозяйством. Им было положено жалованье и небольшие земельные участки. Небольшую часть населения составляли посадские люди, крестьяне, духовенство и группы без определенной сословной принадлежности¹.

Однако, как и по всей России, в этих местах стал происходить процесс разделения на сословия. Приборные служилые люди сливались с крестьянами в одну тяглую массу, обособились феодалы, заметнее стала граница между сельским и городским посадским населением.

Казаки, стрельцы и пушкар, проживая в городских слободах, постепенно втягивались в торгово-ремесленную деятельность. Самые большие прибыли приносила донская струговая торговля, что способствовало имущественному расслоению в среде приборных служилых людей. Наиболее состоятельные из них составят в будущем основу предпринимательского слоя, сформируют купеческие династии на воронежской земле. Например, семьи Савостьяновых, Титовых, Барсуковых².

Постепенно стали развиваться кустарные промыслы: металлургический, строительный, гончарный, по переработке сельскохозяйственной продукции. К кустарным промыслам относились также рыболовство, пчеловодство, охота, извознический промысел, судоходство³.

По мере строительства Белгородской оборонительной черты в крае увеличивалось число городов-крепостей. Все они, изначально заселенные преимущественно служилыми людьми, к концу XVII века стали местами сосредоточения ремесла и торговли. Самым значительным из них с экономической позиции являлся Воронеж. Это стало возможным из-за того, что граница отодвинулась дальше к югу от города, и набеги татар значительно сократились. Кроме того, сказывалось и такое важнейшее преимущество, как географическое положение. Город стоял на донском водном пути.

В Воронеже в это время увеличивается численность посадских людей и возрастает их роль в жизни города. Если в начале XVII века в Воронеже имелось около 80 посадских дворов, то в конце века их число возросло почти до 350, увеличившись в 4,5 раза⁴.

В конце XVII века, в 1693–1694 гг., в Воронежском крае был построен первый доменный вододействующий завод. Его владельцами являлись московские предприниматели К. Борин и Н. Аристов. У местных предпринимателей таких средств еще не было. Завод находился рядом с притоком реки Воронеж – Белый Колодезь, недалеко от города Романова, и был связан водным путем с Воронежем. Завод стал известен как Романовский, или Боринский. На нем работали бывшие кушари Романовского и Белоколодского уездов, которые производили металлические изделия для внутреннего потребления всего Воронежского края. Однако уже с осени 1695 г. начались поставки железа и разной металлической продукции на нужды начавшегося строительства Военно-морского флота (Очерки истории Воронежского края..., 1961: 59).

Таким образом, социально-экономическая ситуация Воронежского края в конце XVII века определялась его участием в освоении южных земель России и пограничным положением. Главным видом деятельности выступала оборонительная служба. Вместе с тем население попутно занималось сельским хозяйством, ремесленным и кустарным производством, а также торговлей. Товарно-денежные отношения развивались медленно. Медленно шел и процесс первоначального накопления капитала. В этом отношении Воронежский край значительно отставал от центрального района. Не случайно первый завод в крае был построен московскими предпринимателями.

Кардинальные перемены в социально-экономической жизни края стали происходить с началом кораблестроения, сразу же, как только была заложена верфь в Воронеже. В первую очередь это отразилось на зарождении и развитии фабрично-заводской промышленности. Наиболее широкое свое воплощение она получила в металлургической и суконной отраслях. Строительство военных судов вызвало огромный спрос на металлические изделия, обработанную древесину, канаты, смолу, паруса. Для обмундирования солдат и матросов требовалась суконная и кожевенная продукция.

Чтобы обеспечить флот всем необходимым, причем в кратчайшие сроки, в Воронежском крае стали строить металлургические заводы за счет казенных средств. На притоках реки Воронеж

¹ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-182. Оп. 3. Д. 38. Л. 8 ; Д. 59. Л. 5 ; Д. 70. Л. 1 ; Д. 76. Л. 6.

² Там же. Оп. 2. Д. 172. Л. 5 ; Оп. 5. Д. 197. Л. 1 ; Оп. 3. Д. 200. Л. 1–4.

³ Панова В.И. История Воронежского края : учебно-метод. пособие. 4-е изд., доп. Воронеж, 2008. С. 29.

⁴ ГАВО. Ф. И-171. Оп. 3. Д. 55 а. Л. 1.

было построено 3 казенных завода: 2 – у села Липского (1703 и 1712 гг.) и 1 – на реке Кузьминке (1705 г.). Заводы использовали местную руду Липецко-Студенецкого рудного поля, древесное топливо и удобные водные пути, ведущие в Воронеж. По существу, был создан целый комплекс Липецких металлургических заводов, где внедрялись все новинки передовой европейской инженерной мысли. В дополнение к ним государство выкупило частный Романовский (Боринский) завод (Павличенко, 2014: 53). Эти заводы производили все, что требовалось для Военно-морского флота, включая пистолеты, пушки, снаряды и бомбы.

К металлургическому и металлообрабатывающему производству пытались подключиться и частные предприниматели. В большинстве своем это были кузнецы, которые смогли накопить небольшие капиталы. Путем расширения своего производства они создавали средние и мелкие металлургические предприятия. Только в Елецком уезде в первой четверти XVIII в. имелось более 20 таких предприятий (Душкова, Августин, 2002: 26).

Рассматривая частных предпринимателей как дополнительную силу при решении поставленных задач, государство их активно поддерживало. Оно предоставляло им беспроцентный кредит для строительства предприятий, обеспечивало орудиями производства и инструментами, освобождало заводчиков от государственной службы и временно от пошлин и податей, выписывало мастеров из-за границы (Душкова, Августин, 2002: 27).

Тем не менее частные предприятия, как правило, не достигали уровня крупного вододействующего производства и оставались в большинстве своем полукустарными. Обусловлено это было тем, что они использовали руду из районов, менее богатых полезными ископаемыми, – это Хоперское рудное поле, рудные места Елецкого уезда. Районы с богатыми полезными ископаемыми были заняты казенными заводами. Со временем в Воронежском крае все же появились крупные частные заводы. Это Репецкий завод Василия Арехова и Толучеевский завод Василия Озерова. Но первый владелец был из Тулы, а второй – из Москвы. Таких капиталов, как у них, у местных предпринимателей по-прежнему не было¹.

В самом Воронеже работал завод по литью медных пушек. На нем изготавливали пушечные ядра, мортиры, фолконеты. Кроме того, были сформированы производственные дворы: токарного дела, литейный, бочарный, якорный, пумповый, мозжерный и др. Всего в Воронеже и его окрестностях было свыше 1,5 тысяч дворов, где разворачивали свою деятельность купцы, ремесленники, однодворцы и пр. (Кретова, 1986: 35).

Другой немаловажной отраслью являлась суконная. Первая казенная суконная фабрика была построена в г. Таврове в 1704 г. Она была призвана обеспечивать флот обмундированием. Впоследствии будут построены еще суконная, 2 шляпные и 1 чулочная фабрики (Проторчина, 1961: 59–60).

На подавляющем большинстве заводов и фабрик использовался ручной труд – малопродуктивный и неэффективный. Работали, главным образом, приписные и покупные крестьяне по 12 часов в сутки. Заводские помещения были холодными, сырыми и грязными. За малейшие нарушения установленных порядков следовали штрафы и телесные наказания. Работные люди пытались протестовать, саботировали выход на работу, убегали. Их возвращали и еще больше наказывали. Наиболее отважные из них самовольно переселялись дальше на юг, на реки Икорец, Хопер, Дон и даже Кубань. Но не всегда это заканчивалось успешно.

Кораблестроение способствовало дальнейшему развитию промыслов в Воронежском крае, особенно тех, для которых имелась сырьевая база. К ним относились такие промыслы, как железный и кузнечный, гончарный, кожевенный, столярный, плотничный, мукомольный, винокурный и др. Более того, стали создаваться крупные центры кустарных промыслов. Так, например, в металлургии их было 5: Елецкий, Романовский, Сокольский, Белоколодский, Воронежский (Григорова, 2011: 82).

Мощный импульс был дан и торговле. Товары продавали на ярмарках и торгах, в лавках, развозили по домам. В основном это была продукция животноводства, сельского хозяйства, кустарных промыслов, металлургических и суконных предприятий. Часть продукции вывозилась в казачьи городки в низовьях Дона и Азов. Впоследствии к ним добавились Тула, Курск, Москва и другие города северной и центральной России.

В торговле были задействованы почти все слои населения Воронежского края, но в условиях жесткой сословной стратификации причислены к купечеству могли быть не все – только посадские и бывшие приборные люди, а также однодворцы. Но даже при таких условиях численность купцов в петровские времена была внушительной. Только в Воронеже их было более 1,5 тысяч, что составляло половину мужского населения. Из их среды формировались купеческие династии Русиновых, Сахаровых, Кривошеиных и др.²

¹ ГАВО. Ф. И-290. Оп. 2. Д. 1. Л. 1 ; Ф. И-14. Оп 1. Д. 107. Л. 1–2.

² Там же. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 23. Л. 68.

Особую значимость в период судостроения в Воронежском крае приобретает сельское хозяйство. Увеличение численности населения вызвало небывалый рост производства сельхозпродукции. Только в 1701 г. в Воронеж по указу Петра I прибыло 20 тысяч мастеров корабельного дела вместе с семьями из различных регионов, прежде всего прилегающих к Воронежской земле.

Возрастала площадь посевных угодий, увеличивалось количество огородов и садов, получило развитие животноводство и птицеводство. В сельское хозяйство все больше вовлекались служилые люди по мере возрастания безопасности южных границ.

Сельское хозяйство становится основной отраслью экономики Воронежского края, и сюда активно проникают товарно-денежные отношения. На продажу в основном шли зерновые культуры, овощи, мед, табак. Прибыльным видом товарного животноводства стало разведение крупного рогатого скота, свиней, коз, а также коневодство и овцеводство.

В аграрном секторе Воронежского края были заняты различные категории населения: помещики, крестьяне, купцы, посадские люди, мещане.

Скупкой готовой продукции, а также ее транспортировкой и реализацией занимались в основном купцы и некоторые предприимчивые крепостные крестьяне. Это давало им возможность накапливать немалые средства, а крепостным – выкупиться на волю, стать основателями династий российской буржуазии. Таким путем получили свободу и землю 4 тысячи крестьян помещицы А.Н. Стрекаловой и 3 тысячи крестьян графини А.А. Бутурлиной¹.

Социально-экономические перемены в Воронежском крае, произошедшие в связи с кораблестроением, можно проследить по данным таблицы 1.

Таблица 1 – Социально-экономические показатели хозяйственной деятельности в Воронежском крае в конце XVII века и в конце первой четверти XVIII века²

Table 1 – Socio-Economic Indicators of Economic Activity in the Voronezh Region at the End of the 17th Century and at the End of the First Quarter of the 18th Century

Отрасли экономики и социальная структура	Конец XVII века	Конец первой четверти XVIII века
Промышленность	– 1 частный металлургический завод Развитие ремесел и крестьянских кустарных промыслов	• 5 казенных заводов (3 металлургических завода, 1 завод по литью медных пушек, 1 кожевенный завод); • 12 частных заводов (5 металлургических заводов, 7 винокуренных заводов); • 5 казенных фабрик (2 суконные, 2 шляпные, 1 чулочная). Строительство мелких и средних полукустарных предприятий, формирование центров кустарных промыслов
Сельское хозяйство	Освоение плодородных земель, развитие животноводства	Становление товарного производства
Торговля	Участие всех слоев населения, но в основном служилых людей	Выделение купеческого слоя
Социальная структура	Население представлено преимущественно служилыми людьми. Из них большинство – люди «по прибору»	Приборные служилые люди переходят в разряд однодворцев. Более четко определились сословия, а также границы между селами и городами

Данные таблицы наглядно демонстрируют существенные перемены в социально-экономической жизни Воронежского края за короткий промежуток времени. Построены казенные и частные заводы, на основе кустарных промыслов созданы мелкие и средние предприятия, произошло становление товарного производства в сельском хозяйстве, начала изменяться структура населения. Если учесть, что все эти преобразования произошли на территории, которая еще сравнительно недавно являлась пограничной и в основном здесь проживали приборные люди, призванные нести военную службу, то достижения выглядят еще более значимыми.

Обращает на себя внимание достаточно высокий показатель винокуренного производства. Это было обусловлено ростом населения, обеспеченностью сельскохозяйственным сырьем, успешной реализацией готовой продукции не только среди потребителей края, но и за его пределами, покровительственной государственной политикой.

¹ ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 20. Л. 21 об., 31.

² Составлено автором на основе: Воронежский край в XVIII веке : документы и материалы по истории края / сост. и авт. пояснит. текста В.М. Проторчина. Воронеж, 1980. С. 162 ; (Очерки истории Воронежского края..., 1961: 76, 142; Галкин, 2002: 9; Григорова, 2011: 82).

Кораблестроение и хозяйственный подъем в Воронежском крае способствовали повышению административного статуса региона. В 1701 г. Воронеж стал центром Адмиралтейского округа, и для строительства Военно-морского флота к нему были приписаны сначала 10 городов. Со временем, в период с 1708 по 1710 гг., к ним добавилось еще 15 городов, и всего их стало 25. Среди них: Коротояк, Усмань, Орлов, Землянский, Елец, Острогожск, Усерд, Лебедянь и др. Округ возглавил сподвижник царя Федор Апраксин (Расторгуев, 2002: 23). Эти города обеспечивали строительство флота необходимыми материалами и поставляли на воронежскую верфь рабочих людей. Располагались они в основном на территории современных Липецкой и Воронежской областей. Когда в 1708 г. Петр I начал проводить административно-территориальную реформу по разделению России на 8 губерний, в его планы, по мнению воронежского историка Н.А. Комолова, входило создание Воронежской губернии на базе городов Адмиралтейского округа. При этом Н.А. Комолов ссылается на архивные материалы, в которых содержится высказывание английского посланника Ч. Уитворта о том, что Петр I подобные планы по этому вопросу имел, но держал в секрете¹.

Возможно, так оно и было, учитывая особое отношение Петра I к Воронежу и всему Воронежскому краю. Здесь началась в значительной мере его самостоятельная деятельность как государя, кораблестроителя, военного полководца, дипломата. Петр I посетил Воронеж 13 раз и в общей сложности прожил здесь около 500 дней (Комолов, 2019: 35–36).

При нем Воронеж стал, как считали в то время, политической и культурной столицей юга России. Здесь проходили военные советы, сюда приезжали послы, многие российские государственные деятели.

Изменился внешний облик города. Было построено адмиралтейство на острове, образованном двумя протоками реки Воронеж. В него входили цитадель (крепость), цейхгауз (помещение для хранения военного снаряжения), хозяйственные постройки, магазины и т. д. Здесь же был возведен небольшой деревянный дворец для Петра I.

Воронеж стал известен во многих странах мира. Сюда по приглашению Петра I приезжали мастера корабельного дела из Франции, Англии, Италии, Голландии. А мастера из Германии даже образовали здесь Немецкую слободу².

Петр I не только организовал кораблестроение в Воронеже, но и проявлял интерес ко всей хозяйственной жизни Воронежского края. Он учредил конезаводы в селах, расположенных вдоль реки Битюг. На них была выведена русская порода тяжеловесных лошадей «Битюг», которых продавали не только на местных рынках, но и перегоняли на юг, а также в Москву. По указанию Петра I крестьянам раздавали семена нового сорта яблоны «Анис». Он инициировал открытие в Воронеже первой образовательной школы, «арифметической», потребовал организовать швейное производство по изготовлению одежды новых фасонов³.

Петр I проявлял интерес к природным богатствам края. В Липецке он обнаружил целебные свойства местной минеральной воды, лечился ею сам и издал указ о ее широком применении.

По приказу Петра I проводились работы по воспроизводству лесов, а Шипов лес, Хреновской бор, Теллермановская роща были объявлены заповедниками (Галкин, 2002: 17–18).

В связи с тем, что была создана все же Азовская, а не Воронежская губерния, можно предположить, что, возможно, замысел был первоначально иной, но он не состоялся по причине снижения значимости в то время воронежской верфи и перемещения кораблестроения в Приазовье.

Дело в том, что из-за обмеления реки Воронеж и невозможности проводить по ней крупные корабли было решено строить г. Тавров, ниже по течению, и на его верфи организовать судостроение. Со временем стало очевидно, что и Дон в верхнем и среднем течении стал мелководным, что препятствовало проходу крупных судов. В 1709 г. Петр I принял решение строить верфи для больших кораблей в Таганроге, а для средних – на реке Осередь. Таким образом, судостроение перебазировалось в Приазовье.

Азовская губерния занимала обширные земли. В нее входили территории современных Воронежской, Липецкой, Белгородской, Нижегородской, Волгоградской, Рязанской, Тамбовской, Ростовской, Тульской, Саратовской областей, Республики Мордовии, а также Луганской и Донецкой народных республик⁴. Центром был город Азов. Губерния делилась на Воронежскую и Тамбовскую провинции.

После неудачного Прутского похода 1711 г. Азов был утрачен, Россия вынуждена была сформировать Донской флот и отойти от устья Дона.

¹ Комолов Н. Путешествие длиною в 300 лет. Как формировалась, развивалась и прекратила существование Воронежская губерния [Электронный ресурс] // РИА «Воронеж». URL: <https://riavrn.ru/stories/puteshestvie-dlinoyu-v-300-let-kak-formirovalas-razvivayas-i-prekratila-sushestvovanie-voronezhskaya-guberniya/> (дата обращения: 29.09.2025).

² Панова В.И. Указ. соч. С. 30–31.

³ ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 20. Л. 35, 81 об., 92 об.

⁴ Азовская губерния (1708–1725) [Электронный ресурс] // Википедия : свободная энциклопедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Азовская_губерния_\(1708—1725\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Азовская_губерния_(1708—1725)) (дата обращения: 29.09.2025).

Несмотря на то, что Азов был потерян, губерния сохранила свое название. Ее центр был ненадолго перенесен в Тамбов, а в 1715 г. – в Воронеж. Выбор был обусловлен тем, что Воронеж находился в центре губернии, здесь располагалась резиденция главы епархии. Кроме того, у Петра I было особое чувство привязанности к Воронежу, а также он не оставлял надежды на возобновление кораблестроения на Дону. Так оно и произошло.

После удачного Каспийского похода в 1722–1723 гг. обострились русско-турецкие отношения. Петр I приказал вновь приступить к кораблестроению на воронежской верфи. Работы начались уже в 1723 г. под надзором вице-адмирала М.Х. Змаевича. Однако после заключения Константинопольского договора с Турцией в 1724 г. угроза войны миновала, и работы по кораблестроению в Воронеже были свернуты. Построенные к тому времени суда были законсервированы (Белоусов, 2020: 4). Таким образом, значимость Воронежа для Петра I постоянно сохранялась.

В 1725 г. Азовская губерния была переименована в Воронежскую. Отдельного указа по этому поводу не существует. После смерти Петра I императрица Екатерина I 4 апреля 1725 г. в своем указе о назначении нового губернатора назвала Азовскую губернию Воронежской, а 25 апреля ему была дана инструкция Сената, где также говорится о Воронежской губернии. Считается, что эти документы положили начало переименованию Азовской губернии в Воронежскую. В нее в то время входили 5 провинций: Воронежская, Елецкая, Тамбовская, Бахмутская и Шацкая¹.

Границы губернии со временем неоднократно менялись, но свое название она сохранила до 1917 г., когда все губернии как административные единицы были упразднены.

Заключение. Следовательно, кораблестроение в Воронежском крае послужило драйвером для социально-экономического развития региона и повышения его административного статуса. Здесь произошло становление мануфактурной промышленности, на подъеме находились торговля и сельское хозяйство. Это был, несомненно, прогресс в сравнении с ситуацией конца XVII века, когда все еще происходило заселение и освоение территории Воронежского края, и население было представлено, главным образом, служилыми людьми, в основном приборными, которые несли военную службу и одновременно занимались сельским хозяйством. Воронеж только начинал преобразовываться из крепости в обычный город с ремесленниками и торговцами.

Даже в условиях сохранения феодального строя в социально-экономическую жизнь Воронежского края стали проникать новые явления: в производство и сельское хозяйство вторгались товарно-денежные отношения, формировалось купеческое сословие, в предпринимательскую деятельность вовлекались представители различных слоев населения. Все это подрывало устои традиционного общества, тормозившие дальнейшее развитие региона.

Важнейшим результатом кардинальных перемен стало формирование Воронежской губернии. Просуществовав до начала XX века, когда все губернии были упразднены в силу известных событий, она в полной мере на протяжении двух столетий доказывала свою жизнеспособность как структура государственного управления.

Нельзя не отметить и тот факт, что цена за ускоренные темпы кораблестроения и социально-экономические преобразования была очень высокой. Непосильный труд, многочисленные повинности, тяжелые условия жизни приводили к бегству крестьян и работных людей, что негативно сказывалось на численности населения Воронежского края.

Судостроение и в настоящее время оказывает всестороннее влияние на российскую экономику, стимулируя развитие смежных отраслей, таких как металлургия и машиностроение, а также обеспечивает транспортные потребности страны.

Список источников:

- Августин Е.А. Кустарная металлургия Елецкого и Воронежского уездов в XVIII веке // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2007. Т. 3, № 3. С. 33–36.
Анисимов Е.В. Петр Великий: личность и реформы. М., 2009. 446 с.
Анисимов Е.В. Петр Первый: благо или зло для России? М., 2017. 271 с.
Белоусов А.С. Военное судостроение на реке Дон в 1721–1735 годах // Genesis: исторические исследования. 2020. № 2. С. 1–14. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.2.32226>.
Воскресенский Н.А. Петр Великий как законодатель: исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М., 2017. 640 с.
Галкин В.В. Воронежская экономика: прошлое, настоящее, перспективы. Воронеж, 2002. 185 с.
Григорова В.А. Роль кустарных промыслов в создании заводской металлургической базы Черноземного Юга России. Середина XVII – середина XVIII вв. Воронеж, 2011. 96 с.
Душкова Н.А., Августин Е.А. Металлургическая промышленность Черноземного Юга России. История и современность // Инженер. Технолог. Рабочий. 2002. № 10. С. 25–29.

¹ Макова В.Н. Воронежской губернии – 300 лет. Страницы истории [Электронный ресурс] // Архивная служба Воронежской области. URL: <https://www.arsvo.ru/informacionnaya-deyatelnost/vystavki/voronezhskoy-gubernii-300-let-stranicy-istorii/> (дата обращения: 29.09.2025).

- Душкова Н.А., Павличенко О.И. Из истории малого и среднего предпринимательства в Воронежском крае // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 1 (31). С. 23–31. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.1.3>.
- Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII в. М., 2019. 671 с.
- Комолов Н.А. Воронежские страницы в биографии Петра Великого. Воронеж, 2019. 102 с.
- Кретова О.К. Русский город Воронеж. Воронеж, 1986. 238 с.
- Лавринов Ю.М. Работники Воронежских верфей: К истории воронежского кораблестроения 1696–1711 гг. // Воронежский край на южных рубежах России (XVII – XVIII вв.). Воронеж, 1981. С. 77–89.
- Мизис Ю.А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII веков : монография. Тамбов, 2006. 815 с.
- Очерки истории Воронежского края : в 2 т. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. Е.Г. Шуляковского. Воронеж, 1961. 521 с.
- Павличенко О.И. Зарождение и развитие фабрично-заводского предпринимательства в Воронежском крае (конец XVII – XVIII вв.) // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2014. № 5. С. 51–55.
- Проторчина В.М. Суконная промышленность в Воронеже в XVIII веке // Из истории Воронежского края : сборник статей. Воронеж, 1961. Вып. 1. С. 57–77.
- Расторгуев В.И. Воронеж – родина русского военно-морского флота. Воронеж, 2002. 478 с.
- Boeck B.J. Imperial boundaries. Cossack communities and empire-building in the age of Peter the Great. Cambridge, 2009. 255 p.
- Cracraft J. The revolution of Peter the Great. L., 2003. 192 p.
- Daly J.W. Crime and punishment in Russia: a comparative history from Peter the Great to Vladimir Putin. N. Y., 2018. 256 p.
- Hughes L. Peter the Great: A Biography. New Haven; L., 2002. 285 p.

References:

- Anisimov, E.V. (2009) *Petr Velikiy: lichnost' i reform* [Peter the Great: Personality and reforms]. Moscow. 446 p. (In Russian)
- Anisimov, E.V. (2017) *Petr Pervyy: blago ili zlo dlya Rossii?* [Peter the Great: good or evil for Russia?]. Moscow. 271 p. (In Russian)
- Avgustin, E.A. (2007) This article tells metal processing Voronezh in Elez Region in 18 century. *Bulletin of Voronezh State Technical University*. 3 (3), 33–36. (In Russian)
- Belousov, A.S. (2020) Naval shipbuilding on the don river during the 1721–1735. *Genesis: Historical Research*. (2), 1–14. Available from: doi:10.25136/2409-868X.2020.2.32226. (In Russian)
- Boeck, B.J. (2009) *Imperial boundaries. Cossack communities and empire-building in the age of Peter the Great*. Cambridge. 255 p.
- Cracraft, J. (2003) *The revolution of Peter the Great*. London. 192 p.
- Daly, J.W. (2018) *Crime and punishment in Russia: a comparative history from Peter the Great to Vladimir Putin*. New York. 256 p.
- Dushkova, N.A. & Avgustin, E.A. (2002) Metallurgicheskaya promyshlennost' Chernozemnogo Yuga Rossii. Istoriya i sovremennost' [Metallurgical industry of the Chernozem South of Russia. History and modernity]. *Inzhener. Tekhnolog. Rabochiy*. (10), 25–29. (In Russian)
- Dushkova, N.A. & Pavlichenko, O.I. (2015) From the history of small and medium-sized business in the Voronezh Region. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*. (1 (31)), 23–31. Available from: doi:10.15688/jvolsu4.2015.1.3. (In Russian)
- Galkin, V.V. (2002) *Voronezhskaya ekonomika: proshloye, nastoyashcheye, perspektivy* [Voronezh Economy: past, present, prospects]. Voronezh. 185 p. (In Russian)
- Grigорова, V.A. (2011) *Rol' kustamykh promyslov v sozdaniy zavodskoy metallurgicheskoy bazy Chernozemnogo Yuga Rossii. Seredina XVII – seredina XVIII vv.* [The role of handicrafts in the creation of a metallurgical plant base in the Chernozem South of Russia. The middle of the XVII – the middle of the XVIII centuries]. Voronezh. 96 p. (In Russian)
- Hughes, L. (2002) *Peter the Great: A Biography*. New Haven; London. 285 p.
- Kamenskiy, A.B. (2019) *Ot Petra I do Pavla I. Reformy v Rossii XVIII v.* [From Peter I to Paul I. Reforms in Russia of the XVIII century]. Moscow. 671 p. (In Russian)
- Komolov, N.A. (2019) *Voronezhskiy stranitsy v biografii Petra Velikogo* [Voronezh pages in the biography of Peter the Great]. Voronezh. 102 p. (In Russian)
- Kretova, O.K. (1986) *Russkiy gorod Voronezh* [The Russian city of Voronezh]. Voronezh. 238 p. (In Russian)
- Lavrinov, Yu.M. (1981) *Rabotniki Voronezhskikh verfey: K istorii voronezhskogo korablestroyeniya 1696–1711 gg.* [Employees of Voronezh shipyards: On the history of Voronezh shipbuilding in 1696–1711]. In: *Voronezhskiy kray na yuzhnykh rubezhakh Rossii (XVII – XVIII vv.)* [Voronezh Region on the southern borders of Russia (XVII – XVIII centuries)]. Voronezh, pp. 77–89. (In Russian)
- Mizis, Yu.A. (2006) *Formirovaniye rynka Tsentral'nogo Chernozem'ya vo vtoroy polovine XVII – pervoy polovine XVIII vv.* [Formation of the Central Chernozem Region market in the second half of the 17th – first half of the 18th centuries]. Tambov. 815 p. (In Russian)
- Pavlichenko, O.I. (2014) Generation and development of manufacturing entrepreneurship in the Voronezh Region (second half of XVII – XVIII century). *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya*. (5), 51–55. (In Russian)
- Protorchina, V.M. (1961) Sukonnaya promyshlennost' v Voronezhe v XVIII veke [The cloth industry in Voronezh in the XVIII century]. In: *Iz istorii Voronezhskogo kraya* [From the history of the Voronezh Region]. Iss. 1. Voronezh, pp. 57–77. (In Russian)
- Rastorguyev, V.I. (2002) *Voronezh – rodina russkogo voyenno-morskogo flota* [Voronezh is the birthplace of the Russian Navy]. Voronezh. 478 p. (In Russian)
- Shulyakovskiy, E.G. (ed.) (1961) *Ocherki istorii Voronezhskogo kraya : v 2 t. T. 1. S drevneyshikh vremen do Velikoy Otktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Essays on the History of the Voronezh Krai : in 2 volumes Vol. 1. From ancient times to the Great October Socialist Revolution]. Voronezh. 521 p. (In Russian)
- Voskresenskiy, N.A. (2017) *Petr Velikiy kak zakonodatel': issledovanie zakonodatel'nogo protsessa v Rossii v epokhu reform pervoy chetverti XVIII veka* [Peter the Great as a Legislator: a Study of the Legislative Process in Russia during the Reform Era of the First Quarter of the 18th Century]. Moscow. 640 p. (In Russian)

Информация об авторе

Н.А. Душкова – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и истории Воронежского государственного технического университета, Воронеж, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=689907

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

N.A. Dushkova – D.Phil. in History, Professor, Professor at the Department of Philosophy, Sociology and History of Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=689907

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.10.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 22.11.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 94:323.15

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.22>

Роль экономического фактора в национальной политике КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе

Жанна Валерьяновна Петрунина¹, Даниил Дмитриевич Иванов²

¹Комсомольский-на-Амуре государственный университет,

Комсомольск-на-Амуре, Россия,

petrunina71@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0121-2147>

²Благовещенский государственный педагогический университет,

Благовещенск, Россия, daniil02ivanov@yandex.ru,

<https://orcid.org/0009-0005-1642-8145>

Аннотация. В статье рассматривается эволюция национальной политики КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и роль экономического фактора в ее реализации. Анализируется переход от административных мер контроля (изменения демографии, военного присутствия) к экономическому развитию с конца 1970-х гг. На основе изученных источников делается вывод о том, что одного экономического развития недостаточно для решения национального вопроса, примером чему послужил новый виток террористических актов, начавшийся в СУАР в конце первого десятилетия XXI в. Кроме того, был изучен современный подход китайского правительства к решению национального вопроса, который представляет собой сочетание инвестиций в экономику с усиленным административным контролем, идеологическим воздействием и контролем религии. Результатом работы стал вывод о том, что сбалансированная политика контроля в сочетании с преференциями доказала свою эффективность в снижении террористической угрозы и интеграции населения региона в общекайтайскую нацию.

Ключевые слова: национальная политика, экономический фактор, Китайская Народная Республика, Синьцзян-Уйгурский автономный район, национальные меньшинства

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Петрунина Ж.В., Иванов Д.Д. Роль экономического фактора в национальной политике КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 178–185. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.22>

Original article

The Role of the Economic Factor in China's National Policy in the Xinjiang Uygur Autonomous Region

Zhanna V. Petrunina¹, Daniil D. Ivanov²

¹Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia, petrunina71@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-0121-2147>

²Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia,

daniil02ivanov@yandex.ru

Abstract. The article examines the evolution of China's national policy in the Xinjiang Uygur Autonomous Region and the role of the economic factor in its implementation. The transition from administrative control measures (demographic change, military presence) to economic development since the late 1970s is analyzed. Based on the sources studied, it is concluded that economic development alone is not enough to solve the national issue, as exemplified by the new round of terrorist attacks that began in the Xinjiang Region at the end of the first decade of the 21st century. In addition, the modern approach of the Chinese government to solving the national issue was studied, which is a combination of investments in the economy with increased administrative control, ideological influence and religious control. The result of the work was the conclusion that a balanced policy of control, combined with preferences, has proven effective in reducing the terrorist threat and integrating the region's population into the Chinese nation.

Keywords: national policy, economic factor, People's Republic of China, Xinjiang Uygur Autonomous Region, national minorities

Funding: Independent work.

For citation: Petrunina, Zh.V. & Ivanov, D.D. (2025) The Role of the Economic Factor in China's National Policy in the Xinjiang Uygur Autonomous Region. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 178–185. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.22](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.22) (In Russian).

Введение. В последнее время национальная политика центрального правительства Китайской Народной Республики (КНР) в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) привлекает все более пристальное внимание исследователей. Современная историческая наука предлагает различные, порой кардинально противоположные точки зрения о методах реализации этой политики. В частности, имеются суждения о том, что сутью политики Пекина в отношении Синьцзяна на современном этапе является использование возросших экономических возможностей Китая для материального подкупа местной элиты и населения в районах компактного проживания нацменьшинств в обмен на их политическую лояльность (Румянцев, 2016: 71–72).

Но действительно ли настолько велико значение экономического фактора в осуществлении национальной политики в регионе? И возможно ли только таким способом добиться полной интеграции местного населения в единую «общекитайскую нацию»? В данном исследовании предпринята попытка дать ответы на эти вопросы, проанализировав роль экономического фактора в национальной политике КНР в СУАР, понимая последнюю как государственную политику в отношении этнических групп и в сфере регулирования межэтнических отношений¹.

Методы и материалы. Цель данного исследования заключается в оценке роли экономического компонента в национальной политике КНР относительно СУАР. В связи с этим статья представляет собой результат изучения источников информации, охватывающих широкий спектр материалов – научные работы, публикации средств массовой информации, официальные заявления руководства КНР. Использованная методологическая база, а именно: исторический анализ, контент-анализ документов и публикаций, а также интерпретация качественных данных, позволила сформировать целостное представление о роли экономического аспекта в процессе реализации национальной политики Китая в СУАР, подчеркивая важность интегрированного подхода, объединяющего экономические стимулы и меры административного контроля.

Результаты исследования и их обсуждение. Синьцзян-Уйгурский автономный район всегда обладал огромным потенциалом для развития экономики Китая. В частности, регион имеет очевидные географические преимущества, которые позволяют Китаю использовать известную инициативу председателя КНР Си Цзиньпина – «Один пояс, один путь» – для выхода на западный рынок (Shi et al., 2024: 3). Кроме того, СУАР богат запасами нефти, природного газа, угля, золота, меди, хрома, никеля и драгоценных металлов. Сегодня в Синьцзяне сосредоточено 30 % запасов всей китайской нефти, 34 % – природного газа и 40 % – каменного угля².

В то же время в регионе всегда остро стоял национальный вопрос. Дело в том, что этнические меньшинства составляют здесь более 60 % населения. Более того, они проживают в разных районах с разной плотностью населения, и их национальные различия довольно существенны (Qin et al., 2021: 8). Отметим, что численно в СУАР всегда преобладали уйгуры, однако вместе с ними традиционно проживают представители титульной нации – ханьцы, чье переселение сюда началось по большей части уже после прихода к власти коммунистов. Кроме того, в СУАР представлены казахи, узбеки, таджики, хуэй, сибиряки, русские и др. Китайцы (ханьцы) локализируются главным образом в городах, особенно в Урумчи (столице региона), уйгуры населяют сельские районы и ряд городов на юге автономного района. Очевидно, что столь разнообразный национальный состав ставил перед центральным правительством особые задачи, с решением которых оно порой сталкивалось впервые. При этом необходимо было находить приемлемые для обеих сторон способы выстраивания диалога между представителями разных этнических групп (Ставров, 2022: 236), иногда даже не стремившихся оставаться в составе Китая. Например, некоторые представители уйгуров не желали мириться с отсутствием собственного независимого государства, и для достижения своей цели они готовы были применять самые жесткие методы борьбы.

Стоит отметить, что отношения между этой территорией и государственной властью долгое время были противоречивыми и нестабильными (Franklin, Wainwright, 2024: 498), но решение Правительства КНР от 1955 г. о создании Синьцзян-Уйгурского автономного района поставило точку в этом вопросе: СУАР на законодательном уровне стал неотъемлемой частью Китая, а все дальнейшие попытки уйгуров создать самостоятельное государство с этого момента оказались безуспешными (Ананьина, 2013: 471).

Тем не менее национальная проблема оставалась на повестке дня и до определенного времени решалась посредством искусственного изменения демографической ситуации, а именно направлением в Синьцзян рабочей силы – представителей национальности хань для снижения процентной доли уйгурского населения. Кроме того, в регионе дислоцировались подразделения

¹ Тишков В.А. Национальная политика [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Народы и религии мира» // Словари и энциклопедии на «Академике». URL: <https://elck.ru/3QPUSe> (дата обращения: 08.11.2025).

² Zreik M. Development Policy toward Xinjiang and the Mighty Role of the Central Government [Электронный ресурс] // Modern Diplomacy. 2021. March 22. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2021/03/22/development-policy-toward-xinjiang-and-the-mighty-role-of-the-central-government/> (дата обращения: 09.11.2025).

Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и полувоенизированные формирования. Со временем стало ясно, что одними лишь административными мерами не удастся кардинально изменить ситуацию. Более того, искусственное изменение демографического баланса не раз вызывало обострение национальных конфликтов (Фролова, 2014: 65–66).

В поисках новых подходов к решению проблемы Центральный комитет Компартии Китая принял решение направить усилия на экономическое развитие западной части страны, где СУАР остается крупнейшим регионом. В результате политика Пекина была переориентирована на выравнивание экономической жизни в восточных и западных регионах страны. Как отмечают китайские эксперты, в отличие от прошлых лет центральное правительство Китая в ходе названных реформ не удовлетворялось лишь обеспечением стабильности и безопасности Синьцзяна, но было намерено «превратить СУАР в экономически развитый, модернизированный и процветающий район, способствуя, таким образом, уменьшению потенциальных террористических угроз» (Zhao, 2013: 445–446).

Так, в конце 1970-х гг. Дэн Сяопином была инициирована «политика реформ и открытости», ставшая поворотным моментом в истории региона. Благодаря этому решению значительно улучшилась ситуация с жильем и инфраструктурой, стремительно развивались автомагистрали, железные дороги и гражданская авиация. Все это стало возможным благодаря постоянному росту инвестиций в основной капитал региона. Год за годом центральное правительство КНР увеличивало суммы финансовой помощи Синьцзяну. В отдельные периоды эта помощь составляла две трети расходов СУАР, а доля вкладов центрального правительства в крупные строительные проекты в Синьцзяне превышала 80 %¹.

В этом же русле принимались решения начала XXI в. На 4-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва (22 сентября 1999 г.) была официально провозглашена политика ускоренного освоения западных районов. В ноябре 2002 г. на посту генерального секретаря ЦК КПК Цзянь Цзэмина сменил Ху Цзиньтао, а в марте 2003 г. на сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) его избрали председателем КНР, тогда же в должности премьера Госсовета КНР утвердили Вэнь Цзябао. Однако смена руководства не привела к изменению курса: развитие регионов Западного Китая оставалось одним из приоритетов внутренней политики. Была определена ключевая цель – ликвидировать отставание западных территорий страны от приморских провинций.

Поставленные задачи предполагалось решить путем массированных государственных инвестиций, углубления рыночных реформ и подключения западных районов к проведению открытой внешнеэкономической политики (Масабаев и др., 2021).

В ходе реализации первого этапа программы, заявленной целью которого являлось достижение первичного уровня индустриализации, среднегодового роста ВВП в 10 % и его увеличения до 4,78 трлн юаней (Буяров, 2021: 2564), в мае 2010 г., еще до прихода к власти Си Цзиньпина, после всекитайского совещания по работе в СУАР был инициирован курс под названием «Борьба с сепаратизмом должна уступить место экономическому развитию». И, безусловно, такая политика дала свои плоды (Ананьина, 2018: 8). Так, располагаемый доход на душу населения вырос с менее чем 10 000 юаней в 2010 г. до 23 845 юаней в 2020 г. (Li, Qiu, 2024: 82), а местные органы власти в Синьцзяне стали способствовать развитию предпринимательства (Song et al., 2019: 7). Более того, ее результаты проявились не только в промышленности и сельском хозяйстве, но и в сфере услуг. В СУАР последовательно начал развиваться туризм (Хэ, 2018: 39). По данным агентства Синьхуа, в первые девять месяцев 2019 г. СУАР принял более 200 млн туристов, что на 42,62 % больше по сравнению с аналогичным периодом 2018 г.² В 2024 г. Синьцзян посетили 302 млн туристов, а общий объем туристических расходов составил 359,5 млрд юаней³. На период 2025–2030 гг. в СУАР определен перспективный план развития, направленный на дальнейшее стимулирование туристического сектора. К 2030 г. предполагается увеличить количество туристов в регионе до более 400 млн человек, повысить доходы от туризма и создать более 1,5 млн рабочих мест⁴.

Однако руководству КНР было понятно, что одно лишь экономическое развитие без серьезного административного контроля в решении национального вопроса является несостоятельным. С 2008 г. в СУАР снова участились террористические акты. В конце 2013 г. – начале 2014 г. уйгурскими сепаратистами были организованы новые акции насилия, имевшие уже качественно новый характер. Они отличались, во-первых, распространением террористической деятельности

¹ Zreik M. Development Policy toward Xinjiang and the Mighty Role of the Central Government.

² Синьцзян принял более 200 млн туристов в первые десять месяцев 2019 года [Электронный ресурс] / Агентство Синьхуа // Жэньминь жибао онлайн. 2019. URL: <https://russian.people.com.cn/n3/2019/1108/c31518-9630544.html> (дата обращения: 11.11.2025).

³ Xi: Xinjiang must fully tap strengths [Электронный ресурс] // China Daily : офиц. сайт. 2025. Sept. 25. URL: <https://www.chinadailyhk.com/hk/article/620573> (дата обращения: 10.11.2025).

⁴ Синьцзян укрепляет свой статус ведущего и дружественного туристического направления [Электронный ресурс] // СИНЬХУА. Новости : офиц. сайт. 2025. URL: <https://clck.ru/3Qoe82> (дата обращения: 17.11.2025).

из Синьцзяна на другие районы КНР и, во-вторых, переходом от вооруженных акций, направленных преимущественно против китайской армии и сил безопасности, к террору в отношении китайского гражданского населения (Румянцев, 2016: 73).

В этих условиях центральная власть постепенно начала вновь обращаться к внеэкономическим методам борьбы с сепаратизмом и экстремизмом. Закономерным элементом этого курса стало усиление идеологического контроля. Ярким примером этого служат так называемые «Белые книги» – проявление «мягкой силы» в национальной политике КНР. «Белые книги» в Китае – это официальные государственные сообщения, публикуемые Госсоветом республики, которые поясняют внутреннюю или внешнюю политику страны (Афонина, 2018: 124). Так, по подсчетам И.В. Ставрова, за последние 30 лет, с 1991 по 2021 г., был опубликован 151 выпуск. Из них 42 издания (27,8 %) так или иначе затрагивали «национальный вопрос». Показательна также и периодичность публикации правительственных сообщений, посвященных Синьцзяну: первая «Белая книга» вышла еще в 2003 г., затем в 2009 г., а с 2014 г. они стали выходить ежегодно (в 2019 г. их было сразу три) (Ставров, 2022: 234).

Обратившись к тексту первой «Белой книги» (2003 г.) под названием «История и развитие Синьцзяна», можно понять общую направленность источника. Разделенный на десять глав документ имеет вводную часть и заключение. Названия глав отражают тот или иной аспект развития СУАР в исторической ретроспективе. Например, глава третья рассматриваемого документа называется «Испокон веков Синьцзян находится под управлением центрального правительства Китая». Стоит также отметить, что главы 5–10 посвящены СУАР в период Китайской Народной Республики и лишь первые четыре рассматривают его историческое развитие.

Интересна и трактовка появления понятия «Восточный Туркестан», чему посвящена отдельная глава под номером четыре. Объясняя появление термина, авторы обращаются к средневековым и арабским источникам, где «Туркестан» дословно используется как «владения тюрков», и говорят о том, что в таком значении его употребление исчерпало себя к началу XVIII в. Однако в начале XIX в. в связи «с углублением системы колониализма и экспансии в Средней Азии со стороны империалистических держав»¹ термин приобрел новое значение. Приведенное обоснование косвенно связывает это с действиями России, а именно: «В середине XIX в. Россия аннексировала одно за другим три ханства в Средней Азии – Хивинское, Бухарское и Кокандское, в районе Хэчжун учредила “туркестанское наместничество”»², поэтому некоторые люди на Западе стали называть этот район «Западным Туркестаном» или «русским Туркестаном», а синьцзянские районы Китая – «Восточным Туркестаном». Наконец, в XX в. развитие термина связано с «ничтожным числом синьцзянских раскольников и религиозных экстремистов»³.

Таким образом, «Белые книги» стали важным инструментом идеологической работы руководства КНР в национальной политике, а периодичность их выхода (резкое увеличение публикаций после ряда крупных террористических актов) отражает последовательное увеличение степени правительственного контроля⁴.

Не осталась без внимания и религия. В частности, одной из задач борьбы с сепаратизмом в СУАР стало ограничение духовных и культурных связей уйгуров и других мусульманских народов Синьцзяна с исламом. Методом достижения этой цели стало создание «Положения о религиозной деятельности» – нормативно-правового акта, принятого Госсоветом КНР в 2004 г. Документ запрещал пропагандировать экстремизм, распространять какую-либо межконфессиональную вражду, в том числе между верующими и неверующими, а также устанавливал строгий контроль за религиозной деятельностью в стране (Буяров, Субачев, 2024: 76).

Однако на практике, как отмечает И.Ю. Зуенко, для ограничения связи национальных меньшинств с исламом использовались различные способы: мусульман стали подвергать профилактическим задержаниям и беседам за установку религиозных приложений на телефонах, репосты сообщений с религиозным подтекстом в интернет-мессенджерах, хранение религиозной литературы дома, посещение богослужений у имамов, известных своими оппозиционными взглядами, и так далее (Зуенко, 2024: 128). В то же время официальное руководство объясняет подобные действия необходимостью китаизации ислама, без чего, в свою очередь, по мнению Председателя КНР, здоровое развитие религии невозможно⁵.

¹ История и развитие Синьцзяна (Белая книга) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики : офиц. сайт. 2003. 31 мая. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zt/ce_ceml_chn/-zfbps/200305/t20030531_878963.html (дата обращения: 15.11.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Yee I., Griffiths J. China's President Xi says Xinjiang policies 'completely correct' amid growing international criticism [Электронный ресурс] // CNN World. 2020. Sept. 27. URL: <https://edition.cnn.com/2020/09/27/asia/china-xi-jinping-xinjiang-intl-hnk> (дата обращения: 15.11.2025).

Кроме того, происходили и политические изменения. В 2016 г. руководство Синьцзяном принял Чэнь Цюаньго, который уже заслужил репутацию «сильной руки» в годы руководства не менее проблемным Тибетом. При нем с 2016 по 2021 г. активно проводилась политика профилактики преступности в регионе (Зуенко, 2024: 127), включая внедрение передовых цифровых технологий, установление контроля над контактами и даже передвижениями жителей района (по некоторым данным, в СУАР на каждые 10 тыс. жителей приходилось столько же камер наблюдения, сколько в других частях страны – на несколько миллионов человек)¹.

Неудивительно, что на этом фоне активизировалась и западная пропаганда, пытающаяся выставить ужесточение национальной политики КНР в свете «произвола режима». Все чаще появлялись публикации The New York Times и других западных изданий, в которых национальная политика центрального правительства КНР подвергалась жесткой критике².

Широчайшее поле для спекуляций являла собой и система образования в КНР, которая якобы лишала представителей национальных меньшинств, в частности уйгуров, собственного языка и культуры. Реальность же такова, что именно в южных регионах Синьцзяна и Тибета дети (единственные в стране!) имеют право на бесплатное дошкольное и школьное образование. Более того, правительство страны не запрещает обучаться и уйгурскому языку – по запросу родителей в школе можно взять его в качестве дополнительной дисциплины³. В СУАР уйгурам предоставлены возможности для получения высшего образования. По данным седьмой общенациональной переписи населения Китая 2020 г., представленной в «Белой книге» о демографическом развитии Синьцзяна, на каждые 100 тыс. уйгуров 8 944 человека получили высшее образование, что на 6 540 больше по сравнению с данными 2000 г.⁴ В 2024 г. в СУАР действовали 63 высших учебных заведения, что на 24 больше, чем в 2012 г. Университеты всех пяти округов и автономных округов юга Синьцзяна предлагают разные программы бакалавриата. Испытывая потребность в увеличении высококвалифицированных кадров, регион последовательно увеличивает масштабы современного профессионально-технического образования. В период с 2012 по 2024 г. число учащихся в профессионально-технических училищах выросло на 60,69 % и достигло 575 тыс. человек⁵.

В результате смены курса китайского руководства, ужесточения методов ведения и контроля национальной политики в СУАР, террористическая угроза действительно стала ослабевать⁶. Последний крупный теракт в Синьцзяне произошел 22 мая 2014 г. в г. Урумчи, когда два внедорожника въехали в толпу людей, после чего неизвестные бросили в нее взрывные устройства и скрылись с места преступления. Виновные были найдены и преданы суду, а подобные преступления прекратились, что неоднократно отмечал Председатель КНР Си Цзиньпин в своих выступлениях⁷.

В то же время необходимо отметить, что ужесточение правительственного курса не исключает дальнейшего экономического развития региона. Начиная еще с 12-го пятилетнего плана развития (2011–2015 гг.) Правительство КНР проводит комплексную политику в отношении Синьцзян-Уйгурского автономного района, направленную на улучшение инфраструктуры, рост производства и повышение уровня жизни его жителей⁸. Так, в 2011 г. состоялся запуск первого грузового поезда, курсирующего между Китаем и Европой, превратившего СУАР в передовую зону политики открытости страны. А уже в середине 2020-х гг. через порты Алашанькоу и Хоргос, расположенные на

¹ Зуенко И.Ю. Китайская (анти)утопия: Построение цифровой диктатуры в отдельно взятой стране [Электронный ресурс] // Профиль : деловой журнал. 2019. URL: <https://profile.ru/politics/china/kitajskaya-anti-utopiya-postroenie-cifrovoj-diktatury-v-otdelno-vzyatoj-strane-67927/?clid=6d101e99> (дата обращения: 15.11.2025).

² Kao J., Zhong R., Mozur P., Aufrechtig A., Morgan N., Krolik A. "We are very free": how China spreads its propaganda version of life in Xinjiang [Электронный ресурс] // The New York Times : офиц. сайт. 2021. Jun. 22. URL: <https://clck.ru/3QPjXe> (дата обращения: 15.11.2025).

³ Портякова Н. В пестроте, да не в обиде: как сейчас живет Синьцзян [Электронный ресурс] // Известия.iz : офиц. сайт. 2023. 09 авг. URL: <https://clck.ru/3QPmU8> (дата обращения: 15.11.2025).

⁴ Уровень образования уйгуров в Синьцзяне продолжает повышаться – Белая книга [Электронный ресурс] // СИНЬХУА. Новости. 2021. 26 сент. URL: https://russian.news.cn/2021-09/26/c_1310210340.htm (дата обращения: 16.11.2025).

⁵ Full text: CPC Guidelines for Governing Xinjiang in the New Era: Practice and Achievements [Электронный ресурс] / Xinhua // The State council information office The People's Republic of China : офиц. сайт. 2025. Sept. 20. URL: http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2025-09/20/content_118090322_11.html (дата обращения: 16.11.2025).

⁶ Зуенко И.Ю. Что изменилось в Китае за 10 лет правления Си Цзиньпина [Электронный ресурс] // Профиль : деловой журнал : офиц. сайт. 2022. 17 окт. URL: <https://profile.ru/abroad/chto-izmenilos-v-kitae-za-10-let-pravleniya-si-czinpinga-1178915/?clid=cac28804> (дата обращения: 15.11.2025).

⁷ Си Цзиньпин подчеркнул важность реализации стратегии КПК в Синьцзяне с упором на стабильность и безопасность [Электронный ресурс] // СИНЬХУА. Новости. 2022. 16 июл. URL: <https://clck.ru/3QPn7U> (дата обращения: 15.11.2025).

⁸ Riccardo R. Xinjiang: A Chinese National Security Issue [Электронный ресурс] // Special Eurasia. 2024. March 11. URL: <https://www.specialeurasia.com/2024/03/11/xinjiang-chinese-security-issue/> (дата обращения: 11.11.2025).

границе с Казахстаном, проходит более 200 маршрутов грузовых поездов из Китая в Европу, которые ведут в 21 страну, включая Германию, Польшу и Венгрию¹. Естественно, что столь высокий уровень развития транспортной сети обуславливает положение Синьцзяна как одного из центров внешней торговли страны. По данным таможи г. Урумчи, за первые три квартала этого года объем внешней торговли СУАР достиг 393,14 млрд юаней (около 55,4 млрд долларов США), увеличившись по сравнению с прошлым годом на 22,1 %, отражая, таким образом, устойчивую тенденцию к росту².

Несмотря на все трудности, КНР продолжает реализовывать независимый политический курс, направленный на активное развитие региона. И, обратившись к уже имеющимся результатам, успешность его реализации трудно поставить под сомнение. В частности, в ходе торжественных мероприятий, посвященных 70-летию образования Синьцзян-Уйгурского автономного района, Председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что с 2012 г. ВВП Синьцзяна рос в среднем на 7,04 % в год. В 2024 г. он увеличился на 6,1 % и впервые превысил 2 трлн юаней (около 281,4 млрд долларов США)³. Развивается и промышленность: «Китайский Синьцзян превращает пустыни в золотую жилу возобновляемой энергетики», – сообщил Госсовет КНР в сентябре 2025 г.⁴

На международной арене, избегая необоснованной пропаганды и объективно оценивая реальное положение дел, полную поддержку КНР выразили Монголия⁵ и Корейская Народно-Демократическая Республика⁶, против вмешательства во внутренние дела республики выступает и Россия⁷.

Заключение. Таким образом, национальная политика Китая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе прошла большой путь развития, и на каждом этапе этого процесса экономический фактор играл разную роль. Тем не менее, сегодня ошибочно полагать, что все меры китайского правительства сводятся исключительно к попыткам добиться лояльности местного населения путем экономического развития региона. Исторический опыт показал, что упор только на этот фактор не способен решить все проблемы в регионе. В связи с этим действующее руководство КНР реализует сбалансированную национальную политику: уделяет большое внимание экономическому фактору, не забывая и о мерах контроля. И уже сегодня такой подход дает свои плоды. Нет смысла отрицать, что под руководством Си Цзиньпина Китай достиг определенных успехов в решении национального вопроса и борьбе с сепаратизмом.

Список источников:

- Ананьина Д.А. Политика Китая в отношении СУАР – от репрессий к реформам // Общество и государство в Китае. 2013. Т. 43, № 2. С. 470–473.
Ананьина Д.А. Межэтнический конфликт на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 6–11.
Афониная Л.А. Система партийной пропаганды в Китае // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК : материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. М., 2018. С. 115–133.
Буюров Д.В. Политика «Большого освоения Запада» в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 12. С. 2564–2568. <https://doi.org/10.30853/mns20210501>.
Буюров Д.В., Субачев С.В. Современная политика китайского руководства в отношении религии в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2024. № 4 (76). С. 73–80.

¹ Two major Xinjiang railway ports see over 100,000 China-Europe freight train trips [Электронный ресурс] // The state council of the People's Republic of China. 2025. Oct. 14. URL: https://english.www.gov.cn/news/202510/14/content_WS68ee0ba5c6d00ca5f9a06c6e.html (дата обращения: 11.11.2025).

² Xinjiang's Horgos becomes China's largest land port for vehicle exports [Электронный ресурс] // Ibid. 2025. Oct. 25. URL: https://english.www.gov.cn/news/202510/25/content_WS68fc1090c6d00ca5f9a0703c.html (дата обращения: 11.11.2025).

³ Xi stresses building socialist modern Xinjiang [Электронный ресурс] // Ibid. 2025. Sept. 24. URL: https://english.www.gov.cn/news/202509/24/content_WS68d3d995c6d00ca5f9a06667.html (дата обращения: 11.11.2025).

⁴ China's Xinjiang transforms deserts into renewable energy goldmine [Электронный ресурс] // Ibid. 2025. Sept. 28. URL: https://english.www.gov.cn/news/202509/28/content_WS68d88c7fc6d00ca5f9a06808.html (дата обращения: 12.11.2025).

⁵ China willing to expand trade with Mongolia -- Chinese premier [Электронный ресурс] // Ibid. 2025. Nov. 19. URL: https://english.www.gov.cn/news/202511/19/content_WS691cf9c6c6d00ca5f9a07a5b.html (дата обращения: 12.11.2025).

⁶ China ready to strengthen strategic communication with DPRK, says Premier Li [Электронный ресурс] // Ibid. 2025. URL: https://english.www.gov.cn/news/202510/10/content_WS68e83ed7c6d00ca5f9a06a41.html (дата обращения: 13.11.2025).

⁷ Комментарий Посла России в Китае Андрея Денисова информгентству ТАСС [Электронный ресурс] : интервью руководства посольства // Посольство России в Китае : офиц. сайт. 2022. 28 мая. URL: https://newchina.mid.ru/ru/news/andrey_denisov_mezhdunarodnoe_vmeshatelstvo_v_situatsiyu_v_suar_nedopustimo/ (дата обращения: 15.11.2025).

- Зуенко И.Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина. М., 2024. 320 с.
- Основные векторы глобализации и эволюции политической системы КНР / К. Масабаяев [и др.] // *Central Asia and the Caucasus*. 2021. Т. 24, № 1. С. 7–21. <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.1.01>.
- Румянцев Е.Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина: монография. М., 2016. 589 с.
- Ставров И.В. «Мы – единый народ»: «белые книги» как инструмент пропаганды национального единства в КНР // *Российско-китайские исследования*. 2022. Т. 6, № 4. С. 231–240. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2022.6\(4\).231-240](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2022.6(4).231-240).
- Фролова И.Ю. Экономическая политика КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в контексте интересов стран Центральной Азии // *Проблемы национальной стратегии*. 2014. № 4 (25). С. 65–85.
- Хэ М. Синьцзян: экономическая история, современность и борьба с международным терроризмом // *Россия и Азия*. 2018. № 2 (3). С. 37–44.
- Franklin J., Wainwright J. Where does Xinjiang fit within the Belt and Road Initiative? Indications from CCP Documents and China's Steel industry // *Critical Asian Studies*. 2024. Vol. 56, no. 3. P. 495–514. <https://doi.org/10.1080/14672715.2024.2369612>.
- Li J., Qiu L. Demographic transition and population dynamics in Xinjiang, China // *China population and Development Studies*. 2024. Vol. 8. P. 78–95. <https://doi.org/10.1007/s42379-024-00152-9>.
- Policy Mobilities and the China Model: Pairing Aid Policy in Xinjiang / T. Song [et al.] // *Sustainability*. 2019. Vol. 11, no. 13. P. 1–17. <https://doi.org/10.3390/su11133496>.
- Qin X., Zou H., Wang L. Changing Regional Inequality Patterns in Western China: A Case Study of Xinjiang // *Complexity*. 2021. Vol. 2021. P. 1–12. <https://doi.org/10.1155/2021/9160354>.
- Study on the Ecological Compensation Standard in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China under the Perspective of Natural Capital Supply and Demand / J. Shi [et al.] // *Sustainability*. 2024. Vol. 16, no. 7. P. 1–21. <https://doi.org/10.3390/su16073078>.
- Zhao H. China's View of and Expectations from the Shanghai Cooperation Organization // *Asian Survey*. 2013. Vol. 53, no. 3. P. 436–460. <https://doi.org/10.1525/as.2013.53.3.436>.

References:

- Afonina, L.A. (2018) Party's propaganda system in China. In: *Novaya epokha: Kitay posle XIX s'yezda KPK* [New Era: China after the 19th Congress of the CCP]. Moscow, pp. 115–133. (In Russian)
- Anan'ina, D.A. (2013) Politika Kitaya v otnoshenii SUAR – ot repressiy k reformam [China's policy towards the XUAR – from repression to reform]. *Society and State in China*. 43 (2), 470–473. (In Russian)
- Anan'ina, D.A. (2018) Interethnic conflict in the territory of Xinjiang-Uygur Autonomous Region of China. *Humanitarian Vector*. 13 (3), 6–11. (In Russian)
- Buyarov, D.V. (2021) Policy of "Great exploration of the West" in Xinjiang Uygur Autonomous Region of China. *Manuscript*. 14 (12), 2564–2568. Available from: [doi:10.30853/mns20210501](https://doi.org/10.30853/mns20210501). (In Russian)
- Buyarov, D.V. Subachev, S.V. (2024) The Current Policy of the Chinese Leadership on Religion in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region. *Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University*. 4 (76), 73–80. (In Russian)
- Franklin, J. & Wainwright, J. (2024) Where does Xinjiang fit within the Belt and Road Initiative? Indications from CCP Documents and China's Steel industry. *Critical Asian Studies*. 56 (3), 495–514. Available from: [doi:10.1080/14672715.2024.2369612](https://doi.org/10.1080/14672715.2024.2369612).
- Frolova, I.Yu. (2014) China's economic policies in the Xinjiang Uygur Autonomous Region in the context of the interests of central Asian countries. *National Strategy Issues*. (4 (25)), 65–85. (In Russian)
- Li, J. & Qiu, L. (2024) Demographic transition and population dynamics in Xinjiang, China. *China population and Development Studies*. 8, 78–95. Available from: [doi:10.1007/s42379-024-00152-9](https://doi.org/10.1007/s42379-024-00152-9).
- Masabaev, K., Dauyen, D., Seydin, N. & Batyrkhan, B. (2021) Osnovnyye vektory globalizatsii i evolyutsii politicheskoy sistemy KNR [Globalization and evolution of China's political system: Main vectors revisited]. *Central Asia and the Caucasus*. 24 (1), 7–21. Available from: [doi:10.37178/ca-c.21.1.01](https://doi.org/10.37178/ca-c.21.1.01). (In Russian)
- Qin, X., Zou, H. & Wang, L. (2021) Changing Regional Inequality Patterns in Western China: A Case Study of Xinjiang. *Complexity*. 2021, 1–12. Available from: [doi:10.1155/2021/9160354](https://doi.org/10.1155/2021/9160354).
- Rumyantsev, E.N. (2016) *Domestic and foreign policy of Xi Jinping*. Moscow. 589 p. (In Russian)
- Shi, J., Wang, T., Xu, L., Gao, Z., Cao, C. & Luo, Y. et al. (2024) Study on the Ecological Compensation Standard in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China under the Perspective of Natural Capital Supply and Demand. *Sustainability*. 16 (7), 1–21. Available from: [doi:10.3390/su16073078](https://doi.org/10.3390/su16073078).
- Song, T., Liu, W., Liu, Z. & Wuzhati, Y. (2019) Policy Mobilities and the China Model: Pairing Aid Policy in Xinjiang. *Sustainability*. 11 (13), 1–17. Available from: [doi:10.3390/su11133496](https://doi.org/10.3390/su11133496).
- Stavrov, I.V. (2022) "We are one people": White Papers as a tool to promote national unity in the PRC. *Russian & Chinese Studies*. 6 (4), 231–240. Available from: [doi:10.17150/2587-7445.2022.6\(4\).231-240](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2022.6(4).231-240). (In Russian)
- Xe, M. (2018) Xinjiang: economic history and modernity. *Russia and Asia*. (2 (3)), 37–44. (In Russian)
- Zhao, H. (2013) China's View of and Expectations from the Shanghai Cooperation Organization. *Asian Survey*. 53 (3), 436–460. Available from: [doi:10.1525/as.2013.53.3.436](https://doi.org/10.1525/as.2013.53.3.436).
- Zuenko, I.Yu. (2024) *Kitay v epokhu Si Tszin'pina* [China in the era of Xi Jinping]. Moscow. 320 p. (In Russian)

Информация об авторах

Ж.В. Петрунина – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии, Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=407781

Д.Д. Иванов – студент историко-филологического факультета, Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Zh.V. Petrunina – D.Phil. in History, Professor at the Department of History and Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=407781

D.D. Ivanov – Student at the Faculty of History and Philology, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests:

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.11.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.12.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 94(100)“1939/45”

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.23>

Внешнеполитические ориентации восточноевропейских стран накануне и в годы Второй мировой войны как фактор их русофобии

Александр Альбертович Семенов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,
orion156@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8618-0246>

Аннотация. В статье прослеживаются идеологические, исторические корни политики восточноевропейских стран, проявившиеся в переходе от поддержки действий держав Оси в 30–40 гг. XX в. к новой геополитической конфронтации с современной Российской Федерацией, выразившейся во вступлении данных восточноевропейских государств в агрессивный, милитаристский блок НАТО, занятии ими в нем крайне радикальных антироссийских позиций. Целью исследования является определение геополитической позиции данных восточноевропейских государств и исходящих от них в современный период угроз для нашей страны. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на основе исторического материала прослежена эволюция геополитической, антироссийской и русофобской политики современных восточноевропейских режимов от времени их пребывания в 30–40 гг. XX в. в качестве военно-политических сателлитов нацистской Германии к наиболее агрессивной антироссийской и русофобской позиции в рядах военно-политического блока НАТО, угрожающего самому существованию и историческому бытию Российской Федерации и ее коренным геополитическим интересам, а также в том, что проанализирована возможность ответа современной России на вызов со стороны данных государств-лимитрофов.

Ключевые слова: гитлеровская Германия, НАТО, сателлиты, восточноевропейские режимы, СССР, Российская Федерация, конфронтация

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Семенов А.А. Внешнеполитические ориентации восточноевропейских стран накануне и в годы Второй мировой войны как фактор их русофобии // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 186–191. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.23>.

Original article

The Foreign Policy Orientations of Eastern European Countries Prior to and During the Second World War as a Factor of Their Russophobia

Alexander A. Semenov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
orion156@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8618-0246>

Abstract. The article traces the ideological and historical roots of the policies enacted by Eastern European nations, manifested in their transition from supporting the actions of the Axis powers in the 1930s and 1940s to a new geopolitical confrontation with the modern Russian Federation. This confrontation is exemplified by the accession of these Eastern European states to the aggressive, militaristic NATO bloc, coupled with their adoption of highly radical anti-Russian stances within said bloc. The aim of the study is to define the geopolitical positioning of these Eastern European states and the concomitant threats they pose to Russia in the modern era. The scientific novelty of this research lies in, firstly, the longitudinal tracing of the evolution of the geopolitical, anti-Russian, and Russophobic policies of contemporary Eastern European regimes, drawing a direct line from their status as military-political satellites of Nazi Germany in the 1930s and 1940s to their current highly aggressive anti-Russian and Russophobic posture within NATO. This posture represents a palpable threat to the very existence and historical continuity of the Russian Federation and its fundamental geopolitical interests. Secondly, the study analyzes the potential responses of modern Russia to the challenges emanating from these border states.

Keywords: Nazi Germany, NATO, satellites, Eastern European regimes, USSR, Russian Federation, confrontation

Funding: Independent work.

For citation: Semenov, A.A. (2025) The Foreign Policy Orientations of Eastern European Countries Prior to and During the Second World War as a Factor of Their Russophobia. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 186–191. Available from: doi.org/10.24158/fik.2025.11.23 (In Russian).

Введение. Неприязненное отношение восточноевропейской элиты к России формировалось на протяжении длительного исторического времени. При этом корни этого явления можно искать

еще начиная с XVI столетия. Однако нас в данном контексте интересует больше новейший период, в частности, вторая половина XX – начало XXI столетия, когда это явление обнаружило себя особенно широко и достигло масштабов открытой агрессии данных государств вначале против Советского Союза, а потом и против современной Российской Федерации. В период между Первой и Второй мировыми войнами в Восточной Европе постепенно утверждались авторитарные политические режимы, многие из которых занимали откровенную антисоветскую, антироссийскую позицию. Такие режимы появились практически на всем пространстве Восточной Европы, начиная от северо-европейских стран и заканчивая Болгарией и Румынией на южно-европейском фланге.

В этот период республики Прибалтики, получившие независимость от Советской России в 1918 г., занимали откровенную антироссийскую позицию. При формально существующем демократическом строе там установились авторитарные режимы, проводившие политику против нашей страны. К ним можно отнести и Финляндию, которая также отличалась крайним неприятием Советской России. Данные авторитарные политические образования во главу угла своей внешней политики ставили цель принесения максимального ущерба Советской России, действуя самыми разными путями и способами: от организации вооруженных мятежей до подрывной деятельности на советской территории. Они также стремились войти в коалицию с сильнейшими западноевропейскими державами, чтобы нанести максимальный ущерб советской стороне.

С течением времени России пришлось начать реагировать на данные недружественные шаги и выпады со стороны северных восточноевропейских стран. В дипломатическом плане это нашло выражение в модернизации Народного комиссариата иностранных дел и назначении нового наркома В. Молотова. Это стало «гарантией быстрого и четкого рассмотрения и решения всех ее [внешней политики] проблем»¹. Не дождавшись изменения политики данных государств в русле нейтралитета или хотя бы отказа от антисоветской риторики, СССР был вынужден перейти к решительным действиям. Их итогом стала Зимняя война 1940 г. с Финляндией и включение прибалтийских республик в состав СССР. Оба эти события были вынужденными мерами, на которые должно было пойти советское руководство, чтобы обезопасить северо-западный европейский фланг.

В отношении Финляндии в этот период достаточно остро стоял вопрос о Карельском перешейке, где территории двух стран соприкасались в непосредственной близости от второго по величине и значимости города России – Ленинграда. Учитывая антисоветскую позицию финского руководства, СССР выдвинул финскому правительству ультиматум о переносе границы на 200–250 километров от города. Финское правительство ответило отказом, что и стало формальным поводом для начала военных действий СССР против Финляндии. В результате скоротечной, но ожесточенной Зимней войны финские националисты вынуждены были пойти на уступки и перенести границу от Ленинграда вглубь своей территории. В целом же «Финляндия сохранила независимость и армию, несмотря на принятие тяжелых условий от Советского Союза и потери значительных территорий» (Зайцев, Зайцева, 2020: 64).

Как показал ход дальнейших исторических событий, данное решение советского руководства было полностью оправданным, поскольку Финляндия позже присоединилась к державам Оси и приняла участие в военных действиях против Советского Союза в годы Второй мировой войны, а также организовала блокаду Ленинграда, принесшую неисчислимые жертвы советскому народу. Вполне возможно, что республики Прибалтики также стали бы плацдармом для деятельности антисоветских сил и разместили бы на своей территории нацистские войска, готовившиеся к вторжению в СССР. Так, советский военный атташе в Латвии К.П. Васильев сообщал в Москву 17 мая 1939 г.: «Идет усиленная пропаганда идей фашизма и прямой агрессии... Правительство, его верхушка по-прежнему тянет латвийский народ в лоно германского фашизма и в критический момент не остановится перед прямым предательством своего народа»².

Но, к счастью, и эта проблема также была решена в 1940 г. советским правительством, что позволило отодвинуть западную границу СССР на несколько сот километров от рубежей под Ленинградом и Псковом. Далее оно докладывало: «Правящая верхушка Латвии рассчитывала на кратковременность пребывания наших войск на латвийской территории, причем усиленно проповедовала „идею“ сбросить советские войска в море. Правящие круги Латвии и до сих пор еще не отказались от этой „идеи“»³.

Позже такой территориальный «запас» положительным образом сказался на ходе военных действий в начальный период Великой Отечественной войны и позволил частично измотать противника в ходе военных действий. При этом некоторые западные, в особенности немецкие, историки

¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 66. Л. 3.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1236. Л. 125.

³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. I. Накануне. М., 1995. С. 123–124.

и политологи, нередко утверждают, что пакт Молотова – Риббентропа, заключенный в 1939 г., стал началом порабощения народов Восточной Европы Советским Союзом¹. Реальность же заключается в том, что данные страны изначально были антисоветскими и русофобскими по сути своего политического устройства, и ликвидация угрозы с их стороны стала важной внешнеполитической целью СССР в предвоенный период.

В данном контексте особого внимания заслуживает политическая позиция Польского государства, которое, начиная с периода получения независимости и участия в войне против России, занимало резкую антисоветскую позицию и различными путями стремилось ослабить СССР. Антисоветские настроения в Польше подпитывались традиционной русофобией и стремлением националистического государства к восстановлению великодержавия, выразившегося в строительстве так называемой «великой Польши от моря до моря».

С этой позиции польская элита рассматривала территорию Белоруссии и Украины в качестве объекта для дальнейшей экспансии, а предполагаемую войну на этих территориях – в качестве средства нанесения исторического поражения России в обозримой исторической перспективе. Естественно, Советский Союз стремился воспрепятствовать такому развитию событий.

С этой точки зрения заключение пакта Молотова – Риббентропа в 1939 г. обеспечивало Советскому Союзу «свободу рук» в отношении польского вопроса. «Содержание договора не расходилось с нормами международного права и договорной практикой, принятыми для подобного рода урегулирований»². Его заключение было неизбежно, учитывая сдачу Чехословакии Гитлеру западными странами и отказ от переговоров с СССР. Так, например, в этой связи британский атташе в Москве Э. Грир заявлял: «Нас к этому положению привела старая политика, политика Чемберлена»³.

В свою очередь польская правящая элита на протяжении десятилетий видела в этом признаки заговора «двух тоталитарных государств» против независимой Польши. Однако действительность была значительно сложнее этой пропагандистской схемы. Польша сама стремилась заключить союз с нацистской Германией и раньше Советского Союза подписала договор о ненападении с ней. Страну в этот период прозвали «гиеной Европы», поскольку она стремилась участвовать в разделе соседней Чехословакии после так называемого мюнхенского сговора, когда Англия и Франция, осуществляя политику умиротворения Гитлера, отдали ему на растерзание эту страну. «29–30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась встреча глав правительств Великобритании, Франции, Германии и Италии. Представителям Чехословакии и СССР в участии в этой встрече было отказано. В ночь с 29 на 30 сентября А. Гитлер, Б. Муссолини, Э. Даладье и Н. Чемберлен подписали Мюнхенское соглашение, по которому Чехословакии предписывалось передать Германии Судетскую область, удовлетворить претензии Польши на Тешинский округ и отказаться от Западной Украины в пользу Венгрии»⁴.

Польша, таким образом, также поучаствовала в ликвидации чехословацкого государства в 1939 г. и присоединила к себе приграничную Тешинскую область. Не прочь она была присоединиться и к антисоветскому походу нацистов, к войне против СССР, если бы нацистская верхушка обратилась бы к польскому правительству с таким предложением.

Сама Чехословакия, имея договор о взаимной помощи с Советским Союзом, заключенный в 1936 г., так и не обратилась за его получением, поскольку чешское руководство в ходе Судетского кризиса действовало крайне непоследовательно. В свою очередь Польша сразу же заявила о том, что она не допустит прохождения советского воинского контингента для помощи Чехословакии по своей территории, и этим подтвердила свою репутацию как наиболее антисоветского и антироссийского государства Восточной Европы.

В данной связи раздел Польши между Германией и Советским Союзом, который последовал за заключением пакта Молотова – Риббентропа, был необходимой мерой самозащиты Советского Союза от возможной польской агрессии в деле поддержки нацистского вторжения в СССР, «в тех условиях, в которые СССР был загнан западными государствами..., это было единственным выходом для Советского Союза» (Нарочницкая, 2009: 157). Западные страны в это время заняли открыто пронацистскую позицию. «С тех пор ему [Гитлеру] ни в чем не перечили, его просили лишь не перегибать палку, по принципу – всему свое время» (Фалин, 2000: 38–39). Тем не менее «Гитлер никогда не отказывался от своей программной цели» (Юбершер, 1999).

¹ Hildebrand K. Krieg im Frieden und Frieden im Krieg. Über das Problem der Legitimität in der Geschichte der Staatengesellschaft 1931–1941 // Der Zweite Weltkrieg: Analysen, Grundzüge, Forschungsbilanz. München ; Zürich. 1989. S. 25–48; Hass G. Der Hitler-Stalin Pakt. Dokumentation. Berlin, 1990. S. 63–72.

² Яковлев А.Н. Доклад II Съезду народных депутатов // Актуальные проблемы новейшей истории. М., 1991. С. 38.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 77. Л. 99.

⁴ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. С. 329–330.

Еще ранее были подписаны англо-германские и англо-французские соглашения о мире и добрососедстве. Так, 30 сентября 1938 г. была подписана англо-германская декларация, в которой содержалось «символизирующее желание двух стран никогда больше не воевать друг с другом»¹. Наряду с этим в том же году 6 декабря аналогичную декларацию о мире и добрососедстве подписали Франция и Германия².

Справедливости ради необходимо отметить, что нацисты сами не стремились использовать «польский фактор» для нанесения превентивного удара по СССР, они были убеждены в слабости этого государства и неспособности его армии к активным боевым действиям. С другой стороны, у них были свои виды на территорию Польши и на решение так называемого польского вопроса, что, в принципе, не подразумевало сохранения независимости этого восточноевропейского государства. Германские нацисты стремились включить польскую территорию в состав рейха, и надобность в военной поддержке независимого государства у них отсутствовала. Согласно их планам Польша должна была стать лишь плацдармом для агрессии против Советского Союза в будущем.

Исходя из всего этого, «польский фактор» в предвоенные годы для советского руководства был весьма значим, и ликвидация польского антисоветского националистического режима являлась необходимым этапом в противостоянии нацистскому агрессору. В данной связи показательным является то, что позже и английский, и американское руководство вполне соглашались с пониманием рациональных мотивов Советского Союза при ликвидации восточноевропейской угрозы. Также последующая война нацистов против СССР показала, что данные страны вряд ли бы удержались от участия в военных действиях против СССР, так что даже западные союзники по антигитлеровской коалиции выразили определенное понимание советской позиции в этот период.

Не лучше обстояли дела в южной части Восточной Европы. «Дальнейшие планы центрально-европейского устройства решались уже исключительно западными державами» (Баранов, 2019: 137).

После ликвидации нацистами Чехословакии как независимого государства в союз с ними вступили Венгрия, Румыния и Болгария. Советское руководство также понимало опасность, возникшую на этом направлении, поэтому, исходя из пакта Молотова – Риббентропа, который был заключен с целью оттянуть начало нацистской агрессии против СССР, Советский Союз постарался устранить эту угрозу. Данное решение было вполне понятным, если учитывать действия правительств указанных восточноевропейских стран. Так, например, Румыния еще в период гражданской войны в России захватила Бессарабию, входившую ранее в состав Российской империи, и строила планы на оккупацию Одессы и юга Украины.

Венгрия, руководимая авторитарным режимом адмирала Хорти, почти сразу же присоединилась к Германии и Италии в качестве сателлита. Болгария также в этот период проводила антисоветскую политику, забыв славянское братство, в результате чего, как обычно, оказалась на стороне противников России.

«Независимая» Словакия, созданная нацистами в 1939 г., также присоединилась в качестве сателлита к нацистской Германии и вместе с Венгрией приняла участие в нападении на Советский Союз.

Что касается Чехии, то, формально не участвуя в войне против СССР, она тем не менее экономически способствовала созданию нацистской военной машины. Чешские заводы ударно работали на фашистскую Германию, обеспечивая вермахт всем необходимым в области вооружений и военного снаряжения на протяжении всей Второй мировой войны. Так что эти восточноевропейские страны, учитывая их изначальную антисоветскую и антироссийскую сущность, имевшую глубокие исторические корни, не могли не оказаться в этот период на стороне нацистского режима. Для них участие в войне нацистов против СССР было вполне естественным и исторически обусловленным делом, учитывая историческую русофобию политической элиты данных государств, существовавшую на протяжении столетий. Исходя из этого, они разделяли цели нацистской политики в отношении СССР, которая заключалась в ликвидации советской и российской государственности. «Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия... Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 года» (Кульков и др., 1983: 85).

Вместе с тем важно отметить, что не все восточноевропейские страны в этот период занимали откровенную русофобскую и антисоветскую позицию. В частности, правительство Югославии

¹ Англо-германская декларация 1938 г. [Электронный ресурс] // Наука. Общество. Оборона. URL: <https://www.noo-journal.ru/anglo-germanskaya-deklaratsiya-1938-goda-30-sentyabrya/> (дата обращения: 04.12.2025).

² Франко-германская декларация 1938 г. [Электронный ресурс] // Там же. URL: <https://www.noo-journal.ru/franko-germanskaya-deklaratsiya-1938-goda-6-dekabrya/> (дата обращения: 04.12.2025).

постаралось дистанцироваться от антисоветских сил в Восточной Европе, и в дальнейшем патриотические силы в Югославском королевстве решительно выступили против возможного союза с нацистами, что повлекло за собой войну нацистской Германии с Югославским королевством. Разумеется, последнее не могло долго выстоять в борьбе с фашистскими режимами Германии и Италии, однако все же сопротивление югославам позволило отсрочить время нападения этих государств на Советский Союз, как покажут потом последующие события, что оказалось критическим для нацистской военной машины. Его потеря на Балканах дорого обошлась ей в плане реализации нацистских планов блицкрига против СССР. «Стало ясно, что война с Советским Союзом стала затяжной, что о победоносном окончании войны в 1942 г. не может быть и речи...»¹.

Завершив Великую Отечественную войну, Советский Союз по итогам Второй мировой войны распространил сферу своего влияния далеко на Запад, и бывшие пронацистские режимы в странах Восточной Европы с их русофобской элитой вынуждены были приспосабливаться к меняющимся условиям. Постепенно в странах Восточной Европы происходила смена правительств на просоветские, ориентированные на СССР. Это полностью устранило угрозу нового превращения данных государств в плацдарм для следующего нападения на Советский Союз и в значительной мере поставило крест на деятельности русофобской элиты этих государств, которая в этот период была вынуждена отойти от власти. С течением времени данные страны вошли в формируемый военно-политический блок, в котором они и пребывали до самого распада советского лагеря.

Следует отметить ведущую тенденцию в современной американской историографии – отводить Восточной Европе центральное место при выявлении причин происхождения холодной войны (Fleming, 1960).

Однако после начала в СССР политики «перестройки» внутривнутриполитическая сущность рассматриваемых государств претерпела новые значительные метаморфозы, и после череды так называемых бархатных революций данные страны вновь пережили инверсию от существования в качестве дружественных Советскому Союзу и России режимов до возобновления в этих странах русофобской антироссийской политики, ставшей основой их нового внешнеполитического курса. С течением времени после распада СССР все эти государства были приведены их правящими прозападными элитами в состав агрессивного милитаристского блока НАТО, который с начала 2000-х гг. стал угрожать самому существованию России, ее национальным и геополитическим интересам. Так, М. Тэтчер произнесла символическую речь, выступая в Праге в 1999 г. Она заявила, что НАТО «надежно привязал Центральную Европу к западному миру»². Первыми в состав этого блока вступили Чехия, Венгрия и Польша, затем Румыния и Болгария, а позже туда вошли страны Прибалтики. Как известно, главной целью существования данного военного союза является нанесение стратегического поражения Российской Федерации. Изначально он представлял собой военный блок, направленный против СССР, а затем и против РФ, иначе его существование было бы полностью бессмысленным. «НАТО была, есть и будет предназначена исключительно для военно-политического сдерживания в прошлом СССР, а теперь России»³.

Основой внешней политики данных стран в начале XXI столетия, как и их западных покровителей, стала откровенная русофобия, чего нельзя было не принимать во внимание российскому руководству. Так, американский сенатор Дж. Хелмс заявил осенью 1997 г., что «в начале будущего столетия именно Россия скорее всего станет искать гегемонии. Поэтому центральной стратегической целью расширения НАТО должна стать защита от возрождения... России» (Максимычев, 1998: 48).

Особенно в этом смысле отличались страны Прибалтики, Польша, а также Финляндия, вместе со Швецией вступившая в НАТО в 2023 г. Как следствие, в обозримой исторической перспективе российскому руководству придется исходить из того, что данные государства являются наиболее последовательными и решительными противниками Российской Федерации, они также служат застрельщиками введения новых политических и экономических санкций против нашей страны, нагнетают антироссийскую истерию и требуют от Запада и руководства НАТО размещения на своей территории как можно большего числа воинских подразделений, военных баз с американским и европейским ядерным оружием. В этом смысле политическая элита данных государств готова принести в жертву собственные народы, для того чтобы нанести Российской Федерации как можно больший, по возможности невосполнимый ущерб, а в идеале вообще уничтожить российскую государственность. Они также продолжают оказывать военную и финансовую помощь киевскому нацистскому режиму, напрямую участвуя в агрессии Запада против России.

¹ Центральный архив Министерства обороны СССР. Ф. 6598. Оп. 724438. Д. 349. Л. 32.

² Thatcher M. Speech Unveiling a Statue of Churchill in Prague (1999, Nov. 17) [Электронный ресурс] // Margaret Thatcher. Foundation. URL: <http://margaretthatcher.org/document/108384> (дата обращения: 25.10.2025).

³ Независимая газета. 1994. 23 февраля.

Наряду с этим вступление восточноевропейских стран в состав Североатлантического альянса обусловило возникновение определенных противоречий в структуре данного военного блока. Они выражаются в практике частичного отхода некоторых восточноевропейских государств (например, Словакии и Венгрии) от перманентной антироссийской позиции, а также в появлении в них политических сил и движений, учитывающих национальные интересы России на постсоветском и восточноевропейском пространстве. Использование данного фактора, как представляется, в какой-то мере может позволить в сложившихся военно-политических обстоятельствах добиться реализации национальных интересов РФ в странах бывшего советского блока на восточном фланге НАТО. Кроме того, это осложнит деятельность тех региональных сил, которые продолжают занимать радикальные антироссийские позиции и стремятся нанести РФ неприемлемый геополитический ущерб.

Список источников:

- Баранов Н.А. Центрально-Восточная Европа в европейском политическом и историко-географическом контексте // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15, № 2. С. 137–153.
Зайцев А.А., Зайцева Н.В. Странная зимняя война // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2020. № 2 (239). С. 64–67.
Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Челышев И.А. Правда и ложь о Второй мировой войне. М., 1983. 334 с.
Максимычев И. Россия в Европе // Международная жизнь. 1998. № 4. С. 41–50.
Нарочницкая Н.А. Россия и русские в современном мире. М., 2009. 416 с.
Фалин В.М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. 574 с.
Юбершер Г.Р. 22 июня 1941 г. в современной историографии ФРГ. К вопросу о «превентивной войне» // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 59–67.
Fleming F.D. The Cold War and Its Origins. 1917–1960 : in 2 vol. N. Y. ; L., 1960. Vol. 1. 1158 p.

References:

- Baranov, N. A. (2019) Central-Eastern Europe in the European Political and Historical-Geographical Context. *Political Expertise: Politeks*. 15 (2), 137–153. (In Russian).
Falyn, V. M. (2000) *Vtoroi front. Antigitol'rovskaya koalitsiya: konflikt interesov* [The Second Front. The Anti-Hitler Coalition: conflict of interests]. Moscow. 574 p. (In Russian).
Fleming, F. D. (1960) *The Cold War and Its Origins*. 1917–1960. Vol. 1. New York ; London. 1158 p.
Kul'kov, E. N., Rzheshhevskii, O. A. & Chelyshev, I. A. (1983) *Pravda i lozh' o Vtoroi mirovoi voine* [The truth and lies about the Second World War]. Moscow. 334 p. (In Russian).
Maksimychev, I. (1998) Rossiya v Evrope [Russia in Europe]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. (4), 41–50. (In Russian).
Narochnitskaya, N. A. (2009) *Rossiia i russkie v sovremennom mire* [Russia and Russians in the modern world]. Moscow. 416 p. (In Russian).
Yubersher, G. R. (1999) 22 iyunya 1941 g. v sovremennoi istoriografii FRG. K voprosu o «preventivnoi voine» [June 22, 1941 in the modern historiography of Germany. On the issue of "preventive war"]. *Novaya i noveishaya istoriya*. (6), 59–67. (In Russian).
Zaytsev, A. A. & Zaytseva, N. V. (2020) Strange Winter War. *Proceedings of BSTU. Issue 6, History, Philosophy*. (2 (239)), 64–67. (In Russian).

Информация об авторе

А.А. Семенов – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=77977

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

A.A. Semenov – D.Phil. in History, Professor at the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=77977

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 03.11.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.12.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 94(470.67)"20":304

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.24>

Социокультурное развитие Республики Дагестан в первом десятилетии XXI века (на примере деятельности театров и библиотек)

Людмила Анатольевна Труженикова

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия,

Lyuda-74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5178-259X>

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления деятельности театральных коллективов и библиотек Республики Дагестан в 2000-е гг. в контексте общеэкономических показателей. Акцентируется внимание на позитивных тенденциях, наметившихся в социокультурной сфере, которые позволили при помощи Федерального центра и поэтапной реализации республиканских целевых программ значительно активизировать культурную жизнь республики. Несмотря на имевшиеся трудности, проводимые творческие мероприятия, в том числе театральные фестивали, гастрольная деятельность, выставки книжных новинок и многие другие, способствовали оживлению интереса населения к культурным событиям. Отмечается, что к началу второго десятилетия XXI века Дагестан, благодаря огромным усилиям, вновь стал регионом со значительными достижениями в экономике и социокультурной сфере, сформировав необходимый потенциал для их развития.

Ключевые слова: Республика Дагестан, социокультурное развитие, духовно-нравственные ценности, Министерство культуры, театры, библиотеки

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Труженикова Л.А. Социокультурное развитие Республики Дагестан в первом десятилетии XXI века (на примере деятельности театров и библиотек) // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 192–197. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.24>.

Original article

Socio-Cultural Development of the Republic of Dagestan in the First Decade of the 21st Century (Using the Example of Theatres and Libraries)

Lyudmila A. Truzhenikova

Dagestan State University, Makhachkala, Russia,

Lyuda-74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5178-259X>

Abstract. The article examines the main activities of theater groups and libraries of the Republic of Dagestan in the 2000s in the context of general economic indicators. Attention is focused on the positive trends that have emerged in the socio-cultural sphere, which, with the help of the Federal Center and the phased implementation of republican targeted programs, have significantly intensified the cultural life of the republic. Despite the difficulties, the ongoing creative events, including theater festivals, touring activities, exhibitions of new books, and many others, have helped to revive public interest in cultural events. It is noted that by the beginning of the second decade of the 21st century, Dagestan, thanks to great efforts, had once again become a region with significant achievements in the economy and socio-cultural sphere, having formed the necessary potential for their development.

Keywords: Republic of Dagestan, socio-cultural development, spiritual and moral values, ministry of Culture, theatres, libraries

Funding: Independent work.

For citation: Truzhenikova, L.A. (2025) Socio-Cultural Development of the Republic of Dagestan in the First Decade of the 21st Century (Using the Example of Theatres and Libraries). *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 192–197. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.24](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.24) (In Russian).

Рубеж XX–XXI веков стал одним из самых непростых периодов в истории многонационального Дагестана. Преодоление последствий затяжного экономического и социального кризиса, усугубленного вторжением в августе–сентябре 1999 г. международных бандформирований на территорию республики, потребовало консолидации усилий всего дагестанского общества для нормализации ситуации в регионе и выхода на траекторию долгосрочного положительного роста. Уже в 2001 г. экономика республики начала восстанавливаться, преодолев период заметного спада

1995–1998 гг. Итоги социально-экономического развития за 2000 г. свидетельствовали о том, что благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура и достигнутая социально-политическая стабильность позволили сохранить положительную динамику важнейших макроэкономических показателей на протяжении 1999 и 2000 гг. В 2000 г. по сравнению с 1999 г. наблюдался рост объемов производства промышленной продукции (на 20,3 %), инвестиций в основной капитал (на 34,8 %), розничной торговли (на 20,9 %). Вдвое увеличились показатели по доходам и расходам республиканского бюджета. К числу основных факторов, обеспечивших рост, относились стабильное финансирование Дагестана из федерального бюджета, принятые республиканским руководством меры по государственной поддержке высокоэффективных проектов, расширение внутреннего спроса, наращивание объемов экспорта, чему способствовали созданная правовая и нормативная базы, разработанные республиканские целевые программы, определение приоритетов в краткосрочном и долгосрочном развитии¹.

Вместе с тем имевшиеся нерешенные вопросы в экономике и социальной сфере не позволяли говорить о достаточном росте и благополучии. Так, не все отрасли работали стабильно и устойчиво (сельское хозяйство, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство и др.), была велика изношенность основных производственных фондов. Уровень жизни продолжал оставаться низким, в том числе была высока доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (на начало января 2001 г. – 46,4 %). Удельный вес зарегистрированных безработных среди экономически активных граждан составил 5 %, что было выше среднероссийских показателей в 3,3 раза²; сохранялась задолженность по заработной плате. Тем не менее четко обозначившиеся в республике тенденции к росту давали ощутимую надежду и позволяли реализовывать успешные проекты практически по всем направлениям, в том числе и в развитии театрального и библиотечного дела.

Источниковой базой исследования выступили материалы Центрального государственного архива Республики Дагестан, которые в совокупности с привлеченными документами Правительства республики позволили воспроизвести картину деятельности культурно-массовых учреждений в указанный период. Проблемы экономического и социального развития региона рассматривались в работах известных дагестанских исследователей, среди них – Г.Ф. Гебеков (2006), Г.Ш. Каймаразов (2014), М.Я. Мирзабеков (2019), А.И. Османов³ и др. Однако можно отметить, что комплексного освещения вопросов деятельности театров и библиотек республики на фоне развития экономики региона проведено не было.

Методологической основой данной статьи выступили общенаучные и специально-исторические методы, опираясь на которые, для достижения цели исследования, деятельность театров и библиотек республики в обозначенный период была рассмотрена в контексте общих показателей социально-экономических отношений.

В рассматриваемый период работа Министерства культуры строилась в основном в соответствии с Республиканской целевой программой «Развитие культуры и искусства Дагестана на 2001–2005 гг.»⁴ и ежегодным Планом приоритетных мероприятий. Разрабатывались и реализовывались широкомасштабные культурные события, в том числе творческие вечера выдающихся деятелей культуры, конкурсы, концерты, фестивали профессионального и любительского искусства, мероприятия по обмену культурным опытом. Можно отметить, что ряд республиканских творческих коллективов провел успешные гастроли как по городам России, так и за рубежом, вызвавшие небывалый интерес публики и получившие восторженные отзывы. Большую популярность приобрели проводимые юбилейные мероприятия. Так, например, 2003 г. был ознаменован празднованием главного события в культурной жизни республики – 80-летия великого поэта Расула Гамзатова.

Одно из самых заметных мест в культурной жизни республики занимают театры. Дагестан знаменит национальными театрами, прославившимися своими творческими успехами далеко за пределами республики. У истоков профессионального театрального искусства стоит Русский драматический театр им. М. Горького, открытый в 1925 г. За свою творческую биографию театральный коллектив поставил и сыграл большое количество спектаклей. В начале XXI столетия, пережив немало трудностей, театр вышел на новые творческие горизонты. В 2001 г. на его сцене было сыграно

¹ Об итогах социально-экономического развития Республики Дагестан за 2000 год [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Республики Дагестан от 05.06.2001 № 116. Доступ из проф. справочной системы «Кодекс».

² Там же.

³ Османов А.И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития : в 2 кн. Кн. 2. Общественно-политическая жизнь и социокультурное развитие народов Дагестана. Махачкала, 2007. 622 с.

⁴ О республиканской целевой программе «Развитие культуры и искусства Дагестана на 2001 – 2005 годы» [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Республики Дагестан от 08.01.2002 № 10. Доступ из проф. справочной системы «Кодекс».

312 спектаклей, из них – пять премьерных; количество зрителей, посетивших постановки в этом году, составило 58 400 человек. Однако в 2005 г. показатели снизились: 276 спектаклей в год, четыре премьеры и 43 100 зрителей. В 2010 г. 272 спектакля (пять премьерных) посетили 44 300 зрителей (Каймаразов, 2014: 247–248).

Продолжал творческую деятельность основанный в 1935 г. Аварский музыкально-драматический театр им. Г. Цадасы. Театр активно участвовал в различных мероприятиях и фестивалях. В 2001 г. на Республиканском фестивале «Театр – детям» был показан спектакль «Волшебная палочка», вызвавший огромный интерес у маленьких зрителей. Театральный коллектив, как и коллективы других дагестанских театров, постоянно выступал с развлекательными и поучительными программами на школьных сценах, выезжал в районы республики и другие регионы с гастролями. За достигнутые успехи и большой вклад в развитие культуры в 2010 г. Международной академией культуры и искусства театру был присвоен статус «Национальное достояние России – 2010».

Успешно продолжали свою творческую деятельность в первое десятилетие XXI века и другие театры. Так, например, Кумыкский театр в 2009 г., показав на Фестивале Дагестанских театров мюзикл Д. Вассермана «Человек из Ламанчи», заслуженно получил Диплом первой степени, а С. Салимова, ведущая актриса труппы, была удостоена Диплома «За лучшую женскую роль». Аплодисментами был встречен публикой и режиссер спектакля – Ислам Казиев¹.

В 2002 г. было реконструировано здание Даргинского театра, что открыло новые творческие возможности для его труппы, в том числе – проводить мероприятия организованной при поддержке Министерства культуры Лаборатории театральных режиссеров Северного Кавказа, Абхазии и Южной Осетии и продолжать успешно гастролировать по городам России.

Активно работал коллектив Лакского государственного музыкально-драматического театра им. Э. Капиева. Труппа театра значительно помолодела, многих актеров привел и задействовал в постановке известного двуязычного спектакля «Колесо жизни» к юбилею Расула Гамзатова в 2003 г. режиссер Муса Оздоев. Театр и сегодня в своих спектаклях умело сочетает старину с ярко выраженным современным, вызывая постоянный интерес у публики.

В репертуаре Государственного Лезгинского музыкально-драматического театра имени С. Стальского в рассматриваемый период были представлены как классика, отечественная и зарубежная, так и национальная драматургия. Часто гастролирует, особенно в соседний Азербайджан, находящийся в Дербенте Азербайджанский государственный драматический театр, радуя своих зрителей постоянными творческими новинками.

В 2001 г. в культурной жизни республики состоялось знаменательное событие – премьерным спектаклем комедии «Хюлледжи» был открыт Государственный Ногайский драматический театр, который с момента своего создания начал активно гастролировать. Спектакли с восторгом встречали зрители Чечни, Северной Осетии, Ставропольского края, Астраханской области, Карачаево-Черкесии. Коллектив этого театра, как и других театров республики, стремится привить любовь и уважение к театральному искусству, почти утерянные в 1990-е гг., уделяет огромное внимание востребованным временем вопросам воспитания молодежи и повышению роли в общественной жизни республики творческой интеллигенции.

В декабре 2001 г. статус Государственного драматического театра получил Табасаранский народный театр, который перенимал и развивал в своем творчестве лучшие традиции национальных театров республики.

В 2000-е гг. продолжил свою творческую деятельность коллектив созданного в 1999 г. Дагестанского государственного театра оперы и балета. Постановки театра, в том числе ставшая классикой национальная опера «Хочбар», становились не просто событием в культурном пространстве региона, способствуя развитию музыкального и хореографического искусства, но и социально значимым для жизни республики явлением.

Активным участником культурной жизни и пропаганды нравственных ценностей среди самой взыскательной публики – детей – продолжал оставаться созданный в далеком 1941 г. Дагестанский государственный театр кукол.

В рассматриваемые годы театр был активным участником популярных творческих мероприятий. Например, на IV Международном фестивале театров кукол «Серебряный осетр» (г. Волгоград) коллектив представил спектакль «Стойкий оловянный солдатик» (режиссер М. Урицкий, художник Н. Данько), который был номинирован на премию за «Лучший актерский ансамбль» и «Лучшую женскую роль». В 2010 г. номер «Скрипка» в исполнении артистов театра был включен в гала-концерт как один из лучших номеров традиционного фестиваля «Серебряный осетр». Однако, несмотря на успехи и популярность, посещаемость спектаклей юными зрителями снижалась. Если в 2000 г. театр посетили 42 тысячи зрителей, то в 2010 г. – 36 300 человек (Мирзабеков, 2019: 342).

¹ Кумыкский театр [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://www.kumukteatr.ru> (дата обращения: 02.10.2025).

Начало XXI века театры Дагестана встретили со множеством серьезных проблем: практически отсутствовала современная национальная драматургия, что приводило к дефициту новых постановок и снижению посещаемости; преобладали пьесы с комедийно-бытовой тематикой и катастрофически мало было тех, где бы поднимались психологические проблемы общества и человека. Необходимо было обратить внимание зрителя на духовно-нравственные ценности, которые в трансформационные периоды истории могут кардинально поменяться на новые трактовки устоявшихся ценностных ориентиров (Мирзабеков, 2019: 342). К тому же наблюдался отток молодых талантливых артистов из коллективов в поисках более оплачиваемой работы. Фактически была прервана сложившаяся успешная практика подготовки актерских и режиссерских кадров в российских театральных вузах (частично эту проблему пытались решить открытием актерского отделения при факультете культуры Дагестанского государственного университета). Здания театров продолжали ветшать, хотя Федеральным центром выделялись средства на ремонт некоторых театральных помещений (например, в рассматриваемый период были реконструированы здания Русского театра, Театра кукол и Аварского театра, что явилось существенным вкладом и помощью театральной общественности).

Но, несмотря на все трудности, труппы театров продолжали оставаться яркими, самобытными, экспериментирующими коллективами единомышленников, легкими на подъем и готовыми к диалогу со зрителем.

Значимое явление в культурном пространстве представляют собой проводимые с 2004 г. и ставшие традиционными театральные фестивали, некоторые из которых заслуженно получили международный статус.

Первый Международный фестиваль русских театров Северного Кавказа и стран Черноморско-Каспийского региона стартовал в конце сентября 2007 г. в столице Дагестана – Махачкале. Коллективы приехавших театров показывали свои спектакли на сценах Русского и Кумыкского театров; в залах неизменно был аншлаг, а билеты раскупили еще до начала фестивальных мероприятий. Высокую оценку каждому увиденному спектаклю и всей организации Фестиваля дали известные театральные критики во главе с руководителем делегации, председателем Ассоциации русских театров России «Март» В. Подгородинским¹.

Можно отметить, что проводимые фестивали, ставшие поистине эпохальным событием в социокультурной жизни республики, явились свидетельством того, что театр, как культурное и социальное явление, смог преодолеть сложное постперестроечное время. Глобальные вопросы духовного возрождения настоятельно требовали своего решения, аккумулируя совместные усилия всего культурного сообщества, общественности и органов государственной власти. Большую роль в наметившемся процессе играли национальные театры, ставшие настоящими проводниками традиционных духовно-нравственных ценностей.

В 2000-е гг. впитавший в себя культурные традиции горских народов и современные театральные тенденции дагестанский театр, как составная часть социокультурной жизни, активно вносил свою лепту в духовное возрождение общества. И сегодня дагестанские театры активно участвуют в воссоздании единого культурного пространства страны, продолжая знакомить жителей самых отдаленных населенных пунктов с лучшими творческими коллективами России в рамках реализации масштабной федеральной программы «Большие гастроли» Министерства культуры Российской Федерации².

Кардинальные изменения в общественно-политической жизни, смена парадигмы общественного и экономического развития страны в 1990-е гг. отразились и на деятельности библиотечной системы. Отлаженная и организованная работа библиотек вследствие значительного снижения асигнований стала давать серьезные сбои. Показатели библиотечного обслуживания в начале десятилетия в республике были одними из самых низких в стране. К концу 1990-х гг. население республики обслуживали 50 централизованных библиотечных систем (ЦБС), которые включали в себя 2720 библиотек различного типа и ведомственной принадлежности, из них – 1013 публичных (общедоступных) библиотек. Действовало 753 библиотеки вузов, ссузов и школ, но в этот сложный период перестали работать многие профсоюзные и ведомственные библиотеки (Гебеков, 2006: 81). Продолжала функционировать значительная сеть массовых библиотек: в 2005 г. их было 1122, из которых 1059 – в сельской местности; однако к концу 2000-х гг. число массовых библиотек сократилось, составив 1089 и 1024 соответственно (Каймазаров, 2014: 263).

«Образовательный бум» рубежа столетий вызвал появление многих проблем в библиотечном обслуживании учебного процесса. Характерной для страны в целом стала ситуация, когда большой поток учащихся и массово появляющиеся новые учебные заведения не всегда имели

¹ Башарат М. И взрослым, и детям ... до 16 // Дагестанская жизнь. 2007. 11 окт. № 40.

² Ахмедова М. Диалог народов и культур // Дагестанская правда. 2025. 30 сент. № 142.

доступ к качественной учебной и художественной литературе: издания либо отсутствовали, либо были низкого качества. Например, в фондах центральной библиотечной системы республики сохранилась устаревшая литература, запрашиваемые читателями художественные, научные и детские книги ветшали, заменить их не было финансовой возможности. Литературы по экономике, медицине, технике, сельскому хозяйству и др. не хватало либо она была устаревшей. Практически не было изданий по краеведению. При этом недостаточность систематического финансирования библиотек решалась привлечением спонсорских средств и оказанием платных услуг; но в основном полученные деньги вкладывались в приобретение дорогостоящих книг по экономике, юриспруденции и политологии.

Несмотря на серьезные трудности, с которыми столкнулись библиотеки к началу 2000-х гг., их деятельность продолжалась. Благодаря энтузиазму и подвижничеству библиотечных работников жизнь библиотек не только не угасла, но и вышла на новые рубежи. Дагестанская республиканская библиотека, являясь крупнейшим координационным и научно-методическим центром для всей республиканской библиотечной системы, продолжала повышать качество своей работы при наблюдаемом спаде интереса населения к чтению книг и книжным новинкам, и смогла сохранить показатели своей работы по количеству посетителей и книговыдаче фактически на уровне плановых 97–98 %¹.

К концу 2000-х гг. можно говорить о некоторых позитивных сдвигах в работе библиотек. Размер совокупного книжного фонда публичных библиотек составил 8 211 200 единиц хранения. В 2010 г. библиотеками было получено 127 900 экземпляров печатных документов (книг, периодических и нотных изданий, картографической продукции и т. д.). Совокупное финансирование на одного жителя увеличилось на 5,8 % и составило 99,1 рублей. 35,4 % населения было охвачено библиотечным обслуживанием. В 2009–2010 гг. число читателей выросло на 1,2 %². В 2010 г. были открыты библиотеки в Ботлихском, Кайтагском, Магарамкентском и Рутульском районах. Библиотеки постепенно стали переходить на электронные носители и активно включились в процесс создания электронных библиотечных систем.

Это были стабильные, хотя и незначительные успехи в развитии библиотечного дела. Важными направлениями в работе библиотек становились патриотическое воспитание подрастающего поколения, правовое просвещение населения, реализация федеральных и республиканских целевых программ. Популярностью у читателей стали пользоваться организуемые библиотеками творческие вечера известных поэтов, писателей, ученых и общественных деятелей. Наладилось сотрудничество со многими учреждениями и организациями, учебными заведениями, которые стали активно участвовать в организуемых библиотеками мероприятиях.

Таким образом, можно отметить, что в целом первое десятилетие XXI века было значительно успешнее предыдущего периода. Инвестиции в основной капитал за счет всех источников финансирования за 2010 г. составили 115,1 млрд руб., увеличившись по сравнению с 2009 г. на 10 %. По показателям, характеризующим уровень жизни населения, в основном наблюдался рост; в 2010 г. на 11,6 % по сравнению с предыдущим годом выросла средняя заработная плата в бюджетной сфере (хотя она и продолжала оставаться ниже средних показателей по Северо-Кавказскому федеральному округу и Российской Федерации в целом)³, что в том числе способствовало заметной стабилизации ситуации и в социокультурной сфере.

Однако неравномерность развития регионов продолжала оставаться одним из главных вызовов социально-экономического развития России. Для большей части регионов был характерен невысокий уровень развития, а часть из них и вовсе была отнесена к депрессивным регионам (включая Дагестан), которые, согласно критериям Министерства экономического развития России, значительно и продолжительно отставали по основным социально-экономическим показателям (Жигалов, 2021: 140).

Вместе с тем Дагестан ко второму десятилетию XXI века благодаря огромным усилиям постепенно становился регионом со значимыми достижениями в экономике и социокультурной сфере, сформировав необходимый потенциал для их развития. Наличие богатых природных и рекреационных ресурсов, благоприятное географическое положение, транзитных и экспортных возможностей предоставляет республике все перспективы для эффективного роста валового регионального продукта, а значит – для существенных капиталовложений в успешное и стабильное развитие социокультурной инфраструктуры.

¹ Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 1620-р. Оп. 2. Д. 148. Л. 10.

² Там же. Л. 11–12.

³ Об итогах социально-экономического развития Республики Дагестан за 2010 год [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Республики Дагестан от 27.05.2011 № 163 // Правительство Республики Дагестан. URL: <https://e-dag.ru/docs/6499> (дата обращения: 05.10.2025).

Список источников:

- Гебеков Г.Ф. Культура Дагестана на современном этапе: основные тенденции и противоречия развития (1992–2005 гг.) : монография. Махачкала, 2006. 196 с.
- Жигалов В.М. Стратегические направления развития депрессивных регионов России: поиск источников прорыва // Проблемы современной экономики. 2021. № 4 (80). С. 140–144.
- Каймаразов Г.Ш. Россия и прогресс культуры народов Дагестана. Ч. 3. 80-е годы XX в. – 2010 г. Махачкала, 2014. 296 с.
- Мирзабеков М.Я. Проблемы социально-культурного развития Дагестана в конце XX – начале XXI вв. // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской. Карачаевск, 2019. С. 338–343.

References:

- Gebekov, G.F. (2006) *Kul'tura Dagestana na sovremennom etape: osnovn-yye tendentsii i protivorechiya razvitiya (1992–2005 gg.)* [Dagestan's culture at the present stage: the main trends and contradictions of development (1992–2005)]. Makhachkala. 196 p. (In Russian)
- Kaymarazov, G.Sh. (2014) *Rossiya i progress kul'tury narodov Dagestana. Ch. 3. 80-e gody XX v. – 2010 g.* [Russia and the progress of culture of the peoples of Dagestan. Part 3. The 80s of the twentieth century – 2010]. Makhachkala. 296 p. (In Russian)
- Mirzabekov, M.Ya. (2019) Problems of social and cultural development of dagestan at the end of the XX – early XXI centuries. In: *Kavkazovedenie: opyt, problemy i perspektivy* [Caucasian Studies: experience, problems and prospects]. Karachayevsk, pp. 338–343. (In Russian)
- Zhigalov, V.M. (2021) Strategic directions in developing Russia's depressive regions: in search for sources for breakthrough (Russia, St. Petersburg). *Problems of Modern Economics*. (4 (80)), 140–144. (In Russian)

Информация об авторе

Л.А. Труженикова – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Дагестанского государственного университета, Махачкала, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=454596

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

L.A. Truzhenikova – D.Phil. in History, Professor at the Department of Russian History of Dagestan State University, Makhachkala, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=454596

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 39:94(47)

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.25>

**Заблуждения и фальсификации в исследовании роли финно-угорских компонентов
в истории России и этногенезе русского народа
(эпоха Средних веков и начало Нового времени)**

Игорь Никифорович Тяпин

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия,

i.n.tyapin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0896-590X>

Аннотация. На основе следования принципам традиционной научной рациональности в статье рассматривается проблема сущности, методологии конструирования и идеологических истоков ряда популярных концептуально-гипотетических допущений, связанных с историей финно-угорских этносов на территории России, трансформировавшихся в результате некорректных интерпретаций и абсолютизации конструктивистского подхода в лженаучные мифологемы. В ходе анализа проблемы автором изучались результаты археологических, лингвистических, источниковедческих и этногенетических изысканий отечественных и зарубежных исследователей. Предложены основания классификации существующих мифологем, сделан вывод об их слабой доказательности в эмпирическом и научно-теоретическом плане и общей несостоятельности в сравнении с картиной этнодемографических и социокультурных контактов славянского и финно-угорского населения на территории Европейской России, сложившейся в русской и советской академической историографии.

Ключевые слова: этнофутуризм, поморский миф, миф о мерских станах, миф о кацкарях, мурома, мешчера, черемисские и мордовские войны, миф о финно-угорских цивилизациях, финно-угорская топонимика

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Тяпин И.Н. Заблуждения и фальсификации в исследовании роли финно-угорских компонентов в истории России и этногенезе русского народа (эпоха Средних веков и начало Нового времени) // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 198–206. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.25>.

Original article

**Misconceptions and Falsifications in the Study of the Role of Finno-Ugric Components
in the History of Russia and the Ethnogenesis of the Russian People
(The Middle Ages and the Early Modern Period)**

Igor N. Tyapin

Vologda State University, Vologda, Russia,

i.n.tyapin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0896-590X>

Abstract. Based on the principles of traditional scientific rationality, the article examines the essence, methodology of construction, and ideological origins of a number of popular conceptual and hypothetical assumptions related to the history of the Finno-Ugric ethnic groups in Russia, which have been transformed into pseudoscientific mythologems as a result of incorrect interpretations and the absolutization of the constructivist approach. The analysis draws on the results of archaeological, linguistic, source studies, and ethnogenetic research conducted by both domestic and foreign researchers. The article proposes a classification of mythologems and concludes that they are poorly substantiated in empirical and scientific terms, and that they are generally invalid in comparison with the picture of ethno-demographic and socio-cultural contacts between the Slavic and Finno-Ugric populations in European Russia, as described in Russian and Soviet academic historiography.

Keywords: ethnofuturism, the Pomor myth, the myth of the Merian camps, the myth of the Katskars, Muroma, Meshchera, the Cheremis and Mordovian wars, the myth of Finno-Ugric civilizations, Finno-Ugric toponymy

Funding: Independent work.

For citation: Tyapin, I.N. (2025) Misconceptions and Falsifications in the Study of the Role of Finno-Ugric Components in the History of Russia and the Ethnogenesis of the Russian People (The Middle Ages and the Early Modern Period). *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 198–206. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.25](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.25) (In Russian).

Введение. История этногенеза и межэтнических контактов относится к числу сложнейших как в теоретическом, так и в эмпирическом плане проблем исторической науки, будучи детерминирована комплексом экономических, демографических, политических, лингвистических и иных

факторов. В условиях конкуренции теоретических концепций этноса данная проблематика требует обеспечения устойчивых междисциплинарных связей и обращения к широкому перечню методов при их корректном использовании. Опасность исторических спекуляций и фальсификаций может быть весьма значительна, особенно если тот или иной народ переживает кризис национального самосознания, утрату ценностных ориентиров. В настоящий период применительно к России указанное обстоятельство касается русского народа (составляющего основную массу населения страны и исторически идентифицирующего себя с государством-цивилизацией), а также финно-угорских народов (среди которых наблюдается заметное уменьшение численности). Укрепление демографического статуса, этнокультурной идентичности и взаимопонимания в рамках гражданской нации соответствует интересам и государствообразующего народа, и финно-угорских меньшинств.

В современных исследованиях этнической истории получает распространение парадигма рассмотрения объекта как ментального конструкта. Конструктивистский подход предполагает возрождение идентификации этнических сообществ, некогда ассимилированных более крупными общностями. Концептуально этнофутуристическое возрождение оформляется в качестве «возвращения к историческим корням, культурным истокам», «восстановления исторической справедливости» путем вызывания «новых этносов» из этносоциального небытия к реалиям современной жизни (Егоркин, 2010: 185). Однако в действительности оно оказывается в большей степени набором постмодернистских фантазмов (как пишет М.С. Уколова, «будучи феноменом постнеклассического типа, этнофутуризм обнаруживает такие сближающие его с постмодернизмом свойства, как парадоксальность и интертекстуальность, цитатность и игровое начало; иррациональность и импровизационность»¹), направленных на реализацию политических и иных целей, не связанных с ценностью научной истины.

Тема настоящего исследования имеет длительную традицию, ставшую важной частью складывания светской исторической науки в Российской империи и формирования этнополитической и цивилизационной самоидентификации русского общества. Однако под воздействием этнофутуризма тема финно-угорских этносов и культур в истории России начала приобретать черты альтернативной истории. Особое значение имеют сюжеты, связанные с ранним, зрелым и поздним Средневековьем (а также непосредственно примыкающими к Средним векам периодами), когда этнодемографические процессы (межэтнические контакты, этническая ассимиляция и т. д.) на территории Европейской части современной России соединились с процессами формирования и укрепления государственности, расширения ареала распространения восточнославянского населения, складывания у него общего самосознания.

Целью данной статьи выступает анализ эмпирических и концептуально-методологических оснований распространенных фальсификаций в исследовании взаимоотношений славянского и финно-угорского населения в истории России, относящихся к периодам Средних веков и начала Нового времени.

Важным условием достижения поставленной цели (кроме ранее упомянутой необходимости обращения к методам классической и современной науки, таким как библиографический анализ и систематизация информации, проблемно-хронологический метод, сравнительно-исторический метод и др.) выступает опора на принципы системности и историзма.

Основная часть. Наиболее известна в научном и массовом сознании «поморская концепция». Ее суть – постулирование существенного генетического, языкового, религиозного отличия от русских населения едва ли не всей Архангельской области и северо-востока Карелии, будто бы произошедшего от местных неолитических племен, а затем – финно-угорских этногрупп. Ранее мы доказывали, что локализация концепта «Поморье» корректна в рамках исключительно территории беломорского побережья и нижнего течения рек, впадающих в заливы Белого моря (остальные волости и уезды жили хлебопашеством, а не морской добычей), и применительно только ко II тысячелетию нашей эры, равно как и то, что Поморье – субрегион в пространстве Русского Севера, культурно и хозяйственно связанный с более южными районами России не меньше, чем с Баренц-регионом (Тяпин, 2023). Необходим отказ от интерпретации поморского согласия как некоей «поморской церкви» (наряду с поморщиной у старообрядцев Беломорья были распространены и другие течения беспоповского раскола). Сравнительно недолго использовавшийся пиджин «руссе-норск» / «моя-по-твоя» (единственной функцией которого было обслуживание меновой торговли) не отдельный язык; некорректно отнесение «поморской говори» к финно-угорской группе в силу того, что ее основной понятийный аппарат и грамматика имеют русское происхождение. Поморы представляли собой в первую очередь не этническую группу, а социально-хозяйственную. Доказано преобладание среди них слегка «размытого» ильменско-белозерского антропологического

¹ Уколова М.С. Феномен этнофутуризма в современной культуре : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2009. С. 8.

типа (Алексеева, 1963; Витов, 1997; Санкина, 2000). Относительное генетическое своеобразие современных потомков поморов (которое, кстати, сложилось в большей степени только в XVIII – середине XIX в. за счет разнообразных миграций небольших групп русского, карельского, коми-зырянского населения) не составляет единого кластера (Балановская, Балановский, 2007). Необъективен негативный характер оценки последствий включения Поморья в состав Русского государства (тема потери демократических традиций), ибо переход северных вотчин новгородских бояр в статус черносошных земель как раз отменил бытовавший там институт патриархального рабства и предотвратил тенденцию к частному закрепощению. Сомнительна практика именования Беломорского побережья финно-угорской Биармией из саг, поскольку скандинавских находок, относящихся к раннему и зрелому Средневековью, на побережье Белого моря не найдено (Куратов, 1978). А.П. Никитин доказал смешивание под именем бярмов в одном случае (искаженный переписчиками короля Альфреда рассказ Оттара Холугаландского) – саамов, в другом – ливов (сюжет об ограблении святилища Йомалы в саге об Олафе Святом) (Никитин, 2001: 673–700).

Сегодня получила популярность установка о длительном, до XVI–XVIII вв., сохранении летописной мери. Идейный стержень веры в существование «страны Меремаа» (или «Мерьямаа») на территории нескольких областей Центрального Нечерноземья образует концепция «мерских станов» в окружении славянских поселений. Убедительного обоснования построения, восходящие к исторической науке середины позапрошлого столетия (когда И. Шёгрэн, А.С. Уваров, а позднее – некоторые краеведы, буквально воспринимая «Повесть временных лет», пытались искать следы летописных племен в Ополе, Белозерье и других местах), не получили: «Доводов в пользу гипотезы о “мерских станах”, кроме звучания имен, за прошедшие 150 лет не возникло. Нет языковых и этнографических отличий их жителей, нет данных археологии, нет особенностей топонимики. Более того, даже не уточнено местоположение этих станов и происхождение их имен» (Городилин, 2012: 12). Тем не менее в рамках историко-филологических изысканий (темой, в частности, занимался член-корреспондент Российской академии наук А.К. Матвеев) произошла догматизация гипотезы о том, что названия с сочетанием «мер», «нер», «нерль», «мерин», «ти-мер», «мерец» – обязательно след мерянской этнообщности, упоминания о которой в источниках («Деяния гамбургских архиепископов» А. Бременского и «Повесть временных лет») ограничиваются событиями IX–X вв. (и то тогдашняя меря – уже славянско-финно-угорский симбиоз (Седов, 2005: 218–229; Макаров, 2012: 203)).

Возникли даже претензии на успешную реконструкцию мерянского языка, что в реальности свелось к созданию вымышленного «продукта» из смеси живых языков балтийских, пермских и волжских финно-угров. В этом плане наиболее известны находящиеся в зависимости от лженаучной концепции украинской истории М.С. Грушевского труды филолога-западослависта, члена-корреспондента Национальной академии наук Украины О.Б. Ткаченко, который, не будучи дипломированным специалистом по финно-угроведению и толком не зная финно-угорских языков, извратил гипотетическую версию члена-корреспондента Академии наук СССР П.Н. Третьякова о возможном сохранении небольших остатков мери после начала славянской колонизации. В действительности П.Н. Третьяков и другие археологи (Н.А. Макаров, А.А. Спицын, В.А. Лапшин, Е.И. Горюнова, А.Е. Леонтьев) с опорой на артефакты показали, как мерянский этнокультурный массив под воздействием переселений славян из Новгородских земель и Поднепровья почти исчезает к началу – середине XII столетия. Ярославские памятники с финно-угорскими субстратными компонентами в древнерусской материальной культуре относятся к IX–X вв., владимирские – к X–XI вв., а костромские – к XI–XII вв. (Дубов, 1990). В условиях наступившего климатического оптимума, продуктивного для земледелия, славянское освоение «обусловило формирование системы расселения с очень высокой плотностью и преобладанием крупных населенных пунктов или гнезд близкорасположенных поселений» (Карпов, 2014: 23). При этом специалисты по результатам анализа комплексных памятников (поселений, массовых захоронений и др.) в большинстве своем делали выводы о том, что лишь немногие из славянских поселков выросли на основе мерянских, славяне перемещались относительно крупными общинами, сохранявшими целостность и избегавшими иноэтничных брачных связей, а меря предпочитала не столько интегрироваться, сколько уходить из Ростово-Суздальской земли на северо-восток (так и появились мерянские памятники в костромском Заволжье). Однако О.Б. Ткаченко заявил о длительном сохранении мерянского населения в пространстве Волго-Клязьминского междуречья (в действительности, меря была к моменту славянской колонизации сравнительно малочисленна и территориально ограничена), надуманно постулируя региональные особенности звукопроизношения и диалектизмы как остатки мерянского языка и, соответственно, объявив последний субстратом русского (данный – научно устаревший – тезис, весьма любимый украинскими фальсификаторами истории, О.Б. Ткаченко просто заимствовал у немецкого лингвиста начала XX в. Э. Леви и привязал конкретно к мере). Это при том, что в современной науке доказана весьма ограниченная роль финно-угорских лексических заимствований (применительно к названиям частей жилища, строений, компонентов поселений, хозяйственных занятий и т. д.)

не только в русском литературном языке, но и в сельских диалектах Русского Севера и Верхнего Поволжья (Востриков, 1981; Теуш, 2019). Произвольные допущения киевского лингвиста завершились «открытием» мерянской письменности: «Последний период развития мерянского языка, собственно исторический, так как именно в это время начинают фиксироваться его слова и названия и, очевидно, осуществляются попытки создания мерянской письменности с миссионерской целью, относится к X–XVIII вв. н. э.» (Ткаченко, 2007: 138). Утверждение о том, что не имеющая никаких следов существования письменность для ассимилированного народа создавалась восемьсот лет, нельзя воспринимать иначе как абсурд.

В отдельной публикации мы показали, что доказательства о сохранении мери и русско-мерянского двуязычия до XVIII в. у О.Б. Ткаченко не выдерживают критики (Тяпин, 2024: 71–72). Первое из «доказательств» – апеллирование к мерским станам, породившее откровенно фантазийные утверждения о развитии мерянского языка «до второй половины XVII в. даже в центральной части бывшей мерянской территории» (Ткаченко, 2007: 241). Второе «доказательство» – квазилогическое, с нарушением закона достаточного основания: раз продолжала существовать меря, значит, существовал и развивался язык. Третий довод – квазиэмпирический – основан на факте существования так называемого елманского/галивонского языка у костромских и галичских офеней и рыбаков, который О.Б. Ткаченко определил как «социальное русское арг, лексика которого, однако, состояла из нерусских, в том числе местных субстратных мерянских, элементов» (Ткаченко, 2007: 98). Версия о том, что тайный язык есть остаток мерянского, строится лишь на его названии, которое справедливо увязывается с марийским словом «йылме» (язык). Но это логичнее объяснить тем, что костромичи в ходе контактов с марийцами в Поволжье могли использовать подходящее слово для обозначения арга. Редкие примеры елманских слов, которые можно привязать к финно-угорским языкам, есть заимствования уже Нового времени.

Гипотеза о вовлеченности финно-угорского населения в славянскую колонизацию Русского Севера возникла в связи с обнаружением там редких археологических находок предметов, связываемых с дославянской культурой Волго-Окского междуречья. В принципе, их нахождение легко объяснимо торговыми контактами балтийских и волжских финно-угров, а не масштабными миграциями последних на север (перемещения отдельных мини-групп, разумеется, допустимы). Другой вариант объяснения связан с принадлежностью летописной веси к волжской, а не балтийской группе финно-пермских этносов. Эту версию в свое время обосновал А.Н. Башенькин в ходе анализа археологических памятников веси, их жилища, погребального обряда, украшений (Башенькин, 1994). Тем не менее А.К. Матвеев, указывая на распространенность гипотетически мерянского гидронима «Вёкса» в низовьях реки Вологды и в акватории Кубенского озера, лишь на основе экономических связей этих мест с Поволжьем допускал попадание мери даже в районы озер Белого и Воже. Исследователь (оговариваясь, впрочем, про недостаточность только языковых данных для доказательных этногенетических выводов) пришел к следующему утверждению: «Несколько легче ответить на вопрос, когда обрусела северная меря, во всяком случае в Поволжье и на Устье: в XVI–XVII вв. в Поморье наряду с четырнадцатью уездами, заонежскими и лопскими погостами особо выделялись Устьянские волости, охватывающие бассейн Устья и верхнюю Вагу, а также Чарондская округа. Создание этих административных территорий было, видимо, каким-то образом связано с существовавшими еще в то время мерянами в Устьянских волостях и чарондскими “марийцами” в Чарондской округе. Вологодская меря, судя по всему, обрусела раньше» (Матвеев, 1997: 16). Однако из чего следует, что выделение административных единиц в централизованном государстве как-то связано с особым этническим составом их населения? Какие конкретно основания позволяют говорить о многовековом существовании устьянских мерян и чарондских марийцев?

Ответвлением мерянского мифа стал сепаратистский – о кацкарях, сконструированный в 1990-х – начале 2000-х гг. (Темняткин, 2003) как калька с мерянистики. Вымышленные кацкари (данный этноним до этнотворчества краеведа С.Н. Темняткина был абсолютно неизвестен) стали объявляться потомками мери, невзирая на то, что проведенный анализ материальной культуры, словаря «кацкого языка» (состоящего не только из диалектной, но и из разговорной лексики, а также искусственно сконструированных энтузиастами форм (Баранова, 2014: 32–33)) и генетики местного населения не выявил отличий от соседних районов. Используя для утверждения особой этничности коренных жителей название исторической административно-территориальной единицы – Кацкой волости, а потом Кацкого стана (от реки Кадки), С.Н. Темняткин и его последователи добавили указание на диалектные слова и особенности выговора как якобы остатки древнего финно-угорского языка, хотя славянская основа абсолютного большинства из них очевидна. К этому энтузиасты «Кацкой Руси» присовокупили утверждения про своеобразие традиционной культуры, сводящееся к мытью в печи (восприятие этой практики, более характерной для южных районов России и Украины, как финно-угорского культурного компонента весьма наивно) и местной сказке о Белой корове.

На основе единичного упоминания из одной фразы («до Устьяга, гдѣ тамо бяху тоймици погании») в «Повести о гибели Русской земли» (середина XIII в.) был искусственно концептуализирован вопрос о тоймичах, объявленных ассимилированным финно-угорским народом: «Этноним “тоймичи”, по итогам предпринятого исследования, образован на собственно русской почве от гидронима “Тойма”». Сам этот гидроним, встретившийся в интересующем нас ареале от бассейна Северной Двины до бассейна Камы, по результатам наших разысканий имеет прибалтийско-финское происхождение и его появление связано с одной из волн миграций прибалтийско-финских народов к востоку от ныне занимаемых ими территорий» (Бурыкин, 2018: 26). Однако каковы реальные доказательства (археология, вопреки абстрактным ссылкам на нее последователей гипотезы, их не предоставляет) того, что тоймичи (toimalaiset, как их уже поименовали финские историки) представляли собой этническую группу, а не население территории, где были пережитки язычества, если ее название образовано от топонима?

Изображение населения Рязанской и Владимирской областей как прямых потомков мещеры и муромы, утративших «родной» язык, стало в последние десятилетия одним из трендов местных научных изысканий.

Важно отметить, что территория археологической культуры муромы была небольшой (примерно 20-километровый радиус от Кремлевской горы в г. Муроме (Зеленцова, Холошин, 2022)), притом бытовавшей в автохтонном виде по VIII столетие (смешанный тип). Уже VII–IX вв. стали временем проникновения сюда кривичей, ильменских словен и вятичей (Смирнов, 2016). Однозначно не установлено, является ли слово «мурома» самоназванием или же топонимическим именованием по основанному в конце IX – начале X в. Мурому, равно как и его языковые корни. «Нам неизвестно, – пишет В.С. Кулешов, – никаких работ, где было бы доказано финно-угорское происхождение хотя бы нескольких топонимов Муромского Поочья... Лингвистический материал по муромской проблеме крайне ограничен и противоречив. С одной стороны, единственный дошедший до нас реликт “муромского языка” – этноним “morama” – несомненно, финно-угорский по бытованию: он, возможно, близок к мордовскому, хотя и является вероятным балтизмом, подобно тому как экзоэтноним мордвы представляется вероятным индоиранизмом. С другой же стороны, топонимически финно-угорская мурома неуловима, а топонимия муромской округи в целом рождает балтийские ассоциации» (Кулешов, 2003).

Конструктивистско-этнофутуристический подход к теме мещеры, впервые упомянутой в Даниловском списке «Толковой палеи» (XIII в.)¹, в силу позднего существования топонима «Мещерский край» и именования местного населения как мещеряков мотивировал спекулятивные рассуждения об этническом «слиянии», наличии у местных русских черт, сходных с культурой соседних финно-угорских народов (Бужин, Егоров, 2008), без уточнения, в чем состоит данное сходство и какой характер (этнический либо социоэкономический) оно носит. Завершение обрусения мещеры пытаются относить к XV–XVI столетиям, а то и позже. Первым «доказательством» считается включение упоминания о мещере как особом языке в поздних списках «Повести временных лет»: «В списках XV в. (Софийская первая летопись, Московский летописный свод) имевшая “свой язык” мещера помещается между муромой и мордвой, заменяя исчезнувших из перечня черемис. В редакциях XVI – начала XVII вв. (Русский хронограф 1512 г., Вологодско-Пермская летопись) сообщается, что “по Оце реце, где потече в Волгу, сидит Мурома язык свои, Мещера свои, Черемиси свои”. Наконец, в ряде списков XVI–XVII вв. (Львовская и Ермолинская летописи. Свод 1518 г.) значится: “А по Оце реце близ устья Мурома. А инии свой язык имьяху Мордва и Черемиси”. В этих сводах уже не упоминается “свой язык” у муромы и опускается из перечня местных народностей мещера» (Рябинин, 1997: 214). Однако нужно учитывать, что уже с XIV столетия Мещерская земля выступает исключительно административно-территориальным понятием, в состав которой включалось пространство не только левобережья Оки, но и бассейна реки Мокши, заселенного мордвой и тюркоязычными мишарями (мешерой). Непонятно, идет ли речь в этих отрывках о волжско-финском или тюркском языке, а также какой конкретно территории это касается. В качестве второго «доказательства» продолжают использовать вырванную из контекста фразу из сообщения А. Курбского о походе московской рати на Казань «через Рязанскую землю и потом через Мещерскую, идѣже есть мордовский языкъ». Однако оно относится к правобережной части Мещерской волости (ныне – к пограничью Рязанской области и республики Мордовии) либо вообще к территории после нее, где имелось мордовское население, но не этническое мещерское.

В действительности уже археологические находки XII в. в мещерском крае носят смешанный характер: «Процесс аккультурации мещеры был обусловлен не только втягиванием ее в орбиту древнерусского влияния, но и оседанием в Мещерском районе славян-земледельцев уже в XII в. Массовое же освоение края русскими, определившее в конечном итоге полную ассимиляцию

¹ Транслируемая до сих пор версия И. Микколы о том, что писавший об «imniscaris» в VI в. И. Готский имел в виду мещеру, давно представляется научно устаревшей.

финноязычного населения, началось не ранее XIV в., в эпоху исчезновения у славян курганного обряда. Этот колониционный процесс археологически документирован распространением древнерусских селищ XIII–XIV вв.» (Рябинин, 1997: 235). При этом речь идет о восточной части мещерского края, в западной же процесс завершился раньше, так что в любом случае утверждения о финно-угорском населении на Оке в XV столетии и позже некорректны.

Распространилась традиция чуть ли не абсолютной финно-угоризации топонимики Центральной России и, особенно, Русского Севера (само собой, наличие дорусского слоя гидронимов и дорусских названий поселений реально имеет место, отражая иноэтническое участие в формировании древнерусской народности), когда для любого непонятного на первый взгляд названия непременно ищутся финно-угорские корни посредством обнаружения сходно звучащего слова или слога в каком-либо из живых языков данной группы. В силу их разнообразия «положительный» (правда, не имеющий отношения к научной истине) результат обычно удается получить. Между тем, доказано, скажем, наличие широкого слоя балтских топонимов в Центральной России (Манакон, 2006; Федченко, 2020). Важно понимать, что этимологизация посредством поиска языковых аналогий дает адекватные результаты исключительно при соблюдении следующих условий: 1) опоры на явное сходство звучания и желательно в различных финно-угорских языках, притом территориально относительно близких к объекту этимологизации; 2) наличия очевидной смысловой связи названия топонима с особенностями местности. На практике даже явно славянским названиям дается соответствующее истолкование с пояснением, что славяне просто переименовали на свой лад иноязычное слово, хотя подобное в практике встречалось (к примеру, название реки Свирь от вепско-карельского 'сюверь', что означает «глубокий/глубокая»). Так, название деревни Амосово во Владимирской области (очевидно, что от церковного имени Амос) выводится из финно-угорского корня 'мос', а название реки Чернуха – от корней 'чер' – капля и 'нук/нух/нюк' – овраг, ложбина (Бейлекчи, 2008). Тиражируется перевод названия г. Череповец в Вологодской области как «племя рыбной горы», хотя этимология явно славянская: череп – лоб (в переносном смысле – холм, возвышенность (ср. «Лобное место»)) и весь – местность, деревня. Феномен одинаковых названий водоемов, селений и т. д. в различных регионах принято объяснять многочисленностью и длительностью сохранения финно-угорских автохтонов, их общим языком, а не тем распространенным в миграционной практике всех народов явлением, как использование ранее принятых (в данном случае – славянами) названий (в том числе финно-угорских) для аналогичных объектов на вновь освоенных землях.

К сожалению, в национальных регионах получило распространение неадекватное восприятие взаимоотношений «титовых этносов» со славянскими княжествами, а затем Русским государством. Так, К.Н. Сануков в рамках ангажированной оценки масштабов и целей политических репрессий 1930-х гг. в Марийской АССР заявлял следующее: «За многовековую историю народа это был второй великий катаклизм. Первый произошел во второй половине XVI столетия, когда во время московского завоевания была уничтожена по меньшей мере половина народа, в первую очередь – “лучшие люди” (по выражению русской летописи), то есть феодализировавшаяся родоплеменная верхушка и другие активные участники национально-освободительной войны. А остались те, которые покорились и воспроизводили поколение за поколением население с колонизированным сознанием»¹. На самом деле восстания луговых марийцев, с ордынских времен использовавшихся в качестве татарской пехоты, были инспирированы ранее владевшим марийскими землями Казанским ханством (за которым, в свою очередь, стояло Крымское ханство). Они повлекли за собой соответствующие действия Русского государства: военный разгром и казни предводителей. Заявления об уничтожении половины народа абсолютно голословны; напротив, царская власть пыталась искать компромисс, снижая размер ясака и предоставляя мятежникам амнистии. Единого самосознания разные группы марийцев (что во времена И. Грозного, что в начале XX в.) не имели: оно было родовым, максимум – земляческим (Козлова, 1978: 182–190).

Эксплуатируется также тема военных конфликтов с предками эрзи и мокши, в совокупности с трансляцией откровенного вымысла о «мордовской федерации» в домонгольский период или об уничтожении «мордовской столицы», называвшейся «Абрамов городок / Обран ош», на месте Нижнего Новгорода (хотя археологические данные показывают отсутствие каких-либо более ранних построек на территории Нижегородского кремля и в окрестностях города).

Еще одним примером конструирования мифов о городах финно-угорских народностей, которые якобы были уничтожены в ходе славянской колонизации и расширения Русского государства,

¹ Сануков К.Н. Борьба с «буржуазным национализмом» – стержень советской национальной политики в 1930-х годах: пример марийского народа [Электронный ресурс] // Web.archive.org. <https://web.archive.org/web/20081226172103/http://www.mari.ee/rus/statja/ist/sanuk.htm> (дата обращения: 19.11.2025).

может служить голословное утверждение о нахождении на месте г. Киров древнеудмуртского городища Кылнокар (само название придумано через приближение к финско-пермскому произношению одного из прежних именований Кирова – Хлынов).

Академическая наука давно установила, что уровень хозяйственного развития и социальный строй финно-угорских народностей на территории России в рассматриваемый период в силу географических условий оставался неолитическим (с фрагментами достижений бронзового и железного века), характеризуясь преобладанием охоты и рыболовства, слабой развитостью земледелия (мотыжного, реже – подсечно-огневого) и скотоводства, преимущественно домашним уровнем ремесла (Третьяков, 1970: 111–121). Подобный вариант хозяйствования позволял поддерживать существование, но не развиваться демографически и в социокультурном смысле. Городища, как правило, представляли собой не постоянные центры экономики и управления, а места укрытий (площадью редко более 1/2 гектара, слабые в фортификационном отношении) на холмах и у речных излучин, где в случае опасности собирались соседние группы. Реже это были центры чисто ремесленных, чисто военные либо же капища. Отмечаемые кое-где подвижки (появление богатых захоронений вождей, складывание военных городков и наличие дружин) были напрямую обусловлены контактами населения со славянами, скандинавами, тюрками (Тяпин, 2024: 81).

История с интерпретацией статуса Солдырского городища (IX–XIII вв.) показательна для понимания сущности этнофутуристического мифотворчества, когда за счет спекуляций понятиями и отдельными фактами рисуется картина прошлого финно-угорских народностей на территории современной России как поступательного, но насильственно прерванного складывания цивилизации. Для памятника, относящегося к развивавшейся под славянским и булгарским влиянием Чепецкой археологической культуре (представители которой по расово-антропологическим признакам вряд ли являлись прямыми предками современных удмуртов), этноактивистами было придумано название «Иднакар» и установлен ложный статус «второго центра цивилизации северных удмуртов» (первый – упомянутый выше вымышленный Кылнокар). В реальности отсутствуют основания считать городище религиозно-политическим центром (на его территории не обнаружено следов военного гарнизона либо крупного жилища правителя) (Белых, 2005), тем более государственной столицей (о государственности праудмуртов в это время не может быть и речи).

Заключение. Распространение комплекса исторических мифологем в рамках темы «финно-угорского фактора» в истории России и этногенезе русского народа, характера и последствий межэтнических контактов славян и финно-угров стало следствием главным образом слияния фундаментальных принципов методологии социального конструктивизма с идеологией этнофутуризма, осуществившегося в современном информационном пространстве геополитического противостояния (когда слабым гипотезам приписывается статус теорий). Указанный комплекс можно классифицировать по ряду оснований, прежде всего: 1) по сферам изучения (выделяются политические, лингвистические, включая топонимические, а также антрополого-генетические мифы); 2) по временной локализации (касающиеся: а) ранней славянской колонизации Восточно-Европейской равнины и складывания Древнерусского государства, б) периода раздробленности, в) истории Московского царства); 3) по целевой направленности (мифы, связанные с деславянизацией русских, и мифы о геноциде финно-угорских этнических групп).

Объективность дальнейших исследований финно-угорского мира в рамках истории России зависит от понимания значения методологических заблуждений и идеологических факторов (особенно в связи с конструированием фиктивных этнополитических и этнокультурных структур), их учета при анализе и оценке работ, выходящих по данной тематике. Однако уже сейчас можно сделать вывод о куда большей научной состоятельности подхода, сложившегося в русской академической историографии второй половины XIX – начала XX в. и советской исторической науке, оценивавшего роль финно-угорских этнокультурных компонентов в этносоциальных процессах в истории России рассматриваемого периода как второстепенную, а характер отношений славянского/русского населения с финно-угорскими этносами как относительно мирный и способствовавший материально-техническому и социокультурному прогрессу последних, что исключает основания для утверждений о геноциде и нарушении органического развития.

Список источников:

- Алексеева Т.И. Некоторые новые материалы по краниологии северо-западных областей Восточной Европы в эпоху Средневековья // Антропологический сборник. Выпуск IV. Труды института этнографии, новая серия. Т. 82. М., 1963. С. 122–143.
- Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на русской равнине. М., 2007. 412 с.
- Баранова В.В. Составление словаря и рождение нового языка // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 27–36.
- Башенькин А.Н. Восточно-финские компоненты культуры веи в I – начале II тыс. н. э. // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 28–33.
- Бейлекчи В.В. О финно-угорских топонимах в муромском Поочье // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10, № 4. С. 1270–1274.

- Белых С.К. История «древнеудмуртской государственности» как продукт мифотворчества // Современные социально-политические технологии: проблемы теории и общественной практики. Ижевск, 2005. С. 10–16.
- Бузин В.С., Егоров С.Б. Субэтноты русских: проблемы выделения и классификации // Малые этнические и этнографические группы. СПб., 2008. С. 308–346.
- Бурыйкин А.А. Два финно-угорских этнонима в древнерусских текстах XIII–XV веков // Вестник угроведения. 2018. Т. 8, № 1. С. 22–27. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2018-8-1-22-27>.
- Витов М.В. Антропологические данные как источник по колонизации Русского Севера. М., 1997. 199 с.
- Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Вып. 2. Свердловск, 1981. С. 3–45.
- Городилин С.В. К вопросу о так называемых «мерских станах» // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2012. С. 5–14.
- Дубов И.В. Спорные вопросы этнической истории северо-восточной Руси IX–XIII веков // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 15–27.
- Егоркин В.Г. Поморское движение как одно из направлений этнической реидентификации на Русском Севере // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 4 (17). С. 185–191.
- Зеленцова О.В., Холошин П.Р. Муром на археологической карте России: исследования прошлого и современная ситуация // Краткие сообщения Института археологии. 2022. № 267. С. 290–307. <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.290-307>.
- Карпов А.В. Финно-угры и славяне в Волго-Клязьминском междуречье: эпоха христианизации // Мир современной науки. 2014. № 6 (28). С. 18–39.
- Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. 344 с.
- Кулешов В.С. О происхождении этнонима мурома и о топонимах Муромской округи // Уваровские чтения – V. Муром, 2003. С. 63–65.
- Куратов А.А. Археологические памятники Архангельской области. Архангельск, 1978. 103 с.
- Макаров Н.А. Суздальское Ополе // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 194–212.
- Манаков А.Г. Псковско-новгородская топонимия в свете «Теории формантов» (к дискуссии об этнической истории региона) // Псковский региональный журнал. 2006. № 3. С. 115–135.
- Матвеев А.К. К проблеме расселения летописной мери // Известия Уральского государственного университета. 1997. № 7. С. 5–17.
- Никитин А.Л. Основания русской истории: мифологемы и факты. М., 2001. 768 с.
- Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финских этнокультурных связей. СПб., 1997. 260 с.
- Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб., 2000. 108 с.
- Седов В.В. Славяне в раннем Средневековье. М., 2005. 415 с.
- Смирнов Ю.М. Муром и мурома // Сообщения муромского музея – 2015. Владимир, 2016. С. 146–162.
- Темняткин С.Н. Моя Кацкая Русь: люди, предания, обычаи, верования западных земель Ярославского края. Ярославль, 2003. 192 с.
- Теуш О.А. Славяне и финно-угры: этническое взаимодействие на Европейском Севере России (на материале наименований типов поселений) // Традиционная культура. 2019. Т. 20, № 5. С. 161–172. <https://doi.org/10.26158/TK.2019.20.5.013>.
- Ткаченко О.Б. Исследования по мерянскому языку. Кострома, 2007. 352 с.
- Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Ленинград, 1970. 157 с.
- Тяпин И.Н. Мифологемы финно-угорской тематики в освещении истории России (от древности до новейшего времени) // Тетради по консерватизму. 2024. № 2. С. 65–89. <https://doi.org/10.24030/24092517-2024-0-2-65-89>.
- Тяпин И.Н. Этническое происхождение и идентичность поморов: подходы, результаты, выводы // Общество: философия, история, культура. 2023. № 10 (114). С. 96–103. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.10.13>.
- Федченко О.Д. Балтская гидронимия Центральной России // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6, № 4. С. 104–127. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_4_104_127.

References:

- Alekseeva, T. I. (1963) Nekotorye novye materialy po kranologii severo-zapadnykh oblastey Vostochnoy Evropy v epokhu srednevekov'ya [Some new materials on the craniology of the northwestern regions of Eastern Europe during the Middle Ages]. In: *Antropologicheskii sbornik. Vypusk IV. Trudy instituta etnografii, novaya seriya*. Vol. 82. Moscow, pp. 122–143. (In Russian)
- Balanovskaya, E. V. & Balanovskii, O. P. (2007) *Russkij genofond na russkoy ravnine* [The Russian Gene Pool on the Russian Plain]. Moscow. 412 p. (In Russian)
- Baranova, V. V. (2014) Compiling a Dictionary and the Emergence of a New Language. *Antropologicheskij Forum*. (21), 27–36. (In Russian)
- Bashen'kin, A. N. (1994) Vostochno-finskie komponenty kul'tury vesi v I – nachale II tys. n.e. [East Finnish Components of the Vesi Culture in the 1st and Early 2nd Millennium AD]. In: *Historical and Archaeological Study of the Volga Region*. Joshkar-Ola, pp. 28–33. (In Russian)
- Beilektchi, V. V. (2008) On the Finno-Ugric Toponymy of the Murom-Oka Region. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 10 (4), 1270–1274. (In Russian)
- Belyh, S. K. (2005) Istoriya «drevneudmurtsoy gosudarstvennosti» kak produkt mifotvorchestva [The History of "Ancient Udmurt Statehood" as a Product of Myth-Making]. In: *Sovremennye sotsial'no-politicheskie tekhnologii: problemy teorii i obshchestvennoy praktiki*. Izhevsk, pp. 10–16. (In Russian)
- Burykin, A. A. (2018) Two Finno-Ugric Ethnonyms in Ancient Russian Texts of XIII–XV Centuries. *Bulletin of Ugric Studies*. 8 (1). 22–27. Available from: [doi:10.30624/2220-4156-2018-8-1-22-27](https://doi.org/10.30624/2220-4156-2018-8-1-22-27) (In Russian)
- Buzin, V. S. & Egorov, S. B. (2008) Subethnosy russkikh: problemy vydeleniya i klassifikatsii [Subethnic Groups of Russians: Problems of Identification and Classification]. In: *Malye etnicheskie i etnograficheskie gruppy*. St. Petersburg, pp. 308–346. (In Russian)
- Dubov, I. V. (1990) Spornye voprosy etnicheskoy istorii severo-vostochnoy Rusi IX–XIII vekov [Controversial Issues in the Ethnic History of North-Eastern Russia in the 9th–13th Centuries]. *Voprosy istorii*. (5), 15–27. (In Russian)
- Egorokin, V. G. (2010) Pomorskoe dvizhenie kak jedno iz napravleniy etnicheskoy reidentifikatsii na Russkom Severe [The Pomor Movement as a Form of Ethnic Re-Identification in the Russian North]. *Society. Environment. Development*. (4 (17)), 185–191. (In Russian)

- Fedchenko, O. D. (2020) Baltic Hydronymy of Central Russia. *Theoretical and Applied Linguistics*. (6 (4)), 104–127. Available from: doi:10.22250/2410-7190_2020_6_4_104_127 (In Russian)
- Gorodilin, S. V. (2012) K voprosu o tak nazyvaemykh «merskij stanah» [On the issue of the so-called “Merian stanes”]. In: *History and Culture of the Rostov Region*. Rostov, pp. 5–14. (In Russian)
- Karpov, A. V. (2014) Finno-ugry i slavyane v Volgo-Klyaz'minskom mezhdurech'e: epoha hristianizacii [Finno-Ugrians and Slavs in the Volga-Klyazma Interfluvium: The Era of Christianization]. *Mir sovremennoj nauki*. 6 (28), 18–39. (In Russian)
- Kozlova, K. I. (1978) *Ocherki etnicheskoy istorii marijskogo naroda* [Essays on the Ethnic History of the Mari People]. Moscow. 344 p. (In Russian)
- Kuleshov, V. S. (2003) O proiskhozhdenii etnonima muroma i o toponimakh Muromskoi okrugii [On the origin of the Murom ethnonym and the toponyms of the Murom district]. In: *Uvarovskie chteniya – V. Murom*, pp. 63–65. (In Russian)
- Kuratov, A. A. (1978) *Arheologicheskie pamyatniki Arhangel'skoj oblasti* [Archaeological sites of the Arkhangelsk region]. Arhangel'sk, 103 p. (In Russian)
- Makarov, N. A. (2012) Suzdal'skoe Opol'e [Suzdal Opole]. In: *Rus' in the 9th–10th Centuries: An Archaeological Panorama*. Moscow ; Vologda, pp. 194–212. (In Russian)
- Manakov, A. G. (2006) Pskovsko-novgorodskaya toponimiya v svete «Teorii formantov» (k diskussii ob etnicheskoy istorii regiona) [Pskov-Novgorod Toponymy in the Light of the Theory of Formants (to the Discussion on the Ethnic History of the Region)]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*. (3), 115–135. (In Russian)
- Matveev, A. K. (1997) K probleme rasseleniya letopisnoj meri [On the problem of the settlement of the chronicle Meria]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. (7), 5–17. (In Russian)
- Nikitin, A. L. (2001) *Osnovaniya russkoj istorii: Mifologiya i fakty* [Foundations of Russian History: Mythologems and Facts]. Moscow. 768 p. (In Russian)
- Ryabinin, E. A. (1997) *Finno-ugorskie plemena v sostave Drevnej Rusi: K istorii slavyano-finskih etnokul'turnykh svyazej* [Finno-Ugric tribes as part of Ancient Rus: To the history of Slavic-Finnish ethnocultural relations]. St. Petersburg. 260 p. (In Russian)
- Sankina, S. L. (2000) *Etnicheskaya istoriya srednevekovogo naseleniya Novgorodskoj zemli po dannym antropologii* [Ethnic History of the Medieval Population of Novgorod Land According to Anthropology Data]. St. Petersburg. 108 p. (In Russian)
- Sedov, V. V. (2005) *Slavyane v rannem srednevekov'e* [Slavs in the early Middle Ages]. Moscow. 415 p. (In Russian)
- Smirnov, Yu. M. (2016) Murom i muroma [Murom and Muroma]. In: *Soobshcheniya muromskogo muzeya – 2015*. Vladimir, pp. 146–162. (In Russian)
- Temnyatkin, S. N. (2003) *Moya Kachaya Rus': Lyudi, predaniya, obychai, verovaniya zapadnykh zemel' Yaroslavskogo kraja* [My Katskian Rus: People, legends, customs, and beliefs of the western lands of the Yaroslavl region]. Yaroslavl. 192 p. (In Russian)
- Teush, O. A. (2019) Slavs and Finno-Ugric Peoples: Ethnic Interaction in the European North of Russia (Based on the Names of Settlement Types). *Traditional Culture*. 20 (5), 161–172. Available from: doi:10.26158/TK.2019.20.5.013 (In Russian)
- Tkachenko, O. B. (2007) *Issledovaniya po meryanskomu yazyku* [Research on the Meryan language]. Kostroma. 352 p. (In Russian)
- Tret'yakov, P. N. (1970) *U istokov drevnerusskoj narodnosti* [At the origins of the Ancient Russian nationality]. Leningrad. 157 p. (In Russian)
- Tyapin, I. N. (2023) Ethnic Origin and Identity of the Pomors: Approaches, Results, Conclusions. *Society: Philosophy, History, Culture*. (10 (114)), 96–103. Available from: doi:10.24158/fik.2023.10.13. (In Russian)
- Tyapin, I. N. (2024) Mythologems of Finno-Ugric Themes in the Coverage of the History of Russia (from Antiquity to Modern Time). *Tetrad' po konservatizmu*. (2), 65–89. Available from: doi:10.24030/24092517-2024-0-2-65-89 (In Russian)
- Vitov, M. V. (1997) *Antropologicheskie dannye kak istochnik po kolonizacii Russkogo Severa* [Anthropological Data as a Source on the Colonization of the Russian North]. Moscow. 199 p. (In Russian)
- Vostrikov, O. V. (1981) Finno-ugorskie leksicheskie elementy v russkikh govorah Volgo-Dvinskogo mezhdurech'ya [Finno-Ugric lexical elements in the Russian dialects of the Volga-Dvina interfluvium]. In: *Etimologicheskie issledovaniya. Issue 2*. Sverdlovsk, pp. 3–45. (In Russian)
- Zelentsova, O. V. & Kholoshin P. R. (2022) The Muroma on the Russian Archaeological Map: Research of the Past and the Present Situation. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. (267), 290–307. Available from: doi:10.25681/IARAS.0130-2620.267.290-307. (In Russian)

Информация об авторе

И.Н. Тяпин – доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Вологодского государственного университета, Вологда, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=456612

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

I.N. Tyapin – D. Phil., PhD in History, Associate Professor, Professor at the Department of Philosophy, Vologda State University, Vologda, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=456612

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 614.254(470.53)“1870/1914”

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.26>

Врачи Александровской губернской земской больницы Перми в 1870–1914 гг.: опыт просопографического анализа

Эдуард Анатольевич Черноухов

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия,
echernoukhov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4640-4575>

Аннотация. Статья представляет собой первый опыт просопографического анализа врачебной корпорации Александровской губернской земской больницы Перми в 1870–1914 гг. Он опирается на авторскую базу данных, созданную на основе фронтального исследования земской специализированной периодики, делопроизводственной документации и архивных материалов. В результате систематизирована информация по ключевым показателям жизни и деятельности всех 36 штатных врачей Александровской больницы Перми. Проведенное исследование позволило выделить пять условных составов этих специалистов, служивших здесь в земский период ее истории (последний уже с 1914 г.). Автор обозначил несколько их общих характеристик: значительный средний срок службы специалистов, высокую концентрацию врачей с клинической подготовкой и степенью доктора медицины, небольшой процент женщин. В то же время отмечено, что имелись и существенные различия по всем рассмотренным составам, в частности, по национальному признаку, гендерному соотношению и др.

Ключевые слова: Александровская губернская больница, база данных, Пермское губернское земство, просопография, состав врачей

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Черноухов Э.А. Врачи Александровской губернской земской больницы Перми в 1870–1914 гг.: опыт просопографического анализа // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 207–212. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.26>.

Original article

Doctors of the Aleksandrovskaya Provincial Zemstvo Hospital in Perm in 1870–1914: An Experiment in Prosopographical Analysis

Eduard A. Chernoukhov

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia,
echernoukhov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4640-4575>

Abstract. This article presents the first attempt at a prosopographical analysis of the medical staff of the Aleksandrovskaya Provincial Zemstvo Hospital in Perm from 1870 to 1914. It draws on the author's database, created through a frontal study of specialized zemstvo periodicals, office records, and archival materials. This article systematizes information on key indicators of the lives and activities of all 36 full-time physicians at the Aleksandrovskaya Hospital in Perm. The study identified five conventional groups of these specialists who served there during the zemstvo period (the last since 1914). The author analyzed several common characteristics in their collective biographies: significant average length of service, a high concentration of physicians with clinical training and a doctorate in medicine, and a small percentage of women. At the same time, significant differences were also found across all the groups examined, among which the uniqueness of the second group based on ethnicity stands out.

Keywords: Aleksandrovskaya provincial hospital, database, Perm provincial zemstvo, prosopography, composition of doctors

Funding: Independent work.

For citation: Chernoukhov, E.A. (2025) Doctors of the Aleksandrovskaya Provincial Zemstvo Hospital in Perm in 1870–1914: An Experiment in Prosopographical Analysis. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 207–212. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.26](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.26) (In Russian).

Введение. Александровская губернская больница в Перми занимала особое положение в регионе, будучи фактически его единственной клиникой. Инициативы по созданию второго подобного медицинского заведения в Екатеринбурге для зауральской части губернии удалось реализовать только в советское время.

При этом врачам, служившим в Александровской больнице Перми, уделено незначительное внимание в историографии. В многочисленных работах по истории медицины Урала приведены только краткие биографии нескольких специалистов больницы¹ (Шестова, 2003). В двух юбилейных очерках по истории самой больницы говорится о совершенствовании материально-технической базы и об организации деятельности². На общем фоне выделяются только краткие биографические очерки двух врачей: Е.П. Серебренниковой³ и В.В. Белоруссова (Лядова, Невоструев, 2023: 201–202).

Такое положение во многом объясняется состоянием источниковой базы. Различные опубликованные отчеты о деятельности больницы содержат минимальные сведения о служивших здесь специалистах, а архивный фонд самого медицинского заведения не сохранился, как и большинство формулярных списков ее персонала. Только фронтальный анализ сохранившейся источниковой базы, особенно специализированных периодических изданий и делопроизводственной документации, позволяет создать просопографическое исследование (динамическую коллективную биографию) по врачам Александровской больницы Перми в земский период ее деятельности. Ключевым критерием для него обоснованно определяется наличие проблемно ориентированной репрезентативной базы данных (Юмашева, 2005: 97).

Нами создана такая база данных по всем 36 штатным врачам, служившим в Александровской больнице Перми в 1870–1914 гг. К ним не относятся несколько временных ординаторов, замещавших специалистов в период их длительного отсутствия (научная командировка, болезнь и др.), экстерны, повышавшие здесь свою квалификацию, и врачи обособленного от больницы «приюта душевнобольных». В авторской базе данных, кроме основополагающих персональных сведений (даты жизни, социальное происхождение, место и время получения образования, семейное положение), систематизирована информация по всем местам службы, а также общественно-политической деятельности штатных врачей обозначенного лечебного учреждения (Черноухов, 2020).

Основная часть. В 1870 г. Александровская губернская больница перешла от Приказа общественного призрения в ведение созданного Пермского губернского земства. В ней по штату полагалось иметь четырех врачей. Губернская земская управа, три первых срока (1870–1879 гг.) возглавляемая Д.Д. Смышляевым (1828–1893), сразу приступила к кардинальному обновлению персонала больницы. Служившие здесь штатные врачи не устраивали новое руководство отсутствием профессиональной специализации. Между тем это было ключевое требование для дальнейшего развития больницы как преимущественно клинического заведения.

Так, прежний старший врач в 1870–1871 гг. Михаил Иванович Бажанов (1835–1884) вернулся на прежнее место службы в госпиталь Пермских пушечных заводов⁴, а акушер Степан Федорович Шмонин (1810 г.р.) оставил должность по причине преклонного возраста⁵. Механизм такого формально добровольного увольнения описал новый ординатор больницы Иван Иванович Моллесон (1842–1920), сам подавший в отставку в 1873 г. «Чего нам оставалось дожидаться? Чтобы через месяц или два каждому поодиночке под различными предлогами отказали от места, как это было ранее с больничными врачами в 1870 и 1871 гг.»⁶.

В результате уже в 1871 г. в Александровской больнице был сформирован новый состав врачей – первый в земский период ее деятельности. Большинство его специалистов были приглашены на службу лично Д.Д. Смышляевым. Из Казани прибыл новый старший врач Владимир Иванович Дунаев и ординатор женского отделения Александр Генрихович Фолькман (1829–1889), из Санкт-Петербурга – сифилидолог Лука Семенович Длугашевский⁷. Впоследствии получивший всероссийское признание И.И. Моллесон был приглашен по рекомендации профессора Казанского университета А.В. Петрова с должности участкового врача Яранского уездного земства Вятской губернии (в 1872 г. он стал санитарным врачом в Пермском губернном земстве).

Первый земский состав врачей быстро оставил службу в Александровской больнице после острого коллективного конфликта с Д.Д. Смышляевым и большинством гласных губернского земского собрания (сентябрь–декабрь 1872 г.). Это неоднозначное противостояние неоднократно

¹ Селезнева В.Т. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. Молотов, 1955. 216 с.; Ее же. Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь, 1997. 124 с.

² Попов А.Н. Краткий исторический очерк Пермской губернской земской Александровской больницы. Пермь, 1914. 51 с.; Рудакова А., Плешков В. Врачебный стаж – полтора века. Пермь, 1983. 97 с.

³ Удинцев С. Е.П. Серебренникова. Биографический очерк // В память женщины-врача Евгении Павловой Серебренниковой. Литературный сборник. СПб., 1900. С. 1–12.

⁴ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 143. Оп. 1. Д. 1186. Л. 3–4.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 5. Д. 205. Л. 5; Ф. 44. Оп. 1. Д. 534.

⁶ Дневник Общества врачей г. Казани. 1873. № 9. Казань, б. г. С. 141.

⁷ Попов А.Н. Указ. соч. С. 35.

рассматривалось в историографии¹. Старший врач В.И. Дунаев и ординаторы больницы Николай Иванович Иняевский, Василий Харлампиевич Хохряков и А.Г. Фолькман оставили службу в 1873 г. сразу после отработки положенного по контрактам срока. К коллективному протесту не присоединился только Л.С. Длугашевский, уволившийся в 1874 г.

Второй земский состав врачей Александровской больницы состоял почти исключительно из прибалтийских немцев. По мнению И.И. Моллесона, Д.Д. Смышляев, «при всем его уме» имел существенный недостаток: «иногда был способен делать слишком широкие и неожиданные обобщения. Так, разочаровавшись в первом составе врачей Александровской губернской больницы он перенес это недовольство на всех русских врачей». Он был уверен, что медики из прибалтийских немцев будут заниматься исключительно своей профессиональной деятельностью «при их известной точности и аккуратности в исполнении обязанностей», не вступая в бессмысленные конфликты с губернской управой. Отметим, что сам И.И. Моллесон оценил новых приглашенных врачей-немцев как «людей почтенных и хороших специалистов»².

Д.Д. Смышляев быстро реализовал свои новые представления. После увольнения в 1876 г. старшего врача доктора медицины Михаила Илларионовича Комарова (1838–1899) все штатные врачебные должности в Александровской больнице заняли прибалтийские немцы. Общими у четырех ее новых ординаторов стали: возраст (в промежутке 30–40 лет), лютеранское вероисповедание и окончание медицинского факультета Дерптского университета. Двое имели степень доктора медицины: сифилидолог Эмилий Фридрих Крамер (1847–1907), переименованный в Павла Федоровича, и терапевт Эрнст Адамович Фрей (1848–1889), ранее служивший в Осинском уездном земстве³. Хирургическим отделением в 1874–1878 гг. заведовал бывший старший врач Пермского горного округа Павел Готфридович Гензель (1841 г.р.)⁴, затем в 1879–1903 гг. – Иоганн-Леонард Цандер (1848–1903), переименованный в Адольфа Федоровича⁵.

Старшим врачом в 1876–1884 гг. был Вильгельм-Филипп Задлер (1836–1899), переименованный на русский манер в Василия Карловича. Этот выпускник Киевского университета служил ординатором в хирургической клинике и переехал в Пермь после получения степени доктора медицины⁶.

Следует отметить уникальность такого состава врачей Александровской больницы во второй половине 1870-х гг. Даже в период максимального влияния германской медицинской школы в России врачи немецкого происхождения составили только пятую часть от всех, служивших в горнозаводских округах Урала в первой половине XIX в. А в дальнейшем, из-за кардинального увеличения численности отечественных медиков, они уже не играли в регионе такой существенной роли (Черноухов, 2021: 132, 135).

С оставления Д.Д. Смышляевым должности председателя Пермской губернской управы (1879 г.) можно условно начать третий период в развитии Александровской земской больницы (до 1893 г.). Он сопровождался несколькими конфликтами ее врачей с губернской земской управой, Пермским губернским врачебным правлением, а также серьезными межличностными противостояниями. В результате в этот период сформировался третий переходный состав врачей. В нем следует отметить кардинальные изменения по национальному и конфессиональному признакам. В течение пяти лет оставили службу в больнице П.Г. Гензель, В.-Ф. Задлер, Э.Ф. Крамер и Э.А. Фрей, а также акушер Адольф Николаевич Тамбурер, ранее перешедший сюда из Пермского уездного земства. После отставки сифилидолога Эрнста Берга, служившего здесь в 1878–1890 гг., и смерти И.-Л. Цандера (1903) в земский период истории больницы больше не было врачей из прибалтийских немцев.

Другой особенностью периода стала частая смена старших врачей. Некоторые из них даже не были утверждены, а только исполняли должность: И.И. Моллесон (1884–1885 гг.) и И.-Л. Цандер (1885 и 1887–1888). Следствием одного из самых серьезных противостояний в медицинской корпорации Перми по заведующему санитарной станцией (Шестова, 2003: 179–182) стало увольнение в 1887 г. старшего врача Василия Ивановича Земблинова (1853–1919). Этот патологоанатом, имевший опыт работы в университетской клинике и степень доктора медицины, продолжил службу в Тамбовской губернии.

¹ Селезнева В.Т. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. ... С. 48–53; Струнун И.Д. Полвека земской медицины (1864–1914) // Очерки истории русской общественной медицины. М., 1965. С. 48–49.

² Моллесон И.И. Памяти некоторых земских деятелей прошлого // Калужский санитарный обзор 1914 г. № 1. С. 5–19.

³ ГАПК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1358.

⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 50. Д. 193. Л. 4об.–6об.

⁵ ГАПК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1362.

⁶ Там же. Д. 1244.

Новым старшим врачом Александровской больницы в 1888 г. стал Алексей Иванович Губович, ранее служивший в железнодорожном и тюремном ведомствах. Назначение медика, не имевшего профессиональной специализации, встретило противодействие в корпоративной среде. Вскоре все врачи Александровской больницы отказывались здороваться с А.И. Губовичем и вести занятия в фельдшерской школе. В затяжном противостоянии разбиралась специальная комиссия из гласных, созданная 23 очередным Пермским губернским земским собранием¹. Конфликт завершился в 1893 г. с назначением новым старшим врачом терапевта Василия Михайловича Виноградова (1858–1909), имевшего степень доктора медицины.

В этом третьем земском составе врачей Александровской больницы появились первые женщины. В 1879 г. ординатором женского отделения стала Олимпиада Ивановна Скворцова (1846–1912), прослужившая до 1900 г. и уволившаяся по состоянию здоровья (Карнаухова, 1964: 190). После этого реорганизованным отделением, ставшим гинекологическим, до 1914 г. вновь заведовали исключительно врачи-мужчины. Евгения Павловна Серебренникова-Солонина (1854–1897) получила ставку ординатора Александровской больницы после двухлетней практической подготовки в специализированных клиниках Санкт-Петербурга. В 1886 г. она стала заведовать созданным глазным отделением и прослужила здесь до своей скоропостижной кончины².

Четвертый земский состав врачей Александровской больницы сформировался на рубеже XIX–XX вв. Он существенно увеличился по численности в сравнении с тремя предыдущими, состоявшими из пяти–шести специалистов. В 1894–1907 гг. здесь появилось еще шесть новых врачебных ставок. В результате накануне Первой мировой войны в больнице было уже 12 штатных врачей: старший, восемь ординаторов и три амбулаторных³. Такой двукратный рост врачебного персонала коррелируется с увеличением количества ее штатных кроватей: с 161 (в 1870 г.) до 325 (с 1898 г.) и активным развитием амбулаторного приема.

Неудивительно, что почти половина всех штатных врачей больницы (16 из 36) поступили служить в учреждение именно в эти годы. Лучше сохранившаяся источниковая база этого периода времени позволяет систематизировать ряд характеристик их коллективной биографии.

Половина специалистов окончила Казанский университет, еще четверть – Медико-хирургическую (затем Военно-медицинскую) академию. Именно эти два заведения были местом обучения и для большинства других врачей, служивших в Пермской губернии в тот период времени.

При этом несколько изменился принцип приглашения новых врачей в Александровскую больницу. 9 из 16 новых специалистов поступили в учреждение после службы в уездных земствах и заводских госпиталях Пермской губернии, трое – из специализированных клиник Казанского университета (окулист Владимир Павлович Иванов (1861–1935)⁴, терапевт Владимир Аристархович Хомяков (1862 г. р.)⁵ и хирург Дмитрий Афанасьевич Эскин (1876 г. р.)⁶), двое – после частной практики в Кунгуре и Перми, по одному – с военной службы и из Нижегородской губернской больницы. Теперь большинство новых врачей больницы уже имели опыт деятельности в Пермской губернии. Трое из них были докторами медицины (В.М. Виноградов, Д.А. Эскин и акушер Владимир Владимирович Белоруссов).

Для женщин-врачей получение ставки в земских медицинских заведениях Перми и в начале XX в. оставалось редким явлением. В Александровской больнице служила только одна из них: Аполлинария Петровна Неволина-Делеурова (1877 г.р.). Она, пройдя переподготовку по офтальмологии и получив опыт в «окулистическом отряде» в Чердынском уезде⁷, в 1911–1915 гг. занимала ставку ординатора-окулиста⁸. В целом в Александровской больнице в 1870–1914 гг. три вышеназванных женщины составляли всего 8 % штатных врачей, а в четвертом составе – 6 % (при общем существенном росте их представительства в корпорации в тот период времени).

Следует выделить и отсутствие сведений по участию врачей Александровской больницы в антиправительственном движении начала XX в. Это в определенной мере диссонирует с относительно широкой вовлеченностью в него других врачей, служивших в Пермской губернии (Черноухов, 2023: 547–549). Необходимо учитывать статус этих специалистов. По мнению американской

¹ Журналы Пермского губернского земского собрания XXIII очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1893. С. 355–361.

² Удинцев С. Указ. соч. С. 8–11.

³ Всероссийская выставка гигиены 1913 г. Пояснительный текст к экспонатам Пермского губернского земства. СПб., 1913. С. 76.

⁴ ГАПК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1240.

⁵ Там же. Д. 1360.

⁶ Там же. Д. 1379.

⁷ Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1908. № 2. С. 32–33.

⁸ Попов А.Н. Указ. соч. С. 36.

исследовательницы Н. Фриден, «по образованию и по необходимости врачи являются прагматиками, вынужденными работать методом проб и ошибок и идти на компромисс в своих повседневных задачах» (Frieden, 1981: 13).

Этот вывод коррелируется с тем, что служба в Александровской больницы была престижной и финансово выгодной. Последнее во многом обеспечивали не только штатные оклады: жалование старших врачей крупных заводских округов и ряда земских больниц в уездных центрах региона было несколько выше, чем у ее ординаторов (1,8–2,4 тыс. руб. в 1913 г.). Очевидными преимуществами являлись именно удобства жизни в губернском центре и широкие возможности для выгодной частной практики. Чрезмерное «увлечение» последней рядом ординаторов даже вызывало критику некоторых современников¹.

В результате нам известен всего один случай перехода врача Александровской больницы на службу в уезд. Так в 1910 г. поступил ее ординатор-хирург Николай Иосифович Кулебякин. Видимо, одной из причин этого стал более высокий оклад старшего врача Камышловской уездной больницы, чем был у него в Александровской больнице (3,0 против 1,8 тыс. руб.)².

Вскоре после начала Первой мировой войны сформировался пятый состав врачей Александровской больницы, ставший последним в ее земский период деятельности. Большинство ее новых ординаторов были временными – принятыми на период военных действий или мобилизации на фронт штатных специалистов. Кардинально изменился и гендерный состав: к концу 1915 г. 7 из 13 ее врачей были женщинами³. Просопографический анализ этого состава врачей следует провести в отдельной работе, посвященной уже советскому периоду в истории заведения, где часть из них продолжила службу.

Заключение. Проведенное исследование позволяет выделить ряд общих характеристик в коллективной биографии врачебного персонала Александровской губернской больницы в земский период ее деятельности. Это высокая концентрация врачей с существенным опытом работы в различных стационарных медицинских заведениях, клинической подготовкой и степенью доктора медицины; они имели также значительный средний срок службы (по нашим подсчетам, он составил примерно 8 лет). Последний существенно превышает этот показатель в уездных земствах Пермской губернии (в частности, три-четыре года в Осинском и Соликамском). В то же время все четыре рассмотренных состава врачей имели существенную специфику, особенно второй – по национально-конфессиональному признаку.

Такой квалифицированный состав врачей Александровской губернской земской больницы позволял ей в целом успешно выполнять функции именно клинического медицинского заведения широкого профиля. По масштабам и направлениям оказания специализированной помощи она кардинально превосходила все другие лечебные учреждения губернии. В то же время различная специализация и имевшийся опыт врачей позволяли вести обширный амбулаторный прием и фактически выполнять задачи медицинского заведения общего профиля. Ведь в Перми первая земско-городская больница открылась только в 1913 г.

Список источников:

- Карнаухова Е.И. Первые женщины-врачи в Пермской губернии // На Западном Урале. Вып. 4. Пермь, 1964. С. 185–191.
- Лядова В.В., Невоструев Н.А. Земские врачи Пермской губернии: забытые имена (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 1 (60). С. 195–208. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2023-1-195-208>.
- Черноухов Э.А. База данных по врачам Пермской губернии конца XVIII – начала XX вв.: источники для создания и перспективы рефлексии // Документальное наследие и историческая наука. Екатеринбург, 2020. С. 192–195.
- Черноухов Э.А. Врачи немецкого происхождения на горных заводах Урала в первой половине XIX в. // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2021. Т. 31, № 1. С. 131–137. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2021-31-1-131-137>.
- Черноухов Э.А. Националистический конфликт во врачебной корпорации Екатеринбурга: частный случай в оптике кризиса начала двадцатого века // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 2. С. 541–553. <https://doi.org/10.15826/qr.2023.2.804>.
- Шестова Т.Ю. Развитие здравоохранения уральских губерний (Пермской, Вятской и Оренбургской). 1864–1900. Пермь, 2003. 375 с.
- Юмашева Ю.Ю. Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2005. № 39. С. 95–127.
- Frieden N.M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905. Princeton, 1981. 398 p. <https://doi.org/10.1515/9781400855100>.

¹ Доклады Чердынской уездной земской управы 41 очередному уездному собранию 1910 г. Чердынь, 1911. С. 411.

² Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 9. С. 564.

³ Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 47-й очередной сессии. Пермь, 1917. Отд. 2. С. 1–2.

References:

- Chernoukhov, E. A. (2020) Baza dannyh po vracham Permskoj gubernii konca XVIII – nachala XX vv.: istochniki dlja sozdaniia i perspektivy refleksii [Database on doctors of the Perm province of the late 18th – early 20th centuries: sources for creating and prospects for reflection]. In: *Dokumental'noe nasledie i istoricheskaja nauka*. Yekaterinburg, pp. 192–195 (In Russian)
- Chernoukhov, E. A. (2021) The Physicians of German Origin in Mining Works of the Urals in the 1st Half of the 19th Century. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istorija i filologiya*. 31 (1), 131–137. Available from: doi:10.35634/2412-9534-2021-31-1-131-137 (In Russian)
- Chernoukhov, E. A. (2023) Nationalist Conflict in the Medical Corporation of Yekaterinburg: a Case Study in the Early Twentieth-Century Crisis. *Quaestio Rossica*. 11 (2), 541–553. Available from: doi:10.15826/qr.2023.2.804 (In Russian)
- Frieden, N. M. (1981) *Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905*. Princeton. 398 p. Available from: doi:10.1515/9781400855100.
- Karnauhova, E. I. (1964) *Pervye zhenshhiny-vrachi v Permskoj gubernii* [The first female doctors in the Perm province]. In: *Na Zapadnom Urale*. Iss. 4. Perm, pp. 185–191. (In Russian)
- Lyadova, V. V., Nevostruev, N. A. (2023) Zemstvo Doctors of the Perm Province: Forgotten Names (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries). *Perm University Herald. History*. 1(60), 195–208. Available from: doi:10.17072/2219-3111-2023-1-195-208 (In Russian)
- Shestova, T. Y. (2003) *Razvitie zdavoohraneniya uralskikh guberniy (Permskoy, Vyatskoy, Orenburgskoy) 1864–1900* [Medicine development of Ural provinces (Perm, Vyatka, Orenburg) 1864–1900]. Perm. 376 p. (In Russian)
- Yumasheva, Yu. Yu. (2005) Istorografiya prosopografii [Historiography of prosopography]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. (39), 95–127. (In Russian)

Информация об авторе

Э.А. Черноухов – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=472995

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

E.A. Chernoukhov – D.Phil. in History, Associate Professor, Professor at the Department of Russian History, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=472995

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 94(47).084.9:327.54

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.27>

**Амурская область в движении сторонников мира: исторический опыт участия амурчан
в подписной кампании под обращением Всемирного совета мира
о заключении пакта мира между пятью великими державами (1951 г.)**

Ирина Вячеславовна Никитина

Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия, sonniv2@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Советского комитета защиты мира и его региональных структур на примере Амурской области в начале 1950-х гг. На основе архивных источников анализируются процесс формирования областного комитета, социальный состав его участников и ключевые направления работы. Особое внимание уделено подписной кампании 1951 г. под обращением Всемирного совета мира о заключении пакта мира между пятью державами, ставшей важнейшей формой политико-общественной мобилизации. Показаны масштабы вовлечения различных социальных групп, формы агитации, организационные механизмы и роль партийного контроля. Сделан вывод о том, что региональное движение сторонников мира являлось не только частью общесоюзной кампании, но и важным элементом советской народной дипломатии, демонстрировавшим массовую поддержку внешнеполитического курса СССР и служившим инструментом укрепления международного авторитета страны в условиях холодной войны.

Ключевые слова: Советский комитет защиты мира, движение сторонников мира, холодная война, общественная дипломатия, подписная кампания, международные отношения, народная дипломатия, вахта мира
Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Никитина И.В. Амурская область в движении сторонников мира: исторический опыт участия амурчан в подписной кампании под обращением Всемирного совета мира о заключении пакта мира между пятью великими державами (1951 г.) // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 213–220. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.27>.

Original article

**Amur Region in the Peace Movement: The Historical Experience of Amur Residents'
Participation in the Signature Campaign Supporting the Appeal of the World Peace Council
for the Conclusion of a Peace Pact between the Five Great Powers (1951)**

Irina V. Nikitina

Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, sonniv2@rambler.ru

Abstract. The article examines the activities of the Soviet Committee for the Defense of Peace and its regional structures, focusing on the Amur Region in the early 1950s. Drawing on archival materials, it analyzes the formation of the regional committee, its diverse social composition, and its main fields of work. Particular attention is paid to the 1951 signature campaign for the World Peace Council's appeal for a peace pact between the five great powers, which became a crucial form of political and social mobilization. The study highlights the involvement of various social groups, methods of propaganda, organizational mechanisms, and the decisive role of Party supervision. It concludes that the regional peace movement was not only part of a nationwide campaign but also an important element of Soviet people's diplomacy, designed to demonstrate broad popular support for the USSR's foreign policy and to strengthen the country's international standing during the Cold War.

Keywords: Soviet Committee for the Defense of Peace, Peace Movement, Cold War, public diplomacy, signature campaign, international relations, people's diplomacy, peace watch

Funding: Independent work.

For citation: Nikitina, I.V. (2025) Amur Region in the Peace Movement: The Historical Experience of Amur Residents' Participation in the Signature Campaign Supporting the Appeal of the World Peace Council for the Conclusion of a Peace Pact between the Five Great Powers (1951). *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 213–220. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.27](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.27) (In Russian).

Проблематика изучения региональных форм участия советского общества в движении сторонников мира представляет значительный интерес для современной историографии. Несмотря на широкое освещение деятельности Советского комитета защиты мира (СКЗМ) на общесоюзном уровне, локальные аспекты его функционирования, в частности на Дальнем Востоке и в Амурской

области, остаются малоизученными. Исследование опыта Амурского комитета защиты мира позволяет восполнить существующий пробел, показать механизмы включения периферийных регионов в общесоюзное идеологическое пространство и выявить особенности взаимодействия центра и местных структур в условиях холодной войны.

Изучение истории миротворческого движения на региональном уровне также важно в контексте современных исследований народной дипломатии и формирования локальной гражданской идентичности. Амурская область, находившаяся вблизи советско-китайской границы, представляла собой уникальную площадку для практической реализации миротворческих инициатив и внешнеполитических символов эпохи. Осмысление этого опыта актуализирует проблему роли регионов в поддержке внешнеполитического курса страны и способствует более глубокому пониманию механизмов советской публичной дипломатии. Таким образом, обращение к истории Амурского комитета защиты мира имеет не только научное, но и общественно-политическое значение, позволяя по-новому осмыслить традиции общественного участия в укреплении мира и международного сотрудничества.

Новизна работы заключается во введении в научный оборот новых архивных документов Государственного архива Амурской области (ГААО), ранее не использовавшихся в исследованиях советского движения сторонников мира. Впервые анализируются материалы фонда Р-159, содержащие протоколы заседаний, списки членов Амурского комитета защиты мира, телеграммы, отчеты о подписной кампании, корреспонденцию с центральным аппаратом СКЗМ и иные документы. Впервые предпринята попытка системного анализа структуры, состава и направлений деятельности Амурского комитета защиты мира как регионального звена советской общественной дипломатии. Это позволяет уточнить механизм взаимодействия центральных и местных органов СКЗМ и выявить особенности социальной мобилизации населения Амурской области в начале 1950-х гг.

Результаты исследования могут быть использованы в образовательной, просветительской и музейной практике. Материалы статьи позволяют расширить курсы по отечественной истории, истории международных отношений и региональному краеведению, дополнив их конкретными примерами участия амурчан в миротворческих инициативах советского периода. Также полученные данные могут служить основой для подготовки музейных выставок, посвященных общественной дипломатии и гражданской активности послевоенных лет и для разработки интерактивных образовательных проектов (уроков мира, исторических квестов, просветительских программ).

В контексте современных дискуссий о гражданской идентичности, патриотическом воспитании и концепции «мягкой силы» России опыт деятельности Амурского комитета защиты мира приобретает дополнительную актуальность, демонстрируя традиции массового участия граждан в поддержке идей мира и международного сотрудничества.

В работе применен комплекс общенаучных и специальных исторических методов, соответствующих поставленным задачам: историко-генетический метод позволил проследить процесс становления и развития Амурского комитета защиты мира как региональной структуры, выявить его предпосылки и динамику деятельности; сравнительно-исторический метод использовался для сопоставления амурского опыта с аналогичными процессами в других регионах СССР, что позволило определить специфику дальневосточного контекста; проблемно-хронологический метод применен при анализе этапов подписной кампании 1951 г., выявлении ключевых направлений и форм общественной активности; системный анализ источников обеспечил целостное рассмотрение деятельности комитета в контексте идеологической и административной политики Советского государства. Данные методы дали возможность всесторонне реконструировать механизм функционирования регионального звена движения сторонников мира и обосновать выводы исследования.

Проблема участия советского общества в международных миротворческих инициативах нашла отражение в отечественной и зарубежной историографии. Общие вопросы становления и деятельности Советского комитета защиты мира рассматривались в работах Т.В. Раевой (2017, 2018, 2020), А.А. Калинина (2018), а также в исследованиях, посвященных общественной дипломатии и идеологическим механизмам холодной войны. В последние годы внимание ученых сосредоточено на региональных аспектах общественной дипломатии на современном этапе в условиях санкционной внешней политики (Артеев, 201; Савченкова, Новоселов, 2024; Сапрыка и др., 2023). Несмотря на наличие фундаментальных трудов, деятельность Амурского комитета защиты мира ранее не становилась предметом отдельного исследования, что и определяет значимость настоящей работы.

В июне 1949 г. Политбюро КЦ КПСС приняло решение о создании Советского комитета защиты мира с руководящим органом – Президиумом, председателем которого был Т.С. Тихонов (Викторов, 2016: 169). Она объединяла свыше 300 ученых, рабочих, фермеров, мастеров культуры, общественных и профсоюзных лидеров.

Советский комитет защиты мира – организация, которая регулировала движение советских сторонников мира. Практически с самого начала существования СКЗМ выступал как связующее

звено между партийно-государственным аппаратом и мировыми общественными движениями и использовал широкий спектр культурных, научных и массово-политических мероприятий, направленных на формирование позитивного образа Советского Союза как главного борца за мир (Сokolova, 2009).

СКЗМ имел разветвленную структуру: помимо центрального аппарата в Москве создавались региональные комитеты в союзных республиках, краях и областях. В их работу активно привлекались профсоюзы, комсомольские и женские организации. Такая структура позволяла охватывать широкие массы населения и превращала комитет в мощный инструмент мобилизации общественного мнения.

В Амурской области первая областная конференция сторонников мира состоялась 15 сентября 1951 г., на которой присутствовало 350 делегатов¹, о чем в телеграмме сообщил Советскому комитету защиты мира секретарь Амурского областного комитета сторонников мира М. Нестерюк. С этой же телеграммой направлялись протокол и списки членов Амурского областного комитета сторонников мира. В целом список включал более 37 человек и по составу был разнородным. Социальный состав Амурского комитета был представительным: в него входили художник, зоотехник, заведующий продовольственным отделом, тракторный бригадир, журналист, секретарь горкома ВКЛСМ и др. Примечательно, что в областном комитете состоял поистине легендарный человек для Амурской области – Григорий Степанович Новиков-Даурский, научный работник краеведческого музея, в честь которого назван Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского². Кроме того, в архивном деле имеется список выступавших на первой областной конференции сторонников мира, также отличающийся разнородностью и представляющий все районы Амурской области: председатель шахткома Северного разреза, учитель средней школы г. Куйбышевска-Восточная, артист Благовещенского драмтеатра, кандидат ветеринарных наук, домохозяйка Архаринского района, студент сельскохозяйственного института и еще 17 человек. Спикеры конференции имели широкий возрастной разброс и представляли практически все социальные слои области: от студентов и домохозяек до директоров и начальников производств³.

Именно на первой амурской областной конференции сторонников мира 15 сентября 1951 г. образован Амурский комитет защиты мира. Если обратить внимание на исторический контекст этого события, то, несомненно, можно сделать вывод, что появление местной миротворческой организации закономерно. Середина 1951 г. – период наиболее острой фазы холодной войны: Корейская война 1950–1953 гг., возрастание напряженности между СССР и США, подготовка к ядерному паритету. В это время в странах социалистического лагеря активно действовало движение сторонников мира, организуемое сверху как часть глобальной миротворческой мобилизации (Калинин, 2018: 125). Оно координировалось Советским комитетом защиты мира, являвшимся по сути одной из ветвей международной пропаганды. Амурская область включилась в эти процессы немного позже, но достаточно энергично.

Уже на следующий день после заседания первой амурской областной конференции сторонников мира, 16 сентября 1951 г., было проведено первое заседание областного комитета защиты мира в составе 30 человек, на котором были избраны председатель комитета, его заместитель, секретарь, определены основные задачи. В архиве сохранились фамилии и должности администрации областного комитета. Председателем избран директор педагогического института Степанов Виктор Степанович, заместителем – зоотехник облсельхозуправления Тамара Федоровна Кузмичева, секретарем – председатель облпрофсовета Максим Аврамович Нестерюк⁴. К сожалению, в протоколе первого заседания не обозначены задачи областного комитета, о которых докладывал секретарь. Тем не менее можно предположить, что они не расходились с задачами Советского комитета защиты мира и, судя по развернувшейся в сентябре-октябре 1951 г. деятельности, главной задачей на ближайшую перспективу стала организация кампании по сбору подписей под обращением Всемирного совета мира о заключении пакта мира между пятью великими державами⁵. Именно эта подписная кампания стала первым серьезным испытанием работоспособности Амурского комитета защиты мира.

К сожалению, в архиве не представлены документы о деятельности областного комитета в более ранний период, что позволяет сделать вывод о его создании только в сентябре 1951 г. Но сохранились списки организаций и учреждений, сдавших подписные листы к воззванию Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, и подписные листы к воззванию

¹ ГААО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 1. Л. 62.

² Там же. Л. 140.

³ Там же. Л. 114.

⁴ Там же. Л. 106.

⁵ Обращение Всемирного совета мира о заключении пакта мира // Правда. 1951. 26 февр. № 57. С. 3.

Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия за 1950 г.¹ Наличие этих документов позволяет предположить, что кампания по подписанию под воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия² была организована партийными органами, т. е. Амурским обкомом ВКП(б), без участия каких-либо областных миротворческих организаций.

В архивных материалах отсутствует какой-либо документ, который бы содержал утверждение структуры Амурского областного комитета защиты мира, но по материалам дела, в частности по телеграмме в адрес Советского комитета защиты мира от 19 сентября 1951 г., можно заключить, что в каждом городе и районе были созданы районные или городские комиссии содействия Советскому комитету сторонников мира и на первой областной конференции избраны составы этих комиссий³. В каждом районе, в свою очередь, сформированы сельские комиссии, подчиняющиеся районным⁴. Городские и районные комиссии по подотчетности подчинялись областному комитету защиты мира, о чем свидетельствуют многочисленные справки, например о ходе сбора подписей под обращением Всемирного совета мира о заключении пакта мира между пятью великими державами.

Кампания по сбору подписей под обращением Всемирного совета мира о заключении пакта мира между пятью великими державами – СССР, США, Китаем, Великобританией и Францией – стала одной из наиболее масштабных инициированных пацифистским движением политико-общественных акций в первой половине 1950-х гг. Идея пакта была впервые официально выдвинута советской делегацией на 4-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1949 г. В феврале 1951 г. на первой сессии Всемирного совета мира в Берлине принято официальное обращение с соответствующим требованием. Документ подписан виднейшими деятелями мирового пацифистского движения, широко размещен в прессе⁵.

В феврале – мае 1951 г., после публикации обращения, национальным комитетам мира в разных странах даны рекомендации по энергичному распространению текста, разъяснительной работе и организации массового подписного движения в поддержку пакта мира. Были организованы публичные лекции, митинги, круглые столы, материалы распространялись через союзы, церкви, студенческие, женские, профсоюзные организации. Летом 1951 г. и весь 1952 год работали все основные общества, профсоюзы, научные и религиозные структуры, организовывались общественные комитеты, запускались региональные кампании, а также проводились специальные мероприятия во время международных конференций, культурных фестивалей, экономических и профессиональных форумов, способствующих дальнейшему увеличению числа подписей.

В Амурской области старт сбору подписей был дан 15 сентября 1951 г. на первой областной конференции сторонников мира. Областным комитетом защиты мира определены форма (количество собраний, число присутствовавших, выступавших, подписавшихся под воззванием и т. д.) и сроки представления отчетности о ходе подписной кампании (каждую пятидневку)⁶.

Для обеспечения регулярной плановой работы по организации сбора подписей сельскими, районными и городскими комиссиями утверждались планы агитационных мероприятий, графики дежурств членов комиссий в агитпунктах, проводились инструктивные совещания секретарей первичных парторганизаций, председателей комиссий содействия и заведующих агитпунктами. На инструктажах обсуждались следующие темы: «Советский народ в борьбе за сохранение и укрепление мира», «Задачи парторганизаций и сельских комиссий содействия в период подготовки кампании по сбору подписей». После таких совещаний выдавались подписные листы⁷. Агитпункты планировалось оборудовать в каждом населенном пункте, но не везде это удалось сделать. Фактически еженедельно заслушивались доклады областных и городских комиссий содействия, осуществлялась корректировка работы по сбору подписей, выявлялись недостатки и сразу же предлагались способы решения проблемных вопросов. Так, например, на совещании областного комитета 29 сентября 1951 г. подчеркивалось неудовлетворительное положение дел по подписанию под обращением Всемирного совета мира о заключении пакта мира между пятью великими державами, особенно в селах и колхозах, где собрания к этому времени практически не проводились и подписи не собирались. Большие трудности отмечались в ходе проведения подписной кампании среди так называемого неорганизованного населения, т. е. среди тех, кто не имел места работы или службы и постоянно находился

¹ ГААО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–156.

² Закрытие сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира // Комсомольская правда. 1950. 21 марта. № 68. С. 4.

³ ГААО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 1. Л. 62.

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ Обращение Всемирного совета мира ...

⁶ ГААО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.

⁷ Там же. Л. 6.

дома. Обход таких граждан стал приоритетной задачей комиссий содействия, несмотря на дефицит агитаторов и времени для подобной работы.

Тем не менее, несмотря на многочисленные трудности и недоработки, уже 31 октября 1951 г. благовещенская городская комиссия сообщала, что сбор подписей закончен 30 октября 1951 г. и всего под воззванием подписалось 40 003 человека. Председатель благовещенской комиссии кандидат исторических наук, доцент В.П. Малышев подчеркивал в своем отчете, что для сбора подписей на фабриках, заводах и в учреждениях проведено 219 общих собраний трудящихся, на которых присутствовало 15 324 человека и выступило 833 докладчика¹. Подобные отчеты в виде телеграмм поступали от всех комиссий содействия Амурской области и сводились сотрудниками областного комитета в единую отчетную ведомость. Согласно такой ведомости для служебного пользования на 25 октября 1951 г. в целом по области было собрано 340 825 подписей. Самый значительный вклад в этот результат внесли Благовещенский (40 003 подписей), Райчихинский (27 547), Свободненский (25 257), Зейский (20 651), Тындинский (20 086 подписей) районы².

Максимальное освещение деятельности в рамках подписной кампании областного комитета, районных и городских комиссий обеспечивалось систематическим выходом публикаций в газете «Амурская правда», многотиражке и стенной печати (стенгазетах)³. Например, по всем улицам и учреждениям Благовещенска были расклеены 3000 листовок-призывов «О мире», лозунги и плакаты⁴. Тем не менее на отчетных совещаниях отмечалось, что наглядной агитации было крайне мало и, изготовленная на местах, она оказалась некачественной⁵. С этим руководство областного комитета связывало неудовлетворительные итоги по сбору подписей и настоятельно рекомендовало усилить работу в этом направлении.

Для проведения собраний, лекций и чтения агитационных докладов в рамках подписной кампании активно привлекались лекторы и докладчики областного общества по распространению научных и политических знаний и лекторы горкома ВКП(б)⁶, состав которых утверждался на заседаниях бюро РК ВКП(б)⁷. С докладчиками также проводились инструктажи и обсуждение доклада «Советский народ в борьбе за сохранение и укрепление мира». Агитаторы, докладчики и лекторы работали не только в помещениях заводов и организаций. Часто им приходилось агитировать на полях в колхозах и совхозах, на машинно-тракторных станциях, в комбайновых агрегатах, на животноводческих фермах и т. д. Это свидетельствует, во-первых, о готовности лекторов к полевым условиям работы, во-вторых, о чрезвычайной важности, которую имела кампания по сбору подписей для руководства области в частности и страны в целом.

Помимо областных и городских комиссий в подписной кампании активное участие принимал политотдел Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний УМВД по Амурской области, который 27 октября 1951 г. отчитывался перед Амурским обкомом ВКП(б) о проведении в первичных парторганизациях 26 закрытых партсобраний, в коллективах подразделений 48 общих собраний с сотрудниками и членами их семей, на которых было зачитано 48 докладов и выступило 214 сотрудников и членов их семей. В целом политотделом собрано и передано в Амурский обком ВКП(б) 47 подписных листов с 1 884 подписями⁸.

Вместе со сбором подписей на некоторых предприятиях выступающие брали на себя личные повышенные социалистические обязательства по увеличению норм выработки на 150–180 %, а в ряде случаев целые коллективы вставали на стахановскую вахту мира (например, завод «Амурский металлист», Кожевенный завод имени Фрунзе, артель «Амурский кожевенник» и др.)⁹.

Собрания, как отмечалось в отчетах комиссий, проходили на высоком патриотическом подъеме. И это закономерно, так как совсем недавно страна пережила ужасы Великой Отечественной войны. Многие выступающие на собраниях акцентировали на этом внимание. Так, например, работник колхоза имени Чапаева тов. Мысин сказал: «В 1941 г. гитлеровские полчища напали на нашу родину, стремясь поработить наш народ. Все мы, простые советские люди, на своих плечах, сами перенесли все ужасы войны, и поэтому мы знаем, что такое война. С войны мы вышли победителями, враг был разгромлен. Все наши советские люди принялись за восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства, хотят только подлинного мира во всем мире. Мы приложим все силы, чтобы войну предотвратить. Лучший показатель борьбы за мир – это своевременный расчет с государством по всем видам платежей»¹⁰.

¹ ГААО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 1. Л. 107.

² Там же. Л. 92.

³ Там же. Л. 107.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 20.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 19.

⁸ Там же. Л. 31–32.

⁹ Там же. Л. 8.

¹⁰ Там же. Л. 16.

Как и большинство общественных структур в СССР, Советский комитет защиты мира находился под строгим надзором партийных инстанций. Несомненно, и Амурский областной комитет не являлся исключением в этом вопросе и подчинялся Амурскому обкому ВКП(б). Такой патронаж имел для областной организации двоякое значение: с одной стороны, это жесткий контроль и надзор за деятельностью, постоянная отчетность и обязательное согласование действий, но с другой – материальная и финансовая поддержка, содействие в работе и административный ресурс, который областной комитет неоднократно использовал для урегулирования отношений с городскими и районными комиссиями содействия сторонникам мира.

При помощи партийных органов быстро было определено место размещения областного комитета защиты мира: Благовещенск, переулок Интернациональный, дом 5 (в настоящее время это переулок Святителя Иннокентия). Об этом в извещении для трудящихся Амурской области сообщил секретарь областного комитета в сентябре 1951 г. Там же были представлены контактные городской и междугородный номера телефонов¹.

Бытовые вопросы также решались при помощи Амурского обкома ВКП(б). Например, именно главный бухгалтер обкома 24 сентября 1951 г. направил запрос начальнику телеграфа об открытии лицевого счета Амурскому областному комитету защиты мира для отправки телеграмм. В этом же запросе сделано примечание, что оплату за отpravку телеграмм будет производить финхозсектор Амурского обкома ВКП(б)².

Местные парткомы активно привлекались к контролю за деятельностью районных и городских комиссий и использовались как силовой административный рычаг в случае необходимости. Так, например, 31 октября 1951 г. райкому партии Ньюкжи секретарем Амурского областного комитета защиты мира направлена телеграмма с просьбой воздействовать на районную комиссию и поторопить ее с представлением отчета о ходе сбора подписей под обращением Всемирного совета мира о заключении пакта мира между пятью великими державами³. Такую же телеграмму направляли и 25 сентября 1951 г. райкому партии Ньюкжи с формулировкой «прошу заставить районную комиссию содействия немедленно дать телеграмму ходе подписки»⁴. Эти документы свидетельствуют, что, несмотря на административное давление и контроль партии, не все комиссии вовремя исполняли свои обязанности и у областного комитета ежемесячно возникали сложности со своевременным сбором информации о ходе подписной кампании.

Таким образом, подписная кампания в Амурской области продлилась с 15 сентября по 31 октября 1951 г. и, несмотря на многочисленные сложности и авральный характер работы, Амурский областной комитет защиты мира смог отчитаться перед центральным аппаратом Советского комитета защиты мира о сборе 340 825 подписей под обращением Всемирного совета мира о заключении пакта мира между пятью великими державами.

В конце 1952 – начале 1953 г. осуществлялись обработка подписей, подведение итогов кампании, публикация отчетов о количестве собранных подписей (в целом по стране более 600 млн по официальным данным), передача списков в адрес международных организаций и правительств пяти держав. В это же время проходили итоговые ассамблеи движения в защиту мира, суммировался идеологический и организационный опыт кампании, публиковались специальные материалы, посвященные ее итогам и международному резонансу.

Анализируя ход и результаты подписной кампании в Амурской области можно сделать следующие выводы.

– В области в 1951 г. деятельность сторонников мира приобрела масштабную и организованную форму. В состав областного комитета и комиссий входили представители самых разных социальных слоев: от студентов, учителей и артистов до директоров заводов, зоотехников и домохозяек. Такая социальная разнородность подчеркивала официальную установку советской власти на всеобщий и народный характер борьбы за мир.

– Создана четкая иерархия: сельские комиссии → районные/городские комиссии → областной комитет → Советский комитет защиты мира (в Москве). Работа велась в плановом порядке: утверждались графики дежурств, проводились инструктивные совещания, налаживалась система отчетности каждые пять дней. Фактически региональная структура полностью дублировала центральную модель, что характерно для советской административно-партийной системы.

– Ключевое направление работы в первые месяцы существования Амурского комитета защиты мира – сбор подписей под обращением Всемирного совета мира. За полтора месяца собраны сотни тысяч подписей (в общей сложности более 340 000 по области). Активно использовались все

¹ ГААО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 1. Л. 113.

² Там же. Л. 139.

³ Там же. Л. 79.

⁴ Там же. Л. 65.

возможные каналы пропаганды: газета «Амурская правда», многотиражки, стенгазеты, листовки, плакаты, лекции, открытые и закрытые собрания и совещания.

– Кампания проходила в условиях холодной войны и усиливающегося противостояния СССР и Запада. Сбор подписей рассматривался не только как выражение подлинной народной воли, но и как элемент политической мобилизации и демонстрации единства советского народа в поддержке внешнеполитического курса страны. Привязка к памяти о Великой Отечественной войне обостряла эмоциональный эффект: акцент делался на том, что советские люди, пережившие ужасы войны, особенно ценят мир.

– Участие в работе областного комитета защиты мира известных личностей, например Г.С. Новикова-Даурского, подчеркивает важность мероприятия и уровень общественного интереса к вопросам мира.

– В ходе кампании звучали инициативы, связывавшие борьбу за мир с трудовыми подвигами (повышение норм выработки, стахановские вахты). Таким образом, борьба за мир приобретала форму социалистического соревнования, что соответствовало логике советской системы: идеология напрямую соединялась с производством и хозяйственными результатами.

– Партийные комитеты играли ключевую роль в контроле и координации деятельности местных комиссий, оказывая административное воздействие на выполнение поставленных задач. Использование ресурсов Амурского обкома ВКП(б) обеспечило финансовую поддержку и организацию информационных каналов для проведения мероприятий.

– Несмотря на организованность на местах фиксировались задержки и невыполнение планов (особенно в селах и среди неорганизованного населения). Одной из значительных сложностей стала работа с так называемым неорганизованным населением – людьми, не имеющими постоянного рабочего места или проживающими в отдалении от крупных предприятий и учреждений. Организаторы сталкивались с необходимостью осуществлять обход квартир и домов таких граждан, что требовало много времени и сил.

– Отмечался дефицит добровольцев и специалистов, готовых проводить работу среди населения. Особенно остро эта проблема проявлялась в сельских районах и отдаленных населенных пунктах, где доступ к квалифицированным кадрам был ограничен.

Кампания по сбору подписей под обращением Всемирного совета мира о заключении пакта мира охватывает несколько лет и характеризуется четко выраженной стадийностью: от зарождения идеи и ее институционализации через широкую международную мобилизацию до массового вовлечения мирных граждан и итогового закрепления результатов. Это мероприятие иллюстрирует как характер глобальных миротворческих движений периода ранней холодной войны, так и механизмы массовой общественной мобилизации под эгидой государственных и международных организаций. Вторая областная конференция сторонников мира в Амурской области 1951 г. и последующая работа областного комитета защиты мира стали частью общесоюзной кампании по мобилизации населения в поддержку политики СССР в условиях холодной войны. Движение сторонников мира в Амурской области выступало как элемент советской народной дипломатии и инструмент демонстрации международному сообществу массовой поддержки курса СССР на мир.

Проведение подобных мероприятий стало частью общесоюзной политики СССР, направленной на укрепление международного авторитета страны и продвижение идей мира и сотрудничества. Организация широкой поддержки мирных инициатив демонстрировала приверженность советского народа идеалам справедливости и стабильности. Активное участие населения в мероприятиях, связанных с поддержкой мирного сосуществования государств, отражает характер общественной жизни советской эпохи и особенности мобилизационного подхода государства к решению глобальных проблем. В целом деятельность комитета защиты мира и проведение подобных подписных кампаний являются важными элементами истории движения сторонников мира в СССР, демонстрируя единство усилий власти и общества в достижении целей международной безопасности и сохранения мира.

Список источников:

- Артеев С.П. Внешняя политика России: «мягкая сила» регионов // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 1. С. 32–57. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-1-32-57>.
- Викторов А.Г. Влияние советского комитета защиты мира (СКЗМ) на развитие общественно-политической ситуации в 1965–1985 гг. // Бюллетень науки и практики. 2016. № 9 (10). С. 168–170. <https://doi.org/10.5281/zenodo.154288>.
- Калинин А.А. Борьба за мир как советский вариант публичной дипломатии // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 3 (11). С. 123–128. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.18.048>.
- Раева Т.В. «Против огня войны»: практики советского миротворчества в условиях холодной войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20, № 4. С. 58–65. <https://doi.org/10.14529/ssh200408>.
- Раева Т.В. Развитие советских миротворческих практик в условиях холодной войны // Управление в современных системах. 2018. № 4 (20). С. 18–24.

Раева Т.В. Советское движение за мир в послевоенной культурной дипломатии: институты, дискурсы, практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 2. С. 19–25. <https://doi.org/10.14529/ssh170203>.

Савченкова М.И., Новоселов С.В. Ресурсы «мягкой силы» субрегиональных акторов. Внешнеполитическая практика Москвы // Обозреватель. 2024. № 6. С. 95–107. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2024_6_95.

Сапрыка В.А., Пастюк А.В., Солоха В.В. Потенциал общественной дипломатии приграничных регионов для снижения социокультурных угроз западного пограничья России // Сравнительная политика. 2023. Т. 14, № 1–2. С. 39–56. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2023-1-2-14-39-56>.

Соколова В.И. Молодежь Чувашской АССР в сборе подписей под Обращением о заключении пакта мира между пятью великими державами // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 3 (27). С. 240–242.

References:

Arteev, S.P. (2021) Foreign policy of Russia: Soft power of the regions. *Lomonosov World Politics Journal*. 13 (1), 32–57. Available from: [doi:10.48015/2076-7404-2021-13-1-32-57](https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-1-32-57). (In Russian)

Kalinin, A.A. (2018) The struggle for peace as the Soviet version of public diplomacy. *Herald of Humanitarian Education*. (3), 123–128. Available from: [doi:10.25730/VSU.2070.18.048](https://doi.org/10.25730/VSU.2070.18.048). (In Russian)

Raeva, T.V. (2017) Soviet Peace Movement in postwar cultural diplomacy: Institutions, discourses, practices. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*. 17 (2), 19–25. Available from: [doi:10.14529/ssh170203](https://doi.org/10.14529/ssh170203). (In Russian)

Raeva, T.V. (2018) The development of Soviet peacemaking practices in the context Cold War. *Management in Modern System*. (4), 18–24. (In Russian)

Raeva, T.V. (2020) “Against the fire of war”: The practices of Soviet peacekeeping in the context of the Cold War. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 20 (4), 58–65. Available from: [doi:10.14529/ssh200408](https://doi.org/10.14529/ssh200408). (In Russian)

Sapryka, V.A., Pastyuk, A.V. & Solokha, V.V. (2023) Public diplomacy potential of the border regions to reduce the socio-cultural threats of the Western Borderlands of Russia. *Comparative Politics*. 14 (1–2), 39–56. Available from: [doi:10.46272/2221-3279-2023-1-2-14-39-56](https://doi.org/10.46272/2221-3279-2023-1-2-14-39-56). (In Russian)

Savchenkova, M.I. & Novoselov, S.V. (2024) Soft power resources of sub-regional actors. Moscow's foreign policy practice. *Observer*. (6), 95–107. Available from: [doi:10.48137/2074-2975_2024_6_95](https://doi.org/10.48137/2074-2975_2024_6_95). (In Russian)

Sokolova, V.I. (2009) The youth of the Chuvash ASSR in signature gathering campaign to Appeal to sign peace treaty by five great powers. *Vestnik Saratovskogo Gosudarstvennogo Sotsial'no-Ehkonomicheskogo Universiteta*. (3), 240–242. (In Russian)

Viktorov, A.G. (2016) The influence of the Soviet Peace Committee (SCSM) on the development of the socio-political situation in 1965–1985. *Bulletin of Science and Practice*. (9), 168–170. Available from: [doi:10.5281/zenodo.154288](https://doi.org/10.5281/zenodo.154288). (In Russian)

Информация об авторе

И.В. Никитина – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социологии, Амурский государственный университет; член регионального отделения Российского военно-исторического общества; лектор Российского общества «Знание»; директор Координационного центра по вопросам формирования у молодежи гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, Благовещенск, Россия.

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

I.V. Nikitina – PhD in History, Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology, Amur State University; Member of the regional branch of the Russian Military Historical Society; Lecturer of the Russian Society “Knowledge”; Director of the Coordination Center for the Development of Civic Position among Young People, Prevention of Interethnic and Interfaith Conflicts, Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, Blagoveshchensk, Russia.

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 94(73):929.52

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.28>

Феномен президентских династий в США

Тамара Юрьевна Плахотник

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, plahotnik63@mail.ru

Аннотация. Президенты Соединенных Штатов Америки всегда привлекали внимание историков, стремящихся исследовать их наследие и влияние на страну. На протяжении всей истории США пост главы государства занимали представители всего лишь четырех фамилий – Адамсов, Гаррисонов, Рузвельтов и Бушей. Это явление, называемое династичностью, стало привычным для американского общества, где можно встретить множество его примеров. Экономические династии, такие как Рокфеллеры, Форды и Дюпоны, на протяжении многих лет оказывали значительное влияние на развитие страны, создавая и контролируя крупные бизнес-империи. Политические династии, например, Кеннеди, Клинтон и Ли, также оставили заметный след в общественной жизни Америки, передавая власть и влияние из поколения в поколение. Общественное сознание воспринимает династичность как естественное продолжение семейных традиций и стремление к сохранению и развитию своего дела. Представители президентских фамилий изначально принадлежат к определенному кругу лиц – элите американского общества. Они объединены рядом общих черт, таких как образование, доступ к ресурсам и сетям влияния, которые помогают им продвигать свои интересы и сохранять власть.

Ключевые слова: династии, американская элита, президент, американские кланы

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Плахотник Т.Ю. Феномен президентских династий в США // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 221–226. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.28>.

Original article

The Phenomenon of Presidential Dynasties in the United States

Tamara Yu. Plakhotnik

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia, plahotnik63@mail.ru

Abstract. The study examines how U.S. Presidents have consistently attracted the attention of historians endeavoring to investigate their legacy and impact on the nation. Throughout the entire history of the United States, the position of head of state has been occupied by representatives of merely four surnames – Adams, Harrison, Roosevelt, and Bush. This phenomenon, termed dynasticism, has become customary in American society, where numerous examples thereof can be encountered. Economic dynasties, such as the Rockefellers, Fords, and Duponts, have exerted significant influence on the country's development over many years by establishing and controlling major business empires. Political dynasties, for instance, the Kennedys, Clintons, and Lees, have also left a notable imprint on American public life, transmitting power and influence from generation to generation. Particular attention is paid to how social consciousness perceives dynasticism as a natural continuation of family traditions and the aspiration to preserve and advance one's endeavors. Representatives of presidential surnames inherently belong to a specific circle of individuals – the American societal elite. It is emphasized that they are united by a set of common characteristics, such as education, access to resources, and networks of influence, which assist them in promoting their interests and sustaining authority.

Keywords: dynasties, American elite, president, American clans

Funding: Independent work.

For citation: Plakhotnik, T.Yu. (2025) The Phenomenon of Presidential Dynasties in the United States. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 221–226. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.28](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.28) (In Russian).

Введение. Весьма интересным для исследования представляется сам факт существования династий в президентстве США, поскольку с формальной законодательной точки зрения нет оснований для их образования. Поэтому важно понимать, какие условия, факторы способствуют образованию этого феномена, ведь и по сей день обозначенная тема не теряет актуальности – на политической арене по-прежнему остаются представители знаменитых фамилий, предки которых занимали главные позиции в государственной системе США.

Феномен династий в американском президентстве не был ранее предметом научного исследования в российской науке, а главы государства не рассматривались исследователями сквозь призму принадлежности их к политической элите США до избрания на эту высшую должность.

В изучении феномена династий президентов США мы опирались на общие работы по политической истории США Э.А. Иваняна (1979; 1991), В.В. Согрина (1995; 2001; 2002; 2004; 2008), В.И. Лафитского (2004), М.А. Филимоновой (Алентьева, Филимонова, 2004).

Из отечественных авторов, обращавшихся к теме элит в США, можно выделить Е.В. Охотского (1993) и В.Э. Багдасаряна (Багдасарян, 2010; Багдасарян, Сулакшин, 2011), писавших о механизмах рекрутирования в эту социальную группу, а также Е.Б. Зюзину (2009), выявившую этапы развития элиты США. Правящая прослойка страны, по их общему мнению, представляет собой узкую привилегированную группу, представители которой осознают себя членами единой общности в силу схожих интересов, социальных характеристик и образа жизни.

Внимание к теме семейственности в США и ее влиянию на политическую жизнь проявлял Ф. Ландберг (1948; 1971), который на основе статистических данных выявил богатейшие семейства Америки, при этом установив тесную взаимосвязь политики и бизнеса.

Т. Дай, Х. Зиглер, Ч.Р. Миллс считали, что власть в США находится в руках меньшинства, обладающего ресурсами и влиянием (Дай, Зиглер, 1984; Миллс, 2007).

Политолог Р. Даль (1992; 2010), являясь сторонником теории плюрализма, отрицал существование доминирующей элиты в США, а высшие должностные лица страны, по его мнению, являются выразителями интересов различных социальных групп.

В центре внимания исследователей находились проблемы формирования и существования элит США, их характеристика, также образования в рамках элиты политических и экономических династий (Зюзина, 2009; Рябкова, 2019), реже – проблемы неопотизма (Терновая, 2019; Филиппов, 2015), однако в рамках проблемы существования династий в американском президентстве не было комплексных исследований.

Для получения результатов исследования использовались следующие методы:

– сравнительный, с помощью которого были выявлены общие черты и особенности представителей династий американских президентов, как внутри одной династии, так и между всеми четырьмя;

– биографический, основанный на анализе письменных биографических материалов о представителях династий президентов США, для выявления фактов, подтверждающих их изначальную принадлежность к политической элите США;

– конкретно-проблемный, позволяющий установить закономерности в появлении феномена династий американских президентов.

Основная часть. Соединенные Штаты Америки позиционируют себя как подлинно демократическую страну, соблюдающую все принципы данной формы правления, при которой власть не передается по наследству, а исходит от народа посредством выборов. Такая форма правления должна исключать формирование династий президентов. Однако история США доказывает обратное. Примером тому служат четыре президентские династии – Адамсов, Гаррисонов, Рузвельтов и Бушей (табл. 1).

Таблица 1 – Четыре президентские династии США¹

Table 1 – Four US Presidential Dynasties

Адамсы	Джон Адамс – первый вице-президент (1789–1797 гг.) и второй президент США (1797–1801 гг.) Джон Куинси Адамс – шестой президент США (1825–1829 гг.) Отец и сын
Гаррисоны	Уильям Гаррисон – девятый президент США (1841 г.) Бенджамин Гаррисон – двадцать третий президент США (1889–1893 гг.) Дед и внук
Рузвельты	Теодор Рузвельт – двадцать шестой президент США (1901–1909 гг.) Франклин Рузвельт – тридцать второй президент США (1933–1945 гг.) Троюродные братья
Буши	Джордж Буш (старший) – сорок первый президент США (1989–1993 гг.) Джордж Буш (младший) – сорок третий президент США (2001–2009 гг.) Отец и сын

Помимо указанных, в американском обществе существуют и такие политические династии, один из членов которых занимал президентскую должность, а другие баллотировались на пост, но не были избраны, например, Клинтон: Х. Клинтон – жена бывшего президента США Б. Клинтона, уступила на выборах 2008 г. Б. Обаме, 2016 г. – Д. Трампу.

Существование президентских династий в США не вызывает беспокойства ее граждан. Во-первых, потому что государственные должности являются выборными и лица, претендующие на власть, должны пройти процедуру избрания. Конституция США ограничивает лишь пребывание

¹ Составлено автором.

на президентском посту одного лица, а избрание на должность членов из одной семьи законодательно не возбраняется¹. А во-вторых, потому что в американском обществе семейственность и существование кланов в политике, экономике являются нормой на протяжении всей истории независимого североамериканского государства. Поэтому существование семейственности как части ментальности американского общества может являться предпосылкой образования династий в институте президентства страны.

Доминирующими чертами американского менталитета считаются индивидуализм, работоспособность, практичность, прогрессивность, вера в свою исключительность, целеустремленность, социальную мобильность, равенство, оптимизм, а также невмешательство в частную жизнь. На наш взгляд, семейственность является частью менталитета американского общества. Под ней мы понимаем стремление членов одной семьи к объединению в рамках профессиональной сферы и сохранению в ней позиций, то есть семейственность предполагает, что члены одной семьи, достигая определенных высот в профессиональной деятельности, стремятся к тому, чтобы их родственники стали продолжателями начатого дела, тем самым образуя династии, кланы. В США семейственность ярко выражена в политической жизни и бизнесе. Например, к знаменитым экономическим кланам относятся Дюпоны, Меллоны, Рокфеллеры и Форды, которые, как определяет Ф. Ландберг, в середине XX в. считались «четырьмя главными румбами компаса в царстве сверхбогачей» (Ландберг, 1971: 249).

Если в рамках семейного бизнеса передача полномочий и состояния от одного члена семьи к другому происходит легко через процедуру наследования, то в сфере политики дела обстоят сложнее. Чтобы занять тот или иной выборный пост, необходимо баллотироваться на желаемую должность и одержать победу в конкурентной борьбе с другими кандидатами.

Однако некоторые исследователи отмечают, что в политической жизни имеет место существование семьи продвижению своих родственников на государственные должности. В этом смысле категорию семейственности связывают с непотизмом. Термин этот (от лат. *peros*, род. п. *perotis* – внук, племянник) обозначает предоставление привилегии родственникам без учета их профессиональных качеств (Терновая, 2019: 107).

В истории США имеются факты, подтверждающие наличие такого явления, как непотизм. Одним из примеров можно считать назначение вторым президентом Дж. Адамсом своего сына Дж.К. Адамса (будущего шестого президента) послом США в Пруссии (1791–1801), которого следующий президент США – Т. Джефферсон – отозвал обратно. Дж.Ф. Кеннеди сделал своего шурина Сарджента Шрайвера первым директором Корпуса Мира, а своего брата, Р.Ф. Кеннеди, назначил Генеральным прокурором США, который потом баллотировался на пост президента, но был убит. Еще одним примером может быть назначение Х. Клинтон, жены 42 президента США Б. Клинтона, председателем оперативного комитета по реформе здравоохранения. Таким образом, практикуя непотизм, семьи политиков стремятся сохранить свою власть, в том числе используя официальные полномочия.

Не всем политическим кланам удалось образовать президентские династии. Мы уже приводили пример с семьями Клинтонов, Кеннеди. Влияние фамилии не абсолютно, но дает определенное преимущество, выступая в качестве «бренда». Однако это может помочь в начале пути, а дальнейшее продвижение претендента во многом зависит от его личностных качеств, профессионализма, достижений и т. д. Например, представитель династии Рузвельтов Ф. Делано отличился в истории США тем, что успешно избирался на пост президента 4 раза во многом благодаря активной и результативной политической деятельности. Ф. Рузвельт является одним из самых знаменитых и уважаемых президентов США. Однако два его сына, хотя и относятся к фамилии-бренду, не смогли повторить успех отца. Джеймс и Франклин-младший были избраны в Палату представителей Конгресса. Но затем оба провалились на выборах в штатах: Джеймс – не был избран мэром Лос-Анджелеса, Франклин – проиграл выборы на пост губернатора Нью-Йорка. Таким образом, родственные связи в политике могут дать молодому кандидату преимущество в начале карьеры, однако это не гарантирует успеха в продвижении вверх по властной лестнице, то есть личные заслуги имеют в США больший вес, чем имя.

Родоначальником семейственности в американской большой политике можно считать Дж. Адамса – второго президента страны. С тех пор династий во власти США было множество – Тафты, Бэи, Прайеры, Гафи, Чейни, Горы, Мурковски, Пауэллы, Доулы и др. Всего, по мнению известного социолога Ч.Р. Миллса, в США правят примерно 200 больших политических семей (Миллс, 2007). К 1960 гг. в США насчитывалось около 700 семейств, образовавших династии. При этом к категории «династия» исследователь относил семьи, которые могли похвастаться тем, что двое или более их представителей когда-либо являлись членами Конгресса.

¹ The United States Constitution [Электронный ресурс] // National Constitution Center. URL: <https://constitutioncenter.org/the-constitution/full-text> (дата обращения: 29.11.2025).

Конституция Соединенных Штатов Америки требует от кандидата в президенты немногого: это должен быть гражданин не моложе 35 лет, который родился и прожил в стране не менее 14 лет¹. Это формальный набор требований, которым должен соответствовать кандидат на пост президента США. Но как показывает практика, только лишь соответствие этим цензам не гарантирует успеха. Безусловно, имидж кандидатов или создаваемый для избирателей образ имеют большое значение. Однако выборы – процедура отнюдь не бесплатная, президентские кампании в США требуют затрат, и собрать на них средства может не каждый, поэтому большую роль играет наличие необходимых денежных средств.

Кандидату на пост президента США для оплаты расходов на ведение дорогостоящей избирательной кампании необходимо либо найти спонсоров, готовых вложить в нее большие денежные средства, либо иметь личное состояние, а самым крупным источником индивидуального богатства является институт наследования. Деньги и связи издавна помогали отпрыскам состоятельных семей Соединенных Штатов Америки реализовать свои политические амбиции. К числу таковых относятся и представители президентских династий.

Однако не стоит полагать, что только личное состояние может обеспечить победу на выборах. Обычно кандидата на пост президента США выдвигает партия, поэтому крайне важно рекомендовать себя в ее рядах.

Каждый из представителей династии президентов имел политический опыт до избрания на пост главы страны. Выделим общие черты в занимаемых представителями президентских династий ключевых должностях. Вице-президентами были Дж. Адамс, Т. Рузвельт, Дж. Буш-старший. Должность сенатора занимали 4 президента: Дж.К. Адамс – от штата Массачусетс, Б.Н. Гаррисон – от Индианы, У.Г. Гаррисон – от Огайо и Ф.Д. Рузвельт – от штата Нью-Йорк. Некоторые из этих президентов были также губернаторами: Ф. Рузвельт – от того же штата Нью-Йорк, а У.Г. Гаррисон – уже от другого штата, от Индианы. Губернаторами также являлись: Т. Рузвельт – от штата Нью-Йорк и Дж. Буш-младший – от Техаса.

В соперничестве претендентов на должность президента существует фактор, который стал известен под названием «денежные праймериз». Это означает, что кандидат, собравший больше всех и раньше всех крупные денежные средства, становится ведущим кандидатом на выборах. Так, в 2000 г., когда на пост президента выдвигал свою кандидатуру Дж.У. Буш, во время республиканской кампании первичных выборов ему удалось за четыре месяца собрать 50 млн долл., поступивших от 0,03 % населения США, до первых праймериз в штате Нью-Хэмпшир, это позволило ему выиграть «денежные праймериз» и сделало кандидатом от Республиканской партии. Таким образом, еще до того, как избиратели получают возможность выбора, богатые спонсоры уже определяют, кому будет обеспечена победа.

Заключение. В американской политике при формальном равенстве возможностей разных социальных слоев и групп они обусловлены уровнем финансирования политической деятельности. Поэтому неслучайно в Соединенных Штатах Америки получил распространение афоризм «Деньги – материнское молоко политики»².

Критерий богатства – это не только вливание денег в избирательные кампании, но и обеспечение определенного уровня образования, уровня жизни и каналов коммуникации, способствующих формированию имиджа политика, который внутри партии должен быть выбран в качестве кандидата. Поэтому можно говорить о наличии связи между крупным капиталом и партиями, которые привлекают спонсоров для финансирования избирательной кампании, то есть кандидат должен в рядах партии успешно продвигать свою кандидатуру. Учитывая эти два фактора, можно сделать вывод о том, что состоятельность семей дает возможность установления контактов с определенным кругом лиц, элитой американского общества. Вероятнее всего, взаимодействующие представители разных семей знакомы еще со студенческих времен, поскольку являлись учащимися одних и тех же учебных заведений. Поэтому можно говорить о том, что династии президентов относятся к американскому истеблишменту, обладающему определенными характерными чертами.

Обозначим следующие закономерности появления феномена президентских династий в США.

1. Формированию династий в американском президентстве способствует существование семейственности как части ментальности американского общества. В исторической традиции страны сложилось так, что кланы в политике и экономике существуют с начала образования государства и воспринимаются как обычное явление, поэтому неудивительно, что династии могут образовываться и в президентстве. Но для того, чтобы семья могла удержаться на политической

¹ Конституция США 1787 // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты. М., 1993. С. 36. Ст. 2.

² Вишняков А.С. Группы интересов и финансирование президентских выборов в США, 70-е – 90-е годы XX века : дис. ... канд. полит. н. Н. Новгород, 2001. С. 190.

арене, а тем более на посту главы государства, необходимо иметь большие денежные средства, поскольку избирательные кампании требуют огромных затрат, в том числе и вложений от самого кандидата. Из этого положения вытекает вторая закономерность.

2. Экономической предпосылкой появления феномена президентских династий США является богатство их семей. Эта закономерность значительно сокращает число возможных претендентов на пост кандидата, но не только деньги являются решающим фактором. Важно изначально принадлежать к элите американского общества.

Список источников:

- Алентьева Т.В., Филимонова М.А. США в новое время: общество, государство и право. Часть 1. 1607–1828 гг. Курск, 2004. 216 с.
- Багдасарян В.Э. О реальных механизмах рекрутинга политических элит // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2010. Т. 3, № 3. С. 119–121.
- Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Властная идейная трансформация: Исторический опыт и типология. М., 2011. 344 с.
- Дай Т., Зиглер Л.Х. Демократия для элиты: введение в американскую политику. М., 1984. 164 с.
- Даль Р. Введение в теорию демократии. М., 1992. 156 с.
- Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010. 288 с.
- Зюзина Е.Б. Историческая эволюция политической элиты США // Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 3. С. 14–22.
- Иванян Э.А. Белый дом: президенты и политика. М., 1979. 383 с.
- Иванян Э.А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша: Белый дом и пресса. М., 1991. 368 с.
- Ландберг Ф. 60 семейств Америки. М., 1948. 565 с.
- Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. О подлинных правителях Соединенных Штатов Америки. М., 1971. 684 с.
- Лафитский В.И. Правовое регулирование президентских выборов в США. М., 2004. 144 с.
- Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М., 2007. 844 с.
- Охотский Е.В. Политическая элита. М., 1993. 91 с.
- Рябкова С.А. Дискуссионные проблемы теории политических элит // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 3 (68). С. 16–28. <https://doi.org/10.24158/pep.2019.3.2>.
- Согрин В.В. Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX века. М., 1995. 238 с.
- Согрин В.В. Образование североамериканского государства: новое прочтение // Новая и новейшая история. 2002. № 1. С. 18–34.
- Согрин В.В. Политическая власть в США (типологический анализ) // США, Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 7 (463). С. 21–38.
- Согрин В.В. Политическая власть в США: характер и исторические этапы // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 3–27.
- Согрин В.В. Политическая власть, демократия и олигархия в Северной Америке колониального периода // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 29–50.
- Терновая Л.О. Политический непотизм в национальном и глобальном измерениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 9 (135). С. 107–116.
- Филиппов В.В. Непотизм на государственной службе в США: противодействие коррупции // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 1 (70). С. 142–148.

References:

- Alent'eva, T. V. & Filimonova, M. A. (2004) *SShA v novoe vremya: obshchestvo, gosudarstvo i pravo. Chast' 1. 1607–1828 gg.* [The USA in Modern Times: society, State and Law. Part 1. 1607–1828]. Kursk. 216 p. (In Russian)
- Bagdasaryan, V. E. & Sulakshin, S. S. (2011) *Vlastnaya ideinaya transformatsiya: Istoricheskii opyt i tipologiya* [Power ideological transformation: Historical experience and typology]. Moscow. 344 p. (In Russian)
- Bagdasaryan, V. E. (2010) Filtration Institutes for Political Elites Recruitment. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law Kontury Global'nykh Transformatsij: Politika, Ekonomika, Pravo.* 3 (3), 119–121. (In Russian)
- Dai, T. & Zigler, L. Kh. (1984) *Demokratiya dlya elity: vvedenie v amerikanskuyu politiku* [Democracy for the Elite: an Introduction to American Politics]. Moscow. 164 p. (In Russian)
- Dal', R. (1992) *Vvedenie v teoriyu demokratii* [Introduction to the theory of democracy]. Moscow. 156 p. (In Russian)
- Dal', R. (2010) *Poliarkhiya: uchastie i oppozitsiya* [Polyarchy: participation and opposition]. Moscow. 288 p. (In Russian)
- Filippov, V. V. (2015) Nepotizm na gosudarstvennoi sluzhbe v SShA: protivodeistvie korruptsii [Nepotism in public service in the USA: Countering corruption]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii.* (1 (70)), 142–148. (In Russian)
- Ivanyan, E. A. (1979) *Belyi dom: prezidenty i politika* [The White House: Presidents and Politics]. Moscow. 383 p. (In Russian)
- Ivanyan, E. A. (1991) *Ot Dzhordzha Vashingtona do Dzhordzha Busha: Belyi dom i pressa* [From George Washington to George W. Bush: The White House and the Press]. Moscow. 368 p. (In Russian)
- Lafitskii, V. I. (2004) *Pravovoe regulirovanie prezidentskikh vyborov v SShA* [Legal regulation of presidential elections in the USA]. Moscow. 144 p. (In Russian)
- Landberg, F. (1948) *60 semeistv Ameriki* [60 families of America]. Moscow. 565 p. (In Russian)
- Landberg, F. (1971) *Bogachi i sverkhbogachi. O podlinnykh pravitelyakh Soedinennykh Shtatov Ameriki* [The rich and the super-rich. About the true rulers of the United States of America]. Moscow. 684 p. (In Russian)
- Mills, Ch. R. (2007) *Vlastvuyushchaya elita* [The ruling elite]. Moscow. 844 p. (In Russian)
- Okhotskii, E. V. (1993) *Politicheskaya elita* [Political elite]. Moscow. 91 p. (In Russian)
- Ryabkova, S. A. (2019) Debating Points of the Theory of Political Elites. *Society: Politics, Economics, Law.* (3 (68)), 16–28. Available from: [doi:10.24158/pep.2019.3.2](https://doi.org/10.24158/pep.2019.3.2). (In Russian)
- Sogrin, V. V. (1995) *Ideologiya v amerikanskoj istorii: ot ottsov-osnovatelei do kontsa XX veka* [Ideology in American History: from the Founding Fathers to the end of the 20th century]. Moscow. 238 p. (In Russian)
- Sogrin, V. V. (2001) *Politicheskaya vlast', demokratiya i oligarkhiya v Severnoi Amerike kolonial'nogo perioda* [Political power, democracy and oligarchy in North America of the colonial period]. *Modern and Contemporary History.* (1), 29–50. (In Russian)

- Sogrin, V. V. (2002) Obrazovanie severoamerikanskogo gosudarstva: novoe prochtenie [The formation of the North American state: a new interpretation]. *Modern and Contemporary History*. (1), 18–34. (In Russian)
- Sogrin, V. V. (2004) Politicheskaya vlast' v SShA: kharakter i istoricheskie etapy [Political power in the USA: character and historical stages]. *Modern and Contemporary History*. (2), 3–27. (In Russian)
- Sogrin, V. V. (2008) Political Power in the USA. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. (7 (463)), 21–38. (In Russian)
- Ternovaya, L. O. (2019) Politicheskii nepotizm v natsional'nom i global'nom izmereniyakh [Political nepotism in national and global dimensions]. *Etnosocium (Multinational Society)*. (9 (135)), 107–116. (In Russian)
- Zyuzina, E. B. (2009) Istoricheskaya evolyutsiya politicheskoi elity SShA [The historical evolution of the US political elite]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. (3), 14–22. (In Russian)

Информация об авторе

Т.Ю. Плахотник – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, социологии и политологии Омского государственного педагогического университета, Омск, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=693832

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

T.Yu. Plakhotnik – PhD in of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of General History, Sociology, and Political Science, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=693832

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 93/94(47):625.1“199”

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.29>

Дискуссии о судьбе БАМа в 1990-е гг. (по материалам местных газет)

Дмитрий Андреевич Пешков

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия,
Peshkov275@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-7919>

Аннотация. Статья посвящена детальному анализу обсуждений, развернувшихся вокруг судьбы Байкало-Амурской магистрали (БАМа) в период социально-экономических трансформаций 1990-х гг. в России. Основное внимание уделено материалам региональных и центральных изданий тех лет, отражающим взгляды разных социальных групп и политические подходы к сохранению и развитию транспортной инфраструктуры региона. Автор рассматривает ключевые аргументы сторонников продолжения эксплуатации магистрали, подчеркивая ее значение для социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока, а также критические высказывания оппонентов, отмечавших неэффективность управления проектом и отсутствие инвестиций. Анализируются публикации о состоянии железнодорожной сети, экологических проблемах, связанных с эксплуатацией дороги, и возможностях привлечения частных инвесторов. На основе обширного массива материалов местных газет и архивных данных автор проводит анализ общественного мнения, экономических стратегий и политических инициатив, связанных с перспективами развития и функционирования БАМа в постсоветский период.

Ключевые слова: Дальний Восток, перестройка, мегапроект, Байкало-Амурская магистраль

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Пешков Д.А. Дискуссии о судьбе БАМа в 1990-е гг. (по материалам местных газет) // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 227–234. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.29>.

Original article

Discussions about the Fate of BAM in the 1990s (Based on Materials from Local Newspapers)

Dmitry A. Peshkov

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern
Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia,
Peshkov275@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-7919>

Abstract. This article presents a detailed analysis of the debates concerning the future trajectory of the Baikal-Amur Mainline (BAM) during the socio-economic transformations of the 1990s in Russia. The article focuses on materials from regional and national publications of the time, reflecting the views of various social groups and political approaches to the preservation and development of the region's transport infrastructure. The author examines the key arguments of those in favor of continuing the line's operation, emphasizing its importance for the socioeconomic development of Siberia and the Far East, as well as the criticisms of opponents who noted the project's ineffective management and lack of investment. Publications on the state of the railway network, environmental issues associated with its operation, and opportunities for attracting private investors are analyzed. Based on a vast array of local newspaper materials and archival data, the author analyzes public opinion, economic strategies, and political initiatives related to the prospects for the development and operation of the BAM in the post-Soviet period.

Keywords: Far East, restructuring, megaproject, Baikal-Amur mainline

Funding: Independent work.

For citation: Peshkov, D.A. (2025) Discussions about the Fate of BAM in the 1990s (Based on Materials from Local Newspapers). *Society: Philosophy, History, Culture.* (11), 227–234. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.29](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.29) (In Russian).

Введение. Байкало-Амурская магистраль – последняя крупная стройка социализма, которая должна была придать мощный толчок развитию экономики Советского Союза. К северу от Транссибирской магистрали должна была быть проложена железная дорога – от поселка Усть-Кут, огибая озеро Байкал с севера, до Тынды и на восток до Комсомольска-на-Амуре – протяженностью более 4000 километров. Сама идея мегапроекта БАМа заключалась в строительстве не

только железной дороги, но и в возведении добывающих и обрабатывающих предприятий, а также в развитии городов и поселков.

Споры о судьбе БАМа ведутся до сих пор. Многие продолжают говорить, что магистраль была не нужна стране, что средства, потраченные на ее строительство, могли быть направлены на совершенно другие цели, а само решение о строительстве было продиктовано только военно-стратегическими целями. Нередко критики БАМа делают отсылку к прошлому магистрали, говоря о ней как об одном из символов массовых репрессий 1930-х гг., когда она строилась руками заключенных БАМлага.

В то же время, как нам кажется, сами бамовцы продолжают оставаться в определенной обиде на власть, считая незаслуженно забытой стройку. Одним из самых главных моментов, который современные бамовцы считают несправедливым, является разделение Байкало-Амурской железнодорожной магистрали на два участка с последующей передачей их Восточно-Сибирской и Дальневосточной железным дорогам. Фактически до 1984 г. БАМ существовал как грандиозная стройка, новости о которой не сходили с первых полос газет как всесоюзной, так и местной печати. Для граждан, получивших дом и работу благодаря стройке, будущее виделось в работе магистрали на благо экономики страны.

Историография рассматриваемой проблемы отражена в работах различных историков и экономистов.

А.В. Савватеев исследовал проблемы развития новых хозяйственных комплексов, возникших в районе строительства БАМа¹.

А.В. Лаврентьев² и А.Б. Бардаль (Бардаль, 2017) рассматривали развитие дальневосточной транспортной системы, ее значение в период радикальных общественных изменений.

А.А. Кин анализировал причины, по которым магистраль так и не заработала на полную мощность и стала убыточной (Кин, 2014).

С.Г. Коваленко рассматривала отношение российской политической элиты, как региональной, так и центральной, а также экспертного сообщества к строительству БАМа в конце 1980–1990-е гг. (Коваленко, 2024).

Отношение к проблеме самих бамовцев, переживавших кризис вместе с магистралью, слабо отражено в научной литературе.

В рамках данной статьи ставится цель проанализировать, как рассматривалась в периодической печати судьба магистрали в условиях меняющейся страны, как сами бамовцы видели свое будущее в период, когда последняя стройка страны превращалась в обузу для экономики нового государства.

Источниковую базу исследования составили материалы газет, выпускавшихся в зоне Байкало-Амурской магистрали в 1990-е гг.: «БАМ», «Авангард», «Мосты магистрали».

Газета «БАМ» – центральный печатный орган на «стройке века» начиная с 1978 г. Она являлась органом Главбамстроя, дирекции строительства БАМа, профсоюза дорожных строителей БАМа. На ее страницах публиковались статьи, посвященные трудовым подвигам транспортных строителей, эксплуатационников и др.

Газета «Авангард» – орган Тындинского горкома КПСС, городского и районного совета депутатов трудящихся Амурской области, выпускавшаяся с 1935 г. Будучи главным печатным органом «столицы БАМа», она представляла вниманию читателей статьи и заметки, посвященные не только достижениям, связанным со строительством железной дороги, но и вопросам, касавшимся возведения Тынды и прилегавших к ней станций-поселков. В то же время, будучи местным органом печати, газета публиковала письма читателей, присылавшиеся в редакцию, в которых жители обращали внимание на те или иные проблемы города.

«Мосты магистрали» – печатный орган мостового треста «Мостострой-10», главная газета мостовиков БАМа, издававшаяся с 1978 г. На ее страницах нашли отражение не только трудовые успехи мостостроителей, но и также различные стороны их быта, досуга и т. д.

Перечисленные периодические издания с конца 1980-х по конец 1990-х гг. публиковали материалы, посвященные коренным изменениям, с которыми столкнулись бамовцы в непростой для страны период, а также содержащие различные предложения и идеи, способные, по мнению заинтересованных лиц, «реанимировать» дорогу и грузоперевозки по ней.

Помимо периодических изданий, источниковую базу настоящего исследования составили архивные материалы фондов Р-2021 «Управление Байкало-Амурской железной дороги имени Ленинского комсомола» и П-35 «Хабаровский краевой комитет КП РСФСР» Государственного архива Хабаровского края.

¹ Савватеев А.В. Оценка и сравнение стратегий развития новых хозяйственных комплексов (на примере «региона БАМ») : автореф. дис. ... канд. экон. н. Новосибирск, 1998. 20 с.

² Лаврентьев А.В. Развитие транспорта на Дальнем Востоке России в условиях общественного реформирования (середина 1980-х годов – начало XXI века) : дис. ... д-ра ист. н. Владивосток, 2017. 408 с.

В работе использовался проблемно-хронологический метод, позволивший проследить динамику изменения взглядов общественности и властей относительно дальнейшей эксплуатации и модернизации транспортной артерии в условиях социально-экономической нестабильности начала постсоветского периода. Применялся метод контент-анализа, подразумевающий поиск на страницах газет информации по ключевым словам с целью определения актуальных тем, отражавшихся в материале публикаций.

Основная часть. В декабре 2023 г. во время прямой линии с президентом Российской Федерации В.В. Путиным журналист газеты «Амурская Правда» И. Ворошилова от лица ветеранов строительства магистрали задала вопрос о возможности возвращения БАМа в эксплуатацию как самостоятельной железной дороги в канун юбилея начала строительства и укладки Золотого Звена магистрали. Глава государства, отвечая на этот важный вопрос, заявил: «Я впервые слышу, что такая проблема существует, что он разделен между участками дороги. Мне руководитель РЖД никогда не говорил, что такая проблема есть. Я со всеми переговорю. Если они считают, что необходимо объединять, то пусть, я не против. <...> Минтранс должен это инициировать, никогда никто не ставил такого вопроса. И с министром Савельевым переговорю, и с главой ОАО «РЖД». Поможет ли это новому строительству? Я не очень понимаю, каким образом. Там постоянно у них, извините за моветон, “терки” идут. Этим занимается вице-премьер Хуснуллин. Все цели будут достигнуты. Обещаю вам, что посмотрю на это. Я просто в первый раз слышу, что такая проблема существует. Если она от бамовцев исходит, надо с уважением к этому отнестись. А юбилей БАМа мы, конечно, должны достойно отметить»¹.

Советское правительство подходило комплексно к строительству БАМа. Само по себе магистраль должна была стать только первым этапом развития региона. Впоследствии вокруг нее предполагалось возвести добывающие и обрабатывающие предприятия, а сама дорога осознавалась «хребтом», обеспечивающим перевозку грузов к портам Дальнего Востока.

Не будучи еще введенной в постоянную эксплуатацию, магистраль уже оказывала значительное экономическое влияние на Советский Союз: по участку Бам – Тында – Беркамит осуществлялась транспортировка якутского угля из Нерюнгринского месторождения к Транссибу.

Важной задачей БАМа также являлась интенсификация торговли СССР со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Советское правительство рассматривало перспективы транспортировки нефти из западных регионов в порты Советская Гавань, Восточный и другие. Освоение богатых природных ресурсов, находившихся в зоне влияния БАМа, определялось масштабной программой 1980 г., предусматривавшей создание предприятий угольной, цветной и черной металлургии, а также деревообрабатывающей промышленности, использующих местные ресурсы и полезные ископаемые².

Комплексный план развития производительных сил Дальнего Востока 1987 г. ставил целью завершение строительства Амуро-Якутской магистрали, примыкавшей к БАМу, к 2000 г., а также электрификацию Транссибирской магистрали и участков ее соединения с БАМом. Однако с распадом Советского Союза финансирование этих работ было фактически прекращено, и дальнейшая реализация планов была остановлена (Бардаль, 2017: 107).

С началом перестройки проект Байкало-Амурской магистрали подвергся активной критике в обществе. Велись обсуждения о его экономической целесообразности для страны. Официальное открытие магистрали в 1984 г., совпавшее с началом серьезных изменений в политической, экономической и социальной сферах страны, оказало влияние на общественное восприятие этого крупного проекта, инициатором которого был Л.И. Брежнев.

Переход на самокупаемость коснулся не только БАМа, но и многих других промышленных секторов. Существенное урезание государственного финансирования, выделяемого на развитие магистрали, оказало прямое влияние на работу строительных бригад. В результате было приостановлено возведение Северо-Муйского тоннеля, а также прекратились работы по строительству Амуро-Якутской железнодорожной линии, призванной соединить Якутск с БАМом и Транссибирской магистралью.

Начальник Главбамстроя в 1986–1989 гг. Е.В. Басин вспоминал, как с началом перестройки изменилось отношение к бамовцам: от прежнего уважения участников «стройки века» общественность перешла к прямой их критике и т. д. Для новой власти БАМ был прямым свидетельством эпохи застоя, с которым нужно бороться. Для поиска различных злоупотреблений из

¹ Жариков Е. Владимир Путин: Инициировать воссоздание БАМа как отдельной железной дороги должен Минтранс России [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2023. 14 декабря. URL: <https://www.amur.kp.ru/daily/27594/4866117/> (дата обращения: 24.12.2024).

² Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-35. Оп. 107. Д. 623. Л. 13.

Москвы в Тынду постоянно направлялись различные комиссии. По подсчетам Е.В. Басина, за период всего в 4 года на магистрали побывали 33 различных комиссии¹.

Подобное мнение разделяли и сами бамовцы, написавшие открытое письмо М.С. Горбачеву, Н.И. Рыжкову, Ю.Д. Маслюкову. «Так и хочется спросить, где же вы были раньше, товарищи, со своими сомнениями, почему не высказывали их, когда правительством принималось решение о начале строительства магистрали? Мы считаем, обсуждать сегодня этот вопрос уже поздно: БАМ почти построен. И надо думать о том, как эту дорогу эффективно использовать»².

Уже в 1990 г. отмечалось, что дорога приносит убытки. В качестве причин назывались следующие:

- неправильный учет тонно-километров, когда поезда, следующие по БАМу, впоследствии уходят на другие железные дороги (Московскую, Октябрьскую и т. д.), в результате чего последние получают полную оплату;

- качество подвижного состава, что повышает себестоимость перевозок;

- непарный график прохождения составов, при котором грузовые составы с востока на запад зачастую шли пустыми, однако требовали обеспечения обслуживания и безопасности движения³.

В майском выпуске газеты «БАМ» за 1990 г. была представлена важная публикация от Е.В. Басина, главы ППСО «Бамтрансстрой», под названием «О суверенитете РСФСР, новом союзном договоре и механизме народовластия»⁴. В данной статье акцентировалось внимание на том, как меняющаяся обстановка влияет на вопросы, связанные с Байкало-Амурской магистралью. Несмотря на создание важной транспортной артерии, способствующей развитию обширного региона и приносящей значительные выгоды, оставался открытым вопрос о приоритетности этой дороги: для всего Советского Союза или для Российской Федерации? Е.В. Басин предлагал, чтобы республики, заинтересованные в получении продукции из зоны БАМа, равноценно инвестировали в развитие этой территории. В связи с возникшими сложностями, такими как ухудшение снабжения и простой огромного коллектива транспортных строителей численностью 100 тысяч человек, которые могли бы быть задействованы в освоении зоны БАМа, Е.В. Басин призывал к переосмыслению статуса магистрали. Он считал, что превращение БАМа в свободную экономическую зону могло бы привлечь иностранные инвестиции для дальнейшего развития Сибирского региона⁵.

С переходом на самофинансирование, строительные подразделения БАМа столкнулись с проблемой невозможности обеспечивать на должном уровне свои поселки, строить новое жилье. Уже в 1990 г. работники треста «Центробамстрой» обратились к органам власти с требованием принятия мер по социальному обеспечению строителей, включая жилье, детские сады, школы, больницы⁶.

Большое воодушевление среди бамовцев вызвало соглашение республики Саха с южнокорейской компанией «Хендэ» о разработке Эльгинского месторождения угля. В нем «Бамтрансстрой» выступил как партнер, которому предстояло построить железнодорожную ветку от станции Зейск до озера Большое Токо протяженностью 347 километров. Подобный проект освоения природных богатств зоны БАМа вселял надежду в возможность дальнейшего развития производств на юге Якутии, что означало новые рабочие места, движение грузов по БАМу, выделение средств для развития инфраструктуры⁷.

В мае 1991 г. председатель дорпрофсожа БАМ ЖД А.Г. Борисов обратился с открытым письмом к председателю кабинета министров СССР В.С. Павлову, в котором заявил о проблемах, возникших у бамовцев в сложных политических условиях, сложившихся в стране. В частности, были затронуты проблемы снижения темпов строительства и введения в эксплуатацию новых домов, обветшания существующего жилищного фонда, невозможности социальных выплат железнодорожникам. Был выдвинут ряд требований, касавшихся улучшения жизни жителей поселков магистрали⁸.

На фоне снижения нагрузки на магистраль, сопровождавшейся падением доходов и сворачиванием строительства не только объектов социальной инфраструктуры, но и некоторых объектов на самой железной дороге, многие стали говорить о роли магистрали в их жизни. Высказывалось

¹ Аварии, награды и новые города. 45 лет назад началось строительство БАМа [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6617265> (дата обращения: 24.12.2024).

² БАМ. 1989. 13 мая.

³ Долги не прощаются // Там же. 1990. 16 мая.

⁴ Басин Е.В. О суверенитете РСФСР, новом союзном договоре и механизме народовластия // Там же. 1990. 25 мая.

⁵ Там же.

⁶ Это нужно не только нам // Там же. 1990. 13 июля.

⁷ «Хендэ» – «Бамтрансстрой». // Там же. 1990. 7 декабря.

⁸ Председателю кабинета министров СССР Павлову В.С. // Там же. 1991. 1 мая.

прямое разочарование тем, что БАМ, несмотря на громкие лозунги и масштабные планы, так и не смогла обеспечить перспективы своим строителям¹.

Местная пресса напрямую указывала на причины, вызывавшие отток населения с региона БАМа:

- снижение обеспеченности товарами;
- потери преимуществ в зарплате, по сравнению с западными регионами;
- отмена льготы на приобретение автомобиля;
- потеря уверенности в сохранении брони квартиры по месту постоянного проживания ввиду «парада суверенитетов»².

19 декабря 1991 г. прошла встреча президента России Б.Н. Ельцина с руководителями Дорпрофсожей и начальниками железных дорог России. В ходе нее министр транспорта России заверил, что БАМ включен в список строек, финансирующихся из республиканского бюджета. Москва обещала железнодорожникам поднять зарплаты, решить вопрос с продовольственным снабжением, сохранить все льготы, взять на финансирование ведомственные социальные объекты. В обмен от железнодорожников попросили не предпринимать в течение 3–4 месяцев каких-либо действий, дестабилизирующих работу железных дорог. Важно отметить, что одной из причин проведения данной встречи были забастовки, осуществленные работниками Забайкальской и Восточно-Сибирской железных дорог³.

После распада СССР БАМ оказался не единственной стройкой, лишившейся финансирования. Знаковым объектом, символизовавшим незавершенность стройки, был Северо-Муйский тоннель, для обхода которого был проложен путь, известный как «Чертов мост», однако помимо тоннеля не была завершена электрификация железной дороги, проложены вторые пути на многих участках и т. д., что должно было обеспечить планировавшуюся пропускную способность железной дороги.

Важным вопросом, который волновал бывших строителей магистрали, была судьба обещанных после окончания строительства БАМа проектов. Сама по себе магистраль должна была стать своеобразным «скелетом», вокруг которого впоследствии планировали реализовать и другие промышленные и транспортные проекты. Так, например, уже в 1992 г. мостостроители начали напрямую говорить, что те стройки, ради которых они согласились остаться жить в суровых районах Крайнего Севера, стали бесперспективными для власти. В условиях сворачивания проектов строительства железной дороги до Якутска начался отток рабочих кадров из поселков. Фактически мостовики говорили о том, что в условиях повышения цен и отсутствия работы они будут вынуждены расформировывать коллективы⁴.

Согласно постановлению Правительства Российской Федерации, от 044 января 1992 г. «О мерах по завершению строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМа) и сооружению железнодорожной линии Беркалит – Томмот – Якутск»⁵, предполагалось регулярное финансирование работ по строительству железнодорожных путей. Тем не менее документ не получил адекватной финансовой поддержки. В 1992 г. объем поступивших средств достиг 77 % от установленного годового объема, в 1993 г. – 73 %, а в 1994 г. произошло его снижение до 57 %⁶.

Другой проблемой, с которой столкнулись бамовцы, стала невозможность получения тех льгот, которые им полагались. Например, целевых чеков, по которым они могли получить автомобили. Так, в газете «БАМ» от 20 января 1995 г. была опубликована заметка о судебном иске жительницы города Северобайкальска к правительству России об отоваривании целевого чека 1992 г. на покупку автомобиля. Данный прецедент поднял важный вопрос: если России достался такой ценный актив, как БАМ, который она планирует в дальнейшем экономически использовать, то почему она не обеспечивает строителей магистрали полагающимися еще с 1980-х гг. льготами и компенсациями? Бамовцы заслуживают достойного вознаграждения за свой тяжелый и часто опасный труд, который принес России значительные экономические блага⁷.

БАМ, как известно, проходил в непосредственной близости от границы Амурской области и республики Саха (Якутия). В 1992 г. Якутия закрыла въезд на свою территорию для жителей других регионов без особого разрешения. 9 марта данное решение привело к конфликту между

¹ Лицом к правде // Там же. 1991. 27 сентября.

² Лицом к правде // БАМ. 1991. 27 сентября.

³ Мы нашли поддержку в правительстве... // Там же. 1991. 20 декабря.

⁴ Судьба притрассовых поселков // Мосты магистрали. 1992. 17 марта.

⁵ О мерах по завершению строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМа) и сооружению железнодорожной линии Беркалит – Томмот – Якутск : Постановление Правительства РФ от 04.01.1992 № 20 (с изм. от 07.06.2001) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 173.

⁷ Под лежачий камень вода не течет // БАМ. 1995. 20 января.

Тындинским и Нерюнгринскими районами¹. Жители Тынды часто посещали Нерюнгри, в том числе для дальнейшего отправления воздушным транспортом (в Нерюнгри имелся аэропорт, способный осуществлять рейсы в Москву). С новыми правилами подобная возможность у них исчезла, и желавшим отправиться самолетом приходилось добираться около 100 километров до Благовещенска.

В феврале 1993 г. в газете «БАМ» выходит статья «Амуро-Якутский конфликт», в которой говорилось о том, что на границе Якутии и Амурской области выставлены таможенные посты. Сотрудникам якутской милиции было поручено проверять выезжающие машины, сливать горючее, взимать плату за въезд в республику, проверять наличие пропусков, виз, приглашений². Только в марте 1993 г. было достигнуто решение, которое позволило жителям Амурской области находиться на территории Нерюнгринского района до 7 дней без обязанности регистрироваться в органах МВД республики³.

Уже в 1994 г. среди бамовцев начались разговоры о выделении зоны магистрали в отдельный регион. Г. Сороковников, один из пионеров БАМа, прибывший на стройку в составе комсомольского отряда им. XVII съезда ВЛКСМ в 1974 г., будучи начальником производственно-технического отдела акционерного общества «Бамстрой», писал: «А то, что дорога не загружена, не ее вина. Виновные сидят не здесь, а в столице государства Российского... Идет борьба за власть, за сферы влияния, за собственность... Почему бы нам не создать в зоне БАМа территориальный орган, пригласить иностранных инвесторов и что-то самим предложить»⁴. Фактически он говорил о желании бамовцев создать новый регион на карте России, объединив территории, через которые пролегла магистраль, чтобы самостоятельно определять ее судьбу.

В канун празднования 20-летия начала строительства БАМа вновь возобновились разговоры о судьбе проекта. Начальник Байкало-Амурской железнодорожной магистрали С.М. Бабаев обращает внимание на то, что для достраивания важной для БАМа Амуро-Якутской магистрали нужны средства, которые есть у Якутии, однако необходимо вмешательство государства. Выделение средств, а также регулирование строительства Министерством путей сообщения позволили бы сохранить рабочие коллективы, которые бы «освоили Север»⁵.

Одной из причин убыточности БАМа продолжала являться высокая дебиторская задолженность предприятий, осуществлявших отправку грузов по железной дороге. К июлю 1995 г. она составила 75 млрд рублей. Начальник БАМ ЖД сетовал на то, что невыплата долгов тормозит развитие дороги, не позволяет содержать технику, строить социальные учреждения и жилье⁶.

В 1995 г. было создано акционерное общество «Баминвест». Его цель состояла в привлечении инвестиций по разработке полезных ископаемых в зоне магистрали – Чинейского месторождения титано-магнетических руд в Читинской области, Эльгинского месторождения угля в Якутии. Руководитель Баминвеста Н.С. Березовский в июле 1998 г. также предлагал принять ряд законодательных актов, которые бы позволили сформировать на БАМе свободную экономическую зону, привлекательную для инвесторов своим налоговым и таможенным режимом⁷.

Стремясь показать перспективы БАМа, управление дороги опубликовало «Программу по дальнейшему развитию реформ и укрепления экономики и технической базы Байкало-Амурской железной дороги в 1996 г. и на период до 2000 года». В документе были отражены основные показатели дороги, инновационная деятельность, планы на строительство объектов социальной сферы⁸.

1996 г. стал роковым для БАМа. Аргументируя свои действия высокой убыточностью дороги, снижением количества проходящих по ней составов, Министерство путей сообщения России приняло кардинальное решение о реорганизации объекта «в связи с прекращением выделения государственных капитальных вложений на строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали». 19 августа Северобайкальское отделение было передано Восточно-Сибирской железной дороге. 15 ноября – реорганизована Дирекция строительства БАМа. 20 ноября – издано постановление Правительства о присоединении БАМа к Дальневосточной железной дороге⁹.

Администрация Амурской области направила многочисленные обращения министру путей сообщения, в которой высказывались серьезные опасения о судьбе магистрали. Ответ министра

¹ Дмитриев И. «Два десятка президентов» 30 лет назад регионы России один за другим объявляли о независимости. Чего и как они добивались? [Электронный ресурс] // Лента.ру. 2020. 5 октября. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/10/05/sovereign/> (дата обращения: 28.11.2025).

² Амуро-Якутский конфликт? // БАМ. 1993. 26 февраля.

³ Достигнуто перемирие // Авангард. 1993. 13 марта.

⁴ Спецрейс на восток // БАМ. 1994. 29 апреля.

⁵ БАМу нужна политика государственного протекционизма // Там же. 1994. 5 августа.

⁶ Нужны «живые» деньги // Там же. 1995. 14 июля.

⁷ Курс – на увеличение грузоподъемности // Авангард. 1998. 2 июля.

⁸ ГАХК. Ф. Р-2021. Оп. 2. Д. 1000. Л. 4-14 об.

⁹ Там же. Д. 1004. Л. 11-11 об., 30, 32–32 об.

был лаконичен: «Дальневосточная железная дорога и МПС России примут посильное участие в развитии экономики региона»¹.

В 1998 г. о судьбе дороги высказался начальник Дальневосточной железной дороги А. Стрельник: «Пока БАМ остается для Транссиба убыточным... Подсчитано, что дорога станет рентабельной, если в ее зоне построить мощности на 20 миллионов тонн годовой продукции. Уже прорабатывается по крайней мере 5 проектов подхода к сырьевым ресурсам зоны. Имеются в виду, например уникальные месторождения цветных металлов Удокана... В частности, нужен закон, уточняющий отношение государства к этой магистрали. Такой закон уже готовится»².

В марте 1999 г. на фоне визита министра путей сообщения России Н.Е. Аксененко в Хабаровск бамовцам вновь дали надежду. «Загрузкой БАМа занимаются в министерстве постоянно... К 2005 г. БАМ заработает на полную мощность. По расчетам специалистов министерства, цифра перевозимых грузов к этому времени достигнет 20 млн тонн. Лучшего для дороги и желать не надо»³. «По нашей инициативе правительство приняло уже два постановления, а в Госдуме лежит проект закона по БАМу... Смысл этих документов – создать условия для большей инвестиционной привлекательности здешнего региона»⁴.

Заключение. Таким образом, сделав обзор публикаций газет, выходивших на БАМе в 1990-е гг., мы можем говорить, что на протяжении всего десятилетия велись дискуссии о необходимости этой магистрали для России. В статьях отмечалось что загрузка ее напрямую зависит от дальнейшего расширения проекта, возведения вокруг дороги новых предприятий и строительства железных путей. В то же время движение грузов по магистрали являлось залогом высокого уровня жизни местного населения. Реорганизация дороги как самостоятельного юридического лица стала логичным итогом отсутствия государственного финансирования проекта. Для людей, считавших БАМ не просто магистралью, а частью жизни, связанной с надеждами на определенный уровень достатка и взаимоотношений, подобное решение стало настоящим ударом, разрушением последних надежд на то, что Байкало-Амурская магистраль будет основой для новой Сибири.

Список источников:

Бардадь А.Б. Транспортный комплекс России в период реформ: дальневосточный ракурс // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 100–129. <https://doi.org/10.14530/se.2017.4.100-129>. EDN ZXXWWT.

Кин А.А. Регионально-транспортный мегапроект БАМ: уроки освоения // Регион: экономика и социология. 2014. № 4 (84). С. 55–72.

Коваленко С.Г. Отношение российской политической элиты и экспертного сообщества к мегапроекту БАМ (конец 1980-х – 1990-е гг.) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2024. Т. 45. С. 63–74. <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2024-45-63-74>. EDN ZCKBOQ.

References:

Bardal, A. B. (2017) Transport in Russia during Reforms: the Far Eastern Viewpoint. *Spatial Economics*. (4), 100–129. Available from: [doi:10.14530/se.2017.4.100-129](https://doi.org/10.14530/se.2017.4.100-129). EDN ZXXWWT. (In Russian)

Kin, A (2014) The Baikal-Amur Regional and Transport Megaproject: Lessons from Exploitation. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*. (4 (84)), 55–72. (In Russian)

Kovalenko, S. G. (2024) The Attitude of the Russian Political Elite and the Expert Community to the Bam Megaproject (Late 1980s – 1990s). *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*. 45, 63–74. Available from: [doi:10.24412/2658-5960-2024-45-63-74](https://doi.org/10.24412/2658-5960-2024-45-63-74). EDN ZCKBOQ. (In Russian)

Информация об авторе

Д.А. Пешков – младший научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1117457

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

D.A. Peshkov – Junior Research Fellow at the Department of Socio-Political Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

¹ Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 143.

² Что говорят о БАМе? // Авангард. 1998. 1 декабря.

³ Перспектива загрузки магистрали реальная // Авангард. 1999. 16 марта.

⁴ Самый короткий путь к земным кладовым // Там же. 1999. 25 марта.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1117457

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 94(571.54)“1920/30”

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.30>

**Роман Д. Батожабая «Горные орлы»
как дополнительный источник исследования биографии П.П. Данчинова**

Алина Эдуардовна Будаева

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия,
90210alina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-1625-7823>

Аннотация. Работа посвящена последнему роману писателя Д. Батожабая «Горные орлы», который рассказывает о событиях Гражданской войны и Революции в Байкальском регионе. Исторический роман был создан на основе реальных событий прошлого и представляет интерес в качестве дополнительного материала для исследования. В ходе работы осуществлен анализ произведения, собран дополнительный материал и выявлено пересечение судеб М.Н. Ербанова и его супруги С.Я. Ербановой, П.П. Данчинова и его дочери М.П. Данчиновой, писателя Д. Батожабая, его вдовы Л.Б. Батожабай, а также поэтессы и биографа супругов Батожабай Г.Ж. Раднаевой. Кроме того, подчеркнута их преемственность в важной продуктивной общественно-профессиональной деятельности и отмечено значение наследия писателя в современное время.

Ключевые слова: история, история Республики Бурятия, Гражданская война, комсомольская работа, экономисты Бурятии, Госплан БМ АССР, П.П. Данчинов, Д. Батожабай

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Будаева А.Э. Роман Д. Батожабая «Горные орлы» как дополнительный источник исследования биографии П.П. Данчинова // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 235–242. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.30>.

Original article

**Novel by D. Batozhabay “Mountain Eagles”
as an Additional Source of Research on the Biography of P.P. Danchinov**

Alina E. Budaeva

Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russia,
90210alina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-1625-7823>

Abstract. This study focuses on the final novel written by the author D. Batozhabay, “Mountain Eagles”, which narrates the events of the Civil War and the Revolution in the Baikal area. The historical novel, grounded in authentic historical occurrences, holds significance as a complementary resource for biographical inquiry. During the study, the work was analyzed, additional material was collected, and the intersection of the destinies of M. Erbanov and his wife S. Erbanova, P. Danchinov and his daughter M. Danchinova, writer D. Batozhabay, his widow L. Batozhabay, and poetess and biographer of the Batozhabay spouses G. Radnaeva was revealed. Their continuity in significant productive social and professional activities is also emphasized, and the significance of the writer’s legacy in modern times is noted.

Keywords: history, history of the Republic of Buryatia, Civil War, Komsomol work, economists of Buryatia, State Planning Committee of the Buryat-Mongol ASSR, P. Danchinov, D. Batozhabay

Funding: Independent work.

For citation: Budaeva, A.E. (2025) Novel by D. Batozhabay “Mountain Eagles” as an Additional Source of Research on the Biography of P.P. Danchinov. *Society: Philosophy, History, Culture.* (11), 235–242. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.30](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.30) (In Russian).

Введение. Проводимые ранее исследования чаще фокусировались на масштабных общественных процессах и зачастую осуществлялись на основе архивных данных. В настоящее время «изучение исторического процесса без исследования духовно-нравственного наполнения эпохи, отраженной в мыслях людей, их чувствах, эмоциях и поступках, будет неполным и ограниченным, поэтому применение художественной литературы в качестве дополнительного исторического источника позволит создать комплексную картину исследуемого периода» (Смолякова, 2022: 63). Данная работа демонстрирует попытку рассмотреть биографию и вклад выдающихся личностей своего времени с помощью художественного произведения соответствующего периода.

В настоящее время наблюдается недостаточная исследованность процессов подготовки технических специалистов в формате автономной республики. Особый научный интерес представляет поколение экономистов нового типа, ориентированное на глобальные преобразования республиканской инфраструктуры. В связи с этим *актуальность* исследования обусловлена тем, что изучение биографических и профессиональных характеристик Прокопия Павловича Данчинова – советского экономиста, общественного деятеля – может способствовать углублению понимания особенностей формирования кадрового потенциала в данном контексте.

Исторический роман Даширабдана Одбоевича Батожабая «Горные орлы»¹ («Уулын бүргэд»), впервые опубликованный в журнале «Байкал» в 1975 г., дает возможность проанализировать истоки формирования личности П.П. Данчинова и сделать ретроспективный обзор. Кроме этого, в рамках рассматриваемой темы анализируется источниковая база с архивными данными, личными воспоминаниями, фотографиями из семейного архива, телевизионным сюжетом студии БГТРК и др.

Цель статьи – на основе обработки информации из романа Б. Батожабая «Горные орлы» получить дополнительные сведения о становлении личности специалиста нового Советского государства, рассмотреть в перспективе влияние персоналии на экономическое развитие региона. Для этого мы постарались выявить факторы, связанные с указанным романом Д.О. Батожабая – символом национальной (региональной) культуры. Исследовательский интерес вызван и масштабным мультимедийным проектом 2021 г. Республиканской детско-юношеской библиотеки Республики Бурятия «Весь Батожабай» (Дашанимаева, 2023: 120). *Новизна* исследования заключается в том, что роман Б.О. Батожабая «Горные орлы» помогает глубже понять условия формирования нового типа советского человека с высшим техническим образованием в условиях национальной республики периода 1920–1930 гг. и проанализировать последствия влияния этих людей на следующие поколения.

Обзор литературы. Вопрос использования в историческом исследовании художественной литературы изучали В.П. Смолякова (2022), С.А. Дорофеева (2024), Н.В. Дашкова (2015) и другие отечественные авторы. Анализом различных точек зрения на события и участников Гражданской войны в Советской России, исследованием ее причин и последствий занимались С.Д. Морозов (2023); М.А. Капаев, О.В. Лясова (2024) и др. В зарубежных изданиях исследовательский интерес к событиям периода Гражданской войны сохраняется, прошедшие события с позиции современности оценивали Н. Хишигт (2011), М.В. Петкович (Petković, 2004), Э.Ф. Зимке (Ziemke, 2019) и др. В ходе работы мы опирались на диссертационные работы Г.Д. Басаева², А.А. Елаева³, П.А. Новикова⁴, А.В. Сушко⁵, В.В. Номогоевой⁶, статью Д.А. Николаевой (2025) и др.

Методология и методы. В исследовании использованы архивные данные, авторский полево́й материал, сведения из СМИ и литературное произведение Д.О. Батожабая «Горные орлы». Применялись общенаучный, историко-сравнительный методы, историко-системный подход. Сделан сравнительный анализ взаимосвязи между разными поколениями.

Результаты исследования. Последний роман бурятского писателя Д.О. Батожабая «Горные орлы», рассказывающий о событиях Гражданской войны и Революции в этнической Бурятии, был издан в 1978 г. в московском издательстве «Современник» Государственного комитета Совета министров РСФСР и Союза писателей РСФСР. Среди персонажей романа – как вымышленных, так и реальных – фигурирует Прокопий Данчинов – собирательный образ молодого человека нового поколения. Произведение дает возможность глубже понять историю становления личности реального П.П. Данчинова. О юношеских годах прототипа героя романа известно следующее. Он родился в 1904 г. в улусе Одисса Аларской волости Иркутской губернии. Родители – Павел Норжонович Данчинов и Мария Изыкеевна (в дев. Багахинова) – занимались крестьянским хозяйством, воспитали четырех детей (Николаева, 2025: 79).

П.П. Данчинов учился в Зунгарской школе, которая была открыта в 1867 г. как Мариинская бурятская женская школа на деньги мецената М.М. Ашедуева при активном содействии его супруги Моксон Ашедуевой. Спустя некоторое время школа стала смешанной церковно-приходской

¹ Батожабай Д.О. Горные орлы. М., 1978. 272 с.

² Басаев Г.Д. Политическая история Республики Бурятия в 20–30-е гг. и роль в ней М.Н. Ербанова : дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1998. 449 с.

³ Елаев А.А. Исторический процесс становления, развития и самоопределения бурятского народа : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 520 с.

⁴ Новиков П.А. Вооруженная борьба в Иркутской губернии и Забайкальской области: декабрь 1917 г. – август 1921 г. : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 390 с.

⁵ Сушко А.В. Процессы суверенизации в Сибири (февраль 1917 – 1923 г.) : дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2010. 658 с.

⁶ Номогоева В.В. Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920–1930-е гг. (на материалах Республики Бурятия) : дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 402 с.

и таким образом сменила источник финансирования (Алтаева, 2018: 25). Учебное заведение смогло сохранить просветительские традиции, заложенные народным учителем, исследователем и автором первого бурятского словаря Никодем Семеновичем Болдоновым (1833–1899 гг.) (Алтаева, 2018: 24). «Хотя снабжение учебной литературой миссионерских школ в отличие от школ государственных финансировалось хуже, так как вторые получали ее в централизованном порядке по каналам своих ведомств, школа в Зунгаре в начале XX в., как известно, приобретала центральные журналы “Родина”, “Нива”, “Сельский вестник”, а также приложение к “Иностранной литературе”. Школа заслуженно пользовалась хорошей репутацией, была положительно отмечена попечителем Харьковского учебного заведения П. Соколовским» (Павлова, 2016: 24). Несомненно, что уникальная школа повлияла на становление личности П.П. Данчинова. Отметим, что проходило оно в сложный период 1920-х гг., когда глобальные изменения коснулись буквально каждого человека, а общественно-политические процессы формировали поколение будущих лидеров.

Именно эти процессы, предреволюционное, революционное время и Гражданскую войну, зафиксировал в своем последнем романе «Горные орлы» Д.О. Батожабай. В нем бурятский писатель отмечал влияние на общественно-политическую жизнь событий вокруг Ленских золотых приисков, открытия Транссибирской магистрали и Черемховского угольного бассейна. Территориально роман охватывает большие пространства: Северный архангельский край, Вологду, где среди 20 тысяч бурят, мобилизованных на тыловые работы в 1916 г., оказывается ключевой персонаж романа Бата Нава. Писатель также упоминает основанное в 1898 г. первое в России электромашиностроительное предприятие – завод «Сименс-Шуккерт», реку Салмыш, город Чистополь и многое другое¹. Он описывал труд в Черемховских шахтах: «кайло да лопата, и никаких других орудий труда»; «угольная пыль забивала глаза и уши, несмываемой сыпью проникала в поры тела, в горло, легкие»². Отметим, что первый коллективный договор между черемховским союзом горнорабочих и рудоуправлением, защищающий права рабочих в сфере труда и быта, был подписан только в 1930 г. (Плотникова и др., 2024: 45).

Нужно сказать, что до 1918 г., согласно архивным сведениям, основное место в промышленности региона занимала горнодобывающая отрасль. Она управлялась Горным отделением Главного управления Восточной Сибири³. Из технических специалистов в Западно-Забайкальском горном округе работал только один окружной инженер, который осуществлял надзор за частными горно- и золотодобывающими промыслами. Должность была упразднена в 1920 г.⁴

Передавая ощущение революционного времени, писатель отмечает: «Эхо революции было еще отдаленное, но день ото дня все слышнее. Расстрел рабочих на Ленских приисках шквалом гнева прокатился по всей России вплоть до самых ее глухих углов. Немало людей после того побоища перебралось и в Черемхово. Из Бодайбо с золотых приисков этапами пригнали сюда политических ссыльных»⁵. По историческим данным, события апреля 1912 г. на реке Лене стали поворотным моментом в истории как революционного движения в России, так и мирового движения в целом. Мирная забастовка была вызвана именно тяжелым положением рабочих и членов их семей. Требования, сформулированные ее участниками, носили преимущественно экономический характер (Кудряшов, 2021: 104). В то же время акционеры Ленского золотопромышленного товарищества (Лензото), в числе которых были представители правящего дома Романовых, российского правительства, английского бизнеса, не стремились к техническому перевооружению приисков, не обращали внимания на жилищные условия рабочих. Главным для них было извлечение максимально высокой прибыли (Кудряшов, 2021: 105). Кульминацией цивилизованной забастовки и мирного шествия стал массовый расстрел безоружных рабочих. По приказу жандармского ротмистра Н. Трещенкова солдаты открыли огонь по рабочим. Согласно разным источникам, было убито 270 человек и ранено 250 (Курусканова, 2012: 106).

Мы знаем много примеров произведений, основанных на исторических событиях. Исторический контекст позволяет писателю показать, как формируется личность под влиянием внешних обстоятельств, а читателю – глубже понять эпоху, ее многомерность, ценности и конфликты. Многоплановость романа «Горные орлы» охарактеризовал друг писателя Н. Ершов, переводивший произведение: роман содержит «много познавательности, открытой трибунной публицистики, много красок и пестроты рядом с резкой черно-белой светотенью...». Знавший лично писателя более четверти века, переводчик отмечал: «что это за роман такой, если в нем нет главного героя, нет единого сюжетного действия, если он распадается на отдельные эпизоды? А что, если вовсе и не роман этот роман? Если он, к примеру... ПОЭМА? Вот он, ключ!»⁶.

¹ Батожабай Д.О. Указ. соч.

² Там же. С. 23–24.

³ ГАРБ. Ф. 124. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. 107. Л. 1.

⁵ Батожабай Д.О. Указ. соч. С. 25.

⁶ Ершов Н. Мой друг Батожабай. Послесловие переводчика // Там же. С. 270.

В романе Д.О. Батожабая фигурируют представители разных возрастов. П.П. Данчинов показан и как самый юный персонаж, и в то же время как физически сильный и смекалистый подросток, осознанно вступающий в формирующееся партизанское движение: «– Узнаю по силе. Сколько же лет тебе? – Пятнадцать»¹. Данные строки примерно указывают на 1919 г., когда П.П. Данчинов вступил в партизанский отряд и уже в 15 лет стал командиром разведчиков (Николаева, 2025: 80).

Часто в творческий процесс писателя входят отбор исторических фактов, их комбинирование и художественная переработка. Закономерно, когда что-то совпадает с биографией прототипа (физическая сила, ловкость и др.), что-то нет. Например, в романе звучит имя отца Прокопия – Егор, в действительности так звали его старшего брата (Николаева, 2025: 79).

Описываемые события заканчиваются 7 марта 1920 г., поэтому судьба персонажа романа П. Данчинова после вливания в партизанское движение неизвестна. В реальности после установления советской власти П.П. Данчинов работал в боханском комсомоле и, конечно, сотрудничал с первой бурятской комсомолкой Савранной Малахировой (Ербановой) (Алтаева, 2016: 43). Из ее архива известно, что в апреле 1924 г. были проведены массовые мероприятия, на одном из которых с докладом «Ленин и молодежь» выступал П.П. Данчинов².

Работа в архиве – необходимая часть творческого процесса, который требует большого объема справочного материала, записей бесед с очевидцами и т. д. Так, по свидетельству супруги писателя Лхамасу Батуевны Батожабай, он часами сидел в библиотеке имени В.И. Ленина в поисках материалов для трилогии, штудировал литературу о Тибете, Китае, Японии и Англии, подбирал материалы и прототипы своих героев³. Несомненно, все это было использовано и при написании романа «Горные орлы». Персонажи его последнего произведения были как вымышленными, так и взятыми из жизни. К реальным героям, кроме Прокопия Данчинова, можно отнести и Михея Николаевича Ербанова.

Спустя десятилетие первый секретарь Бурят-Монгольского обкома и член Сибирского крайкома ВКП(б) М.Н. Ербанов так говорил о судьбоносных событиях, описываемых в романе: «Чехословацкая армия, выговорившая у советской власти пропуск на родину через сибирскую территорию, сумела одержать победу над сибирскими и дальневосточными рабочими и большевиками. Движение за восстановление советов среди бурят-монголов уже носило массовый характер. Отдельные партизанские отряды, действовавшие на территории главным образом Ангарского и Боханского аймаков под руководством местных бурятских коммунистических ячеек и групп большевиков, захватывали на местах аймачные и хошунные центры и устанавливали советскую власть в лице хошунных и аймачных рескомов» (Ербанов, 1933: 19).

Статья М.Н. Ербанова была написана к 10-летию БМ АССР. К этому моменту бывший участник партизанского движения П.П. Данчинов окончил экономическое отделение московского вуза, работал куратором важнейших строек и начальником промышленного отдела Госплана БМ АССР (Николаева, 2025: 80), где в должности заместителя председателя работала Савранна Яковлевна Ербанова. Именно она в середине 1970-х гг. передала Марии (старшей дочери П.П. Данчинова) несколько фотографий, которые подтверждают, что в октябре 1921 г. П.П. Данчинов участвовал в работе I Учредительного съезда бурят Восточной Сибири в Иркутске (рисунок 1), а в декабре 1934 г. – VI Бурят-Монгольского съезда Советов (рисунок 2).

Необходимо дополнить, что Мария Прокопьевна Данчинова (1932–1995 гг.), видный бурятский этнограф и публицист, лично знала Д. Батожабая. Так, в ее архиве хранилась дарственная надпись писателя от 24 июля 1975 г. на второй странице журнала «Байкал» (№ 3, 1975 г.) со следующим текстом: «На добрую память родной дочери революционера Прокопия Павловича Данчинова – Марии Прокопьевне. От автора» (рисунок 3). Кроме этого, М.П. Данчинова хранила статью Василия Найдакова «Неутомимый искатель» с дарственной надписью вдовы писателя Л.Б. Батожабай от 19 апреля 1982 г.: «Дочери одного из героев романа “Горные орлы” Прокопия Павловича Данчинова в знак глубокого уважения от вдовы писателя Даширабдана Батожабая»⁴.

К этому можно добавить, что в качестве внештатного сотрудника Бурятской государственной телевизионной и радиовещательной компании в 1990-х гг. М.П. Данчиновой довелось плодотворно сотрудничать с биографом супругов Батожабай – поэтессой Галиной Жигмытовной Раднаевой⁵. Телевизионная передача «Сэнхир хадаг», созданная в 1990-е гг., была символом

¹ Батожабай Д.О. Указ. соч. С. 205.

² НАРБ. Ф. Р-2188. Оп. 1. Д. 39. Л. 6.

³ Дондокова А.З. Книжная выставка «Мастер слова, классик бурятской литературы» [Электронный ресурс] // Агинская краевая библиотека им. Ц. Жамцарано. 2021. 6 авг. URL: <https://agalibr.ru/knizhnaya-vystavka-master-slova-klassik-buryatskoj-literatury> (дата обращения: 01.11.2025).

⁴ Полевые материалы автора.

⁵ Вести Бурятия [Электронный ресурс]. Вып. от 15 дек. 2022 г. // Государственный интернет-канал «Россия». 2022. URL: <https://bgrk.ru/tv/russia-1/russia-1-ezhednevnyy-vypusk/226794/> (дата обращения: 01.11.2025).

дружбы, взаимоуважения и передавала бурятскую традицию почитания голубого неба. Знаменательно, что в 2012 г. было издано произведение Г.Ж. Раднаевой «Жизнь, ставшая легендой» («Домог болоһон ажабайдалай зэрюулгэ») о судьбе Л.Б. Батожабай, ее деятельности по изданию произведений Д.О. Батожабая после его смерти, по увековечению его памяти¹.

Рисунок 1 – I Учредительный съезд бурят Восточной Сибири в Иркутске².
П.П. Данчинов в центре, в черной папахе в пятом ряду

Figure 1 – 1st Constituent Congress of the Buryats of Eastern Siberia in Irkutsk.
P.P. Danchinov in a Black Cap in the Center of the Fifth Row

Рисунок 2 – VI Бурят-Монгольский съезд Советов.
П.П. Данчинов в центре в серой шинели

Figure 2 – 6th Buryat-Mongolian Congress of Soviets.
P.P. Danchinov in the Center in a Gray Military Coat

¹ Дондокова А.З. Указ. соч.

² Все фотографии – полевые материалы автора.

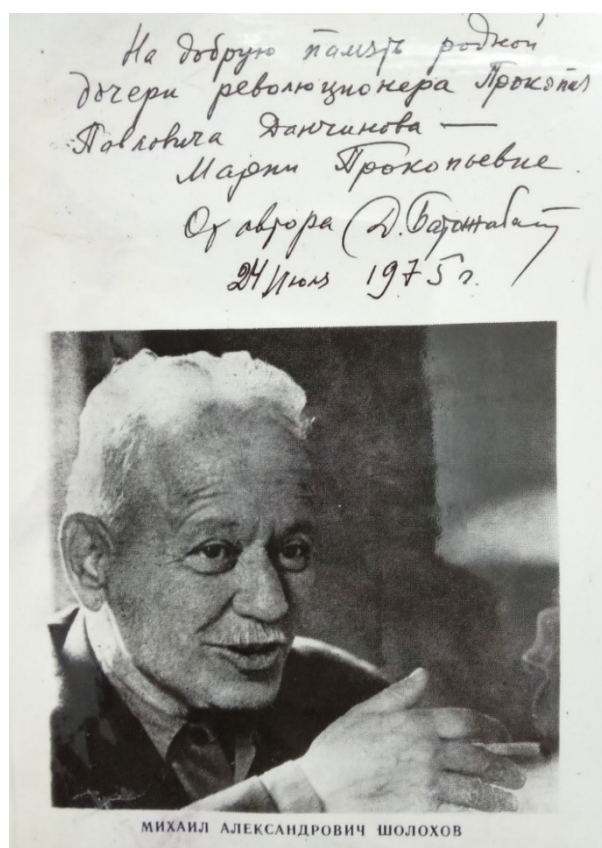

Рисунок 3 – Страница журнал «Байкал» за 1975 г. с памятной надписью

Figure 3 – Page of the Baikal Magazine for 1975 with a Commemorative Inscription

1936 г., когда Совет труда и обороны Советского Союза принял постановление о начале строительства завода в окрестностях столицы Бурят-Монгольской АССР – Улан-Удэ. «На месте бурятского улуса Шенестуй, расположенного в живописном месте, на правом берегу реки Уда, среди тайги началось возведение завода и рабочего поселка. Тяжким трудом, в холоде и голоде, при помощи только гужевого транспорта возводились первые цеха предприятия. Люди работали с энтузиазмом, не покладая рук, в пятидесятиградусный мороз вывозили лес для стройки, строили мастерские. Бытовые условия были исключительно неудовлетворительными, для проживания первых строителей и рабочих завода спешно были оборудованы насыпные бараки, землянки, где вообще речи не было о каких-либо удобствах. Но советские люди не жаловались, и темпы строительства были очень высокими. Первыми рабочими была учащаяся молодежь города, затем на стройку стали прибывать молодые рабочие из западных областей РСФСР и союзных республик» (Казазаев, Батуев, 2023: 12).

В молодости Д.О. Батожабай был свидетелем этого грандиозного события и знал, что многие, включая И.В. Сталина, называли М.Н. Ербанова «Восточным орлом»³. Возможно, все это и послужило импульсом к выбору названия романа «Горные орлы».

Заключение. Комплекс использованных методов показал, что повлияло на формирование личности будущего технического специалиста. Кроме этого, раскрыто взаимодействие заместителя председателя Госплана БМ АССР С.Я. Ербановой с представителем следующего поколения – дочерью П.П. Данчинова Марией.

В романе описаны тяжелые условия труда в горнорудных шахтах до 1918 г. Поколению экономистов Госплана БМ АССР – С.Я. Ербановой и П.П. Данчинову – удалось провести масштабную индустриализацию республики. В настоящий момент произведение «Горные орлы» имеет непреходящую ценность в области литературы и регионоведения. В 2021 г. проект Республиканской

Жизненные пути как С.Я. Ербановой и П.П. Данчинова, так и последовательницы писателя и дочери прототипа романа пересекались. Пересекались ли также пути П.П. Данчинова и Д.О. Батожабай? Неизвестно. Известно, что автор романа «Горные орлы» во время Великой Отечественной войны окончил Новосибирскую краткосрочную летную школу, служил пилотом бомбардировщика дальней авиации¹.

Здесь следует сказать, что история авиации Республики Бурятия связана с именем одного из значимых персонажей романа – М.Н. Ербановым. 17 октября 1923 г., т. е. всего спустя 4 года после описываемых в романе событий, председатель Бурревкома М.Н. Ербанов был избран и председателем правления добровольного общества содействия авиации «Бурлет». Газета «Красная Звезда» в мае 1925 г. писала, что примером может служить бурят-монгольское Общество друзей воздушного флота, в котором состояло 4736 членов, из них 2242 – на периферии. В 1925 г. постановлением Президиума ЦИК БМ АССР под аэродром была отведена площадь в 150 десятин в районе Верхней Березовки. Через месяц аэродром был готов, рядом были оборудованы и первые авиаремонтные мастерские².

П.П. Данчинов также связан с авиацией как начальник промышленного сектора Госплана БМ АССР, он являлся куратором крупнейших строек республики, в число которых входил и авиаремонтный завод № 99 (Николаева, 2025: 82). Его история начинается 26 мая

¹ Батожабай Даширабдан [Электронный ресурс] // Soyol.ru. URL: <https://soyol.ru/personas/poets-and-writers/327> (дата обращения: 01.11.2025).

² Региональное отделение Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту России Республики Бурятия [Электронный ресурс]. URL: <https://досааф03.рф> (дата обращения: 01.11.2025).

³ Басаев С. Кто сравнится с «Восточным орлом?» [Электронный ресурс] // ARD: портал деловой информации. 2019. 25 марта. URL: <https://asiarussia.ru/articles/21612> (дата обращения: 01.11.2025).

детско-юношеской библиотеки «Весь Батожабай» выиграл конкурс Правительства Республики Бурятия на получение гранта для реализации социально-культурных проектов, направленных на расширение сферы применения бурятского языка, и был реализован при поддержке Министерства культуры Республики Бурятия (Дашанимаева, 2023: 121). В 2022 г. роман участвовал в медиапроекте «Родные голоса» региональной общественной организации «Агинское библиотечное общество»¹.

Таким образом, данная тема прошедшего XX века продолжает оставаться в зоне общественного интереса, что подтверждает необходимость дальнейших исследований.

Список источников:

- Алтаева А.Э. Значение Боханской комсомольской организации в деятельности С.Я. Малахиновой (Ербановой) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 4-1. С. 42–45. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-4/1-42-45>.
- Алтаева А.Э. Становление женского образования в Бурятии во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Мариинской бурятской женской школы) // Женщина в российском обществе. 2018. № 2 (87). С. 22–28. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.2.3>.
- Дашанимаева А.Ц. Мультимедийный проект «Весь Батожабай»: от идеи до реализации // Книжная культура в цифровую эпоху: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. / отв. ред. Е.Ю. Перова. Улан-Удэ, 2023. С. 119–135.
- Дашкова Н.В. Роль художественной литературы как исторического источника в исследованиях по новой культурной истории // Кирилло-Мефодиевские чтения в СамГТУ: сб. материалов XI Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 3 / редкол.: А.Б. Бирюкова, Е.П. Макаров, Е.Ю. Семенова. Самара, 2015. С. 57–60.
- Дорофеева С.А. Интерпретация исторических явлений писателями и историками // Конкурентоспособность территорий: XXVII Всерос. экон. форум молодых ученых и студентов. Ч. 3 / отв. ред. Я.П. Силин, В.Е. Ковалев. Екатеринбург, 2024. С. 222–224.
- Ербанов М.Н. 10 лет социалистического строительства БМ АССР // Советская Бурятия. 1933. № 1. С. 12–21.
- Казазаев Д.А., Батуев М.Л. История Улан-Удэнского авиационного завода // Наука, культура, общество: региональные проблемы и перспективы: сб. ст. по материалам II Республ. науч.-практ. конф. среди обучающихся и студентов среднего профессионального образования, посвященной 100-летию Республики Бурятия / отв. ред. А.А. Петрова. Улан-Удэ, 2023. С. 11–15.
- Капаев М.А., Лиясова О.В. Гражданская война в России: причины и итоги // Проблемы гуманитарных наук и образования в современном мире: сб. науч. ст. по материалам X Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. / отв. ред. Х.Б. Нурғалина, З.Р. Ахметзадина. Сибай, 2024. С. 9–11.
- Кудряшов В.В. Ленские события 1912 г. на страницах журнала «Сибирские вопросы» // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 3. С. 103–108. <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2021-3-103-108>.
- Курусканова Н.П. Ленский расстрел 1912 г. в освещении нелегальной печати сибирских социалистов (к 100-летию события) // Кубанские исторические чтения: материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.П. Курусканова, Б.В. Улезко. Краснодар, 2012. С. 106–110.
- Морозов С.Д. 105 лет гражданской войне в России: итоги и уроки // Наука и инновации: исследование и достижения: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Б.Н. Герасимов. Пенза, 2023. С. 154–165.
- Николаева Д.А. Видный государственный деятель Бурятии и экономист Прокопий Павлович Данчинов: реконструкция биографии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2025. № 1 (50). С. 77–87. <https://doi.org/10.25693/SVG.2025.50.1.005>.
- Павлова Н.Д. Зунгар, откуда я родом. Иркутск, 2016. 184 с.
- Плотникова М.М., Ильина А.В., Дятлова Е.В. Повседневная жизнь черемховских шахтеров в год великого перелома: коллективный договор 1930 г. // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 2. С. 45–54. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2024-19-2-45-54>.
- Смолякова В.П. Художественная литература как исторический источник для исследования дореформенной России // Вестник МГПУ. Сер.: Исторические науки. 2022. № 2 (46). С. 61–71. <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2022.46.2.05>.
- Хишигт Н. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үнэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй). Улаанбаатар, 2011. 299 с.
- Petković M.V. Obaveštajci Jugoslavije 1918–1945. Beograd, 2004. 260 p.
- Ziemke E.F. Armia Czerwona 1918–1941. Powstanie narzędzia agresji. Oświęcim, 2019. 532 p.

References:

- Altaeva, A.E. (2016) Value of the Bokhan Komsomol organization in activity of S.Ya. Malakhirova (Erbanova). *Historical and Social Educational Idea*. 8 (4-1), 42–45. Available from: [doi:10.17748/2075-9908-2016-8-4/1-42-45](https://doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-4/1-42-45). (In Russian)
- Altaeva, A.E. (2018) The formation of female education in Buryatia in the second half of the XIX – the beginning of the XX c. (On the example of the Buryat Mariinsky Female School). *Woman in Russian Society*. (2), 22–28. Available from: [doi:10.21064/WinRS.2018.2.3](https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.2.3). (In Russian)
- Dashanimayeva, A.Ts. (2023) Multimedia project “All about Batozhabai”: From idea to implementation. In: Perova, E.Yu. (ed.) *Book culture in the digital age: Proceedings of the All-Russian (With international participation) scientific and practical conference*. Ulan-Ude, VSGIK, 119–135. (In Russian)
- Dashkova, N.V. (2015) Role of fiction as a historical source in research on new cultural history. In: Biryukova, A.B., Makarov, E.P. & Semenova, E.Yu. (eds.) *Cyril and Methodius readings at Samara State Technical University: Collection of Materials of the XI All-Russian (With international participation) scientific conference of students, master's degree students, and postgraduates*. Iss. 3. Samara, SaMGU, 57–60. (In Russian)
- Dorofeeva, S.A. (2024) Interpretation of historical phenomena by writers and historians. In: Silin, Ya.P. & Kovalev, V.E. (eds.) *Competitiveness of territories: XXVII All-Russian economic forum of young scientists and students. Pt 3*. Ekaterinburg, UrGEU, 222–224. (In Russian)
- Erbanov, M.N. (1933) 10 years of socialist construction of the BM ASSR. *Sovetskaya Buryatia*. (1), 12–21. (In Russian)

¹ Проект «Родные голоса» [Электронный ресурс] // Агинская краевая библиотека им. Ц. Жамцарано. URL: <https://agalibr.ru/rodnye-golosa/page/2> (дата обращения: 01.11.2025).

- Kapaev, M.A. & Liyasova, O.V. (2024) The Civil War in Russia: Causes and results. In: Nurgalina, H.B. & Akhmetzadina, Z.R. (eds.) *Problems of the humanities and education in the modern world: Collection of scientific articles based on the materials of the X All-Russian (With international participation) scientific and practical conference*. Sibay, UUNiT, 9–11. (In Russian)
- Kazazaev, D.A. & Batuev, M.L. (2023) History of Ulan-Ude Aircraft Plant. In: Petrov, A.A. (ed.) *Science, culture, society: Regional problems and prospects: Collection of articles based on the materials of the II Republican scientific and practical conference among students of secondary vocational education, dedicated to the 100th anniversary of the Republic of Buryatia*. Ulan-Ude, VSGUTU, 11–15. (In Russian)
- Khishigt, N. (2011) Mongolian Revolution: 1921 (A Study of the history of the Mongolian Democratic Revolution). Ulaanbaatar, Bambi San. (In Mongolian)
- Kudryashov, V.V. (2021) Lensk events of 1912 on the pages of the journal "Siberian Questions". *Issues of Social-Economic Development of Siberia*. (3), 103–108. Available from: doi:10.18324/2224-1833-2021-3-103-108. (In Russian)
- Kuruskanova, N.P. (2012) The Lena Massacre of 1912 as covered by the illegal press of Siberian socialists (On the 100th anniversary of the event). In: Kuruskanova, N.P. & Ulezko, B.V. (eds.) *Kuban historical readings: Proceedings of the III All-Russian (With international participation) scientific and practical conference*. Krasnodar, Izdatel'stvo Krasnodarskogo Tsentra Nauchno-Tekhnicheskoi Informatsii (TSNTI), 106–110. (In Russian)
- Morozov, S.D. (2023) Civil War in Russia: Results and lessons. In: Gerasimov, B.N. (ed.) *Science and innovation: Research and achievements: Collection of articles from the VIII International scientific and practical conference*. Penza, Privolzhskii Dom Znani, 154–165. (In Russian)
- Nikolaeva, D.A. (2025) Prokopy Pavlovich Danchinov, prominent public official of Buryatia and economist: Biography reconstruction. *North-Eastern Journal of Humanities*. (1), 77–87. Available from: doi:10.25693/SVG.V.2025.50.1.005. (In Russian)
- Pavlova, N.D. (2016) Zungar, where I come from. Irkutsk, Typ. na Chekhova. (In Russian)
- Petković, M.V. (2004) Yugoslav Intelligence 1918–1945. Belgrade, Zlatni Presek. (In Serbian)
- Plotnikova, M.M., Ilyina, A.V. & Dyatlova, E.V. (2024) The daily life of the Cheremkhov miners in the year of the Great Turning Point: The collective agreement of 1930. *Humanitarian Vector*. 19 (2), 45–54. Available from: doi:10.21209/1996-7853-2024-19-2-45-54. (In Russian)
- Smolyakova, V.P. (2022) Fiction as a historical source for the study of pre-reform Russia. *MCU Journal of Historical Studies*. (2), 61–71. Available from: doi:10.25688/20-76-9105.2022.46.2.05. (In Russian)
- Ziemke, E.F. (2019) The Red Army 1918–1941. The creation of an instrument of aggression. Oświęcim, Napoleon V. (In Polish)

Информация об авторе

А.Э. Будаева – аспирант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1223920

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

A.E. Budaeva – PhD Student, Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1223920

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 327(510:1-925.3)

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.31>

Механизмы взаимодействия аналитических центров КНР и Центральной Азии в контексте исторической динамики двусторонних отношений

Ли Сяоминь

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия, hbsdlixiaomin@163.com

Аннотация. Статья посвящена историко-аналитическому исследованию механизмов взаимодействия аналитических центров Китайской Народной Республики и стран Центральной Азии в контексте эволюции двусторонних отношений с середины XX в. до настоящего времени. На основе принципов исторического институционализма прослеживаются ключевые этапы формирования экспертного сотрудничества: от ограниченных академических контактов советского периода до институционализации механизмов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и многосторонних структур, таких как Шанхайская организация сотрудничества. Особое внимание уделено трансформации китайских аналитических центров в инструмент «мягкой силы» и публичной дипломатии, а также реакции и адаптации центральноазиатских партнеров, включая создание собственных аналитических структур. В исследовании репрезентируются вызовы, сопровождающие двустороннее взаимодействие: дискурсивное доминирование, асимметрия ресурсов и различия в институциональной культуре. Делается вывод о необходимости перехода к более сбалансированной модели экспертного диалога, основанной на принципах равноправия, координации и стратегического доверия.

Ключевые слова: аналитические центры, Китай, Центральная Азия, «мягкая сила», двусторонние отношения, публичная дипломатия

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Ли Сяоминь. Механизмы взаимодействия аналитических центров КНР и Центральной Азии в контексте исторической динамики двусторонних отношений // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 243–248. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.31>

Original article

Mechanisms of Interaction between Think Tanks of the PRC and Central Asia in the Context of the Historical Dynamics of Bilateral Relations

Li Xiaomin

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia, hbsdlixiaomin@163.com

Abstract. The article offers a historical and analytical study of the mechanisms of interaction between the think tanks of the People's Republic of China and the countries of Central Asia within the broader evolution of bilateral relations from the mid 20th century to the present. Drawing on the principles of historical institutionalism, the research traces the key stages in the formation of expert cooperation from the limited academic contacts of the Soviet period to the institutionalization of mechanisms within the Belt and Road Initiative and multilateral structures such as the Shanghai Cooperation Organisation. Special attention is given to the transformation of Chinese think tanks into instruments of soft power and public diplomacy, as well as to the responses and adaptive strategies of Central Asian partners, including the development of their own analytical institutions. The study examines the challenges accompanying bilateral interaction, including discursive dominance, resource asymmetry, and differences in institutional culture. The article concludes by emphasizing the need to transition toward a more balanced model of expert dialogue based on the principles of equality, coordination, and strategic trust.

Keywords: think tanks, China, Central Asia, “soft power”, bilateral relations, public diplomacy

Funding: Independent work.

For citation: Li Xiaomin. (2025) Mechanisms of Interaction between Think Tanks of the PRC and Central Asia in the Context of the Historical Dynamics of Bilateral Relations. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 243–248. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.31](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.31) (In Russian).

Введение. В последние десятилетия аналитические центры становятся важным элементом внешнеполитической инфраструктуры, функционируя как «знаниевые посредники» между государственными структурами и экспертным сообществом. В китайско-центральноазиатском контексте

они играют все более заметную роль как каналы неформальной дипломатии, дополняющие официальные внешнеполитические механизмы. Рост геополитического присутствия Китайской Народной Республики (КНР) в Центральной Азии, особенно в рамках инициативы «Один пояс, один путь», стимулировал не только экономическое и политическое сближение, но и активизацию экспертно-аналитического взаимодействия, формирующего благоприятную интеллектуальную среду для двустороннего сотрудничества. Значимость Центральной Азии в стратегии КНР объясняется как историко-географическими факторами, так и стремлением Пекина к обеспечению региональной стабильности и диверсификации внешнеэкономических связей. В этих условиях китайские аналитические центры выступают одновременно ретрансляторами внешнеполитических установок и проводниками их адаптации к региональной специфике. Механизмы экспертного взаимодействия с государствами Центральной Азии отражают постепенный переход от прагматического сотрудничества к институционализированному партнерству, в котором аналитические центры играют роль стабилизирующего и стратегически ориентированного инструмента дипломатии.

Цель настоящего исследования – проследить, каким образом формировались, развивались и институционализировались механизмы взаимодействия между аналитическими центрами КНР и государствами Центральной Азии в контексте исторической динамики двусторонних отношений. В центре внимания находится не только институциональный аспект, но и более широкий исторический контекст, в котором данные механизмы приобретали ту или иную конфигурацию. Особое внимание уделяется вопросу, каким образом эволюция форм экспертного диалога между КНР и странами региона отражает трансформацию взаимных ожиданий, приоритетов и политических установок, а также каковы последствия этих трансформаций для долгосрочной архитектуры двустороннего сотрудничества.

Методологическая основа исследования опирается на принципы исторического институционализма, позволяющего проследить эволюцию механизмов экспертного взаимодействия в контексте долгосрочной трансформации двусторонних отношений. В рамках работы применяется также концепция «мягкой силы» как инструмент анализа внешнеполитических стратегий КНР в постсоветском пространстве, включая роль аналитических центров в формировании благоприятного международного имиджа и продвижении стратегических инициатив. Использование сравнительно-исторического подхода дает возможность выявить этапность, преемственность и структурные разрывы в развитии сотрудничества между китайскими и центральноазиатскими аналитическими структурами.

Научная новизна исследования заключается в систематическом рассмотрении аналитических центров как институциональных акторов внешней политики КНР в Центральной Азии через призму исторической динамики, что позволяет по-новому интерпретировать природу двусторонних взаимодействий и предложить более комплексное понимание механизмов «экспертной дипломатии» в регионе.

Исторические этапы и контексты формирования сотрудничества. После образования Китайской Народной Республики в 1949 г. аналитическое и экспертное взаимодействие между КНР и советскими республиками Центральной Азии на протяжении последующих десятилетий оставалось крайне ограниченным. Политическая и идеологическая конфронтация между Пекином и Москвой, усилившаяся в период советско-китайского раскола, свела к минимуму любые формы интеллектуального обмена. В условиях отсутствия дипломатического доверия и наличия конкурирующих моделей социализма научные связи развивались в рамках узких институциональных каналов преимущественно между Академией наук СССР и Академией общественных наук КНР. Однако даже эти каналы не носили системного характера и не способствовали формированию прочной экспертной базы, способной обслуживать внешнеполитические цели сторон. Центральная Азия в китайском научном дискурсе воспринималась как составная часть советского пространства, а исследования, касающиеся региона, сводились к пограничной безопасности Синьцзяна и теоретическим разработкам по вопросам социалистического развития соседних стран (Савкович, 2012).

Распад Советского Союза и возникновение пяти независимых государств в Центральной Азии кардинально изменили параметры внешнеполитической среды Китая. Пекин оказался в ситуации необходимости пересмотра своих региональных приоритетов и выстраивания новой системы двусторонних отношений, основанной не только на дипломатических, но и на экспертно-аналитических каналах. В первые годы независимости республик Центральной Азии КНР занимала выжидательную позицию, внимательно отслеживая политическую ситуацию в регионе. Тем не менее уже в начале 1990-х гг. в Синьцзян-Уйгурском автономном районе активизировались академические инициативы, направленные на систематизацию информации о новых соседях. Примером такой активности стал выпуск в 1992 г. справочника «Пять государств Центральной Азии», подготовленного научной группой СУАР, в котором была представлена обширная статистическая информация о политике, экономике и социальной структуре региона. Эти материалы

имели не только научное, но и прикладное значение, поскольку использовались при выработке внешнеэкономических решений (Савкович, 2012).

Параллельно происходило формирование инфраструктуры китайских аналитических центров, заинтересованных в разработке долгосрочной стратегии регионального сотрудничества. Китайские эксперты при поддержке Академии общественных наук КНР начали активное изучение политических трансформаций в странах Центральной Азии, процессов исламизации, угроз сепаратизма, а также перспектив транзитного потенциала региона. В это десятилетие складывалась система базовых представлений о Центральной Азии как о стратегическом буфере на западных рубежах Китая и как о потенциальной зоне для экономической экспансии КНР. Несмотря на отсутствие устойчивых механизмов экспертного диалога, этот период можно охарактеризовать как этап концептуальной закладки основ будущего сотрудничества (Чэнь Юйхун, 2025).

С началом XXI в. вектор взаимодействия Китая с Центральной Азией приобрел четко выраженный институциональный измерение. Одним из важнейших поворотных пунктов стало создание в 2001 г. Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в рамках которой была запущена многоуровневая система политического, экономического и экспертного сотрудничества. Форум аналитических центров ШОС, учрежденный в этот период, стал первым организованным форматом взаимодействия между профильными структурами КНР и государств Центральной Азии. Его деятельность носила регулярный характер, включала обмен аналитическими докладами, проведение тематических круглых столов и выпуск совместных публикаций. Этот формат укрепил роль think tanks как посредников между государственными стратегиями и региональными политическими реалиями (Маслов, 2021).

Аналитические центры Китая, прежде всего государственные и правительственные, начали выполнять задачи по трансляции ключевых внешнеполитических концептов, таких как «дружелюбное окружение», «непротивопоставление» и «прагматическое партнёрство», в применении к центральноазиатскому контексту. Эти структуры постепенно трансформировались в инструменты «мягкой силы», призванные не только объяснять китайские инициативы, но и формировать благоприятное восприятие Пекина в странах региона. По наблюдению российских исследователей, именно в этот период аналитические центры КНР перешли от академической функции к прикладной, участвуя в разработке конкретных предложений по политике в сфере безопасности, энергетики и транзитной инфраструктуры (Маслов, 2021).

Особое значение приобретает факт, что начиная с 2000-х гг. китайские аналитические центры начали выстраивать специализированные стратегии по странам. Например, в случае Казахстана акцент делался на экспорте технологий в сфере возобновляемой энергетики, в Узбекистане на поддержку частных китайских инвесторов, а в Туркменистане – на стабилизацию сотрудничества в газовой отрасли с одновременным расширением в новых сферах, включая водородную энергетику. Эти стратегии формулировались и продвигались при непосредственном участии аналитических структур, таких как Китайский институт международных стратегических исследований, Китайский центр энергетической дипломатии и Институт современных международных отношений (Ли, 2025).

Таким образом, этап с 1949 по 2012 гг. можно охарактеризовать как поступательную эволюцию от полного отсутствия экспертного взаимодействия к формированию институционализированных механизмов, подкрепленных политической волей и стратегическим видением. Исторический путь развития аналитических центров в системе китайско-центральноазиатских отношений отражает не только трансформацию внешней политики КНР, но и изменение роли знания как инструмента политического влияния и конструктивного сотрудничества.

Институционализация и трансформация механизмов во внешней политике КНР. С 2013 г., на фоне выдвижения Китаем инициативы «Один пояс, один путь», наблюдается ускоренная институционализация механизмов взаимодействия аналитических центров КНР с внешним миром, включая Центральную Азию. Концепция «智库走出去» (выход аналитических центров за пределы Китая) стала центральным элементом политики публичной дипломатии КНР. Основные государственные и полуофициальные структуры, такие как Китайская академия современных международных отношений, Институт стратегических исследований при Государственном совете, Фонд международных исследований Китая, начали активно продвигать двусторонние и многосторонние экспертные инициативы, включая подготовку совместных аналитических докладов, организацию форумов (например, ежегодный Форум аналитических центров ШОС), визитные обмены и «вторую дорожку» дипломатии (Меркулов, 2020).

Институциональная трансформация китайских think tanks в этот период сопровождается их профессионализацией, большей специализацией и стремлением к международной легитимации. Они все чаще действуют не только как инструмент идеологической артикуляции государственной политики, но и как каналы «мягкой силы» в реализации геоэкономических интересов КНР в регионе. В докладах и аналитических обзорах фиксируется, что китайские центры нередко служат

«внешнеполитическим буфером» между официальной дипломатией и принимающим сообществом в Центральной Азии, что особенно проявляется в кризисных ситуациях или при необходимости нейтрализации недоверия к китайским инвестициям (Меркулов, 2021).

С другой стороны, в государствах Центральной Азии также наблюдается развитие собственных аналитических структур, в частности, в Казахстане (КИСИ – Казахстанский институт стратегических исследований), Узбекистане (ИСМИ – Институт стратегических и межрегиональных исследований при Президенте), Кыргызстане (Национальный институт стратегических исследований). Несмотря на институциональный рост, эти центры часто испытывают недостаток ресурсов, ограниченное академическое влияние и зависят от государственного финансирования, что определяет степень их независимости и возможности участия в полноценном диалоге с китайскими партнерами. В ряде случаев сотрудничество сводится к участию в форумах без реального обмена содержательными исследованиями или соавторства в аналитических проектах, что порождает «асимметричный диалог» и репрезентационную дисбалансировку (Вилисов, 2023).

Механизмы взаимодействия с китайской стороны носят многоуровневый характер. Существуют официальные мероприятия, как, например, Китайско-Казахстанский форум по безопасности и стратегии, в которых принимают участие представители внешнеполитических ведомств и крупных аналитических центров. Наряду с ними активно развиваются форматы двухтрековой дипломатии (track 1.5/2), предполагающие участие молодых экспертов, аспирантов, а также совместные исследовательские проекты, посвященные проблемам энергетики, безопасности, региональной устойчивости. Однако, как отмечается в аналитических обзорах, при этом сохраняется институциональное напряжение между академической независимостью и правительственным контролем как в Поднебесной, так и в странах Центральной Азии (Amsler, 2012). В китайском контексте аналитические центры преимущественно выполняют функцию «усилителей» официальной позиции, тогда как в Центральной Азии все еще идет поиск оптимального баланса между стратегической значимостью аналитического сопровождения и необходимостью институциональной автономии.

Примером активного взаимодействия служит создание Китайско-Казахстанского центра по изучению инициативы «Один пояс, один путь», функционирующего на базе Евразийского национального университета и китайского Института проблем современного развития. Центр реализует образовательные и научные проекты, поддерживаемые китайским посольством и МИД Казахстана, что указывает на высокую степень вовлеченности государственных структур в формирование интеллектуальной повестки. Тем не менее, даже в таких проектах отчетливо проявляется ведущая роль китайской стороны в определении исследовательской повестки и тематических приоритетов, что требует дальнейших усилий по институциональному выравниванию и обеспечению равноправного сотрудничества (Maracchione, Jardine, 2024).

Анализ эффективности, вызовы и перспективы. Эффективность механизмов сотрудничества между аналитическими центрами Китая и государств Центральной Азии с момента их активного формирования вызывает противоречивые оценки. С одной стороны, за последние два десятилетия наблюдается стабильный рост числа совместных мероприятий, исследований, форумов и экспертных площадок. Анализ показывает, что в определенных случаях такие формы взаимодействия действительно оказывают влияние на восприятие и адаптацию внешнеполитических стратегий (Васильева, 2019). Деятельность Форума аналитических центров ШОС позволила установить относительно устойчивую экспертную коммуникацию, в рамках которой вырабатываются рекомендательные документы, отражающие консенсус по ключевым вопросам региональной безопасности, энергетического сотрудничества и инфраструктурной взаимосвязанности. Совместные доклады, выпускаемые в рамках двусторонних проектов, часто служат основой для последующего политического диалога или подкрепляют его содержательную часть, формируя «интеллектуальную оболочку» двусторонних отношений.

Однако при всей количественной насыщенности форматов вопросы эффективности в плане стратегического доверия и взаимопонимания остаются открытыми. Китайские аналитические структуры, как правило, сохраняют монополию на выстраивание повестки сотрудничества, что проявляется в дискурсивном доминировании темы, методы исследования и интерпретации зачастую формируются в Пекине и транслируются партнерам без достаточного учета региональных чувствительностей и политических культур. Это особенно заметно в случае представления инициативы «Один пояс, один путь», интерпретируемой китайской стороной преимущественно как позитивная и универсальная стратегия, тогда как в экспертной среде Центральной Азии звучат сдержанные оценки и обеспокоенность по поводу потери суверенитета и зависимости от внешнего актора.

Асимметрия проявляется не только в ресурсо-организационном плане, но и в сфере символического капитала: китайские think tanks располагают институциональной поддержкой, стабильным финансированием, каналами доступа к элитам, в то время как многие центральноазиатские центры зависят от краткосрочных программ, спонсируемых извне, и ограничены в возможности влиять на государственную политику. В результате сотрудничество часто принимает характер формального

участия в конференциях или публикаций, не имеющих практической реализации. Особенно чувствительным оказывается вопрос идеологической автономии: ряд исследовательских структур в Центральной Азии с настороженностью относится к попыткам навязывания внешней повестки, даже в рамках «мягкой силы». Китайские партнеры, в свою очередь, склонны воспринимать политическую нейтральность как форму латентной оппозиции, что усложняет выстраивание подлинно равноправного экспертного диалога.

Несмотря на это, перспективы дальнейшего развития сотрудничества остаются значительными. Одним из наиболее реалистичных направлений его является переход от иерархической к координированной модели взаимодействия, где центральноазиатские центры не будут выступать лишь в роли рецепторов китайских нарративов, а смогут формировать собственные исследовательские запросы и участвовать в разработке общей повестки. В качестве возможной платформы такого сотрудничества рассматриваются многосторонние форматы, например, механизмы при ООН, ЮНЕСКО или ШОС, где участие осуществляется от имени государств и позволяет использовать институциональные гарантии равноправия. Особый интерес представляет развитие молодежных программ обмена между аналитическими структурами, что может способствовать формированию новой генерации экспертов с опытом межкультурного и политического взаимодействия.

В долгосрочной перспективе задача заключается в выстраивании системы гибких, но устойчивых сетей экспертного обмена, способных адаптироваться к меняющейся политической конъюнктуре и одновременно продвигать идеи коллективной региональной безопасности и устойчивого развития. Это возможно только при условии признания субъектности партнеров, прозрачности методологических подходов и отказа от инструментализации аналитических центров исключительно как средств государственной пропаганды.

Заключение. В ходе проведенного исследования были выявлены ключевые исторические этапы становления механизмов экспертного взаимодействия между КНР и государствами Центральной Азии, прослежена институционализация аналитических центров как значимого инструмента внешнеполитической стратегии Китая, а также дана оценка эффективности существующих форм сотрудничества. Начавшись с ограниченных академических контактов в позднесоветский период, взаимодействие эволюционировало от спорадических обменов мнениями в 1990-е гг. к структурированной и многоуровневой системе, особенно после запуска инициативы «Один пояс, один путь». Аналитические центры Китая приобрели статус полупубличных дипломатических субъектов, транслирующих официальную повестку в экспертной форме и формирующих благоприятный интеллектуальный климат для внешнеполитических инициатив.

Выводы исследования подтверждают, что китайская модель развития think tanks как элементов «мягкой силы» оказалась успешной в экспортируемом формате, но сохраняет выраженную асимметрию по отношению к менее институционализированным партнерам в Центральной Азии. Эта асимметрия проявляется как в тематическом доминировании китайской стороны, так и в распределении ресурсов, организационных возможностей и уровне влияния на принимающие политические решения. Тем не менее даже в условиях ограниченной взаимности, экспертные контакты способствуют выработке стратегического доверия, адаптации риторики инициатив и углублению взаимопонимания на уровне политических элит и академического сообщества.

Таким образом, историческая динамика двусторонних отношений между КНР и странами Центральной Азии нашла прямое отражение в трансформации механизмов аналитического взаимодействия. От фрагментарных обменов конца XX в. они перешли к более институционализированным, хотя и еще не полностью сбалансированным формам кооперации. В перспективе устойчивое развитие экспертного сотрудничества возможно лишь при условии признания субъектности партнеров, уменьшения риторической асимметрии и перехода от иерархических моделей к координационным сетевым платформам. Аналитические центры при соблюдении этих условий могут сыграть ключевую роль в построении подлинно равноправного и устойчивого регионального порядка, основанного на доверии, знании и стратегической взаимозависимости.

Список источников:

- Васильева И.Н. Научная дипломатия как разновидность публичной дипломатии в рамках внешней политики РФ // Наука. Инновации. Образование. 2019. Т. 14, № 1. С. 70–101. <https://doi.org/10.33873/1996-9953.2019.14-1.70-101>.
- Вилисов М.В. «Фабрики мысли» или «кузницы идей»? Ценностная повестка аналитических центров стран ЕАЭС в контексте государственной политики // Политическая наука. 2023. № 2. С. 203–233. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.09>.
- Ли С. Сравнительное исследование стратегий аналитических центров КНР в продвижении энергетического сотрудничества с Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном с 2001 по 2025 г. // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8, № 4. С. 373–391.
- Маслов А.А. Трансформация аналитических центров как элемента «мягкой силы» Китая в 2010–2020 гг. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 4. С. 6–22. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-4-1>.
- Меркулов К.К. Внешняя политика Китая в восприятии зарубежных «мозговых центров»: аналитический обзор за 2019 год // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25, № 25. С. 262–284. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10016>.

Меркулов К.К. Внешняя политика Китая в глазах старейшего итальянского «мозгового центра» (аналитический обзор за 2020 год) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26, № 26. С. 306–322. <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-306-322>.

Савкович Е.В. Экономическая политика Китая в постсоветской Центральной Азии (1992–2012 гг.). Томск, 2012. 336 с.

Чэнь Юйхун. Аналитические центры как инструмент внешней политики Китая // Политика и общество. 2025. № 2. С. 1–12. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2025.2.74093>.

Amsler S. The Politics of Privatization: Insights from the Central Asian University // World Yearbook of Education. 2013. L., 2012. P. 255–274.

Maracchione F., Jardine B. Central Asian Studies in the People's Republic of China: a Structural Topic Model // Central Asian Survey. 2024. Vol. 43, iss. 3. P. 307–326. <https://doi.org/10.1080/02634937.2024.2314083>.

References:

Amsler, S. (2012) The Politics of Privatization: Insights from the Central Asian University. In: *World Yearbook of Education* 2013. London, pp. 255–274.

Chen, Yu. (2025) Think Tanks as a Tool of China's Foreign Policy. *Politics and Society*. (2), 1–12. Available from: doi:10.7256/2454-0684.2025.2.74093. (In Russian)

Li, X. (2025) Comparative Study of Strategies of Think Tanks of China in Promoting Energy Cooperation with Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan from 2001 to 2025. *Postsovetskie issledovaniya*. 8 (4), 373–391. (In Russian)

Maracchione, F. & Jardine, B. (2024) Central Asian Studies in the People's Republic of China: A Structural Topic Model. *Central Asian Survey*. 43 (3), 307–326. Available from: doi:10.1080/02634937.2024.2314083.

Maslov, A. A. (2021) The Transformation of Analytical Centers as an Element of Chinese "Soft Power" in the 2010–2020. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law Kontury Global'nyh Transformacij: Politika, Ekonomika, Pravo*. 14 (4), 6–22. Available from: doi:10.23932/2542-0240-2021-14-4-1. (In Russian)

Merkulov, K. K. (2020) China's External Policy in the Perception of Foreign "Think Tanks": Analytical Survey for 2019. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. 25 (25), 262–284. Available from: doi:10.24411/2618-6888-2020-10016. (In Russian)

Merkulov, K. K. (2021) The Oldest Italian "Think Tank" on China's Foreign Policy: Analytical Survey for 2020. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. 26 (26), 306–322. Available from: doi:10.24412/2618-6888-2021-26-306-322. (In Russian)

Savkovich, E. V. (2012) *Ekonomicheskaya politika Kitaya v postsovetsoi Tsentral'noi Azii (1992–2012 gg.)* [China's Economic Policy in Post-Soviet Central Asia (1992–2012)]. Tomsk. 336 p. (In Russian)

Vasilyeva, I. N. (2019) Science Diplomacy as a Form of Public Diplomacy in the Government Foreign Policy of Russian Federation. *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie*. 14 (1), 70–101. Available from: doi:10.33873/1996-9953.2019.14-1.70-101. (In Russian)

Vilisov, M. V. (2023) "Think Tanks" or "Forges of Ideas"? The Value Agenda of the EAEU Countries' Think Tanks in the Public Policy Framework. *Political Science (Ru)*. (2), 203–233. Available from: doi:10.31249/poln/2023.02.09. (In Russian)

Информация об авторе

Ли Сяоминь – аспирант Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Li Xiaomin – PhD student at the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 31.10.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 28.11.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 003.07(091)

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.32>

Онтология и динамика каллиграфической традиции

Фэн Шуан¹, Алексей Александрович Михайлов²,

Мария Юрьевна Алексеева³

^{1,2}Ивановский государственный университет, Шуя, Россия

³Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

¹1404685770@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-7844-7940>

²rektorat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2222-5708>

³alekseeva_nov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7199-1743>

Аннотация. Китайская каллиграфия является одним из фундаментальных феноменов, определяющих уникальность национальной культурной традиции, который необходимо рассматривать как сложную динамическую систему художественной практики, уходящей корнями в традиционную философскую парадигму китайской культуры. В современных реалиях, характеризующихся глобализационными преобразованиями, сохранение и изучение каллиграфического наследия приобретают особую актуальность, становясь не только средством поддержания художественной преемственности, но и выступая в роли механизма сохранения культурной идентичности. Семиотический анализ каллиграфии позволяет рассматривать ее как своеобразный код, содержащий в себе духовно-мировоззренческие основы китайской цивилизации и репрезентирующий концептуальную триаду: «космологические принципы», «циклическая модель» и «энергия ци». Космологический аспект формирует метафизический фундамент каллиграфии, выражающийся в принципе «подражания Небу и Земле»; циклическая модель определяет пространственно-временные параметры художественного выражения и обеспечивает механизм трансляции традиции, а энергетический аспект (ци) придает пластическую выразительность и динамическую завершенность графическим элементам этого искусства. Данные компоненты образуют целостную систему «онтология – динамика», обеспечивающую устойчивость и культурную релевантность каллиграфической традиции в современных социокультурных условиях.

Ключевые слова: традиционная каллиграфия, культурный код, единство Неба и человека, цикличность, ци, энергия, динамическая онтология

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Фэн Шуан, Михайлов А.А., Алексеева М.Ю. Онтология и динамика каллиграфической традиции // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 249–256. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.32>.

Original article

Ontology and Dynamics of Calligraphic Tradition

Feng Shuang¹, Alexey A. Mikhailov², Maria Yu. Alekseeva³

^{1,2}Ivanovo State University, Shuya, Russia

³Russian State Social University, Moscow, Russia

¹1404685770@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-7844-7940>

²rektorat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2222-5708>

³alekseeva_nov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7199-1743>

Abstract. Chinese calligraphy is one of the fundamental phenomena defining the uniqueness of the national cultural tradition, which must be viewed as a complex, dynamic system of artistic practice rooted in the traditional philosophical paradigm of Chinese culture. In the era of globalization, the transmission of calligraphy is not only about the continuity of art but also the affirmation and preservation of cultural identity. To understand calligraphy is to decode the spiritual essence of Chinese civilization. This paper employs the theoretical framework of “cosmological principles”, “cyclicity”, and “vital energy (气韵)” to explore the ontological structure and historical evolution of calligraphic tradition. The research demonstrates that: cosmological principles provide the metaphysical foundation for calligraphy’s “emulation of celestial and terrestrial forms”; cyclicity constructs the rhythm of spatiotemporal expression and the mechanism of transmission; and vital energy drives the dynamic life force manifested in brush and ink. Together, these three elements form a unified “ontology-dynamics” system, enabling calligraphy to maintain robust cultural vitality in the contemporary era.

Keywords: calligraphic tradition, cultural code, unity of heaven and humanity, cyclicity, qi-yun (vital energy), energy, dynamic ontology

Funding: Independent work.

For citation: Feng Shuang, Mikhailov, A.A. & Alekseeva, M.Yu. (2025) Ontology and Dynamics of Calligraphic Tradition. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 249–256. Available from: doi:10.24158/fik.2025.11.32 (In Russian).

Введение. Будучи уникальной художественной формой, китайская каллиграфия концентрирует в себе богатое культурное наследие и философские концепции, формирующие абрис китайской цивилизации. В рамках настоящего исследования акцент смещается в сторону изучения онтологических основ каллиграфической традиции и ее динамических аспектов, концентрирующихся на единстве трех взаимосвязанных категорий – космологических принципов, концепции цикличности и энергии «ци», благодаря чему каллиграфия предстает в качестве не только уникальной техники письма, но и визуальной репрезентации философских воззрений Китая, отражающей гармоничное взаимодействие между человеком, природой и универсумом. Методологически этот подход базируется на концепциях космо-психо-логоса Г.Д. Гачева (Гачев, 2007) и космо-антропо-социо-природогенеза Ю.М. Фёдорова (Фёдоров, 1996), положенных в основу нашего понимания искусства каллиграфии как визуализированного кода китайской цивилизации.

Как объект всемирного нематериального культурного наследия (включена в одноименный перечень ЮНЕСКО в 2009 г.) каллиграфия требует комплексного подхода к сохранению и трансляции, выходящих за пределы технического репродукцирования и предполагающих глубокую реконструкцию ее культурно-исторического и теоретико-методологического фундамента, однако анализ существующих в настоящее время исследований выявляет преобладание стилистового и технико-формального анализа (Белозёрова, 2007; Завадская, 1975; Истрин, 1965; Кремнёва, 2018; Соколов-Ремизов, 1985) при недостаточной разработанности системной культурологической концептуализации каллиграфии как феномена «синтеза дао и художественной практики» (и шу хэ и) (Роули, 1989).

Методы исследования. Настоящее исследование базируется на комплексном культурологическом подходе, синтезирующем методологические достижения истории искусства, культурной антропологии, философии искусства и эстетики. Среди методов, использованных в работе, наиболее продуктивными стали: системный анализ, позволивший рассмотреть каллиграфию как целостную систему, детерминированную сложными взаимосвязями между техническими, стилистическими и философскими компонентами; иконологический анализ в интерпретации Э. Панофски и Э. Гомбриха, обеспечивший исследование композиционных принципов, расшифровку символики графических элементов и анализ семантики пустот и заполненных пространств; семиотический подход, основанный на концепции знаковых систем Ч. Пирса, теории культурных кодов Р. Барта и семиотике визуальных текстов У. Эко и используемый для интерпретации каллиграфии как поликодовой системы. Такой методологический синтез обеспечивает многоуровневое исследование каллиграфии как художественного феномена (в трактовке Э. Панофски), знаковой системы (по Ч. Пирсу) и социокультурной практики (в понимании П. Бурдьё).

Результаты исследования. Генезис и эволюция китайской каллиграфии представляют собой многомерный процесс становления самобытного культурного кода, в котором интегрируются сакральные, эстетические, философские и социально-политические аспекты китайской цивилизации, последовательно раскрывающиеся от архаических форм ритуально-магической практики до статуса высокого искусства, репрезентирующего ключевые мировоззренческие и философские принципы китайской традиции¹ (Донченко, 2019).

Конфуцианская доктрина, акцентирующая «эстетику гармонии и меры», находит свое полное выражение в нормативной строгости уставного письма (кайшу), что ярко демонстрирует стела «Храм семьи Янь» работы Янь Чжэньцина, которая визуализирует принцип «благородной величественности» (вэйянь) и выступает художественной репрезентацией конфуцианского идеала. Институциональное закрепление каллиграфии в системе кэцзюй (государственных экзаменов) подтверждает ее статус как инструмента конфуцианского воспитания и, в целом, конфуцианской социализации.

Китайская каллиграфия представляет собой также визуальную репрезентацию конфуцианских этических принципов, когда аксиологическая парадигма «ритуала» (礼) и социального порядка находит свое материальное воплощение в структурной упорядоченности уставного письма (楷书) и композиционной сбалансированности официального стиля (隶书), благодаря чему достигается конфуцианский идеал «золотой середины» (Завадская, 1975). Свое воплощение конфуцианская этика находит в художественной манере Янь Чжэньцина с ее монументальной строгостью,

¹ Куланина Е.М. Современная каллиграфия как социокультурный феномен : дис. ... канд. культурологии. М., 2019. 231 с.

визуализирующей этические категории преданности (忠) и справедливости (义), так же, как в методичной точности Оуян Сюня отражается ключевой конфуцианский императив «преодоления себя и возвращения к ритуалу» (克己复礼). Институционализация каллиграфии в рамках системы государственных экзаменов, где «канцелярский стиль» (馆阁体) был возведен в статус официального стандарта, трансформировала каллиграфическую практику в эффективный механизм социокультурной индоктринации, посредством которого происходило воспроизводство и закрепление доминирующих (конфуцианских) идеологических парадигм в среде учено-чиновничьего сословия. В ней каллиграфия функционировала также в качестве значимого культурного капитала, что объяснялось, в том числе, репрезентацией в рамках эстетического принципа Су Ши «приоритета стройности и структурной целостности в каллиграфии» (шу пин цзинцзянь) ценностно-художественных парадигм интеллектуальной элиты. Этим объясняется и тот факт, что монархическая власть в различные династические периоды активно инкорпорировала каллиграфическое искусство в механизмы своей культурной легитимации: практика императора Канси по копированию произведений Дун Цичана и систематическая коллекционная деятельность Цяньлуна демонстрировали инструментализацию каллиграфии в целях укрепления символического управления (вэньчи), а сама динамика придворного каллиграфического канона нередко служила индикатором трансформаций политического дискурса, отражая социально-политические изменения в государстве, что демонстрирует глубокую взаимосвязь между художественной формой, этическим содержанием и социальными функциями каллиграфии в традиционном китайском обществе.

Даосская парадигма «естественности и недеяния» (цзыжань увэй) реализуется в динамике скорописи (синшу) и «травяного» стиля (цаошу), ярко представленных в произведениях «Предисловие к Павильону Орхидей» Ван Сичжи (элегантная спонтанность) и «Автобиографическое повествование» Хуайсу (импульсивная экспрессия), которые воплощают даосскую онтологию творчества (Завадская, 1975). Эстетическая концепция Ми Фэя «передачи идеи без формального подобию» (ида синсе) также коррелирует с даосской философией искусства.

Глубокая концептуальная взаимосвязь с даосской натурфилософией находит наиболее полное выражение в динамической экспрессии скорописного (草书) и полускорописного (行书) стилей. Художественная практика Чжан Сюя и Хуайсу, называемая «бешеным курсив» (狂草), с ее текучей пластичной, символизирующей движение облаков и водных потоков, реализует эстетический идеал «постижения сущности при отрешении от формы» (得意忘形). Шедевр Ван Сичжи «Предисловие к Павильону орхидей» (《兰亭序》) также является парадигматическим примером синтеза внешней спонтанности и внутренней структурной продуманности, визуализируя фундаментальный даосский принцип «не-деяния, которое охватывает все действия» (无为而无不为).

Чань-буддийский постулат «прозрения природы сознания» (цзяньсин) детерминировал эволюцию каллиграфии в постсунскую эпоху, породив уникальную «дрожащую» технику Хуан Тинцзяня и минимализм Бада Шаньжэна, репрезентирующих чаньский метод «непосредственного указания на ум (сердце)» (чжичжи жэньсинь) и редуцирующих форму в пользу медитативной выразительности (Соколов-Ремизов, 1985).

Как универсальный способ художественного выражения в рамках восточноазиатского культурного ареала в целом, каллиграфия выступала также ключевым агентом межкультурного взаимодействия между Китаем, Японией и Кореей, уже в древности формируя одно из функциональных направлений своего развития, дошедшее до наших дней. Трансляция стилистики Ван Сичжи в Японию через деятельность монаха Кукая (Кобо Дайси) инициировала формирование автохтонной японской каллиграфической традиции (сёдо), иллюстрируя процессы культурной адаптации и реинтерпретации (Роули, 1989).

Анализируя мировоззренческий потенциал китайской каллиграфии, необходимо отметить, что он выражается не только в эстетико-семантическом, но и в техническом, технологическом и инструментальном аспектах, складывающихся в сложноорганизованную систему, структурированную вокруг трех фундаментальных составляющих: инициальной фазы мазка (起笔), траектории движения кисти (行笔) и завершающей стадии (收笔). Каждый из этих элементов и технические приемы их исполнения обладают глубокой культурно-семантической нагрузкой и философской обусловленностью, что проявляется, например, в технике «скрытого острия» (藏锋), которая воплощает конфуцианские принципы сдержанности, внутренней концентрации и умеренности, или в технике «открытого острия» (露锋), которая отражает даосские идеалы естественности (自然), спонтанности и не-деяния (无为) (Завадская, 1975). С точки зрения современной теории культуры и искусства, а также в контексте современных арт-терапевтических опытов, особый интерес представляет разработанная танским мастером Сунь Готином в «Трактате о каллиграфии» («书谱») концепция «пяти противоречий и пяти соответствий» (五乖五合), устанавливающая корреляцию между психоэмоциональным состоянием художника и параметрами творческого процесса. Данная система обладает значительной теоретической ценностью, поскольку не только описывает технические аспекты через философские категории, но и служит эффективным инструментом анализа творческого акта,

наглядно демонстрируя взаимосвязь художественной практики с глубинными мировоззренческими установками китайской культурной традиции.

Пространственная организация каллиграфического произведения отражает традиционные китайские космологические представления (Белозёрова, 2007), выступая их визуальным воплощением, когда такие принципы, как взаимное расположение иероглифов, выраженное через чередование плотности и разреженности, а также гармоничное взаимодействие строк материализуют фундаментальный философский принцип «единства Неба и человека» (天人合一). Особенно показателен в этом отношении композиционный принцип, сформулированный Дун Цичаном в эпоху Мин: «в разреженности можно прогнать лошадь, в плотности не просочится ветер» (疏可走马, 密不透风), который наглядно демонстрирует ключевую эстетическую концепцию динамического взаимодействия и взаимопревращения пустоты (虚) и наполненности (实). Этот принцип обладает свойствами универсального, поскольку воплощает не только даосские представления о взаимодополняемости инь и ян, но и отражает буддийское понимание взаимозависимости формы и пустоты, подчеркивая связь между художественной практикой и глубинными мировоззренческими установками китайской культуры. В целом, сама пространственная организация каллиграфического письма является эффективным инструментом гармонизации художественного произведения, демонстрирующим изоморфизм эстетических принципов и фундаментальных космологических моделей.

Этими же задачами обусловлен и колорит каллиграфических произведений, эволюция которого от использования монохромной черноты к сложной градации «пяти оттенков туши» (五色墨) представляет собой парадоксальный художественный феномен, где предельная выразительность достигается в условиях сознательного ограничения цветовой палитры. Этот эстетический принцип также обнаруживает глубокую укорененность в фундаментальных положениях даосской космогонии, выраженных, в частности, в формуле, изложенной в «Дао Дэ Цзин»: «Дао рождает одно, одно рождает два, два рождает три, а три рождает все сущее» (道生一, 一生二, 二生三, 三生万物)¹. В этом контексте эволюция работы с тушью отражает важнейший философский постулат о переходе от простого к сложному, от единого к множественному, где сдержанность средств выражения (монохромия) не только не снижает художественные возможности, но, наоборот, открывает новые измерения выразительности через тончайшие нюансы тональных переходов и вариативность фактурных решений. Таким образом, колористические приемы каллиграфии также становятся визуальным воплощением универсальных космологических закономерностей.

Обсуждение результатов. В идейно-смысловом, эстетическом, композиционном, техническом и технологическом аспектах каллиграфического искусства находят выражение структурообразующие элементы культурного кода китайской цивилизации.

Во-первых, это космологические принципы традиционного китайского мировоззрения, выражаемые в постулатах «Дао следует естественному порядку» (道法自然), и «проявление изначальной природы сознания», которые находят непосредственное отражение в теории и практике каллиграфического искусства. Концепция «гармоничного единства Неба и человека» (天人合一), занимая центральное место в китайской философской традиции, формирует уникальный онтологический фундамент каллиграфии как особой формы духовной практики, когда посредством творческого акта мастер устанавливает сакральную связь с универсальными космическими законами, превращая свое произведение в своеобразную модель мироздания – микрокосм. Извилистые вариации каллиграфических линий не только представляют формы иероглифов, но и символизируют закономерности роста и траектории движения природных явлений.

Онтологическая парадигма каллиграфии базируется также на принципе «человеческие законы проистекают из небесных», предполагающем генетическую связь между каллиграфией («Дао письма» (书道)) и естественными законами («Дао Неба»). Этот тезис находит отражение в трактате «Девять сил» (《九势》) Цай Юна, который акцентирует идею о природном происхождении каллиграфии, подчеркивая ее укорененность в космическом порядке.

Эстетические принципы каллиграфии, сформулированные Сунь Готином в «Трактате о каллиграфии» (《书谱》)², провозглашают высшей целью искусства способность «отражать чудеса естественного мира», что наиболее полно отразилось в шедеврах каллиграфического канона (произведения Ван Сичжи), материализовавших идеал «гармоничной красоты», посредством визуализации космического баланса начал инь и ян.

Примечательно, что субъект творчества – мастер-каллиграф – понимается в данной системе не как пассивный имитатор, а как медиатор между небесными и человеческими сферами бытия, который посредством практик самосовершенствования («вращивание ци», «очищение

¹ Дао Дэ Цзин. Книга пути и благодати. М., 2007. 400 с.

² 孙国廷。书法论文。上海, 2007年。244页。= Сунь Готин. Трактат о каллиграфии. Шанхай, 2007. 244 с. (на кит. яз.)

сознания») достигает резонанса между внутренним духовным началом («источником ума») и космической творческой энергией («творящим духом»), позволяя мазкам органично выражать универсальную жизненную силу (ци) Вселенной.

Во-вторых, к структурообразующим элементам культурного кода китайской цивилизации можно отнести принцип цикличности (пространственно-временной ритм и непрерывное обновление), который представляет собой имманентную характеристику традиционного китайского мировосприятия, нашедшую свое полное воплощение в структурных и динамических параметрах каллиграфического искусства. В техническом аспекте цикличность выражается через взаимосвязанные движения кисти, структурную цельность графических элементов и циклическую природу творческого процесса, что особенно наглядно демонстрирует система «Восьми принципов иероглифа Юн» (永字八法), раскрывающая циклические взаимосвязи базовых мазков, а также текучая пластика скорописного стиля, визуализирующая движение энергетических потоков. Темпоральное измерение принципа цикличности отражает космологическую модель бесконечных природных трансформаций, находящую отражение в технических принципах каллиграфии («ни одного нисходящего мазка без сжатия, ни одного поступательного мазка без возврата»), где каждый штрих отражает внутреннюю цикличность развития от инициации к завершению; где начало, середина и конец каждого мазка содержат внутреннее циклическое движение, создавая жизненный ритм, подобный дыханию (Малявин, 2000). В пространственной организации это проявляется через диалектику композиционных принципов, основанных на взаимодействии противоположностей и системе взаимосвязей между элементами (открытие-закрытие и резонанс), создающей энергетически целостную структуру. Пространственное разделение (пустота-полнота, светлое-темное) отражает взаимодействие инь-янь, а иероглифы и строки должны «приветствовать и уступать друг другу», образуя самодостаточное и энергетически взаимосвязанное целое – подобное взаимосвязанным отношениям всех вещей в космосе. Историческая же динамика каллиграфической традиции также подчиняется циклической логике, реализуясь через диалектическое единство глубокого освоения классического наследия («учение у древности», «вхождение в традицию») и его творческого преобразования («появление обновленным»), что обеспечивает одновременно преемственность и развитие художественного языка. Исходя из этого принцип цикличности выступает как системообразующий ориентир, связывающий технические, композиционные и исторические аспекты китайской каллиграфии в единую художественно-философскую систему, отражающую фундаментальные закономерности национальной космологической мысли.

В-третьих, структурообразующие элементы культурного кода китайской цивилизации включают принцип следования энергии жизненного ритма (Циюнь), занимающий центральное место в китайской художественной эстетике и находящий свое наиболее полное выражение именно в каллиграфической практике, где динамическая энергия и витальная сила мазков становятся визуальным воплощением философской категории ци. В творческом акте каллиграф, синхронизируя свое дыхание и ритм движения кисти, осуществляет превращение безжизненного материала (туши) в динамическую художественную форму, вливая в произведение жизненную энергию и реализуя тем самым принцип диалектического взаимодействия инь и янь. Онтологический статус ци как порождающей и одушевляющей все сущее первозданной энергии, определяет его ключевую роль в искусстве каллиграфии, где эта энергия становится субстанциональной основой внутренней жизненности произведения.

Феноменология ци в каллиграфии проявляется через несколько взаимосвязанных аспектов: прежде всего, как импульс (勢), требующий непрерывности исполнения и энергетической целостности даже при внешней фрагментарности мазков; далее, через пластические характеристики линий, когда текстура и сила нажима (выражаемые в традиционной терминологии в антропоморфных образах (Малявин, 2000) как «сухожилия», «кости», «плоть» и «кровь») и вариативность тушевых оттенков (густая, светлая, сухая, влажная) становятся видимыми маркерами движения энергии ци. Принцип Цай Юна о спонтанной природе творческого импульса («когда приходит импульс, его нельзя остановить; когда он уходит, его нельзя удержать») описывает фундаментальную закономерность каллиграфического процесса как акта энергетического взаимодействия, кульминацией которого становится формирование энергетического поля (气场), возникающего из гармоничного сопряжения отдельных элементов – мазков, иероглифов и общей композиции. Это поле, воспринимаемое зрителем как особое «жизненное напряжение» и «духовный резонанс», метафорически описывается в традиционной критике как «божественное сияние», «костная сила» или «дух ветра», отражая многочисленные аспекты проявления ци в художественном произведении и подтверждая статус каллиграфии как системы энергетических взаимодействий, где материальные элементы становятся носителями и проводниками жизненной силы, а само произведение – микрокосмом, воспроизводящим универсальные законы энергетических трансформаций.

В качестве живого визуального кода китайской цивилизации каллиграфия встраивается в современные социокультурные контексты, демонстрируя модель нелинейной адаптации, когда архаические элементы техники и онтологические основы (концепция ци, ритмика) находят выражение в актуальных цифровых форматах и создают гибридные формы культурного производства. Эта тенденция, с одной стороны, обеспечивает сохранение идентичности, с другой – существенно расширяет функциональное поле искусства каллиграфии, актуализируя его в различных областях современных социокультурных практик, что может быть представлено в виде таблицы-схемы (табл. 1).

Таблица 1 – Трансформация каллиграфической традиции в современной культуре¹

Table 1 – Transformation of the Calligraphic Tradition in Contemporary Culture

Направления и сферы трансформации	Основные характеристики	Репрезентативные примеры
Трансформация традиции		
Дематериализация формы	Переход от материальных носителей к цифровым иммерсивным решениям	Проекты виртуальной реальности (например, Musée Guimet) или оцифрованные архивы и коллекции
Гибридизация технических методов	Синтез с современными художественными практиками, основанными на технологическом, перформативном и концептуальном подходах	Медиаинсталляции Цю Чжицзе с использованием технологии «Motion Capture» – имитации движения каллиграфа
Смена контекста	Утрата ритуально-философского контекста и примат утилитарного, например, в контексте коммерциализации	Массовые сувениры, адаптированные для глобального рынка
Сферы культуры		
Корпоративная сфера	Каллиграфия как инструмент бренд-идентичности и визуальной коммуникации	Фирменные стили и логотипы крупных компаний (Huawei и др.)
Образовательная сфера	Терапевтические и развивающие педагогические методики на основе каллиграфии	Различные программы арт-терапии, развития моторики, когнитивные тренинги
Дизайн и архитектура	Интеграция каллиграфии в визуальную культуру, архитектуру и пространственные решения	Типографика (дизайн шрифтов) Cinzano или архитектурные проекты Zaha Hadid
Институциональные стратегии		
Музеефикация	Сохранение и цифровая архивация каллиграфического наследия	Оцифрованные фонды музея-заповедника «Запретный город» (The Palace Museum)
Ивент-стратегии	Популяризация через массовые мероприятия фестивального типа	Международная выставка каллиграфии (International Calligraphy Biennale)
Образовательно-развлекательные (эдьютейнмент) инициативы	Синтез образовательных и развлекательно-рекреативных технологий в музейных проектах	Интерактивные проекты музея М+ («Живые чернила», «Алхимия цифровых чернил»)

Анализ этих трансформаций обнаруживает три узловых адаптационных противоречия: между глобализацией и аутентичностью, сакральностью и коммодификацией, диджитализацией и тактичностью, – которые, с одной стороны, обуславливают диалектическое напряжение в характере современной каллиграфии, с другой – провоцируют поиск актуальных контекстов эволюции «живой» традиции, усложняя ее и порождая новые формы культурной репрезентации на основе фундаментальных онтологических принципов.

Заключение. Китайская каллиграфия представляет собой сложную семиотическую систему, интегрирующую три фундаментальных положения традиционной китайской культуры – космологический принцип «Небо – человек», принцип цикличности и энергия ци. В первом из названных формируется аксиологическое ядро искусства каллиграфии, обеспечивающее его трансформацию из простого ремесла в даосский путь духовного совершенствования человека. Этот принцип манифестирует сакральную связь микрокосма личности с макрокосмом Вселенной, устанавливая высший эстетический критерий как отражение космической гармонии и возводя технику письма в статус уникальной духовной практики. Принцип цикличности проявляется на различных уровнях – в динамике письма через возвратно-поступательные движения, в пространственно-временной организации через диалектику пустоты и наполненности, а также в исторической динамике через механизм

¹ Составлено авторами.

«возврата к истокам с последующим творческим обновлением». Энергия ци выступает в качестве субстанциональной основы выразительности, связующего звена между материей и духом и важнейшего критерия художественной подлинности искусства каллиграфии.

В диалектическом единстве этих принципов формируется уникальная культурная парадигма, в которой онтологические константы искусства каллиграфии обуславливают его культурную преемственность, а динамические аспекты обеспечивают условия для непрерывной эволюции «живой» традиции, органично сочетающей каноничность с адаптивностью.

В условиях современных культурных трансформаций, связанных с модернизацией и глобализацией, эта модель наглядно демонстрирует механизм устойчивости традиционной культуры, предлагая вариант продуктивного синтеза сохранения культурной идентичности, творческой интерпретации наследия и адаптации к новым культурным контекстам. Аналитическое осмысление и понимание этой диалектики обладает значительным потенциалом для современной художественной практики, теории культурного наследования и межкультурного диалога, поскольку каллиграфическая традиция в этом контексте предстает в качестве модели устойчивого развития культуры, когда подлинные инновации возникают не вопреки, а благодаря глубокому и осмысленному освоению традиции.

Список источников:

- Белозёрова В.Г. Искусство китайской каллиграфии. М., 2007. 482 с.
Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: национальные образы мира. М., 2007. 510 с.
Донченко А.И. Влияние даосской философии на искусство китайской каллиграфии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 1. С. 47–55. <https://doi.org/10.24411/2686-7702-2019-10005>.
Завадская Е.В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. М., 1975. 440 с.
Истрин В.А. Возникновение и развитие письма. М., 1965. 600 с.
Кремнёва Т.А. К вопросу об основных характеристиках памятников китайской каллиграфии периода Западного Чжоу // Вестник современных исследований. 2018. № 5.1 (20). С. 628–629.
Малаявин В.В. Сумерки Дао. М., 2000. 448 с.
Роули Дж. Принципы китайской живописи. М., 1989. 160 с.
Соколов-Ремизов С.Н. Литература, каллиграфия, живопись. М., 1985. 311 с.
Федоров Ю.М. Сумма антропологии. Новосибирск, 1996. 829 с.

References:

- Belozërova, V. G. (2007) *Iskusstvo kitaiskoi kalligrafii* [The art of Chinese calligraphy]. Moscow. 482 p. (In Russian)
Donchenko, A. I. (2019) The Influence of Taoist Philosophy on the Art of Chinese Calligraphy. *East Asia: Facts and Analytics*. (1), 47–55. Available from: [doi:10.24411/2686-7702-2019-10005](https://doi.org/10.24411/2686-7702-2019-10005) (In Russian)
Fedorov, Yu. M. (1996) *Summa antropologii* [Sum of anthropology]. Novosibirsk. 829 p. (In Russian)
Gachev, G. D. (2007) *Kosmo-Psikhologos: natsional'nye obrazy mira* [Cosmo-Psycho-Logos: national images of the world]. Moscow. 510 p. (In Russian)
Istrin, V. A. (1965) *Vozniknovenie i razvitie pis'ma* [The emergence and development of writing]. Moscow. 600 p. (In Russian)
Kremneva, T. A. (2018) K voprosu ob osnovnykh kharakteristikakh pamyatnikov kitaiskoi kalligrafii perioda Zapadnogo Chzhou [On the question of the main characteristics of Chinese calligraphy monuments of the Western Zhou period]. *Vestnik sovremennykh issledovaniy*. (5.1 (20)), 628–629. (In Russian)
Malyavin, V. V. (2000) *Sumerki Dao* [Twilight of Tao]. Moscow. 448 p. (In Russian)
Rouli, Dzh. (1989) *Printsipy kitaiskoi zhivopisi* [Principles of Chinese painting]. Moscow. 160 p. (In Russian)
Sokolov-Remizov, S. N. (1985) *Literatura, kalligrafiya, zhivopis'* [Literature, calligraphy, painting]. Moscow. 311 p. (In Russian)
Zavadskaya, E. V. (1975) *Esteticheskie problemy zhivopisi starogo Kitaya* [Aesthetic problems of painting in old China]. Moscow. 440 p. (In Russian)

Информация об авторах

Фэн Шуан – соискатель кафедры культурологии и изобразительного искусства Ивановского государственного университета, Шуя, Россия.

А.А. Михайлов – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры культурологии и изобразительного искусства Ивановского государственного университета, Шуя, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=618500

М.Ю. Алексеева – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры искусств Российского государственного социального университета, Москва, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=616452

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Feng Shuang – External PhD student at the Department of Cultural Studies and Fine Arts, Ivanovo State University, Shuya, Russia.

A.A. Mikhailov – D.Phil. in Pedagogy, Professor, Department of Cultural Studies and Fine Arts, Ivanovo State University, Shuya, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=618500

M.Yu. Alekseeva – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Faculty of Arts, Russian State Social University, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=616452

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests:

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 21.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.33>

Концепт идентичности: основные дисциплинарные подходы

Ольга Борисовна Емельянова¹, Екатерина Сергеевна Маслова²,
Александра Павловна Воронина³

^{1,3}Донской государственный аграрный университет, Персиановский, Россия

²Южный университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия,
maslovaket@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3572-5840>

¹emely79@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1419-7345>

³al-1606@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2808-6829>

Аннотация. Статья посвящена обобщению существующих подходов к изучению концепта «идентичность». Концепции психологического подхода делают акцент на психологическом механизме формирования и развития идентичности, на проявленности личности и ее ценностно-смысловой системе на уровне индивидуального сознания. Социологический взгляд на идентичность личности основан на идее о том, что социальная реальность не просто отражает индивидуальные предпочтения или выборы человека, но активно формирует их. Социализация помогает каждому индивиду принять ценности, свойственные породившему его социуму. Идея культуры как начала морального, эстетического, интеллектуального развития человека лежит в основе культурологического подхода к определению идентичности личности, обладающего широким эвристическим потенциалом. Культурологи полагают, что личностное формирование происходит как одновременное сближение и взаимообмен культур. Авторы статьи приходят к выводу: дисциплинарная фрагментация порождает потребность к формированию интегрального подхода, который представляется продуктивным на базе принципа дополнительности. Интеграция позволяет сосредоточиться одновременно на разных аспектах феномена «идентичность», рассмотреть дисциплинарные подходы как моменты развития целостной всесторонней концепции идентичности. В заключение авторы предлагают свое определение концепта «идентичность».

Ключевые слова: личностная идентичность, психологический подход к изучению идентичности, социологический подход к изучению идентичности, культурологический подход к изучению идентичности, интегральный подход к исследованию идентичности, дисциплинарные исследования идентичности, идентичность в современном дискурсе, концепции идентичности личности, концепт «идентичность»

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Емельянова О.Б., Маслова Е.С., Воронина А.П. Концепт идентичности: основные дисциплинарные подходы // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 257–267. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.33>.

Original article

The Concept of Identity: Key Disciplinary Approaches

Olga B. Emelyanova¹, Ekaterina S. Maslova², Alexandra P. Voronina³

^{1,3}Don State Agrarian University, Persianovsky, Russia,

²Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia,
maslovaket@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3572-5840>

¹emely79@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1419-7345>

³al-1606@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2808-6829>

Abstract. This article summarizes existing approaches to the study of the concept of “identity”. Concepts within the psychological approach emphasize the psychological mechanism of identity formation and development, the manifestation of personality, and its value-semantic system at the level of individual consciousness. The sociological view on personal identity rests on the notion that social reality actively shapes individual preferences rather than merely reflecting them. Socialization enables individuals to internalize values intrinsic to their origin society. The premise of culture serving as the basis for moral, aesthetic, and intellectual human development anchors the cultural approach to defining personal identity, harboring extensive heuristic potential. Culturologists posit that personality formation manifests as a simultaneous convergence and reciprocal exchange among cultures. The authors conclude that disciplinary fragmentation necessitates an integrative approach, deemed productive when grounded in the principle of complementarity. Integration allows simultaneous deliberation upon distinct facets of the “identity” phenomenon,

viewing disciplinary approaches as developmental moments in a holistic, comprehensive concept of identity. In conclusion, the authors propose their definition of the concept "identity".

Keywords: personal identity, psychological approach to the study of identity, sociological approach to the study of identity, cultural approach to the study of identity, integral approach to the study of identity, disciplinary identity research, identity in modern discourse, concepts of personal identity, the concept of "identity"

Funding: Independent work.

For citation: Emelyanova, O.B., Maslova, E.S. & Voronina, A.P. (2025) The Concept of Identity: Key Disciplinary Approaches. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 257–267. Available from: doi:10.24158/fik.2025.11.33 (In Russian).

XX столетие с его историческими потрясениями усугубило проблему идентичности личности. Именно в этот период исследование личности стало одной из ведущих академических тем в социально-гуманитарном знании. Развитие многообразных форм отчуждения личности усилило внимание научной мысли к изучению проблемы ее идентичности. «В условиях... возрастающей роли личности и глобализации вызовов исследование... идентичности становится ключом к становлению гражданина» (Ильин, 2024: 81).

Значимость осмысления роли человека в личностной картине мира, самоопределение, аналитика взаимоотношений с реальностью, поиск путей самосохранения личности порождают разнообразные взгляды, концепции, подходы к решению вопроса идентичности, которые плюрально представлены в гуманитарном дискурсе (Маслова и др., 2019). С одной стороны, идентичность выступает одним из базовых понятий самостоятельных направлений междисциплинарных научных исследований (Жаде, Шикова, 2008: 70). С другой стороны, в современном дискурсе сложилась ситуация дисциплинарной и концептуальной фрагментации исследований и трактовок идентичности.

З.А. Жаде отмечает разнообразие не только дисциплинарных подходов к идентичности, но и трактовок статуса концепта идентичности в гуманитарном знании: «понятие "идентичность" слишком многозначно, разными авторами понимаемое по-разному, – это теория, концепт, свойство человеческой психики, категория социальной и политической практики, предмет научной рефлексии, политический фактор» (Жаде, Шикова, 2008: 71).

В.М. Капицын указывает на тройственность причин, которые объясняют спорность понятия идентичности: 1) гносеологическая, выражающая сложность постижения содержания его явлений; 2) семантико-лингвистическая, отражающая дифференциальность методов анализа объема и содержания этого концепта, его проявлений; 3) транзитологическая – темпоральный элемент идентичности, соотносящийся с социальными изменениями (2014: 10).

Цель нашей работы – обобщить существующие подходы к исследованию идентичности и определить стратегию ее изучения с помощью междисциплинарного подхода и концептуальной интеграции современных подходов.

Критический обзорный анализ исследований идентичности в современном научном дискурсе позволяет выделить три основных дисциплинарных подхода: психологический, социологический и культурологический. Каждый из них разделяется на несколько альтернативных концептуальных интерпретаций на основе различной методологии или акцентуации различных форм, сторон и аспектов идентичности.

Теоретико-методологической основой стали труды по изучению концепта идентичности П.С. Гуревича, Э.М. Спировой, М.В. Заковоротной, З.А. Жаде, Е.С. Задворной, А.Ф. Поломошнова и др. (Гуревич, Спирова, 2015; Жаде, Шикова, 2008; Задворная, 2017; Заковоротная, 1999; Поломошнов, 2020). В статье используется метод историко-философского анализа содержания понятия «идентичность», а также метод аксиологической оценки идентичности. В качестве исследовательских приемов в работе применялись категоризация и структурно-функциональный метод.

Одним из доминирующих подходов к проблеме идентичности личности в современном дискурсе является психологический подход. В известных концепциях данного подхода (например, в работах Э. Фромма, Ж. Пиаже, З. Фрейда и др.) самоопределение, формирование идентичности личности рассматривается как процесс, при котором развитие внутреннего конфликта выступает базовым условием личностного развития. Исследователи идентичности анализируют самоидентичность как одномоментный фактор личного и социального проявления личности. Причем границы «я» обусловлены личным выбором.

Впервые в психологии вопрос идентичности глубоко был исследован Э. Эриксоном, он анализировал данный феномен с точки зрения осмысления внутреннего понимания человеком его исключительности в социальной парадигме (Эриксон, 1996). Э. Эриксон изучал ключевые состояния идентичности личности: суверенное автовосприятие, достаточную прочность по отношению к давлению извне, осознание того, как быть способным к солидарности с идеями группы, принятие

своего внешнего облика, физического строения (быть в ладу со своим телом), важности проявления последовательности характера вместе с полным принятием того, кто и что ты есть. В композиции личностной идентичности, как полагал Э. Эриксон, можно выделить следующие аспекты: представление личности как о самой себе, так и об общественном типе, к которому личность себя относит; мнение о личности со стороны признанного им авторитета (значимого другого); соотношение или различение личности с иными личностями; полнота осмысления причинно-следственных связей жизненного пути, его неразорванности. Таким образом, Э. Эриксон изучал личностную идентичность как процесс и результат социального взаимодействия и рассматривал этот процесс через возрастные кризисные точки, среди которых наиболее значимыми, по его мнению, являются детский и юношеский возрасты. Идентичность, по Э. Эриксону, реализуется через осознание того, что «синтезирование “эго” обеспечивается тождеством человека самому себе и непрерывностью, и что стиль идентичности совпадает с тождеством и непрерывностью того значения, которое придается значимым другим в непосредственном окружении» (Эриксон, 1996: 59). Психосоциальный компонент идентичности выражен следующими категориями: осмысленное принятие индивидуальной идентичности; бессознательное стремление к неограниченности личностных психологических черт и проявлений; эго-синтез; приверженность к философии определенной группы.

Дж. Марсиа, анализируя концепцию идентичности Э. Эриксона, отметил ее наиболее сильные теоретические стороны: это прежде всего структурированность, аналитичность, фактическая воспроизводимость и, главное, возможность практического изучения, эмпирического шкалирования процессов сформированности идентичности (Marcia, 1980). Вслед за Э. Эриксоном, Дж. Марсиа развивает так называемую статусную модель идентичности, в которой излагает свое видение становления идентичности через событийный аспект как совокупность полученных в детстве прочтений себя, формирующих мощный механизм самоотождествлений, основанный на предикативной аналитике – через ретроспекцию к будущему. Дж. Марсиа называет четыре статуса идентичности. Первый – это достигнутая идентичность, когда личность переживает кризис, изучает варианты и принимает осмысленную картину мира. Второй – мораторий, при котором личность деятельно рассматривает возможные сюжеты идентичности, при этом еще не осуществлен финальный выбор сценария идентичности. Третий статус – предрешенная идентичность, когда личность соглашается с происходящим без изучения всех аспектов и граней событий, порой испытывая давление извне. Четвертый статус – диффузная идентичность, когда нет оснований для кризиса, для какой-либо ответственности или долга перед кем бы то ни было. Интересно, что статусная модель, по мнению ее автора, не статична и не имеет четкой структуры, а реализуется в динамике повседневности как синтез всех ее проявлений (Marcia, 1980).

Дж. Марсиа отметил дуальность этапов в процессе самоопределения: этап поиска, который предполагает анализ возможных вариантов идентичности, ролей, интерактивных проявлений, анализа самопроявлений; этап принятия, когда личность утверждает внутри себя сценарий своего пути, судьбы, выбора и начинает методично его воплощать. Интересно, что Дж. Марсиа при исследовании идентичности применяет проверенный им на практике психологический метод полуструктурированного интервью (Identity Status Interview), выявляющий профессиональные цели, религиозные и политические убеждения опрашиваемого. Ему удалось доказать, что статусы идентичности связаны с психологическими характеристиками, такими как самооценка, тревожность и адаптация личности.

Концепцию идентичности А. Ватермана отличает внимание к исходной точке формирования этого феномена и его семантическим параметрам. Такой точкой, по его мнению, выступает первичный выбор ценностей и вытекающих из них убеждений, что впоследствии выражается как составляющие идентичности. Идентичность формируется как множественные выборы и не всегда проявляется поступательно, может идти и в обратном направлении: не вперед, а назад. Семантический компонент акцентируется на ценностно-волевом аспекте личности, куда включается видение самоуправления сценариями судьбы через внимание к целям, нравственным ориентирам, убеждениям. Эти элементы жизненной картины мира человека развиваются, по мнению А. Ватермана, в период кризиса идентичности. Ученый называет четыре жизненных пространства, которые более других формируют идентичность: профессиональное развитие, религиозные ценности и смыслы, политические убеждения, социальная жизнь человека (Waterman, 1982).

В контексте психологической парадигмы исследует идентичность И.С. Кон, рассматривая данный концепт в качестве условного конструкта личности (Кон, 1984: 125). Он обозначил проблему интерперсонального контекста становления и существования идентичности. В модели построения идентичности ученый выделяет три критерия. Первый – психофизический аспект как совокупность анатомо-физиологических характеристик в слиянии с неповторимыми психологическими особенностями личности: психофизику связывают с медицинскими показателями человека, прежде всего с его иммунной системой, идентичностью клеток, определяющих собственные клетки и чужие. Второй критерий – социальный аспект, проявляющийся в осмыслении личностью

собственной причастности к отдельным социальным сообществам, определенным группам. Третий критерий – синтез внутренних смыслов, на которых строится своеобразие «я». Эта тройственность концепта «идентичность», по И.С. Кону, отражает активную динамику понятия, зависит от мотивов личности, балансируя во внутреннем и внешнем ее пространстве.

Обобщая существующие концепции, современные исследователи структурируют форматы восприятия идентичности с точки зрения психологического подхода, дополняя известные теории различными авторскими моделями. Так, например, А.Б. Гаглоева характеризует идентичность как субъективный и одновременно объективный процесс. По ее мнению, идентичность обусловлена потребностью индивида в идентификации с группой себе подобных, что «сопровождается процессом сравнения своей социальной группы с другими, и на этой основе позволяет сделать выбор, отражающий... целостность я-концепции и характер взаимодействия с социальной средой» (Гаглоева, 2019). По мнению А.Ф. Поломошнова, идентичность личности тесно привязана к процессам социализации «на основе усвоения индивидом стержневых социокультурных качеств, они превращаются в индивидуализированный и интериоризированный комплекс личностной самотождественности» (Поломошнов, Поломошнов, 2020: 130). Д.В. Кузина дает оценку идентичности как субъективному состоянию личности, в котором выражается осознание ею себя как своеобразной стойкой системы, переживание постоянного центрирующего «я» и его сохранение» (Кузина, Акимова, 2020: 125).

Мы видим, что психологические концепции идентичности рассматривают данную структуру не как статическое, а как динамическое явление в совокупности мировоззренческих позиций, персональных смыслов, обобщая представления о концепте как о внутренней сущности, ядре личности, тесно связанном с ценностно-смысловой системой (Селюгина 2012: 262). Предметом идентичности выступает личностная или социальная проявленность личности на уровне индивидуального сознания. Естественно, что при этом акцент делается на психологическом механизме формирования и развития идентичности.

Свой вклад в исследование идентичности личности внесли социологи. Основоположником социологического взгляда на идентичность личности принято считать Дж. Мида. Исследователь рассматривал поведенческий аспект идентичности как навык и умение человека анализировать собственное поведение в его целостном проявлении. Идентичность рассматривается как некая модель, гармонично регулирующая личностное, частное и социальное. Идентичность имеет функцию адаптации индивида, с помощью которой в результате последовательного синтеза отдельных сторон рефлексивного «я» формируется целостный образ личности, или самость, которую и называют идентичностью. Ключевой тезис в работах Дж. Мида – идентичность отдельной личности представляет собой социальный продукт, развивающийся благодаря общению, взаимодействию человека и общества. Концепция Дж. Мида позволила направить исследование идентичности в область социального измерения через изучение социализации личности (Мид, 1996).

Т. Парсонс рассматривал идентичность как совокупность механизмов, кодов, сущность которых составляют установки и правила. В его видении идентичность входит в конструкт личности и не должна рассматриваться в качестве некоего состояния. Т. Парсонс применяет функциональный подход к изучению идентичности. С социологической точки зрения он анализирует корреляцию отношений индивида и среды, в которой он существует. По его мнению, социальная среда многосистемна и каждая ее составляющая играет определенную роль и осуществляет возложенные на нее функции. Для Т. Парсонса важно было проследить, как структурные институты формируют ценности и выборы людей, диктуя поведение и предпочтения. Соответственно, он пришел к выводу, что социальная идентичность отражает статичные системы правил, следуя которым личность выбирает действия, обусловленные ролью, исполняемой в обществе. Роли проявляются посредством профессионального становления, социального статуса, иных социальных ролей. Социальная роль выполняет адаптивную функцию. Стержень идентичности опирается на культуру, традиции и ценности общества. Собственно идентификация проявляется как принятие ценностей другого, с кем индивид себя идентифицирует, тогда и сам индивид, и важный другой константны в своих ролевых взаимоотношениях, где нормативный социальный кодекс для них становится общим. Интернализация социальных норм выступает как логическая составляющая картины мира индивида, принятая им добровольно и не навязанная ему извне (Парсонс, 1997).

К основным социальным институтам, формирующим ролевую идентичность личности, Т. Парсонс относил семью и школу. Семью он считал ответственной за усвоение общечеловеческих ценностей, развитие первых представлений о социальных ролях. Школу рассматривал как некое локальное общество, в котором воспроизводятся все законы общества в широком смысле, и именно школа выступает институтом, выступающим посредником между семьей и универсальными правилами жизни. Религию Т. Парсонс считал базисом политических стандартов и убеждений личности, важных для политической жизни общества. Именно социализация становится ведущим

механизмом, при котором посредством принятия разнообразных культурных форм – лингвистических, традиционных, нравственно-этических – личность усваивает очертания приемлемых для нее социальных ролей и принимает решение добросовестно играть эти роли (Парсонс, 1997).

В концепции П. Бергера и Т. Лукмана идентичность проанализирована с позиции социального конструирования существующей картины мира. Идентичность рождается в дискурсе взаимодействия социального и личностного, из диалектики индивида и общества. Разнообразные общественные процессы прямо или косвенно влияют на внутреннюю природу человека, этот же процесс действует и наоборот: яркая идентичность может двигать общественные процессы. Высшая, истинная идентичность возможна при следовании важным этапам: признание в группе правил и норм поведения; отождествление с множеством социальных ролей, важных для данного общества; сохранение неповторимого «я»; принятие идентичности представителями социума. П. Бергер и Т. Лукман указывают на первичную и вторичную социализацию. Первая из них способствует созданию представлений индивида об образе других членов социума; вторая дает возможность глубокой социализации и деятельного участия в реально происходящих процессах в мире. Это участие выражено как интернализация, при которой идентичность управляет поведением человека, позволяя ему принимать и проживать разнообразные роли. П. Бергер и Т. Лукман предлагают собственную классификацию форм идентичностей: родовая, гендерная, национальная (этническая), конфессиональная, поколенческая, семейно-родственная, гражданская, профессиональная (трудовая). В конечном счете им удалось убедительно доказать, что идентичность не заложена в человеке изначально, а формируется в процессе социализации (Бергер, Лукман, 1995).

Новизна концепции идентичности Э. Дюркгейма заключается в том, что он сосредоточил внимание на исследовании механизмов, которые являются сложным формирующим началом идентичности, где общество выступает главным влияющим элементом. Э. Дюркгейм изучает морфологические типы солидаризации внутри общества, подразделяя саму солидаризацию на два вида. Первый – механическая солидарность – проявляется в первобытно-общинных, синкретических обществах, где трудовые функции каждого члена размыты и неконкретны. Второй вид – органическая солидарность – обнаруживается в развитых обществах, где разделение функций способствует обмену деятельностью, опытом, продуктами между членами коллектива. Чем примитивнее общество, тем больше люди в нем схожи, выше уровень принуждения, насилия, в то время как в развитом обществе люди терпимее друг к другу (Деменева, 2019: 263). Основываясь на анализе традиционных и современных обществ, Э. Дюркгейм формулирует теорию трансляции социальной идентичности: в традиционных обществах индивид формирует идентичность на основе культуры социума, а в современных – за счет коллективных норм, ценностей социальной организации (Дюркгейм, 1991).

Э. Дюркгейм обосновывает идею о том, что ощущение социальной принадлежности возможно, только если личность открыто принимает установленные законы, традиции, наделяет собственными смыслами принятые в обществе ценности и искренне разделяет групповые нормы: «В профессиональной группе мы видим прежде всего моральную силу, способную сдерживать натиск разных форм индивидуального эгоизма, поддерживать в сердцах трудящихся живое чувство их общей солидарности» (Дюркгейм, 1991: 14). Связующим звеном между прошлыми и будущими поколениями выступает социализация, без которой невозможно построение полноценного общества, и каждый индивид должен принять ценности, свойственные породившему его социуму. Солидарность регламентирует социальную жизнь общества – тем теснее и крепче связь индивида с группой. Коллектив отстаивает себя в борьбе против агрессивного влияния личности, отторгающей законы и обычаи, усиливая в этой борьбе статус единства. Социальные взаимоотношения крепнут благодаря коллективному сознанию, принятым устремлениям, выработанным убеждениям, религиозным основам.

Э. Дюркгейм не употреблял напрямую термин «идентификация», но основные аспекты этого процесса изложены в идеях формирования социальной сущности личности. Ему удалось доказать, что социальная реальность не просто отражает индивидуальные предпочтения или выборы человека, а активно формирует их.

Оригинальное исследование идентичности предложено представителем символического интеракционизма Ч. Кули, который разработал теорию «зеркального «я»». Наименование теории в оригинале звучит как Looking-Glass Self и непосредственно переводится словосочетанием «зеркальная самость». Эта метафорическая терминология научно интерпретируется ее автором: 1) что личность думает о том, как ее видят другие люди; 2) что личность думает о том, какова ее общая оценка этими другими; 3) эмоциональное самоощущение личности как реакция на ее оценивание со стороны других (Кули, 2000). Понимание, осмысливание, осознание себя является динамическим процессом, а вовсе не статическим состоянием, и поступательное развитие этого понимания происходит во взаимодействии с разными личностями. Именно первичные группы

(семья, родственники, друзья) играют ведущую роль во всех стадиях развития самости. Ч. Кули подчеркивает, что индивиды склонны выбирать круг общения среди людей, которые поддерживают их самоидентификацию (Кули, 2000).

Концепции идентичности, разработанные П. Бурдьё и Э. Гидденсом, интегративны. П. Бурдьё вводит в научный социологический оборот термин «габитус», в значение которого включает идеи, возникшие под влиянием общественности, используемые личностью в разных ситуациях. Эти идеи дают основание выбору, поведению, образу мышления человека (Бурдьё, 1994, 2002). Именно габитус определяет основу социальной идентичности личности. Габитус может быть личным или групповым, но всякий раз он выступает как отражение собственной роли в социальной среде. Социальная идентичность, по П. Бурдьё, проявлена как принятие внешних норм, ставших личными убеждениями человека. Для Э. Гидденса социальные позиции фиксируются в круге прав и обязанностей, которые можно активизировать или выполнить (Гидденс, 2003).

В современном российском научном социологическом дискурсе интересен альтернативный взгляд на идентичность как многоуровневую модель: «анализ уровней идентичности показывает, что они могут трансформироваться... в силу объективных и субъективных причин, может иметь место “сужение” (или фрагментация) или “расширение” идентичностей» (Жаде и др., 2022: 158). Подобное моделирование исследовано З.А. Жаде и Р.Д. Хунаговым (Хунагов, Жаде, 2021).

Рассматривая идентичность с национально-гражданской позиции, исследователи обращают внимание на отождествление личности с нацией, которое проявляется как гражданская позиция, направленная на различные сферы жизни страны: политическую, культурную, общественную. Именно поэтому важнейшим институтом, позволяющим проявить идентичность, выступает гражданство. Концепция многоуровневой идентичности обосновывает важную идею: «национально-гражданская идентичность подразумевает... представление о себе как о представителе титульной нации, ответственной за историческое прошлое и современное состояние» (Жаде и др., 2022: 159).

Многоуровневость реализована в синтезе национально-гражданской, региональной и этнической идентичности. *Национально-гражданская* идентичность проявляется в широком контексте как осознание принадлежности и эмоциональной причастности к политическому и гражданскому сообществу определенного государства, основана на социальной солидарности и ответственности за судьбу нации. *Региональная* идентичность прежде всего проявлена территориально как глубокая связь человека с местом, где он воспитывался, рос и продолжает проживать. Такой вид идентичности напрямую не отражает национальную специфику, именно поэтому яркие примеры проживания на одной территории людей разных национальностей. *Этническая* идентичность базируется на осмыслении внутренней принадлежности к конкретной этнической общности и выражена в трансляции ее системы «социально-исторических и антропологических атрибуций» (Жаде и др., 2022: 159), сопричастности истории, культуре, нормам этноса и проявлении солидарности со своим этносом.

Таким образом, социологический подход отражает детерминированность идентичности личности обществом. Субъектом идентичности выступает личность как член общества, поэтому в ее структуре важны социальные параметры индивидуальной идентичности, отождествление с социумом и его установленными правилами. В любом случае личностная идентичность социальна и поэтому подвергнута влиянию правовой системы, политических особенностей, культурной жизни. В широком социальном контексте возможно исследование идентичности как социальных групп, так и общества.

Значительным эвристическим потенциалом обладает также культурологический подход к определению идентичности личности. Идея культуры как начала морального, эстетического, интеллектуального развития человека была выдвинута еще в Античности софистами Протагором, Антифонтом, Гиппием. Именно Гиппий впервые стал рассуждать об идеях, созвучных мысли о глобальной культуре, он полагал, что люди в своей сущности равны и только культура позволяет отличить один народ от других. Культура, по мнению софистов, антагонична природе: сущность жизни людей субъективна, а мира природы – объективна. Марк Туллий Цицерон утверждал, что содержание культуры основано на воспитании потребности стремиться проявлять черты идеального гражданина, полностью понимающего предназначенную ему обществом и государством роль¹.

В Новое время был сделан новый шаг в развитии культурологического взгляда на идентичность. Так, примордиалистский подход оценивал национальную идентичность как данность человеку от природы, при которой национальность проявляется на базе совокупности этнических и культурных устоев без привязки к государственному строю. Примордиализм был наиболее ранним

¹ Брагова А.М. Марк Туллий Цицерон об идеальном гражданине и государстве : дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2005. 257 с.

направлением в антропологии и этнологии, развивавшимся на основе установок философии эссенциализма и романтизма XIX в. Представителями этого направления выступили И.Г. Гердер, Ж.А. де Гобино, Н.Я. Данилевский. В этот период в структуре философской мысли активно использовались концепты «национальный дух», «национальный характер», «душа нации».

Мысль о развитии универсальных «элементарных идей», формирующих исходное сходство культур, была выдвинута в концепции А. Бастиана: все человеческие общества разделяет набор «элементарных идей» – универсальных для всего человечества форм мышления, заложенных на первоначальном этапе развития человечества. Однако формируются разные культуры и «народные идеи», характерные только для отдельных общностей, выражающих их локальные трансформации (Бастиан, 2007). Культура отдельного человека, рождение и формирование его мифологического мышления, развитие религиозных понятий и традиций, фольклора, искусства есть итог влияния особых законов развития общей широкой культуры и воздействия географических, исторических причин на его идентичность.

Почвеннический взгляд в отечественном философском дискурсе расширил рамки исследования идентичности. Выдвигаются новые содержательные понятия, такие, например, как «сердце просвещения», предложенное И.В. Киреевским, которое включает в себе идею развития культурных центров, транслирующих основы русской идентичности через популяризацию национальных ценностей. И.В. Киреевский доказывал своеобразие и оригинальность русской идентичности (2006). Эта мысль была развита в трудах философов Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева, И.А. Ильина, своеобразно раскрывавших феномен российской культурной идентичности.

В современном философском дискурсе культурологический подход к осмыслению идентичности приводит к пониманию его динамической структуры. Поиск форм, идей, позволяющих укреплять культурную общероссийскую гражданскую идентичность, помогает ученым осознать необходимость исследования концепта «идентичность» разным методологическим инструментарием. Ученые часто склоняются к обоснованности применения синтеза подходов.

Во-первых, это исследования в рамках дихотомической модели культуры, в которой используются разные подходы. Например, в интерпретации Л.В. Мельниковой уместно разделить цивилизационный, личностный и социологический подходы: «необходимо попытаться разработать такую концептуально-методологическую основу исследования, в которой удалось бы осуществить продуктивную интеграцию всех трех подходов» (Мельникова, 2010: 233). Авторский коллектив – в составе И.И. Горловой, Т.В. Коваленко, А.В. Крюкова и др. – предлагает применять ценностно-нормативный подход. Анализируя изменения в политике культуры, культурных трендах и их влияние на идентичность личности, авторы заключают, что «обоснованная система ценностей, укорененная в систему идентичностей, определяет процесс формирования гармонично развитого целостного человека, стабильность развития социума...» (Региональная культурная политика..., 2019: 57).

Во-вторых, это теории, отражающие моделирование социальных процессов. Например, в этом ключе можно рассмотреть концепцию анализа идеализации успеха, демонстрирующую современный пространственно-средовой инструментарий деятельности человека и направленную на автокоммуникацию (Бакуменко, 2021).

Многообразные версии культурологического подхода к идентичности рождают предпосылки для обсуждения актуальных детерминант инкультурации, культурной идентичности, культурных образов, с которых считаются модели современной идентичности. Например, в концепции социальной автокоммуникации Г.В. Бакуменко опирается на идею о том, что культурная идентичность формирует условия культурной атрибуции и предлагает авторское прочтение иерархии ее уровней: *индивидуальный*, когда личность готова принять культурные эталоны общества; *организационный* – личность опирается на субъектность организаций, ее корпоративную культуру в производстве базовых ценностей; *институциональный* – личность реализуется в разных отраслях социальных практик: науке, системе образования, медицине, сельскохозяйственной деятельности; *национально-государственный* – личность включается в государственный социальный континуум; *межнациональный* уровень связан с трансграничной деятельностью, глобализацией, диктующей условия жесткой унификации (Бакуменко, 2021). При этом А.А. Нагой отмечает, что «стремление... к доминированию... общемировой культурной идентичности входит в противоречие с принципом свободного выбора личностью культурных образов» (Нагой, 2022: 116), значительно дегармонизирует культурную идентичность.

Культурологический подход подчеркивает динамизм становления идентичности человека на основе конвергенции и дивергенции, при которых процессы личностного формирования происходят как одновременное сближение и взаимообмен культур. При этом в противовес им личность формируется через отрицание всеми принятыми норм, традиций, правил.

В концепции М.В. Заковоротной концепт «культурная идентичность» рассматривается как триада идентичности культуры, идентичности социальных групп и идентичности личности.

Первую из них автор связывает с осознанием особенностей культуры, оформленным в виде истории, мифов, религии, духовной жизни народа (Заковоротная, 1999). Вторую она связывает с местом социальных групп в социокультурном хронотопе: «становление социальной общности на основе выбора и формирования места в социальном взаимодействии путем социальной детерминации» (Заковоротная, 1999). Третья, по мнению автора, является итогом социокультурной идентификации в заданном историческом, социокультурном пространстве: «процесс становления человека на основе выбора и формирования жизненной модели в социальном взаимодействии во имя исторической самореализации» (Заковоротная, 1999). М.В. Заковоротная приходит к выводу о личной идентичности как принятии «своего исторического жизненного пути, своего смысла, своего времени» (Заковоротная, 1999).

В концепции А.Я. Флиера исследуются типы маркеров идентичности: анатомические, культурные, общественные, политические, когнитивные и досуговые. Именно этот набор исходных данных способен описать культурную сущность человека (Флиер, 2012: 112–113). А.Я. Флиер указывает на социокультурный характер идентичности и отмечает параллельность ее социализации и инкультурации, выступающих в структуре самоопределения в социокультурном поле. Социализацию как процесс ориентирования автор описывает по множеству параметров: как культурные условия жизнедеятельности, социальные роли и способы исполнения этих ролей в имеющихся условиях (Флиер, 2015). Инкультурацию как процесс обретения человеком культурной компетентности автор рассматривает как совокупность критериев: освоение систем ценностных ориентаций, этикетных норм, общепринятой интерпретации различных явлений, познание национальных и сословных традиций, господствующей морали, эрудиция в социальных и гуманитарных знаниях (Флиер, 2015).

Культурологический срез показывает идентичность и как результат, и как особый, неповторимый образ культуры, вне которой ее существование невозможно.

Каждый из трех рассмотренных нами дисциплинарных подходов к идентичности личности имеет преимущества и ограничения, но дисциплинарная фрагментация в сочетании с внутренней концептуальной фрагментацией внутри каждого из подходов порождает потребность и стимул к формированию интегрального подхода, позволяющего преодолеть неоднозначные и неопределенные представления об идентичности личности в современном дискурсе. На точки согласия между альтернативными подходами обращает внимание Е.П. Белинская: она указывает на развитие некоторых остро выраженных в «текущем» современном дискурсе идентификационных особенностей личности, которые могут привести либо к укреплению субъектности, либо к ее утрате. Точкой согласия она считает также включение темы идентичности в психологический контекст, в рамках которого исследуются мотивы, мировоззрение, смыслотворчество личности. Наконец, Е.П. Белинская останавливается и на такой точке согласия: «на “текучей” идентичности человека “текучей” современности, лишенной структурной определенности и завершенности» (Белинская, 2018: 8).

Нам представляется продуктивной интеграция трех подходов: психологического, социального и культурологического на основе принципа дополнительности. Интеграция позволяет сосредоточиться одновременно на разных аспектах феномена «идентичность», рассмотреть дисциплинарные подходы как моменты развития целостной всесторонней концепции идентичности вместо их разделения и противопоставления.

Основой такой интеграции является общеполитическая концепция идентичности. Поиск определения идентичности, которое содержит в себе ядро, зародыш всех дисциплинарных и концептуальных разветвлений и выражает общую сущность идентичности как фундаментального параметра человеческой природы и личности, приводит к анализу базовых концептуальных дефиниций идентичности. Г.У. Солдатова дает такое определение: «...идентичность – это не только принятие определенных групповых представлений, готовность к сходному образу мыслей и разделяемые этнические чувства. Это также построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях...» (Солдатова, 1998). К.В. Злоказов предлагает трактовать идентичность как «целостность целей, установок, убеждений, определяющих социальное развитие личности, а также ее последовательное и непротиворечивое взаимодействие с обществом» (Злоказов, 2015: 100). С.Ф. Арутюнян утверждает, что идентичность – это сложная динамическая система организации потребностей, мотивов, способностей, убеждений, ценностей, установок, определяющая самоидентификацию личности в пространстве и времени в результате единых процессов социализации и индивидуализации¹. З.А. Жаде и Р.Ю. Шикова пишут, что «идентичность социальна по происхождению, так как формируется в результате взаимодействия с людьми и усвоения каждым выработанного в процессе коммуникации языка, а изменения идентичности обусловлены социальными изменениями» (Жаде, Шикова, 2008: 70).

¹ Арутюнян С.Ф. Концептуальный анализ феномена идентичности и особенности ее формирования, развития и проявления : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ереван, 2007. 42 с.

Наше определение идентичности характеризуется интегративностью и предлагается как специфическая онтологическая иерархичность психологического и социокультурного пространства в духе многомерности и полицентризма. Идентичность – это качество личности, основанное на единстве, связности, цельности ее свойств, деятельности и самосознания, рассматриваемая как социокультурный комплекс личностных характеристик и их проявлений в психических формах деятельности, а также социально-групповая, групповая интегрированность, дающая индивиду социокультурную субъектность, способ и форму его интеграции в социокультурные общности более высокого порядка; это индивидуализированная культура, личностно освоенная и принятая от того общества, в котором живет личность. При формулировании данной дефиниции предпринята попытка структурирования ролей, которые образуют иерархическую систему индивидуальной идентичности в сознании отдельного человека.

Таким образом, соотнесение концепций и положений разных дисциплин обеспечивает оценку одной и той же проблемы с различных позиций, способствует осмыслению идентичности в контексте динамики прошлого, настоящего и будущего. Именно возможности междисциплинарного анализа, на наш взгляд, позволят вписать идентичность в контекст российских и глобальных изменений.

Список источников:

- Бакуменко Г.В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. М., 2021. 276 с.
- Бастиан А. Об этнологических классификациях / пер. с нем. М.В. Новикова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 9: Исследования молодых ученых. 2007. № 6. С. 219–226.
- Белинская Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8, № 1. С. 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995. 322 с.
- Бурдье П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 45–60.
- Бурдье П. Начала. М., 1994. 288 с.
- Гаглоева А.Б. Теоретические аспекты изучения идентичности личности в социально-психологической науке // Chronos. 2019. № 8 (35). С. 7–10.
- Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М., 2003. 525 с.
- Гуревич П.С., Спирина Э.М. Идентичность как социальный и антропологический феномен: монография. М., 2015. 367 с.
- Деменева А.О. Социологические теории идентичности // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XXII Междунар. конф. памяти проф. Л.Н. Когана. Екатеринбург, 2019. С. 261–271.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. 574 с.
- Жаде З.А., Гвашева Б.З., Шадже Л.А. Многоуровневая идентичность в оценках научного сообщества Адыгеи // Вестник Калмыцкого университета. 2022. № 4 (56). С. 157–165. <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2022-56-4-157-165>.
- Жаде З.А., Шикова Р.Ю. Концептуальные подходы к исследованию феномена идентичности в российской науке // Теория и практика общественного развития. 2008. № 2. С. 67–72.
- Задворная Е.С. Феномен идентичности: история формирования понятия и современные подходы к изучению // Ценности и смыслы. 2017. № 1. С. 24–37.
- Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов н/Д., 1999. 200 с.
- Злоказов К.В. Современные модели развития идентичности личности (в контексте эриксоновской традиции) // Педагогическое образование в России. 2015. № 11. С. 99–108.
- Ильин Е.А. Дефиниции понятий «идентичность» и «гражданская идентичность» в качестве комплексного психолого-педагогического концепта // Право. Экономика. Психология. 2024. № 3 (35). С. 80–86.
- Капицын В.М. Идентичности: сущность, состав, динамика (дискурс и опыт визуализации) // PolitBook. 2014. № 1. С. 8–32.
- Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: в 4 т. Калуга, 2006. Т. 2. 365 с.
- Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М., 1984. 335 с.
- Кузина Д.В., Акимова М.О. Идентичность как предмет психологического исследования // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 2. С. 122–126. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-2-122-126>.
- Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000. 309 с.
- Маслова Е.С., Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. Идентичность и гуманизм в эпоху трансформации: монография. Персиановский, 2019. 224 с.
- Мельникова Л.В. Проблема культурной идентичности: концептуальные подходы // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5. С. 226–234.
- Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренкова. М., 1996. С. 222–225.
- Нагой А.А. Уровни формирования культурной идентичности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. № 2 (299). С. 109–119. <https://doi.org/10.53598/2410-3691-2022-2-299-109-119>.
- Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева. М., 1997. 270 с.
- Поломошнов А.Ф. Современные концепции идентичности // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2020. № 4-2 (38). С. 18–25.
- Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. Проблема идентичности личности в контексте интегративного подхода // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 5. С. 128–136. <https://doi.org/10.37482/2227-6564-V056>.
- Региональная культурная политика: методология, институты, практики: Ценностно-нормативный подход: монография / отв. ред. А.Л. Зорин. М., 2019. 206 с.

- Селюгина П.Б. Личностная идентичность: проблема адаптации или целостности // Перспективные направления психологической науки : сб. науч. ст. / ред. А.К. Болотова. М., 2012. С. 261–268.
- Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 386 с.
- Флиер А.Я. История культуры как смена доминантных типов идентичности // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. 14, № 1 (69–70). С. 108–122.
- Флиер А.Я. Человек и культура: параметры сопряженности // Культура культуры. 2015. № 2 (6). С. 8.
- Хунагов Р.Д., Жаде З.А. Многоуровневая идентичность: опыт исследования на Северном Кавказе // Кавказские чтения (памяти проф. В.В. Черноуса) / отв. ред. Ю.Г. Волков, И.П. Добаев. Ростов н/Д., 2021. С. 184–197.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. М., 1996. 344 с.
- Marcia J.E. Identity in adolescence // Handbook of adolescent psychology / ed. by J. Adelson. N. Y., 1980. P. 47–98.
- Waterman A. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // Developmental Psychology. 1982. Vol. 18, no. 3. P. 341–358. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.18.3.341>.

References:

- Akimova, M.O. & Kuzina, D.V. (2020) Identity as a subject of psychological research. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 26 (2), 122–126. Available from: doi:10.34216/2073-1426-2020-26-2-122-126. (In Russian)
- Bakumenko, G.V. (2021) Value dynamics of symbols of success: Based on film distribution statistics. Moscow, Sam Poligrafist. (In Russian)
- Bastian, A. (2007) On ethnological classifications. *Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists' Research*. (6), 219–226. (In Russian)
- Belinskaya, E.P. (2018) Modern identity studies: From structural certainty to procedural incompleteness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*. 8 (1), 6–15. Available from: doi:10.21638/11701/spbu16.2018.101. (In Russian)
- Berger, P. & Luckmann, T. (1995) Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge. Moscow, Medium. (In Russian)
- Bourdieu, P. (1994) Beginnings. Moscow, Socio-Logos. (In Russian)
- Bourdieu, P. (2002) Identity and representation: Elements of critical reflection of the idea of "region". *Ab Imperio*. (3), 45–60. (In Russian)
- Cooley, C.H. (2000) Human nature and social order. Moscow, Idea-Press. (In Russian)
- Demeneva, A.O. (2019) Sociological theories of identity. In: *Culture, personality, society in the modern world: Methodology, experience of empirical research: Proceedings of the XXII International conference in memory of professor L.N. Kogan*. Ekaterinburg, UrFU, 261–271. (In Russian)
- Durkheim, E. (1991) The division of labour in society. The method of sociology. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Erickson, E.H. (1996) Identity, youth and crisis. Moscow, Progress. (In Russian)
- Flier, A.Ya. (2012) History of culture as a change of dominant types of identity. *Person. Culture. Society*. 14 (1), 108–122. (In Russian)
- Flier, A.Ya. (2015) Man and culture: Parameters of conjugacy. *Culture of Culture*. (2), 8. (In Russian)
- Gagloeva, A.B. (2019) Theoretical aspects of the study of personal identity in social and psychological science. *Chronos*. (8), 7–10. (In Russian)
- Giddens, E. (2003) The arrangement of society: An essay on a theory of structuration. Moscow, Akademicheskii Proekt. (In Russian)
- Gurevich, P.S. & Spirova, E.M. (2015) Identity as a social and anthropological phenomenon. Moscow, Kanon+. (In Russian)
- Ilyin, E.A. (2024) Definitions of the concepts of identity and civic identity as a comprehensive psychological and pedagogical construct. *Law. Economics. Psychology*. (3), 80–86. (In Russian)
- Kapitsyn, V.M. (2014) Identity: Essence, structure, dynamics (Discourse and experience visualization). *PolitBook*. (1), 8–32. (In Russian)
- Khunagov, R.D. & Zhade, Z.A. (2021) Multilevel identity: Research experience in the North Caucasus. In: Volkov, Yu.G. & Добаев, I.P. (eds.) *Caucasian readings (In memory of prof. V.V. Chernous)*. Rostov-on-Don, Fond Nauki i Obrazovaniya, 184–197. (In Russian)
- Kireevsky, I.V. (2006) Complete works. Vol. 2. Kaluga, Grif. (In Russian)
- Kon, I.S. In (1984) Search of oneself: Personality and its self-awareness. Moscow, Politizdat. (In Russian)
- Marcia, J.E. (1980) Identity in adolescence. In: Adelson, J. (ed.) *Handbook of adolescent psychology*. New York, John Wiley, 47–98. (In Russian)
- Maslova, E.S., Polomoshnov, A.F. & Polomoshnov, P.A. (2019) Identity and humanism in the era of transformation. *Perisianovsky, Donskoy GAU*. (In Russian)
- Mead, G. (1996) Internalized others and the self. In: Dobrenkov, V.I. (ed.) *American sociological thought*. Moscow, Izdatel'stvo Mezhdunarodnogo Universiteta Biznesa i Upravleniya, 222–225. (In Russian)
- Melnikova, L.V. (2010) The problem of cultural identity: Conceptual approaches. *Humanities and Social Sciences*. (5), 226–234. (In Russian)
- Nagoi, A.A. (2022) Levels of cultural identity formation. *Bulletin of the Adyghe State University. Series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology"*. (2), 109–119. Available from: doi:10.53598/2410-3691-2022-2-299-109-119. (In Russian)
- Parsons, T. (1997) The system of modern societies. Moscow, Aspekt-Press. (In Russian)
- Polomoshnov, A.F. (2020) Modern identity concepts. *Bulletin of Don State Agrarian University*. (4-2), 18–25. (In Russian)
- Polomoshnov, P.A. & Polomoshnov, A.F. (2020) The problem of personal identity in the context of the integrative approach. *Vestnik NArFU. Philosophy*. (5), 128–136. Available from: doi:10.37482/2227-6564-V056. (In Russian)
- Selyugina, P.B. (2012) Personal identity: The problem of adaptation or integrity. In: Bolotova, A.K. (ed.) *Promising directions of psychological science: Collection of scientific articles*. Moscow, VShE, 261–268. (In Russian)
- Soldatova, G.U. (1998) Psychology of interethnic tensions. Moscow, Smysl. (In Russian)
- Waterman, A. (1982) Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review. *Developmental Psychology*. 18 (3), 341–358. Available from: doi:10.1037/0012-1649.18.3.341.
- Zadvornaya, E.S. (2017) The phenomenon of identity: The history and modern approaches to research. *Values and Meanings*. (1), 24–37. (In Russian)

- Zakovorotnaya, M.V. (1999) Human identity. Social and philosophical aspects. Rostov-on-Don, SKNC VSh. (In Russian)
- Zhade, Z.A. & Shikova, R.Ju. (2008) Conceptual approaches to research of a phenomenon of identity in the Russian science. *Theory and Practice of Social Development*. (2), 67–72. (In Russian)
- Zhade, Z.A., Gvasheva, B.Z. & Shadzhe, L.A. (2022) Multilevel identity in the assessments of the scientific community of Adygea. *Bulletin of Kalmyk University*. (4), 157–165. Available from: doi:10.53315/1995-0713-2022-56-4-157-165. (In Russian)
- Zlokazov, K.V. (2015) Contemporary models of person's identity development (In the context of Erikson's tradition). *Pedagogical Education in Russia*. (11), 99–108. (In Russian)
- Zorin, A.L. (ed.) (2019) Regional cultural policy: Methodology, institutions, practices: Value-normative approach. Moscow, Institut Naslediya. (In Russian)

Информация об авторах

О.Б. Емельянова – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин, Донской государственной аграрной университет, Персиановский, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=998189

Е.С. Маслова – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и управления персоналом, Южный университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=732917

А.П. Воронина – аспирант, Донской государственной аграрной университет, Персиановский, Россия.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

O.B. Emelyanova – PhD in Philology, Associate Professor, Head at the Department of Foreign Languages and Socio-Humanitarian Disciplines, Don State Agrarian University, Persianovsky village, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=998189

E.S. Maslova – PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology and Personnel Management, Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=732917

A.P. Voronina – PhD Student, Don State Agrarian University, Persianovsky village, Russia.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests:

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 37.032

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.34>

Становление и развитие системы образования в России: личностные ценности современных студентов

Елена Олеговна Каменная

Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия,
Elena.Kamennaya1@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8652-155X>

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу взаимосвязи между историческим становлением российской системы образования, формированием ценностей и динамикой ценностных ориентаций современной молодежи. В работе отражен теоретико-методологический анализ понятия «ценность», выявлены основные сущностные характеристики. Обозначены ключевые этапы становления образовательной системы в России – от принятия православия к советской модели и постсоветским трансформациям, внимание акцентировано на становлении ценностной сферы образования. Продемонстрировано влияние исторических моделей образовательной деятельности на формирование базовых ценностей и установок в обществе. На основе теоретического анализа и данных социологических исследований выявляется система ценностей современных студентов, понимание и отождествление ими традиционных российских ценностей, а также определяются основные противоречия и точки роста в современной образовательной политике. Делается вывод о необходимости формирования новой образовательной стратегии, которая синтезировала бы позитивный исторический опыт с актуальными ценностными запросами нового поколения.

Ключевые слова: образование, воспитание, молодежь, ценность, современный студент

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Каменная Е.О. Становление и развитие системы образования в России: личностные ценности современных студентов // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 268–276. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.34>.

Original article

Formation and Development of the Education System in Russia: Personal Values of Modern Students

Elena O. Kamennaya

Vladivostok State University, Vladivostok, Russia,
Elena.Kamennaya1@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8652-155X>

Abstract. The article delves into a comprehensive analysis of the relationship between the historical development of the Russian education system and the formation and dynamics of values among modern youth. It presents a theoretical and methodological analysis of the concept of “value”, identifying its key essential characteristics. Key stages in the development of the Russian educational system are outlined – from the adoption of Orthodoxy to the Soviet model and post-Soviet transformations – with a focus on the development of the value-based sphere of education. The influence of historical models of educational activity on the formation of basic values and attitudes in society is demonstrated. Based on theoretical analysis and sociological research data, the author identifies the value system of modern students, their understanding and identification of traditional Russian values, and identifies the main contradictions and growth points in modern educational policy. The author concludes that it is necessary to form a new educational strategy that would synthesize positive historical experience with relevant value demands of the new generation.

Keywords: education, upbringing, youth, value, modern student

Funding: Independent work.

For citation: Kamennaya, E.O. (2025) Formation and Development of the Education System in Russia: Personal Values of Modern Students. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 268–276. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.34](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.34) (In Russian).

Введение. Влияние глобализационных процессов на современный социум демонстрирует необходимость активного внедрения современных технологий в образовательный процесс, благодаря чему происходит интеллектуальный рост обучающихся, проявляется интерес к приобретению новых знаний. В связи с модернизацией образовательного процесса наблюдается переоценка ценностных аспектов обучающей среды, трансформация отношений обучающихся к образовательному

процессу. Ценности современной молодежи подвижны, их значимость определяется одобрением социума.

Актуальность исследования определяется значительными преобразованиями во всех сферах жизни социума, которые ведут к пересмотру культурных традиций и духовных ценностей. В первую очередь, это оказывает влияние на мировоззрение, формирование картины мира, жизненные цели современной молодежи как наиболее уязвимой и адаптирующейся социальной группы.

Цель исследования заключается в анализе ценностной сферы современной молодежи. В связи с чем был проведен анализ категориального понятия «ценность»; рассмотрены ключевые ценности современных молодых людей; проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление отношения к ценностям.

В контексте аксиологического подхода были рассмотрены единство личности и социума в культурном контексте для выявления взаимосвязи культурно-исторических значимостей и ценностей.

Исторический метод позволил рассмотреть становление образовательной деятельности, определить присущую ей ценностную сферу, а также изменения в процессе развития.

Благодаря информационному подходу в исследовании проведен анализ информационной составляющей образовательной деятельности через призму формирования ценностей в процессе обучения и воспитания студентов.

Основным методом исследования выступил анализ ранее проведенных исследований, а также синтез полученных данных.

Базисом эмпирического исследования выступили социологическое исследование (анкетирование) и психодиагностическая методика М. Рокича, позволившая провести анализ ценностей современных студентов.

Анализ исследований и публикаций, посвященных проблеме. Обращение к понятию «ценность» позволяет выделить многогранность интерпретации. С одной стороны, под ценностью понимаются признаки, свойства, характеристики, присущие предмету, явлению или личности, значимые для человека, социума (Рокеач, 1973). С другой – общепринятые идеалы и нормы, правила нравственности и морали, характерные для социума, предполагающие систему требований к поведению, мышлению, развитию индивидуума (Гартман, 2002). Именно ценности выступают результатом жизнедеятельности человечества, наполненных исторической значимостью, определяющих культурную одухотворенность.

Историческая ретроспектива позволяет определить изучение сущности понятия «ценность» с античности до настоящего времени. Так, в V веке до н. э. Ксенофонт сопоставлял понятие «ценность» с полезностью деятельности, выделяя внутренние, значимые достоинства человека. Сократ, в свою очередь, считал ценностью добродетель. Он видел в ней гуманность и праведность в соотношении с познанием, силой разума, пониманием блага, характерными для человека, обогащенного культурой (Ксенофонт, 2023). Платон в книге «Законы» охарактеризовал ценность как благо, способствующее определению идеи разума. Стремление человека к миру идей и добродетели определяется высшей ценностью (Платон, 2020). Тем самым, в контексте античной мысли под ценностью понимается добродетель, доброта, красота души как идеальные сущности, к которым стремится человек.

Переоценка античных ценностей, наблюдаемая в эпоху Средневековья, способствовала развитию теологической аксиологии. Неизменная первооснова мира, мыслимая единством объективности (или Абсолютом) и субъективности бытия человека, выступают наивысшей ценностью, характеризующая его мировосприятие. В XIII в. активно развивается томистская школа, основанная на трудах Ф. Аквинского. Ключевой характеристикой мировоззрения выступает синтез бытия, базирующийся на неукоснительном следовании догматам Священного Писания (Бохенский, 2000).

Период Ренессанса, пришедший на смену средневековой культуре в XIV–XVI вв., отличался распространением идеи антропоцентризма, способствующей укреплению релятивистских взглядов. Первостепенными выступали идеалы свободы человека и земные ценности (Монтень, 1991).

Эпоха Просвещения характеризуется установлением новых ценностей: прогресса, научных достижений, разума и др. Так, по мнению Р. Декарта, ценности приобретают настоящую значимость благодаря разуму (Декарт, 2020). В то же время Т. Гоббс выделяет их значимость в экономической и социальной сферах, поскольку ценности необходимо рассматривать через их восребнованность человеком (Гоббс, 2001).

Р.Г. Лотце способствовал развитию идеи объективного идеализма. Специфическая характеристика понятия «значимость» определяет важность предмета, объекта или явления и становится соотносима с понятием «ценность». Характеристика ценностей разнообразна, наибольшее значение имеют те, которые соответствуют общим нормам, правилам морали и идеалам социума (Тулузакова, 2019).

Для осмысления сущности ценности рассмотрим теоретико-методологическую составляющую исследуемого понятия.

И. Кант акцентировал отношение к ценности в контексте априорного метода познания. Он разграничил сущее и должное, обозначив последнее сферой ценностей (Кант, 2007).

В контексте философско-феноменологического подхода Ф. Ницше инициировал переоценку всех ценностей, подчеркнув их историческую и культурную обусловленность (Ницше, 2005). М. Шелер разработал иерархическую модель ценностей – от чувственных до религиозных (Scheler, 2024).

В рамках социологического подхода ценности интерпретируются как факторы социальной регуляции и интеграции. Э. Дюркгейм ввел понятие «коллективные представления и ценности», которое он считал основой социального единства и солидарности (Дюркгейм, 2025).

Психология трактует ценности как элементы структуры личности, влияющие на поведение, мотивацию и установки. М. Рокич разделил ценности на терминальные, те, к которым личность стремится, и инструментальные, как необходимые качества для их достижения (Rokeach, 1973). Ш. Шварц усовершенствовал ценностную модель М. Рокича, классифицировав отношение к ценностям исходя из мотивационной цели индивида (Schwartz, 1992).

Согласно культурно-антропологическому подходу, ценности выступают уникальной целостной системой, характерной для конкретного исторического и культурного периода. Ф. Боас рассматривал ценности в качестве идентичности каждой культуры, заложив основы культурного релятивизма (Боас, 2023). Г. Хофстеде и соавторы выделили типологическую систему изменения ценностей, благодаря которой выражаются ценностные ориентации социума (Hofstede et al., 2010).

В контексте культурологического анализа ценности выступают одним из главных объектов изучения. При проведении сравнительного анализа истории становления государств А. Дж. Тойнби определял креативность, подражание и культурную самобытность высшей ценностью, которая обеспечивает развитие цивилизации (Toynbee, 1987). П.А. Сорокин характеризовал ценности ядром культуры (Сорокин, 2024). Структурированная модель культурных ценностей, разработанная Ф. Клакхоном и Ф.Л. Стродбеком, выделяла ценностные ориентации человечества, разделяя совокупность проблем, где каждая культура предлагала решение согласно собственной самобытности (Kluckhohn, Strodtbeck, 1961).

Сохранение и трансляция ценностей определяют культурную самобытность. Особое значение данных функций наблюдается в контексте образования, поскольку именно педагогическая деятельность является непрерывным процессом передачи знаний, овладения умениями, формирования навыков, а также способствует интеллектуальному развитию, совершенствованию креативного мышления и становлению картины мира обучающихся.

Система образования является ключевым институтом воспроизводства социальной структуры. Согласно П. Бурдьё, его главная функция заключается в легитимации и закреплении существующих социальных иерархий. Это достигается через механизмы культурной репродукции и трансляции символического капитала, что поощряет социальное неравенство (Бурдьё, 1994).

Становление российского образования характеризуется исторической динамикой культуры. Изучение истории России возможно в качестве результата духовной деятельности, достижением которого являются культурные ценности. Традиционные российские ценности демонстрируют уникальность культуры присущих ей исторических периодов, определяют самобытность, духовность и национальный характер. Рассмотрим становление ценности российского образования как воспроизводство культурного типа личности.

Анализируя российский фольклор, транслирующий традиционные ценности, можно выделить восточнославянские сказки, сюжет которых передается от сказителя детям и носит поучительный характер¹.

Благодаря Крещению Руси в 998 г. влияние, оказываемое Византией, обеспечивало деятельность церковных школ, где посредством обучения и воспитания передавались духовные ценности российскому народу. Принятие населением религиозных установок способствовало развитию идеалов добродетельности (Степанов, 2021). Так, распространение христианства обеспечило создание храмов и монастырей, обеспечивающих обучение грамоте, иностранным языкам, основам морали (Колпакова, 2022).

Церковь в XI–XIII вв. поддерживалась государством, в связи с чем именно представители духовенства выступали трансляторами духовной культуры, формируя российский тип личности.

Начало новой эпохи, связанное с избавлением от нашествия монголо-татар Иваном III, ознаменовало сплочение народа, расцвет веры и религии. Приобщение к церкви подразумевало становление справедливой, одухотворенной, грамотной личности (Ильин, 2018).

¹ Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. М., 2013. 556 с.

Окончание правления династии Рюриковичей привело к кризисному положению государства, что способствовало тенденции обращения к вере и определило закрепление незыблемости национальных традиций среди населения (Антонов, 2019).

Избрание Михаила Федоровича Романова на царство в 1613 г. Земским собором стимулировало развитие ремесел – были приглашены заграничные мастера для обучения русского населения (Козляков, 2004).

Согласно азбуковникам (сборникам учебных и церковных основ), образовательный процесс продолжал осуществляться духовенством. Были предприняты попытки создания интегральной системы образования, в частности, открытие начальных государственных, гарнизонных и адмиралтейских школ для дворянских детей¹.

Реформы Петра I способствовали переоценке устоявшихся ценностей. Повсеместное профессиональное обучение дворян, указ об открытии первой в России Академии наук, создание первого музея – все это стремительно повышало интеллектуальное развитие населения. Наблюдается трансформация культурно-исторических ценностей, рост интереса к образовательной деятельности, появление светских школ.

Благодаря Елизавете Петровне продолжается активное развитие образовательной системы: учреждены новые школы общего образования, трансформированы существующие вузы, проведена реформа по созданию первого Императорского Московского университета (сейчас МГУ им. М.В. Ломоносова). Кроме того, императрица инициировала масштабную реставрацию резиденций и поместий, а для возведения новых дворцов были приглашены зарубежные специалисты. Достижения в области культурного просвещения затрагивали литературу и журналистику, а также способствовали созданию первой Публичной библиотеки в стране.

Политика императрицы Екатерины II в области образовательной деятельности была направлена на распространение общедоступного обучения. Она организовала масштабное строительство учебных заведений различного уровня: открыла «народные школы» в Петербурге (1781 г.), которые распространились на все российские города (1782 г.), создала Воспитательное общество благородных девиц (1764 г.).

При Александре I образование приобретает повсеместный и обязательный характер. Существенным нововведением необходимо отметить учреждение бесплатных начальных школ, обеспечившее зарождение просвещения среди простых людей, однако распространить грамотность среди крестьян стало возможным лишь после ликвидации крепостничества (1861 г.) и создания земств (1864 г.).

Стремление к массовому просвещению отразилось в правлении Николая I. Благодаря министру просвещения С.С. Уварову была сформулирована идеологическая теория народности «Православие – Самодержавие – Народность», нацеленная на приобщение молодых людей к ценностным ориентирам: идеализации православия, сохранению и трансляции национальной культуры, единению, а также самодержавию как единственно допустимой форме правления в стране (Ильин, 2018).

Свидетельством глубинной трансформации российского просвещения считаются реформы 1864 г., инициированные Александром II. Модернизация гимназий и прогимназий выступила целостной экосистемой знаний, выстраивая триаду обучения: элементарная подготовка – системное образование – профессиональная специализация. Заложенные принципы стали прообразом будущей национальной образовательной модели, где доступ к знаниям постепенно переставал быть привилегией.

Создание системы педагогических институтов при Николае II следует рассматривать как вынужденную реакцию на нарастающий кадровый голод. Индустриализация империи требовала массовой грамотности, что привело к пересмотру роли учителя в социуме (Колыванова, 2014).

Смена власти в 1917 г. ознаменовала изменение приоритетности ранее сложившихся культурных ценностей, формируя идеологические установки и заменяя церковные институты (Прохоров, 2021). С введением планово-распределительной экономики в 1930-е гг. возник качественно новый социальный заказ. Произошла трансформация просвещения в механизм воспроизводства человеческого капитала. Интеграция идеологии через молодежные организации обеспечила консолидацию молодежи вокруг государственных приоритетов. Формирование устойчивой мотивации к образовательной деятельности характеризовалось успехами в карьерном росте, улучшении материального положения, в связи с чем мотивированная молодежь стремилась не просто к получению образования, а к достижениям, отвечающим интересам государства.

Период перестройки советского канона (1980-е – середина 1990-х гг.) инициировал процесс глубинной реконструкции образования, следствием которой выступает приоритет индивидуальности обучающегося, повышенное внимание к психолого-педагогическому сопровождению.

¹ Балязин В.Н. Неофициальная история России. Петр Великий. М., 2010. 256 с.

Признание независимости РСФСР вызвало аксиологический кризис, в котором нормативные порядки вступили в противоречие¹. Наблюдаемая коммерциализация культурного пространства обеспечила смену ценностных оснований. Образовательные институты выступили пространством, где осуществлялась компенсация социальной аномии через сохранение элементов нормативного порядка. Именно образовательная система становится социальным институтом, обеспечивающим сохранение культурной самобытности, смягчая последствия аксиологической трансформации (Суворова, 2017).

Кризисное положение населения начало разрешаться в начале XXI в. Влияние глобализации негативно сказывалось на национальной идентичности, приобщая молодежь к ценностям, характерным для капиталистических стран.

Преодоление системного кризиса постсоветского периода в 1990-х гг. ознаменовалось переходом от экономической стабилизации к установлению ценностного пространства. Это проявилось в указах Президента РФ: от 30.12.2021 № 745 «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России»²; от 27.06.2022 № 401 «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника», который подчеркивает престиж преподавательской деятельности³; от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи»⁴.

Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁵ (далее – Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809) представляет собой уникальный пример легитимации сложного аксиологического синтеза. Обращает на себя внимание эклектичность ценностного конструкта, объединяющего принципы просвещения, добродетели и духовные ориентации.

Обращаясь к основным институтам социализации и инкультурации – учебным заведениям, транслирующим общенациональную идентичность, – ценностная сфера раскрывается именно в контексте обучающе-воспитательной деятельности, формируя целостную картину мира. Механизм защиты от «деструктивной идеологии» обеспечивается за счет тщательного изучения поступающей информации, коррекции девиантного поведения, формирования критического мышления, совершенствования стрессоустойчивости. Воспитательная деятельность становится базисом, обуславливающим становление добропорядочного гражданина, понимающего и транслирующего морально-нравственные дефиниции российского общества.

Результаты исследования и их обсуждение. Для детального рассмотрения исторической ретроспективы становления ценностей в образовании мы обратились к ценностям современных студентов как представителей адаптирующейся социальной группы.

В качестве инструментария для исследования ценностно-смысловой сферы современных обучающихся выступила методика М. Рокича «Ценностные ориентации», позволяющая проанализировать терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства) ценности. Определив в данной системе две основные категории значимостей, автор выделил систему ценностей, основанную на ранжировании, объединив их в представленной методике.

В исследовании, проведенном в апреле 2024 г., респондентами выступили 118 студентов ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет» в возрасте от 18 до 24 лет. Для визуализации полученных данных ранжирование, предусмотренное ключом методики, было представлено в виде среднего значения по каждой группе ценностей.

Согласно полученным данным (рис. 1), в системе терминальных ценностей современных студентов доминируют «Здоровье» (22,88 %), «Любовь» (19,49 %), «Друзья» (14,41 %), «Счастливая семейная жизнь» (13,50 %), а также уделяется внимание «Развитию» (11,76 %).

Среди ценностей-средств (рис. 2) респонденты отмечают «Ответственность» (14,41 %), «Независимость» (13,56 %), «Образованность» (12,71 %), «Исполнительность» (11,30 %) и «Честность» (8,76 %). Исследование демонстрирует, что современная ценностная картина современной молодежи сочетает в себе верность традициям (ответственность, стремление к образованию) и новые капиталистические идеалы, главный из которых – личная независимость. Выявленное стремление к независимости способствует постепенному вытеснению традиционных российских ценностей, таких как взаимная поддержка, общность, соборность.

¹ Платонов О.А. Перестройка как преступление. Из воспоминаний и дневников. М., 2014. 384 с.

² О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 30.12.2021 № 745. Доступ из инф.-правовой системы «Гарант».

³ О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 27.06.2022 № 401. Там же.

⁴ О проведении в Российской Федерации Года семьи [Электронный ресурс] : Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875. Там же.

⁵ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. Там же.

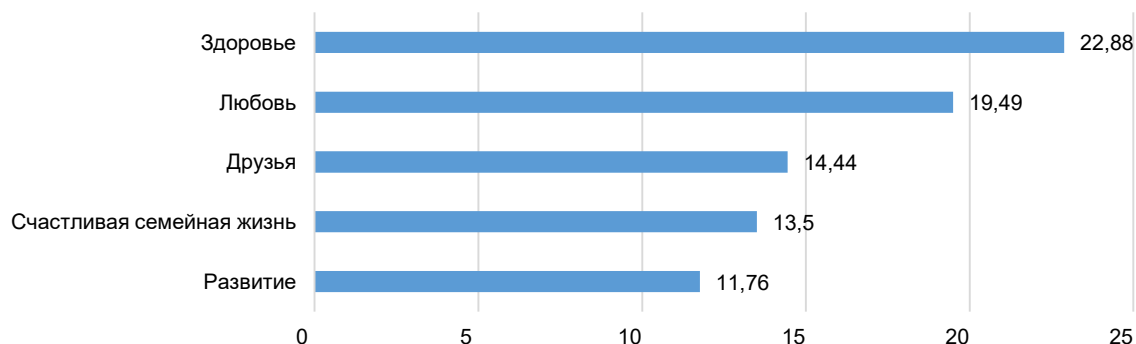

Рисунок 1 – Терминальные ценности респондентов¹

Figure 1 – Terminal Values of Respondents

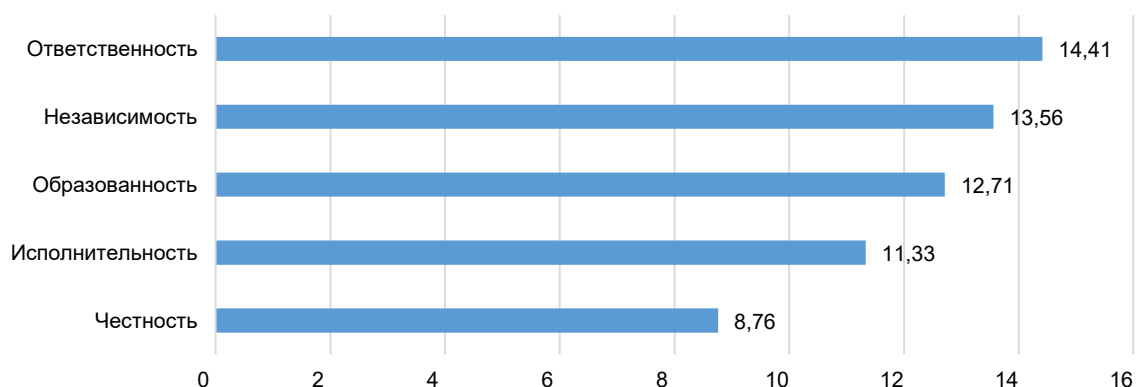

Рисунок 2 – Инструментальные ценности респондентов

Figure 2 – Respondents' Instrumental Values

Несмотря на обширное количество исследований, посвященных ценностным ориентациям студентов, выявляется необходимость в комплексном анализе, направленном на измерение глубины восприятия ценностей, формирующих гражданскую идентичность. Важно понять, насколько государственная аксиологическая модель откликается в сознании молодежи и интегрируется в его личностной картине мира. Целью исследования является диагностика отношения студенческой молодежи к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, закрепленным в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809.

Исследование, проведенное в апреле 2025 г., охватило 115 студентов ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет» от 18 до 24 лет.

Для углубленного качественного анализа был применен метод фокус-групповых дискуссий, позволяющий определить понимание закрепленных ценностей и отношение к ним. После чего студентам было предложено ранжировать ценности, выделяя три самые важные из них (рис. 3).

Исследование показало, что абсолютно доминирующей ценностью респонденты определили «Жизнь» (41 %). Полученный результат может интерпретироваться как показатель высокого уровня экзистенциальной ориентации молодежи, их стремления к самореализации.

Следующая по значимости ценность – «Взаимопомощь и взаимоуважение» (20 %). Данный показатель демонстрирует значимость для студентов межличностных отношений, основанных на сотрудничестве и понимании, а также сохранение коллективистских начал в образовательной сфере, исторически присущих культурной самобытности россиян.

Третья ключевая ценность – «Крепкая семья» (11 %) – подтверждает, что семейные отношения остаются важной стабильной ценностью для значительной части студенчества. Данный результат демонстрирует укрепление положения социального института семьи.

Среди других значимых ценностей в иерархии были выделены «Справедливость» (8 %), «Права и свободы человека» (7 %), «Милосердие» (5 %). Демонстрируемое распределение ценностей отражает стремление к гуманному взаимодействию.

¹ Все рисунки в статье составлены автором.

Рисунок 3 – Предпочтительные ценности студентов

Figure 3 – Students' Preferred Values

Ключевые ценностные ориентиры, такие как «Приоритет духовного над материальным», «Высокие нравственные идеалы», «Коллективизм», «Достоинство», находятся на одной позиции (2 %) и определяют положительные моральные качества молодежи. Данные ценности характеризуют стремление к личностному росту и показывают, к чему стоит стремиться.

Ценности, закрепленные Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 и не отображенные в исследовании, не были отмечены респондентами. Возникает необходимость проработки понимания проявления данных ценностей в образовательном пространстве для комплексного развития современной молодежи.

Выводы. Влияние, оказываемое мировой политикой и экономикой, может негативно сказываться на сохранении культурной самобытности современной молодежью. В связи с чем возникает потребность в защите сознания молодых граждан от агрессивного информационного воздействия, пропагандирующего ценности западных государств и капиталистические идеалы.

Система образования играет ключевую роль в становлении личности, поскольку ее задача заключается в формировании у молодых людей ценностной основы как базиса личностной картины мира. В контексте получения образования сформированные навыки тщательного подбора информации, совершенствование стрессоустойчивости, бережное отношение к истории отечества способствуют закреплению ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809.

Проведенное исследование является пилотным, поскольку оно показывает необходимость в расширении выборки, а также обуславливает важность внедрения дополнительных методов трансляции социокультурных значимостей и исторических ценностей страны в контексте образовательного учреждения.

Ценностный портрет современного студента комплексный и многомерный. В нем сочетаются индивидуально-экзистенциальное начало, характеризующее ценность жизни; социально-ориентированные ценности (взаимопомощь, взаимоуважение), а также традиционные (крепкая семья, справедливость, права и свободы человека, милосердие и др.).

Несмотря на доминирование личностного благополучия, современные студенты не утратили интереса к построению гармоничных и прочных отношений с окружающими.

Определена необходимость взаимодействия с молодежью для углубленного понимания, проработки и реализации ценностей, не отображенных в исследовании, в частности в системе высшего образования.

Список источников:

- Антонов Д.И. Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М., 2019. 312 с.
Боас Ф. Ум первобытного человека / пер. с англ. А.М. Водена, В.Г. Богораза. М., 2023. 303 с.
Бохенский Ю.М. Современная европейская философия / пер. М.Н. Грецкого. М., 2000. 256 с.
Бурдые П. Начала : сборник / пер. с фр. Н.А. Шматко. М., 1994. 288 с.
Гартман Н. Этика / пер. с нем. А.Б. Глаголева. СПб., 2002. 712 с.
Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. 478 с.
Декарт Р. Рассуждения о методе. М., 2020. 416 с.
Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. А.Б. Гофман. 4-е изд., испр. М., 2025. 307 с.

- Ильин В.Н. Триада С.С. Уварова «Православие – Самодержавие – Народность» // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2018. № 16. С. 33–35.
- Кант И. Метафизика нравов / пер. с нем. М., 2007. 400 с.
- Козляков В.Н. Михаил Федорович. М., 2004. 346 с.
- Колпакова О.В. Как учились на Руси. История образования в России. М., 2022. 48 с.
- Колыванова В. Последний император Николай II. М., 2014. 64 с.
- Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / пер. С.И. Соболевский. М., 2023. 472 с.
- Монтень М. Опыты. Избранные главы / пер. с фр. Г. Косикова; примеч. Н. Мавлевич. М., 1991. 656 с.
- Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык [и др.]. М., 2005. 880 с.
- Платон. Законы : сборник / пер. с древнегр. М., 2020. 704 с.
- Прохоров Е.А. Феномен сообщества веры в преподавании социально-гуманитарных дисциплин // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : материалы 26-й Всерос. науч.-метод. конф. Иркутск, 2021. С. 243–247.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2024. 975 с.
- Степанов А.В. Церковь в условиях чрезвычайных ситуаций: история и современность (богословский аспект проблемы) // Вторые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н.А. Пьянова: материалы конференций. Иркутск, 2021. С. 166–183. <https://doi.org/10.47905/MATGIP.2021.30.72.019>.
- Суворова И.М. Кризис аксиосферы отечественной культуры в период перестройки как «Предчувствие» гражданской войны // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 41–1. С. 52–58.
- Тулупакова М.В. Образование как социокультурная ценность // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2019. № 1 (22). С. 46–49.
- Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the mind: Intercultural Cooperation and its importance for survival. N. Y., 2010. 576 p.
- Kluckhohn F.R., Strodtbeck F.L. Variations in Value Orientations. N. Y., 1961. 437 p.
- Rokeach M. The Nature of Human Values. Free Press, 1973. 438 p.
- Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. M., 2024. 624 p. (на нем. яз.)
- Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25. P. 1–65. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6).
- Toynbee A.J. A Study of History. Oxford University Press, 1987. 432 p.

References:

- Antonov, D.I. (2019) *Tsari i samozvantsy: bor'ba idey v Rossii Smutnogo vremeni* [Tsars and impostors: the struggle of ideas in Russia of the Time of Troubles]. Moscow. 312 p. (In Russian)
- Boas, F. (2023) *Um pervobytnogo cheloveka* [The mind of primitive man]. Moscow. 303 p. (In Russian)
- Bocheński, J.M. (2000) *Sovremennaya yevropeyskaya filosofiya* [Modern European philosophy]. Moscow. 256 p. (In Russian)
- Bourdieu, P. (1994) *Nachala* [Beginnings]. Moscow. 288 p. (In Russian)
- Descartes, R. (2020) *Rassuzhdeniya o metode* [Reasoning about the method]. Moscow. 416 p. (In Russian)
- Durkheim, E. (2025) *Sotsiologiya. Yeye predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, and purpose]. 4th ed., corr. Moscow. 307 p. (In Russian)
- Hartmann, N. (2002) *Etika* [Ethics]. St. Petersburg. 712 p. (In Russian)
- Hobbes, T. (2001) *Leviafan* [Leviathan]. Moscow. 478 p. (In Russian)
- Hofstede, G., Hofstede, G.J. & Minkov, M. (2010) *Cultures and Organizations: Software of the mind: Intercultural Cooperation and its importance for survival*. New York. 576 p.
- Ilyin, V.N. (2018) Triad S.S. Uvarov "Orthodoxy – Autocracy – Narodnost". *Altayskiy vestnik gosudarstvennoy i munitsipal'noy sluzhby*. (16), 33–35. (In Russian)
- Kant, I. (2007) *Metafizika nravov* [Metaphysics of Morals]. Moscow. 400 p. (In Russian)
- Kluckhohn, F.R. & Strodtbeck, F.L. (1961) *Variations in Value Orientations*. New York. 437 p.
- Kolpakova, O.V. (2022) *Kak uchilis' na Rusi. Istoriya obrazovaniya v Rossii* [How they studied in Russia. The history of education in Russia]. Moscow. 48 p. (In Russian)
- Kolyvanova, V. (2014) *Posledniy imperator Nikolay II* [The last Emperor Nicholas II]. Moscow. 64 p. (In Russian)
- Kozlyakov, V.N. (2004) *Mikhail Fedorovich* [Mikhail Fedorovich]. Moscow. 346 p. (In Russian)
- Montaigne, M. (1991) *Opyty. Izbrannyye glavy* [Experiments. Selected Chapters]. In: Mavlevich, N. (notes). Moscow. 656 p. (In Russian)
- Nietzsche, F. (2005) *Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vseh tsennostey* [The Will to Power. An Attempt at a Revaluation of All Values]. Moscow. 880 p. (In Russian)
- Platon (2020) *Zakony* [Laws]. Moscow. 704 p. (In Russian)
- Prokhorov, E.A. (2021) Fenomen soobshchestva very v prepodavanii sotsial'no-gumanitarnykh distsiplin [The phenomenon of community of faith in the teaching of social and humanitarian disciplines]. In: *Podgotovka kadrov dlya silovykh struktur: sovremennyye napravleniya i obrazovatel'nyye tekhnologii* [Personnel training for law enforcement agencies: modern trends and educational technologies]. Irkutsk, pp. 243–247. (In Russian)
- Rokeach, M. (1973) *The Nature of Human Values*. Free Press. 438 p.
- Scheler, M. (2024) *Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik*. Moscow. 624 p. (In German)
- Schwartz, S.H. (1992) Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*. 25, 1–65. Available from: [doi:10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6).
- Sorokin, P.A. (2024) *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics]. Moscow. 975 p. (In Russian)
- Stepanov, A.V. (2021) Church in emergency situations: history and modernity; the theological aspect of the problem. In: *Vtoryye mezhdunarodnyye teoretiko-pravovyye chteniya imeni professora N.A. P'yanova* [The Second International Theoretical and Legal Readings named after Professor N.A. Pyanov]. Irkutsk, pp. 166–183. Available from: [doi:10.47905/MATGIP.2021.30.72.019](https://doi.org/10.47905/MATGIP.2021.30.72.019). (In Russian)
- Suvorova, I.M. (2017) Crisis of axiosphere of domestic culture during perestroika as "Presentiment" of civil war. *Vestnik of Kemerovo State University of Culture and Arts*. (41–1), 52–58. (In Russian)
- Toynbee, A.J. (1987) *A Study of History*. Oxford University Press. 432 p.
- Tuluzakova, M.V. (2019) Education as a socio-cultural value. *Actual Issues of Modern Science and Society*. (1 (22)), 46–49. (In Russian)
- Xenophon (2023) *Vospominaniya o Sokrate* [Memories of Socrates]. Moscow. 472 p. (In Russian)

Информация об авторе

Е.О. Каменная – кандидат культурологии, доцент кафедры туризма и гостинично-ресторанного бизнеса, Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1098243

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

E.O. Kamennaya – PhD in Cultural Studies, Associate Professor at the Department of Tourism and Hotel and Restaurant Business, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1098243

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 316.74

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.35>

Трансформация культурных институтов Москвы в контексте модернизации городской среды (2000–2025 гг.)

Артём Сергеевич Лукьянец¹, Александр Александрович Летуновский²

^{1,2}Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
artem_ispr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6451-6693>

²letunovskiy2001@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0602-3329>

Аннотация. В статье рассматривается адаптация культурных институтов Москвы к процессам модернизации городской среды в период с 2000 по 2025 г. На основе синтеза культурологического, урбанистического и институционально-экономического подходов проанализированы механизмы реформирования столичных учреждений культуры и их роль в формировании новой культурной идентичности города. Особое внимание уделено гибридным моделям развития, сочетающим государственную политику модернизации, глобальные тренды и сохранение исторического наследия. Результаты демонстрируют, что пространственная трансформация культурных объектов стала драйвером их функционального перепрофилирования и повышения социальной значимости. Выводы подчеркивают необходимость баланса между коммерциализацией, инклюзивностью и сохранением аутентичности в стратегиях развития городской среды. Практическая значимость исследования связана с рекомендациями для градостроительной политики и управления культурными ресурсами города.

Ключевые слова: культурные институты, музейные практики, городское развитие, модернизация среды, трансформация, пространственное планирование, культурная идентичность, экономика культуры

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Лукьянец А.С., Летуновский А.А. Трансформация культурных институтов Москвы в контексте модернизации городской среды (2000–2025 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 277–283. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.35>

Original article

The Transformation of Moscow's Cultural Institutions in the Context of Urban Modernization (2000–2025)

Artem S. Lukyanets¹, Alexander A. Letunovsky²

^{1,2}Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
artem_ispr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6451-6693>

²letunovskiy2001@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0602-3329>

Abstract. This article examines how Moscow's cultural institutions adapted to the modernization of the urban environment in the period from 2000 to 2025. The research is based on a synthesis of cultural, urban, and institutional-economic approaches, which makes it possible to analyze in detail the mechanisms of reforming the capital's cultural institutions and their contribution to the formation of a new cultural identity of the city. Particular attention is paid to hybrid development models that combine government modernization policies, global trends, and the desire to preserve historical heritage. The results of the study show that the spatial transformation of cultural objects has become the basis for their functional redesign and increased social significance. Conclusions highlight the need for a balance between commercialization, inclusiveness, and the preservation of authenticity in urban development strategies. The practical significance of the study lies in the recommendations for urban planning policy and management of cultural resources of the city.

Keywords: cultural institutions, museum practices, urban development, urban environment modernization, transformation, spatial planning, cultural identity, cultural economics

Funding: Independent work.

For citation: Lukyanets, A.S. & Letunovsky, A.A. (2025) The Transformation of Moscow's Cultural Institutions in the Context of Urban Modernization (2000–2025). *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 277–283. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.35](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.35) (In Russian).

Трансформация культурных учреждений в рамках модернизации городских пространств выражает взаимосвязь социокультурной, экономической и пространственной динамики, что требует междисциплинарного анализа. Москва как постсоциалистический мегаполис, переживающий с 2000 г. стремительную урбанизацию, выступает примером столкновения наследия советской эпохи, глобальных культурных тенденций и государственных программ модернизации (Широкалова, 2023).

Актуальность исследования обусловлена динамичной трансформацией культурного ландшафта Москвы в условиях урбанизационных процессов. Современный мегаполис, выступая пространством конкуренции идентичностей, требует переосмысления роли культурных институций как агентов социальной интеграции и экономического развития (Капутьцевич, 2024). *Цель* данной статьи – систематизировать тенденции эволюции культурных институтов столицы в рамках городской модернизации, используя междисциплинарные подходы культурологии, урбанистики и институциональной экономики.

Обширное количество западных работ, посвященных развитию городской среды (Р. Флорида (2007), К. Линч (1982), Ш. Зукин (2018), А. Лефевр (2023) и пр.), подкрепляется российским академическим дискурсом. Отечественные авторы формируют собственные фокусы исследований, часто концентрируясь на вопросах сохранения архитектурного наследия, развития инфраструктуры (С.А. Капков (2018)), постсоветской трансформации (Д.Е. Фесенко (2020)), культурных репрезентациях города (Л.А. Штомпель (2018)) и т. п. Оба направления обладают значительной ценностью, однако их диалог применительно к комплексному изучению Москвы остается весьма фрагментированным. Это выявляет проблему исследования: отсутствие системного, теоретически обоснованного анализа того, как столичные учреждения культуры адаптировали свою институциональную логику, пространственные практики и символические функции в соответствии с проектами модернизации города в 2000–2025 гг.

Теоретико-методологическая база включает в себя семиотический метод исследования городской среды, а именно ее пространственный анализ, позволяющий прояснить когнитивные константы семиотики города в культурологическом ключе; метод институционализма, с помощью которого городское пространство изучается через призму развития культурных учреждений; сравнительно-исторический метод, отражающий динамику рассматриваемого вопроса, а именно развития культуры в Москве за последние 25 лет, в том числе в сравнении развития культурных институций; а также другие количественные методы, предоставляющие возможность проанализировать различные статистические показатели.

Модернизация города – комплексный социально-экономический феномен, который характеризуется как изменениями физического облика города, так и символическим переосмыслением трансформируемого места. В контексте постиндустриального развития мегаполиса особое значение приобретает Москва, успевшая пережить кардинальную смену политико-экономического устройства с конца прошлого столетия, период ознаменовался переходом от централизованной экономики к рыночной модели и формированию новых принципов городского управления, реализуемых в демократическом ключе.

Преобразования, произошедшие в Москве с 2000 г., отражают попытку целенаправленного переосмысления градостроительной логики советской эпохи, завязанной на иерархичности общественных пространств, стандартизации архитектурных решений, плановости и типовой застройке. Подходом, определяющим пример подобной трансформации, выступает теория визуальной структуры городского пространства, разработанная К. Линчем. Согласно данной теории, город воспринимается человеком через совокупность пяти ключевых элементов: *маршрутов* (pathways), *границ* (edges), *кварталов* (districts), *центров* (nodes) и *ориентиров* (landmarks). Эти элементы формируют когнитивную карту горожанина и структурируют восприятие городской территории, тем самым способствуя повышению ориентационных способностей жителей мегаполиса (Линч, 1982). В контексте Москвы концепция К. Линча об «удобочитаемости» среды может быть адаптирована в процессе восприятия современного культурного ландшафта, где эрозия советского наследия сочетается с конструированием новой идентичности.

Пространственный ребрендинг также демонстрирует соответствие концепции креативного города Р. Флориды, где культурная инфраструктура служит своеобразным магнитом для креативного класса – работников интеллектуального труда, художников и технократов, формирующих основу постиндустриальной экономики (2007). «Золотая миля» в границах ул. Остоженка (неофициальное название нескольких кварталов Москвы между Остоженкой и Пречистенской набережной, закрепившееся в медиа и исследованиях) выступает примером реализации данной концепции. Этот район, возникший в результате программы масштабного реновации 1990–2000-х гг., демонстрирует активное привлечение креативного класса: реконструкция исторических зданий под элитное жилье, концентрирующиеся здесь галереи («Мультимедиа Арт Музей»), образовательные центры (Центр оперного пения Г. Вишневецкой) и коворкинги создают среду, привлекательную для

представителей креативных профессий, что соответствует тезису Р. Флориды о трех Т – талант, технологии, толерантность (2007).

Сами по себе культурные институции (от лат. *institutio* – установление, обычай) в современной научной парадигме трактуются как устойчивые формы организации и регуляции культурной деятельности, направленные на производство, сохранение и трансляцию символических ценностей, артефактов и практик. Культурная институция шире и объемнее понятия организации и представляет собой систему, включающую в себя комплекс формальных и неформальных структур.

Отметим, что Москва – многовековой урбанистический феномен, она представляет собой уникальный пример синтеза исторического наследия и современных трансформаций. Будучи основанной в XII в., столица сохранила элементы средневековой радиально-кольцевой планировки, которая впоследствии накладывалась на градостроительные модели имперского, советского и постсоветского периодов. Подобная многослойность архитектурного ландшафта создает институциональные особенности развития городского пространства, где исторические доминанты соседствуют с модернистскими и постиндустриальными объектами.

В начале 2000-х гг. столица столкнулась с рядом нарастающих проблем, унаследованных от постсоветского времени: транспортной перегруженностью, разобщенностью жителей, моральным и физическим износом инфраструктуры, неактуальными управленческими подходами, отсутствием «зон комфорта», что определялось невысоким консервативным качеством сферы услуг учреждений. Городские парки, библиотеки, музеи и прочие институции находились в запущенном состоянии и не отвечали запросам формирующегося постиндустриального общества. Культурная жизнь концентрировалась преимущественно в центре, тогда как периферия испытывала острый дефицит соответствующих предложений (Фесенко, 2020).

Одним из основных документов, регулирующих развитие культурных институций Москвы в означенный период, стало Постановление Правительства Москвы от 25 декабря 2007 г. «О Городской целевой комплексной программе “Культура Москвы (2008–2010 гг.)”»¹. Ее основная цель была направлена на развитие потенциала институций, обогащение культурной жизни, интеграцию города в европейское и мировое культурное пространство.

Следующий институциональный этап развития Москвы (2010–2018 гг.) характеризуется изменениями, ориентированными на повышение доступности культурных услуг. В рамках этапа продолжалась комплексная модернизация государственных учреждений культуры, практиковались масштабные реставрации, активно развивались культурные объекты, пережившие экономический кризис 2008 г. Одной из основополагающих нормативных инициатив этого времени выступает правительственная программа «Культура Москвы на 2012–2018 гг.», которая, по К.И. Вайсеро, предусматривала развитие инфраструктуры по двум приоритетным направлениям: «1) развитие культурного пространства Москвы как мирового политического, финансового и культурного центра; 2) удовлетворение потребностей населения города в сфере культуры и искусства, повышение привлекательности учреждений культуры для жителей и гостей города» (2015: 146–147). Избранный на пост мэра Москвы в октябре 2010 г. С.С. Собянин определил приоритетное направление городской политики в области культуры как децентрализацию. Она подразумевала передачу полномочий организации культурного процесса на местный уровень для более эффективного взаимодействия с горожанами, что согласовалось с управленческими трендами мировых мегаполисов.

Культурное развитие столицы в 2019–2025 гг. носило двойственный характер, оно подразумевало адаптирующиеся к новейшим трендам инновации, дополнительно усиленные необходимостью преодоления последствий пандемии. Эти процессы заложили основу для перехода к модели умного города, где культура становится инструментом социальной консолидации, активным драйвером экономического развития города (Стрельникова, Веригина, 2023). Так, в рамках политики повышения доступности с 2019 г. в Москве реализуется программа «Московская музейная неделя», предусматривающая предоставление бесплатного доступа в городские музеи в течение одного из дней в каждую третью неделю месяца².

Модернизация культурного пространства Москвы в критический период пандемии (2020–2021 гг.) продемонстрировала комплексную трансформацию учреждений – Россия, равно как и весь мир, находилась в фазе «принудительной инновации» культуры и предполагала прежде всего переход к дистанционным формам предоставления услуг (Саркисова, 2020). Онлайн-практики культурных институций столицы отныне выступали ресурсами поддержания психической

¹ О Городской целевой комплексной программе «Культура Москвы (2008–2010 гг.)» [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Москвы от 25 дек. 2007 г. № 1121-ПП // Официальный сайт Мэра и Правительства Москвы. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/24199220> (дата обращения: 05.09.2025).

² Московская музейная неделя [Электронный ресурс] // Там же. URL: <https://clck.ru/3QeFqC> (дата обращения: 05.09.2025).

устойчивости и снижения социальной депривации граждан, адаптируя свою деятельность к всеобщей самоизоляции.

В рамках проведенного нами анализа можно говорить о шести ключевых тенденциях, отражающих процесс модернизации культурного ландшафта столицы:

1) промышленный редевелопмент, выступающий катализатором экономического развития пришедших в упадок промышленных территорий, имеющих архитектурную значимость для города (памятники модерна, конструктивизма, ампира и пр.);

2) кластеризация зон (организация музейных кварталов, арт-резиденций, кластеров) и гибридизация функциональности институциональных моделей;

3) переход к культурным нишевым проектам (Музей русского импрессионизма, Еврейский музей, Центр «Зотов»), переориентация профилей на современное и актуальное искусство (ЦСИ «Винзавод», МСИ «Гараж»);

4) инклюзивность и цифровизация как общепринятые стандарты открытого культурного развития;

5) сосуществование различных моделей, ориентированных как на иммерсивный, развлекательно-коммерческий формат, так и на авторское, независимое искусство;

6) децентрализация культурной инфраструктуры – смещение концентрации учреждений из центра в периферийные районы города.

Масштабная модернизация транспортной системы стала катализатором изменения культурного ландшафта столицы. Активное развитие метрополитена с созданием пересадочных узлов, открытие Московского центрального кольца (2016 г.) и Московских центральных диаметров (2019 г.) радикально повысили мобильность населения: культурные объекты центра стали доступнее для жителей отдаленных районов. Кроме того, сократились временные и психологические барьеры посещения мероприятий, способствуя равномерному распределению культурного потребления по территории города.

Параллельно в столице развивались общественные пространства: программа «Моя улица» (2015–2020 гг.)¹, реконструкция набережных Москвы-реки и Яузы, масштабное обновление парков (ВДНХ, Парка Горького, парков «Зарядье», «Сокольники», «Музеон») реформировали историческую среду обитания горожан. Эти пространства перестали выполнять сугубо рекреационную функцию, трансформировавшись в многофункциональные среды культурного производства и потребления, став площадками проведения массовых фестивалей, концертов, художественных выставок (Прохоров, 2021).

ВДНХ, ставшая лидером по медийным упоминаниям, воплотила в себе новую модель сочетания исторического наследия, современных музейных комплексов и выставочной деятельности высокого событийного наполнения. Выставку-форум «Россия» (2023–2024 гг.) в общей сложности посетили 18,5 млн человек². Эти процессы означают не просто улучшение среды, но последовательное возникновение форматов публичной культуры, в которой досуг, образование, искусство и общественная коммуникация создают платформу формирования общего культурного кода. На фоне позитивных изменений в благоустройстве общественных пространств значительное увеличение посещаемости демонстрируют музеи столицы (рисунок 1).

По данным ежегодных музейных рейтингов The Art Newspaper Russia, в 2024 г. в сравнении с цифрами предыдущего года показатели посещаемости увеличились на 19 % в Третьяковской галерее, на 19 – Музее Победы, на 5 – музее-заповеднике «Царицыно», на 27 – ГМИИ им А.С. Пушкина, на 13 % – в ЦСИ «Винзавод». Примечательно повышение на 22 % в Доме культуры «ГЭС-2», где годовая посещаемость впервые превысила 1 млн человек³. Устойчивая положительная динамика свидетельствует об увеличении востребованности культурных объектов и даже о частичном возвращении к показателю точки отчета – допандемийному значению 2019 г., что отражает успешность реализуемых мер по актуализации столичной музейной среды.

Согласно данным, представленным С.С. Собяниным, в 2024 г. совокупная посещаемость московских музеев и выставок превысила 17 млн человек. Среди наиболее востребованных объектов культурного наследия и отдыха выделяются заповедник «Царицыно», музей-заповедник «Коломенское», а также историческая усадьба «Кусково»⁴.

¹ Программа «Моя улица» – крупнейший проект благоустройства Москвы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Мэра и Правительства Москвы. 2015. 28 апр. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/2579050> (дата обращения: 07.09.2025).

² Выставку «Россия» посетили 18,5 миллиона человек [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 2024. 8 июля. URL: <https://ria.ru/20240708/vystavka-1958233300.html> (дата обращения: 07.09.2025).

³ Смолев Д. Ежегодный рейтинг посещаемости российских музеев демонстрирует рост [Электронный ресурс] // The Art Newspaper Russia. 2025. 3 июня. URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20250603-pxzf> (дата обращения: 08.09.2025).

⁴ Свыше 17 млн человек посетили столичные музеи и выставки в 2024 г. [Электронный ресурс] // ТАСС. 2025. 10 янв. URL: <https://tass.ru/kultura/22849013> (дата обращения: 08.09.2025).

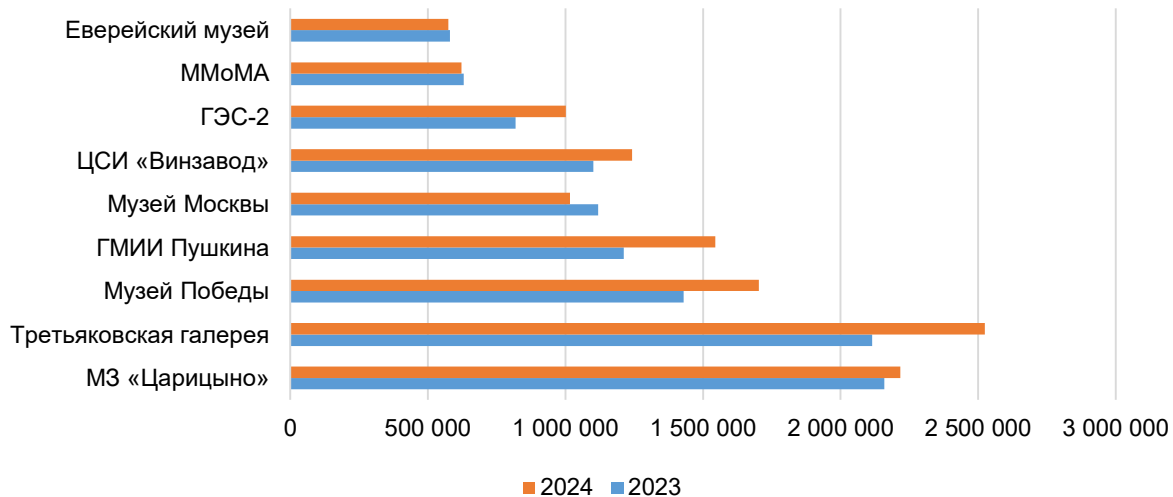

Рисунок 1 – Наиболее посещаемые музеи Москвы в 2023–2024 гг.¹

Figure 1 – The Most Visited Museums in Moscow in 2023–2024

Успех в стратегии децентрализации города также имел ряд значимых социокультурных последствий: если ранее институты были расположены в историческом центре, то в течение 2010–2024 гг. активно развивалась сеть учреждений в районах, способствуя локализации культурной жизни и формированию сообществ непосредственно в местах проживания людей. Программа реновации жилья, предусматривающая строительство новых объектов (школ искусств, досуговых центров) в районах массовой застройки, также выступила инструментом децентрализации культуры. Модернизация повсеместно коснулась библиотек, преобразованных в модельные центры знаний с коворкингами, лекционными залами, арт-пространствами и цифровыми ресурсами².

Цифровизация, проникшая во все сферы городской жизни, породила новые формы доступа и потребления. Внедрение электронных билетных систем, мультимедийных гидов, развитие потоковых трансляций и виртуальных туров существенно расширили аудиторию культурных центров. Более доступной и оперативной стала информация о событиях, чему поспособствовало регулярное ведение социальных сетей учреждениями.

Согласно статистическим данным Аналитического центра НАФИ за 2022 г., подавляющее большинство респондентов, проживающих в Москве и Московской области (82 %), констатировали позитивную динамику изменений в городской среде столицы в период с 2019 по 2022 г. В структуре положительных изменений 27 % опрошенных отметили в качестве фактора улучшений программы благоустройства парков и развития сети общественных пространств. Параллельно с высокой общей оценкой модернизации исследование центра выявило сохранение запроса на дальнейшую оптимизацию городской среды (13 %). Тем не менее 7 % участников указали на избыточную, по их мнению, концентрацию строительных объектов, вызывающих снижение уровня комфорта городской жизни³.

При этом модернизация порождает ряд напряженных ситуаций и конфликтов: отрицательное восприятие благоустройства связывается с навязыванием унифицированной среды – критика сосредотачивается на неэффективном использовании бюджета, замене «нового на новое», логистических неудобствах, уничтожении зеленых зон и регулярном переукладывании тротуарной плитки⁴. Среди прочих негативных факторов отметим снижение общественного энтузиазма к благоустройству, что может указывать на усталость от преобразований, запрос на стабильность и критику их качества. Кроме того, возникают новые инфраструктурные конфликты, связанные с распространением альтернативных видов транспорта: по данным Центра СИТИ (НИУ ВШЭ), езда

¹ Составлено авторами по данным рейтингов The Art Newspaper Russia.

² Собянин рассказал о развитии московских библиотек и книжных сервисов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Мэра и Правительства Москвы. 2024. 2 янв. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/10575050> (дата обращения: 09.09.2025).

³ Москвичи довольны качеством жизни в городе, однако желают дальнейших улучшений [Электронный ресурс] // НАФИ : аналит. центр. 2022. 18 авг. URL: <https://nafi.ru/analytics/moskvichi-dovolny-kachestvom-zhizni-v-gorode-odnako-zhelayut-dalneyshikh-uluchsheniy> (дата обращения: 10.09.2025).

⁴ Калюков Е. Заместитель Собянина объяснил постоянную замену плитки в Москве [Электронный ресурс] // РБК. 2019. 17 сент. URL: https://www.rbc.ru/society/17/09/2019/5d80bd049a79473a90816caf?from=article_body (дата обращения: 10.09.2025).

на самокатах по тротуарам – проблема для горожан, 48 % из которых резко отрицательно относятся к электросамокатам на улицах столицы¹.

В заключение следует отметить, что преобразование городского пространства Москвы в 2000–2025 гг. привело к глубоким, но неоднозначным социокультурным последствиям. Подарив городу современную, функциональную, доступную культурную среду, процесс модернизации обострил фундаментальные вопросы городской жизни: обеспечение локальной идентичности, достижение баланса между эффективностью и человеческим измерением города. Успешность дальнейшего развития будет определяться способностью властей, профессионального сообщества и горожан конструктивно решать эти противоречия, превращая обновленные пространства в подлинно инклюзивные, мультикультурные центры общественного диалога.

Эволюция культурных институций Москвы в период 2000–2024 гг. отражает переход от иерархичных, зависимых от государственного бюджета моделей к гибким multifunctional узлам коммуникации, где факторами успеха становятся адаптивность, смешанное финансирование программ и последовательная интеграция в аутентичную социальную ткань города. Тем не менее устойчивость моделей требует баланса между инновациями и сохранением идентичности, который обеспечит экономическую эффективность и общественную полезность учреждений.

Список источников:

- Вайсера К.И. Практика реализации государственной программы города Москвы «Культура Москвы на 2012–2018 гг.» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2 (64). С. 146–153.
- Зукин Ш. Культуры городов / пер. с англ. Д. Симановского. М., 2018. 456 с.
- Капков С.А. Трансформация общественных пространств как приоритет культурной политики г. Москвы // Общество: философия, история, культура. 2018. № 5. С. 82–86. <https://doi.org/10.24158/fik.2018.5.16>.
- Капультцев И.К. Культурная трансформация: институциональный фактор экономического развития // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2024. Т. 16, № 3. С. 7–20. <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2024-16-3-7-20>.
- Лефевр А. Право на город / пер. с фр. Д. Савосина // Экономическая социология. 2023. Т. 24, № 1. С. 55–70. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-1-55-70>.
- Линч К. Образ города : пер. с англ. М., 1982. 328 с.
- Прохоров С.И. Формирование креативного пространства в современном мегаполисе // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 1 (24). С. 100–110. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-100-110>.
- Саркисова Е.Г. Коммуникационные практики музеев в период пандемии // Культурологический журнал. 2020. № 4 (42). С. 1–6. <https://doi.org/10.34685/HI.2020.28.88.006>.
- Стрельникова А.В., Веригина Т.Е. Город технологичный или город «удобный»: урбанистические тенденции и их воплощение (на примере Москвы) // Мир России. Социология. Этнология. 2023. № 3. С. 6–2. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-3-6-27>.
- Фесенко Д.Е. Основные тенденции в российском градостроительстве – от 1990-х к 2000-м // Архитектура и современные информационные технологии. 2020. № 3 (52). С. 156–172. <https://doi.org/10.24411/1998-4839-2020-15208>.
- Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее : пер. с англ. М., 2007. 421 с.
- Широкалова Г.С. Дискурсивные трансформации городских пространств: культурное наследие и связь поколений : монография. М., 2023. 355 с.
- Штомпель Л.А. Делокализация публичных пространств современного города: культурологический анализ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 10–16.

References:

- Fesenko, D.E. (2020) Main trends of Russian urban planning – from the 1990s to the 2000s. *Architecture and Modern Information Technologies*. (3), 156–172. Available from: [doi:10.24411/1998-4839-2020-15208](https://doi.org/10.24411/1998-4839-2020-15208). (In Russian)
- Florida, R. (2007) Creative class: People who change the future. Moscow, Klassika-XXI. (In Russian)
- Kapkov, S.A. (2018) Transformation of public spaces as a priority of Moscow cultural policy. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 82–86. Available from: [doi:10.24158/fik.2018.5.16](https://doi.org/10.24158/fik.2018.5.16). (In Russian)
- Kapultsevich, I.K. (2024) Cultural transformation: Institutional factor of economic development. *Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal*. 16 (3), 7–20. Available from: [doi:10.38050/2078-3809-2024-16-3-7-20](https://doi.org/10.38050/2078-3809-2024-16-3-7-20). (In Russian)
- Lefebvre, H. (2023) The right to the city. *Economic Sociology*. 24 (1), 55–70. Available from: [doi:10.17323/1726-3247-2023-1-55-70](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-1-55-70). (In Russian)
- Lynch, K. (1982) Image of the city. Moscow, Stroyizdat. (In Russian)
- Prokhorov, S.I. (2021) Formation of a creative space in a modern city. *RSUH Bulletin. Philosophy. Sociology. Art Studies Series*. (1), 100–110. Available from: [doi:10.28995/2073-6401-2021-1-100-110](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-100-110). (In Russian)
- Sarkisova, E.G. (2020) Museum activities during the pandemic. *Journal of Cultural Research*. (4), 1–6. Available from: [doi:10.34685/HI.2020.28.88.006](https://doi.org/10.34685/HI.2020.28.88.006). (In Russian)
- Shirokalova, G.S. (2023) Discursive transformations of urban spaces: Cultural heritage and connection between generations. Moscow, INFRA-M. (In Russian)
- Shtompel, L.A. (2018) Delocalization of public spaces of modern city: Culturological analysis. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury i Iskusstv*. (6), 10–16. (In Russian)

¹ Электросамокаты: битва за Москву [Электронный ресурс] // СИТИ. 2024. 7 июня. URL: <https://clck.ru/3QeHUX> (дата обращения: 16.05.2025).

Strelnikova, A.V. & Verigina, T.E. (2023) Technological city or livable city: Urban trends and their implementation in Moscow. *Universe of Russia*. 32 (3), 6–27. Available from: doi:10.17323/1811-038X-2023-32-3-6-27. (In Russian)
Vaysero, K.I. (2015) The practice of implementation of the state program of Moscow "Moscow culture 2012–2018". *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury i Iskusstv*. (2), 146–153. (In Russian)
Zukin, Sh. (2018) Cultures of cities. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russian)

Информация об авторах

А.С. Лукьянец – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансового менеджмента, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?orgsid=1432

А.А. Летуновский – младший научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1303193

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

A.S. Lukyanets – PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Financial Management, Lomonosov Moscow State University; Leading Research Fellow, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?orgsid=1432

A.A. Letunovsky – Junior Research Fellow, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1303193

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests:

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 39:7.091.4

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.36>

Фестиваль народного творчества как инструмент сохранения национальных традиций (на примере международного фестиваля «Горцы»)

Зульфия Караниевна Ильясова

Независимый исследователь, Махачкала, Россия, Zulfiya0003@mail.ru

Аннотация. Трансформационные процессы в культуре, в том числе – активная глобализация в последние несколько десятилетий, создали такие условия, при которых национальные региональные культуры оказались на периферии внимания. Усугубление ситуации связано и с влиянием исламского фактора, который в регионах с преобладающим мусульманским населением активно вторгается в социально-культурную сферу и замещает национальную, этническую составляющую региональной культуры. Определенная часть граждан в Республике Дагестан транслирует настороженное отношение к музыкальному искусству, сформированное под влиянием рассуждений о запрете музыки в исламе. Все это определило срочную необходимость «реанимирования» основ традиционной культуры, возврата ценностных установок, сформированных в пространстве национальных приоритетов. Одним из инструментов «продвижения» традиции могут стать культурные практики, направленные на сохранение, трансляцию и репрезентацию нематериального наследия. Для пространства Республики Дагестан таким инструментом стал международный фестиваль традиционной культуры «Горцы». Он являет собой социокультурный феномен, особую форму межкультурной коммуникации, в рамках которой реализуются задачи современной культурной политики государства.

Ключевые слова: фестиваль, фестиваль народного творчества, традиционная культура, Республика Дагестан

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Ильясова З.К. Фестиваль народного творчества как инструмент сохранения национальных традиций (на примере международного фестиваля «Горцы») // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 284–289. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.36>

Original article

Folk Art Festivals as a Tool for Preserving National Traditions (Based on the International Festival “Mountaineers”)

Zulfiya K. Ilyasova

Independent researcher, Makhachkala, Russia, Zulfiya0003@mail.ru

Abstract. Transformational processes in culture, including active globalization in the last few decades, have created conditions in which national regional cultures have been pushed to the periphery of attention. The situation is further exacerbated by the influence of the Islamic factor, which in regions with a predominantly Muslim population is actively encroaching on the socio-cultural sphere and replacing the national and ethnic components of regional culture. A certain segment of the population in the Republic of Dagestan expresses a wary attitude toward musical art, influenced by arguments about the prohibition of music in Islam. All of this has led to an urgent need to revive the foundations of traditional culture and return to the values that were formed within the framework of national cultures. Cultural practices aimed at preserving, communicating, and representing intangible heritage can serve as tools for promoting tradition. For the Republic of Dagestan, the international festival of traditional culture, “Mountaineers”, has become such a tool. It represents a sociocultural phenomenon, a special form of intercultural communication within which the goals of the state’s modern cultural policy are realized.

Keywords: festival, folk art festival, traditional culture, Republic of Dagestan

Funding: Independent work.

For citation: Ilyasova, Z.K. (2025) Folk Art Festivals as a Tool for Preserving National Traditions (Based on the International Festival “Mountaineers”). *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 284–289. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.36](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.36) (In Russian).

Введение. В настоящее время перед нашей страной, как, собственно, и перед рядом других государств, возникают задачи, связанные с сопротивлением глобализационным процессам.

В первую очередь, это сохранение национальных традиций и родного языка. В этой связи своевременными стали утвержденные президентом РФ «Основы государственной языковой политики»¹ и учрежденный День языков народов России². Очевидно, что сохранение языковых традиций не только способствует укреплению национальной идентичности, но и обеспечивает культурно-языковое разнообразие страны. Общественно-политическая жизнь первых десятилетий XXI в. ставит перед населением проблемы понимания и диалога культур, поскольку этнические противостояния и конфликты, к сожалению, часто возникают в пределах одной страны. Развитие индустриального и постиндустриального общества, в целом определяющее прогрессивный курс экономики и социального развития, приводит к нивелированию национальной идентичности, «вестернизации», распространению массовой культуры. Как показало время, глобализация не всегда адекватна национальной школе художественных ценностей. Массовая коммерческая индустрия в силу своего денационализирующего характера вытесняет фольклор, традиционную народно-бытовую культуру.

В исследованиях, посвященных вопросам глобальной интеграции, отмечается, что она представляет угрозу самобытности не только малых, но и многочисленных народов, «именно с межкультурного диалога начинается выход из цивилизационного кризиса, созданного процессом глобализации», – справедливо отмечает М.Г. Беляев (Беляев, 2024: 28).

О.Н. Астафьева пишет о возможности сохранить (воспроизводить) культурный код, не изолируясь от глобально-цивилизационных процессов, при условии не разрушать «устойчивость нравственных оснований и этических принципов культуры разных народов, проживающих на территории России» (Астафьева, 2022: 414).

Закономерно, что в определенный период омассовление культуры, вызванное активной глобализацией, привело к исчезновению родных языков, потере этномызыкальной традиции, в целом – к утративанию базовых основ культурного кода и размыванию этнокультурной идентичности. Современные исследователи отмечают «трансформацию языкового сознания и языкового поведения» молодежи: при социологических опросах молодые дагестанцы индикаторами этнической идентичности называют национальные традиции и обычаи, отодвигая на периферию ценностных приоритетов родной язык (Шахбанова, 2023).

Применительно к самому южному региону России – Республике Дагестан – ко всем выше названным условиям добавляется тенденция утративания национальной традиции вследствие активного укрепления позиций ортодоксального мусульманства в дагестанском социуме (Шахбанова, 2024). Приоритет исламской идентичности над этнической в настоящее время транслируется значительной частью дагестанского общества и выражается комплексно, затрагивая, например, институт семьи (многоженство в семейно-брачной сфере (Верещагина, Загирова, 2022), отношение к изобразительному и музыкальному искусству и т. д.).

В течение нескольких десятилетий, начиная с 1990-х гг., в дагестанском обществе продолжает дискутироваться вопрос о дозволенности музыки в культуре ислама. С точки зрения мусульманских ортодоксов, музыка является запретным (харам) явлением. Фраза «музыка – харам» уже, к сожалению, произносится не только представителями взрослого поколения, но и школьниками. И если проведение свадебных торжеств без музыки стало уже привычным, то активное внедрение в детское сознание запрета на музыку как на греховное и не поощряемое исламом явление не только настораживает, но и требует активного общественного вмешательства, в том числе при помощи ресурсов и методов «мягкой силы».

Активное транслирование национальных культурных приоритетов может стать действенным способом для противопоставления радикальным религиозным вызовам в современном дагестанском обществе. Все это определило срочную необходимость «реанимирования» основ традиционной культуры, возврата ценностных установок, сформированных в пространстве национальных культур.

В этой связи сохранение традиций и этнической идентичности не только становится социально-культурным вопросом, но и приобретает значимость в контексте национальной безопасности страны.

В Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.³ отмечено, что нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации является одним из самых эффективных средств сближения народов России и этнических групп. Среди целей и задач документа –

¹ Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 г. № 474 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52143> (дата обращения: 23.11.2025).

² Учреждён День языков народов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Там же. 2025. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/78372> (дата обращения: 23.11.2025).

³ О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. : распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.09.2024 № 2501-р [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

положения, определяющие актуальные проблемы современности, такие как формирование гармонично развитой личности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей; укрепление гражданской идентичности; межпоколенная передача традиционных для российского общества ценностей, норм, традиций и обычаев¹.

Рассуждая о концептуальных основах государственной культурной политики новейшего времени, И.И. Горлова и А.Л. Зорин выделяют главную особенность современной модели культурной политики нашей страны: «Культура возводится в ранг национальных приоритетов, а ядром концептуальной основы становятся проверенные веками духовно-нравственные ценности, которые делают Россию особым государством-цивилизацией» (Горлова, Зорин, 2024: 21).

Основная часть. Одной из популярных практик по сохранению традиционной культуры стал фестиваль народного творчества. Он может включать хореографию, сольное и хоровое пение, демонстрацию изготовления предметов быта, национальную кухню, демонстрацию национальной одежды. Многосоставное по наполненности содержание фестиваля обеспечивает ему зрелищность, демократичность, в целом – востребованность у широкой публики.

Музыкальный фестиваль, в особенности народного творчества, имеет долгую историю, восходящую к древним религиозным практикам. Так, одним из предтеч его можно считать религиозный ритуал «сама», бытующий в современной культуре турецких суфистов (Махмудова, 2018). Само слово festival стало употребляться с конца XVI в. и означало религиозные празднества².

Современные энциклопедические издания предлагают следующее определение: фестиваль (от латинского *festivus* – «праздничный») – широкая общественная праздничная встреча, сопровождающаяся просмотром достижений каких-либо видов искусства³; массовое культурное или развлекательное событие, которое объединяет людей с общими интересами, целями или вкусами.

Рассуждая о значимости фестивальных проектов в современном культурном пространстве, исследователи активно используют понятия «фестивализация», «фестивальное движение», «фестивальное пространство» и т. д. Так, например, М.В. Бусыгина говорит об универсальности музыкального фестиваля как практики, осуществляющей культурное взаимодействие: «Это форма проявления доброй воли без конкуренции, где происходит обмен достижениями, идеями и творческим самовыражением этноса каждой страны, что предоставляет возможность для познания иной культуры» (Бусыгина, 2019: 22).

Особое значение в культурной политике региона имеет фестиваль традиционной культуры. Он не только транслирует фольклорные тексты, музыкальный контент традиционной культуры, но и выполняет важную функцию консолидации полиэтнического населения, формирует основы гражданской идентичности. Эффективность этнокультурной политики, проводимой с использованием возможностей социально-культурного проектирования, обеспечивается широкой этнической панорамой фестивалей, что дает возможность участникам и зрителям погружаться в другие культуры, учиться понимать их историю, познавать уникальность наследия разных народов. «Человек с более широким культурным горизонтом становится менее конфликтным», – подчеркивает А.А. Гуцалов (Гуцалов, 2016: 60).

Периодичность проведения международного фестиваля в Дагестане – ежегодно или раз в два года – биеннале – позволяет сохранить целевую аудиторию, общую направленность и одновременно дает возможность развиваться, обновляться в соответствии с новыми культурными трендами. Фестиваль народного творчества является одной из популярных культурных практик современности. Для Республики Дагестан фестивальное движение на протяжении нескольких десятилетий является эффективным инструментом региональной культурной политики по популяризации академического искусства и народного творчества. При поддержке республиканского Министерства культуры проводятся: международный фестиваль академической музыки «Порт-Петровские ассамблеи», фестиваль духовой музыки «Дагестанские фанфары», фестиваль детского творчества «Наши надежды» и т. д. На протяжении нескольких лет Дагестан принимает участников международного фестиваля русских театров «Русская сцена», международного литературного фестиваля «Дни Белых журавлей», международного фестиваля «Волшебный мир театра кукол стран БРИКС». Популярны и проводятся регулярно фестивали традиционной культуры – «Горцы», «Каспий – берега дружбы», «Кавказ – единая семья», международный фестиваль-ярмарка народных художественных промыслов «Хранители традиций».

Фестиваль «Горцы» впервые был проведен в 2004 г. и в настоящее время организуется ежегодно; поддерживается главой и правительством Республики Дагестан, Министерством культуры

¹ О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. : распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.09.2024 № 2501-п...

² Festival [Электронный ресурс] // Oxford English Dictionary (OED). URL: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=festival> (дата обращения: 23.11.2025).

³ Фестиваль [Электронный ресурс] // Gufo. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/фестиваль> (дата обращения: 23.11.2025).

Российской Федерации, Государственным Российским домом народного творчества имени В.Д. Поленова, Министерством культуры Республики Дагестан, Республиканским домом народного творчества, Комиссией Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. Его полижанровость проявляется в сочетании музыкального, хореографического компонентов, костюмировании, привлечении искусства декоративно-прикладного творчества. Фестиваль имеет международный статус: в нем принимают участие творческие коллективы из стран Европы, Южной Америки, Азии, Ближнего Востока. Также широка география участников из России: в 2025 г. в программах фестиваля выступили фольклорные ансамбли из Удмуртии, Крыма, Башкортостана, Карелии, Бурятии, Ростовской, Липецкой областей, городов Астрахани, Костромы, Перми, Севастополя. Фестиваль доступен широкой публике: вход на выступления артистов бесплатный. Фестивальная программа охватывает весь Дагестан: творческие коллективы в течение 5–6 дней успевают выступить на концертных площадках не только столицы республики – Махачкалы, но и в Дербенте, Избербаше, Кизляре, других муниципальных образований республики.

Закономерно, что проведение фестиваля планируется на летний сезон. Организаторы выбирают для концертных программ преимущественно открытые места – площади, парковые зоны, бульвары. Таким образом обеспечивается полная доступность мероприятий для широкой публики. Показательно, что фестиваль народного творчества демонстрирует преемственность с карнавальской культурой с ее «стихией свободы», в том числе и свободы открытого пространства. М.М. Бахтин указывает на особенность архаического праздника, для которого именно открытое пространство было «средоточием всего неофициального», площадь имела статус экстерриториальности, противопоставлялась закрытому помещению официальной власти и идеологии, «площадь всегда оставалась “за народом”» (Бахтин, 1990: 170).

Важной составляющей фестиваля как праздника народной культуры является идея сотворчества, объединения, взаимодействия участников. Совместные выступления на открытых площадках, праздничные костюмированные шествия, создание мультикультурных хореографических композиций – помимо внешнего, зрелищного эффекта, создают атмосферу единения, в которой народное творчество становится главным скрепляющим фактором. Такое взаимодействие, выраженное в сотворчестве и «коллегальности» участников фестиваля, помогает преодолевать инерцию изолированности национальных культур, воспитывает толерантность, продвигает идеологию «доминирующего межкультурного взаимодействия» (Флиер, 2016). Совместное выступление, коллегиальное музицирование способствует творческому росту исполнителей, профессионализации и художественному признанию народных традиций (Fredriksson, 2019).

Фестивали народного творчества в целом являются достаточно эффективным инструментом для позиционирования традиционной культуры, постоянного транслирования ее в современном урбанизированном культурном поле. Нельзя не отметить и воспитательный потенциал, содержащийся в подобных культурных практиках: современные дагестанские дети, живущие в городах республики, в большинстве своем не владеют родными языками, плохо знают этническую музыку. К сожалению, сказываются последствия глобализации, наиболее активно проявившей себя в 2000–2010-х гг., отразившиеся на ценностных приоритетах городских жителей республики.

Программа фестиваля «Горцы» включает научный раздел – конференции и круглые столы, посвященные вопросам сохранения культурного наследия, включенности традиционной культуры в современный урбанизированный контекст.

Фестиваль «Горцы» стал культурным брендом республики, обогатив туристический потенциал региона: гости региона имеют возможность познакомиться не только с фольклором народов Дагестана, но и со всей многонациональной культурой страны, узнать уникальные культурные особенности народов мира. Актуальность фестиваля усиливается в настоящее время в связи с появлением понятия «культура отмены»: возможность активного транслирования фольклора многонациональной культуры России позволяет утвердить ценность и значимость нематериального наследия страны.

Практика показала социальную важность фестиваля народного творчества: он органично вписывается в культурное пространство региона, становится объектом событийного туризма, формирует позитивный имидж республики.

Заключение. Таким образом, фестиваль народного творчества не только помогает актуализировать значимость традиционной культуры, но и способствует укреплению гражданской, национальной идентичности, которая «формируется на фундаменте государственного языка, религиозных и культурных традиций, национального достоинства, основанного на сотрудничестве, диалоге культур и признании общности смыслов и ценностей народов страны»¹.

¹ Протанская Е.С. Ценности национальной идентичности в контексте глобализационных процессов : доклад на XXIII Международных Лихачевских научных чтениях [Электронный ресурс] // Площадь Лихачева. URL: <https://www.lihachev.ru/chten/2025/sec2/Protanskaya.pdf> (дата обращения: 23.11.2025).

В контексте региональной культурной политики фестиваль народного творчества выполняет важную функцию по сохранению и транслированию культурной традиции. Круглые столы, конференции, включенные в его программу, вносят актуальный просветительский компонент и развивают научно-исследовательскую базу, связанную с этномузыкологией, фольклористикой и т. д. Для Дагестана, который наряду с европейской глобализацией испытывает активное влияние исламской культуры, фестиваль «Горцы» помогает сохранить систему традиционных духовных ценностей, укрепляет гражданский и национальный идентитет современных дагестанцев. Он составляет стратегический ресурс региональной политики в сфере культуры, способный аккумулировать историко-духовные приоритеты.

Список источников:

- Астафьева О.Н. Смыслы культуры в контекстах и дискурсах культурной политики России // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка. СПб., 2022. С. 412–415.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.
- Беляев М.Г. Цивилизационный подход и исследование глобализации и деглобализации в отечественной науке конца XX – начала XXI века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 1 (117). С. 21–28. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-1117-21-28>.
- Бусыгина М.В. Музыкальный фестиваль в культурной политике современного Азербайджана // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 1 (38). С. 21–25. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2019-1-21-25>.
- Верещагина А.В., Загирова Э.В. «Вторая жена» в Дагестане: мотивация брачного поведения и социальное самочувствие // Caucasian Science Bridge. 2022. Т. 5, № 4 (18). С. 59–69. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.6>.
- Горлова И.И., Зорин А.Л. Трансформация концептуальных основ государственной культурной политики Российской Федерации в первой четверти XXI века // Культурологический журнал. 2024. № 4 (58). С. 14–22. <https://doi.org/10.34685/HI.2024.55.13.003>.
- Гуцалов А.А. Мобильность этнокультурной политики в использовании наследия // Конференция «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» в рамках международного форума – фестиваля народного творчества «Кавказ – единая семья», «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», форума центров традиционной культуры народов России «Мой Дагестан». Дербент, 2016. С. 47–65.
- Махмудова К.Г. Трансформация религиозного ритуала в народный праздник // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 165–168. <https://doi.org/10.24158/fik.2018.1.35>.
- Флиер А.Я. Культурная политика и стратегии культурных взаимодействий // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 5 (73). С. 10–18.
- Шахбанова М.М. Исламское возрождение и современное дагестанское общество: векторы развития // Историческая и социально-образовательная мысль. 2024. Т. 16, № 1. С. 92–105. <https://doi.org/10.17748/2219-6048-2023-16-1-92-105>.
- Шахбанова М.М. Этническая идентичность дагестанской молодежи: динамика и содержание // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 282–287. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-282-287>.
- Fredriksson D. «From Dalarna to The Orient»: Falun Folk Music Festival // IASPM Journal. 2019. Vol. 9, iss. 1. P. 1–17. [https://doi.org/10.5429/2079-3871\(2019\)V9I1.3EN](https://doi.org/10.5429/2079-3871(2019)V9I1.3EN).

References:

- Astaf'eva, O. N. (2022) Smysly kul'tury v kontekstakh i diskursakh kul'turnoi politiki Rossii [The meanings of culture in the contexts and discourses of Russia's cultural policy]. In: *Global'nyi konflikt i kontury novogo mirovogo poryadka*. St. Petersburg, pp. 412–415. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Sredneveko-v'ya i Rennessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow. 543 p. (In Russian)
- Belyaev, M. G. (2024) Civilisational Approach and the Study of Globalisation and Deglobalisation in Domestic Science of the Late XX – Early XXI Century. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. (1 (117)), 21–28. Available from: [doi:10.24412/1997-0803-2024-1117-21-28](https://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-1117-21-28). (In Russian)
- Busygina, M. V. (2019) Music Festival in Modern Azerbaijan Cultural Policy. *Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture*. (1 (38)), 21–25. Available from: [doi:10.30725/2619-0303-2019-1-21-25](https://doi.org/10.30725/2619-0303-2019-1-21-25). (In Russian)
- Flier, A. Ya. (2016) Cultural Policy and Cultural Interactions. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. (5 (73)), 10–18. (In Russian)
- Fredriksson, D. (2019) «From Dalarna to The Orient»: Falun Folk Music Festival. *IASPM Journal*. 9 (1), 1–17. Available from: [doi:10.5429/2079-3871\(2019\)V9I1.3EN](https://doi.org/10.5429/2079-3871(2019)V9I1.3EN).
- Gorlova, I. I. & Zorin, A. L. (2024) Transformation of the Conceptual Framework State Cultural Policy of the Russian Federation in the First Quarter of the 21st Century. *Kul'turologicheskii zhurnal*. (4 (58)), 14–22. Available from: [doi:10.34685/HI.2024.55.13.003](https://doi.org/10.34685/HI.2024.55.13.003). (In Russian)
- Gutsalov, A. A. (2016) Mobil'nost' etnokul'turnoi politiki v ispol'zovanii naslediya [Mobility of ethnocultural policy in the use of heritage]. In: *Konferentsiya «Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya» v ramkakh mezhdunarodnogo foruma – festivala narodnogo tvorchestva «Kavkaz – edinaya sem'ya», «Kul'turnoe nasledie Severno-go Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya», foruma tsentrov traditsii-onnoi kul'tury narodov Rossii «Moi Dagestan»*. Dербent, pp. 47–65. (In Russian)
- Makhmudova, K. G. (2018) The Transformation of the Religious Ritual into the National Holiday. *Society: Philosophy, History, Culture*. (1), 165–168. Available from: [doi:10.24158/fik.2018.1.35](https://doi.org/10.24158/fik.2018.1.35). (In Russian)
- Shakhbanova, M. M. (2023) Ethnic Identity of Dagestan Youth: Dynamics and Content. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. (2), 282–287. Available from: [doi:10.22394/2079-1690-2023-1-2-282-287](https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-282-287). (In Russian)
- Shakhbanova, M. M. (2024) The Islamic Renaissance and Modern Dagestan Society: Development Vectors. *Historical and Social Education Idea*. 16 (1) 92–105. Available from: [doi:10.17748/2219-6048-2023-16-1-92-105](https://doi.org/10.17748/2219-6048-2023-16-1-92-105). (In Russian)
- Vereshchagina, A. V. & Zagirova, E. M. (2022) "Second Wife" in Dagestan: Motivation of Marriage Behavior and Social Well-Being. *Caucasian Science Bridge*. 5 (4 (18)), 59–69. Available from: [doi:10.18522/2658-5820.2022.4.6](https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.6). (In Russian)

Информация об авторе

З.К. Ильясова – независимый исследователь, преподаватель Детской школы искусств № 8 имени А. Джалиловой, Махачкала, Россия.

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Z.K. Ilyasova – Independent Researcher, Lecturer at the Children's Art School No. 8 named after A. Jalilova, Makhachkala, Russia.

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.09.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.10.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 130.2:379.851

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.37>

Трансформация массового туризма: от стандартизации к персонализации опыта

Вероника Константиновна Столярова

Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия,

veronikashevchenko@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9099-5387>

Аннотация. В статье рассматривается феномен массового туризма как культурологическое явление, сформировавшееся в условиях индустриального и постиндустриального общества. На основе анализа работ зарубежных и российских исследователей выявляются ключевые черты массового туризма. Показано, что современная тенденция его развития заключается в трансформации массовых форм в более дифференцированные, персонализированные и устойчивые направления, в частности, экотуризм, этнотуризм и сельский туризм. Автор обращает внимание на государственную политику Российской Федерации, направленную на диверсификацию туристской индустрии и поддержку альтернативных форм туризма через национальные проекты и законодательные инициативы. Подчеркивается двойственная природа экологического туризма: приобретаемая массовый характер, он рискует утратить свои экологические и культурные основания, превращаясь в «массовый отдых на природе». В статье акцентируется внимание на необходимости поиска баланса между экономической выгодой, экологической устойчивостью и сохранением аутентичности туристского опыта в условиях формирования «новой массовости», ориентированной на осознанность и культурную глубину.

Ключевые слова: массовый туризм, экологический туризм, альтернативные формы туризма, коммерциализация опыта, постановочные пространства

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Столярова В.К. Трансформация массового туризма: от стандартизации к персонализации опыта // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 290–296. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.37>.

Original article

Transforming Mass Tourism: From Standardization to Personalization

Veronika K. Stolyarova

Vladivostok State University, Vladivostok, Russia,

veronikashevchenko@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9099-5387>

Abstract. The article examines mass tourism as a cultural phenomenon that has emerged in industrial and post-industrial societies. Based on an analysis of the works of international and Russian researchers, the article identifies key features of mass tourism. It is demonstrated that the current trend in tourism development is toward the transformation of mass tourism into more differentiated, personalized, and sustainable forms, particularly ecotourism, ethnotourism, and rural tourism. The author draws attention to the state policy of the Russian Federation aimed at diversifying the tourism industry and supporting alternative forms of tourism through national projects and legislative initiatives. The dual nature of ecotourism is emphasized: as it becomes mass, it risks losing its ecological and cultural foundations, turning into “mass recreation in nature”. The article emphasizes the need to find a balance between economic benefits, environmental sustainability, and preserving the authenticity of the tourist experience in the context of the emergence of a “new mass character” focused on awareness and cultural depth.

Keywords: mass tourism, ecotourism, alternative forms of tourism, commercialization of experience, staged spaces

Funding: Independent work.

For citation: Stolyarova, V.K. (2025) Transforming Mass Tourism: From Standardization to Personalization. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 290–296. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.37](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.37) (In Russian).

Введение. Распространение массовых видов туризма началось в XIX в. благодаря промышленной революции, развитию транспорта и появлению первых туристских бюро. Массовость путешествий буквально интерпретировалась как «конвейерный туризм», нацеленный на получение впечатлений по приемлемой цене за счет групповых поездок (Dehoorne, Tafani, 2011).

Основная часть. Туризм как культурное явление описывался в работах российских и зарубежных авторов.

Д. Макканелл рассматривал массовый туризм как проявление потребительской культуры и стремления к «аутентичным» впечатлениям (Макканелл, 2023). Он говорил о ценности культурного опыта в современном обществе, который превратился в объект основного вложения средств, преобразующих экономику индустриального производства в экономику культурного, подменяя мотивы «эксплуатируемого труда» мотивом «эксплуатируемого досуга».

Особое значение для исследования массового туризма имела позиция Д. Макканелла относительно сакрализации пространства, которое часто демонстрируется туристу в качестве подменной, «фальшивой» реальности. Вместо аутентичных, «настоящих» мест и атрибутов проживания местного населения появляются постановочные туристские пространства, которые служат «декорациями» к реальным условиям жизни населения в месте посещения.

Исследованию массового туризма посвящены работы Э. Коэна, который разработал типологию туристов (от организованного до индивидуального), проанализировал структуру и эволюцию коллективного направления этого явления. Массовые путешествия – это поездки ради отдыха, индивидуальный и «дрейфующий» туризм – это поиск смысла, идентичности и аутентичности. Э. Коэн связывал тип туриста с уровнем личной вовлеченности субъекта и культурной дистанции между ним и принимающим обществом (Cohen, 1979).

Теме восприятия туристских достопримечательностей, по аналогии с идеей Д. Макканелла о сакрализации зрелища, посвящена работа Дж. Урри «Взгляд туриста» (1990 г.), в которой автор предлагает воспринимать объекты туристской дестинации через призму особого культурного анализа (Urry, Larsen, 2011). Пространства организуются так, чтобы быть привлекательными, отличными от повседневных, демонстрирующими иную действительность, «поглощаемую» туристом, в данном случае прослеживается связь с идеей инсценированной подлинности Д. Макканелла.

М. Фридман, П.В. Абиле, Де Вос. Кун анализируют позицию Д.Дж. Бурстина, который описывает сущность массового туризма в качестве формы потребления, управляемой турагентствами, в которой человек находится в изоляции от места посещения. Ученый предлагает различать понятия «турист», обозначающего субъекта потребляющего, и «путешественник», в основе которого лежит трактовка персонажа ищущего, исследующего (Friedman et al., 1993).

Идея возвращает нас к мыслям о постановочных пространствах и глубине впечатлений, которые получает турист, использующий массовые направления, и самостоятельный путешественник. Посещение одной и той же туристской дестинации может существенно различаться по восприятию, поведенческим паттернам и эмоциональной насыщенности в зависимости от формы организации путешествия, будь то массовый (групповой) туризм, характеризующийся стандартизацией опыта и коллективной регламентацией, или индивидуальное путешествие, предполагающее автономию, персонализацию и потенциально более глубокое вовлечение в локальный контекст.

Если обобщить взгляды зарубежных ученых, то можно выделить одну ключевую тенденцию в понимании ими массового туризма: он воспринимается исследователями как социальный и культурный феномен современного (индустриального и постиндустриального) общества, где путешествия стали стандартизированными и коммерциализированными, ориентированными на поток. Главная тенденция такого туризма – это критическое осмысление массовости. В культурном восприятии оно проявляет себя в форме (частично или полностью) псевдоаутентичного опыта, навязанного индустрией. Тем не менее в основе сущностного восприятия туристской деятельности лежит поиск утраченного смысла, сакральности, альтернативности от привычной, повседневной жизни и обретение священного в секулярном мире.

Российские ученые также исследовали феномен массового туризма, его социальные, экономические, географические и культурные особенности.

Е.Г. Кропинова и ее коллеги рассматривали туризм как массовое социально-экономическое явление, связанное с размещением путешественников, транспортом для их передвижения, ресурсами для посещения и ознакомления. В данном случае исследователи говорят о рекреационной значимости территории, включающей инфраструктуру, туристов и ресурсы (Научно-методические подходы к стратегическому мастерпланированию территорий перспективного развития туризма (на примере региона «Русская Балтика» ... , 2024).

Другой российский ученый, сосредоточившийся на изучении туризма как явления, обеспечивающего социально-экономическое развитие общества, – В.А. Квартальнов¹. В его теории массовый туризм является естественным этапом развития общества потребления, структурным элементом, отражающим эволюцию экономики и культуры. В.А. Квартальнов подчеркивает позитивные стороны развития массового туризма, выраженные в социализации и культурной интеграции масс населения, путешественников «среднего класса», своеобразных «двигателей» развития индустрии. Экономическая и социальная выгоды туризма, с точки зрения ученого, состоят в общедоступности путешествий, создании рабочих мест, развитии транспорта, торговли, появлении туристских дестинаций.

¹ Квартальнов В.А. Туризм : учебное пособие. М., 2014. 336 с.

В.А. Квартальнов видел будущее развитие туризма в переходе от массовых путешествий к более устойчивым, индивидуальным формам. По его мнению, отказ от групповых путешествий и переход к индивидуальным также естественен и логичен как стремление к новой стадии развития общества¹.

А.Ю. Александрова в своих работах, посвященных исследованию структуры туризма, также представляет его в качестве своеобразной системы, в которой массовые формы (широкие потоки, стандартные маршруты) являются частью туристской системы, находящейся в процессе со-производства, где развиваются его дифференцированные формы: тематический туризм, рекреационные маршруты, новые направления (Александрова, 2014).

Поскольку А.Ю. Александрова говорит о трансформации туризма под влиянием глобализации, меняющихся предпочтений, можно предположить, что она воспринимает переход к индивидуальным или более адаптированным формам индустрии путешествий как логичный этап эволюции туристской системы, когда массовые формы надоедают и возникает потребность в персонализированных, гибких продуктах. При этом А.Ю. Александрова и В.Е. Домбровская также определяют негативные последствия развития туризма, связанные с окружающей средой и изменением экосистем, при которых в первую очередь страдает туристская дестинация – основная цель путешествия (Александрова, Домбровская, 2023).

Если обобщить взгляды российских ученых на развитие массового туризма, то можно сделать вывод, что большинство из них определяют его в качестве формы социальной политики, инструмента развития общества, просвещения и воспитания граждан. Большинство из них описывали формы и виды массовых путешествий, разделяя их по различным категориям (географии, сезонности, способу передвижения, цели и т. д.) и дифференцируя «коллективный», популяризированный отдых по демократичным ценам с альтернативными, уникальными, «немассовыми» его формами.

Тем не менее большинство видов туризма невозможно однозначно отнести к массовым или индивидуальным, так как массовость не определяется свойством вида туристской деятельности как такового, а выступает характеристикой формы его реализации.

Если отталкиваться от ключевой особенности, заложенной в семантике понятийного аппарата массового туризма, то очевидно, что число участников путешествия определяет сущность его воплощения. Однако не только количественный критерий дает право судить о массовости путешествия. В современном понимании популярность вида туризма, частота встречаемости аналогичных предложений, финансовая доступность также связаны с восприятием широты распространения вида туризма. Так, например, групповой автобусный тур по «Золотому кольцу» с фиксированным маршрутом, шаблонными рассказами гида и обедом в типовом кафе, скорее всего, будет восприниматься как массовый туристский продукт, при этом частная экскурсия на двоих по «уникальным» местам центра Москвы, также получит восприятие массового вида деятельности в том случае, если подобных предложений с аналогичным набором объектов показа будет в избытке на рынке.

Анализируя мнения исследователей по вопросу развития и становления феномена массового туризма, целесообразно представить его отличительные особенности в виде схемы (рис. 1).

Рисунок 1 – Особенности феномена массового туризма²

Figure 1 – Features of the Mass Tourism Phenomenon

¹ Квартальнов В.А. Указ. соч.

² Рисунок 1 и таблица 1 составлены автором.

Предложенная схема отражает междисциплинарный характер массового туризма и может использоваться как основа для анализа его влияния на дестинации, туристов и принимающие сообщества.

В период перенасыщенности рынка массовыми предложениями, до 2019 г. (доковидное время), наметился переход от организованного, группового туризма в сторону индивидуальных, нишевых его направлений. Особое место в индустрии заняли альтернативные формы путешествий – сельский, этнический, экотуризм, которые сами по себе являлись видами туризма, отличными от массовых направлений индустрии.

Несмотря на первоначальную ограниченность набора услуг и рамочность тенденций массовых направлений, в последние годы организованный туризм претерпевает глубокую трансформацию, он не исчезает, а эволюционирует, все чаще включая в себя элементы уникальных, персонализированных и нишевых предложений.

Курс, намеченный российским законодательством в поддержке диверсифицированного туризма, отражен в стратегиях и подзаконных актах, направленных на развитие региональных туристских направлений, создание рекреационных кластеров, продвижение внутреннего и въездного туризма, а также децентрализацию потоков путешественников (табл. 1).

Таблица 1 – Законодательная база поддержки и развития современных форм туризма

Table 1 – Legislative Framework for the Support and Development of Modern Forms of Tourism

Нормативный документ	Сфера регулирования
1	2
Национальный проект «Туризм и гостеприимство» (2025–2030 гг.) ¹	– развитие туристской инфраструктуры в регионах; – создание туристско-рекреационных кластеров (ТРК); – поддержка малого и среднего предпринимательства в туризме; – продвижение внутреннего туризма, включая экотуризм и этнокультурные маршруты
Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» ²	– создание конкурентоспособного туристского продукта; – развитие инфраструктуры туристских территорий; – расширение доступа граждан к туристским услугам
Постановление Правительства РФ от 24.12.2021 № 2439 (ред. от 09.04.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие туризма”» ³	– предоставление субсидий регионам на строительство инфраструктуры для создания круглогодичных курортов по новому федеральному проекту «Пять морей и озеро Байкал»; – предоставление дополнительной поддержки на развитие туристических кластеров
Федеральный туристский проект «Пять морей и озеро Байкал» (постановление Правительства РФ от 23.12.2024 № 1871) ⁴	– получение регионами с 2025 г. субсидий на строительство инфраструктуры для создания круглогодичных курортов; – организация дополнительной поддержки развития туристических кластеров
Национальный проект «Экологическое благополучие» (2025–2030 гг.) (Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года») ⁵	– реализация федерального проекта «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма». Цель проекта – сохранить биоразнообразие, обеспечить устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий и создать условия для экотуризма в национальных парках
Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 10.02.2022 № 68 «Об утверждении порядка проведения конкурсного отбора проектов развития сельского туризма» ⁶	– поддержка сельских хозяйств, предлагающих туристические услуги; – акцент на локальной культуре, этнографических маршрутах, традиционных ремеслах

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года : распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р (ред. от 29.05.2025) [Электронный ресурс]. Там же.

³ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма» : постановление Правительства РФ от 24.12.2021 № 2439 (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

⁴ О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 24.12.2021 № 2439 : постановление Правительства РФ от 23.12.2024 № 1871 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 [Электронный ресурс]. Там же.

⁶ Об утверждении порядка проведения конкурсного отбора проектов развития сельского туризма : приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 10.02.2022 № 68 [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

Продолжение таблицы 1

1	2
Федеральный закон № 127–ФЗ «О проведении эксперимента по предоставлению услуг гостевых домов» от 07.06.2025 г. ¹	– расширение возможностей «мелких» форм размещения; – развитие более гибких и индивидуальных форм отдыха
Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока до 2036 года (распоряжение Правительства РФ от 08.05.2025 № 1161-р) ²	– поддержка этнотуризма как инструмента сохранения языков, обрядов, ремесел; – создание этнокомплексов, культурных маршрутов, участие в нацпроекте «Туризм и гостеприимство»
Федеральный проект «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» (постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 377) ³	– расширение и укрепление охраняемых природных территорий (ООПТ), восстановление популяций редких видов животных и растений; – создание инфраструктуры для экотуризма на ООПТ, вовлечение местных сообществ, формирование туристских маршрутов с низким воздействием на природу

В Стратегии развития туризма в РФ до 2035 г.⁴ прямо указано: «Приоритетом государственной политики является развитие внутреннего и въездного туризма на основе диверсификации туристских продуктов и вовлечения регионов в туристскую деятельность». Развитие экологического, этнического, гастрономического, сельского и других альтернативных направлений, позволяет распределять туристские потоки по регионам, разгружая традиционные массовые направления (Москва, Петербург, Сочи) и стимулируя развитие других территорий.

Таким образом, государственная политика не «отказывается» от массового туризма, а переводит его в устойчивую, культурно и экологически ответственную форму, где индивидуальные и тематические направления становятся точками роста.

Если еще не так давно альтернативные формы туризма воспринимались как немассовые: экологический, активный, спортивный, этнографический (этнокультурный), сельский (агротуризм), то сейчас именно они выступают в качестве самых востребованных направлений путешествий. Согласно недавно опубликованным данным, рынок экотуризма оценивается в 270,5 млрд долл. в 2025 г. и, по прогнозам, достигнет 551,8 млрд долл. к 2035 г.⁵

В России направление экотуризма также получает активную поддержку и стимулирование к развитию со стороны государства. Этому способствуют следующие положения: выделение экологического туризма в качестве приоритетного, законодательное закрепление термина, разработка стандартов и требований к экотуристским объектам, включая ограничения по нагрузке на природные территории⁶, предоставление возможностей для строительства туристской инфраструктуры в особо охраняемых природных территориях (ООПТ)⁷, расширяется сеть национальных парков, заповедников и природных парков, которые могут принимать туристов при соблюдении экологических норм и т. д.

Подобные меры стимулируют рост потока экотуристов в стране. По данным Росзаповедцентра, Минприроды России, с начала 2025 г. заповедные территории страны посетило 16,2 млн человек⁸.

¹ О проведении эксперимента по предоставлению услуг гостевых домов : Федеральный закон от 07.06.2025 № 127–ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на период до 2036 года : распоряжение Правительства РФ от 08.05.2025 № 1161-р [Электронный ресурс]. Там же.

³ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» : постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 377 (ред. от 15.05.2025) [Электронный ресурс]. Там же.

⁴ Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года : распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р (ред. от 29.05.2025) ...

⁵ Тенденции рынка экотуризма – рост и прогноз на 2025–2035 гг. [Электронный ресурс] // Future Market Insights. URL: <https://www.futuremarketinsights.com/ru/reports/gcc-ecotourism-market> (дата обращения: 02.11.2025).

⁶ ГОСТ Р 56642-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования» [Электронный ресурс]. Доступ из электронного фонда правовых и нормативно-технических документов «Кодекс».

⁷ Об особо охраняемых природных территориях : Федеральный закон от 14.03.1995 № 33–ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ 9 млн человек посетило заповедные территории страны летом 2025 года [Электронный ресурс] // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: <https://iacgov.ru/press-center/news/1762/> (дата обращения: 02.11.2025).

Таким образом, экологический туризм в России развивается весьма стремительно, постепенно приобретая массовый характер, что на первый взгляд может казаться весьма положительной тенденцией: растет эко- и культурная просвещенность, укрепляется здоровье населения, создаются новые туристские объекты в национальных парках и заповедниках. Однако существуют существенные негативные последствия массовости экологического туризма.

Во-первых, под лозунгом «экотуризм» нередко развиваются инфраструктурные проекты, не соответствующие принципам устойчивости. Происходит коммерциализация понятий и потеря подлинности смысла такого рода путешествий. Экотуризм часто подменяется «массовым отдыхом на природе»¹. Большинство туристов не знакомы с ключевыми принципами этого направления и обозначают в качестве экотуризма любой вид выезда за пределы дома.

Во-вторых, даже умеренные потоки туристов на ООПТ без контроля приводят к нарушению баланса экосистем, примером может служить превышение рекреационной емкости в Байкальском регионе, на Алтае, в Приэльбрусье. Развитие туризма вызывает напряжение между бизнесом и местными жителями, увеличение цен, изменение традиционного уклада, ограничение доступа к природным ресурсам.

Таким образом, в современной России экотуризм рассматривается как одно из приоритетных направлений устойчивого развития территорий. Его стимулирование обеспечивается через государственные программы, инфраструктурные проекты и просветительские инициативы. Однако в условиях недостаточного регулирования и коммерциализации наблюдается риск утраты экологического содержания данного направления индустрии и возникновения негативных экологических и социальных последствий.

Заключение. Развитие туризма в России представляет собой сочетание массового и индивидуализированного направлений, что отражает общие мировые тенденции перехода от количественного роста к качественному развитию отрасли. Государственная политика, закрепленная в Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2035 года², направлена на диверсификацию туристской деятельности и формирование конкурентоспособного внутреннего турпродукта, доступного широким слоям населения.

Особое внимание уделяется экологическому туризму, который рассматривается как одно из приоритетных направлений государственной стратегии. Его развитие стимулируется через внедрение национальных стандартов (ГОСТ Р 56642-2021³, ГОСТ Р 70583-2022⁴), а также через программы в рамках нацпроектов «Экология» и «Туризм и гостеприимство».

Вместе с тем в процессе активного продвижения экотуризма проявляются противоречия: риск коммерциализации природных территорий, рост антропогенной нагрузки и подмена экологических принципов маркетинговыми. Поэтому важнейшей задачей на современном этапе становится баланс между экономической выгодой и сохранением природного наследия, а также создание эффективных механизмов управления рекреационной нагрузкой.

Экологический туризм в этой системе занимает стратегически важное место, он символизирует переход к «новому типу массовости», где ценится не количество путешественников, а осознанность и культурная значимость путешествий.

Список источников:

- Александрова А.Ю. Новейшее представление о сфере туризма как системе // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 1. С. 24–38.
- Александрова А.Ю., Домбровская В.Е. Цикличность как закономерность развития мирового туризма // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16, № 1. С. 86–106. <https://doi.org/10.31249/kgt/2023.01.05>.
- Макканелл Д. Турист. Новая теория праздного класса. М., 2023. 256 с.
- Научно-методические подходы к стратегическому мастерпланированию территорий перспективного развития туризма (на примере региона «Русская Балтика») / Е.Г. Кропинова [и др.] // Географическая среда и живые системы. 2024. № 4. С. 84–112. <https://doi.org/10.18384/2712-7621-2024-4-84-112>.
- Cohen E.A. A Phenomenology of Tourist Experience // Sociology: The Journal of The British Sociological Association. 1979. № 13. P. 179–201. <https://doi.org/10.1177/003803857901300203>.
- Dehoorne O., Tafani C. Le Tourisme Dans Les Environnements Littoraux et Insulaires: Permanences, Limites et Perspectives // Études Caraïbéennes. 2011. № 19. P. 4–12. <https://doi.org/10.4000/etudescaraibeenennes.5774>. (на франц. яз.)

¹ Эксперты рассказали о подмене понятия «экотуризм» [Электронный ресурс] // Экология России. URL: <https://iacgov.ru/press-center/news/1762/> (дата обращения: 23.11.2025).

² Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года : распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р (ред. от 29.05.2025) ...

³ ГОСТ Р 56642-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования» ...

⁴ ГОСТ Р 70583-2022 «Национальный стандарт Российской Федерации. Туризм и сопутствующие услуги. Экологический туризм. Требования к туристской инфраструктуре» [Электронный ресурс]. Доступ из электронного фонда правовых и нормативно-технических документов «Кодекс».

Friedman M., Abeele P.V., Koen De Vos. Boorstin's Consumption Community Concept: A Tale of Two Countries // *Journal of Consumer Policy*. 1993. Vol. 16. P. 35–60. <https://doi.org/10.1007/bf01024589>.
Urry J., Larsen J. *The Tourist Gaze 3.0*. L., 2011. 296 p. <https://doi.org/10.4135/9781446251904>.

References:

- Aleksandrova, A. (2014) The Newest Comprehension of Tourism as a System. *Service and Tourism: Current Challenges*. (1), 24–38. (In Russian)
- Aleksandrova, A. Ju. & Dombrovskaya, V. E. (2023) Cyclicalities as a Pattern of Development of World Tourism. *Outlines Of Global Transformations: Politics, Economics, Law Kontury Global'nyh Transformacij: Politika, Ekonomika, Pravo*. 16 (1), 86–106. Available from: [doi:10.31249/kgt/2023.01.05](https://doi.org/10.31249/kgt/2023.01.05). (In Russian)
- Cohen, E. A. (1979) A Phenomenology of Tourist Experience. *Sociology: The Journal of The British Sociological Association*. (13), 179–201. Available from: [doi:10.1177/003803857901300203](https://doi.org/10.1177/003803857901300203).
- Dehoorne, O. & Tafani, C. (2011) Le Tourisme Dans Les Environnements Littoraux et Insulaires: Permanences, Limites et Perspectives. *Études Caribéennes*. (19), 4–12. Available from: [doi:10.4000/etudescaribeennes.5774](https://doi.org/10.4000/etudescaribeennes.5774). (In French)
- Friedman, M., Abeele, P. V. & Koen, De Vos. (1993) Boorstin's Consumption Community Concept: A Tale of Two Countries. *Journal of Consumer Policy*. 16, 35–60. Available from: [doi:10.1007/bf01024589](https://doi.org/10.1007/bf01024589).
- Kropinova, E. G., Kruzhalin, V. I., Zigern-Korn, N. V., Nikanorova, A. D., Plotnikova, A. P., Primak, T. K. & Shabalina, N. V. (2024) Strategic Master Planning of Territories for Promising Tourism Development (Case for the Macro-Region "Russian Baltic"). *Geographical Environment and Living Systems*. (4), 84–112. Available from: [doi:10.18384/2712-7621-2024-4-84-112](https://doi.org/10.18384/2712-7621-2024-4-84-112). (In Russian)
- Makkanell, D. (2023) *Turist. Novaya teoriya prazdnogo klassa [The Tourist. A new theory of the leisure class]*. Moscow. 256 p. (In Russian)
- Urry, J. & Larsen, J. (2011) *The Tourist Gaze 3.0*. London. 296 p. Available from: [doi:10.4135/9781446251904](https://doi.org/10.4135/9781446251904).

Информация об авторе

В.К. Столярова – соискатель ученой степени кандидата культурологии, ассистент кафедры туризма и гостинично-ресторанного бизнеса Института туризма и креативных индустрий Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1072645

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

V.K. Stolyarova – External PhD Candidate in Cultural Studies, Assistant Professor at the Department of Tourism and Hotel and Restaurant Business at the Institute of Tourism and Creative Industries of Vladivostok State University, Vladivostok, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1072645

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.11.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

УДК 783

<https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.38>

Феномен русской религиозной музыки в исследованиях культурологов

Вэй Тяньци

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия,
weitianqi@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0676-4419>

Аннотация. В статье анализируется феномен русской религиозной музыки с позиций культурологии. Актуальность темы обусловлена возросшим интересом к духовной музыке в постсоветский период, когда церковное искусство переживает этап возрождения и развития. Отмечается, что на сегодняшний день отсутствует единая общепринятая классификация русской религиозной музыки, что требует обращения к различным подходам и концепциям ее анализа. Целью работы является оригинальное теоретико-аналитическое осмысление данного феномена на основе исследований современных авторов. В ходе работы выявлены исторические этапы развития русской духовной музыки, ее жанровое разнообразие, философско-эстетические основания и культурные функции. Показано, как духовно-религиозные ценности определяли специфику музыкального творчества в разные эпохи и каким образом современные исследователи классифицируют и интерпретируют эти процессы. Выводы работы подчеркивают значимость соборности, категорий прекрасного и возвышенного, а также преемственности традиции в феномене русской религиозной музыки.

Ключевые слова: русская духовная музыка, религиозная музыка, культурология музыки, церковное пение, эстетика, соборность, музыкальная традиция

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Вэй Тяньци. Феномен русской религиозной музыки в исследованиях культурологов // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11. С. 297–302. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.38>.

Original article

The Phenomenon of Russian Religious Music in the Research of Cultural Scientists

Wei Tianqi

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,
weitianqi@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0676-4419>

Abstract. This article examines the phenomenon of Russian religious music from the standpoint of cultural studies. The relevance of the topic is determined by the heightened interest in sacred music during the post-Soviet period, when ecclesiastical art experiences a phase of revival and development. It is noted that, to date, there is no single, generally accepted classification of Russian religious music, which necessitates recourse to diverse approaches and conceptual frameworks for its analysis. The aim of the study is to offer an original theoretical and analytical interpretation of this phenomenon based on contemporary research. In the course of the investigation, the historical stages of the development of Russian sacred music, its genre diversity, philosophical-aesthetic foundations, and cultural functions were identified. The study demonstrates how spiritual-religious values shaped the specific character of musical creativity in different epochs and how modern researchers classify and interpret these processes. The conclusions emphasize the importance of sobornost (conciliarity), the categories of the beautiful and the sublime, as well as the continuity of tradition in the phenomenon of Russian religious music.

Keywords: Russian sacred music, religious music, cultural studies of music, church singing, aesthetics, sobornost, musical tradition

Funding: Independent work.

For citation: Wei Tianqi. (2025) The Phenomenon of Russian Religious Music in the Research of Cultural Scientists. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 297–302. Available from: [doi:10.24158/fik.2025.11.38](https://doi.org/10.24158/fik.2025.11.38) (In Russian).

Введение. Русская религиозная (духовная) музыка представляет собой сложный и многогранный феномен культуры. Она охватывает широкий спектр явлений – от канонической богослужебной певческой практики до концертных произведений на религиозные тексты и сюжеты. Вплоть до конца XX в. сфера духовной музыки в России оставалась в тени официальной науки, однако в последние десятилетия наблюдается ее активное возрождение. Так, события 1990-х гг. ознаменовали новый этап в жизни общества и Русской православной церкви, что пробудило повышенный

интерес к изучению церковно-певческого искусства (Двинина, 2025). Одновременно обозначилась и научная проблема: отсутствие единой общепринятой классификации и терминологии для описания русской религиозной музыки (Вэй Тяньци, 2023). Многие произведения трудно однозначно отнести к церковному или светскому искусству, что осложняет их понимание и систематизацию (Двинина, 2025). Все это определяет актуальность комплексного культурологического исследования данного феномена.

В научной литературе русская духовная музыка рассматривается на стыке искусствоведения, религиоведения и культурологии. С одной стороны, она изучается как часть истории музыки и церковного пения, с другой – как выражение религиозного сознания и духовных ценностей народа. Культурологический подход позволяет синтезировать эти аспекты, трактуя духовную музыку как феномен культуры, формирующийся под влиянием духовно-религиозных ценностей (Наумов, 2012). Настоящее исследование ставит проблему выявления ключевых особенностей и смыслов русской религиозной музыки с опорой на труды современных культурологов.

Материалы и методы исследования. Основу источниковой базы исследования составили работы отечественных исследователей, посвященные различным аспектам русской духовной музыки. В их числе – статья М.А. Двининой, анализирующая историческое развитие православного певческого искусства в контексте эстетической мысли (Двинина, 2025); исследование Н.С. Решетило, рассматривающее взгляды русских религиозных философов на сущность музыкального искусства (Решетило, 2011). Для теоретико-методологического обоснования применялся подход, предложенный Н.В. Наумовым, сочетающий философско-культурологический и философско-религиоведческий анализ искусства (Наумов, 2012).

Методологически исследование опирается на принципы междисциплинарного анализа. Использован культурологический подход, рассматривающий искусство как компонент культуры, осмысляемый через призму ценностей и мировоззрения эпохи. Применяется историко-генетический метод – для прослеживания эволюции духовно-музыкальной традиции на разных этапах, а также сравнительно-аналитический – для сопоставления различных концепций и терминологий, встречающихся в исследованиях. Тексты источников подвергнуты содержательному анализу с целью выделения ключевых категорий (жанр, стиль, функция, символика и др.) и их интерпретации в рамках теории культуры. Такой комплексный подход позволил синтезировать данные из разных работ и вычленил общие положения, характеризующие феномен русской религиозной музыки.

Результаты и обсуждение. Развитие русской духовной музыки неразрывно связано с историческими трансформациями культуры и религиозной жизни. Ее истоки восходят к древнерусской церковно-певческой традиции, сформировавшейся с момента утверждения православия на Руси (Двинина, 2025). Характерно, что в домодерную эпоху сами носители этой традиции не называли ее «музыкой»: этот термин применялся только к инструментальному звучанию, тогда как пение считалось особым сакральным действием. Лишь в последней трети XVII в. под влиянием теоретиков-певчих (диакона Иоанникия Коренева, Н. Дилецкого и др.) понятие «мусикия» стало включать и церковное пение наряду с инструментальной музыкой (Бахаева, Магомадова, 2022).

Древнерусское одноголосное распевное пение, основанное на византийской традиции, представляло собой первую эпоху в истории церковной музыки (Двинина, 2025). Для нее было характерно монодийное унисонное звучание хора без сопровождения, цель которого – содействовать молитвенному настрою и духовному сосредоточению верующих.

В течение XVII столетия под влиянием общественных сдвигов начинается постепенная смена певческого канона. Русская музыкальная культура этого периода оказалась ареной противоборства старых церковных распевов и новых явлений светского происхождения. С одной стороны, продолжали процветать традиционные знаменные и партесные распевы, возникало множество местных вариантов церковных мелодий (Гладких, 2023). С другой стороны, церковные реформы патриарха Никона и политика царя Алексея Михайловича привели к усилению контроля над музыкальной сферой: были запрещены народные скоморошьи представления и уничтожались музыкальные инструменты как «не богоугодные». Однако уже к концу XVII в. в Россию проникают западноевропейские веяния – появляются первые театральные представления с музыкой (придворный театр с 1672 г.), переводятся на русский язык польские и немецкие музыкально-теоретические трактаты, осваиваются многоголосные хоровые техники. Постепенно происходит кристаллизация новой эстетики, сочетающей старые и новые начала: к XVIII в. на смену борьбе старого и нового приходит их синтез. Причем знаменательно, что основой для развития профессиональной композиции послужила именно церковно-певческая традиция – в недрах богослужебной музыки сформировался фундамент для будущей русской композиторской школы.

Петровская эпоха придала мощный импульс секуляризации музыкальной культуры, в том числе и духовной. Реформы этого периода, направленные на вестернизацию общества, коснулись и музыкальной жизни: распространились светские жанры (например, придворная опера),

многоголосное хоровое пение партесного стиля достигло расцвета. В церковных сочинениях той поры все явственнее ощущалось влияние европейской музыки – вводятся элементы многоголосной гармонии, повторения текстовых фраз по образцу католического мотета, инструментальное сопровождение (до тех пор чуждое православному богослужению). Одновременно наблюдается стремление сохранить исконную традицию: древний знаменный распев не исчез, а продолжал бытовать на периферии церковной жизни, хотя и в измененном виде.

Последняя треть XVIII в. ознаменовалась окончательным становлением национальной композиторской школы, яркими представителями которой стали М. Березовский, Д. Бортнянский, С. Дегтярёв, А. Ведель. Эти авторы создавали оригинальные образцы русской духовной музыки, синтезируя западноевропейский классический стиль с православно-певческой традицией. Их творчество развивалось под сильнейшим влиянием итальянской гармонической школы, однако в некоторых сочинениях проявилось и возвращение к старорусским канонам – строгая молитвенная настроенность, отказ от излишней концертности, подчеркнутая сакральность звучания.

Таким образом, к началу XIX в. русская духовная музыка вобрала в себя европейские художественные формы (оратория, хоровой концерт и др.), не утратив при этом своего религиозно-эстетического идеала.

На рубеже XIX–XX вв. произошел новый подъем отечественной духовной музыки, связанный с творчеством композиторов-новаторов, стремившихся возродить древние распевы и одновременно обогатить церковную музыку достижениями современного искусства. Появляются знаменитые сочинения А. Кастальского, П. Чеснокова, С. Рахманинова и других, которые исполнялись не только в храмах, но и на концертной эстраде. Тем самым размывалась грань между литургическим пением и академической музыкой: духовные концерты, всенощные, литургии звучали в залах и привлекали широкую аудиторию (Вэй Тяньци, 2023). Например, «Всенощная» С. Рахманинова – концертное по форме произведение, однако пронизанное подлинно церковным духом. Этот период можно считать кульминацией синтеза сакрального и светского начал в русской музыке.

После десятилетий забвения духовная музыка в постсоветский период вновь обрела жизнь: были возрождены богослужебные хоры, из небытия извлечены произведения дореволюционных авторов, началось активное новое творчество на духовные тексты. Сегодня русская религиозная музыка существует в разных формах – от канонического литургического пения до современных композиторских опусов на библейские сюжеты (Двинина, 2025). Этот историко-культурный путь показывает, что феномен духовной музыки динамичен, он изменялся вместе с культурой, но сохранял свою религиозную сущность.

Культурологи отмечают, что русская духовная музыка несет в себе специфические философско-эстетические смыслы, отличающие ее от светских жанров. Прежде всего, она ориентирована на выражение сакрального, трансцендентного начала. Еще в византийской традиции богослужебное пение понималось как отражение небесной литургии на Земле. Пение в храме призвано было возвышать душу, пробуждать переживание прикосновения к вечности (Пичко, 2014). Унисонное церковное пение удивительным образом рождает ощущение присутствия вечного, однако стоит лишь усложнить музыку многоголосием и внешней красочностью, как это чувство ускользает (Двинина, 2025). Таким образом, строгое однообразие древнего распева всегда воспринималось как более «ангельское», возносящее к горнему миру, нежели эффектные хоровые концерты.

В русском религиозно-философском мышлении конца XIX – начала XX вв. сформировалось представление о соборности как ключевом принципе духовной жизни, которое было перенесено и в сферу искусства (Рапацкая, 2023). Соборность подразумевает единство многих в духе любви и общей высшей ценности. Музыкальное творчество в идеале мыслится как соборное дело – результат единодушного соработничества композитора, исполнителей и слушателей, объединенных возвышенным устремлением (Решетило, 2011). Отмечается, что чем больше участников вовлечено в оживление музыкального произведения и чем сплоченнее их духовное усилие, тем полнее проявляется в звучании соборное начало (Солодовникова, 2017). Произведения, отмеченные таким духом, отличаются цельностью и гармоничностью художественной формы (Решетило, 2011). По сути, здесь музыкальное искусство понимается не индивидуалистически, а как коллективное богослужение, мистерияльный акт, где стирается грань между творцом и аудиторией – все становятся участниками единого таинства звука.

Русские мыслители видели в музыке искусство особого рода – наиболее нематериальное и потому способное непосредственно выражать духовные искания (Рапацкая, 2024).

Н.О. Лосский отмечал, что музыка сильнее других искусств передает внутреннюю жизнь человека и даже отражает иную, сверхчувственную реальность (Лосский, 1998). По его словам, музыкальный язык универсален: он обращен не только к миру чувств, но и к «гиперпсихической» жизни высших личностей и к тайнам мироздания (Пичко, 2014).

Вл. Соловьёв называл высшей задачей искусства «воплощение духовной полноты в действительности, осуществление абсолютной красоты» (Соловьёв, 1924). И достигнуть этой цели более других помогает музыка – своим иррациональным, магически действующим образом она дает предвкушение совершенного бытия (Решетило, 2011; Солодовникова, 2017).

Таким образом, в трудах религиозных философов музыка представляла как средство теургии – преображения мира через приобщение к высшей гармонии. Эти идеи вдохновляли композиторов Серебряного века на поиски «всеединства» в симфонических и хоровых полотнах. Недаром поэт Вяч. Иванов усматривал «дух соборного воссоединения» в грандиозных симфониях Л. Бетховена, мистериях А. Скрябина, где множество людей сливаются в единый мистический коллектив (Иванов, 1994).

Современные культурологи предпринимают попытки систематизировать жанровое разнообразие русской религиозной музыки. Предлагается разделять традиционные, то есть непосредственно связанные с литургической практикой (например, всенощная, литургия, тропари, кондаки и пр.), и нетрадиционные, или внеслужебные, жанры, включающие духовный концерт, ораторию на библейский сюжет, кантату, хоровое сочинение на священный текст и др. (Рапацкая, 2023). Традиционные жанры ориентированы на строгую каноничность формы и использование в богослужении, им свойственно аскетическое звучание без инструментального сопровождения и акцент на молитвенном содержании. Для нетрадиционных жанров характерно более свободное художественное развитие: композиторы раскрывают сакральный смысл текста с помощью эмоционально выразительных средств, допускается инструментальный аккомпанемент, концертность исполнения (Вэй Тяньци, 2023). Однако четкой границы между этими категориями не существует – начиная с конца XIX в. духовная музыка все чаще выходит за пределы храма, сохраняя при этом религиозное содержание. На сегодняшний день вопрос разграничения жанров остается дискуссионным. Исследователи отмечают, что многие современные сочинения находятся на стыке духовного и светского искусства, образуя особый пласт так называемой сакральной музыки, основанной на канонических текстах, но предназначенной для концертного исполнения. Н.С. Гуляницкая, в частности, вводит понятие жанра «сакральной музыки» как произведений, опирающихся на Священное Писание, или Предание, и тем самым находящихся между церковной и светской сферой (Гуляницкая, 2016).

Несмотря на трудности терминологии, можно выделить ряд существенных признаков, характеризующих феномен русской религиозной музыки. Во-первых, это текстовая основа – использование священных или духовных текстов (литургических молитв, библейских стихов, житий, канонов). Она определяет тематическое содержание произведения и его идейную направленность на возвышенное, вечное. Во-вторых, исполнительско-акустический формат: традиционно духовная музыка предназначалась для звучания в храмовом пространстве в исполнении вокального ансамбля или хора а cappella. До начала XX в. духовные песнопения не исполнялись вне церкви, но впоследствии проникли и в концертную сферу. Это изменение расширило аудиторию духовной музыки, однако поставило вопрос: остается ли она частью богослужения или превращается в особый вид художественного творчества на религиозную тему? В-третьих, функциональный аспект – духовная музыка изначально имела прикладное литургическое назначение (молитвенное сопровождение службы, воспитание благочестия у слушателей). Даже будучи перенесенной на сцену, она сохраняет воспитательную и этическую функцию, воздействуя на душу и нравственный мир человека. Как отмечают исследователи, эстетическая ценность в данном случае неотделима от духовно-нравственного идеала: красота и возвышенность звучания служат средством воспитания духа.

Наконец, одним из ключевых интегральных свойств русского духовно-музыкального искусства является преемственность традиции. Каждая эпоха вносила свои стилевые черты, однако базовые парадигмы – стремление к выражению идеалов прекрасного и возвышенного, к духовному просветлению через музыку – оставались неизменными (Двинина, 2025). Категории прекрасного и возвышенного выступают своего рода «вечными ценностями» сакрального искусства, получая уникальное воплощение в различных исторических условиях (Рапацкая, 2023). Например, в древних распевах красота проявлялась в строгой простоте мелодии и созерцательной сосредоточенности звучания. В эпоху классицизма – в совершенной гармонической соразмерности хорового концерта. В серебряном веке – в мистически возвышенной «светлой печали» православных хоровых сочинений, о которой писал А.Ф. Лосев как об эстетическом идеале русской духовной музыки (Лосев, 1990). Но при всем разнообразии форм духовная музыка разных эпох выполняла общую миссию – служила проводником высших смыслов, объединяла людей в их стремлении к Абсолюту.

Заключение. Исследование феномена русской религиозной музыки в культурологическом ключе позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, духовная музыка России предстает как уникальный сплав искусства и веры, в котором художественная форма подчинена выражению трансцендентных ценностей. Ее историческое развитие показывает сложное взаимодействие с внешними (светскими, западноевропейскими) влияниями: несмотря на заимствования и реформы, духовно-эстетическое ядро этой традиции сохранилось. Русская церковная музыка прошла путь от

монодийных византийских распевов до масштабных хоровых концертов, при этом на всех этапах стремясь воплотить идеалы красоты и духовного возрождения.

Феномен соборности – коллективного духовного единства – пронизывает собой как процесс музицирования, так и восприятие этой музыки аудиторией. В исполнении церковного пения община переживает опыт совместного молитвенного творчества, а через концертное духовное произведение большое собрание людей может быть вовлечено в единый эмоционально-духовный подъем. Тем самым русская религиозная музыка выполняет важную социально-культурную функцию: она объединяет людей на основе разделяемых ими высших смыслов, служит каналом трансляции духовного наследия нации.

Современные исследования, опирающиеся на культурологическую методологию, внесли существенный вклад в осмысление жанровой природы и эстетики духовной музыки. Они подчеркнули, что русская духовная музыка – это не реликт прошлого, а живая традиция, продолжающая развиваться и видоизменяться. Отсутствие строгой научной классификации указывает, скорее, на ее богатство и многомерность, чем на хаотичность. Каждый новый композитор или коллектив, обращающийся к религиозной теме, встраивается в цепь преемственности, где древние распевы могут неожиданно возродиться в современных аранжировках, а канонические тексты звучат на языке современной музыкальной выразительности.

Перспективы дальнейших исследований видятся нам в более глубоком междисциплинарном анализе данного феномена – на пересечении музыковедения, теологии и культурной антропологии. Это позволит полнее понять, как именно через музыкальную форму транслируется духовный опыт и какие механизмы культурной памяти обеспечивают живучесть духовно-музыкальной традиции.

Практическая значимость изучения русской религиозной музыки состоит и в том, что она способствует возрождению национальной культуры, укреплению духовных основ общества. Таким образом, феномен русской религиозной музыки остается неисчерпаемым источником вдохновения и предметом пристального внимания как музыкантов-практиков, так и исследователей-культурологов.

Список источников:

Бахаева Л.М., Магомадова Т.Д. Теоретико-методологические основы формирования речи учащихся с позиции культурологического подхода // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 91, № 2. С. 120–124. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2022-91-2-120-124>.

Вэй Тяньци. Подходы к классификации русской религиозной музыки: жанровое разнообразие, функции, исполнительская культура: к постановке проблемы // Культура мира. 2023. Т. 11, № 35 (6). С. 89–98.

Гладких З.И. Антропологические и культурологические ориентиры в педагогике музыкального образования // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 1 (65). С. 114–122.

Гуляницкая Н.С. «Внелитургические» жанры современной духовной музыки: панорамный обзор // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2016. № 26. С. 340–344. EDN UKYYAN.

Двинина М.А. Исторические аспекты развития русской духовной музыки в свете эстетической мысли // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. № 4 (126). С. 138–150. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-138-150>.

Иванов В.И. Родное и вселенское. М., 1994. 428 с.

Лосев А.Ф. Основной вопрос философии музыки // Советская музыка. 1990. № 12. С. 66–69.

Лосский Н.О. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. М., 1998. 412 с.

Наумов Н.В. Теоретико-методологические принципы философско-культурологического и философско-религиоведческого подходов к исследованию искусства // Система ценностей современного общества. 2012. № 24. С. 14–18.

Пичко Н.С. Религиозно-музыкальное пространство и православный храм как прообраз мистериального в культуре // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. № 1 (135). С. 191–203.

Рапацкая Л.А. «Русская европейскость» как методологическая проблема педагогики музыкального образования // Музыкальное искусство и образование. 2023. Т. 11, № 3. С. 9–25. <https://doi.org/10.31862/2309-1428-2023-11-3-9-25>.

Рапацкая Л.А. Русская культурная традиция как основа преобразования отечественного музыкально-педагогического образования: «духовная очевидность» // Музыкальное искусство и образование. 2024. Т. 12, № 2. С. 9–23. <https://doi.org/10.31862/2309-1428-2024-12-2-9-23>.

Решетило Н.С. Соборность музыки в русской религиозной философии конца XIX – начала XX века // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 1 (39). С. 80–81.

Соловьев В.С. Общий смысл искусства // От символизма до «Октября». М., 1924. С. 5–14.

Солодовникова Н.В. Философско-культурологический анализ семейно-бытового уклада: поиск новых концептуальных подходов // Новая наука: от идеи к результату. 2017. № 1-3. С. 198–201.

References:

Bakhaeva, L. M. & Magomadova, T. D. (2022) Theoretical and Methodological Foundations of the Formation of Students' Speech from the Perspective of a Culturological Approach. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 91 (2), 120–124. Available from: [doi:10.18522/2070-1403-2022-91-2-120-124](https://doi.org/10.18522/2070-1403-2022-91-2-120-124). (In Russian)

Dvinina, M. A. (2025) Historical Aspects of the Development of Russian Sacred Music in the Light of Aesthetic Thought. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. (4 (126)), 138–150. Available from: [doi:10.24412/1997-0803-2025-4126-138-150](https://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-4126-138-150). (In Russian)

- Gladikh, Z. I. (2023) Anthropological and Culturological Reference Points in Pedagogy of Music Education. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. (1 (65)), 114–122. (In Russian)
- Gulyanitskaya, N. S. (2016) "Vneliturgicheskie" zhanry sovremennoi dukhovnoi muzyki: panoramnyi obzor ["Extra-liturgical" genres of modern sacred music: a panoramic overview]. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. (26), 340–344. EDN YKYYAN. (In Russian)
- Ivanov, V. I. (1994) *Rodnoe i vselenskoe [Native and universal]*. Moscow. 428 p. (In Russian)
- Losev, A. F. (1990) Osnovnoi vopros filosofii muzyki [The basic question of the philosophy of music]. *Sovetskaya muzyka*. (12), 66–69. (In Russian)
- Losskii, N. O. (1998) *Mir kak osushchestvlenie krasoty. Osnovy estetiki [The world as the realization of beauty. Fundamentals of aesthetics]*. Moscow. 412 p. (In Russian)
- Naumov, N. V. (2012) Teoretiko-metodologicheskie printsipy filosofsko-kulturologicheskogo i filosofsko-religiovedcheskogo podkhodov k issledovaniyu iskusstva [Theoretical and methodological principles of philosophical, cultural and philosophical-religious approaches to the study of art]. *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva*. (24), 14–18. (In Russian)
- Pichko, N. S. (2014) Religious and Musical Space and the Orthodox Church as a Prototype of Mysteriological in Culture. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya*. (1 (135)), 191–203. (In Russian)
- Rapatskaya, L. A. (2023) "Russian Europeanness" as a Methodological Problem for Musical Education Pedagogy. *Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie*. 11 (3), 9–25. Available from: doi:10.31862/2309-1428-2023-11-3-9-25. (In Russian)
- Rapatskaya, L. A. (2024) The Russian Cultural Tradition is the Basis for the Transformation of Russian Musical and Pedagogical Education: "Spiritual Obviousness". *Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie*. 12 (2), 9–23. Available from: doi:10.31862/2309-1428-2024-12-2-9-23. (In Russian)
- Reshetilo, N. S. (2011) Sobornost' muzyki v russkoi religioznoi filosofii kontsa XIX – nachala XX veka [The conciliarity of music in Russian Religious philosophy of the Late 19th – early 20th century]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. (1 (39)), 80–81. (In Russian)
- Solodovnikova, N. V. (2017) Filosofsko-kulturologicheskii analiz semeino-bytovogo uklada: poisk novykh kontseptual'nykh podkhodov [Philosophical and cultural analysis of family and everyday life: the search for new conceptual approaches]. *Novaya nauka: ot idei k rezul'tatu*. (1-3), 198–201. (In Russian)
- Solov'ev, V. S. (1924) Obshchii smysl iskusstva [The general meaning of art]. In: *Ot simbolizma do "Oktyabrya"*. Moscow, pp. 5–14. (In Russian)
- Wei, T. (2023) Approaches to the Classification of Russian Religious Music: Genre Diversity, Functions, Performing Culture: to the Problem Statement. *Cultural World*. 11 (35 (6)), 89–98. (In Russian)

Информация об авторе

Вэй Тяньци – аспирант Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия.

Конфликт интересов:

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Wei Tianqi – PhD student at Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia.

Conflicts of interests:

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.11.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.12.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

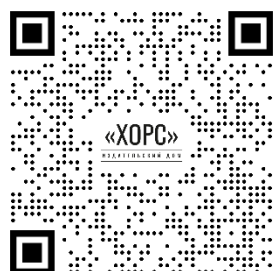

График выхода журнала

Редакционная этика

Политика рецензирования

Порядок и условия публикации

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ОБЩЕСТВО: ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

Оригинал-макет: К.Г. Угулава
В.А. Петриченко

Сдано в набор 16.12.2025
Подписано в печать 17.12.2025
Дата выхода 17.12.2025
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная
Печать трафаретная. Тираж 550 экз. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «ПринтТерра»
Заказ №

г. Краснодар, ул. Садовая 161/2, литер 2, оф. 511
тел./факс: 8 (861) 217-75-17
e-mail: printterra@inbox.ru

Подписка в любом почтовом отделении.

Подписной индекс 11282 – по каталогу “Пресса России”